

Титановый бардак

Квинтус Номен

Один человек не может знать всё. Поэтому лучше всего попадать в коллективе — но и коллектив при этом лучше выбирать правильный. И материально обеспеченный: практика показывает, что попаданец, материально не обеспеченный, идет к мировому господству слишком долго. А время не ждет!

Петруха посмотрел на небо и немного удивился: таких туч видеть ему еще не приходилось. Точнее, что-то похожее он видел, в детстве, когда возвращаясь от приятеля на электричке, проезжал мимо Сергиева Посада. И тогда освещенная ярким летним солнцем Лавра на фоне практически черной тучи казалась вышедшей из сказки — но теперь такая туча полностью закрывала небо. Настолько плотно, что Петруха с трудом подавил желание фонарик включить — казалось, что под густой кроной столетнего ельника наступила ночь.

Но удивление ему все же не помешало выполнить команду товарища Сухова, и он быстренько перекидал сваленные на полянке вещи в палатку. Оглядевшись еще раз и убедившись, что снаружи ничего не осталось, он опять приготовился отдохнуть, однако подбежавшая Гюльчатой имела, очевидно, свои взгляды на ситуацию:

— Мальчик, ты что, спятил? Вещи свалил в кучу в тамбуре, при нужде ни залезть в палатку быстро не получится, ни выскочить из нее быстренько?

— При какой нужде? Мы же обед походный еще даже готовить не начали! — попытался схохмить Петруха.

— А небо посмотри! Если к этим тучам шквал добавить, то я не удивлюсь, если деревья падать начнут!

— Эти? — с деланным удивлением поинтересовался парень, указывая рукой на окружающие палатку вековые ели. — Если их шквал начнет валить, то он сначала палатку вместе с нами сдует обратно в город!

Подбежавшие к палатке Саша и Оля быстренько — вопреки предсказанию Гули — забрались внутрь, укрываясь от начинающегося дождя, за ними последовали Вася с Ирой, а вот Валера и Аня остановились рядом, с улыбками слушая начинающуюся перебранку. Причем Петруха подозревал, что они собираются посмеяться над ним — так как обычно распоряжения Гюльчатой никто оспорить не мог. В палатку они явно не спешили: несмотря на то, что дождь, похоже, пошел уже всерьез, под ёлками пока было сухо. Однако обсуждение того, как нужно грузить вещи в палатку, пришлось прервать: подбежавший Валентин — уже мокрый насквозь, так как к машине ему пришлось бежать по открытому месту, скомандовал:

— Быстро лезьте и перекладывайте вещи как хотите уже внутри, там ливень такой что нас и ёлки не спасут!

Однако выполнить его распоряжение не получилось: яркая вспышка озарила небо... и не только небо, Петрухе показалось, что даже воздух вокруг вспыхнул ярким пламенем. Он успел подумать, что это, наверное, молния прямо в ёлку ударила, причем именно в ту, под которой он палатку и поставил — но грома он так и не услышал...

Характер нордический, стойкий...

«Клуб антисказочников» как-то сам «организовался», но Валька Сухов к этой организации был более чем причастен, и считался его «председателем». Правда Гюльчатая называла его не иначе, как «клуб профессиональных зануд», но в экспедиции ходила с удовольствием — вот уже второй год ходила. Но — как «профессиональная зануда» — говорила, что она всего лишь следит за здоровьем супруга...

Формально «клуб» нигде и никак не регистрировался, однако в его работе принимали участие многие десятки человек: уж больно интересным было то, чем в нем люди занимались. И люди эти были очень разными, да и жили они в очень разных городах, настолько разных, что большинство из них даже лично знакомы не были — однако «интернет объединяет» людей даже из разных стран. Из очень даже разных, поэтому-то начальство Петра Евгеньевича Климова всячески «поощряло» его юношеское увлечение: ведь одним из финансовых спонсоров клуба был какой-то мутный мужик из Австралии, а в экспедициях «антисказочники» иногда обнаруживали такое, что категорически рекомендовалось «не разглашать». Вот и четыре года назад, когда Петр в первый раз пошел в экспедицию, они нашли... дядька сказал, что лет через пятьдесят результаты поиска рассекретят. Может быть...

Собственно, поэтому же, когда Петя подписывал очередной рапорт у начальника, тот лишь поинтересовался:

— Говорящую печку разоблачать едете?

— Нет, с ней уже разобрались, китайцы все исправили.

— Тогда куда на этот раз?

— На Кудыкину гору, — расплылся в улыбке старший лейтенант, но, увидев на лице начальника недоумение пополам с возмущением, поспешил пояснить:

— Так туземцы этот бугор называют. То есть чаще называют матерно, но мы решили использовать приличное название. Там вроде климат поменялся... то есть не то, чтобы климат, но дожди как раз над холмиком усиленно лить начали... в последние пару лет вроде.

— Непохоже на вас: всего лишь климат поменялся, а вы уже суетитесь. А что сами местные говорят?

— Ничего не говорят, там поблизости одна крошечная деревушка с тремя десятками стариков и старух. Однако даже древние старушки, когда за грибами ходят, с собой ружья берут.

— Это почему?

— Говорят, волков много развелось.

— Тогда и ты ружье возьми, при случае мне шкуру волка привезешь, я ее на даче на диван постелю...

Когда начальником работает родной дядька, можно себе позволить некоторые вольности. В разговоре, например — но в конторе при выполнении работы вольностей обычно не допускалось. А если принять во внимание тот момент, что даже отпуск зачастую является несколько специфическим видом работы... Впрочем, невинные шутки при работе под запретом не были. Тем более, если шутить помогают добрые товарищи по работе...

Вообще-то «антисказочники» искали разные «необъяснимые явления», причем многожды подтвержденные «из независимых источников». А когда находили (и если какие-

то свидетели обещали «явления» показать вживую), то ехали в экспедицию и «явления» объясняли простыми словами (в крайнем случае используя цитаты из школьных учебников для тех, кто в школах учился плохо).

Нынешняя экспедиция поехала «объяснять» якобы резко участвовавшие грозы возле «заколдованной горы» неподалеку от города Боровичи, а об учащении гроз сообщила местная учительница истории (и, «по совместительству», руководитель школьного краеведческого музея). Правда в этом году Валя в Новгородскую область экспедицию устраивать не намечал: Вася Лукьянов, обычно обеспечивающий группы транспортом, предупредил, что в этом году его «ласточка» временно превращается в недвижимость, а точнее, он ее с родного Урала, где она обычно зимовала у Васиного отца, перегоняет в Гомель для капитального ремонта. Однако Света — та самая учительница — сказала, что она нужный транспорт обеспечит, так что все решили скататься на Кудыкину гору, тем более что намеченное ранее «разоблачение чуда» само разоблачилось.

И Света транспорт обеспечила. На вопрос Петра «как искать машину у вокзала» она, хмыкнув, ответила, что они ее сразу заметят. И действительно, не заметить Светин автомобиль было сложновато: «Газель»-фургончик, с красной полосой в задней части кузова, на которой проглядывалась надпись «скорая медицинс», выделялся гнусно-серой сдвижной дверью, а вот пассажирская дверь кабины была ярко-желтой. При том, что капот вообще с одной стороны был темно-синий, а с другой интенсивно-голубой. Петя не поленился, обошел машину — и увидел, что водительская дверь была зеленой, а правая створка задней двери вообще оранжевой.

Света, увидев повышенный интерес Петра, пояснила:

— Это не моя машина, а школьная. В городе старую скорую помощь списали, а наш завхоз договорился, чтобы ее школе передали, для экспедиций краеведческих или перевезти чего. У него племянник на фирменном сервисе в Новгороде работает, вот с битых машин целые детали он и подобрал сюда. Тут даже двигатель практически новый, так что машинка еще долго пробегает. А на покраску у школы денег нет...

— А с родителей собрать? Это же недорого выйдет, если...

— Наш завхоз ее принципиально красить не хочет: такую хрен кто угонит, а у нее водительская дверь принципиально не запирается. Да и в районе ее вся полиция знает, меня даже при мелких нарушениях никто не останавливает...

Сам Петя приехал «своим ходом», а остальные подъехали на поезде примерно через час. И сначала все поехали в гости к Свете: она, посмотрев на Петин «джип», сообщила, что он «до точки не доедет», пояснив, что ее «скорая» делалась «для деревни», а поэтому полноприводная, и предложила лейтенанту оставить машину в ее гараже. По дороге к этому гаражу Петя понял, что «вся полиция знает» все же не «Газель», а саму Светлану: ее на въезде в город тормознул капитан-гаец, и когда Петр поспешил на выручку, он услышал диалог, поставивший все на свои места:

— Светлана Юрьевна, все говорят, вы сейчас в экспедицию едете?

— Ну да.

— Моего оболтуса не возьмете? Я за ним сейчас заскочу, через десять минут готов будет.

— К сожалению нет. Со мной специалисты из Москвы едут, в машине просто места нет.

— Жалко... но вы в следующий раз моего все же захватить сможете?

— Недели через две снова поеду, пусть готовится...

А когда Петя загнал машину в гараж, Светлана сообщила женщинам, что они могут пока воспользоваться душем, потому что еще с час уйдет на плотный завтрак, пропускать который нельзя: ехать еще долго, поэтому обед будет поздний...

Еще она, с Петиной подначки, съездила с ним в «Пятерочку», где парень «слегка» затарился продуктами. Причем, что его весьма повеселило, девушка в магазин поехала уже переодевшись в походную куртку и штаны с десятком карманов на самых неожиданных местах, но такой её прикид почему-то не вызвал ни у покупателей, ни у продавцов в магазине ни малейшего ажиотажа. А когда все грузились уже в машину, она вышла из дома с ружьем в руках. И Петру поначалу показалось, что Светлана в руках держит мосинку, но, приглядевшись, он увидел множество «мелких отличий» и успокоился.

В конечном итоге выехать получилось часов в одиннадцать, и Петр, и до этого прихватив часок на диванчике на веранде Светиного дома, пару часов проспал и в «Газели». Впрочем, за это именно его заставили тащить тяжеленную палатку от того места, до которого машина все же смогла доехать, до планируемого лагеря...

Правда смогла она доехать все же «с приключениями»: где-то через час после выезда мотор как-то с перебоями работать стал. Но Свету это вообще не смутило: она машину остановила, полезла под капот и быстренько поменяла свечу, пояснив сидящей рядом Оле:

— Мотор-то практически новый, но свечи маслом засирает постоянно, а еще раз его перебирать мне лень...

— Так на свечах и разориться так недолго, — отозвалась та, глядя, как Света вынутую свечу аккуратно запихивает в полиэтиленовый пакетик. — Или школа их оплачивает?

— А потом догоняет и еще доплачивает, — усмехнулась та. — Я просто пару запасных с собой таскаю, а дома у меня для них чистилка есть, в Израиле делают, вроде как для очистки вещей в быту. Но народ заметил, что эта гадость даже позолоту с пластмассовых ручек на мебели смывает...

— А она не канцероген часом? — поинтересовалась из салона услышавшая этот разговор Аня.

— Не знаю, но если в неё сунуть грязную свечу на пятнадцать минут, то вынимается свеча уже как новенькая. Да и обычно этим завхоз занимается... но я ему на всякий случай ваши слова передам.

Гульнара Халматовна Халилова в медицинский поступила «по зову сердца», а вот военной медициной она занялась по семейной традиции: военными врачами были и ее прадед, и дед, и отец. Причем традиции в семье были весьма наглядными: прадед получил первое «Красное знамя» в Туркестане (правда еще до того, как молодой орденосец решил выучиться на врача), второе — в Отечественную, как и дед. Отец, как он сам любил шутить, «Знамя» получил «на ташкентском фронте», проработав всю афганскую войну в госпитале в Ташкенте... ну и в некоторых его «филиалах» тоже. Причем на парады отец надевал не свой орден, а первый орден прадеда: «дед сейчас не с нами, но хоть орден его должен выйти на парад», а когда отца не стало, лейтенант медицинской службы Халилова орден прадеда все время носила с собой: «хирурги Халиловы даже покинув нас, помогают раненым». Из Сирии капитан Халилова вернулась с орденом Пирогова на кителе и прадедовым «Знаменем» в его кармане. И с назначением в провинциальный Ковров.

Потом несколько месяцев работы «на ленточке», где в лечащего врача, как это постоянно случается, влюбился капитан-пехотинец Сухов, а двадцативосьмилетняя врачиха, как это случается исключительно редко, ответила ему взаимностью. И даже выбила ему

перевод в «родной» ковровский госпиталь, когда срок ее службы «там» закончился. Впрочем, сама Гуля говорила, что выбрала капитана исключительно из-за шикарной квартиры...

Потому что несемейному офицеру — и даже врачу-орденоносцу — лучшее, что смогла предложить армия (хотя как бы и «временно»), была комната в офицерском общежитии. Где ее и навестил руководитель далекого чеченского села, девятерых парней из которого военхирург Халилова вернула из Сирии домой в здоровом и относительно целом виде. Навестил, поблагодарил (устно), даже здоровенный букет цветов преподнес. А спустя три месяца (выяснив, что и в других селах есть много «крестников» этой девушки), он приехал чтобы подарить ей великолепную пятикомнатную квартиру в центре города: жители всех этих сел, извещенные «о бедственном положении врача», скинулись кто сколько смог. А смогли они очень немало: хватило и на квартиру, и на шикарную ее отделку — но зачем одинокой женщине квартира, если нет рядом того, кто может в ней полочку повесить? Так что миниатюрная узбекская девушка (миниатюрная рядом в Валькой: сто семьдесят три роста и личный рекорд в жиме сто двенадцать килограмм — ведь хилые военврачи просто не выживают) с удовольствием пошла в ЗАГС со все еще немного хромящим капитаном в отставке. А когда она, после того как Валентин ответил на вопрос сотрудницы ЗАГСа «да», прокричала всем известную фразу, даже коллеги в госпитале её называли исключительно «Гюльчатой».

Так что орден Мужества получила уже майор Сухова, в один день с Валькой получила.

А Валентин устроился на завод имени Дегтярева, ведь он до армии успел закончить СТАНКИН. И всего за год работы на заводе догнал жену по числу орденов: за разработанным им (вместе с тремя другими инженерами) машину, делающую ствол к Корду или к КПВ почти втрое быстрее, чем это делалось раньше, его — вместе с товарищами, конечно — наградили орденом Почета. Причем не столько за быстроту нового производственного процесса, сколько за то, что теперь ствол КПВТ производил до трехсот выстрелов подряд без смены этого самого ствола...

Однако в семье Валя признавал старшинство жены, ведь его комиссовали капитаном, а Гуля была уже майором — и это «старшинство» как-то совершенно естественно распространилось и на деятельность клуба «в поле». Впрочем, распоряжения Гули исполнялись беспрекословно как раз потому, что они касались исключительно здоровья, санитарии и гигиены. И ее суждения по этой части сомнениям не подвергались...

Уже после свадьбы Оля, все же профессионально занимающаяся в числе всего прочего и статистикой, сообщила мужу, что если мужчину с фамилией Суворов и отчеством Васильевич зовут не Александром, то это значит, что у него есть старший брат с таким именем. Оля тоже была «профессиональной занудой», и когда все же нашла человека, не подходящего под ее формулу, она не успокоилась до тех пор, пока не выяснила, что у товарища фамилия по отчиму, и он получил ее в шестилетнем возрасте. То есть для членства в «клубе профессиональных зануд» она подходила идеально, хотя и узнала о нем лишь весной, когда Валентин Сухов обратился к ее мужу «за справкой». Муж, как раз Александр Васильевич Суворов, был по образованию геологом, и, используя свои знания, предположил, что молнии лупят в месторождение железной руды, а если исходить из геологической карты района — то, скорее всего, в крупную залежь пирита. А затем принял предложения Валентина «доказать это на местности». Тем более, что «все расходы» ребята брали на себя — так почему бы и не отдохнуть на природе да еще юность вспомнить? Ведь геолог Суворов

вот уже четвертый год лето проводил не в полях, а в московском офисе...

Смирновы в клубе состояли практически с его основания, и во все экспедиции ходили. Когда Валя записался добровольцем и воевал, Валера даже парочкой экспедиций лично руководил (и именно он обнаружил... то, что никто не видел и даже не слышал о таком). По Российским полям и лесам и он, и Аня гуляли с огромным удовольствием — поскольку отдых на природе был очень полезен для здоровья, которое несколько подрывалось специфической работой на заводе в Электростали. Ведь то, с чем приходилось работать Валере, здоровья не добавляло, а уж его жена-химик... в общем, оба с удовольствием на природе копали и таскали, полной грудью вдыхая свежий воздух.

«В мирной жизни» Вася Лукьянов работал простым сварщиком, чему совершенно не мешало высшее его образование. Потому что варить ему приходилось довольно экзотические металлы, и не руками, а с помощью очень непростых роботизированных комплексов. Которые он сам и разрабатывал, и за которые он даже Государственную премию получил. Получил — и тут же потратил, купив в Белоруссии «мечту детства» — хотя и «демилитаризованный», но БРДМ-2. Ну а так как варить он умел не только «экзотические металлы», но и обычную сталь, этот «бардак» как-то быстро превратился в очень комфортабельный восьмиместный вездеход, несколько лет использовавшийся в качестве основного транспортного средства в «занудных» экспедициях. Вот только даже «советское — значит отличное» со временем все же изнашивается, и этим летом пришлось машинке отправиться в дружескую республику на капремонт. Что, впрочем, не помешало и ему, и Ирине, снова «выйти в поле».

А жена его была дамой очень непростой: выросшая в очень обеспеченной семье, по настоянию матери после школы начала учиться на искусствоведа в ГИТИСе. И, посещая в рамках учебной программы разные выставки и концерты со спектаклями, случайно встретила с Васей. Резко так встретила, настолько резко, что уже через два месяца после встречи стала носить Васину фамилию. А следующим летом она, забрав документы из ГИТИСа, поступила в МАИ (понятное дело, на первый курс). Объяснив это просто: «пуст муж и на работе делает то, что жена скажет». Причем это в ближайшем времени могло стать реальностью: Ирин отец, обрадованный решением дочери, договорился с руководством МАИ, что «цельнотитановый» бизнес-джет, спроектированный дочерью в качестве курсового проекта, станет уже дипломным для двух факультетов, а воплощать его будут как раз на заводе, где работал Вася. Всерьез воплощать, для машины даже двигатели были заказаны в Рыбинске, так что Ирина — к некоторому Васиному недовольству — даже в экспедиции больше занималась «доведение конструкции», чем обычными экспедиционными работами. То есть собралась заниматься — однако какая-то паршивая молния резко изменила ее планы...

Не услышав грома Петр на секунду подумал, что оглох, однако вопрос Гули «какого хрена тут происходит» он услышал, и предположение свое отверг. Но удивился, когда Света сказала, что «а на тебе-то никакой тучи нет», поскольку если и посветлело вокруг, то лишь слегка. Гуля, отойдя на пару шагов и посмотрев на это небо сквозь просветы в лесной кроне, тоже с большим удивлением констатировала, что туча больше не наблюдается. Однако ее последующие слова буквально вогнали его в ступор:

— И вообще, такое впечатление, что сейчас лишь рассветает...

— Дамы, идите в жопу, — как можно вежливее ответил Петр, вытащив из кармана телефон и уточнив время, — сейчас, как и было, без нескольких минут три. А если уж к

деталюм придирачься, то два... четьрнадцать часов пятьдесят две минуты.

— И тем не менее небо выгядит так, как будто едва рассветаёт.

— Нас что, молния в бессознанку на полсуток отправила? Наверное из-за этого мы и грома не слышали: просто гром был, но мы его не восприняли.

— Вдесятером сознание потеряли и одновременно очнулись? Такого в принципе быть не может, — высказала Гуля свое профессиональное медицинское мнение.

Саша, выйдя из палатки и оглядевшись, высказался более конкретно:

— Надо валить отсюда, тут наверняка под холмом залежь пирита и молнии от этого сюда лупят. А словить еще одну мне что-то не хочется.

— Всем не хочется, — ответила Гуля, — но ведь до той охотбазы вроде недалеко?

— Минут пять езды... только я что-то машину нашу не наблюдаю, — ответил Петруха.

— Это Пенёк, сволочь такая, машину угнал, кроме него больше некому, — сообщила Светлана. — Только он скорее всего ей на охотбазе и бросил, так что придется нам пешком...

— А это далеко? — спросил Петр, ведь в дороге он всё проспал.

— Около двух километров, — сообщила Света, тыкая пальцами в телефон. — Ну вот, опять на базе вышка накрылась. Валентин Николаевич, вы с опушки озеро видели?

— Видел.

— Значит быстро дойдем. Давайте что ли складываться, на базе есть проводной телефон, так что дозвонимся в город оттуда, раз уж сотовая связь упала. И, наверное, большую часть вещей можно до базы не тащить, мы же, если потребуется, сюда за полчаса вернемся?

Однако последнее Светино предложение народ не поддержал, так как Саша сказал, что если молния лес подожжет, то хрен чего спасти получится. Разве что две упаковки с газировкой тащить не обязательно...

Упаковывались быстро и сосредоточенно, правда, когда Петя выругался сквозь зубы, пытаясь пристроить на плечах двадцатикилограммовую палатку, Саша ее отобрал и запихнул в свой рюкзак, откуда высыпал все остальное:

— Нормальный геологический набор весит тридцать пять-сорок килограммов, так что я знаю как такое таскать, — отметил он, а свои вещи, засунутые в рюкзак жены, он взгромоздил себе на грудь: — но правильно груз носить в двух мешках для равновесия, — добавил он. А Валентин, посмотрев на то, как Света пытается пристроить свое ружье поверх немаленького рюкзака, забрал его себе: — Я к оружию привычный, к тому же сейчас ружье лучше иметь наготове.

— Тогда и патроны возьмите, — Света из какого-то кармана своих экзотических штанов вытащила пригоршню патронов и добавила: — в магазин только три влезает, но у меня и патронов только восемь штук. Импортные к ружью не подходят, а наши только гильзы продают, самим набивать их надо, а я не умею. Эти дед еще набивал...

Ружье Валя тащил все же в руках не из-за потенциальных хищников: в довольно компактном рюкзаке он тащил тяжеленный геологический прибор, которым Саша собирался исследовать холм. И который Саша даже не пытался тащить сам, поскольку он на две части не разбирался, так что ценный груз пришлось тащить «самому сильному члену коллектива». Вообще-то девайс не предполагалось долго и далеко таскать, и Валя лишь порадовался, что геологические умельцы придумали для него очень удобный рюкзак.

В конце концов все нагрузились как ослики — и Света лишь тихонько хихикала про

себя, глядя, как Петр тащит, кроме рюкзака и пары сумок, еще и щегольский кожаный «дипломат», смотревшийся здесь крайне неуместно. Но так как все остальные внимания на чемоданчик не обращали и вообще, похоже, считали его вещью, в лесу остро необходимой, девушка старалась свое веселье в открытую все же не проявлять. Да и смеяться было все же несколько трудновато: она, как и Аня, кроме вещей в рюкзаках тащила в напузных сумках «маленькие радиостанции». Совсем маленькие: изделия суровой китайской военной промышленности весили почти по десять килограмм, а прямоугольные железяки ощутимо впивались в тело даже через подложенные под них спальники...

Полтора километра по густому лесу прошли быстро: под огромными елками поросли почти не было и идти по усыпанной опавшей хвое было легко. Но когда все вышли на опушку и увидели стоящие ближе к озеру домики, Света схватила Петю за руку так, что тот едва не выматерился от боли. Но все же опыт «экспедиций» у него уже был, и он лишь поинтересовался:

— Светлана, вам нехорошо? Давайте-ка мне ваш рюкзак...

— Что-то база, мне кажется, выглядела несколько иначе, — заметила Оля.

— Это не база, — слабым голосом сообщила Света, — это Задние Выселки. Я на фотографии её видела.

— А тут телефон есть? — решил уточнить Валя.

— Нет. Задние Выселки сгорели в тридцать четвертом году...

— Я в тридцать четвертый ехать вроде не собирался, — с сомнением в голосе сообщил окружающим Вася.

— Это не тридцать четвертый. Деревня сгорела ранней весной, так что...

— Это мы, возможно, вообще век так в девятнадцатый попали или даже раньше? — попытался пошутить Саша.

Но данный вопрос внезапно пробудил в Светлане краеведа, так что девушка хорошо поставленным голосом пояснила, что деревеньку поставили в восемнадцатом году трое вернувшихся с фронтов солдат, не желающих больше воевать. Ни за красных, ни за белых, ни за мировую революцию и даже за права трудового народа. Но в двадцать втором, после принятия Земельного кодекса, двое деревенских мужиков вместе с семьями куда-то свалили, и в Выселках остался лишь одинокий пасечник, которого власть даже налогами обложить не смогла...

Пока Света рассказывала историю деревеньки, из избы вышел мужик в белой рубашке, поглядел на опушку, где особо выделялась ярко-оранжевая Олина куртка, и снова вернулся в дом.

— Есть мнение, что стоит зайти в деревню и попросить того мужика развеять наши бредни, — высказался Вася, но когда «экспедиторы» подошли к деревушке поближе, давешний мужик вышел из избы, держа в руках винтовку. Правда, вблизи стало видно, что рубашка на самом деле рубашкой не была, и даже белой не была — а была вылинявшей до белизны гимнастеркой. А ружье тоже ружьем не было, и мосинку, как отметил про себя Петр, мужик держал профессионально...

— Эй, вы кто? — хриплым голосом спросил он гостей, с подозрением глядя на Петину кожаную куртку.

— Туристы мы, из Москвы приехали, — ответил Валя.

— Туристы? Это налоговые?

— Нет, мы сами по себе... — начал отвечать Валентин, но его прервала Света:

— Митрофан Данилович? — вдруг обратилась она к мужику.

Мужик внимательно посмотрел на девушку, наморщил лоб:

— Я тебя знаю?

— Нет, я из Боровичей... учительница.

— А, городская... не знаю, — немного расслабился тот. — Мёд, значит, любишь? Но вы, городские, все же бестолковые: рано еще за медом-то, надо в крайнем разе в июле приезжать. Пстой, а этот говорит, что из Москвы... а... фроловка у тебя, а я было подумал винтовка. Не налоговый, значит...

— Так и я не за медом, просто гостям пошла природу нашу показывать. И заблудилась... — а затем, что-то видимо придумав, добавила: — А лодку мы потопили.

— Лодку в Устреке брали?

— Нет, в Удино.

— В Удино, говоришь... — пробормотал мужик, явно успокаиваясь: похоже, вопрос он задал лишь для того чтобы выяснить, действительно ли девушка из местных, — тогда оно и понятно, у них все лодки, почитай, гнилые. То-то я гляжу, этот вон вологлый еще весь, — он показал на Валентина, куртка которого еще не до конца просохла. — Просушил бы ты ее сперва у костра, свежо ведь утрами-то.

— Да уж, прохладно тут, не май месяц, — усмехнулся Валя, обрадованный тем, что разговор перешел в мирное русло. Собеседник его даже винтовку свою на плечо перевесил.

— Как же не май? — удивился было мужик, но затем, опять посмотрев на гостей исподлобья, пробормотал: — Ну да, по новому-то, небось, июнь будет. Второе, или третье даже... — он задумался.

Петя, воспользовавшись моментом, поспешил уточнить:

— Митрофан Данилович, а ты хоть какой год нынче, помнишь?

— Год-то двадцать шестой, а ты со мной так не шути: я-то последний раз с людьми всерьез встречался когда осенью мёд продавал. Тут не то что число забудешь...

— Да это я так, пошутил неумно, — поспешил оправдаться Петя. — А вот насчет подсушиться...

— А вы вон в избу идите, — он указал рукой на дом, но не на тот, из которого вышел сам. — Это Степанова изба, он, когда уезжал, просил присмотреть, так что там сейчас все прибрано. А Митяй не просил, — он махнул рукой на третью избу, — там, небось, истлело все... Да, вы, небось, голодные?

— Есть немного, — начал было Саша, но Гуля его прервала: — Но еда у нас есть, сейчас сами сготовим...

— Тогда, если дрова у Степана пожжете, из лесу потом принесите. Я ему обещал, что все хорошо с домом его будет...

Во дворе указанного дома нашлась выложенная из кирпича летняя печка «без верха», а в сенях нашлась к ней и чугунная плита.

— Ну чего, с шашлыка начнем? — Аня явно устала тащить кроме рюкзака еще и две больших упаковки шашлыка в сумках.

— Это без вариантов, холодильников-то здесь нет. Но сначала воды вскипятим в котелке, — наметила планы Гуля, — и, думаю, надо бы этого Митрофана к столу обязательно пригласить.

— И знакомство с предком отметить, — невесело добавил Петя. В «Пятерочке» он, кроме газировки, шашлыка и картошки, приобрел несколько бутылок «Московской»: слышал

где-то, что Петрозаводского разлива она лучшая, а тут ее и встретил.

— Я бы сохранила водку как медикамент, — заметила Гуля, но Валя резко, что случилось крайне редко, возразил:

— За знакомство выпить не помешает, ведь нам придется этого мужика и о помощи просить когда-то, причем наверняка очень скоро придется. А водки Петруха сколько купил, четыре бутылки?

— Четыре, по ноль-семьдесят пять. Если одну употребить, то и по сто грамм на рыло не выйдет...

Приглашение мужик не сразу, но принял, причем принес «к столу» большой чугунок вареной картошки и небольшой горшочек мёду. А затем, когда мужчины хватанули по стопке (женщины не пили, поэтому мужчинам досталось больше, чем по сто грамм), долго матерно ругал большевиков, обзывал всячески (но уже не матерно) каких-то мужиков из соседнего села, затем рассказывал, как он героически воевал с германцем и под конец сбегал домой и вышел в чуть менее вылинявшей гимнастерке с Георгиевским крестом на груди. А когда уже все было съедено и выпито, он — выяснив, что «экспедиция на всё лето намечалась» — предложил всем остаться в деревушке, пообещав «помочь с обзаведением» и ушел спать:

— Вы тут подумайте маленько, а я пока вздремну. А потом вместе решим, что вам на обзаведение потребно будет...

Без бумажки ты букашка...

Чем хороша русская печка, так это возможностью разместить на ней (с полатами, конечно) без проблем сразу пятерых, так что женщин на ней и разместили. Ну а мужчины устроились просто на полу: в избе никаких лавок не наблюдалось, да и вообще в ней ничего не было. Но если есть спальники, то летом и этого достаточно.

Было решено сейчас пару часиков поспать — чтобы побыстрее «переключиться на местное время», но все проснулись заметно раньше намеченного: изменившаяся реальность не давала мозгам покоя. Так что обсуждать случившееся стали сначала «в положении лежа», а затем поднялись окончательно.

— Я думаю, — сообщил товарищам по несчастью Валера, — сюда нас как раз та молния перенесла, причем она что-то в мироздании лишь подтолкнула слегка. Что-то, что как-то сформировалось из всяких атомов и полей в соответствующей точке. А так как атомы обратно вернутся навряд ли, то обратного переноса можно вообще не ждать.

— Гипотеза принимается за рабочую, — сказал Валя, — но нам-то что делать?

— Вживаться в нынешнюю действительность.

— И, по возможности, остаться при этом живыми и здоровыми, — добавила Гуля.

— Ага, если хотя бы половина того, что нам этот Митрофан рассказал, окажется правдой, то долго нам не протянуть, — уныло протянул Саша. — Нас ОГПУ к стенке поставит как только мы хоть где-то появимся за пределами этой деревни.

— А вот не поставит! — с каким-то весельем в голосе отреагировал Петр. — По крайней мере первые года два, пока не разберутся...

— Пока не разберутся в чем? — Валентин Петрухино веселье не поддержал.

— Ну, у нас же давно принято к экспедициям разные сувениры делать, вон в прошлом году Василий Викторович тарелки и стопки титановые сделал, а Петрович медали всем выдавал.

— И что? Предлагаешь откупиться титановыми тарелками от чекистов? Или медалями их награждать «За неоткрытие ничего»?

— Нет, откупаться не предлагаю. Но я для этой экспедиции сам кое-что сделал. То есть не сам... — он полез в карман своего рюкзака, — а Женька из архивного, — и с этими словами он положил на спальник небольшую пачку «корочек» темно-вишневого цвета. — Полные, абсолютные копии, даже фактура бумаги аутентичная, я уже не говорю про все прочие детали. Я для всех нас сделал, так что все мы с документом в руках можем представляться уполномоченными девятого управления ОГПУ. Я, например — особоуполномоченный при председателе, Валя — вообще полпред ОГПУ и так далее. Даже Светлана Юрьевна у нас — комиссар девятого управления.

Гуля сначала лишь мазнула взглядом по «своему» удостоверению, но затем рассмотрела его более тщательно:

— Петруха, солнышко ты наше эфэсбэшное, ты мне что в поле «имя» написал?

— Ну так я в шутку, — смутился парень, — это же всё не всерьез делалось...

— А чем в ОГПУ занималось девятое управление? — поинтересовалась Света разглядывая свою фотографию в удостоверении. Было, в принципе, понятно, что фото взяли из профиля в телеге, но на нее так ловко была «надета» косынка, что даже при очень внимательном изучении фотки нельзя было понять, что оно — подделка.

— Ничем, не было такого вообще, их всегда было только восемь. В ОГПУ, я имею в виду. Да и те без номеров были, просто по профилю деятельности назывались...

— То есть удостоверения эти до первого ОГПУшника хоть как-то прокатывать будут?

— В принципе да, но для сельской местности сойдут. Да, кстати, там пока даты не проставлены, но я специально ручку захватил с аутентичными чернилами... Какие, думаете, лучше вписать? Обычно срок действия удостоверения был до двух лет...

— Погоди, не пиши ничего, — остановил его Валентин. — Сейчас ведь, если Митрофан не ошибся, июнь двадцать шестого?

— И что?

— А напомни-ка мне, когда железный Феликс сыграл в ящик?

— В августе, вроде в конце... сейчас поточнее вспомню. Точно! И на Лубянке такой бардак начнется! А если мы сможем этим бардаком правильно воспользоваться... Нет, не получится... потребуется подпись Феликса, а его на такое сподвигнуть не выйдет. Тупой фанатик, ему что-то разумное объяснить...

— А нам только подпись нужна будет? — задала Света совершенно риторический вопрос. — Она же очень простая, я таких сколько угодно нарисую.

— Подписи подделывать умеешь? — удивилась Аня.

— Я же МГИК закончила, библиотечно-архивный факультет. Там много приходилось из архивов зарисовывать... в том числе и подписи: фотографировать там запрещается, а ручками копии... в смысле выписки делать — сколько угодно. В институте сделали базу подписей, так как часто не указывалось, кто конкретную бумагу подписывал, поэтому подписи копировать мы отдельно учились, причем качественно, чтобы программа их распознать могла. А эту... хорошо бы несколько экземпляров иметь, люди ведь подписываются всегда немного по-разному...

— А тут во всех удостоверениях подписи как раз различные, Женька специально их с разных оригиналов копировал.

— А мы на номерах удостоверений не спалимся? — с недоверием в голосе поинтересовался Вася, — тут же все они пронумерованные.

— Как раз номера здесь не от балды проставлены. Женька нарыл, что в июне как раз двадцать шестого года этот железный поляк забрал в кадрах удостоверения со сто двадцатого по сто двадцать девятое — и они больше нигде и никогда не всплывали! Кроме записи в журнале отдела кадров о них нигде больше не упоминалось вообще! Ни кому и зачем выданы, ни когда аннулированы...

— Значит, сейчас никакие даты не вписываем, а там посмотрим. Так что решим, думаю, так: Петруха подумает, как нам авантюру с девятым управлением повернуть, а мы пока воспользуемся любезностью Митрофана и тут проживем. По крайней мере картошку посадить успеем: может и не особо вырасти успеет, но наш сорт наверняка куда как нынешних урожайнее, так что потом крестьянам он очень пригодится.

— Ага, пригодится, а вот прям шяз мы что будем есть? — поинтересовалась Ира недовольным голосом.

— Наконец-то ты поймешь, что у мужа хобби не только правильное, но и общественно полезное! — откликнулся Вася. — Я для рыбалки всё нужное захватил, — пояснил он остальным товарищам, — в смысле крючки и леска есть, а тут озеро рядом...

Посоветовавшись с Митрофаном, решили «на это лето» занять оба пустующих дома. И оба они были абсолютно пусты, но Саша Суворов, «на всякий случай» проверивший дома

своим металлоискателем, нашел в доме неведомого Митяя заначку. Вообще-то он рассчитывал найти что-то вроде заныканного чугунка, так как у «профессиональных зануд» было всего лишь два не очень больших (и очень неудобных для готовки на печи) котелка, а нашел в тайнике на чердаке дома офицерский наган с четырьмя патронами в барабане и браунинг, для которого кроме полной обоймы была запасена коробка с полусотней патронов. Правда Петя лишь усмехнулся, глядя на это «богатство», но Валя решил, что «лишнее оружие лишним не будет». Тем более что, по словам Митрофана Даниловича, патроны к нагану можно в Боровичах купить, а в крайнем случае — «на станции», правда он не уточнил, на какой именно.

Оказалось, что местность, в которую «попали» охотники за «непонятым», была населена довольно плотно. В трех верстах от Выселок было довольно крупное село с полусотней домов, а по дороге в уездный центр смогло разместиться аж четыре деревеньки, правда с общим населением хорошо если в полторы сотни человек. Это выяснилось, пока Митрофан с кем-нибудь из мужчин в эти деревеньки ездил чтобы собрать «посильную помощь попавшим в беду геологам из Москвы» — так решили себя временно залегендировать попаданцы. И, что очень удивило Светлану, народ активно помогал — несмотря даже на то, что по меркам самой Светы жил он в беспросветной нищете. Но это она с точки зрения горожанина двадцать первого века считала, а народ был убежден, что живут они неплохо. И искренне считал «обездоленными» «москвичей, утопивших все свое добро», а потому помогал как мог. Например, каждый буквально день из «большой деревни» в Выселки приезжал кто-то, привозивший «геологам» по паре крынок молока: селяне знали, что у Митрофана из живности имеется лишь одна кобылка, а «без молока бабы болеют». Часто и несколько яиц привозили, а как-то раз приехавшая баба, отозвав Светлану в сторону, сунула ей в руки кусок ткани:

— Девка, возьми, юбку себе сошьешь. Мы тут с бабами тебе соткали, а то тебе-то в штанах мужицких, поди, срамно ходить-то.

Вообще-то люди действительно были «отзывчивыми», однако Валентин считал, что тут еще и «корыстный момент» присутствовал: хозяину как-то мимоходом сказали, что Гуля по специальности врач, так что крестьяне, хотя с болячками и не приставали к ней, скорее всего имели в виду, что «если вдруг приспичит, то пусть врач поблизости будет».

Однако почему-то местные бабы особенно переживали из-за Светки — «новой учительницы, назначенной в город». Скорее всего из-за того, что ее все они считали «местной», а прочие — «они московские, у них, поди, одёжи всякой полные сундуки дома»... Ира, похихикав, юбку Светлане сшила (сама Света не рискнула браться за столь непростую работу — непростую при отсутствии даже упоминаний о швейной машинке), и девушка при случае могла уже прикрыть «вызывающие» штаны с кучей карманов от осуждающих взглядов местных баб.

Глядя, как ловко Ира портняжит, Света не смогла не спросить:

— Где это ты так ловко шить выучилась?

— Матушка научила, хотела из меня знаменитого модельера вырастить. А в школе практики набралась: девочки там очень гордились своими туалетами от кутюр, а я своим служанкам быстро такие же шила, да еще с этикетками от самого дешевого ширпотреба. И девушкам нравилось в нарядах от Гуччи да Кардена щеголять, и одноклассницы языки в жопу засовывали...

— У тебя в школе служанки были?

— Ну, матушка озаботилась. Хорошо еще, что нанимал их отец, так что они просто следили, чтобы я хорошо себя вела и всё сама делала. Ну и учили тому, что в школе не преподавали. Христя была магистром архитектуры, а Каролина — кинооператором...

— Христя? Каролина?

— Христя — болгарка, а Каролина — словачка...

Еще с одеждой неожиданно помог председатель волостного совета, к которому пришлось заехать, чтобы «подтвердить легенду». Карп Федотович, пообщавшись не столько с Валентином, сколько с Митрофаном (потом Митрофан сказал, что Карп Федотович тоже с войны «География» принес, в связи с чем они приятельствовало), выделил (всего лишь за бутылку «Московской» с тщательно ободранной этикеткой) «во временное пользование» целый узел с различной (в основном женской) одеждой:

— Одежда, конечно, барская, но бабы, думаю, под себя перешить смогут. А мундир, сам понимаешь, у нас в селе всяко никто носить не станет.

«Мундир» оказался офицерским полевым, с намертво вшитыми погонами, и две небольших дырки в нем как бы намекали на причину того, что никто на него не позарился, несмотря на великолепную ткань: не было принято здесь носить снятое с покойника. А на вопрос уже Петра «а когда возвращать одежду», председатель лишь усмехнулся:

— Ты мне только подпиши бумагу, что одежду забрал, чтобы бабы не просили её. А что не вернешь её, так всем понятно: изнасилась, зачем нам рваньё-то хранить?

По дороге обратно в Выселки Митрофан, вероятно услышав, как Валя и Петрухой обсуждали «подарок», заметил:

— Карп, понятное дело, остальную одежду в городе продаст. Но где ему еще-то денег взять чтобы фершалу платить? Опять же учителю дом чинить надо...

Ира, увидев привезенное барахло (а иначе большую часть одежды и назвать было нельзя), глубоко вздохнула и снова взялась за иголку, так что ближе к концу июня по крайней мере Света могла показаться «в обществе», не вызывая ажиотажа, да и Гулю приделали (поскольку на неё появились особые планы).

Гуля поехала в город, причем сразу по двум причинам. Первой было то, что «без денег ничего не получится», а денег, понятное дело, у попаданцев не было совсем. Но в Боровичах, по уточненным данным, не было врача, вообще ни одного, и даже фельдшера не было уже лет пять, туда и исключительно «за особую плату» иногда ездил фельдшер с железной дороги. Врачам же Советская власть зарплату установила по нынешним временам просто огромную, к тому же любому специалисту по приезду на место полагались весьма немаленькие «подъемные»...

Вторая причина было «житейской»: где-то через неделю после попадания Гуля сообщила мужу, что «про две полоски она решила ему не говорить чтобы тот ее в экспедицию взял». На природе беременным живется, конечно, хорошо, но из Боровичей при нужде и до Ленинграда можно доехать часов за восемь (ну, если повезет, конечно, но в любом случае меньше чем за сутки), к тому же городскому врачу полагалась «отдельная квартира со всеми удобствами»...

Что же до врачебного диплома... Света поднапрягла воспоминания о выуженных в архивах документах и с уверенностью сообщила всем, что «сейчас в СССР вообще запрещены любые дипломы об образовании», так что нынешним властям чаще всего приходилось верить «специалистам» на слово. Понятно, что различных проходимцев благодаря такой практике развелось невероятно много, но почему-то в медики они

«записываться» не спешили — так что когда Гуля пришла к Председателю уездного Совета, должность врача она получила сразу.

Почти сразу: сначала в Совете к Гуле отнеслись... с подозрением. Однако после появления на свет удостоверения «начальника медицинского отдела Особого Девятого управления ОГПУ» все подозрения сразу как-то погасили, и Гуля уже через час осматривала выделенное ей «казенное жилье». С квартирой в городе «не сложилось», так что городскому врачу был предоставлен дом по соседству с уездной больницей, причем дом этот от самой больницы по размерам мало отличался. А уж по качеству...

Гуля особо предупредила городское начальство, что о ее должности распространяться не стоит, так как она в настоящий момент вообще «в отпуске по состоянию здоровья» примерно на полтора года, и даже продемонстрировала «Браунинг», показывающий меру ответственности «за разглашение», но уездный начальник оказался и без пистолета очень понятливым. Правда предупредил, что «в городе денег нет» и он подъемные и зарплату привезет только послезавтра «со станции», но «из городской казны» все же выдал Гуле червонец — предупредив, что его потом вычтет из доставленной со станции полочки, и даже, проводив ее к больничке и к дому, по дороге с кем-то договорился и о доставке «новой врачихе» каких-то продуктов в долг. А на следующее утро привел и полагающуюся по штату «домработницу».

Вообще этот бывший красноармеец Гуле понравился: даже в условиях отсутствия чего угодно он все же поддерживал в городе какой-то порядок, да и о людях, как мог, заботился. Правда конкретно «забота о врачихе» сначала вызвала у Гули глубочайший когнитивный диссонанс: так как она сообщила ему о причине своего «отпуска», он привел ей в качестве домработницы какую-то девицу лет пятнадцати, и в качестве «рекомендации» сообщил:

— Это Маруся, девка сама по себе ловкая, а вам особо полезной будет: она уже своих четверых малышей подняла.

И только к вечеру, когда девчонка приступила к готовке ужина, Гуля выяснила, что «поднимала» Маруся четырех своих младших братьев и сестер. А вот насчет «ловкости» уездный глава вообще не преувеличил: девчонка, когда Гуля попросила её поднять антенну радиации, чуть ли не бегом забралась на растущую рядом с домом сосну и зацепила проволочину чуть ли не за самую макушку дерева, причем умудрившись при этом не зацепить антенной ни одну из многочисленных веток.

Рация, работающая на полторы сотни километров — это вещь исключительно полезная, однако «внезапно выяснилось», что в Боровичах вообще нет никакого электричества. Правда китайцы, когда-то делавшие эту рацию для собственной армии, предусмотрели и такую неприятность: в комплект входил и небольшой ручной генератор. Вот только крутить тугую ручку хирургу точно не стоило, так что спустя два дня в штате больницы появился и «истопник»: довольно крепкий мужик, но всего лишь с одной ногой. Правда крутить ручку динамики ему отсутствие ноги не мешало.

Гуля город разглядывала с большим интересом, ведь он совершенно не вписывался в ее представления о провинциальном городе середины двадцатых годов. Прежде всего тем, что, как Света и предупреждала, подавляющее большинство домов в Боровичах были кирпичными. За очень редким исключением: например, уездная больница оказалась деревянной. Собственно, поэтому и жилье для Гули такое было предоставлено: подразумевалось, что «поликлиническую помощь» врач на дому оказывать должен...

По городу Гуля не просто так прохаживалась: выбив из местного начальства большую

тетрадь (оказывается, даже с канцелярскими принадлежностями всё было очень не сладко), она «знакомилась с будущими пациентами». А заодно и с общей «медицинской обстановкой» в городе. «Обстановка» её не порадовала: в городе имелись две аптеки, но они имелись лишь «когда-то», а теперь обе были закрыты и, как удалось выяснить чуть позднее, девственно пусты. Маруся на вопрос Гули честно ответила, что в городе и лекарств никаких ни у кого нет, а основой местного здравоохранения является какая-то бабка, торгующая «лечебными травками» и, по мере необходимости, подрабатывающая акушеркой. Хреновой, чуть ли не четверть младенцев у неё во время родов умирали, но других-то вообще не было.

Правда, один «источник медикаментов» у городских жителей имелся: приезжающий в город раз-два в месяц фельдшер «со станции» какие-то пилюли с собой привозил, но что конкретно — выяснить не удалось. Еще фельдшер доставлял в город (исключительно по запросу) какие-то слабительные порошки, касторку (вот о ней у Гули голова не болела совсем: в больничке, оказывается, хранилась здоровенная — литров на двадцать — бутылка с «лекарством») и что-то, что Гуля решила «временно, до выяснения», считать марганцовкой. В общем, у майора медслужбы текущее состояние медицины в уезде вызывало лишь чувства ужаса и безысходности...

А пока Гюльчатая осваивала центр местной урбанистики, остальные попаданцы большей частью осваивали сельскохозяйственные угодья, яростно борясь за повышение грядущих урожаев на крошечном огороде. А так как на огороде кроме «картошки из будущего» произрастало лишь немного репы, семена которой дал Митрофан Данилович, и с дюжину кочанов капусты, рассаду которой привезла какая-то сердобольная женщина из соседней деревушки, то борьба эта много времени не отнимала. Да и несколько кустов помидоров, семена которых достали из закупленной Петрухой «закуски к шашлыку», особого внимания не требовали — так что большую часть времени «зануды» проводили в обсуждениях на тему «а что делать дальше».

Основным, а точнее, базовым «источником информации» для формирования решений служила Света, неплохо знающая историю родного края. Но очень многое пришлось уже Гуле «уточнять по месту». Например, Света рассказала о довольно многочисленных заводах в городе, а после того, как Гуля некоторые «мелочи» выяснила (главным образом, у во все в больших количествах приходящих в больницу страждущих) оказалось, что из трех заводов огнеупоров в городе три завода не работали «еще с войны», а из двух заводов уже просто кирпичных на одном примерно раз в месяц запускалась одна из четырех печей, прочие же простаивали и вообще чудом не разваливались. На заводе механическом примерно раз в неделю запускали крошечную пилораму, полностью обеспечивающую все городское население досками. Ну, не полностью, а всего лишь «закрывая платежеспособный спрос», так как денег у горожан было крайне немного. Ведь «извне» деньги в город приходили в небольшом количестве с бумажной фабрики, выпускавшей оберточную бумагу («из древесной массы», получаемой в основном из осины) и, в гораздо более заметных объемах, от местной трикотажной артели.

Поэтому за последние лет семь население города сократилось более чем наполовину, а из относительно квалифицированных рабочих в городе осталась хорошо если пятая часть...

— Если у Петрухи с этим управлением ничего не получится, то единственным путем к выживанию мне кажется эмиграция в какую-нибудь Аргентину, — высказался по этому поводу Валера. — Потому что с нашими удостоверениями мы даже в Боровичах хорошо если с месяц выжить сможем, а перебраться в какой-нибудь большой город лично я реальных

возможностей не вижу.

— Да и незачем в большой город перебираться, — грустно заметила Оля, — образование наше нам всяко не спрятать, а в большом городе настоящие чекисты нас просто вычистят. Объявят шпионами какими-нибудь гондурасскими...

— В Аргентину бежать — это еще хуже, — ответил Валя. — Себе мы шкуру может быть и спасем, а вот сможем ли мы себе простить что страну бросили когда война начнется?

— А чем мы помочь-то сможем? На фронт пойдём? И ты, как бравый мотопехотинец, резво так будешь уничтожать врага? — ехидно отозвался Петя.

— Я же старый буду, однако и поуничтожать сумею! Но вообще-то я в одно рыло могу сделать КПВТ. Или «Корд» например.

— Ага, из старой рельсы кувалдой и напильником.

— Зачем? Я же знаю, какие станки нужны, техпроцесс целиком неплохо представляю...

— Вот и представляй дальше: тех станков, которые нужны, сейчас даже в проекте не существует.

— Я их сделать могу! Ну, не все, но основные...

— Кувалдой и напильником из кучи старых рельс.

— О чем спор, мальчишки? — в разговор мужчин вмешалась Оля.

— Валя хочет КПВТ срочно сделать для нашей победы в войне.

— Мысль интересная, да и основной посыл резко позитивный. По крайней мере не такой депрессивный, как всё наше предыдущее нытьё. А если учесть, что дипломы сейчас отменены как класс, то где-нибудь на периферии, не привлекая внимания санитаров... Валя, скажи мне, как технолог экономисту скажи, как этот КПВТ делается? И что это такое вообще?

— Пулемет это, очень неплохой, между прочим. А тебе-то зачем всё это?

— Я в школе тоже историю учила и знаю, что пулеметами вроде как Дегтярев занимается сейчас. Уж не в Коврове ли?

— Именно там.

— Значит нам туда соваться не стоит. Но, если Петруха свою авантюру провернет, можно будет в каком-нибудь другом тихом месте пулеметиком этим заняться.

— А если авантюра не проскочит, то я поеду в Ленинград на «Светлану», — продолжил развивать идею Валера. — У меня диплом был по работе с вольфрамом, я на «Светлане» налажу выпуск тонкой вольфрамовой проволоки для ламп и выпуск двойных спиралей. Сейчас, если я не забыл, такого никто в мире еще не делает, а лампочек в СССР выпускается меньше миллиона в год. Мы на одних лампочках прокормимся...

— Отставить «Светлану»! — скомандовал Валентин. — Даже если наша авантюра пройдет, то на долгие годы нас никто в покое не оставит, нужно будет властям какие-то результаты показывать. И вот тут, думаю, твоя проволока очень даже пригодится.

— Не пригодится. Для техпроцесса много электричества нужно, а в Боровичах его вообще несколько нет. Пока нет...

— Ну-ка, Валер, про проволоку мне поподробнее, — заинтересовался Петя, — не по технологии, а по возможным срокам, потребным ресурсам... Я не в плане самому её броситься делать, а в развитие нашей авантюры. Ведь если это мифическое Девятое управление подать как научно-технологическое, да еще и засекретить построже... Я немного представляю, что сейчас должно происходить в конторе, и даже примерно знаю, какой бардак там начнется через месяц...

Настрой команды после этого разговора резко сменился на позитивный, и позитив этот даже несколько дней продержался. А спустя три дня, в течение которых Валентин отвечал на многочисленные «наводящие вопросы», Оля (потыкав пальчиком по экрану своего планшета) озвучила «результат проведенного планово-экономического исследования»:

— Если мелкие детали опустить, то этот самый КПВТ Валя сможет сделать без особы проблем. На что он, да и все мы тоже, потратим примерно четырнадцать лет. Зато у нас будет пулемёт! Даже, если я верно Валу поняла, вообще пулемётище! Одна штука. А после этого мы будем в состоянии делать еще по одному пулемету в год... И это при условии, что работая четырнадцать лет без выходных и по двенадцать часов в сутки мы нигде ни разу не напортачим.

— Поясни, — с недоверием в голосе попросил Валентин.

— Поясняю. Сейчас на дворе двадцать шестой год, в стране полнейшая разруха, а у власти находятся в основном воры и идиоты, точнее — разные «классово близкие» и прогнившая насквозь интеллигенция. Чтобы сделать пулемет, нам сначала придется сделать станки, на которых этот пулемет можно будет сделать — но тут возникает еще одна проблема: станки эти на станках современных сделать нельзя, поэтому сначала нам потребуется сделать станки на которых можно будет сделать нужные для пулемета станки, и вот на базисном уровне технологической пирамиды у меня вырисовывается станочный парк примерно в полторы сотни единиц, которые нам предстоит самим сделать. Затем нам потребуются соответствующие металлы, которые нужно будет выплавить на специально изготовленных плавильных установках...

— Я понял. Значит, сделать мы ничего толком не способны.

— Валя, выше нос! Есть наука такая, называется экономика. Не про Карлсона-Энгельссона, а про то, как строить производства и управлять ими. И вот наука эта говорит — я специально для некоторых узких специалистов посчитала — что мы вообще ничего делать не должны. Мы ничего не должны делать сами, а должны управлять теми, что все это делать будет. Вот лично ты, когда свою установку для роторнойковки — я название не спутала? — вот когда ее создавал, сам у станка стоял, детальки вытачивая?

— Для ротационной... Нет конечно.

— Ответ верный, садись, пять. Если нам удастся провернуть авантюру с Девятым управлением, то... Тут еще вот какой момент: опытных рабочих мы не найдем, их в природе пока не существует, так что лет пять уйдет на то, чтобы их воспитать и обучить. Но в результате лет через десять мы получим завод, на котором эти КПВТ будут выпускаться по паре десятков в сутки. Или даже по паре сотен. Но главное — у нас будет не только этот завод, а несколько заводов и фабрик, которые будут всякого разного делать довольно много.

— Через год вообще начнется первая пятилетка, — добавила Света, — и с заводами вообще все прекрасно будет...

— Не будет. Первую пятилетку нынешние власти просрут почти полностью, а мы столько ждать не можем. Но не потому, что с голоду умрем, дожидаясь успехов Советской власти. Сейчас нас всех одна Гуля прокормить в состоянии, а мы и сами где-то чего-то заработать сумеем. Но если... когда Петруха нас прикроет настоящими бумажками, мы сможем привлечь к труду и обороне довольно много людей, которые как раз без нас точно не выживут. А с нами еще и нехило так нашу промышленную мощь двинут. Петруха, ты уже придумал, как побеждать Железного Феликса?

— Придумал, только мы его побеждать и не собирались. Там поинтереснее персонажи

имеются... В целом, я практически готов. Но мне понадобится существенная помощь со стороны Светланы. Ты готова к посещению столицы нашей Родины? А то уже июль на дворе, времечко поджигает...

— Я вообще всегда за любой кипеж... кроме голодовки, конечно. Надеюсь, местные бабы не лишат вас продуктовой помощи после того, как девка в штанах с карманами покинет сельские пейзажи?

И пятого Петя со Светланой отправились «в город»...

После долгих размышлений Петр с Валею составили «план, надежный как швейцарские часы», так что лейтенант, садясь в телегу, попрощался с товарищами довольно своеобразно:

— Если я не вернусь, прошу считать меня коммунистом.

— А если не вернется Света? — ехидно поинтересовалась Аня.

— Не вернуться могу только я, со Светкой все хорошо будет...

Где какая рыба и почём...

Товарищ Аунап жил жизнью размеренной и спокойной. Вот правда с начальником, товарищем Бредисом, он периодически не ладил, но он вообще ко всем «латышским стрелкам» относился весьма неприязненно. Вдобавок давняя нелюбовь эстонца ко всем латышам подпитывалась тем, что Карл Юльевич периодически его вытаскивал в поездки по деревням в поисках «контрреволюционных элементов». Ему что, не хватало баб в городе? Опять же, проще пристрелить взбешенного мужа очередной бабы, чем гоняться за мужиками по лесу. Да и бабы, и даже девки сами придут, стоит только арестовать кого-то из мужиков в семье...

Жалко лишь, что не у всех красивых баб родня в городе имеется. Александр Карлович стал думать над тем, как половчее «склонить к сожителству» новую врачиху до того, как это проделает латыш, но размышления его прервал даже не стук, а пинок в дверь — и в кабинете появился какой-то *vene tibia*.

— Пошел вон! — помощник уполномоченного не хотел, чтобы кто-то мешал приятным размышлениям.

— Ты, чухна сраная, на кого пасть разеваешь? — и перед ним раскрылось удостоверение особоуполномоченного самого Председателя. — Сейчас сам вон пойдешь, причем под конвоем! А пока не пошел, быстро сделай мне два билета первого класса на сегодня до Москвы. На меня и на товарища комиссара. Так, поезд ближайший через полтора часа, мы на нем поедем.

— Но за это время в Угловку не доехать...

— Отвезешь нас в Окуловку, у вас же машина в уездном управлении есть?

— Машина есть, шофера сейчас нет и до завтра не будет.

— Сам поведу, а обратно машину ты пригонишь.

Так утром шестого июля глядя на удаляющийся поезд и думая, как перегнать автомобиль, которым он управлять не умел, обратно в Боровичи, товарищ Аунап осознал, что жизнь перестает быть томной...

Чуть не обделавшийся от страха замначальника Боровичского ОГПУ совершил «почти невозможное»: в первом же поезде на Москву Петя и Света получили отдельное двухместное купе. Очень им необходимое, ведь дорога до Москвы заняла чуть больше шести часов. А через несколько минут после того, как куранты пробили шесть вечера, они зашли во всем известное здание на Лубянке и Петр, бывший там неоднократно, уверенной походкой отправился в комендатуру. Хорошо еще, что какой-то чекист поинтересовался у молодого парня в гимнастерке с орденом на груди, куда это он так спешит: и пришлось идти уже не спеша, в сопровождении этого чекиста, вызвавшегося «помочь кадру с периферии», совсем в другую сторону. Света при этом лишь тихонько хихикала над тем, что Пете даже в голову не пришло, что расположение служб и кабинетов за очень много лет может поменяться.

Однако убеждение Петра, что ОГПУ представляет собой бурную смесь из бардака и некомпетентности, изрядно приправленную хамством пополам с холуйством, полностью подтвердилось. Когда Петя, положив на стол дежурному по комендатуре удостоверение, сообщил, что им нужны номера в гостинице сроком на месяц, тот, пожав плечами, сообщил, что «есть прекрасные койки в казарме охраны Кремля». Но когда Петр взял дежурного за шиворот и заставил его прочитать написанное в удостоверении, то немедленно появился

номер в Метрополе:

— Извините, товарищ особоуполномоченный, но номер только один. Зато в нем три комнаты, две спальни с прекрасными кроватями, вы там прекрасно и вдвоем разместитесь... Я сейчас еще и талоны на питание в ресторане вам выдам...

Расположение служб поменялось, а вот бюрократия — не очень. Поэтому когда дежурный приготовился записывать в журнал данные «поселенцев», Петр строгим голосом уточнил:

— Указывать только должность и фамилию, остальное секретное.

— Знаю я, — отозвался тот, — а фамилию из удостоверения писать или?

— Мою из удостоверения, а комиссара... пишите «комиссар Света», этого достаточно.

— Ясно... — дежурный вздохнул: — вот талоны, только тут на неделю, за остальными в понедельник зайдите. Вот тут распишитесь...

В Метрополе жилось хорошо: выдрессированная обслуга старалась исполнить любую прихоть постояльцев. Впрочем, большинство прихотей ограничивались призывами «еще водки!», поэтому исполнять их было несложно. Большею частью несложно...

Начиная с десятого июля Петр каждое утро заходил на Лубянку как на работу. За два дня он ознакомился не только с расположением всех служб, но и уточнил, как в нужных ему работают сотрудники — впрочем, его надежды на разгильдяйство оправдались не в должной степени: все было гораздо хуже, чем он мог себе это представить. Так что в час дня двенадцатого июля он спокойно вошел в комнату, где сидели машинистки, и с порога заявил:

— Мне нужно срочно подготовить секретную справку!

В комнате, в связи с обеденным временем, сидели лишь одна пожилая дама и молодая девица, которая — по молчаливому кивку старухи — просто показала ему стол с машинкой, огороженный с трех сторон шкапами:

— Пишбарышни сейчас все на обеде, так что если срочно, то сами печатайте или ждите.

Старенький «Ундервуд» оказался в прекрасном состоянии, а в ящике стола, как ему показала девица, лежала бумага и, что особенно порадовало Петра, «фирменные бланки». Конечно, работа на пишущей машинке потяжелее будет, чем набор текста на клавиатуре компа, но на печать нужного Петру документа у него ушло минут пятнадцать — и потому, что и на «старой работе» опыт в подготовке документов «на бумажном носителе» у него был немалый, и потому что основную часть он уже напечатал на машинке, доставленной в номер «Метрополя» тамошними халдеями.

А на следующий день около десяти утра он ошивался в коридоре, поджидая начальника конторы. И когда тот вышел из кабинета и быстро направился по коридору, Петр ловко пристроился сзади, а затем, подходя уже к лестнице, тихо произнес:

— Я из Боровичей, у меня к вам рапорт от начальника уездного управления, сказано было «лично вам в руки» — на что получил ожидаемый ответ:

— Пусть в канцелярии зарегистрируют.

— У меня скоро поезд, а надо номер записать, чтобы начальнику его передать...

— Пусть срочно зарегистрируют, мне сейчас некогда!

Петр громко поблагодарил «лучшего друга беспризорников» и, поймав за рукав стоящего у выходных дверей чекиста, попросил:

— Товарищ, проводите меня до канцелярии, Феликс Эдмундович сказал «срочно», а я здесь не очень хорошо понимаю что где.

Тот было дернулся, но слова «человека с бородкой» он же прекрасно слышал, так что, кивнув второму охраннику, проводил Петра в канцелярию. И подтвердил, что Феликс приказал «срочно»...

— Так, Светлана, — сообщил Петя девушке после того, как вернулся в номер. — Приказ о нашем управлении уже зарегистрирован. Насколько я помню из истории конторы, Феликс больше на Лубянку не вернется, а все остальное ты уже сделала. Так что сейчас едем на вокзал, ты сегодня же возвращаешься в Боровичи, орден Гуле вернешь. И ждите моей телеграммы. Если все пройдет нормально, то напишу, что по четвертый пункт все утверждено. Если Менжинский заартачится, то напишу, что четвертый пункт требует доработки.

— А если телеграммы не будет?

— Тогда считай меня коммунистом, — усмехнулся Петя. — Но телеграмма будет в любом случае, и Валя знает, что когда делать. Эти чекисты — они только с мужиками воевать умеют, против спеца из двадцать первого века у них шансов нет, так что я уйду даже если придется пристрелить Менжинского в его кабинете прямо на заседании коллегии.

— Еще целую неделю ждать... Знаешь, орден я отвезу конечно, но ведь номер у нас до конца месяца? Я вернусь.

— Свет, тебя матом послать или как?

— Петя, я росла в городе, где кирпичный завод — центр культуры, науки и промышленности, так что я твой посыл просто не замечу. Не трать калории напрасно... я вернусь, если Валя и Гуля решат, что это имеет смысл.

Света вернулась двадцатого утром, и Пете осталось лишь догадываться, как она убедила Валентина и Гульнару в необходимости новой поездки в Москву. А вечером между ними произошла небольшая перепалка, лишь сблизившая молодых людей, так как они вдруг выяснили, что смотрят на мир одинаково:

— Все, сдох железный, — прокомментировал новость о смерти Дзержинского Петя.

— Так нельзя говорить о Железном Феликсе, — резко возразила девушка, — ведь «сдох» — это означает что жил, а потом перестал жить. Правильно говорить о нем «околел», то есть не жил, а теперь затвердел, окоченел то есть. А как человек он сдох еще в восемнадцатом... Ну что смотришь, я же историю по архивным документам учила!

— Знаешь, Свет, я вот что подумал: когда с этим цирком закончим, то нам стоит пожениться. Другой девушки, с которой я могу открыто разговаривать и мыслями делиться, тут всяко не найти, да и тебе из нынешних подходящего мужика не подобрать...

— Интересное предложение. Я, конечно, еще подумаю, а соглашусь уже после завершения нашего цирка, — рассмеялась Светлана. — Ты прав в одном: нам еще много чего предстоит вместе делать, и возможность обсудить что-то со знающим человеком для нас будет, пожалуй, самым важным. К тому же ты не будешь бояться моего страшного звания... кстати, давно хотела спросить: а комиссар управления — это в переводе на наши деньги кто будет?

— Ну если не совсем на наши, то майор госбезопасности, а если совсем, то комбриг — повыше полковника, пониже генерал-майора.

— А ты тогда в переводе кем будешь?

— А я уже как генерал-лейтенант. Ну, примерно, а вот в тридцать пятом, когда звания введут, узнаем точно.

— Ну ты наглец! Хлестаков бы обзавидовался...

— Да, я такой. А вот ты... я вообще не пойму, нафига ты сюда снова приехала? Я, когда Феликс утром двадцатого на Лубянку приехал, чуть вагон кирпичей не отложил, а потом и ты прискакала — я подумал что и в Боровичах что-то случилось...

Но от приезда Светланы все же определенная польза была: она зарегистрировала на Лубянке подготовленное в Боровичах командировочное удостоверение, так что утром двадцать третьего Петр со Светланой предстали пред светлы очи пока еще первого заместителя председателя.

— Вячеслав Рудольфович, мы все скорбим, но дело есть дело, так что придется вам утверждать подготовленные по запросу Феликса Эдмундовича документы. Он просил к двадцатому, как раз комиссар девятого управления их привезла, нам встреча на вечер назначена была, но... А время, сами понимаете, не ждет, нам еще в Ленинграде очень много до сентября сделать нужно.

— Какого девятого управления? — удивился чекист.

— Девятое Особое управление ОГПУ, сформировано приказом Феликса Эдмундовича от двенадцатого июля...

— Не слышал о таком.

— Зарегистрирован в канцелярии, если я не путаю, тринадцатого в десять утра.

— Номер не помните? — Менжинский потянулся к телефону.

— Товарищ комиссар? — Егор повернулся к Светлане и та, раскрыв папку, продиктовала требуемое. Через несколько минут Менжинскому принесли приказ и он начал его быстро просматривать:

— Так... отчитывается непосредственно перед Председателем ОГПУ... это понятно. А вот это: все отделы беспрекословно выделяют людей по запросу представителей девятого управления — это зачем?

— Там дальше написано.

— А по составу, это тот самый Сухов?

— Возможно, но утверждать не берусь, — ушел от ответа Петя, а Света добавила: — А я вообще с ним только третьего июня познакомилась, — и такой ответ, похоже, Менжинского удовлетворил. Он быстро пролистал документ до конца, особо даже не вникая в содержание:

— Ага, понятно. Непонятно только зачем все это?

— Особое научно-техническое управление будет заниматься... уже занимается секретными разработками. У нас в стране довольно много великолепных специалистов, но не все горят желанием сотрудничать с советской властью — а в провинции они будут думать, что власть о них и не знает. Поэтому и выбраны Боровичи: и до Москвы, и до Ленинграда в целом недалеко, но все же на отшибе, так что с точки зрения какого-нибудь ученого выглядит «подальше от Советов». Мы попробовали, результаты получили резко положительные. Сейчас уже практически готово все для целого ряда важных промышленных разработок, опережающих на годы разработки буржуазных специалистов. Но Феликс Эдмундович особо указывал на то, что если эта информация попадет в руки буржуазии, то нам это нанесет буквально непоправимый ущерб. Да и если сами эти ученые... Поэтому-то и полная секретность всех работ.

— Пример таких разработок?

— Гм... отчитывается исключительно перед... впрочем, сейчас по факту вы за него, так что... самую, скажем, несекретную работу в пример приведу: изготовление вольфрамовой проволоки толщиной до двадцати микрон.

— Этим же уже занимаются...

— На заводе Osram в Берлине самую тонкую делают сорок пять микрон, там работает восемьсот человек, у нас ту же работу будет выполнять двенадцать специалистов, причем из такого же количества металла делая продукции впятеро больше. На ленинградской «Светлане» сейчас трудится больше двух сотен рабочих, и они выпускают меньше тридцати тысяч лампочек в месяц, причем собирают их из германских деталей. По предлагаемой технологии сто человек будут производить до двухсот тысяч ламп в месяц — и даже больше, когда поднаберутся опыта, причем лампы будут целиком отечественными.

— Я понял... а от меня-то что вы сейчас хотите?

— Нужны распоряжения об изготовлении бланков девятого отдела, печатей, удостоверений... Феликс Эдмундович приказал нам их подготовить и ему на подпись принести.

— Тьфу, сразу сказать не могли? Где тут подписывать?

По пути в гостиницу Светлана задумчиво произнесла:

— Не пойму, почему в чекисты идут или дебилы, или подонки?

— Это ты нас дебилами считаешь?

— Этот Вацлав... он же тупой как валенок. За два месяца смог развалить финансовую систему Советской России, здесь бардак развел полный...

— Ну, допустим, бардак здесь еще Железный Феликс развел, Вячеслав его лишь поддерживать будет, да и то без фанатизма. Знаешь, кто-то известный сказал, что революцию задумывают романтики, исполняют фанатики, а плодами ее пользуются отпетые негодяи. Так что нам предстоит стать отпетыми негодьями, удавить негодяев-конкурентов и по возможности помешать фанатикам все испортить. План у нас уже есть, да и начало негодяйству мы с тобой положили. Работаем дальше, товарищ секретный комбриг?

Петр отправил в Валентину телеграмму, но со Светой на день задержался в Москве: ребята решили проверить, насколько верно описывали разные писатели реалии двадцатых годов. Верно описывали: на заключение брака они потратили чуть больше получаса, причем учитывая дорогу от гостиницы к ЗАГСу. А затем Света получила новое удостоверение на Лубянке «в связи со сменой фамилии». Как сказал Петя, «по крайней мере у одной из всех нас будет подлинный документ»...

И с этим «подлинным документом» утром двадцать пятого июля они отправились в Боровичи. Где тихая провинциальная жизнь уже потихоньку начала закипать.

Карл Юльевич Бредис тихо радовался, что его многолетняя работа наконец-то хоть кому-то пригодилась. Поэтому он с огромным удовольствием рассказывал неожиданному гостю обо всем, что успел узнать — и удовольствие было еще большим из-за того, что спрашивающий явно понимал, о чем спрашивать. Несмотря на звание понимал:

— На заводе «Новь» имеются три станка: два токарных и один сверлильный, все в состоянии удовлетворительном. И паровая машина там практически на ходу, разве что самый мелкий ремонт потребоваться может. Глиномяльня тоже в хорошей сохранности, но там с машиной все не так хорошо: еще до моего приезда все трубы с котла мужики своровали. Я по этому поводу говорил с рабочими со станции, они говорили, что трубы можно было бы и с паровозных котлов поставить, но на станции у нас только один мертвый паровоз и там котел тоже...

— А на других заводах как?

— На двух других заводах огнеупоров станков можно сказать, и нет, да и не было

никогда, слесарные верстаки не в счёт: если им что сделать или починить требовалось, то уже механический имелся. А на нем станков уже четыре: три токарных, тоже бельгийские, и один фрезерный.

— Вертикальный или горизонтальный?

— Вертикальный. И машина на механическом мощная, в сто двадцать почти лошадиных сил, и в полной сохранности. Сами же мужики ее от разграбления защитили, потому как от неё и пилорама в деревяшечном цеху, и два станка токарных по дереву от нее же работали. Её, конечно, хорошо если в неделю раз пускают, но людям-то доски всяко нужны, так что с пилорамы в основном там рабочие и кормятся.

— Это всё? Больше в городе станков никаких нет?

— Валентин Николаевич, вы же спросили что в городе простаивает без работы из станочного парка, и это из простаивающего всё. Но на Вельгийской бумажной фабрике имеется еще несколько станков, однако они чаще в работе используются. Большой токарный есть с базой на девять футов... довольно старый и расшатанный, на нем валы бумажной машины правят. Заполировать деталь на нем еще можно, а вот что-то выточить... я даже не уверен, что там суппорт сохранился.

— Понятно, а на кирпичных заводах возле города?

— Какие там уж заводы? Простые печи кирпичные, там глину испокон вручную мешали и руками же кирпич лепили. И сейчас то же самое: привезет мужик глину, так ему кирпич по двенадцати рублей за тысячу отдадут. А ежели не привезет, то уже по восемнадцати рублей... Да из тех заводов только на одном сейчас кирпич и жгут иногда: на старом заводе печь на шесть тысяч всего, ее и на три-четыре тысячи пускать чаще приходится так как мало люди кирпича купить могут. А на новом — три печи на восемнадцать тысяч, ну кому сейчас хоть одну укладку купить денег хватит?

— Со станками ясно. А с рабочими в городе как?

— Да никак, все давно уже по деревням разбежались. Но если вы заводы снова запускать надумали... дома-то у них остались, если работа будет, то и люди обратно в город придут. Даже сейчас уже потихоньку народ возвращаться стал, как доктор в город приехал. Люди-то как рассуждают? Если доктора прислали, значит власть людей лечить собирается. А если людей лечить будут, значит люди в городе нужны — и зачем власти люди в городе если не для работы? Тогда кто уже здесь будет, тот первым на работу и пойдет...

— В принципе логично... Вы, я гляжу, с городом хорошо знакомы. Как думаете, на механическом если станочный парк увеличить...

— Да там разве что один еще станок поставить можно будет, да и то... Места, боюсь, новым станкам там просто не найти. Если для ремонта какого мелкого, то можно и в торговых рядах мастерские со станками устроить, все равно никакой торговли там давно уже нет. На огнеупорных заводах места точно нет, на «Нови» рабочие тоже все станки разом не пускают чтобы плечами не толкаться...

— То есть по-хорошему придется новые цеха строить?

— Это уж совсем по-хорошему будет, но опять же место для завода такого где лучше подобрать? Разве что на заводе Корсакова...

— А это что такое?

— Завод по очистке спирта. Цех, конечно, весь котлами заставлен, но если их убрать... Однако должен предупредить, что у товарищей из Ленинграда на этот завод свои виды были, мне особенно указано следить, чтобы его не разворовали. Но если вы всерьез хотите

металлическую промышленность в городе...

— Спиртозавод отдадим химикам, от химии тоже много пользы бывает — так что пока его оставим. А то, что в самом городе для завода места нет, так тут и до околицы недалеко.

— Место есть возле торговых рядов, но там да, места все же немного, разве что на один цех. Можно на пустыре между бумажной фабрикой и заводом «Новь»... но там все же до моста довольно далеко, почти пять верст.

— Огнеупоры же возят? В смысле, возили? И бумагу тоже возят, так что пять верст — это не самое страшное. Тогда последний вопрос: а со строителями в городе как?

— В городе последнее здание выстроено в шестнадцатом году, вроде из Новгорода подрядчик был, но я не уверен. А так мужики сами строят как бог на душу положит... то есть...

— Понимаю, это просто форма речи такая. Ладно, со строителями понятно... Когда ближайший поезд до Угловки?

— Поезд... — улыбнулся Карл Юльевич, — если это можно назвать поездом, то паровоз вагон с бумагой обычно отвозит в воскресенье в полдень. Обычно к нему еще и пассажирский вагон цепляют. То есть иногда цепляют, так что до Угловки лучше всего на дрезине ехать. В любой день кроме воскресенья, всего час с небольшим — и вы уже в Угловке. Только...

— Что?

— У наших железнодорожников оклады по двадцать два рубля. За поездку на дрезине они обычно просят рубль... со всех пассажиров. Помощник мой, конечно, бесплатно катается... но если вас не затруднит... я квитанцию об оплате вам напишу!

— Да я и так отчитаюсь, не беспокойтесь. И вы правы: за работу, приносящую людям пользу, платить обязательно нужно. Значит так договоримся: я сейчас ненадолго в Ленинград, а вы постарайтесь найти рабочих, которые по деревням разъехались. Просто найти, чтобы в нужный момент мне знать где их искать...

А судьи кто?

В успех «нашего безнадежного дела» верила, пожалуй, только Ирина — да и то, скорее всего потому, что не представляла всех потенциальных проблем. Однако «на всякий случай» попаданцы разработали довольно обширную программу дальнейшей своей деятельности. Ну, не то чтобы вот взяли и разработали...

Поначалу Валя, окончательно убедившись в реальности «новой реальности», выдвинул идею «помочь советской власти», причем не «вообще», а очень даже «в частности»: каждому предложил «помочь» стране тем, что тот делать умел. То есть хоть как-то умел, при условии, что сейчас такого делать в СССР никто не умеет. И Валера предложил «помочь» с вольфрамовыми нитями для ламп исключительно потому, что точно знал: до тех технологий, которые он был в состоянии воспроизвести, «своим ходом» не только СССР, но и вообще вся мировая ламподельная промышленность хорошо если после войны доберется. Сейчас проволоку как-то делали в основном немцы, австрийцы и «заокеанцы», но, по мнению Валеры, нынешние технологии были примитивными и «экономически неэффективными», к тому же в СССР и «неэффективных» не существовало.

Собственно, Менжинскому Петр рассказ Валеры и передал «своими словами». Оказалось, что и в самом деле такая проблема в стране была, причем настолько острая, что даже ЧК в решении участвовало. Пользы это участие, правда, приносило немного — стране, а вот попаданцам этой пользы хватило. Пока хватило, официальными бумажками временно задницы прикрыть — но очень «временно»...

А время — оно очень быстро бежало, но и бежало оно не то чтобы даром: к моменту возвращения из Москвы Петра со Светланой Оля составила план. Не как «швейцарские часы», зато относительно рабочий — в чем ей немало помог Митрофан Данилович.

Когда где-то через неделю после попадания общая цель для попаданцев обрела какие-то вменяемые очертания, разговор зашел и о нем, и Вася как бы между прочим поинтересовался:

— Я вот про хозяина нашего не совсем понял: чего он большевиков-то матерно ругал? Как я понял, он с ними практически и не пересекался...

— Ты просто пить не умеешь, — получил он исчерпывающий ответ от родной жены, — вот и пропустил спяну половину его рассказа. Митрофан до войны был рабочим на Путиловском, очень высококвалифицированным, как я поняла. Одним из трех русских рабочих в пушечном цехе — а все остальные были как раз немцами. А в пятнадцатом перевелся в цех уже паровозный помощником сменного мастера. В начале шестнадцатого, после того как брата его на войне убили, пошел добровольцем на фронт, Георгия вон получил — и был демобилизован по ранению. А когда поправился — решил обратно на завод вернуться, а его как раз большевики и не взяли, причем не взяли потому, что он «рабочий класс угнетал» как помощник мастера. Вдобавок еще и избивали, так что он свалил в родную деревню — и снова с большевиками там пересекался, когда те пришли его в Красную армию мобилизовывать. Собственно выселки и выстроили трое таких же бывших солдат, которых всякие борцы за права рабочих окончательно достали...

Оля, припомнив этот рассказ, обратилась к Митрофану Даниловичу за разъяснениями некоторых чисто технических деталей «современного заводского производства». А мужик, поняв, что «баба в рыжей куртке» интересуется всерьез, много ей чего порассказал. И

хорошего, и плохого — но при этом и сам понял, что Ольга Дмитриевна очень много чего знает и понимает про заводы. И на естественный вопрос честно ответил:

— Был бы завод какой да начальник нормальный, так почему бы и не вернуться к работе-то?

Вот именно: был бы завод... Так что уже утром двадцать шестого Валентин отбыл по направлению к Ленинграду, прокручивая в голове снова и снова напутственные слова Светланы:

— Сергей Миронович — он типичный представитель большевистских начальников. Малообразованный...

— Если я не путаю, он же институт закончил какой-то? — прервал ее Петя.

— Путаешь, он закончил так называемое Низшее технологическое училище. На наши деньги даже не техникум, выпускник такого мог считаться разве что грамотным чертежником. Но я продолжу: малообразованный, падкий на лесть, популист и неплохой оратор, но как организатор — вообще никакой. Но вот что его отличает от большинства прочих нынешних большевиков — он искренне верит в то, что говорит. И если ему удастся что-то внушить, он будет готов горы свернуть, но внушенное исполнить. Так что давайте, Валентин Николаевич, постарайтесь убедить его в том, что он хочет именно того, что нам надо.

А жена просто передала ему небольшой, страницы на полторы, список того, что следовало привезти в Боровичи, со словами:

— Я догадывалась, что с медициной тут полная задница. Но когда столкнулась с реальностью, увидела, что тут задницей даже и не пахнет. Тут уже окончательная и беспросветная жопа!

— А ты уверена, что даже в Питере найдется то, что тебе надо?

— Уверена, что если ты достанешь хотя бы парочку позиций из списка нужных лекарств, то это уже будет чудом. Поэтому основа списка — это химпосуда: Аня сказала, что несколько препаратов она сможет схимичить практически на коленке, но без посуды даже её коленки не помогут.

— А где мне посуду-то эту в Питере искать?

— Забудь про Питер, теперь это для нас строго Ленинград. А посуду всю заведи в университете, или, Аня говорила, там еще какой-то химический ВУЗ открыли? На местности сориентируйся. Сам не сможешь — чекистов привлеки, но посуды привези по максимуму, ты понял?

Вместе в Валентином в Ленинград поехал Валера, причем он как раз «ориентироваться на местности» не собирался: пожалуй, из всей команды он сформировал для себя наиболее четкий план и точно знал, что он привезет в Боровичи из прежней столицы. Но и он даже не подозревал, сколько он из намеченного привезет...

Товарищ Жупахин пребывал в некоторой растерянности. Ведь всё руководство Ленинградского областного ОГПУ убыло в Москву на Коллегию (то есть сначала на похороны, а потом на «выборы» нового председателя), и ему пришлось отдуваться самому. То есть «исполнять обязанности», и некоторые он «исполнил» вообще не задумываясь, а вот некоторые другие... Впрочем, Менжинского вроде уже утвердили председателем, так что есть на кого сослаться. А этот... Валерий Федорович — по крайней мере кажется, что он знает что ищет, так что пусть и дальше копается в делах арестантов. Если и заберет кого, так ему же, Сергею Георгиевичу, меньше возни будет.

Валера в многочисленные документы старался особо даже не вчитываться — ну, чтобы не приходилось постоянно приглаживать встающие дыбом волосы. Да, чекисты работали в «колыбели революции» явно не покладая рук: Валера даже представить не мог, сколько сейчас народу сидит по камерам в ожидании приговоров. Казалось бы: гребни контингент лопатой — но не тут-то было! Большая часть дел — про мелкие и крупные «хулиганства», очень много — про обычный разбой и грабеж, и из всего этого изобилия нужно отцедить хоть и неслабую, но струйку дел, попадающих под определенные и довольно жесткие критерии. Надо будет на эту работенку специального человека найти, подумал он, поскольку одному справиться с потоком «дел», генерируемых чекистами, вообще не представляется возможным...

Валя немедленно по приезде в Ленинград первым делом отправился в областное управление ОГПУ и потребовал приостановить исполнение всех приговоров, а «закрытые» дела по еще неисполненным приговорам передать Валере. Таких оказалось немного, всего три десятка (тут приговоры «исполняли» обычно очень быстро) — однако из полученного списка Валера отложил себе девятнадцать. А затем, подумав, еще два — в которых фигурировали обвинения в убийствах. Всех фигурантов дел он распорядился подготовить к этапированию в Боровичи — но нужно было просмотреть еще почти шесть сотен еще «не закрытых» дел, так что — по Валериным прикидкам — сидеть в этом кабинете ему предстояло еще минимум неделю.

Но сидеть ему пришлось всего два дня: вечером второго Валя сказал, что он о продолжении работы сумел договориться с вернувшимся из Москвы Мессингом — начальником Ленинградского ОГПУ.

— Станислав Адамович пошел нам навстречу, — с улыбкой поделился своим «достижением» Валентин, — теперь все дела, открытые по политическим статьям, сначала будут нам передаваться на рассмотрение. И уголовные тоже, но очень выборочно, мы критерии отбора с Мессингом согласовали. А завтра утром Аня приедет, с ней пойдешь институт химический грабить.

— Гуля вроде тебе это поручила?

— А я прямо сейчас обратно в Боровичи еду, проблемки мелкие там возникли...

Алексей Евграфович Фаворский в лабораторию прибежал в состоянии, близком к бешенству, ведь, по словам старшего лаборанта, оттуда забирали практически всю химическую посуду. Собирались забрать — поэтому, несмотря на воспитание, профессор был готов применить всё богатство русского языка — но не применил, так как старший лаборант по пути к лаборатории успел ему сказать, что за посудой приехали какие-то высокопоставленные чекисты. И Алексей Евграфович все же постарался, как он сам впоследствии рассказывал, «достучаться до остатков разума» незваных гостей:

— Если вы конфискуете посуду, то практически остановите проводимые исследования. Которые, между прочим, институт проводит по прямым распоряжениям ВСНХ!

— Не остановим, а притормозим на пару дней, а вы все нужное возьмете в институте прикладной химии и в университете, — ответил коренастый парень в странных брюках и сильно заношенной гимнастерке. — Нам просто некогда бегать по разным конторам и собирать все необходимое, а у вас практически полный комплект в одном месте имеется.

— Можно подумать, что там много лишней посуды! Никто нам ничего не даст. А вот вам, я уверен, вся эта посуда и вовсе не нужна, вы же не сможете её для чего-либо использовать! Она же исключительно химическая!

— Вы им объясните ситуацию, и они с удовольствием поделятся, — с легкой улыбкой сообщила молодая женщина, одетая в платье из явно дорогой ткани, но покроя несколько странного. И, нет, не застиранного, а просто перелицованного: сам Алексей Евграфович вынужденный свои рубашки перелицовывать, внимание на такие мелочи обращал. — А если у вас объяснить не выйдет, то мы им объясним.

— Ну да, угрожать вы умеете... — профессор недолюбливал «гегемона» и периодически это прорывалось наружу. Но он постарался «поправиться» — А сможете ли вы объяснить, зачем вам всё это? — и он широким жестом обвел шкафы, в которых стояли колбы, пробирки и прочие стеклянные аппараты.

— Объяснить? Легко, но, думаю, нам лучше для этого пройти к вам в кабинет.

Фаворский предпочел дальше пока не спорить, а если разговор «не получится», то товарищ Киров узнает об этом максимум через полчаса и сумеет его защитить. Так что он неторопливо, в сопровождении этой парочки, прошествовал в кабинет, сел в кресло и постарался всем видом показать, что он «внимательно слушает». А уже через пару минут стал действительно очень внимательно слушать то, что ему говорила эта женщина (поскольку мужчина остался за дверью, сказав, что проследит за отсутствием «лишних ушей»).

— Вот, — сказала женщина, положив на стол небольшой пузырек, в котором лежало несколько таблеток. — Это продукт десятистадийного преобразования стирола, и полтора десятка таких таблеток полностью и очень быстро, дня за три-четыре всего, излечивают человека от тифа. Проблема в том, что я... Проблемы начинаются с того, что даже сотые доли процента побочных продуктов, возникающих на промежуточных стадиях, превращают это вещество в яд. Я могу изготовить такое количество — она ткнула пальцем в пузырек — примерно за неделю работы, а точнее, если считать этапы очистки промежуточных химикатов, скорее за месяц. Но стране нужно массовое производство препарата — а для этого требуется и технологию очистки отработать, причем как можно быстрее.

— Я все же думаю, что даже в этом случае было бы правильнее заказать посуду хоть в той же Германии...

— И ждать пару месяцев, а ждать мы уже не можем. У меня сейчас в работе одновременно шестнадцать медицинских препаратов, а еще к синтезу пары десятков я даже приступить не в состоянии. Причем именно из-за отсутствия химической посуды.

— Так вы — химик? — удивился профессор.

— Вообще-то да... если не придирается к запрещенным ныне дипломам, то, можно считать, доктор химических наук. Вторая проблема заключается в том, что я вообще-то занимаюсь химией металлов, органическая химия для меня представляет лишь побочный... скорее, вынужденный интерес. Так что кроме посуды я хочу от вас получить и рекомендации: мне где-то через полгода потребуется человек десять-двадцать приличных химиков-органиков, желательно молодых и амбициозных. Основные направления, кроме фармацевтики — это промышленный синтез каучуков, главным образом бутадиенстирольных и изопреновых, крупнотоннажное производство этилена, хлорвинила, полиуретанов... долго перечислять. Но в рекомендациях ваших я попрошу уделить особое внимание тому, что все — то есть абсолютно все — разработки будут совершенно секретными и работы будут проводиться в... скажем, закрытых научных городках.

— Вы всерьез думаете, что я кому-то могу порекомендовать отправиться в тюрьму?

— Алексей Евграфович, я же сказала «в научных городках». Которые уже сейчас

строятся, и через год по комфорту они превзойдут и Ленинград, и Москву, и любую европейскую столицу. А термин «закрытые» всего лишь означает, что в него не пустят посторонних, то есть работающие там не смогут к себе даже родню в гости пригласить. Точнее, дальнюю родню, а против, скажем, жены и, конечно же, детей ограничений не будет, да и сами работники их смогут свободно покидать... на время. Ну и по заграницам уже мотаться не получится, а так же публиковаться в открытых журналах.

— Странные вы люди, большевики. Вы всерьез думаете, что в клетке, пусть даже и золоченой, можно сделать что-то для науки?

— Кое-что можно, — женщина наклонилась и через несколько секунд положила профессору на стол аляпистого вида ботинок: — сами смотрите. Подошва изготовлена из синтетического бутадиестирольного каучука и приклеена к верху полиуретановым клеем, у которого адгезия в различных материалах даже выше когезии... видите, тут никакого шва даже нет? Да, кстати, передайте Лебедеву, что дивинил проще всего получать дегидрированием бутана. Если на моль бутана добавить девять молей аргона, то даже при атмосферном давлении и примерно шестистах градусах имени товарища Цельсия выход дивинила превысит девяносто пять процентов.

— Что? В принципе да... но где взять бутан в больших количествах?

— Вот как раз бутан скоро станет очень много... Я сказала вашему лаборанту, чтобы он тщательно переписал все, что мы забираем, пошлите кого-нибудь завтра к Кирову, пусть распорядится вам замену в Германии купить. В крайнем случае пару недель вашим студентам и сотрудникам придется дышать не химикатами, а свежим воздухом, но и это полезно, появится у них время просто головой подумать... А вас лично я приглашу в такой городок, думаю следующим летом приглашу. Вот к следующему лету я ваших рекомендаций и жду.

Но профессор уже внутренне «переключился» на химическую проблему:

— Дегидрирование бутана... по идее, должно получиться. А скажите, как вас найти при необходимости? Мне кажется, что вы сможете ответить на многие из вопросов, которые...

— Пока не знаю. То есть как лично меня найти пока не знаю. С понедельника в городском управлении ОГПУ появится канцелярия Девятого управления, вопросы можете туда передавать. Мне их перешлют, а как связаться с вами, я найду. Надеюсь, мы поняли друг друга.

Алексей Евграфович на секунду задумался, но вовсе не о судьбе химической посуды. От его внимания не ускользнуло, с каким ехидством и нарочито не к месту нежданная гостья произнесла традиционное большевистское заклинание «имени товарища», что, похоже, свидетельствовало о том, что особого уважения к «товарищам» она тоже не испытывала. Как, впрочем, и большинство образованных людей — и он решил:

— Да... Извините, гражданка, не знаю вашего имени-должности...

— Анна Смирнова, лучше просто Аня. Во всяком случае произносить проще, чем «товарищ начальник химико-технологического отдела Особого Девятого управления ОГПУ».

— А по отчеству? — профессор «уточняющее» поглядел на собеседницу, но увидел в ее глазах лишь усмешку. — Понял, извините. Анна, если вам может пригодиться химик-органик... не самый выдающийся, но все же неплохой, и который, я бы сказал, для ваших работ может быть полезным. Открытый от него я бы не ждал, а вот для рутинной работы вроде технолога на заводе...

— Внимательно слушаю.

— Володя Сердобин, отчислен в позапрошлом году с четвертого курса.

— За что?

— Барон Сердобин... титул его дед получил в войне с турками, отец погиб в пятнадцатом...

— Адрес знаете?

Саша, который тоже принимал активное участие в разработке Ольгой «грандиозных планов», в конце концов не вытерпел и поинтересовался у Иры:

— А почему вы все так уверены, что сумеете выстроить работающую цементную печь?

— Потому что мы как раз «разоблачать» такую печь и собирались ехать. Китайскую шахтную печь, которая по понедельникам в дневную смену, но в разное время загробным голосом убившейся при её наладке девицы произносила «цитаты из великого Мао». Вася специально у компании китайской запросил техописание печи: мы думали, что засыпка своеобразным образом сложилась и воздух такие странные колебания формирует, когда через нее сквозит. В общем, на моем ноутбуке эта техдокументация сохранилась. Целиком печь мы, конечно, не повторим, там автоматика из двадцать первого века — но если вместо автоматики использовать десяток-другой мужиков...

— Понятно... а печь-то как говорила?

— А никак. Там китайская девчонка-техник действительно при наладке с лестницы сорвалась, и не убилась, как в легенде было, а только руки сломала — зато сразу две. А еще, когда падала, свой тестер спихнула в воздуховод. Работники по регламенту по понедельникам электричество выключали-включали на осветительной линии, тестер перезапускался. А когда все тесты проходили, на что требовалось от часа до четырех, выдавал голосовое сообщение об окончании работы. Но выдавал-то он их в воздуховод, так что получался голос специфический... Когда девочка китайская из коммерческого отдела спустя неделю после отправки документации спросила, а зачем она нам и получила ответ от Васи, они кого-то из спецов своих к печке направили и тестер из трубы достали. А мы вот сюда поехали...

— Да уж... хотя здесь как-то поинтереснее получилось... а насчет сырья для цемента я практически закончил, думаю, минимум М400 получить можно будет без проблем.

Когда Валентин вернулся из Ленинграда, он первым делом поинтересовался у жены, что же, собственно такого случилось, что ему пришлось «всё бросить и немедленно выезжать».

— Да особо ничего: товарищ Аунап внезапно скончался от несчастного случая. Выпил, ночью на дороге споткнулся и упал. На сучок животом, так что в больницу его приволокли под утро уже двухсотым.

— Бывает... а на самом деле что произошло?

— Эта пьяная скотина приперлась ко мне, стала обещать не арестовывать меня если я его одарю женской лаской. И угрожать, что если не одарю, то ласку он от меня получит в своем КПЗ.

— И?

— Этот чухонец даже не подумал, что угрожать военному медику, полевому хирургу несколько чревато. Ну, обездвигила, влила в глотку его остатки самогона, что он с собой приволок, на болевом проводила его поближе к речке и уронила на сучок. Да ты не морщись, он уже настолько пьян был, что вряд ли даже боль почувствовал.

— Я не поэтому: тебе ведь, наверное, неприятно было...

— Противно, так точнее будет. Но кто-то должен был это сделать: я тут от пациенток о нем такого наслушалась... по крайней мере бабы в городе с радостными лицами весь день ходили.

— А что Бредис? Он какой-то скользкий... тебя заподозрить не мог? Может он знал, куда тот пошел.

— Товарищ Бредис не скользкий, он просто болт на работу забил, причем уже давно. Ну не верит он в заговор мировой контрреволюции в этой глуши, да и в пользу мировой революции уже сильно так сомневается — но вот своих коллег серьезно опасается, и, думаю, правильно делает. А этот эстонец... Пошел да не дошел, я-то тут причем? И опять же: я тут единственный врач, так что тушку ко мне на экспертизу и притащили. Что я написала в заключении — то и правда, к тому же Бредис, когда я вскрытие делала, рядом стоял и особо отметил, что даже труп эстонца пахнет самогоном... Очевидный несчастный случай, а что до остального, так в госпитале на ленточке я от таких же троебалтских нацистов отстреливалась и никаких чувств вроде жалости или раскаяния к ним не испытываю. Омерзение — но тут достаточно руки со спиртом вымыть. А что в Питере? То есть в Ленинграде, конечно.

— Деньги на запуск кирпичного завода нам дали, и на восстановление шахт тоже. Ане отдали на разор и поругание спиртозавод Корсакова, я получил указание забрать завод механический. Еще есть разрешение на разграбление нескольких мелких заводиков в других городах области — но это всё. Нет, еще нам передадут целых шесть неисправных паровозов!

— И где они тут будут ездить?

— Ездить они не будут поскольку ремонту не подлежат в принципе. Но это, кроме сотни тонн полезной в хозяйстве стали, меди офердофига, еще минимум шесть паровых машин сил по триста: я говорил с Митрофаном Даниловичем, так он сказал, что знает как паровозную машину, точнее половинку от нее, переделать под стационар. И если там не окончательно все сгнило, то сможет и дюжину таких машин получить. Не сразу, конечно, но нам для начала и так сойдет: на кирпичных-то заводах всего три машины, из них две по двадцать сил и одна чуть больше сорока, да и то, неизвестно можно ли их будет запустить, все же восемь лет простаивали без обслуживания. На механическом паровик металлического цеха почти целиком разграбили, неизвестно еще, выйдет ли его починить, а с тамошней лесопилки мужики не дадут в металлический цех переставить: на механическом единственная лесопилка нормальная на весь уезд..

— Вася с Митрофаном все машины уже смотрели, они сказали что запустят. Только без электричества мы...

— С электричеством разберемся, есть варианты. Да, вот еще что: Валера в Ленинграде нам двух убийц подобрал. Один — литейщик с какого-то завода имени Марти, убил двух гопников с Лиговки, пытавшихся его ограбить. За то, что двоих сразу убил, лучший в мире суд дал ему всего шесть лет на Соловках, так что парень, по мнению самых справедливых судей, еще легко отделался. Второй — тоже парень интересный: в царское время был подрядчиком — то есть дома строил, из тех, что называли «доходными», ну и проектировал в основном их сам же. После революции, точнее года так с двадцатого, в разных строительных конторах перебивался, а погорел на том, что убил революционного матроса. С особым цинизмом убил, практически на собственной четырнадцатилетней дочери, которую тот пытался изнасиловать — и за цинизм огреб уже десять лет плюс пять поражения в правах.

— Вообще-то ему орден положен за такое, ну да ничего, орден мы ему обеспечим — чуть погодя. Когда его ждать? В этой больнице восемь коек всего — и это на весь уезд...

— На следующей неделе привезут. Там еще с полсотни простых уголовников будет, со сроками от года до трёх, но не из гопоты, а из рабочих все же — их на стройки пока и направим.

— А мы справимся с полусотней пролетарских уголовников?

— Мы даже пробовать не будем: товарищ Мессинг с ними еще два десятка красноармейцев присылает. Так что наша задача...

— Оля все задачи расписала лет на пять вперед, и первой задачей будет постройка цементной печи.

— Гюльчатая, а тебе не кажется временами, что мы замахнулись не по чину? Я, откровенно говоря, с трудом представляю, как мы все это будем реализовывать...

— А тебе и не надо представлять. Представляет у нас Оля — и она просто скажет тебе что и когда делать. И про цементный завод она уже сказала. Экономисты — он такие: Оля откуда-то инфу вытащила, обобщила, экстраполировала — так что сам смотри: в стране в этом году производство цемента составит хорошо если четыреста пятьдесят тысяч тонн.

— Это много или мало?

— Одна шахтная печка производительностью сто тонн в сутки сколько за год делает?

— Я в школе арифметику плохо учил, да и печка вроде на триста...

— Твое счастье, без арифметики тебе не грозит когнитивный диссонанс. Без автоматике хорошо если на сто в сутки выйдем, но это уже мелочи. Всё оборудования для печки и для вальцовой мельницы на Ижорском заводе оценили в безумную сумму чуть больше пятидесяти четырех тысяч рублей: Вася туда скататься успел уже и договориться.

— А я на восстановление заводов огнеупоров и шахт получил сто двадцать тысяч... для начала.

— Маловато будет, Оля говорила, что тысяч триста потребуется — но попробуем сэкономить с помощью энтузиазма масс.

— Нас эти массы с таким энтузиазмом пошлют сама знаешь куда!

— Недооцениваешь ты массы, товарищ Сухов, а главное — не умеешь этот энтузиазм пробуждать. Я вот бабам сказала, что новую больницу поставлю если кирпич будет — и половина баб уже пилят своих мужиков, чтобы загнать в шахты и на завод. А вторая половина уже их допилила: вчера на новом кирпичном заводе уже печь одну на прогрев запустили, кирпичную печь, не огнеупорную. А если им еще за работу и платить мы теперь будем...

— Кирпичи — это хорошо, это полезно. Но цементную-то печку мы разве что весной запустить сможем.

— Ко мне уже приходил мужик один, мастер с кирпичного завода, сказал, что у них печь для обжига извести есть и больницу они готовы на известковом цементе класть. И насчет оконных рам и дверей сказал, что «на механическом мужики сделают» — он как раз чертежи, точнее эскизы просил им нарисовать. А вот что делать с оконным стеклом... Сдается мне, что завтра тебе обратно к Кирову ехать придется.

— Не придется, в Ленинграде стекла не хватает даже на то, что они у себя там строят. И даже чтобы разбитые хулиганами окна снова стеклить. Так что будем думать...

Если оценивать трудозатраты любого руководителя через расстояние, которое человек должен пробегать за рабочий день, то самым трудолюбивым стал бы, безо всяких сомнений,

Валера: так как он обеспечивал поступление в город новых, хотя и довольно специфических, «трудовых ресурсов», ему пришлось заниматься и их обустройством. А разместить, даже в полупустом городе, полсотни уголовников и два десятка охранников для них делом было далеко не самым простым, так что побегать пришлось изрядно. Пришлось бы даже побегать гораздо больше, но ему сильно помогла Светлана, пояснив, что «сейчас просто нары в ночлежке считаются неплохим вариантом», так что в конечном итоге всю «дармовую рабсилу» получилось разместить в двух секциях торговых рядов. Но даже в них нужно было хотя бы те же нары поставить, так что побегать пришлось изрядно. А еще он получил урок по общению с местными начальниками: после того, как пожаловался Вале на то, что командир красноармейцев ведет себя по отношению к «контингенту» откровенно по-хамски, Валя выстроил отряд, на простом русском «довел до командира», кто в лесу главный и тут же отправил его обратно в Ленинград, назначив новым командиром одного из рядовых — который выглядел постарше и во время словесной экзекуции оставался спокойным. А чуть позже, уже наедине — точнее, за обедом, когда за столом собрались лишь «свои» — просто приказал Валере:

— Ты здесь — абсолютный начальник, и ты точно знаешь, что нужно сделать.

— Вот в последнем я не уверен.

— Неверно. Ты точно знаешь, что хочешь сделать и что для достижения результата сделать нужно. Поэтому ты просто обязан всем, кто не выполняет бегом твои указания, отвесить пряников, причем немедленно отвесить. Я тебе больше скажу: пока мы тут не освоились и не наладили коммуникацию с людьми, пряник просто должен быть непропорциональным, чтобы все боялись в следующий раз даже по мелочи накосячить.

— Да тут и так всем непропорциональные пряники отвесили. Помнишь того, ну, в синей рубашке, так он получил полтора года лагерей за то, что стекло разбил на Невском.

— Ага, в пьяном виде, и при этом матерно ругая Кирова. Помню.

— А были и другие, я их, конечно, даже не рассматривал, но дела-то читал — так там за изнасилование несовершеннолетней полгода присудили. При том, что по закону это минимум на три года тянет или на пять...

— Валер, — в разговор вмешалась Оля, — я тут предварительный анализ дел, которые нам Мессинг прислал, провела. И пришла к выводу, что здесь и сейчас всё так делается. Например в Ленинграде... наверное и в других крупных городах тоже, но я не уверена — в судах правит «революционная целесообразность», а не закон. А если учесть, что суды более чем наполовину укомплектованы «классово близкими»... Кстати, я думаю, что стоит внимательно приглядеться к Мессингу. Он, похоже, думает, что у нас тут что-то вроде Соловков особо строгого режима организуется, и со списком кандидатов прислал еще один список. Как раз тех, кому самый советский суд в мире отвесил от полугода до года, и списочек сопровождал вопросом, а не можем ли мы сделать так, чтобы эти малыши за полгода у нас меру, степень, глубину прочувствовали как за полный срок на Соловках, а лучше чтобы вообще максимально пригодились к земле. Свои у него взгляды на «классово близких», а теперь, когда Железного уже нет, вроде пытается найти единомышленников в этом вопросе. Осторожно пытается, но мне его взгляды импонируют...

— Еще бы провести через него идею насчет того, чтобы судьи, дающие уркам сроки меньше минимальных, недоданное сами отсиживали... — довольно злобно и Света вставила свои пять копеек в разговор.

— С Мессингом точно дружить надо, — хмыкнул Петя. — Он мне человечка сдал

забавного. Мужичонка до революции вроде как писарем в полиции служил, в смысле делопроизводителем, но при этом как-то огреб Анну-три и Владимира, причем уже второй степени. Правда, на контакт мужичонка идет плохо, но и не таких разрабатывали... Так что, женушка дорогая, по части работы с судьями определенные варианты уже забрезжили, и не будем дергать ОГПУ там, где сами вопрос решить можем.

— А мы можем? Нас же всего-то...

— Нас десять человек, каждый из которых по нынешним временам может успешно руководить даже не заводом, а целой отраслью. Или даже двумя, — Оля при этих словах внимательно посмотрела на Иру. — Или тремя. И заниматься этим нам придется, просто потому что больше-то некому...

Кадры решают...

В конце сентября, когда был собран урожай в Задних Выселках (довольно скромный, по мнению попаданцев, но великолепный по мнению Митрофана Даниловича) попаданцы все уже перебрались в Боровичи. Туда же переехал и Митрофан Данилович, передав деревушку трем молодым семьям из соседних сёл. Молодежь это приняла с энтузиазмом, получив по почти новенькой избе на семью и, в довесок, довольно приличную пасеку. Еще им пообещали «в следующем году кое-что подкинуть», так что сам Митрофан Данилович был уверен в том, что дома ничего плохого не случится, а сам он с огромным энтузиазмом начал «работать с металлом».

Работать ему было где, все же на трех кирпичных заводах и на механическом набралось семь токарных станков, а еще два... Света вспомнила, что где-то в середине тридцатых годов из Мсты вытащили затопленную еще в шестнадцатом году баржу, на которой перевозили (вроде бы в Рыбинск) два очень тяжелых бельгийских станка. То есть то, что станки были бельгийскими, выяснилось когда их из воды вытащили, и Вася, осмотрев ржавые железки, сказал, что «постарается их восстановить». Стараться явно стоило: один станок был токарным с шестиметровой базой, а второй — вертикальным фрезерным. По словам Светы «тогда» железо сразу отправили в металлолом, но теперь — когда оно еще не окончательно проржавело — и на этих станках можно было «при нужде кое-что сделать». А делать нужно было очень много «кое-чего»...

День у Володи Сердобина выдался не самый удачный. То есть, если вдуматься, ему определенным образом даже повезло, но можно ли назвать везением работу в ночь на понедельник? Да и повод для этого был далеко не радостным: Викентий Станиславович прошлым утром сказал, что Сережа Гордеев будет мать хоронить, так что если он «свободен в воскресенье», то к зарплате добавится сразу три рубля. Вообще-то работа «помощником истопника» была не самой трудной, а работа исключительно в ночные смены еще в принципе давала определенное время днем, когда можно было и в библиотеку зайти — но если работать по полторы смены (за что отдельное спасибо Викентию Станиславовичу, ведь куда как лучше получать не двадцать четыре, а тридцать шесть рублей в месяц), то почему-то днем в библиотеку не особо и тянет...

Работа в воскресные ночи оплачивалась «по особому тарифу» — потому что кочегары в эти ночи не работали и приходилось истопникам за котлом следить а их помощникам «работать за двоих», и ни Володя, ни Сережа от такого приработка никогда не отказывались: нужно ведь семьи кормить, а другой работы «пораженцам» было не найти. Но оба парня все чаще задумывались о том, что в родной стране им ничего уже хорошего не светит, и останавливало их лишь то, что денег на переезд у них не было.

Когда в начале десятого Володя дошел до дома, он в очередной раз задумался о том, где еще можно заработать на билеты хотя бы до Вены, но додумать эту мысль не успел: после короткого стука в дверь в комнату, не дожидаясь ответа, вошла какая-то молодая женщина и Володя с недовольством подумал, что опять он забыл закрыть щеколду.

— Владимир Семенович? Мне вас порекомендовал один человек, и я бы хотела получить от вас ответ на простой вопрос: вы можете провести карбоксилирование фенола?

Володя немного удивился явной неуместности вопроса, но мозг сам выдавил ответ:

— Если напрямую, то нет: мне кажется, что фенол карбоксильную группу

присоединить не сможет.

— Ну непосредственно конечно, а как насчет фенолята натрия? Ну, я думаю натрия, хотя могу и ошибаться.

— Через фенолят щелочного металла? А вы знаете, это выглядит... полной уверенности нет, но попробовать определенно стоит. Вы правы, если идти таким путем, то вполне может и получиться... то есть наверняка получится, ведь в Германии именно так делают. Но вам-то зачем это?

— Да, именно для этого. Так, собирайтесь, поедете со мной, — женщина огляделась и, обратив внимание на сжавшуюся в углу Володину сестру Дину, добавила: — и семью забирайте. Так, а где ваша мать?

— На работе она, и я не знаю где она работает, — испуганно ответил Володя, сохраняя надежду, что хоть мать останется на воле. Хотя если заберут сестру...

— Глупости всё это, — улыбнулась странная гостья, — я знаю где, но она уже там не работает. Её скоро привезут... просто я думала, что уже привезли, но ты не переживай. Я не арестовывать вас приехала, а предлагаю работу. Хорошую, зарплата у нас будет... ну, по началу, думаю, рублей сто пятьдесят. Девочка, ты где учишься? — обратилась она к сестре.

— Нигде она не учится, — резко ответил Володя, — да и вы с работой передумаете: мы же пораженцы...

— Что не учится, это безобразие, а поражать в правах внука того, кто на поле боя за подвиг титул получил — вообще идиотизм. Тем более что титулы законом отменены... У вас тут все ваши вещи? — она оглядела комнату.

Похоже, дамочке точно плевать на титул, да и знает она о нем всё, так что о работе она всерьез говорит, — подумал Володя, но его подозрения по поводу истинной цели этого странного визита лишь усилились. Но даже если его собрались арестовывать... у матери работа есть, они с сестрой с голоду не помрут — да и всегда для них останется возможность уехать в родную деревушку на Псковщине:

— Нет, большую часть соседи себе забрали.

— Какие соседи? — не то, чтобы удивилась, а просто уточнила гостья.

— Которых к нам большевики подселили.

— Это нехорошо... что соседи вещи ваши забрали, нехорошо. — Она открыла дверь в прихожую и громко кого-то позвала: — Так, ребята, помогайте все упаковывать, — а затем, повернувшись к Володе, с улыбкой (и очень злобной улыбкой, как показалось парню) позвала его с собой: — Пойдемте, посмотрим, где еще ваши вещи хранятся...

Первая дверь открылась практически мгновенно: Володя был убежден, что жившая там Маргарита Львовна вероятно решила, что наконец-то надоедливых соседей выселяют и набившимся в прихожую мужчинам в гимнастерках потребовались поняты. Он знал, что ее муж, работающий в милиции, в службе охраны музеев, неоднократно уже писал заявления на выселение «классово чуждого элемента». Но ее ожидания явно не оправдались:

— Что из мебели тут ваше? — поинтересовалась удивительная гостья.

— Ничего ихнего тут нет, мы все по ордеру получили и теперь это все наше!

— По ордеру получили, говоришь? — нехорошо усмехнулась гостья, — ну, а теперь пришло время получить по морде. Так, Митрофан Данилович?

— Как скажете, Анна Фёдоровна.

— И посуда в шкафу тоже наша.

— Ого, кузнецовский фарфор из Вербиллок?

— Гарднеровский еще, — ответил Володя, удивившись тому, что эта Анна Фёдоровна узнала посуду даже сквозь запыленное стекло, — дед её очень давно покупал.

— Так, мужики, — обратилась она к стоящим возле двери парням в гимнастерках, — хоть одну чашку или блюдце разобьете — я вам руки вырву и засуну их в... сами знаете куда.

— Не волнуйся, Анна Фёдоровна, мы чай не пальцем деланные — и при этих словах все они рассмеялись, — упакуем в лучшем виде, чай не впервой.

— И платье на ней моей матери принадлежало, она его просто отобрала, — со злостью добавил Володя.

— Ну чего стоишь, снимай платье немедленно! — обратилась Анна Фёдоровна к соседке.

— Не сниму!

— Митрофан Данилович, только чтоб не до смерти, или погоди... — в руках у удивительной Анны Фёдоровны буквально ниоткуда возник пистолет странного коричневого цвета, — слушай ты, сучка подзаборная, или ты снимаешь сама и сразу, или я сниму, но уже с трупа. Я не брезгливая... ну!

Через час, когда в дверях появилась Володина мать, большая часть вещей была уже упакована в принесенные военными мужиками ящики и вынесена на улицу, а теперь они на две телеги грузили мебель. И Володя с веселым недоумением смотрел за этим непонятным действием, даже не пытаясь понять, что ему следует ожидать от будущего. Но, похоже, будущее было не таким уж и плохим, ведь вся эта компания явно была хорошо настроена к Володиной семье, а здоровенный Митрофан Данилович даже сбегал куда-то в магазин и принес Дине кулек с конфетами. Но все улучшающееся настроение Володи грубо прервало появление соседа, причем в сопровождении милиции. И не милиции вообще, а начальника районного отдела по борьбе с грабежами!

— Так, граждане, что тут происходит? — поинтересовался тот, предусмотрительно не доставая наган из кобуры: все же бандиты давно уже и в перестрелки с милиционерами вступать не стеснялись, а тут народу в гимнастерках было куда как больше, чем милиции. Впрочем, один милиционер быстренько скрылся из глаз, вероятно за подмогой побежал, — подумал Володя.

— Ничего особенного, — спокойно ответила Анна Фёдоровна, — просто наш сотрудник переезжает и мы ему помогаем.

— Они мой стол к себе в телегу запихали! — чуть ли не взвизгивая от возмущения сосед показал пальцем на повозку.

— Объяснить можете? — милиционер явно трусом не был и подошел почти вплотную к грузчикам, расстегнув, впрочем, кобуру. — И ваш сотрудник — это чей?

— Гражданин мебелью завладел незаконным путем...

— Законным! Это моя мебель!

— Кстати, поинтересуйтесь у гражданина, откуда у него в комнате появилась ваза династии Мин? «Голубой дракон», по описи должен находиться в Эрмитаже. Цена такой вазы на аукционе Сотбис в Лондоне начинается с десяти тысяч британских фунтов, то есть с девяносто восьми тысяч золотых рублей, а парная — как этот «Дракон» — уже с тридцати тысяч... И уточните, куда он вторую дел? Уже продал?

— Не трогал я вторую, она небось как лежала в Эрмитаже, так и лежит! — взвизгнул тот, но мгновенно заткнулся, сообразив что он наделал.

— Арестуйте эту сволочь, — спокойно проговорила Анна Фёдоровна и, достав откуда-

то удостоверение, сунула ее под нос опешившему милиционеру: — А это — наш сотрудник, и согласно ордера, подписанного самим товарищем Мессингом, — она достала еще одну «бумажку» — мы помогаем ему в переезде на новое место работы. Вместе — убедитесь сами, вот тут написано — со всем принадлежащим ему имуществом.

Сосед дернулся к оттопыривающемуся карману, но, после того как Митрофан Данилович легонько стукнул его кулаком в ухо, мягко осел на тротуар.

— Поставьте охрану к квартире, пошлите за специалистами в Эрмитаж, пусть они сами забирают утраченное имущество. Рапорт составите на имя товарищ Жупахина, я прослежу. А эту мразь я с собой забираю, и Жупахина тоже извещу.

До Володи потихоньку дошло, что женщина, которая так легко приказывает районному начальнику милиции, способна на многое — и загрустил, представляя свое ближайшее будущее не совсем радужным. Но тут же сообразил, что если бы его захотели «взять», то уж точно церемониться бы не стали, вон как соседа упаковали безо всяких даже ордеров. И он робко поинтересовался:

— Анна Фёдоровна, а вам электрики не нужны?

Чуть позже, выслушав рассказ Ани, Петр как бы мимоходом поинтересовался у Митрофана Даниловича, где это он научился так людей бить: вроде бы и не сильно, но те сразу вырубаются.

— Так на фронте. У нас командиром поручик был, Лавров Михаил Васильевич. Вроде и сам не богатырь, но драться умел ой-ой-ой как!

— А где сейчас этот поручик, вы не в курсе?

— Чего не знаю, того не знаю. Слышал, вроде, что он после революции то ли к Колчаку подался, то ли еще куда... нет, не ведаю. Но ежели кого подучить этому надо, то я и сам смогу: с другими солдатами мы во взводе как раз друг друга и учили. Вот только кого учить-то?

Спустя месяц Володя Сердобин вот уже неделю все время сидел на бывшем заводе «Новь», следя за тем, как рабочие выдвигали для него очень экзотическую печь. Про карбоксилирование фенола он уже все понял: Анна Фёдоровна в деталях объяснила ему цель столь странной работы — ну а теперь ему пришлось заниматься обеспечением этой работы сырьем. Точнее — серной кислотой, и рабочие как раз «лепили» небольшую печь для сжигания пирита. Именно небольшую, практически «лабораторную»: для начала предполагалось в ней ежедневно сжигать примерно с полтонны камня, но попутно Володя думал и над тем, какую печь нужно будет построить «к следующему году», ведь Анна Фёдоровна сказала, что ей потребуется уже не меньше тысячи тонн кислоты в год. И что-то Володе подсказывало, что трех-четырех таких же, как изготавливаемая сейчас, печей, в следующем году Анне Фёдоровне будет уже недостаточно.

Сережу Гордеева в Боровичи привез — через неделю после Володи — товарищ Сухов (почему-то его все, даже жена, называли именно так и Володя до сих пор не знал, как его зовут). А еще через неделю, уже в самом начале сентября, в город приехал и Викентий Станиславович Прокофьев. Приехал, походил по заводам, к Володе в лабораторию тоже заглянул — а на прошлой неделе перебрался в город окончательно вместе с семьей и они с Сережей они занялись чем-то «серьезным» на вновь открывшемся механическом заводе. И явно чем-то очень интересным: по крайней мере Володя видел, как они из бывшего спиртозавода (где и находилась его лаборатория) перетаскивали туда здоровенные медные котлы.

Сам Сережа сказал, что с они Викентием Станиславовичем делают электрические генераторы, и когда запустят первую электростанцию, то он ненадолго съездит в Ленинград чтобы жениться: у него давно уже была невеста, но на тридцать шесть рублей в семье особо не пошикуешь, да и работать по двенадцать часов в сутки, семьи практически не видя, было бы неправильно. Понятия о «правильности» у Сергея остались от отца, капитана второго ранга — которого тот после восемнадцатого года ни разу не видел...

А здесь семью заводить было самое милое дело: всем предоставляли очень неплохое жильё совершенно бесплатно, зарплату давали очень хорошую. Даже Сережа, всего лишь с гимназией за плечами да несколькими годами работы на трамвайной подстанции, где ему помогал постигнуть тонкости электрической науки Викентий Станиславович, получал по целых семьдесят рублей. А Володе, сразу после того, как он показал Анне Фёдоровне проект пиритовой печи, дали уже двести — и обещали еще повысить после того, как заработает аспиринный цех!

Сергея же поначалу очень напрягало то, что на механическом заводе постоянно крутился Карл Юльевич Бредис — начальник городского отделения ОГПУ, но вскоре он увидел, что главчехист на заводе занимается совсем не теми делами, на которые намекала его форма. А когда он увидел, как тот ругается с Семеном Мартыновым — осужденным на шесть лет большевистской каторги рабочим из Ленинграда, и оба после перебранки спокойно расходятся делать свою работу, он успокоился. Сильно при этом удивляясь, что в этом провинциальном городке «всё не так как у людей»...

Товарищ Бредис чекистом стал, по его собственным словам, совершенно случайно. Бывший рабочий с завода «Руссо-балт», умеющий прекрасно управляться с автомобилем, был призван служить шофером, да так за рулем и провел два года войны. А когда случилась революция, ценного специалиста назначили водителем комиссара полка — который, в двадцатом году став чекистом, забрав водителя с собой в Петроград. В двадцать первом он получил назначение уже в Москву, а Карл Юльевич остался в Петрограде, причем остался «с повышением» — в должности помощника уполномоченного. А когда город стал Ленинградом, товарищ Бредис решил, что ему не очень нравится нынешняя работа — и сумел получить назначение в Боровичи. Где, как он думал, ему будет гораздо спокойнее. В общем-то, он не особо и ошибся: всей «грязной работой» занимался присланный через полгода его заместитель, эстонец Аунап. Редкостная пьянь и бабник, да и вообще личность довольно мерзкая — но этим летом он отдал богу душу. Или, скорее, дьяволу — впрочем для коммуниста такие мысли можно считать недопустимыми. Ну, это если их вслух выражать, про себя-то думать никто запретить не может...

А спустя всего месяц... Спустя месяц после дурацкой смерти помощника столь же дурачки сломался выделенный Боровичскому отделению ОГПУ автомобиль. То есть сам Карл Юльевич вообще удивлялся, что этот «Руссо-Балт» шестнадцатого года выпуска еще как-то ездит, но все же опыт человека, когда-то эти автомобили делавшего, помогал поддерживать жизнь «железного коня». Однако сломалось авто все равно именно под дурачки: возле вокзала машина, объезжая застрявшую в грязи телегу, наехала на брошенный кем-то возле дороги кусок рельса — и чертова железяка, одной половиной провалившись в канаву, второй так ловко стукнула снизу, что разом перебила тяги управления, а затем продолжающий движение автомобиль на рельсу наехал всем весом и остался без вырванного крепким металлом распредвала.

Эта неприятность Карла Юльевича не очень расстроила, ведь уже потихоньку начал

работать механический завод, а он, как в прошлом весьма умелый токарь, вероятно смог бы изготовить поломанные детали. И мешать ему никто не будет, и время для дела такого найдется: ведь в городе появилось еще пятеро сотрудников ОГПУ, оставившие его практически вообще без работы. Но когда машину притащили (на гужевой тяге) в заводской цех, он подумал, что это будет все же не очень просто. То есть изготовить новый распредвал он смог бы, но для этого и металл нужен подходящий...

Однако придумать, откуда можно было бы нужный кусок металла добыть, он не успел: подошедший к нему товарищ, которого «варяги» назначили старшим по перезапуску завода, внимательно оглядел машину и сообщил ему свое мнение по поводу поломки:

— Так этот кусок говнища еще и сам передвигался? Даже несмотря на это? — и он ткнул пальцем в треснувший и запаянный медным припоем цилиндр.

— Да, передвигался, — холодно сообщил ему Карл Юльевич, — и, когда я устраню поломку, и дальше передвигаться сможет.

— Ерунда всё это, — ответил тот, — тут проще мотор заменить.

— Вероятно это было бы проще, но при наличии другого мотора.

— А в чем проблема?

— В том, что нового мотора нет, — хотя товарища Бредиса очень многие называли флегматиком, он явно начал раздражаться.

— Нет, так сделаем... когда литейку организуем.

Эта мысль латышу чем-то понравилась, и он с некоторой гордостью за город, в котором ему довелось руководить, поделился никому из приезжих, очевидно, неизвестной информацией:

— Литейка есть на бумажной фабрике, и, увидев недоумение на лице собеседника, пояснил: — это рядом с заводом «Новь». Литейка есть, литейщиков сейчас там нет, но вы, насколько мне известно, привезли литейщика-заключенного. Вы хотите отлить новые цилиндры?

— Не заключенного, а... впрочем, неважно. Нет, я хочу сделать новый мотор. Покойный какой мощности был?

— Какой покойный?

— Мотор этот.

— А... Двенадцать лошадиных сил.

— Понятно тогда, почему на паяном цилиндре не развалился. Так, мотор лучше сделать сил в двадцать... вы, я гляжу, что-то в моторах понимаете?

— Да, я их делал. И на этой машине мотор чинил тоже я.

— Это радует. А давайте вас назначим директором моторного завода?

— И где этот завод находится?

— Пока нигде, а будет... там пустырь есть, рядом с этим... с бумажным заводом, там и построим. Следующим летом, а пока здесь прототип мотора сделаем и на машину вашу его поставим. Пойдете директором?

— Я не думаю, что мои руководители согласятся.

— А я их и спрашивать не буду. Если вы согласны, то я просто приказ напишу: так мол и так, уволить из ОГПУ в связи с переходом на более ответственную работу.

— И ОГПУ согласится?

— Все сотрудники Девятого управления имеют безусловное право забирать к себе любого человека без согласования с их начальниками. Любого, кроме, разве что, членов

Центрального комитета — да и то я в этом полностью не уверен.

— А вы тоже сотрудник Девятого управления? — удивился латыш.

— Всего лишь начальник отделения, но если моей власти не хватит — скажу товарищу Сухову, он все же начальник Управления...

— Я, пожалуй, все же откажусь: был всего лишь токарем, хотя и весьма хорошим, а самому придумать мотор...

— Да плевать: у вас уже есть изрядный опыт в управлении, так что ваш опыт токаря лишь поможет не принимать откровенно дурацких решений, работе мешающих: директор должен не сам все делать, а людьми управлять. А мотор придумывать мы найдем людей, впрочем простенький я и сам придумаю. Ладно, пока мотор еще не придуман, то и вы подумайте — над предложением моим, заодно поможете и опытный образец изготовить — как токарь, конечно.

Валентин, после того, как Вася озвучил ему новую идею, лишь фыркнул:

— Мысль интересная, но, скорее всего, лишь для психиатров. У нас что, есть спецы по разработке моторов?

— Специалистов нет, однако на своей ласточке я мотор столько раз перебирал, что его и воспроизвести, пожалуй, сумею. Сумею, но пока не буду: у меня есть практически рабочие чертежи двухцилиндрового оппозитника. Я размышлял, как в моей «ласточке» свободное пространство увеличить и подобрал подходящий моторчик.

— А почему его не купил?

— Потому что он пока не продается. У меня племянник диплом в Е-бурге писал, вроде как в рамках импортозамещения минимоторчик для минитракторов изобретал. Изобрел, взяв в качестве образца какой-то бразильский, что ли, прототип, диплом успешно защитил. А потом мы с ним прикинули, что если сделать восьмицилиндровую версию на две сотни сил, то такой в «ласточку» вполне бы поместился, к тому же уменьшив потребный объем моторного отсека почти вдвое.

— Собирался четыре моторчика синей изоляцией друг с другом скрепить?

— Так он с ребятами с УДМЗ почти договорился попробовать сделать, вроде как дешевое движло на надводных дронах: там ТВД изначально не предусматривался, мотор с насос-форсунками ...

— ТВД? Так это дизель? — удивился Валентин.

— Ну да...

— Ты думаешь, что нынешняя молодежь сможет топливные форсунки изготовить?

— Надо попробовать. В любом случае ты же не собираешься КПВТ на горбу таскать?

— Веский довод, и не оспоришь...

— Я вот что подумал: у нас с алюминием не ахти, при нынешних допусках и посадках высокооборотник нам не изготовить — но если делать из чугуна и обороты резко так подсократить, то двадцать сил из конструкции вытянем. А если получится, будем трактора с этими моторами лепить, тоже польза.

— Ну ладно, дерзай. Остается вопрос: на какие шиши будем завод строить? Денег нам Киров больше ни копейки не даст, у него у самого с ними полная задница.

— Ольга говорила, что у неё и по деньгам план почти готов, так что придется тебе снова к Кирову скоро ехать...

Ольгин «план» был исключительно прост и интуитивно понятен каждому из попаданцев: чтобы появились деньги нужно продать что-нибудь ненужное. Правда, чтобы

продать что-нибудь ненужное, нужно чтобы это ненужное кому-то, причем кому-то при деньгах, было очень нужным. А тут или у потенциального покупателя денег нет, или деньги есть, но...

Пока что у попаданцев «ненужного» было очень немного — но оно было. И Ольга Дмитриевна сама отправилась это ненужное срочно продавать. В Москву. Вместе с ней заниматься торговлей отправился и Петруха, но он в столице задержался всего на два дня...

Чтобы что-нибудь ненужное продать...

Станислав Густавович с изумлением смотрел на сидящую перед ним женщину. Молодая и довольно симпатичная, всем своим обликом она напоминала какую-нибудь недалекую барышню из провинции. Однако принесенные ей документы (прочитать которые на самом деле его заставило грозное удостоверение этой дамы) намекали, что барышня не очень-то и проста. А за время получасового разговора, во время которого Станислав Густавович задавал ей вопросы по содержанию документа, он почти убедился в том, что его она сама и составляла. Почти — потому что в глубине души все еще не мог поверить, что молодая женщина способна на столь глубокий анализ. Для него самым удивительным было то, что в документе содержались очень конкретные предложения, причем предложения, сопровождающиеся «неубиваемыми» обоснованиями, по изменению существующей финансовой системы — которые не просто описывали, а доказывали, что то, о чем сам Станислав Густавович лишь начал задумываться, является лучшим выходом из сложившейся, прямо скажем очень паршивой, ситуации.

— Я могу воспользоваться тезисами из вашей работы? — не очень уверенным голосом спросил он. Некоторую неуверенность у него вызывал статус этой слишком молодой для её должности дамы. — Если позволите, я бы хотел кое-что отсюда законспектировать.

— Да всё забирайте, я себе еще нарисую — с улыбкой ответила она. — Я вообще специально напечатала так, чтобы вы для Комиссии Госплана могли бы только титульную страницу поменять...

Ольга поднялась и, скрывая изо всех сил широкую улыбку, вышла из кабинета. Еще бы ей не улыбаться: ведь она подсунула Струмилину фактически его же разработку двухконтурной денежной системы, которую тот сумел внедрить лишь в тридцать первом году. Впрочем, это было для нее лишь «побочным заданием» в Московском путешествии.

Глеб Максимилианович, когда секретарь доложил об очередном посетителе, лишь недовольно поморщился. Он вообще не очень любил чекистов, которые в большинстве случаев лишь мешали работать — но понимал, что без них государству все же не обойтись. Поэтому он, отложив очередной документ, ответил «пусть войдет» — но вот того, что произойдет дальше, он в принципе не ожидал. Вдвойне не ожидал, и даже втройне.

Во-первых, вместо мужика в кожанке в кабинет вошла молодая дама. Во-вторых, эта дама вытащила из сумки кирпич и положила его на стол. А в третьих, дальнейший разговор пошел именно об этом кирпиче — но не только о нем:

— Доброе утро, Глеб Максимилианович, — с улыбкой поздоровалась она, — я тут мимо шла и решила: дай, думаю, зайду, поговорю с умным человеком о паровозах.

— Что?!

— Как вы знаете, конечно, в СССР строятся паровозы, и в этом году их построят, скорее всего, целых триста пятьдесят штук, — тут она замолчала и «выразительно» посмотрела на Председателя Госплана, вероятно ожидая его реакции.

— Вы мне сообщили очень много новой информации, — не удержался от сарказма Кржижановский.

— Я еще не всю сообщила, так что слушайте дальше: в каждом паровозе имеется топка, — и она снова замолчала.

— Что-то в этом роде я и думал.

— Плохо думали. Облицовка этой топки обходится государству примерно в тысячу двести золотых рублей, которые страна платит германцам и французам всяким. Но, что гораздо противнее, наши торговцы закупают огнеупоры небольшими партиями, и заводы часто простаивают из-за того, что топку практически готового паровоза просто нечем облицовывать потому что нужный огнеупор еще не успели купить.

— И что вы предлагаете?

— Я предлагаю прежде всего запретить закупать огнеупоры за границей, совсем запретить. Потому что в Боровичах сейчас перезапущен завод по производству огнеупоров, причем завод, который до революции полностью обеспечивал ими и все русское паровозостроение, и известную часть производств металлургических. Если перевести паровозостроение на отечественный огнеупор, то стоимость облицовки топки паровоза сократится до примерно шестисот рублей, то есть вдвое, а вот задержек в поставках огнеупоров на заводы больше не будет.

— Вот это интересно, я почему-то не слышал о перезапуске этого завода.

— Конечно не слышали, этот завод сейчас входит в Особое Девятое Управление ОГПУ и выпускает не только огнеупоры — но огнеупоры выпускает. И, хотя может показаться, что экономия не очень-то и велика, всего вроде бы жалких двести тысяч рублей за год, но если учесть потребности ремонтных предприятий — то есть расходы на планово-предупредительный ремонт, который сейчас вообще не производится, что является откровенным вредительством — то общая экономия только на производстве и ремонте паровозов превысит уже пару миллионов в год. А если при этом учесть экономию от того, что паровозы еще и из строя буду выходить гораздо реже...

— То и не подсчитать, — продолжил за нее Глеб Максимилианович, но, оказалось, в этом он ошибся:

— Ну почему же не подсчитать? У меня все посчитано, вот, сами смотрите — с этими словами внезапная гостья достала из той же сумочки, что и кирпич, довольно толстую папку с бумагами. — Только в следующем году это даст общую экономию примерно в шесть миллионов восемьсот сорок тысяч рублей и позволит увеличить выпуск новых паровозов на шестьдесят пять — семьдесят машин на сумму чуть больше трех миллионов рублей без каких бы то ни было дополнительных вложений в производство.

— Интересно, — Кржижановский быстро пролистал испещренные цифрами документы, — я попрошу кого-нибудь срочно проверить ваши расчеты. Струмилина, что ли, пригласить...

— Струмилинин занят, я ему других документов на подумать принесла. Хотя... действительно, его пригласите: у него в голове наверное арифмометр спрятан, он все быстро пересчитать сможет.

— Ну хорошо, а какова цель вашего визита? Откровенно говоря, я не совсем понял...

— Цель проста: чтобы произвести огнеупор, сначала нужно добыть глину, причем из очень непростой шахты добыть, уголь опять же. Шахтерам надо зарплату платить, рабочим-огнеупорщикам тоже. Причем платить до того, как этот огнеупор появится на свет.

— Это очевидно, — согласился Глеб Максимилианович.

— Так вот, чтобы получить в следующем году бюджетную экономию в десять миллионов, необходимо в этом году обеспечить Боровичи как минимум одним миллионом.

— Тогда вы пришли не по адресу, — довольно резко ответил Председатель Госплана, — мы деньгами не распоряжаемся, мы их лишь тратим, вырабатывая контрольные цифры для

промышленности. И даже если мы отдадим вам всю зарплату всех сотрудников, там миллион наберется лишь в течение долгих лет.

— Примерно за три месяца наберется, но мне ваши зарплаты не нужны. Если бы мне пришло в голову вашу зарплату отнять, то для этого не понадобилось бы к вам приходить. Примерно завтра-послезавтра, сразу после того, как Менжинский запретит закупку огнеупоров за рубежом, состоится заседание ВНСХ, и всё, что мне требуется — чтобы вы подтвердили или опровергли мои расчеты.

— Или опровергли?

— Все могут ошибаться. А когда речь идет о десятке миллионов в год, особенно важно всё перепроверить, и нужно чтобы проверки выполнялись людьми друг от друга вообще никак не зависящими. Так что до встречи на заседании...

Когда посетительница ушла, Глеб Максимилианович — после недолгого размышления — вызвал Струмилину. И снова испытал сильное удивление, когда Станислав Густавович, посмотрев на титульный лист, спросил:

— Где подписываться?

— А вы не хотите проверить эти расчеты?

— Как я понял, документ составляла Ольга Дмитриевна из Девятого управления. Я с её расчетами успел познакомиться. Она — просто фанатичка арифметики: думал, нашел примитивную, хотя и мелкую, ошибку в прилагаемой таблице, и думал так пока не дошел до конца раздела. Где она особо отметила, что в отдельных случаях округление не то чтобы до рубля, а даже до целых копеек приводит к изрядным погрешностям — и показала, как накапливаются такие ошибки. Так вот, все финансовые расчеты она проводит до сотых долей копейки! Я трижды перепроверять должен был, пока не убедился в абсолютной точности ее цифр, и сейчас уверен, что перепроверять её — попросту терять время.

— Но она специально попросила поручить перепроверку именно вам, сказала, что у вас в голове спрятан арифмометр...

— Тогда у неё в голове спрятался целый отдел расчетчиков! Но ладно, попробую пересчитать внимательно. Когда потребуется мой ответ?

— Завтра до обеда.

— Я постараюсь. А вы постарайтесь ее к нам перетащить, мне кажется что она одна пару отделов заменить в состоянии.

— Станислав Густавович, вы ее удостоверение видели? Если её даже в мое кресло посадить, то для неё это будет серьезным понижением в должности...

— Да знаю я, но помечтать-то можно?

Ольга вернулась из Москвы как раз к седьмому ноября, причем вернулась с тремя с половиной миллионами полновесных рублей: два миллиона Девятому управлению выделил Куйбышев от ВСНХ и полтора — Рудзутак, работавший наркомом железных дорог. Точнее Милютин — нарком финансов — попросту «отобрал» полтора миллиона у железнодорожника и передал эти деньги Девятому управлению, чему Рудзутак был, конечно же, «чрезвычайно рад». А сама Ольга сразу по возвращении прибежала к Ане с интересными вопросами:

— Аня, вот вы прекрасно в искусстве разбираетесь...

— Как и все мы, то есть музыку слушать люблю и кино смотреть... любила.

— Да не скромничайте, мне этот ваш барон все уши прожужжал о том, как вы с первого взгляда фарфоровые изделия... — но Аня, буквально закатившись от смеха, ее даже не

дослушала.

— И что я не так сказала? — Оля удивилась такой неожиданной реакции собеседницы.

— А давайте все же на «ты» перейдем...

— Согласна.

— Я увидела в серванте чашки точно такие же, какие мне от бабушки остались, только мне достались две всего — но я точно знала, кто и где их выпустил.

— Я про китайские вазы...

— Оля, если на вазе нарисован дракон голубого цвета, то наши доблестные искусствоведы наверняка назовут эту вазу именно «Голубым драконом». А еще я где-то заметку читала про то, как китайцы чуть ли не миллионами подделывают вазы именно династии Мин, вот я название и запомнила — а какие еще династии бывают, я даже и не знаю... знаю, еще династия Цинь... или Цин, не помню как точно, но цинские вазы не подделывают. Про Эрмитаж я от балды брякнула: я просто других музеев в Питере не знаю. Но, оказалось, брякнула удачно. А что ваза парная — так это сразу видно: непарные вазы имеют симметричный рисунок, а парные — ассиметричный и как бы зеркальный... вообще-то мы это еще в школе проходили на уроках изо.

— Повезло вам с учительницей... но спасибо за ликбез. А у нас тут чего новенького? От Петрухи новости были?

— Он говорил, что проявится ближе к концу декабря. А новенького много, только не совсем у нас: крестьяне в соседнем уезде начали строить себе ГЭС.

— Это интересно.

— Не очень: Прокофьев эту затею назвал «апофеозом дурацкого труда». Ну, не совсем так назвал, но по сути именно так. Там тысячи мужиков собираются перелопатить пару миллионов кубометров земли за два года чтобы построить ГЭС мощностью в триста пятьдесят киловатт.

— И что в этом особо дурацкого?

— А у Станислава Викентьевича отец в молодости участвовал в постройке промышленной электростанции в Новороссийске, и там они силами двух десятков рабочих из паровозоремонтной мастерской за год изготовили и генераторы трехсоткиловаттные, и машины паровые, чтобы генераторы крутить — и выстроили станцию мощностью под мегаватт. А здесь генераторы втрое слабее — и те за границей заказывают, и даже водяные турбины в Пи... в Ленинграде лишь пообещали постараться сделать. Блин, гидротурбина в полтораста лошадиных сил, да даже я сама такую сделаю за месяц из стального листа болгаркой и кувалдой!

— Но может хоть так в Боровичах электричество появится...

— Триста пятьдесят киловатт, до Боровичей оттуда километров пятьдесят, к тому же на стройке много мужиков аж из-под Демянска, и они уже на электричество будущее тоже губы пораскатали. Но и у нас электричество появится: Станислав Викентьевич начал уже паровую турбину делать. Вася все же кое-как запустил бельгийский токарный станок, Прокофьев сказал, что на первое время и такого хватит, пообещал весной запустить электростанцию уже в городе: генератор-то они с Серёжей закончили. Пока один... А у тебя как?

— Хорошо, что ты мне забыла отдать Петин пистолет, а то я просто постреляла бы весь Совнархоз в полном составе. В стране ничего нет, за что не возьмись — того и не хватает, на улицах толпы, толпы безработных! А на заводах не используется в среднем семьдесят процентов мощностей!!! Ну нам-то это пока на руку, тот же Ижорский все твои заказы с

песнями и плясками вне любых очередей исполняет, но в целом... Я все больше подозреваю, что Железного Феликса просто умные люди убрали — но, скорее, еще большие идиоты, чем он сам, это сделали.

— Так уж и идиоты?

— Сама смотри: минфином... наркомфином управляет недоучившийся художник, путями сообщения — дебил с двумя классами образования. С двумя! Он даже читает по слогам!!! Там самый образованный человек — это Куйбышев, который успел закончить первый курс медицинской академии! Да для них вся моя писанина — китайская грамота, они даже примерно понять не могут, что там написано!

— А Кржижановский? Или этот, Струмилин?

— В Госплане работают умницы и красавцы. Но в нынешней системе все их планы — филькина грамота, они даже рекомендациями для работы предприятий не являются, а так, благими пожеланиями. Никто, вообще никто на них вообще внимания не обращает! У меня складывается впечатление, что все собравшиеся у власти кретины даже деньги толком посчитать не могут, просто потому, что арифметику в школе не учили...

— Так уж и кретины? А Сталин...

— Аня, Сталин сейчас в партийно-правительственной иерархии занимает, между прочим, двадцать шестое место. Это официально, а по факту у него пока вообще никакой власти нет. Ему — чтобы разгрести этот гадюшник — еще лет десять потребуется, если я историю совсем не забыла...

— Но Сталин же — Генеральный секретарь!

— Ага. И власти у него столько же, сколько власти над предприятием у секретарши директора этого предприятия. Его работа — готовить материалы к заседаниям ЦК, писать проекты решений и, если прикажут, разъяснять народу политику партии. Всё.

— А как же он стал тогда самым главным?

— А вот так. У меня знакомая была, так она в тридцать пять фактически управляла одной из крупнейших госорганизаций в столице. Правда поняли это там только когда она уволилась, а работала она всего лишь секретарем-референтом.

— И как она управляла?

— Долго объяснять, разве что на примере показать попробую. Ну, представь: два рабочих из седьмого цеха вечером к гаражах набрались, подрались, и один попал в больницу с переломом челюсти, а второй — с переломом пальцев руки. И пришла на завод телега из полиции, причем, заметь, легла эта телега как раз секретарю на стол.

— И что?

— У секретаря сразу открывается множество возможностей. Первое — «какое дело директору до пьяной драки за пределами завода» и послать телегу в бухгалтерию с запиской: «в соответствии с пунктом 235 Устава лишить обеих кварталной премии и на время излечения отправить в неоплачиваемый отпуск».

— Ну, допустим...

— Второй вариант: докладная директору «Иванов устроил пьяную драку с Петровым и сломал ему челюсть, пострадав при этом и сам», или наоборот. А третий вариант — «в цеху у Сидорова двое рабочих в пьяном виде устроили драку, в результате которой оба отправлены на больничный». С опцией «в отличие от цеха Кузнецова, досрочно выполнившего план, в цеху у Сидорова...» и «в результате чего выполнение плана седьмого цеха поставлено под угрозу». И реакция начальства в разных вариантах подачи информации

будет тоже разной, но предсказуемой. Правда, для приведения в действие такой реакции сначала нужна драка — и Сталин требуемый комплект таких «драк» лет десять и будет собирать...

— Тебя послушаешь — и сразу руки опускаются.

— А вот руки опускать не надо. Пока в стране бардак, мы можем этим очень даже неплохо воспользоваться. А раз уж бардак сейчас абсолютный... Кстати, как у тебя Вова Сердобин, сделал уже что-нибудь? Я это к тому, что Менжинский, хоть и болван болваном, но может все же заинтересоваться и спросить, что мы такого полезного тут творим.

— Ну, юноша, конечно, со странностями, однако в химии кое-что понимает. Да и странности... он просто запуган был чуть не до смерти, сейчас отходит помаленьку. К Фаворскому уже самостоятельно скатался, привез из Питера пятиокиси ванадия килограмма полтора. Еще двадцать килограмм заказал: ты знаешь, оказывается сейчас кто угодно чем угодно может с заграницей торговать!

— Знаю, но пользы от этого чуть меньше чем нисколько: не хотят буржуи торговлю с нами вести. Петруха ведь не просто так туда поехал?

Петр Климов в свое время очень сильно дружил с ребятами из архива собственной конторы, да и после ранения успел там немного поработать. Поэтому кое-какие «мелочи» функционирования этой организации в прошлом в памяти его застряли — и он постарался их использовать с максимальной для себя выгодой. Например, он очень хорошо знал, что в конторе был изрядный запас иностранных паспортов, но некоторые — например британский, французский или, скажем, американский — получить можно было лишь по личному письменному распоряжению Менжинского. А некоторые — вообще нафиг никому нужны не были, их выдавали по запросу даже заместителей начальников отделов. Точно так же было и с «командировочными»: фунты с долларами и марками выделялись со скрипом и в весьма ограниченных объемах, а те же бельгийские франки, казалось, в кассе даже не считали. То есть считали, конечно, но при изобилии этой крашеной бумаги в кассе лишь проверяли, влезает ли запрашиваемая сумма в графу «расходы» соответствующего подразделения. Что, с точки зрения Петра, было совершенной глупостью, ведь поменять те же франки на фунты или доллары практически в любом зарубежном банке труда не составляло — тем не менее ситуация была именно такая, и для удовлетворения собственных appetitов Петя потратил в здании на Лубянке всего полдня...

Фелипо Эстреме смеялся еще несколько дней после того, как сеньор Аугусто Альварес вышел за ворота консульства. Вообще-то у консула Аргентины работы в этом городе было немного, да и работа была не самой веселой, однако этот парень его реально рассмешил. Сеньор Альварес к консулу пришел поделиться свое бедой и с просьбой о срочной помощи: ведь в Нью-Йорке он находился проездом по пути в Европу, а тут такое...

— Сеньор Эстреме, ну судите сами: сеньора уже глаза закатывает, а эта мерзкая шавка начинает грызть мои брюки. Но настоящий идальго не может же остановиться в такой ситуации!

— А... а заранее убрать собачонку...

— Да я даже не знал, что она у неё есть! Я же не бросился выяснять её семейное положение или расспрашивать о домашних любимцах, мне такая чушь вообще в голову в тот момент придти не могла! Тем более... сами понимаете: штаны — это ерунда, а о том, что в кармане мой паспорт, я, естественно, вообще тогда забыл. Да и штаны новые купить не проблема вообще, а вот паспорт...

— Ну, если отбросить формальности, то и паспорт...

— Сколько? Я должен был отплыть еще в субботу, но консульство было закрыто...

— Если учесть надбавку за срочность...

— Так сколько?

— С надбавкой двадцать два доллара и сорок пять центов.

— Вот, здесь тридцать... сдачу не ищите, это займет лишнее время — а так я могу успеть на дневной пароход...

Консул вообще-то ничего противозаконного не сделал: паспорт, хотя и изрядно погрызенный, выглядел совершенно настоящим, да и написанное в нем вполне прочесть можно было... ну, большей частью можно. А если сеньору Альваресу невмоготу ждать, пока из кассы он отсчитает сдачу, так консулу-то какое до этого дело? А двадцать семь вполне американских долларов приходить вообще не обязательно: за последние три дня в консульство вообще никто не обращался, так что если слегка ошибиться и заявление отметить позавчерашним днем...

Ян Бьорк с некоторым недоумением посмотрел на сидящего перед ним франта:

— Я думал, что всем известно: мы с Советами не торгуем.

— В вашем утверждении всего две ошибки, небольших, но довольно важных. Во-первых, Швеция ведет торговлю с Советами, и довольно оживленную. Правда одностороннюю, то есть шведы лишь продают туда свои товары — но это лишь формальное уточнение. А во-вторых, я вообще не предлагаю вам иметь хоть какие-то дела с Советами. Я представляю здесь совершенно аргентинскую компанию, и предлагаю вам исключительно аргентинский товар.

— А зачем вы тогда показываете мне русские сертификаты?

— Видите ли... некая американская фирма договорилась — давно, еще до революции в России — о приобретении некой продукции. И даже успела её оплатить — но не успела получить. Однако у нее остались документы, по которым русские обязаны оплаченное отдать. Так уж вышло, что в свое время получить оплаченное не получилось, но теперь к этому никаких препятствий нет. За исключением одного: американцам товар больше не нужен. И они его продают — фактически продают коносамент — моей уже компании. Таким образом обозначенный в коносаменте товар юридически является именно аргентинским.

— Все это очень интересно...

— Куда как интереснее, чем вы можете подумать. Вы... ваша компания покупает такую же продукцию в Германии, и платит за неё, между прочим, по шестьсот с лишним крон за тонну. А продукция аргентинская обойдется вашей компании уже по четыреста двадцать крон за тонну, и, вдобавок, она просто идеально подходит для ваших печей, можно даже подумать что ее именно для них и изготавливали!

— И вы думаете, что мы поступимся принципами из-за копеечной экономии?

— Убежден что нет. Но если рассмотреть эти сто тысяч тонн огнеупоров несколько с другой стороны...

— Сколько?

— По первому коносаменту у меня именно сто тысяч тонн, правда с поставками в течение двух лет. Но... экономия в сто пятьдесят крон с тонны в результате принесет...

— Даже сто восемьдесят, если я...

— Куда вы денете тридцать лишних крон — это исключительно ваше личное дело, не

так ли? А какую премию правление выдаст начальнику службы закупок, который на ровном месте сэкономит компании пятнадцать миллионов...

— Это верно...

— Да, кстати, в порядке дружеского совета. Насколько я знаю, госпожа Пернилла, ваша супруга, страдает определенными недомоганиями по женской части, так я бы порекомендовал неплохую клинику в Швейцарии: там ее вылечат буквально за неделю.

— Не несите чушь! И вообще, какое вам дело до моей жены?!

Выражение лица аргентинца резко изменилось:

— Вы что, идиот? Или всерьез думаете, что три миллиона мы вам наличными в чемодане привезем? А в Швейцарии гарантируется полная тайна вкладов...

— Извините, — швед виновато поглядел на собеседника. — И... мне показалось, что у вас очки были... другие.

— А, это... Есть такая небольшая американская компания, о которой мало кто знает. Называется Yellow Brick Road...

— Я читал эту сказку, — улыбнулся швед.

— Так и компания эта такая же сказочная. Она, среди прочего всего, изготавливает линзы, которые на свету темнеют, а в тени снова становятся абсолютно прозрачными. И всё удовольствие стоит десять крон за одно стекло.

— Я, наверное, купил бы такие... их только в Америке продают или в Швейцарии тоже их можно купить?

— Я уверен в том, что ваша супруга прекрасно может управлять собственной компанией. Которая скоро, может быть всего лишь через полгода, станет монопольным производителем таких очков во всей Европе. Да, линзы она сможет покупать в любых количествах... в Швейцарии, конечно, у филиала американской фирмы, с представителем которой она познакомилась во время лечения. Но раньше времени, мне кажется, ей не стоит повсюду трубить о своих деловых талантах, вы согласны?

Когда аргентинец вышел из ресторанчика, в котором проходила эта странная встреча, господин Бьорк тоже покинул уютное заведение и быстрым шагом отправился на работу. Понятно, что это никакой не аргентинец, а очень хитро... вывернутый янки: американцам, как бы они не старались, свой дурацкий акцент не скрыть... но если просто выполнить те несложные инструкции, которые он изложил, то очень скоро жизнь самого господина Бьорка заиграет новыми красками. Очень яркими и буквально завораживающими — и только поднимаясь по лестнице в свой кабинет он сообразил, что все потребности его компании в огнеупорах на следующий год составляют примерно пять тысяч тонн. Пять тысяч, не сто!

Гуля воспользовалась предложением Мессинга о содействии на все сто сорок шесть процентов, и в результате в середине ноября в Боровичи прибыли — под конвоем, конечно — два десятка осужденных, хоть как-то связанных с медициной. То есть она делала запрос на врачей, но, вероятно, по старой памяти написала слово «медиков», а Станислав Адамович и расстарался. Так что за следующую неделю у неё состоялось несколько довольно забавных разговоров с прибывшими:

— Сиваков, Терентий Потапович, тут написано, что вы врач.

— Помилуй, барыня, ну какой я врач-то? Фершалские курсы закончил, не скрою, трехмесячные. И в госпитале служил, да, но младшим фершалом. В госпитале помогал докторам операции делать, не более.

— А помогали докторам как?

— Ну сами видите: мужик я крепкий, а тогда вообще в силе был. Доктор, значаца, операцию делает, а я болезного держу крепко. Ну иной раз инструмент какой подать если...

— Зажим от пинцета отличаете? Крови не боитесь?

— Крови на войне все не особо бояться, ежели кровь не своя. А инструмент... начинал-то я слесарем на Тумботинском заводе, за что в фершалскую школу и сподобился направление получить. Я не то что корнцанг от цапки различу, зажим Бильрота от зажима Эдсона в темноте на ощупь не спутаю.

Свой срок Сиваков получил как раз из-за своего "военного опыта": помогая врачу в Ленинградском госпитале, он просто сломал руку пациенту, сильно дернувшемуся во время операции — а пациент оказался краскомом...

— Де-Монфор Артур Францевич, тут написано, что вы... медик.

— Имею честь быть ветеринаром, окончил ветеринарную академию во Франции. Во время войны вынужден был и солдат лечить... оперировать... больше по ампутациям, да и то особых успехов не снискал. Когда морфина вообще нет, и даже водки не найти, то, знаете ли...

— Знаю. А в ветеринарии вы на чем специализировались?

— Лошади, понятное дело, но больший интерес имею к крупному рогатому скоту: у отца в поместье изрядное стадо имелось и планы были его улучшать и расширять.

— А какие породы для молочного животноводства вы бы посоветовали?

— Вы меня для этого сюда притащили? Ну хоть так отдохнуть немного вышло... При надлежащем уходе лучшими были бы датские красные, а для русского мужика пожалуй голштинки, из американских селекций — их счел бы предпочтительными: они хоть по молоку с датскими не сравнятся, но в уходе много проще. За совет, если он полезным окажется, вы мне еще хоть неделю отдыха от каторги не предоставите? Несколько дней хотя бы, а?

— Никакой недели: раз про коров понимаете, завтра отправляетесь в Штаты, там закупите коров с полсотни получше, ну и бычков хотя бы пяток — и все стадо везете сюда. Потом займетесь обучением крестьян уходу... а датских, думаю, следующим летом закупать поедете.

— А не боитесь, что сбегу? В Америке-то ваш конвой меня может и не устеречь.

— Думаете, у нас деньги лишние есть чтобы конвой с вами отправлять? На мерзавца вы категорически не похожи и семью свою скорее всего не бросите. А если все же бросите, то уж поверьте: досрочная ваша встреча с богом, хотя и не вызовет у нас радости, окажется неизбежной. Ладно, пошутили и хватит: ваше дело передайте в первую комнату, это слева от двери, документы вам к полудню завтрашнему все оформят, поезд на Ленинград завтра в три пополудни, а билеты и деньги на коров с бычками уже в Ленинграде получите. Все, идите, кто там следующий?

Еще Гуле запомнились некто Шидловский Илларион Борисович, диплом врача имевший, но взомнивший себя поэтом (в Боровичи он попал не из лагеря, а прямо со скамьи подсудимых — и потому предложение Гули о работе по специальности гневно отвергший), корабельный врач-хирург Розинг Николай Лиамович, переживающий лишь о том, что немедленно встать к столу ему мешает лишь дрожь в руках от голода и еще один, заявивший, что он обучался медицине в Берлине и Лейпциге не для того, чтобы лечить "мужичье и хамов".

За неделю из двадцати человек Гуля выбрала семерых врачей и трех фельдшеров для Боровичской больницы, еще один врач был отправлен обустроить больницу в Мошенском. Непризнанный поэт отправился отбывать срок по приговору — как и противник лечения мужичья, а так же двое откровенных самозванцев, ни малейшего отношения к медицине не имевшие. А один, лет сорока с небольшим, мужчина, на вопрос Гули лишь вздохнул тяжело:

— Ну трудно разве ошибку в бумаге исправить? Медник я, не медик! Хотите, за день вам самовар сделаю?

Этого Гуля отправила мужу: медник мог Валентину пригодиться, а срок он получил всего лишь за пьяную драку с милиционером. Изувечил его, конечно, сильно — но милиционеру этому явно не стоило заниматься плотскими утехами с женой очень нехилого мужика, к тому же соседа по коммуналке...

В конце декабря Петр, как и обещал, прислал Валентину телеграмму — из Риги прислал. А второго января и сам в Боровичи приехал. С «хорошими новостями», которыми поспешил со всеми поделиться. В целом его информацию все приняли, скажем, благосклонно, вот только Аня заставила его изрядно поволноваться:

— Ага, они разошлись, и один отправился искать миллион, а второй — вагон водки. Петруха, ты когда по фотохромные стекла договаривался, каким местом думал? То есть я знаю каким, однако в следующий раз ты такие тесные штаны не надевай...

— Ань, что не так? Ты же сама говорила, что если в стекло добавить немного хлорного или бромного серебра...

— Петь, ты в школе уроки химии прогуливал, что ли? В стекло добавляют углекислый натрий между прочим, а натрий — он более активный металл, чем серебро, и после плавки в стекле останется хлористый натрий и кристаллики серебра. Да что там, даже кремний — и то активнее серебра, и все эти присадки во время плавки разложатся...

— Понятно, с фотохромными очками мы пролетели...

— Ну не горюй, я, кажется, смогу сообразить, как технологию поменять и отработать. Вот будет у нас много электричества...

— А я думаю, что эта затея с очками изначально дурацкая, — высказала свое мнение Оля. — Если дело только в присадках, буржуи какой-нибудь анализ проведут и, даже если мы всё везде запатентуем, сами делать начнут. Нам там со стеклами этими ничего не светит.

— Надеюсь, что светит, — ответ химика-профессионала тут же всех успокоил, — я просто кое-что об этих технологиях уже знаю, поскольку тут как раз чистая химия металлов — а потенциальным конкурентам придется долго корячиться. Очень долго и очень-очень дорого, так что никто просто не захочет пиратить, стекла дешевле у нас покупать окажется. Гигантских прибылей это и нам не принесет, но курочка по зернышку... Кстати, и я всех слегка порадую: Вова синтетический аспирин наконец сделал, теперь осталось лишь электричеством разжиться — и можно будет массовое производство запускать. Это, конечно, ближе к концу весны случится, но Вацлаву уже можно реальный продукт показывать, и, если получится, дофинансирование под выпуск аспирина выбить. Кто поедет в Москву?

Ох вы деньги, деньги, деньги, денежки...

На подготовку визита к Менжинскому Петр потратил почти полтора месяца и в Москву смог поехать лишь четырнадцатого февраля. Впрочем, как и предсказывала Оля, Вячеслав Рудольфович всерьез «достижения химиков из Боровичей» не воспринял, так что еще неделю с лишним Петру пришлось организовывать встречу с Николаем Семашко — но когда они встретились и поговорили, всё завертелось с невероятной для Советского Союза скоростью: возможность получения произвольного количества аспирина, причем по цене раз в шесть дешевле германского, наркома здравоохранения настолько воодушевила, что он даже предложил «на развитие производства» выделить часть денег, направленных на строительство больниц и даже на обучение врачей. Однако Петя благоразумно отказался — и вовсе не потому, что «попаданцам деньги не нужны», а из совершенно других соображений, причем и близко не стоящих рядом с заботой о здоровье советских людей. То есть стоящих, но несколько своеобразно. Да и рядом с заботой о здоровье далеко не всех людей:

— Николай Александрович, на свою работу денег наше Управление найдет, а от вас нам было бы желательно получить лишь заключение о том, что производство это действительно очень важно для здравоохранения. Но только вот что: заключение ваше должно быть передано лично товарищу Менжинскому, а никому другому о нём вообще знать не нужно. По целому ряду причин, среди которых и вопросы экономические... внешнеэкономические. А еще, чтобы исследования наши продолжались успешнее, я бы попросил вас подобрать преподавателей... врачей и фармацевтов, с определенным опытом, а не скороспелых выпускников мединститутов, для нового медицинского и химико-фармацевтического институтов, которые осенью откроются в Боровичах.

— Почему в Боровичах? И я не уверен, что доктора с большим опытом согласятся поехать в провинцию...

— Я же не сказал «отправить», я сказал «подобрать». Подобрать тех, кто, по вашему мнению, для такой работы подходит. А уж склонять их к переезду к нам мы сами будем.

— Я категорически протестую...

— Николай Александрович, давайте так договоримся. Поскольку времени у нас еще достаточно, вы подумайте над персоналиями — но мне о них ничего не говорите, а потом, я думаю где-то в июне-июле, уже мы с вами вдвоем съездим в наш славный древний купеческий городок и уже тогда вы сами разберетесь, захотят ли эти люди сами — подчеркиваю, именно сами и именно захотят — переехать. Причем временно: у нас там работа исследовательская, а фармзаводы нужно будет в других местах строить... мы подскажем, где именно.

Двадцать шестого Петр вместе с товарищем Семашко посетили Менжинского. Предполагалось, что двадцать восьмого они сделают совместный доклад на Коллегии ВСНХ но Вячеслав Рудольфович предупредил, что докладывать придется, скорее всего, без него: у него как раз на эту дату намечено «очень важное дело». О сути «дела» «старый ФСБ-шник» разузнал в секретариате, и утром двадцать восьмого он, вместе со срочно вызванным из Боровичей Валентином, устроились на довольно неудобных деревянных креслах в ожидании «захватывающего спектакля».

Николай Фотиевич Оболенский смотрел на происходящее со скукой. Не то чтобы его не

волновало происходящее, просто он заранее знал, чем всё закончится. Владимир Ильич Симонов — тот вообще делал вид, что дремал. А вот Павел Юрьевич Постельников смотрел на всё с явным интересом, но и его, похоже, заинтересовали лишь два молодых человека, сидящих почему-то в зале и периодически что-то шепотом обсуждающие. Причем один еще и постоянно что-то записывал в тетрадку — а заинтересовали бывшего капитана первого ранга не действия этой парочки, а то, что судья смотрел на них... с опаской смотрел. Впрочем, действие скоро закончилось и всех уже осужденных «граждан» отвели в камеру рядом с залом судебных заседаний, как извещала непосвященных табличка на двери. Впрочем, в этом здании непосвященных не было.

Спустя пять минут после того как за заключенными закрылась дверь камеры, она приоткрылась снова и конвоир выкрикнул:

— Осужденный Вонлярлярский, на выход! — причем в первом слове он сделал на букву «у».

— Наверное опасаются, что мы его тут удавим потихоньку, — подумал Анатолий Владимирович, «бывший гардемарин», — вот и убрали побыстрее, — но, откровенно говоря, всем здесь собравшимся Константин Владимирович давно уже стал просто безразличен: в среде моряков показное игнорирование любого офицера считалась высшим проявлением презрения. Да и у каждого оставшегося в камере было теперь слишком много поводов подумать уже и о себе.

Было о чем подумать: для всех оставшихся в камере приговоры были вынесены... очень невнятные приговоры. И времени подумать у оставшихся в камере было достаточно: еще часа полтора они оставались предоставленные самим себе. А потом их вывели, погрузили в два грузовика — и через полчаса на Царском вокзале посадили в «стольпинский» вагон, приспособленный для перевозки заключенных. Там каждому выдали по миске гречневой каши, причем — что удивило большинство из «осужденных» — каша была с мясом. А еще через час вагон тихо тронулся и тихо поехал, переноса свежее испеченных «государственных преступников» из столицы в места, очевидно, не столь отдаленные.

То есть очевидным это стало ранним утром первого марта, когда вагон прибыл на какую-то станцию: здесь всех из вагона высадили и пешком погнали... не очень далеко погнали, в красивое кирпичное здание, обнесенное деревянным забором. На первом этаже двое рабочих сосредоточенно долбили стены, еще несколько человек крутились вокруг большой бухты электрического провода, не обращая внимания на вошедших. При этом внутри здания ощутимо воняло уксусом и еще какой-то химической дрянью, а на лестнице, по которой всех завели на второй этаж, в нос шибал еще и запах краски. Наверху их загнали в средних размеров зал, где из-за приоткрытых окон вонь была уже почти не заметна, снова покормили — и на этом «рутинная» часть их приключений закончилась. Потому что дальше случилось что-то весьма неожиданное:

— Доброе утро, товарищи офицеры, — обратился к ним один из тех двух молодых парней, которые сидели в зале суда.

— Да какие мы офицеры? — с горечью пробормотал Владимир Дашкевич. Пробормотал тихо, но его услышали:

— Ну я не знаю, — усмехнулся парень, — так в приговоре написано. В приговоре самого справедливого суда в мире, между прочим, так что я с ним спорить не собираюсь. А теперь доведу до вашего сведения почему, зачем и где вы собрались.

— Считаете это настолько важным? — не удержался капитан Арбенов.

— Итак, — продолжил парень, на реплику капитана внимания не обратив, — вы здесь собрались потому, что некий Константин Владимирович Вонлярлярский, пойманный на мелком хищении, всех вам оговорил, поступив против чести русского офицера. Именно поэтому мы решили его не трогать: советский суд вынес ему совершенно справедливый приговор, пусть хлебает полной ложкой. Ну а оставшиеся собрались здесь затем, чтобы — как указано в директиве нашего начальника — искупить вину на более нужной стране работе. Запомните эту формулировку так, чтобы если вас в три часа ночи разбудили и спросили, сколько будет дважды два, вы, не приходя в сознание, ответили бы «четыре»! Скорее всего, вас никто и спрашивать не будет, но на всякий случай запомнить стоит. А теперь насчет «где».

Парень откашлялся, оглянулся на дверь — очевидно, кого-то поджидая, но никто в зал больше не вошел, так что парень снова повернулся к сидящим перед ним гражданам:

— Вы находитесь в помещении химико-фармацевтической фабрики Особого Девятого Управления ОГПУ. И находитесь вы здесь потому, что начиная с этого момента все вы являетесь сотрудниками Девятого управления.

— Думаю, что вы заблуждаетесь, — очень ехидно высказался Постельников, упомянутый в приговоре как «капитан первого ранга». — Лично я становиться жандармом не собираюсь. Вдобавок ни к химии, ни к фармацевтике ни один из нас не причастен.

— Павел Юрьевич, — с легкой улыбкой обратился к нему «товарищ», — про химию и фармацевтику вы верно заметили, но у нас просто другого помещения с приличным залом пока нет. А Девятое управление еще именуется научно-техническим. И нам — для развития этой самой науки и техники — иногда требуется что-то такое, чего в России, даже советской, найти невозможно. А еще нельзя допустить, чтобы злобные буржуазные иностранцы вообще узнали, что это что-то мы где-то нашли и в Россию доставили. Так что... Насколько я помню из материалов дела, вы свободно говорите по-французски и по-английски, так?

— Допустим...

— Поэтому мы рассчитываем, что вы — именно вы — некоторое время поработаете капитаном совершенно торгового и совершенно иностранного судна, которое всякое разное будет доставлять из одного места в другое, причем и все места эти будут строго иностранными — да и сам капитан судна будет сугубым иностранцем. А вот Николай Алексеевич Арбенов, владеющий, причем не на отлично, лишь наречием германским, будет возить самые простые грузы в Россию и обратно в какие-то иностранные порты, будучи капитаном уже советского парохода, едва не разваливающегося от старости.

— И зачем мне такое счастье? — не удержался «бывший» капитан первого ранга Арбенов.

— Не «зачем», а «почему». Лично я думаю, что содержать в полностью исправном состоянии пароход так, чтобы даже при тщательном внешнем осмотре он выглядел будто уже начал разваливаться на части, далеко не каждому под силу. Тут нужна железная дисциплина экипажа, а обеспечить такую далеко не каждому капитану дано. Вы, насколько нам известно, сможете обеспечить. А остальные товарищи — вы большей частью войдете в экипажи этих двух судов, поначалу войдете, пока наш флот не расширится. А в свободное от такой работы время потихоньку начнете обустривать новый порт в деревне Усть-Луга: что-то незаметно привезенное потребуется и незаметно разгрузить. Да, извините, сразу забыл сказать: ваши семьи сюда переедут в течение пары недель, кроме разве что семьи

Александра Николаевича — и парень указал на Бахтина — так как из Севастополя просто добираться долго.

— А сюда — это куда? — решил уточнить Бахтин.

— Ах да, это город Боровичи. Климат тут, конечно, не черноморский, но жить можно, причем жить с комфортом. Отсюда вы все по местам трудовой славы — и эти слова парень произнес как-то очень естественно и без тени усмешки — и будете ездить. А насчет жилья... пока каждому из вас подобрали относительно приличные комнаты, весной начнется массовое жилищное строительство и к осени каждому будет предоставлена отдельная и совершенно благоустроенная квартира, проживать в которой семье русского офицера будет не стыдно. А пока... — тут в зал вошла молодая женщина, которую, очевидно, парень и поджидал — а сейчас все проследуют на медицинский осмотр. Знакомьтесь: Сухова Гюльчатай Халматовна, доктор медицинских наук, военврач, полевой хирург, майор медицинской службы.

— Майор? — удивился Томашевич.

— А вы что, думаете только вы здесь товарищи офицеры? Майор Сухова, кстати, еще и начальник военно-медицинского отдела Управления, и теперь она по чину в переводе на ваши деньги — контр-адмирал, так что прошу субординацию соблюдать. Гуля, ты здесь осмотр проводить будешь или у себя в госпитале?

— Ну не на стройке же его проводить! Товарищи офицеры, прошу следовать за мной...

Спустя два месяца Борис Леонидович Адлард внимательно осматривал очередную «посудину» в порту Пирея.

— Ну, что скажете?

— Особых замечаний по состоянию судна у меня нет, — ответил капитан второго ранга на вопрос Петра Евгеньевича. — Мелкий ремонт, конечно, необходим, но его мы сможем и своими силами произвести. Что же до цены...

— Цена пусть вас вообще не беспокоит. Главное, что я хочу знать, так это сможет ли посудина через месяц доставить груз из Петербурга в Гётеборг.

— Скорее через полтора, а то и через два: судно не быстрое, а его еще на Балтику перегонять. А в остальном... Я думаю, что одну навигацию судно и без ремонта выдержит. Не знаю, правда, что по поводу судна скажет Николай Алексеевич...

— Это мы не ему покупаем, здесь вы капитаном будете. И нам нужно, чтобы до октября вы смогли перевезти из Ленинграда в Гётеборг пять тысяч тонн груза. Совершенно открыто, со всеми документами...

— То есть практически в каботаже ходить? Тогда, если проблем с переходом на Балтику не случится, то работу судно практически наверняка выполнит. А если его следующей зимой более серьезно подремонтировать, то его еще на пару навигаций хватит. Однако вряд ли больше...

— Подремонтируем. Программу перевозок закроем и тут же на ремонт поставим. Ну что, идемте оформлять документы?

Откровенно говоря, Джеральд Стирлинг был не очень доволен сделкой. Конечно, продать тридцатилетнюю ржавую галошу на двенадцать тысяч фунтов было очень неплохо, но — если бы не въедливые инспектора Ллойда, обнюхавшие каждую заклепку на корпусе — теоретически было возможно получить за неё и больше. К тому же еще из полученных денег Ллойд потребовал выплатить страховку за перегон корыта на Балтику, где будет оформлена передача судна новому владельцу — и хорошо еще, что хоть экипаж для

перегонки не пришлось за свой счет нанимать.

Впрочем, сделка все равно оказалась выгодной, ведь вторым «по ценности» предложением было продать лоханку на металл за сумму меньше тысячи фунтов. К тому же русский капитан не потребовал, как это было принято, произвести полную покраску судна перед продажей — так что было бы грехом роптать на судьбу.

Тем временем Вячеслав Рудольфович слушал доклад уполномоченного из Экономического отдела, и недовольно морщился — хотя и не было понятно, почему: ведь, судя по докладу, его подчиненные достигли очень хороших результатов:

— Отдельно опрошенный профессор Фаворский, который, судя по всему, единственный из всех опрошенных глубоко изучил предлагаемый процесс, показал, что была использована совершенно иная технология получения продукта, и в результате наш аспирин, мало того что получается вшестеро дешевле германского или американского, еще и куда как чище. То есть гораздо лучшего качества и наносит меньше вреда пациентам. Кроме того, буквально все опрошенные отмечают, что когда оснащение завода будет закончено, он полностью закроет потребность страны в данном лекарстве.

— И когда оно будет закончено?

— Сейчас трудно сказать: по требованию Девятого управления и с полного согласия со стороны Семашко основное производство организуется в Омске, но там только приступили к строительству завода, а вспомогательное производство уже налаживается в Уфе, куда летом перенесут все оборудование из Боровичей и запустят выпуск лекарства в количестве, вдвое превышающее нынешний объем закупок за границей.

— А что говорят ваши сотрудники по поводу экономической целесообразности подобной деятельности? Я про постройку заводов в довольно отдаленных городах...

— Всё же в Боровичах расположены лишь исследовательские лаборатории, и массовое производство — не их профиль, оно мешает работе уже исследовательской. Настолько мешает — этот вопрос вне нашей компетенции, но профессор Фаворский вроде с этим согласен. Вдобавок, если рассматривать картину с точки зрения государственной безопасности, то подобное размещение производств затруднит проведение диверсий. А когда, после завершения постройки всех заводов, у нас возникнут излишки продукции, мы легко выйдем на рынки азиатских государств...

Товарищ Менжинский дослушал доклад и, когда сотрудник экономического отдела вышел, снова недовольно поморщился. Настоящей причиной его недовольства было то, что он вообще очень слабо понимал, чем конкретно занимается это Девятое Управление — хотя оно, несмотря на огромные финансовые вливания, за год успело не только окупить вложения, но и принести весьма заметную пользу стране. Вероятно Феликс был прав: если для того, чтобы использовать знания контрреволюционеров, нужно поместить их в золотую клетку, не выстроить такую клетку — при наличии нужного «золота» конечно — было бы просто глупо. Ну а как сотрудники Управления достигают таких результатов... и интересно, где их Феликс вообще откопал? Уровень квалификации у них просто запредельный, по крайней мере у тех, с чьей работой люди уже столкнулись. А мотивация — Вячеслав Рудольфович вообще не понимал, чем такая высокая мотивация вызвана. Вот взять, к примеру эту восточную врачиху: ну приехала в Москву, ну родила в больнице Грауэрмана — но на следующий день после родов она же в больнице провела, как передают слова врачей соответствующие сотрудники, уникальную операцию другой роженице! Потом неделю лекции врачам роддома читала — а после, оттуда выписавшись, две недели инспектировала

роддома и родильные отделения больниц Москвы и направила докладную Семашко на семидесяти страницах «О положении дел в советском родовспоможении и мерах по его улучшению». Николай Александрович этот доклад даже издал в виде брошюры и разослал по всем больницам республики с указанием «к обязательному исполнению»...

А геолог этот: специалисты говорят, что иногда складывается впечатление, что он просто на двести саженей вглубь земли всё глазами видит. Ладно в Порхове шахту гипсовую устроил: вроде гипс там еще до Революции нашли. А вот как он этот гипс в Бобриках учуял?

Вячеслав Рудольфович вдруг поймал себя на мысли, что он вообще не сомневается, что гипс — по словам этого геолога «самое большое месторождение в мире» — там обязательно найдется, хотя шахту закончат строить хорошо если через восемь месяцев, а гипса в Бобриках пока вообще никто и не видел. Не сомневается потому, что этот геолог предсказал, какие под землей возникнут проблемы при постройке шахты — и все, абсолютно все его предсказания сбылись. Пока сбылись... Но выстроенная на заводе «Спартак» необычная цементная печь, выпускающая — уже выпускающая — цемента больше, чем весь завод делал еще три месяца назад... правда, её-то, вроде, строили по проекту другого сотрудника Девятого управления...

Ладно, чёрт с ним, этим Управлением. Дело делают — и ладно. А уж если ЦК утвердит представление Семашко...

Николай Александрович, как нарком здравоохранения, некоторое время пребывал в шоке. Затем он гораздо более продолжительное время пребывал в гневе, а под конец испытал что-то вроде эйфории — и все это случилось с ним в течение трех дней. Хотя началось десятью днями раньше.

В конце февраля двадцать седьмого года произошло не очень заметное событие: на строительстве Штеровской электростанции несколько человек заболели тифом. Сыпняк захватил всего два барака, и всех заболевших немедленно увезли в карантин, а на Донбасс «для усиления местных кадров» было решено направить и нескольких врачей из Москвы. И их «поймала» Гюльчатая Халматовна, как раз объезжающие московские больницы с «инспекцией», так что врачи на Донбасс из Москвы выехали с двумя коробками таблеток.

А через неделю все они вернулись обратно с круглыми от удивления глазами: все больные этими таблетками были вылечены! Совершенно все из более чем двух сотен заболевших! Причем собственно лечение заняло не более пяти дней! Правда, согласно инструкции Суховой, двое местных уже докторов еще две недели скармливали выздоровевшим мужикам (и бабам, и детям) ежедневно по таблетке препарата с таинственно-пугающим названием «плавикс», но вообще-то это была уже «профилактика осложнений»: в инструкции Суховой было отмечено, что без такой профилактики может наблюдаться небольшая (менее процента) смертность и после выздоровления, а вот с этим «плавиксом» гарантируется полное восстановление деятельности организма. Вернувшихся врачей больше всего поразило «предостережение», предварявшее инструкцию по проведению лечения: «по мнению разработчика возможна индивидуальная непереносимость препарата, приводящая к неизлечимым нарушениям жизнедеятельности пациента. Однако такая вероятность, в отсутствие достоверной клинической статистики, может колебаться от высокой (один случай на шесть тысяч пациентов) до средней (один случай на тридцать-сорок тысяч)». Высокая вероятность один на шесть тысяч! Для болезни, при которой вообще смертность достигает двадцати процентов!!!

Николай Александрович, поскольку Гюльчатая Халматовна была еще в Москве,

вприпрыжку побежал к ней договариваться о том, где Наркомздрав будет срочно налаживать выпуск препаратов. И тут уже шок от невероятной радости мгновенно сменился гневом: товарищ Сухова заявила, что эти препараты Наркомздрав выпускать не будет. То есть тогда еще гнев лишь подниматься начал, ведь Гюльчатай Халматовна за разъяснениями отослала наркома «к разработчику препарата» — а уж его-то Семашко наверняка сможет убедить!

Не убедил, и вот тогда гнев практически затмил обычную рассудительность мудрого доктора. Потому что этот разработчик (оказавшейся милой, на первый взгляд, женщиной) причину отказа выдал просто невероятную!

— Видите ли, Николай Александрович, лично я рассматриваю данный препарат как средство наживы. Я собираюсь продавать его, причем за очень большие деньги...

— Но ведь речь идет о здоровье людей! Как вам не стыдно даже произносить такое! — обычно спокойный, доктор Семашко эти слова проорал, и даже лицо его покраснело от гнева.

— Вот так не стыдно, — и женщина посмотрела врачу прямо в глаза, — и вот так тоже не стыдно, — она повернулась в профиль. — И вообще никоим боком не стыдно, причем сразу по трем причинам. Первую я уже озвучила: препарат излечивает не только тиф, он прекрасно работает по целому спектру различных болезней, включая холеру, гонорею, пневмонию, бактериальный менингит и кучу других. Поэтому даже при цене, скажем, в две шведских кроны за одну таблетку, или, проще, в золотой рубль, рынок с легкостью проглотит в год до десяти миллионов таблеток. То есть даст нам десять миллионов столь нужных стране рублей.

— Вы явно заблуждаетесь, у наркомата просто нет таких денег.

— У наркомата есть кроны, гульдены или фунты с долларами? Я говорю исключительно о зарубежных рынках!

— А наши люди пусть гибнут, так?

— Не так, я все же надеюсь, что у меня скоро мощностей хватит и внутренний рынок обеспечить, причем его можно будет — в том числе и за счет доходов с рынков иностранных — насытить вообще бесплатно. Однако есть нюанс, — и при этих словах она рассмеялась. А затем, уже совершенно серьезно продолжила:

— Наша лаборатория сумеет сохранить технологию изготовления препарата в тайне, а передача производства на любую фабрику Наркомздрава неизбежно сделает эту технологию известной и иностранцам. Что практически мгновенно закроет нам очень доходный рынок.

— Вы опять о деньгах...

— И о них тоже, ведь даже просто пациента в больнице держать обходится в некоторую сумму, хотя бы на его кормление. Но я все же не о деньгах, точнее, не только о них. Риск получения неизлечимых повреждений организма при применении данного препарата необоснованно велик...

— Вы считаете шесть сотых процента большим риском?

— Тот, кто будет умирать в мучениях, сочтет его вообще безмерным. Я просто о другом говорю. Сейчас мы этот препарат сделали просто потому что смогли его сделать быстро и пока ничего лучшего у нас нет. Но есть другие препараты, не столь универсальные, но менее опасные, и вот их производство мы собираемся наладить уже в этом году. Не все сразу, но уже летом еще два начнут выпускаться массово. Под торговыми названиями стрептоцид — как сами понимаете, убийца стрептококков, и фуразолидон — штука полезная и в медицине, и в ветеринарии, а название... просто звучное и загадочное. Я вам инструкции по

применению сейчас отдам, почитаете на досуге, для врачей размножите...

— А они тоже против тифа...

— А против тифа мы собираемся выдать более мощный препарат где-то в следующем году или через год. С вероятностью негативных побочных действий в районе одной сотой... нет, одной тысячной процента и ниже.

— М... да. Извините, но если вы, как я понял, серьезных клинических испытаний не проводили, то как вы рассчитываете эту самую вероятность?

Собеседница наркома вытащила из ящика стола какую-то бумажку:

— Вот документик один, называется «обязательство о неразглашении», подписывайте. Да вы сначала прочитайте! Особо обратите внимание вот на это: «по всей строгости закона». Но вы не беспокойтесь, в лагеря исправительные вас никто отправлять не будет, Петруха вас просто пристрелит в тихом переулке. Да шучу я! Значит так: вы про изомеры что-нибудь слышали?

— Некоторое представление имею...

— Ну так вот: один изомер нашего препарата, назовем его лево... левохинин, потому что он горек как жизнь наша, так вот: один изомер является суперлекарством. А другой, пусть будет правохинин — страшным ядом. Химические формулы одинаковы, но структурно — да и физиологически — они сильно отличаются. Однако при синтезе как правило получаются все возможные изомеры, и мы, по сути, высчитываем чистоту получаемого препарата, заранее зная, что у людей на яды чувствительность, если к деталям не придирааться, распределяется по нормальному закону — это статистический закон такой. Причем высчитываем пропорции до начала синтеза, так как разделить изомеры на промежуточных этапах практически невозможно, а при малейших отклонениях в техпроцессе пропорции изомеров в веществе резко меняются. Так что пока только я этот... левохинин делаю просто потому, что знаю, какие изменения в химическом процессе критичны, а какие можно считать допустимыми. И поэтому в обозримом времени нигде, кроме моей лаборатории, его производить не будут.

— А препараты с тысячными долями процента? Их тоже лично вы делать будете?

— Нет, мне и этого хватает. Теперь я разрабатываю препараты, синтез которых прост и не зависит от настроения оператора химического реактора. Я вам уже говорила... ах нет, это я Фаворскому говорила, а теперь и вам скажу: у меня в работе сразу шестнадцать подобных препаратов. То есть шестнадцать уже я смогла синтезировать, от бактерицидных до анестетиков и даже получила препарат, который заметно ускоряет регенерацию живых тканей...

— Но как вы... вы же химик, не врач!

— Врач у нас Гуля. А я — да, химик. Анализирую известные Гюльчатой Халматовне природные препараты и делаю химические аналоги. Просто потому, что в природе они крайне редки...

— Ну а природные... где и как вы исследовали их эффективность?

— Гуля у нас — военный врач, с огромным опытом. И она в курсе про эффективность. А откуда — вам об этом лучше не знать... и даже не задумываться об этом. А лучше всего — забыть даже о том, что вы у меня про это спросили и что я на это вам ответила. Надеюсь, вы меня поняли?

— Я... я понял. Но в любом случае за эти препараты и Гюльчатой Халматовна, и вы... вы достойны ордена! Завтра же, сразу по возвращении в Москву, напишу представления в

ЦК!

— От ордена отказываться не стану, только... Давайте вы напишете представление на Менжинского, обеспечившего все эти исследования, а чуть ниже и как бы мимоходом и меня с Гулей упомяните. Вам это ничего не стоит, а нам — может какое дополнительное финансирование обломится...

— Что? Как это — обломится? А, я понял, — широко улыбнулся нарком, — и со своей стороны постараюсь поспособствовать... обламыванию.

— Лучше в каком-нибудь журнале своем медицинском напишите, что разработанный в Наркомздраве левохинин фантастически быстро излечивает тиф, а в комбинации с плавиксом обеспечивает практически стопроцентную выживаемость. Насколько я знаю, русские журналы за кордоном все же читают, а с такой рекламой на нас водопады золотые обрушаться. Да, случайно вспомнила... а Гуля могла в суматохе и забыть: гепатит — это заболевание вирусное, и вирусы эти очень стойкие. Иглы шприцов после инъекций необходимо кипятить в стерилизаторе не меньше трех часов, тут ни спирт, ни яды всякие не помогут. Ладно, надеюсь, мы обо всем договорились и друг друга поняли правильно. Пойду тогда поработаю, а вы в комендатуру зайдите, вас на станцию на машине отвезут: в нашей глуши-то с транспортом довольно грустно...

С кем поведешься...

Вернувшийся в очередной раз из Стокгольма Петя с явным удовольствием рассказывал приятелям о своих «выдающихся достижениях»:

— Этот шведский торгош оказался для нас настоящей находкой. Герр Бьорк, получив первую взятку, решил деньгами распорядиться более чем правильно: родной дядька его жены организовал в Гётеборге шведско-аргентинскую торговую фирму, которая уже подрядилась поставлять аргентинские огнеупоры большинству шведских металлургических компаний. Так что в ближайшие пару лет заводы в Боровичах будут загружены на двести процентов...

— Только пару лет? — меланхолично поинтересовалась присутствующая при разговоре Светлана. — А потом что...

— Ну ты же историк, должна знать, что осенью двадцать девятого начнется Великая депрессия. Что нам, конечно, тоже будет очень полезно, но надо постараться именно до её начала денежек с буржуев урвать как можно больше потому что потом никто и ничего покупать у нас не будет. Так что надо бы наших огнеупорщиков поощрить за героическую работу...

— Прежде всего надо бы озаботиться увеличением в Боровичи поставок угля, а то местных запасов нам на все твои хотелки точно не хватит, — ухмыльнулся Александр Васильевич. — Сейчас предел наших возможностей — это как раз полста тысяч тонн продукции, и, даже если мы еще парочку шахт тут заложим, раньше чем через пару лет отдачи от них не получим. Да и людей на шахты где брать будем?

— С людьми нам Менжинский поможет, — весело сообщила Оля, вошедшая в комнату из кухни с пирогом в руках. — Я с ним в начале июня на эту тему поговорила — ну, когда он орден новенький обмывал...

— Вот только кучи зэков нам здесь и не хватало, — недовольно пробурчал Валентин.

— Не будет зэков, — ответила Оля, нарезая пирог, — то есть будет, но очень немного. Аня ругалась, что у нее рабочих на химпроизводства не хватает, но взять их вообще неоткуда, придется самим готовить — вот мы этим и займемся, а те, кто «по конкурсу» в химики не пройдет, как раз с кайлом в руках рубать уголёк и отправятся. Но тоже не сразу, на это ведь года три-четыре потребуется...

— А чего это Менжинский таким добреньким стал? Или это он в порядке благодарности за орден?

— Света была полностью права относительно этого поляка: он до изумления безграмотен и совершенно не способен чем-либо управлять. Собственно, поэтому он и продержался во главе ОГПУ так долго: он просто никому не мешал потому что ничего и не делал. Но, так сказать, в личной беседе он мне слегка открылся и с другой стороны: сам Менжинский, по крайней мере сейчас, прекрасно осознает свою никчёмность и полностью полагается на аппарат ОГПУ. То есть на тех, кто в конторе находится под его непосредственным руководством. Точнее в прямом подчинении, так как руководить он вообще не способен. И вот тех, кто обеспечивает ему реальные политические дивиденды, он готов всячески поддерживать — ну а Девятое управление, между прочим, ему этих дивидендов отвесило полной меркой, и он жопой чувствует, что это лишь начало.

— Понятно... И кого же нам добрый чекист скинет с барского плеча?

— Вот ты, Валя, очень точно заметил: именно скинет. Лучший друг беспризорников, околев, оставил их стране в наследство уже семь миллионов. К чести Рудольфыча, сам он, испытав при получении такой информации глубочайший фалломорфоз, делом решил заняться всерьез, так что у него сейчас только в приёмниках для беспризорников тысяч триста ребятишек кучкуется. Вот он и предложил мне слегка разгрузить и колонии детские, и приёмники — так что к осени мы получим молодых и очень слабо обученных сколько захотим. Сейчас, пока стройки наши только начинаются, я «захотела» пять тысяч, и там, на стройках наших, уже почти три четверти народу — несовершеннолетние.

— Мы занялись эксплуатацией детского труда? — фыркнула Ира, которая к столу принесла бутылку вина «из своих запасов».

Ирин вопрос Ольгу очень удивил. Главным образом потому, что именно Ирина курировала все строительство в городе и лично рисовала эскизы всех новых зданий. Но, очевидно, вопросами о том, каким образом ее эскизы материализуются, она вообще не задавалась.

— Можно и так сказать, а можно сказать, что занялись практическим обучением будущих специалистов. Сейчас только в новом здании реального училища две тысячи этих детей учатся в три смены — и еще по шесть часов в день на стройках практику проходят. Должна отметить, что наш славный подрядчик Савелий Никитич мало что прекрасный поселок спроектировал, так еще и работу очень грамотно организовал: у него одновременно там работает почти две с половиной тысячи человек и никто не простаивает!

— А что Маслов строит? — любопытствовал Петруха, — а то я со своими командировками как-то выпал из тутошней действительности.

— Новый микрорайон на две тысячи квартир, там будет два детских сада, две школы и поликлиника. А новую больницу и дом культуры парни из Москвы строить взялись — то есть это они пока «из Москвы», но двое из троих уже закидывают удочки на предмет здесь остаться.

— Это, конечно мило... допустим, коробки они выстроят, а где хотя бы стекла для окон брать? Я уже о трубах для водопровода не говорю.

— А ты зачем кирпичи шведам толкал? Я стекло с приличным запасом у них же и закупила, через отдел внешней торговли целевым назначением. И трубы, причем не только для водопровода, но и для центрального отопления. Пока, правда, с батареями не определились, но если чугунную печку в срок запустим... Федя Тетёркин, литейщик питерский, сказал что он отливку чугунных секций для батарей отопления за пару недель наладит.

— Страус: сколько? Он, конечно, на вид парень нехилый...

— Он еще и очень неглупый: еще в июне сманил из Ленинграда с десятков своих знакомых. При той безработице, что в Питере сейчас творится, найти хоть сотню человек, чугуна расплавленного не боящихся — это работенка по пару часов. Сейчас половина — ну, кто поопытнее — на заводе огнеупоров всякие горшки себе лепят, а остальные для себя же дома ускоренно возводят.

— Да, пятеро мужиков сильно стройки ускорят...

— Не пятеро, их уже десятка три: у знакомых свои знакомые нашлись. И не только литейщики: арматуру для перекрытий сейчас уже на механическом потихоньку катают, сперли мужики где-то прокатный стан.

— А сталь где берут? У нас же даже домна хорошо если осенью заработает.

— Пока побираемся по железной дороге в основном: там столько металлолома скопилось! Понятно, что нам сейчас не любой лом подходит, но мелочевка всякая, типа ржавых костылей и болтов вполне, мы же из них арматуру для железобетона, а не для ядерного ректора делаем. Там рабочий один вместе с прокатным станом приволок и пневматический молот, так они всю эту мелочевку сначала в небольшие брусочки в кузнице на молоте перековывают, а потом уже в прокатный стан пихают. Я лишь удивляюсь тому, как быстро они всё это проделывают.

— Похоже, что попав в прошлое, я скоро вообще всему удивляться перестану: мужики сперли прокатный стан!

— Не перестанешь, — рассмеялась Света, — это он только называется стан, а на самом деле это большая рама с валиками, и вся эта штука весит тонны три всего.

— Тогда непонятно, зачем потом большие станы делать начали, если и на таких...

— И мы начнем большие делать потому что тут производительность... удручающая, — ответила ему Оля. — Да и кузнецы за час хорошо если пару центнеров брусков сковать успевают.

— А переплавлять лом религия не позволяет?

— Отсутствие энергии. Мартен нам не потянуть в обозримом будущем, да и нет для мартена топлива здесь. Вася, вон, индукционную печь потихоньку ваяет, но для неё потребуется электричества три мегаватта, а у нас генератор в двести восемьдесят киловатт, который Прокофьев на той неделе запустил, за чудо технологий канают. И на второй, заранее скажу, топлива тоже нет и не предвидится. Правда если торфом вплотную заняться... вот только некому, так что...

— Так чего мы тут сопли-то по столу развозим? Давайте на Мсте ГЭС поставим...

— Перед войной тут уже хотели каскад ставить, но оказалось, что невозможно: вся вода сквозь карсты уйдет... — тихо сообщила Света.

— Я твою сказку помню, — ухмыльнулся Саша, — и даже погулял по окрестностям. Эти, как бы их назвать без использования матерщины, сначала канал в известняке прорыли... к тому же плотины хотели ставить по-коммунистически, то есть высоченные и широченные. А если по уму, я уже прикинул, то можно... нужно плотины ставить русловые и, как это потом называлось, недельного или даже суточного регулирования. Причем невысокие, метров по десять, а парочку — вообще шестиметровых.

— Это что, наши предки идиотами были? Ведь там до войны успели сколько миллионов кубометров земли перелопатить! В буквальном смысле слова, ведь всё рыли лопатами и землю тачками таскали...

— Нет, идиотами они явно не были, — ответил ей Вася, — они просто не умели в поворотной-лопастные турбины. А мы умеем, так что Сашина идея мне нравится.

— Мне тоже, — ответил геолог, — но, вероятно, меньше чем тебе. Я карту нарисовал, пока еще примерную — и получается, что на весь каскад нужно будет дамб по берегам насыпать километров тридцать. Это для высоких плотин только, да еще кое-где берега все же придется гидроизолировать. Последнее, конечно, вообще мелочь по сравнению с дамбами...

— Дамбы, как я понимаю, тоже мелочь: в Боровно мужики этих дамб, причем пятиметровой высоты, под десять километров насыпали за год. И именно что лопатами и тачками. И мы насыпем...

— Десятиметровой высоты насыпали. Но они дамбы из песка строили, здесь такие не

подойдут...

— А мне очень нужно много электричества! — заявила Ира, — причем чем скорее, тем лучше!

— Раз уж сами мы себе больше электричества сделать не можем, то нужно его просто купить... у буржуев, например, — заметила Оля, усаживаясь за стол.

— Так что давайте выпьем за Петруху, который нам денежку на всё полезное таскает! — провозгласил разливший бутылку по рюмкам Вася. — И за то, чтобы он и на нормальную электростанцию денег нарыл!

В самом начале августа Аня изготовила для Петра несколько фотохромных стекол, что само по себе оказалось очень непросто. Однако оказалось, что сделать из этого стекла линзы для очков гораздо труднее. Настолько труднее, что в СССР имелся единственный завод, где такие линзы делались, и работало на этом заводе аж восемьдесят человек, а производила эта толпа профессиональных оптиков примерно тысячу очков в год...

Правда для той фабрики уже было заказано новенькое (совершенно германское) оборудование и даже главного инженера из Германии выписали — однако «по плану» обновленный завод в Витебске предполагалось запустить году так в тридцатом, поэтому молодая женщина-химик (если её кто-то называл «химичкой», то рисковал получить половником по лбу) просто «продублировала» через Семашко витебский заказ, а специалистов (с подачи Бредиса, который «по старой работе» был немного в курсе) набрала из «временно безработных» оптиков с Обуховского завода. Там-то оптическое производство после революции так и не смогло пока возродиться...

А денежку зарабатывать на оплату не сильно дешевого оборудования ударными темпами стал Володя Сердобин. «Заметку про вашего мальчика», написанную Семашко, в Европе заметили, причем, как ехидно отметила Гюльчатая, по причине упоминания в ней гонокков. Вероятно из-за этого даже высокая цена (буржуям препарат предлагался по двадцать рублей за флакончик с сорока четвертьграммовыми таблетками — то есть за один «полный противотифозный курс») покупателей не отпугивала, лаборатория не успевала удовлетворять даже небольшую часть зарубежных заказов и производство «ядовитого химиката» было вынесено на отдельную фабрику. Володя на фабрике развернулся во всю свою «технологическую мощь»: в сутки он (вместе с примерно десятком специально подобранных выпускников разных химических институтов) выпускал по десять килограмм препарата.

Немного больше десяти, но Гуля поставила перед ним задачу «обеспечить внутренний запас в два миллиона полных курсов до конца года», так что за границу поступала хотя и большая часть продукции, но все же не вся. И всем было ужасно жалко «упущенной выгоды», поэтому Володя усиленно строил еще и фабрику по изготовлению стирала, правда в месте, для этого «не самом удобном»: от Боровичей по прямой до берега озера Короможа, где шла стройка, было больше сорока километров, но именно там Саша нашел весьма значительное месторождение пирита. А пирит — это серная кислота, которая, по словам химиков, была «кровью современной химии»...

А что до расстояния — так расстояния правильнее считать не в километрах, а в часах и минутах пути. Довольно небольшую часть «шведской» выручки Егор потратил на приобретение у тех же шведов стального железнодорожного моста, строящегося сейчас через Мсту. Причем новый арочный мост строился, как и «старый», по проекту Белолобского, с той лишь разницей, что все фермы делались сварными, а вместо клепок фермы соединялись

друг с другом на болтах. Ну и сталь была выбрана «лучше», благо у шведов было из чего выбирать. В результате мост, как специально пересчитала Ира, мог легко выдерживать даже проход эшелона с девяностотонными вагонами, но пока что самые тяжелые вагоны делались на двадцать шесть тонн вместе с грузом.

В планах было железную дорогу протянуть к новому химзаводу, но это были пока лишь планы — так что закупаемое в Швеции оборудование с изрядными трудностями перетаскивали на стройку в основном гужевым транспортом. И закупалось оно в Швеции лишь потому, что шведов вообще не интересовало, зачем такое оборудование нужно. Германцы же, которые изготовили бы его гораздо лучше, могли — по мнению Ани — сделать из предоставленных чертежей определенные выводы, и потому их было решено «оставить в неведении».

А вот станки для нового (точнее, быстро «модернизируемого до основания») механического завода закупались исключительно в Бельгии, причем по очень даже «щадящей» цене.

То есть «по документам» цена была скорее неоправданно высокой, однако бельгийские капиталисты были умными не только по части машиностроения. И деньги умели не только зарабатывать, но и со вкусом тратить — а чтобы тратить их именно с удовольствием, желательно в этот момент быть здоровым. А тот же метилурацил заметно ускоряет регенерацию тканей при травмах. Вроде бы ускоряет.

Правда когда Аня слышала, как бельгийцы проверяли этот эффект, она предложила бельгийцам вообще никаких лекарств не продавать, но Валя сказал, что «нам на негров в нашей ситуации необходимо... безразличность проявить, пока что деньги важнее», а затем и Валера что-то жене на ушко прошептал — и она «забрала свои слова обратно», так что почти половину стоимости станков оплачивала совершенно американская компания, торгующая в Европе очень недешевыми лекарствами...

А Ира — спустя год после перемещения — внезапно поинтересовалась у Ани, откуда та, сама себя называющая «металлохимиком», так хорошо в фармакопее разбирается.

— Вообще-то у меня специализация была по тонкой очистке веществ. И последнюю курсовую я делала под Самарой: там как раз фармзавод обратился к нам с импортозамещением помочь. В частности, они стирол получали из бандеростана, а когда перешли на отечественное сырье, у них массовый брак пошел. Вот я и познакомилась с продуктами, которые на той фабрике выпускали. Не со всеми, конечно, но кое-что запомнила. Еще в Ставрополе свою методику очистки немного повнедряла...

— А что, в бандеростане стирол лучше нашего делали?

— Как ни странно, но наш оказался просто идеальным по чистоте и старые технологии переработки просто этого не учитывали, они под технический были заточены. Ну а мне пришлось тогда по всей технологической цепочке пройти чтобы понять, откуда и какая грязь прёт... Тогда все мои инновации свелись к тому, чтобы специально в сырье примеси подсыпать, которые подавляли побочные, но заранее учтенные в техпроцессе реакции.

— Ну, с левомицетином нам повезло. А остальное?

— Как делать аспирин из фенола, Байер еще в девятнадцатом веке придумал и все подробно расписал, я же только продвинутую технологию очистки сырья применила. Ведь фенолят натрия — металлоорганика, то есть мне по специальности получается. А все прочее, что сделала — там химия простая, народ просто не в курсе, что это лекарство. По большому счёту с фармакопеей у меня отношения сложные и как большинство необходимых

лекарств делать я и понятия не имею. Но у Гули, как у хорошего полевого врача, фармсправочник с собой имелся, со структурными формулами почти всех химических медикаментов, так что глядишь — и местные химики-органики их воспроизведут в обозримое время. А я все что могла, уже в этой части сделала.

— Жалко... а ты титан сделать сможешь?

Георгий Нилович Иванов на жизнь мог особо и не жаловаться. Мало того, что за работу бухгалтером в управлении Потребкооперации он получал почти сорок рублей, что для Оренбурга было более чем неплохой зарплатой, так еще мог, как и все сотрудники конторы, продукты приобретать практически за полцены. И не только продукты — так что в целом жизнь у него была довольно сытая и — по мнению соседей — даже зажиточная. Поэтому никто из соседей и сослуживцев так и не понял, почему этот пожилой человек в одночасье уволился и куда-то уехал, причем даже бросив изрядную часть имущества. Поговаривали, что его просто забрали в ОГПУ как царского офицера, но обычно ОГПУ не выделял арестованному отдельный вагон для перевозки семьи и сотрудников на погрузку вещей не присылало...

Георгий Нилович на судьбу не жаловался, но и причин для особой радости у него все же не было, ведь работал он исключительно ради прокорма. А заниматься тем, чему учился и чем начал, причем весьма успешно, заниматься до революции, возможностей не было. Раньше не было, но когда у него во дворе появился странноватый молодой человек, все внезапно изменилось:

— Капитан Иванов? — поинтересовался тот. — Мне по вашему поводу дал хорошую рекомендацию генерал Ипатьев...

— Я не капитан уже десять лет, да и господин Ипатьев, насколько мне известно...

— Да мне плевать. Товарищ Сухов говорит, что русский офицер — он офицер до гробовой доски... ну, в большинстве своем. Но дело не в этом. Позвольте представиться и изложить цель моего визита. Я — Владимир Сердобин, барон Сердобин, — парень довольно заржал, — в настоящий момент — начальник специальной химлаборатории Особого Девятого управления. Из достижений могу похвастаться разработкой пиритовой печи на тридцать два пуда пирита в сутки...

— Да уж, достижение не из последних.

— Вот именно. А вы все же выстроили шесть печей, сжигающих по сто пятьдесят пудов пирита в час, я знаю.

— Одиннадцать...

— Тем более. Мне нужно... нам нужно выстроить еще четыре таких печи, почти таких, там еще некоторые доработки были бы крайне желательны. Но не суть... я приехал предложить вам работу по постройке и обслуживанию этих печей. То есть вам их предстоит спроектировать эти печи и возглавить их строительство, а затем — уже в должности директора завода по производству кислоты — руководить их работой. За все это вам предлагается оклад жалования в триста рублей, — парень окинул взглядом крошечную избушку, во дворе которой они стояли, — нормальная благоустроенная квартира, обслуживание медицинское такое, что и в Европах не найти. Переезд полностью за счет конторы, с собой можете взять что угодно лишь бы в один вагон товарный влезло, подъемные, конечно, само собой. Ну а в качестве частного совета могу сказать, что мебель, если она не дорога вам как память, с собой лучше не тащить: там местная фабрика сейчас её делает великолепно и цены на неё доступны даже простым рабочим.

— И где же такое счастье мне предлагается?

— В Боровичах, это в Ленинградской области. Кто-то скажет захолустье, но я думаю, что через год-два и Петербург, и Москва рядом с этим городом сами захолустьем покажутся. Московские архитекторы, например, даже взятки предлагают чтобы на постоянную работу в городе остаться...

— Рассказываете интересно. Тогда у меня один вопрос: а эти подъемные когда получить можно? Ведь даже вещи упаковать и к вокзалу их отвезти...

— Я же сказал: переезд за счет конторы. Как только контракт подпишете, я и помощников вам тут же приведу, они упаковать все нужное вам помогут, на вокзал отвезут все и в вагон аккуратно погрузят.

— Но мне же надо расчет получить, а это дело не быстрое. Вы же не станете здесь ждать, пока я все бумаги оформлю? — Ипатьева Георгий Нилович очень уважал, ведь это он в начале пятнадцатого своего ученика пригласил на работу и своей властью присвоил ему звание тогда еще штабс-капитана, обеспечившее и изрядный оклад, и возможность заняться интересной и важной работой. А раз он снова дал ему рекомендацию, то отказываться было бы просто глупо.

— Ждать... я вам помогу расчет быстро оформить. Если согласны, то завтра утром на работу к вам зайдем, там за полчаса все сделаем. А затем вещи соберем — и поедем.

— Поезд на Москву только в понедельник...

— Литерным поедом.

Инженер-капитан Иванов лишь на секунду пожалел о том, что согласился: когда в Правлении «барон Сердобин» сунул под нос начальнику темно-красную книжицу и приказал увольнение оформить и расчет произвести «за пятнадцать минут». Но, увидев изменившееся лицо военного инженера, Сердобин увлек его на улицу «покурить» и пояснил:

— Девятое управление ОГПУ — оно научно-техническое, вы тоже такое удостоверение получите чтобы прочие товарищи вам работать не мешали. И не волнуйтесь, у нас борьбой с контрреволюцией никто не занимается, есть дела поважнее. Да, еще... если вы кого из специалистов вдруг вспомните, кто работать умеет и любит... или просто людей грамотных, которые каким-то большевикам не понравились происхождением, то имейте в виду: любой наш сотрудник имеет безусловное право любого человека забрать к себе. Любого — вот только и отвечать за него нашему сотруднику и придется.

Товарищ Павловский спокойно сидел у себя в кабинете, когда в него заскочила Аня, секретарша директора — и вид ее был какой-то испуганный:

— Николай Николаевич, к вам посетитель...

— И где он? — во-первых, Николаю Николаевичу вообще не нравилось, когда его отрывали от работы, а во-вторых, он считал Анечку дурой. Не «вообще дурой», а дурой именно в роли секретарши...

— Он приказал вас в кабинет директора привести... пригласить.

— Ну, раз приказал... — дура — она дура и есть, несмотря на «должность» заместителя секретаря институтской комсомольской организации.

В кабинете директора самого директора не оказалось, зато там сидел «посетитель». И даже не сидел, а стоял во весь свой воистину гигантский рост. Жестом пригласив Павловскому присесть, он склонился над ним и, к удивлению Николая Николаевича, сначала попросил извинения:

— Вы уж извините, что я так, стоя над вами нависаю: у меня нога периодически болит

сильно, сгибать ее практически не могу. Но ждаты, пока она пройдет, некогда, у меня к вам вопрос более чем срочный.

— В части гидротехники вопрос?

— Скорее, в части гидрографии. Заранее предупреждаю, я в этом ни уха, ни рыла, а наш геолог, который все материалы подготовил, сильно сейчас занят, поэтому послал к вам меня. Короче, мы сейчас строим гидроэлектростанцию... каскад ГЭС, стройка уже началась и нам было бы крайне желательно, чтобы вы оказали нам определенную помощь как раз по части гидрографии.

— А вам не кажется, что гидрографические исследования нужно проводить до того, как приступать к стройке?

— Мы провели, но тут один участок некоторые сомнения вызывает. В принципе, мы его и пропустить можем, но при этом недополучится довольно много энергии... вот, смотрите — и здоровяк достал из стоящего возле стола портфеля толстую папку...

Спустя час Николай Николаевич с трудом оторвался от изучения бумаг. Никогда еще он не видел столь подробных геологических карт! Сколько же времени было потрачено на их составление... Скорее всего, изумление своё он облек в словесную форму, так как гость тут же ответил:

— Да Сашка там минимум полгода носом землю рыл. Эти полста километров вдоль и поперек прошел. А вот здесь, видите, идет разрыв пластов, небольшой, но все же заметный, и он опасается, что предложенное решение может оказаться недостаточным.

— Позвольте уточнить: здесь предлагается полтора километра русла просто в бетон одеть?

— Да русло — хрен бы с ним, забетонируем, для бетонных заплаток по руслу мы вообще цементный завод достраиваем. А вот здесь, в зоне затопления, прослой известняка уже по берегу выше уровня половодья прикрыт глинами всего метров на двенадцать, и он просил выяснить, не стоит ли и по берегам весь этот участок забетонировать? Да, параметры глин в конце раздела указаны...

— А увидеть это — Николай Николаевич показал рукой на разложенные на столе бумаги — глазами можно?

— Без проблем, поехали посмотрим. Откровенно говоря, я сам надеялся, что вы посмотреть всё захотите.

— Вы тоже геолог? Или гидротехник?

— Да что вы! Так, нахватался умных слов. Вообще-то я станками занимаюсь... специализированными, мне как раз электричества очень не хватает, так что все мы очень надеемся на эти гидростанции.

— Ну что же, мне действительно будет очень интересно на все это вживую посмотреть. А территориально это где?

— Мста, город Боровичи. Тут недалеко, если выехать ближайшим поездом, то завтра уже на месте будем.

— Я не знаю, кто вы по должности, но хочу сказать, что так дела не делаются. Надо согласовать командировку с дирекцией...

— Сейчас, — здоровяк приоткрыл дверь и пригласил директора, сидящего, оказывается, в приемной. — Мы тут с товарищем Павловским в командировку на несколько дней едем, вы там распорядитесь всё оформить как надо. На сколько дней? Пока не знаю, но вы срок поставьте когда он уже вернется. Договорились? — и, повернувшись к Николаю

Николаевичу, спросил: — Вам что-то из дому захватить надо? Про еду, одежду и прочее не беспокойтесь, мы всем этим вас обеспечим...

— Ну... нет тогда. Извините, а вы кто? В смысле по должности будете?

— Извините, впопыхах не представился. Сухов, Валентин Николаевич. Начальник Особого Девятого управления ОГПУ.

— Интересно, а кто тогда... который ВАС послал?

— Сашка-то? Геолог он наш. Да вы не переживайте, нормальный парень, вам понравится, — и, когда уже они усаживались в машину, ждавшую Сухова у подъезда, добавил: — У нас вообще всё несколько забавно, но очень серьезно. Вам действительно понравится.

Застольный разговор

Когда первого октября все собрались праздновать двадцать шестой день рождения Светланы, за столом и об этой компании разговор зашел, но еще до того, как все собрались, Гуля, оставшись вдвоем со Светой на кухне, вдруг поинтересовалась:

— Свет, а у тебя со здоровьем всё в порядке?

— Вроде да, а ты чего спрашиваешь-то? Я как-то плохо выгляжу?

— Выглядишь ты великолепно, но вы с Петрухой уже больше года женаты, а с детьми у тебя всё никак не получается.

— Гуля, мы же для получения подлинного документа расписались только!

— Ну ты и дура, мало что здесь и сейчас подходящего мужа не найдешь, так еще и документом от мужиков отгородилась, а ведь большинство нынешних к браку подходят очень ответственно. Мы зачем вообще на свете живем? Вот то-то! Ире с месяц до родов осталось, Аня тоже весной... А ты что, в старые девы метишь? Выкинь всю дурь из головы и срочно займись. Мне с Петрухой поговорить?

— Не надо... я сама как-нибудь.

— Ладно, поверю тебе. Но учти, через неделю проверю! Ну ладно, через две.

А когда уже подняли тост «за новорожденную», Оля задала Пете давно волновавший её вопрос:

— Ты мне про эту американскую компанию поподробнее рассказать можешь? Чтобы мне планировать наши зарубежные закупки поточнее.

— Да чего там подробного-то? Я, когда в Филадельфию приехал, случайно завалился в ресторанчик, в котором эмигранты русские, оказывается, собирались. Но я-то аргентинец, по-русски ни бум-бум... в общем, там наши беглые дворяне упомянули, что какой-то там экс-поручик разорился и теперь ему остается лишь повеситься. Причем они это так радостно обсуждали, видать очень поручика не любили. В общем, фамилию я запомнил, потом узнал, что живет сей господин в городе Честер, заехал к нему, поговорил... Нормальный мужик оказался, за веру, царя и отечество задницу не рвал и вообще воевал во Франции. Откуда его, раненого, просто в Америку и увезли в военный госпиталь, причем по ошибке увезли, а насчет вернуться — так денег у него не было. В общем, договорились так: его компашку я выкупил, название поменял — это, оказывается, очень просто там делается. А самого его нанял директором с окладом в сотню долларов в месяц.

— А это много или мало? — спросила именинница.

— Это, можно сказать, овердофига — если ничего делать не требуется. Ну, раз в месяц в банк сходить, собственно зарплату получить, иногда на телеграммы ответить... Я мужику пообещал, что в качестве премии заберу его обратно в Россию через три года, если он захочет.

— А захочет? На сотню в месяц, как я понимаю, там довольно сладко жить можно. А если он сразу много денег со счета снимет...

— Сразу не получится, там просто столько нет: межбанковские переводы еще в прошлом веке придумали, а сейчас, оказывается, уже и телекс работает. А насчет захочет, так у него здесь, оказывается, жена и дочка оставались... Дочку я уже нашел, она теперь у нас в школе преподает и с отцом переписывается. Он скоро к ней в гости приедет: сейчас фирма выросла изрядно, там уже целых три человека у него пашет, не отрывая задниц от

стульев, так что теперь он и в отпуск может сюда съездить. Я вас с ним познакомлю.

— Всё это очень интересно, — заметила Оля, — но я о другом спрашивала.

— А... Сейчас аппарат телекс у нас стоит в Ленинграде, официально — в отделе международных расчетов ВСНХ, а физически в выделенной нам комнатке в управлении ОГПУ — это Киров распорядился... Кабельную линию уже почти до нас протянули, к ноябрьским поставим к тебе в кабинет — ну, это если с постройкой здания Управления не затянем. Тогда ты прямо отсюда сможешь управлять счетами всех наших зарубежных компаний.

— Всех?

— Ну да. Европейским счетом Yellow Brick Road в Schweizerischer Bankverein, то есть в Швейцарском Банке, счётом нашей Svensk-argentinskt handelsbolag в Swiss Bank Corporation и AAA remède в Societe Generale de Belge. Но самое главное, ты всегда будешь знать, сколько у нас импортных денег.

— А эта, бельгийская — это что? Название у нее какое-то подозрительное.

— Французский язык — он такой забавный! Название можно расшифровать как «лекарства Аугусто Антонио Альвареса», а можно перевести как «ну, типа ресурсы». Официально мы, в смысле YBR, через неё лекарства Анины там продаем, но на формальную компанию любой экспорт-импорт в Бельгии проводить может. Сейчас через неё я станки для Вали заказал...

— А почему в Бельгии? Мы вроде на германские договаривались... — удивился Валентин.

— Проснулся! В нынешнем мире бельгийцы металлообрабатывающие станки делают лучше всех, к тому же бельгийцы принимают нашу оплату по бартеру, а немцы — нет. Я понимаю, для нас этот мир выглядит вообще как страна непуганых идиотов: банковские транзакции через телекс проводятся, но бельгийские промышленники искренне убеждены, что станки они для Аргентины клепают.

— Да прикидываются они, все они прекрасно понимают!

— Не прикидываются. Мы зачем эти ржавые галоши покупали? Аргентинский каргошип «Мирафлорес» грузится в Антверпене и не спеша так чапает в Буэнос-Айрес. А в Мурманск приходит вообще «Комсомолец Мордовии»: спутникового трекинга пока в природе-то не существует!

— Кстати, а настоящий «Комсомолец»-то как сейчас?

— В Усть-Луге на мелком ремонте. Капитан Вартенбург сказал, что ремонта хватит лишь на то, чтобы калоша эта за зиму не потонула прямо у причала, а пока металла на обшивку не будет, для работы его не починить.

— Да, разруха... А станки, как я помню, мы сразу хотели электрические. Так что у нас с этим самым электричеством?

— Ты слишком много времени проводишь на механическом, и просто не заметил, что у нас в микрорайоне не просто котельная, а теплоэлектростанция. Фирмы Ася, между прочим.

— Какой-какой?

— АSEA, Петруха электростанцию у шведов купил, — тут же уточнила Светлана. — Котлы нам в Нижнем Новгороде, на Сормовском заводе сваяли, стокеры ты сам, если не забыл, на механическом у нас сделал. А дрова мужики в лесу рубят.

— У нас что, весь микрорайон дровами отапливается? — удивилась Ира.

— Сейчас дровами вся Москва отапливается, и вообще почти все города в стране, не

говоря уже о деревнях. Но мы — самые умные, то есть благодаря твоему мужу, который в этом деле умнее всех. У нас котлы пеллетами греются, а их мы из мусора тоже сами делаем. А мусора-то деревянного у нас много, ведь вся зона затопления первой ГЭС от леса чистится и все ветки на пеллетные станки отправляются. Что потолще — на уголь для домны нашей, а мелочь тоже напрасно не гниет.

— С мусором понятно, а на всё намеченное электричества-то хватит?

— Нет конечно, — снова в разговор вступил Петя. — Однако некто Прокофьев уже, из штанов выпрыгивая, пытается скопировать шведский генератор, с большим успехом конечно.

— Он наизобретает...

— И вот как раз в этом лично у меня сомнений нет: Викентий Станиславович перетащил к нам в Боровичи семерых своих... не одноклассников, а выпускников того же института. Далеко не все они электрики, но нам это даже на пользу. Один Аристарх Угрюмов чего стоит!

— И чего же?

— Он как раз турбинами паровыми занимается, еще до войны опыта набирался в Англии. Набрался: на нашей ТЭЦ как раз его турбина крутится. Правда он матом кроет всех за то, что на турбину овердофига всего у буржуев закупать приходится, но тут уж пусть Валя старается всё импортозамещать. Хотя пока у нас для новых заводов электричества нет...

— А когда оно будет?

— Ну, постройку здания ГЭС уже начали: пока межень, то самое оно его строить. Конечно, только фундамент в этом году поставим — но ГЭС уже следующим летом запустим. С одним трехмегаваттным генератором, опять от Аси, а остальные, надеюсь, еще за год пустим.

— Долго...

— Да уж, не быстро. Однако пока у нас есть источник денег и никто нам не мешает делать что хотим, то мы сможем года за три, как раз на этой станции опыта поднабравшись и репутацию среди специалистов заработать, весь каскад выстроить. И вот тогда у нас будет семь двадцатимегаваттных и две двенадцатимегаваттных станции, что в сумме даст примерно сто семьдесят мегаватт только с реки. Столько тебе хватит?

— Наверное...

— Ир, а зачем тебе-то много электричества? Алюминий для самолетов добывать будешь? — поинтересовалась Света.

— Алюминь тоже лишним не будет, но лично мне нужен титан!

— А личико... — начал было Петя, но спохватился и перефразировал свой вопрос: — А алюминием никак не обойтись?

— Видите ли, бамбино... — произнесла Ирина нарочито-ласковым голосом, — если бы мне был нужен алюминий, я бы сказала «алюминий», — и, сменив интонацию на максимально жесткую, продолжила: — но мне нужен титан, поэтому я и говорю «титан». А люинь все равно вам делать придется, ведь тянуть высоковольтки медным проводом, как это принято сейчас — полный... несколько недальновидно.

— Саш, а бетона-то у нас хватит на все эти стройки?

— Бетона хватит, и, что характерно, арматуры тоже хватит.

— А хорошо, что Георгий Нилович уже две пиритные печки запустил, — высказала свое мнение именинница, — теперь стали сколько хочешь... ну, достаточно, чтобы все нужное

строить. Забавно мы тут устроились: уголь из дров получаем, руду из пирита жжем...

— Свет, пиритный огарок в качестве руды никуда не годится, — поделилась «химическими знаниями» Аня, — пока не годится, то есть пока у нас электричества нет. Мы в домне руду из Белого переплавляем...

— Это откуда?

— На нашей карте называется Любытино.

— Охру на железо переводим? — удивилась Ира. — Там же чуть ли не лучшие охряные глины!

— Охру не трогаем, там и чистого лимонита много. Конечно, в качестве руды лимонит... четверть угля в домне фактически уходит на удаление воды из гидроокиси железа, но пока другой руды у нас нет. И вообще, пока в Советском Союзе сейчас со сталью так паршиво, что без своего производства мы бы ничего построить не смогли, так что уж лучше так, чем никак.

— Я вот одного не понимаю: если ничего нет, то как мы-то все построить смогли? — несколько удивилась Света.

— Не мы, — поправила её Оля, — мы только добыли немножко денежек, людей правильных смогли в нужные места поставить, и вот они-то все это и выстроили. И дальше строить будут: Георгий Нилович сидит ждет, пока Угрюмов новые турбины не сделает: его-то печки уже готовы пар на турбины подавать. Аристарх Евгеньевич обещал к Новому году обе сделать, а это сразу почти пять мегаватт электричества нам обломится.

— То есть пирит у нас в качестве топлива только?

— Ну, если не считать десяти тонн серной кислоты в час с его печей, то да. А я это электричество себе заберу... — решила уточнить Аня.

— А на титан его никак? — снова завела свою шарманку Ирина.

— Титан тебе со второй ГЭС пойдет, — хмыкнула Аня. — А с первой электричество все уйдет на новую металлургию: я им из соли сделаю соляную кислоту, кислотой из пиритного огарка вытащу хлорное железо, потом его восстановлю в водороде — и вот из этого чистого железа Валера сварит любую сталь.

— А потом придет товарищ Киров... или, скорее, товарищ Куйбышев придет и всю сталь заберет, — поделился своим видением перспектив Василий.

— Алконавт Валериан Владимирович ничего у нас не заберет: мы ему ничего не скажем про то, что у нас спецстали имеются, — хихикнул Валентин. — Нам они самим пригодятся. Но в принципе Ира-то права: одного железа маловато будет.

— Ань, а почему ты собираешься так сложно железо из пирита вытаскивать?

— Потому что в тонне нашего огарка кроме железа есть и другого довольно много. Меди шесть кил, цинка уже десять килограмм, килограмма три свинца, кобальта полкило. А еще тридцать грамм серебра и полтора грамма золота. Я же уже говорила: я специалист по извлечению чистых веществ, и вот все перечисленное и еще немаленький список всякого вредного я из огарка вытяну. Откровенно говоря, при нынешних ценах на медь даже чистое железо пойдет за отходы производства...

— Ань, ты на самом деле медь из него добудешь? Сколько? — с внезапным интересом в разговор влез Петруха. — А то я сейчас как раз думаю над тем, как бы меди у буржуев подешевле купить...

— Когда Иванов четыре печки запустит, то выход будет чуть меньше тонны в сутки. А что, у бельгийцев медь трудно купить?

— Как металл медь нам вообще никто в Европе не продает, только в изделиях, причем в дорогих изделиях типа паровозов. Европа же сама почти всю медь покупает — и они успели почти всё законтрактовать. Бельгийцы даже закон такой приняли, что за границу медь только в изделиях продавать можно. К тому же и янки свою выгоду тоже блюдут: Борзиг, по информации из источников, близких к осведомленным, для паровозных котлов покупает за океаном или в Бельгии не медь, а готовые медные трубы. А бельгийцы, конечно, медь из Африки возят, но у них просто металл купить даже посложнее будет чем у янки.

— Я понимаю, тонна в сутки погоды не делает...

— Ань, на генераторы и на городскую разводку нам пока хватит, а там посмотрим: нам дальше, чем до двадцать девятого года, всяко загадывать не приходится.

— А потом наступит Великая депрессия и нас всех убьют... — меланхолично заметила именинница.

— Нет, просто начиная с двадцать девятого у нас все завертится гораздо быстрее, но денег из-за рубежа уже не будет и нам придется всё делать уже самим. Вот Вася моторчик Карлу Юльевичу сделал...

— Вася уже несколько моторчиков сделал, — усмехнулся тот, — и на достигнутом останавливаться не собирается. Сейчас у Васи трое инженеров, охреневших от увиденного мотора, срочно трактор на его базе изобретают. А всего у товарища Бредиса уже больше полусотни человек работает, как Валя станки до кондиции доведет, то по моим прикидкам у него ежесуточно будут делать по паре тракторов. И по одному автомобилю!

— Это уже интересно, — заметила Гуля, — а то мне по больным на лошадке кататься уже надоело.

— Ясно, нужно будет озаботить Воропаева изготовлением легковушки, а то он пока грузовички делать собирается.

— У тебя мотор, если я не ошибаюсь, меньше двадцати сил получился? Какие грузовички-то?

— С дизелем только тракторы делать будем, а грузовики... Этот Воропаев — мужик интересный. Я ему только намекнул насчет газогенераторного питания моторов — а он уже и эксперименты всякие провел на старом моторе от Руссо-Балта Бредового, и почти рабочий мотор доделал. Ну, после того, как я сказал, что для такого мотора компрессия в пределах десяти будет нормой. Он думает, что мотор получится сил слегка за сорок, а на таком даже трехтонку делать не стыдно. Причем он больше всего доволен, что кучу сложных в изготовлении деталей покупать не потребуется, хотя бы тех же карбюраторов...

— А свечи уже в СССР для моторов делают?

— Делают. Ты не поверишь, их в Боровичах делают! Плохо что один рейс гужевой за бокситом пять суток занимает, но мужики уже пару телег завезли, производство на полгода сырьем обеспечили, так что у нас свечи есть. А делают ли еще где-то — я не знаю. Правда Валера сказал, что свечи делаются плохие, и пока мы какую-то хромтитановую сталь не сварим, они плохими и останутся. Но ничего: раз свечи сами делаем, просто сделаем побольше, будем их почаще менять.

— Все это хорошо, — несколько сердито заметил Валя, — но где мы будем хотя бы масло для моторов брать? Карл Юльевич говорит, что на все местное ОГПУ они раньше получали одну бочку в год, поэтому даже его драндулет не каждый день использовали.

— Вот как раз это пусть тебя вообще не беспокоит, — отозвалась Аня, — мы же уже привезли два пушечных ствола из Питера.

— Не вижу связи...

— Немецко-фашистские гадины в войну массово делали синтетическое топливо по процессу Фишера-Тропша. То есть большей частью по процессу Бергиуса делали, но нам пока его не потянуть. Так вот, в зависимости от давления и типа катализатора на выходе получается в разных пропорциях бензин, керосин, дизтопливо, газы разные горючие — и, при некоторой фантазии, искомое масло. То, что в народе именуют «синтетикой». Причем лично мне из этой пушки гораздо нужнее не бензин, а этан-бутановая фракция, и у нас с тонны угля выйдет, кроме всего прочего, бутана под сотню килограмм, триста литров солярки и литров сто лучшего на сегодняшний день моторного масла. Жалко даже, что в моторы современные его лить нельзя...

— А тогда зачем...

— Поэтому Васины дизеля без масла не останутся, он их все же по чертежам двадцать первого века ваял. А вот с Володей Воропаевым нам предстоит долгий и, надеюсь, плодотворный разговор.

— И на какую тему, позволь поинтересоваться?

— Позволяю, интересуйся. Я уже посмотрела на его мотор, который он делает для генераторного газа, и мне кое-что не понравилось, по части как раз смазки. То есть мотор ему придется переделывать довольно серьезно...

— Ань, Владимир Тихонович родился и учился в веке девятнадцатом, ты уверена, что он хотя бы понять в состоянии то, что ты ему сказать хочешь?

— Ну, судя по списку станков, которые он через Петруху заказывать собрался, он уже понял, и вообще, мне кажется, нынешние инженеры более понятливые, чем в двадцать первом веке. Знания у них, конечно, пониже, но зато они заметно пошире. Так что вопрос лишь в том, как быстро Петруха денежки на эти станки нароет...

— Ань, я не могу там денежки добывать быстрее, чем здесь народ творит матценности. Причем по части огнеупоров мы свою квоту в закордонье уже, похоже, выбрали, так что только твои ребята могут поток наличности расширить. Как с левомицетином дела?

— Пока всё так же. А как с тетрациклином?

— Ну, Yellow Brick Road к процессу готова, мы даже поле, на котором нужная плесень была обнаружена, выкупили. Так что теперь просто ждем, пока Гуля не подготовит спецов, которые смогут плесень эту с поля выковырять...

— Специалистов мне готовить не нужно, — ответила майор медслужбы, — их в Россиюшке как грязи. А вот как среди них человека найти достойного? Ему же придется рассказать, что искать и зачем — ну, чтобы объяснить как. А ведь результат даже не в миллионах прибыли может исчисляться, а в миллиардах! И кто тут гарантированно не соблазнится? Я уже не говорю, что все эти изучатели природы с младенчества о мировой славе мечтают...

— Я, вообще-то, так и подумал. Поэтому решил светлого будущего не ждать особо, и скоро уже в Антверпен придет груз из сотни бочек с американской землей.

— Интересно, как эту землю на таможне декларировали... — пробурчала про себя Гуля, но Петр её услышал:

— Во исполнение последней воли недавно усопшего американца, который завещал похоронить себя в американской земле. А YBR как раз и занимается всякими дурацкими транспортными контрактами, — рассмеялся он. — Я это завещание даже в американском посольстве зарегистрировал...

— Ребята, а мы здесь на производственное совещание собрались или для того, чтобы Свету поздравлять? — прервал все «застольные разговоры» Саша. — Мне кажется, что на производственные темы мы можем поговорить и после тоста за именинницу. У кого-то есть возражения? Тогда предлагаю всем налить и поднять бокалы за Свету...

В конце октября удача по части кадров улыбнулась и Петрухе. В разговоре с каким-то военспецом в ленинградском военном училище он в очередной раз поинтересовался, не слышал ли тот о поручике Лаврове — и получил довольно обнадеживающий ответ:

— Михаил Васильевич? Знал его, знатный скорохват был. В Галиции, помню, он за языком ходил, один ходил — и приволок полковника-австрияка. За это должен был Егория получить, но не судьба: пока полковника этого в штаб везли, накрыло конвой артиллерия и полковника сразу насмерть. А потом Иванова сразу на Варшаву бросили, впопыхах-то представление и похерили.

— Скорохват? Это кто быстро языков хватает?

— Да нет, это была и Иванова рота особая, командовал ей ротмистр Скорохватов — вот его людей скорохватами и прозвали. А так-то да, рота та как раз разведкой занималась да языков от врага таскала.

— А вы не знаете, что с поручиком этим случилось? Я слышал, что он вроде до конца войны был жив и здоров.

— Мне это неизвестно, но вы можете у самого Скорохватова спросить, он наверняка знает.

— Так, а этот Скорохватов где?

— Сейчас вроде как на Соловках. Но вы же ОГПУ? Вам-то с ним встретиться несложно будет.

Разговор с Василием Федоровичем Скорохватовым, которого через две недели доставили в Боровичи, оказался для Петрухи очень непростым: экс-ротмистр к представляемой Петей организации относился очень специфически и даже не старался это скрывать. Но спустя всего лишь неделю он все же скатался с Петром в «командировку» в Ленинград и вернулся оттуда с совершенно другим отношением к Петинскому предложению. Правда, по поводу Лаврова многого он сообщить не смог:

— Насколько я знаю, в конце восемнадцатого он уехал в Верный, там у него вроде как родственники были, а вот далее судьба его мне неизвестна. Одно знаю точно: к Колчаку он не пошел, считая его откровенной мразью.

— А вы? Я насчет Колчака.

— Я понимаю, что дело мое вы не читали.

— Мне это неинтересно, я сужу о людях по делам, а не по бумагам.

— Да уж... просто я знал куда как больше, чем Лавров, а потому считаю, что он к Колчаку был слишком снисходителен. Вам такого ответа достаточно?

— Вполне. А сейчас о делах: есть мнение, что в Пскове кое-кто ведет себя не слишком вежливо...

Весь ноябрь погода стояла удивительно теплая: только в ночь с двенадцатого на тринадцатое случился морозец около минус пяти, но уже тринадцатого днем температура поднялась до плюс семи. С осадками тоже было странно: после сильного дождя второго числа до пятнадцатого вообще не выпало ни капли, а следующий сильный дождь начался лишь двадцать седьмого. И вот под этим холодным дождем два человека неторопливо прохаживались по единственной относительно чистой улице древнего Пскова.

— Петр Евгеньевич, вы были абсолютно правы, этот, извините, товарищ Поличкевич действительно редкостная мразь. Но вы уверены, что сами хотите с ним разобраться?

— Василий Федорович, вы мне все же показали и рассказали всё, но если я не попробую, то как могу быть уверен, что удар освоил? А Вацлав Феофанович мне кажется исключительно подходящим манекеном. Тем более, что вы сказали, что сможете меня подстраховать.

— Вероятно в лагере я сильно отстал от быстрых изменений в русской речи: вы вроде всё понятно говорите, но слова все же используете по-новому. Когда вернемся, вы мне не посоветуете подходящего учителя? А то если в работе возникнет недопонимание... Да, я... подстрахую: в любом случае после такого удара он сознание потеряет и расслабится. Главное, чтобы вы слишком слабо не ударили, а сильно — ну, останется синяк небольшой, да и то если удар сердце не остановит, а даже если вы и ребра сломаете... хотя через пальто это кожаное даже вам так не пробить. Впрочем... Миронов и сквозь полушубок пробить мог.

— Вы и от моды отстали: краском от офицера отличается тем, что ходит в шинели нараспашку... а вот и он, кстати, идет. Интересно, он в монастыре губотдел ОГПУ разместил потому что тут дорожки мощеные?

— Тут ОГПУ разместили еще в двадцатом, если не ошибаюсь. Ну, удачи вам!

Вацлав Феофанович в губотдел шел в наилучшем расположении духа: этого старикашку из пограничной стражи удалось спихнуть в цепкие лапы Мессинга, и даже если тот ничего не накопает, должность начальника Псковского погранотряда у него уже не отберут. Конечно, работать сразу на четырех должностях...

Додумать эту мысль начальник Псковского губотдела ОГПУ не успел: шедший навстречу чекист поскользнулся на мокрой мостовой и, взмахнув руками чтобы сохранить равновесие, несильно ударил товарища Поличкевича в грудь. Извинился и пошел дальше, но Вацлав Феофанович вдруг понял, что дышать у него теперь не получается. И это было его последней мыслью...

— Я все же вас не понимаю, — уже в поезде недовольно прокомментировал «мероприятие» Скорохватов. — Теперь эту мразь похоронят с почестями, еще его именем улицу какую-нибудь назовут или даже город переименуют.

— Не волнуйтесь, Василий Федорович, ничего его именем не назовут. И даже почестей на могилку не принесут: у Станислава Адамовича на столе уже лежат очень интересные материалы по контрабанде через Псковскую таможню. И по тому, кто эту контрабанду крышевал.

— Вы насчет учителя нового русского языка все же озаботьтесь. А по контрабанде... вы меня научите, как такие материалы находить?

— Видите ли, господин ротмистр, кто-то из великих говорил, что революции задумывают идеалисты, совершают их фанатики, а плодами пользуются отпетые мерзавцы. А мерзавцев возможно победить лишь их же оружием, так что моя задача — перемерзавить мерзавцев. И я вас этому научу, если вы согласны стать таким мерзавцем.

— Тайным Робин Гудом точнее. Я согласен.

— А вы знаете почему Робин Гуд грабил только богатых? Потому что у бедных было нечего взять...

Год прошел как день вчерашний...

Перед самым Новым годом в городе закончилось строительство Заводского микрорайона, и население города уже превысило тридцать тысяч человек. Правда Савелий Маслов «останавливаться на достигнутом» явно не собирался и уже приступил к постройке следующего микрорайона, который, после некоторых споров, был назван — для разнообразия — «Северным». Просто потому, что для финансируемого Семашко медико-фармацевтического института к югу от вокзала начал подниматься еще один микрорайон, называемый всеми горожанами (и безо всякого обсуждения) «Южным» (хотя нанятые медициной специалисты изначально назвали его «Институтским»).

Николай Александрович весьма эффективно играл на желании большевистских руководителей сохранять личное здоровье и иногда выдавливал из них больше, чем мог выдать кто-либо еще. В качестве огромного бонуса он выбил для Боровичей ежесуточную поставку двухсот тонн каменного угля, а еще «открытой опцией» оставалась поставка такого же объема мазута. Последний был пока нафиг не нужен, но когда понадобится — начнет поставляться в тот же день.

В постройке Южного микрорайона принял «посильное участие» и Главхим под руководством Владимира Николаевича Ипатьева. Он тоже довольно умело играл на желании власти «защитить себя», и фактически единолично отвечал за производство порохов и взрывчатки, получая на это хоть какие-то средства из нищенского бюджета все еще разоряемой страны. Сохранять существующее производство ему удавалось с огромным трудом, так как денег не хватало даже на обеспечение текущих нужд многочисленных заводов, однако небольшую копеечку на Боровичи он все же изыскал. Потому что «не поддержать завод, выпускающий по двести тонн олеума в сутки» он счел огромной глупостью и «немножко переплачивал» за поставляемую с завода кислоту. То есть платил-то столько, сколько кислота с других заводов стоила, но точно зная, что в Боровичах она обходится почти вдвое дешевле. А уже через свои связи с Красной Армией он добился того, чтобы ветка железной дороги на Боровичи превратилась в двухпутную, к тому же солдатики, с рельсами работать закончившие, теперь «до лета» трудились на строках Южного микрорайона — за счет этой самой Армии трудились.

Последним (по степени участия) членом «кооператива» по постройке Южного микрорайона стал Киров. Света, когда-то историю (в том числе и ленинградского руководителя) изучавшая отнюдь не по учебникам, по этому поводу высказалась так:

— Костриков ради собственного прославления готов многое сделать, надо ему лишь намекнуть о грядущей славе за нужное нам деяние.

Собственно, именно она Кирова и привлекла к этой работенке: лично в Ленинград съездила, лично отвезла Сергею Мироновичу первую катушку изготовленной Валерой вольфрамовой проволоки и, как бы между прочим, сказала «верному ленинцу»:

— Сейчас наша лаборатория такой проволоки может делать как раз чтобы покрыть текущие потребности «Светланы». Но я слышала, как Валерий Федорович говорил, что если бы нам можно было набрать побольше рабочих квалифицированных, которым нужно и жильё соответствующее представить, то уже к концу весны «Светлана» могла бы на нашей проволоке делать по четверти миллиона ламп в месяц.

— А на «Светлане» не все еще рабочие даже комнату получить успели.

— Так они и на комнату в большинстве своем пока не заработали. А проволоку чтобы такую делать, тут и мастерство требуется, и опыт, и образование европейское. Мы нескольких человек из Европы сманить смогли, а еще больше почти уговорили в СССР перебраться — но у нас в Боровичах квартирный фонд уж больно невелик. А в комнату в коммуналке никто из европейских рабочих точно не поедет, тем более в небольшой провинциальный городишко.

— Но ведь у вас там сколько уже кирпичных заводов-то работает? Неужели не из чего дома строить?

— Строить не проблема, но вот где взять стекло, трубы стальные... там много чего по мелочи, но все вместе нам поднять не под силу.

— Ладно, попробую помочь... вы мне когда сможете список всего необходимого... остро необходимого принести?

— Да я хоть сейчас могу его огласить, он в две строчки уложится. Во-первых, нужно несколько толковых архитекторов, которые смогут небольшой городской район спроектировать. А во-вторых, нужна железная дорога...

— У вас же есть и, я слышал, Семашко уже второй путь с помощью армии...

— Железная дорога от Веймарна к деревушке Усть-Луга. Вы же знаете, у нас есть свои... источники финансирования за рубежом, нам проще там всякие мелочи купить — но вот тащить все это через Ленинградский порт было бы ошибкой. Сами знаете, люди Мессинга очень нервно реагируют на то, что кто-то живет лучше, чем они, а ничто, через порт здесь проходящее, от их внимания не ускользнет.

Сергей Миронович на этом предложении слегка задумался:

— Можно подумать, у нас рельсов девать некуда. Да и как людям объяснить, зачем к крошечной деревушке железную дорогу тянуть? Тем же коллегам вашим, Мессингу хотя бы?

— Рельсы... рельсы мы привезем из-за границы, с ними проблем не будет. А объяснить... Там, вокруг Усть-Луги, сразу несколько колхозов рыболовецких сейчас организуется, а морем возить в Ленинград оттуда кильку и салаку не получается: по дороге протухнет рыба. Но вот в вагонах-ледниках рыба испортиться не успеет. Я так думаю, что в сезон там тонн по сто рыбы в день ловить будут...

— Сколько?

— Вот именно, сами видите, что без железной дороги дать Ленинграду достаточно рыбы ну никак не выйдет. Но мы такую дорогу не выстроим: одними рельсами же на постройке не обойтись, а всякие шпалы, костыли — это ленинградские заводы изготовить смогут. Опять же, я трассы не знаю, а там возможно и мосты какие-нибудь потребуются...

— Не уверен, что... ведь, наверное, можно и на судах ледники поставить?

— Ну хорошо, тогда прямо скажу: база торпедных катеров ближе к границе...

— Вот все у вас в ОГПУ через задницу, нет чтобы сразу прямо сказать... спасибо, вы правы: без свежей рыбы Ленинграду будет... менее уютно. А это база... рыболовецкая, когда строительство предполагается?

— Рыболовецкие колхозы уже строятся. И, надеюсь, будут запущены уже в этом году...

С рыболовецкими колхозами Светлана решила проблему просто: в Боровичах, точнее во всем уезде Боровичском, было довольно много народу, который еще не забыл как строить деревянные барки. А так как будущим рыбакам кораблики нужны были не на две сотни тонн груза, то небольшие суденышки числом в полсотни были выстроены за лето. А для того, чтобы суденышки могли плавать куда экипажу хочется, а не куда ветер подует, то для них в

Швеции были заказаны полсотни моторов, производимых компанией J CG Bolinders Mekaniska Verkstad AB. Формально моторы эти (известные еще в царской России под названием «Болиндер») считались «нефтяными», но прекрасно работали на любой жидкости, способной гореть. Например, на мазуте или даже на рыбьем жире и подсолнечном масле...

Полста суденышек — это было, конечно, круто — вот только в деревне Усть-Луга мужиков было меньше, так что пришлось население деревеньки изрядно увеличить. Что, в принципе, было делом не ахти каким трудным: в Ленинграде и окрестностях осело очень много разного рода бывших моряков, так что даже капитанов «рыболовов» получилось набрать из «экс-офицеров», правда, в основном из мичманов-краснокантников (то есть из флотских технарей). И Сергей Миронович получил очень веский «дополнительный довод» к постройке железной дороги к Усть-Луге: там к октябрю собралось полсотни готовых к рыбалке корабликов, для которых просто не было топлива...

А вот его участие в строительстве Южного микрорайона свелось по сути к тому, что он прислал трех «архитекторов» — молодых парней, только что закончивших обучение и почему-то считавших себя великими зодчими и к тому же ниспровергателями «старых порядков». И вот с ними работала уже Ирина, причем методами, очень далекими от политкорректности и толерастии. Ребята, получив от Мироньча краткое описание предстоящей работы, тут же придумали кучу зданий «очень передовой архитектуры», и с гордостью продемонстрировали Ире свои эскизы. И даже попытались ей рассказать, насколько все получится передовым и прогрессивным, но несостоявшийся искусствовед даже дослушивать их «презентацию» не стала:

— Так, ребята, я поняла что вы напридумывали. Фантазия у вас есть, тут не поспоришь, но придумали вы полное убожество. А чтобы вы снова говностроением не начали заниматься, поясню: Боровичи — это старинный купеческий город. И здесь мы все стараемся гармонию городскую убогими сараюшками не нарушать...

— Но ведь архитектура давно шагнула...

— Широко шагаете — штаны порвете. Еще раз: архитектура — это музыка, застывшая в камне, слышали такое выражение? А вы тут мне предлагаете изобразить соло на бубне. Я не знаю, какой урод вам давал уроки гармонии, но если вам действительно интересны именно современные тенденции в архитектуре, то для этого явно не стоит изучать казарменное домостроение Баухауса. Есть же Гауди, и если вам приспичило построить нечто, не напоминающее привокзальный сортир, хотя бы с его творениями ознакомьтесь.

— А это кто?

— Так, с вами все понятно. Тогда пойдем другим путем: здесь, в Боровичах, дома будут исключительно красивыми, причем в стиле «русский ампир». Ваша задача — спроектировать типовой жилой дом, причем такой, чтобы весь микрорайон имел единый гармоничный облик, но каждый дом — именно типовой — отличался от всех остальных мелкими архитектурными деталями и демонстрировал определенную индивидуальность. Как солдаты на параде: все вроде в одинаковой форме, но у каждого свое лицо и свой характер. Я понятно объяснила?

— Но ведь красота конструктивизма...

— Те, кто не понял, могут прямо сейчас отправляться на вокзал и возвращаться туда, откуда приехали. Здесь, в Боровичах, я, и только я определяю, что считать красивым, а что уродливым. На что имею полное право во-первых, как доктор искусствоведения, а во-вторых,

как начальник архитектурно-строительного отдела Особого Девятого управления ОГПУ. Главное — вы будете строить не бараки, но жилое пространство для многих поколений советских людей, и строить будете на века. Поэтому прежде чем напрягать фантазию, зайдите в городскую библиотеку и возьмите там сборник строительных норм и правил. Вас этому не учили, но без знания СНиП вы ничего хорошего не постройте. И да, в новом микрорайоне здания будут не выше четырех этажей...

Праздновать наступление Нового, тысяча девятьсот двадцать девятого года все собрались в квартире Суховых. И, понятное дело, в основном разговоры шли о том, что получилось за год сделать, а что и по каким причинам сделать не вышло. То есть большей частью разговоры касались «второй темы»:

— Я вот никак понять не могу, — пожаловался Вася, — Ленин писал, что в России было три миллиона рабочих, а куда они все делись? Я Бредису с трудом полсотни рабочих нашел, и для этого и Ленинград обобрал, и Москву, и все окрестности...

— А чего уж тут непонятного? — ответила ему Света. — Дедушка Ленин в своей писанине слегка, скажем, слукавил как Троцкий. Вся же статистика есть в публичном доступе, и на четырнадцатый год в стране было, если я не ошибаюсь, двести восемьдесят шесть тысяч промышленных рабочих. Причем тысяч семьдесят из них были немцами, французами и прочими бельгийцами. Сам смотри: на Путиловском в пушечном производстве было почти две с половиной тысячи рабочих, но русских рабочих было всего трое. Трое! А остальные поголовно иностранцами были. Ильич же в русские пролетарии и иностранцев тоже записал, а так же записал и всех поденщиков, грузчиков и даже извозчиков, которые возили всякое — а они к пролетариату относились примерно как я к ядерной физике.

— Поясни...

— Ну, крестьянин, когда пахать и косить уже не нужно, шел в город подработать. Знаний и умений у него — ноль, желание учиться — вообще отсутствует, ну какой из него пролетарий? Он же просто пережидает, пока зима закончится и он снова в деревню пахать и сеять уедет.

— Ну допустим. Но ведь с революции уже больше десяти лет прошло, неужели новых рабочих не появилось?

— А откуда? Заводы, почти все заводы и фабрики, не работают, им рабочие не нужны. На том же путиловском половину станков или сломали, или разворовали. Единственное, где хоть как-то рабочие вообще сохранились — это разного рода оружейные предприятия, но там и старых рабочих более чем хватает. Вот сейчас вроде приняли планы на первую пятилетку — но, как Оля говорила, её бездарно просрут — просто потому, что нет рабочих и взять их неоткуда. Построить заводы — это даже не полдела, это хорошо если десять процентов дела. А вот запустить их...

— Ну мы же запустили! Целых четыре завода запустили!

— Ага, у Бредиса, сам говоришь, полсотни рабочих, которые на станках работать хоть как-то умеют. А по планам — которые, между прочим, Оля готовила — там должно работать больше пятисот человек!

— Ну, если пацанов считать, то где-то так и выходит...

— Выходит у него... на заводе станков сколько? Штук тридцать? Мальчишки пока только учатся, и скажи спасибо Митрофану Даниловичу, что они эти станки еще не разломали! Ты помнишь, сколько времени работали в первую пятилетку импортные станки

до полного износа?

— Не помню, потому что и не знал этого никогда. А сколько?

— Больше девяноста процентов импортных станков, закупленных в годы первой пятилетки, были приведены в полную негодность меньше чем за год! Рукожопы на марше, дрожи, проклятый буржуйский станок!

— Хорошо тогда, что Валя сам станки делать научился...

— У Вали на заводе как раз собрана элита отечественного рабочего класса. А если ты посмотришь в их сторону попристальнее, то не сможешь не увидеть того, что все они нынешних большевиков несколько недолюбливают, причем взаимно: из его двух сотен рабочих едва ли два десятка прибыли в Боровичи не под конвоем. Я со многими говорила — так почти все они при царе в месяц куда как больше сотни рублей получали! И, понятно, за три червонца в месяц горбатиться у них ни малейшего желанья не имеется...

— Но у Вали у них...

— Не у них, а у нас они в квартирах прекрасных живут, медицина в городе как нигде в СССР, опять же досуг и дети не только учатся, но и воспитываются. Ты случайно не знаешь, где еще в стране и ясли, и детские сады, и кружки всякие бесплатные? И зарплата у них отнюдь не большевистская, кстати.

— Не знаю...

— Ну так знай: сейчас в гегемоны прут крестьяне, которые уже совсем до ручки доведены. Проще говоря, самые бедняки, а еще проще — сельские дармоеды. Этой зимой мы еще не увидим, а вот с лета... Если тебе делать нечего будет, то прокатись по стройкам коммунизма: так вокруг каждой такой стройки народ в землянках жить будет, причем жить впроголодь и изнывать от болезней. И мужик это терпит, потому что в деревне такому мужику жизни вообще нет, а в городе жить негде и не на что: он же ничего делать не умеет!

— Печальные ты картины рисуешь...

— Я рисую? Я еще и не начала их рисовать!

— Свет, угомонись, — в разговор вступила Оля, — а то молоко пропадет.

— Не пропадет, потому что это не я психую, а Вася.

— И ты, Вася, успокойся. Да, в стране если еще не полная жопа, то что-то очень близкое, но нас она не коснется, да еще мы глубину этой задницы слегка подкорректируем в сторону уменьшения. Мы, худо-бедно, пару тысяч детишек потихоньку работать обучили, и хотя они еще далеко не профессиональные рабочие, однако кое-что делать уже умеют. Причем, как Света заметила, не ломая при этом станков. Да, они пока работают медленно и гонят брак, но, по моим расчетам, где-то через год они работать научатся. А пока они, хоть и работают еще неумело, но все же стараются — и Бредис к посевной полсотни тракторов нам выдаст. А Воропаев столько же грузовиков дровяных обеспечит. Вроде немного, но ведь этого хватит чтобы в уезде все поля вспахать, а потом урожай с полей вывезти!

— Не думаю...

— А ты попробуй, некоторым это занятие даже нравится. Через год у нас еще пять тысяч детишек училища закончат, Бредис будет выпускать по пять тракторов в сутки...

— Что-то не очень-то дофига...

— Нам сейчас всю страну тракторами не обеспечить, и даже стремиться к этому нам не следует. У нас другие задачи: прежде всего мы должны нашу зону продуктами обеспечить. А в промышленности у нас главная задача — станкостроительный завод. Можно сказать, что эта сейчас самая главная задача.

— Почему это?

— Потому что началась первая пятилетка. Товарищ Куйбышев с лета начнет массовые закупки всего в зарубежье, цены там резко вырастут и мы хрен чего там купим. А так как нам вообще-то до хрена всякого нужно, то это нужное нам придется самим уже делать.

— Тогда я подскажу, что еще нам остро понадобится. Потому что если мы в закордонье подшипники покупать не сможем...

— Вась, я тут госплан локальный или просто погулять вышла? Завод по производству шарикоподшипников у нас уже в марте заработать должен. Петруха все оборудование уже закупил, в смысле то, что мы сами сделать не можем, его уже монтируют потихоньку...

— И где это? Я что-то не видел...

— Потому что ты из Боровичей не вылезашь, а завод в Мошенском выстроили.

— Почему в Мошенском?

— А чтобы никто не догадался! У нас через три года по плану должно работать почти сто тысяч человек, а превращать Боровичи в город-миллионник в наши планы точно не входит. К тому же в Мошенском уже в феврале три новых пиритовых печки заработают, а это семь с половиной мегаватт электричества. И сколько угодно железа: Аня там свою металлохимию налаживает. То есть это в Сокирно пиритовый комплекс будет, но до Мошинского там всего пять километров, и к тому же летом железку из Боровичей до Мошенского проложим как раз мимо Сокирно.

— Оль, ты мне тогда вот что объясни: в СССР гвоздей не хватает, а мы сталь на рельсы тратить собираемся...

— Гвозди — это не ко мне. А рельсы Петруха у американцев купил, по сильно демпинговой цене. Это будет допоставка из той партии, что для дороги в Усть-Лугу закупалась. А дорога нам всяко нужна, ведь только кислоты с завода будут возить чуть меньше четырехсот тонн в сутки. А когда будут новые электропечи стальные там запущены, то это еще сотня тонн железа, не говоря уже о прочих мелочах...

— А неплохо мы тут историю подвинули, за это точно нужно по бокальчику поднять! — весело заметил Валентин.

— Ну уж и подвинули, — скривилась Ира.

— Подвинули-подвинули, — ответила ей Света, — хотя бы то, что огнеупорный завод на год с лишним раньше запустили чем в нашей истории, уже много пользы стране дало.

— Это точно, — широко ухмыльнулся Петруха, — мы же у буржуев всякого смогли закупить только за счет кирпичной выручки на девяносто миллионов крон. А если прикинуть это в общем масштабе, то мы сюда, в особый Боровицкий район, натащили всякого примерно процентов пятнадцать от того, что в этом году намечено закупить для всей страны!

— И чего-то я у нас никаких следов намечающегося коммунизма не вижу, — продолжила гнуть свою линию Ира.

— Ир, ну выгнала ты этих ленинградских строителей... коммунизма, так из-за мелочи этой расстраиваться точно не стоит. Если из трех парней двое оказались полными идиотами, то это вполне приличный результат, зато третий-то как все красиво делает! А та девчонка, которую он приволок — разве не чудо? Правда если она тебе выстроит завод хоть немножко похожий на её чертежи...

— А мне на самом деле интересно: это на неокрепшие детские умы пропаганда большевистская так действует или религиозный туман еще у них не выветрился? Ладно там

цех выстроить в стилистике храма древнегреческого, но ворота с раздвижной колоннадой — это, мне кажется, точно за гранью рассудка...

— Нет, — усмехнулся Петруха, — это тебе, пресыщенной мировой архитектурой, все это кажется кичем, а девочка просто ошарашена ей, ведь, небось, эти пантеоны с парфенонами она впервые в жизни у нас в библиотеке на картинках увидела, вот и хочется ей и дома что-то подобное заполучить. Ты её лучше в Барселону в командировку пошли...

— Ага, чтобы ее потом за шпионаж в пользу Гондураса расстреляли...

— Ир, если глубоко копнуть, то в Боровичах за шпионаж в чью-то пользу каждого второго расстреливать пора. Но пока мы приносим Вацлаву какие-то, причем очень заметные, плюшки, никто никого здесь расстреливать не будет.

— Ага, а кто пригнал эту комиссию по проверке учебных заведений?

— А нас эта комиссия вообще никак не касается, это жабогадюкинг Ленинградского ОГПУ. По результатам работы этой комиссии половину ее членов расстреляли нафиг как ярких контрреволюционеров, причем Жупахин, идиот, все это специально со мной оговаривал еще до её приезда. Сергей Георгиевич решил немного копнуть под Станислава Адамыча...

— Но Жупахина-то не тронули...

— И Адамыч ему сообщил, — прокомментировал Валя, — что исключительно благодаря заступничеству Петрухи: мол, он помог раскрыть контру в городском отделе наркомпроса. Так что он теперь у нас на крючке и будет нам сообщать о любом косом взгляде в сторону нашего управления. Знает, что ему хана придет сразу как у нас малейшие неприятности начнутся.

— Ну допустим, — продолжил разговор о «юной художнице» Ира, обращаясь к Петру. — Однако я-то её в Барселону отправить не могу. А ты не займешься?

— Договорились. Я думаю, командировку ей выпишем месяца на два...

— Ты не понял. Сначала обучи её испанскому, ты же испанскую школу на пятерку закончил? Вспомни, как тебя учили — и вперед. И учи её даже не кастильскому, а сразу каталонскому. Сроку тебе... месяца за три справишься?

— Каталонскому, так он называется... А давай я тебя за три месяца обучу!

— Я уже старая, нагрузки такой не выдержу. А она — молодая, да и стимул у неё есть: я-то в Барселоне уже много раз была, а она, кроме своей деревни, разве что Питер видела... проездом.

— Ладно, я думаю что сейчас есть и поважнее дело: до полуночи сколько, минут пять всего осталось? Валь, открывай шампанское, а все задумывайте желания на новый год. И не скупитесь на эти желания: нам еще овердофига чего сделать нужно!

Новый год — это праздник, который не заметить практически нельзя. Однако в СССР, тем более в конце двадцатых, новый год (именно так, с маленькой буквы) начинался не с первого января. То есть с первого января начинался год календарный, но никто ничего особо к этой дате не подгадывал. Заводы не «закрывали» судорожно планы — поскольку никаких планов еще толком и не было, трудящиеся тоже не планировали «длинные выходные»: ведь первого января был вторник, а вторник — день совершенно рабочий. Так что для большинства советских граждан год начинался уже весной, когда наступала пора пахать и сеять.

А пока пахать и сеять было рано, все трудились как и в декабре, с рассвета до заката. Точнее даже, в городах люди на работу шли еще в темноте, а домой возвращались уже в

темноте — то есть буквально работали, света белого не взвидя. И, казалось, работе этой нет ни конца, ни начала.

Но это лишь казалось. Потому что некоторые работы — например стройки — как правило когда-то заканчивались. Ну и когда-то начинались новые — но строители оставляли за собой вполне себе законченные строения и сооружения. Например, пиритовые печи с паровыми котлами для электростанций, или печи цементные. Или еще более например, жилые дома и даже целые кварталы.

Правда для домов, и тем более для домов жилых, требовалось, кроме кирпича и цемента, много всякого разного. Например, требовалось довольно много стекла — но когда есть достаточно денег, то стекло можно и купить. Однако гораздо умнее было потратить эти деньги не на закупку стекла, а на приобретение стекольного завода. И поставить этот завод в деревне Неболчи — там неподалеку, как сообщил Саша, располагалось практически единственное в Новгородчине месторождение кварцевого стекольного песка. Вдобавок, там и железная дорога проходила из Петер... из Ленинграда, так что было не очень трудно стекольные печи и топливом обеспечить. Правда, при условии, что это топливо получилось бы где-то найти...

— Интересно, а на торфе можно стекло варить? — задала вопрос Ане Света, когда Петя рассказал о покупке стекольного завода. — Сейчас в СССР с топливом вообще очень паршиво, не именно поэтому здесь уже вроде разработано много весьма прогрессивных методов торфодобычи. А ведь торф даже буржуи в наше время решили считать экологичным топливом, поскольку он возобновляемый.

— Я, конечно, крупный специалист по стеклу, и даже смогу без посторонней помощи из стеклянной трубки пипетку сделать. Но все мои знания о производстве стекла ограничиваются тем, что стеклянные печи работают в основном на газу. Причем газа нужно овердрфига, потому что шихта в печи варится около полутора суток. Французы вместе с прочим оборудованием прислали только газовые горелки, а газовый завод нам самим нужно строить, но в России все такие заводы строились исключительно угольные. А с углем в стране тоже полная...

— Жопа?

— Она самая. Но ты особо не переживай: вот будет у нас много электричества...

— Дуговые нагреватели думаешь можно поставить будет?

— Нет. Стекло, когда оно жидкое, проводит ток. Но проводит плохо, в смысле сопротивление стекла большое. А раз стекло току сопротивляется, то оно нагревается. И при этом КПД стеклянной электропечки раз в пять выше, чем у печки на газу. Да и электричество возить на стекольный завод дешевле, чем уголь или даже газ. Поставим ЛЭП, там около семидесяти километров всего...

— Ага. С медными проводами. Ну ладно, пока и так сойдет. А когда?

Выход на полную мощность первой ГЭС на Мсте прошел в некоторой степени даже торжественно. Ну а то, что он случился в один день с пуском первого генератора на второй ГЭС, было на самом деле случайным совпадением. Однако «малость торжества» объяснялась вовсе не «разнесением в пространстве» этих, без сомнения важных, событий, а тем, что за неделю до этого пуска на первой ГЭС началась и ее «реконструкция». Потому что Николай Николаевич Павловский, с огромным интересом следивший за стройкой, сказал, что по его мнению «ГЭС построили неправильно»:

— У вас же электростанция рассчитана на двенадцать мегаватт...

— Ну да, а что?

— А то, что потребление электричества очень неравномерное, и станция будет работать с перегрузкой в рабочее время, а ночью будет просто воду сливать безо всякой пользы.

— А что вы можете предложить для исправления этого положения? Заводы переводить на круглосуточную работу?

— Ну, с режимом работы заводов вопрос не ко мне. А вот если поставить еще парочку генераторов, мегаватта на два... Тогда днем можно их использовать для получения дополнительного электричества, а ночью, когда потребление минимально, большие генераторы отключать и воду на следующий день накапливать. Я же слышал, что вы мегаваттные генераторы уже сами делаете?

Павловский про мегаваттные генератор не просто слышал, он специально приехал на пуск электростанции в Порхове, где как раз такой генератор (конструкции Прокофьева) и был установлен. Его очень заинтересовал как раз тот факт, что на электростанции всё оборудование было «отечественным», и пропустить пуск Порховской ГЭС он не мог.

А вот про то, что на первой Мстинской станции кроме двух шведских трехмегаваттников был установлен и новенький отечественный генератор на шесть мегаватт, он просто не знал: «на всякий случай» сотрудники Девятого Управления особо об этом не распространялись. Саша же, пересчитав накопленную за прошлый год статистику по речному стоку, предложил на станции поставить еще три мегаваттных генератора, ну а так как места для них в «старом» (то есть уже выстроенном) здании ГЭС не нашлось, инженеры быстро спроектировали, а рабочие приступили к возведению «небольшой пристройки». Благо, что сама станция ставилась (по примеру Волховской ГЭС) вдоль реки и можно было без особых извращений «удлинить» ее на восемь метров. Ну а на второй уже место для дополнительных генераторов «малой мощности» предусмотрели заранее, для всех четырех...

Вообще-то товарищ Павловский сделал очень много для строительства Мстинского каскада. Кроме проведенного им лично гидрологического исследования (правда, большей частью лишь подтвердившего результаты Сашиной работы) он порекомендовал сразу два десятка инженеров, которые, по его мнению, были «вполне способны» руководить постройкой ГЭС. И в целом в рекомендациях не ошибся: один меньше чем за год построил ГЭС в Порхове, а теперь руководил стройкой шестой ГЭС на Мсте (самой сложной, по мнению Саши Суворова), двое занимались строительством всех оставшихся шлюзов (причем оба считали, что шлюз на первой и спроектирован, и выстроен «отвратительно»), а четверо, постоянно ругаясь, трудились над машинными залами. Олю здесь удивляло лишь то, что солидные инженеры, обладающие и знаниями, и опытом работы, всерьез ругались в

основном по поводу «внешней красоты зданий» строящихся электростанций и наибольшие разногласия (едва не переходящие в драку) вызывал вопрос каким кафелем полы в машинных залах покрывать — а вот споров по чисто техническим вопросам у них вообще не было. Однако все эти гидростроители были единодушны в одном: предлагаемую Сашей облицовку водосбросов гранитом они считали «неоправданной расточительностью». Впрочем, сам Саша так не считал (поскольку бетонная облицовка с применением цемента максимум четырехсотой марки по его мнению должна была развалиться через пару лет), а потому на ворчание инженеров никто внимания не обращал.

Кроме, разве что, Оли: денежки-то она распределяла — но мнению Саши она полностью доверяла, да и общие расходы на гранитную облицовку водосбросов в стоимости самих электростанций казались не очень-то и значительными. К тому же появился и приличный «дополнительный источник» валютных поступлений: в США заработала новая «американо-шведская» компания под названием «Rainbow Glasses», торгующая «шведскими» очками с фотохромными стеклами. С «обычными», с розничной ценой в районе десяти долларов, и «с диоптриями», у которых цена начиналась в районе двадцатки. Причем это касалось лишь «круглых» очков со стеклами диаметром в сорок миллиметров, а запатентованные очки «авиатор» стоили в полтора раза дороже если использовались стекла диаметром в пятьдесят миллиметров, и в два с половиной раза дороже, если стекла там ставились семидесятимиллиметровые. А так как новенький завод по выпуску коррекционных очков в сутки делал по пять сотен «простых» и почти по сотне «патентованных», не говоря уже о почти тысяче «солнцезащитных» (то есть без диоптрий), то денежный поток Олину душу очень радовал. Пока радовал: все же она про «Великую депрессию» ни на день не забывала.

Об этом вообще было трудно забыть: Петя (а, точнее, найденный им Иван Георгиевич Сёмин, работающий исполнительным директором в YBR) довольно легко смог приобрести партию в пять тысяч тонн меди, причем уже электролизной, то есть очень чистой. Медные-то заводы у янки работали чуть ли не круглосуточно, а вот спрос на их продукцию уже несколько упал. И цены тоже слегка упали, хотя и совсем немного. И не только на медь: Иван Георгиевич сообщал, что довольно много продукции уже промышленной стало продаваться со скидками...

Ира в самом конце мая получила — после того, как Валентину «надоело её нытьё» — небольшой подарочек: в «рыболовецком порту» Усть-Луги разгрузился американский пароход, привезший сразу тысячу тонн алюминия. Откровенно говоря, это «нытьё» обошлось в полмиллиона долларов, но, похоже, и этого для полного удовлетворения Ириных хотелок было явно мало: глядя на то, как мужики запихивают алюминиевые слитки в специально выстроенный склад, она, специально скорчив умильную физиономию и нарочито ласковым голосом поинтересовалась у Саши:

— Ну, основа, можно сказать, закладывается. А теперь ты мне расскажи, где мне взять тонну циркония, двадцать две тонны лития и... у меня запросы все же довольно скромные, поэтому, думаю, килограмм пятьдесят бериллия. Остальное я и сама найду...

— С цирконием проблемы нет, а вот насчет лития... Есть на примете местечко, там лития накопать — раз плюнуть. Правда есть одно мелкое неудобство: это место находится за Полярным кругом примерно в полутора сотнях километров от поселка с грозным названием Апатиты. И если ты соорудишь, скажем, гидроплан, способный пару тонн груза перетаскивать...

— Почему гидроплан?

— Потому что в тех краях аэродромов нынче и вовсе нет. Правда есть еще одно месторождение, в Забайкалье... там как раз литий начали... начнут добывать перед самой войной, но мне кажется, что на Колмозере шансы что-то нарыть в обозримые сроки куда как выше.

— Ну и чего ты тут стоишь? Иди и рой!

Саша внимательно оглядел окружающую обстановку:

— Что-то я самолета не вижу, может он за сараем стоит?

Подошедший Петя, глядя на насупившуюся Ирину, поинтересовался:

— Что, алюминий тебе не нравится?

— Алюминий нравится, а вот наш фельдмаршал мне лития давать не хочет.

— А чего так?

— Да я обещанного самолета жду...

— Будет тебе самолет! Пертуччио, а ты мне привези, скажем через недельку, максимум через две пару моторов... конкретно четыре мотора БМВ-шестых, я тебе спецификацию после обеда отдам. Пять моторов, потому что я один на испытаниях поломаю.

— Ир, у тебя как со здоровьем, голову солнышком не напекло?

— Ты что-то хотел мне сказать?!

— Если мне склероз не изменяет, то этот мотор сейчас в СССР по лицензии...

— Петруха, поговори мне еще! Лицензионный — говно на пять сотен сил, а оригинал уже больше шестисот. Мне же нужен в версии 7.3 мощностью в семьсот пятьдесят сил, так что иди и покупай, не перечь боле.

Когда Ирина, резко развернувшись, быстрым шагом покинула парней, Петр, глядя ей в след, пробормотал:

— Ну, просто Снежная королева какая-то...

— Может быть, все же детство у неё было непростое... Однако моторы ты купи: она самолет точно выстроит каких еще Родина не видела. Причем мне же следующим летом на нем и лететь придется в далекую тундру.

— Куда-куда?

— Литий ей добывать.

— У неё батарейка на ноутбуке накрывается?

— У неё накрывается мечта о титановом самолете.

— А литий тут при чем?

— Я тебе как геолог скажу: до появления электромобилей литий почти целиком шел в авиапромышленность для производства каких-то сверхлегких сплавов. А Ира — она точно знает для каких, так что скоро и Валере придется с электропечами для таких сплавов поколдовать...

Спустя всего неделю Петр, как бы невзначай, поинтересовался у «женщины-химика»:

— Ань, тут вот какой вопрос, чисто химический: ты из сподумена чистый литий вытащить можешь?

— Если в этом сподумене он имеется, то могу. А что такое этот сподумен?

— Это камешек такой, американский. То есть не только американский наверное, но в США его в приличных количествах копают: он для изготовления стекла применяется. Так вот в тонне этого камешка лития содержится тридцать пять кило.

— Не вопрос, вытащу. Но зачем он тебе?

— Не мне, Ира у нас помирает, литий просит. А Сёмин у нас оказывается мужик шустрый, я у него про литий спросил, так он за неделю все выяснил и даже почти договорился о закупке ценного камешка. Очень ценного, он примерно по сто двадцать долларов за тонну продается. Раз ты из него нужное вытащить сумеешь, то я начинаю его закупку: очень вовремя у нас Рэйнбоу Глассез в Буржуинии организовалась, через неё все купим и никто не поймет зачем: фирма для очков сама стекло варит. В смысле не фотохромное, но сама.

— Молодец... получается, что только по сырью литий у нас пойдет по три с половиной тысячи баксов за тонну... Ну что, пока Саша не наладит отечественную добычу, будем считать это приемлемым. А раз уж ты у нас министром внешней торговли устроился, подумай, как у боливийцев купить пустыню... надо у Саши спросить, как она называется, так вот, как купить эту пустыню целиком.

— Ань, вы тут что, всем женским коллективом с ума решили сойти? Вот нахрена нам...

— Петь, ты забыл, чем мы тут занимаемся? Ну, кроме изготовления пулемета?

— Понял, осознал, уже раскаялся. А стеклок для очков ты побольше наделать сможешь? У нас для зарабатывания денежек всего месяца три осталось...

— Хреновый ты торговец, как я погляжу. Объяви, что Рэйнбоу Глассес принимает заявки на очки со скидкой в двадцать процентов, но с предоплатой и поставкой в течение полугода. У американов сейчас еще великая эйфория не закончилась, думаю, что очень много народу захочет выпендриться по дешевке...

— Надо же! Вот глядишь на тебя: женщина как женщина, даже красивая. А в голове у тебя, оказывается, появляются умные мысли... Всё, ушел уже... покупать эту пустыню. И даже сам название её у Сашки спрошу...

В начале сентября в Опеченском Посаде заработал новый металлургический завод. Гигантом индустрии он, конечно же, не был — ежедневно выдавал всего около сотни тонн стали, но ведь даже сталь на заводе считалась «отходом производства». А вот почти девять центнеров меди были «основным продуктом», так же как и пара тонн цинка. Чтобы всё это «счастье» работало, на завод подавалось электричество уже с двух генераторов второй Мстинской ГЭС, а по рельсам туда ежедневно доставлялось и десять тонн соли. Похорошему еще и уголька бы было неплохо получать тонн по семьдесят, но с углем в стране было очень паршиво, и поэтому в качестве базового топлива на заводе использовался в основном торф. Из которого в специальных газовых печах получали водород, которым из хлорного железа добывали железо уже чистое, отправляющееся сразу в электропечи на переплавку.

Так как по сути завод был больше химическим нежели металлургическим, то и управлять им Аня поручила двум выпускникам Фаворского — но у ребят-то опыта большого не было, так что приходилось женщине-химику чуть ли не ежедневно их навещать и раздавать им живительные пинки. Впрочем, те довольно быстро опыта набирались и Аня была полностью уверена, что не позднее чем через год её вмешательство больше не потребуется. А пока — пока она радовалась возможности прокатиться на новеньком легковом автомобиле, которые на заводе Воропаева уже выпускались по пять штук в неделю...

Почти всё оборудование новенького химзавода было изготовлено в Швеции, но все были уверены (ну, или Аня всех смогла убедить) в том, что шведы просто не догадаются, зачем все это вообще было изготовлено. А если и догадаются, то в лучшем случае покрутят

пальцем у виска: если считать, что все делалось для получения железа, то рентабельность производства казалась резко отрицательной. Да и при учете меди и цинка выгода не казалась очевидной.

Собственно, она такой и была, ведь если подсчитать, во что обходится «торфяной» водород, выходило, что ту же медь немного выгоднее таскать даже из Африки караванами верблюдов. Но торф — он был, а вот другого топлива...

После пуска завода Аня огорошила Валентина простым вопросом:

— Валь, а сколько тебе потребуется времени чтобы сделать турбодетандер?

— Нисколько, я его делать вроде и не собирался. А что?

— А то. Кило сухого навоза в биореакторе дает в среднем триста-триста пятьдесят литров метана за двадцать суток примерно.

— Ну, допустим...

— Стандартный датский реактор имеет емкость в шестьсот кубов.

— Это радует... а дальше?

— В него такого навоза влезает около трехсот тонн, то есть триста тысяч килограммов, которые за три недели... за месяц, если с перезагрузками считать, выдадут — тут должна быть барабанная дробь, но я барабан дома забыла — примерно сто тысяч кубов метана.

— Это, безусловно, радует...

— Если поставить дюжину таких реакторов, которые по сути бетонные коробки, то в день мы получим пятьдесят тысяч кубов метана. Но есть проблема: этот метан будет перемешан с углекислым газом, азотом, прочей ароматной химией, и метана в смеси получится примерно половина, максимум процентов шестьдесят пять. А вот если эту гадость пропустить через детандер...

— Я понял. Но не до конца.

— В реактор можно пихать, кроме собственно навоза и прочих фекалий, еще и опилки, солому, торф тот же — и вот такая нехитрая конструкция даст нам по пятьдесят тонн аммиака в сутки. А аммиак...

— Да понял я, понял! Я даже больше скажу: в Боровичах сейчас уже почти пятьдесят тысяч человек, и если выстроить нормальный отстойник, то только боровчане заполнят такой реактор меньше чем за неделю. Лично я буду особенно стараться!

— Клоун. Ты сначала на заводе постарайся, а потом уже тужиться начинай. Так когда?

— Вот интересно, получается, что на пердьячем пару можно весь город газифицировать. И почему это люди в нашем прошлом будущем газ из земли выковыривали?

— В том будущем, откуда мы сюда попали, слаборазвитая Дания пердьячим паром обеспечивала чуть меньше двадцати процентов общего энергопотребления в стране. А в Китае таким образом добывалось свыше тридцати миллиардов кубов метана! Ну так когда?

— Пётр Леонидович очень простую конструкцию придумал, а подшипники... у Иры вроде была программа расчета профиля вала для масляных подшипников. Если я не ошибся, то где-то за месяц сделаю, а если программы нет, то сделаю методом тыка месяца за два-три. У Капицы детандер по тысяче кубов в час пропускал, значит нужно его делать чуть побольше... или просто парочку соорудить. В общем, фигня вопрос!

— Это радует. Осталось настроить реакторов, трубы всякие там проложить, осушители для биогаза выстроить, печку для пережигания извести для осушителя, сепаратор для жидкого метана придумать, установку для парового риформинга соорудить...

— Ань, я всё это сделать просто не успею: жизнь — она короче, чем тебе кажется.

— А я и не прошу сделать всё, от тебя мне только турбодетандеры нужны. А для остального — найду людей. Раз ты машинку сделать обещаешь, то завтра махну в Питер, гляну кого еще нам Кровавая Гэбня подыскала...

— Ань, ты за языком-то следи...

— Слежу я, слежу. Ладно, беги девайс изобретать, а я быстренько на завод в Посад слетаю...

Первый «звонок» наступающей депрессии в США прозвучал в конце октября, но, по выражению Оли, «звончок был слабый, невыразительный». Поэтому заказы у «Rainbow Glasses» лишь увеличивались. Оптический завод пришлось перевести на круглосуточную работу, а «барон Сердобин», после обстоятельного разговора, на котором собеседниками его выступили профессор Фаворский и экс-генерал Ипатьев, увеличил штат сотрудников предприятия до пятидесяти человек. Причем большинство новых сотрудников были людьми уже вполне состоявшимися, возрастом лет за сорок — а потому семейными, так что сразу три дома в новеньком Южном микрорайоне отошли фармацевтической фабрике. То есть причина и следствие в такой интерпретации слегка поменялись местами: по настоянию Ипатьева и на работу приглашали исключительно семейных, причем минимум с двумя детьми — поскольку у них «больше ответственности, в том числе и по сохранению тайны». А тайну сохранять действительно стоило, ведь начиная с августа за границу ежедневно отправлялось по тридцать пять килограммов левомецетина...

Ира была очень недовольна тем, что «обещанная депрессия» так и не началась: ей очень хотелось что-то у американцев купить за три копейки. Но Оля ей объяснила:

— Спокойствие, только спокойствие! На самом деле это так не работает, что обвал на бирже — и тут же миллионы безработных и всё пошло с молотка. Тут все идет постепенно: биржа обвалилась, фигова туча банков осталась не то чтобы без денег, но попали на серьезные убытки. Чтобы их скомпенсировать, они поднимают ставку кредита, промышленность недофинансируется, все начинают рубить косты, народ начинают увольнять, потребительский спрос падает, другие уже предприятия сокращают производство — и так далее по нарастающей. Где-то через год кризис начнет распространяться по Европе, накроются американские банки, которые Европу кредитовали — и вот тогда...

— Мне вот даже интересно стало: в Америке сейчас финансисты настолько все тупые, что не понимают что происходит?

— Нормальные там финансисты, просто они многого еще не знают. В США экономисты лет двадцать после войны анализировали причины депрессии, так что я просто их выводы тебе изложила. Причем самое смешное, что если бы Рузвельт в тридцать третьем не начал продвигать свой «новый курс», то вся депрессия закончилась бы уже к началу тридцать четвертого. Но на наше счастье Рузвельт на выборах победил...

— Почему это «на счастье»?

— Потому что СССР на индустриализации сэкономил чуть ли не тридцать процентов в валюте. Даже не так: не победи Рузвельт, хрен бы СССР смог выстроить ДнепроГЭС, ГАЗ Сталинградский тракторный и новую металлургию на Урале.

— Вот умеешь ты всё так просто объяснить! Однако мне и конкретики хочется: когда у янки распродажа-то всего начнется за гроши?

— Ну... года через три, не раньше.

— Нет, это слишком долго. А я что-то давненько в Париже не была. Ты мне на командировку денежек дай немного...

— Немного — это сколько?

— Я же говорю: немного. В пределах сотни тысяч швейцарских франков — но я все, что не потрачу, верну конечно.

— А чего ты в Париже-то забыла?

— Это я так, для красного словца. Мне нужно скататься в Германию и немножко в Бельгию: Ане кое-что нужно и инженеры с моего завода разные мелочи купить попросили...

Естественно, Оля не постеснялась поинтересоваться у Ани:

— Интересно, а что такое тебе срочно понадобилось, что Ира в Германию бегом рванула это покупать?

— Это не мне, это Ире понадобилось. Пришла она ко мне с очередным запросом: дай, мол, мне скандия немножко, примерно с тонну или чуть больше.

— Это, как я помню, какой-то элемент химический?

— Ага. И извлекается он из флюорита. То есть много из чего извлекается, но из доступного сейчас — только из флюорита. А в доступном из доступного, по словам Саши, его больше всего в флюорите из Вёлсендорфа, это месторождение такое в Баварии. Вот она и побежала его срочно покупать. В принципе, раз уж флюорит в СССР почти не добывается, лишним он не будет, мы из него криолит сделаем...

— А почему у тебя физиономия такая... скептическая?

— В том мире, откуда мы родом, скандия добывалось в год примерно десятков тонн. А средняя мировая цена на него была в районе полутора доллара за грамм. За один, блин, грамм!

— Непонятно, если его в этом, в флюорите много...

— В немецком примерно один процент, то есть десять кило на тонну. Но поди его еще достань оттуда! То есть я-то знаю, как его доставать, причем смогу вытащить процентов девяносто, да и на одном криолите вся закупка отобьется — но Ирины запросы меня начинают несколько напрягать. У меня складывается впечатление, что предела хотелок у этой девушки вообще нет.

— К тому же мы все тут вкалываем как папы карлы от заката до рассвета... — добавила слушавшая этот диалог Светлана.

— От рассвета до заката.

— И это тоже, а она: дай ей то, дай ей это — и чем полезным при этом занимается?

— Ну... если не считать того, что она на пинках выгнала из Боровичей этих конструктивистских горе-архитекторов...

— Ну за это да, большое ей спасибо, а еще? Мы-то хоть деньги стараемся заработать, в особенности Аня и ребята, а от Иры только и слышно «дай» да «дай». И её вообще не волнует, сколько стоит то, что она требует. Привыкла, наверное, что отец ей что угодно покупал, а цены узнавать не привыкла. Вот и сидит на попе ровно, ждет, когда ей всё принесут и ничего не делает...

— Вообще-то она делает очень важное дело: несет культуру в массы.

— Охренеть!

— На самом деле важное. И вкалывает она при этом... Ты хоть знаешь, что она пять дней в неделю лекции по культуре в нашем Дворце этой самой культуры читает?

— И их кто-то даже слушать ходит?

— Ты не поверишь, — улыбнулась Оля. — Она на свои лекции билеты продает, и в Боровичах с полусотней тысяч населения зал каждый день битком! Зал на шестьсот мест —

и битком! При том, что билет стоит двадцать копеек! А лекции она по две в день читает!

— Не знала...

— Я уже не говорю, что сам ДК по её эскизам проектировался, архитекторы только прочность перекрытий считали и коммуникации разводили. А еще она своим заводиком руководит...

— Авиационным?

— А вот нет! Я сама только на той неделе узнала, да и то случайно, из разговора с Валерой: она где-то подобрала с десятков молодых, но грамотных и увлеченных, и наладила выпуск хоть простеньких, но электронных ламп.

— Радио будет внедрять в массы?

— Не угадала. Она мне говорила, что уже прототип электрофона парни на заводе сделали, а Вася уже наладил изготовление игл сапфировых...

— Теперь понятно, зачем Ира с меня вымогла хлорвинилацетатный комплекс, — усмехнулась Аня.

— А мне не понятно, — добавила Света, — так зачем? Мне тоже интересно.

— Из такого пластика виниловые диски делали в прошлом... в конце нынешнего века. И, очевидно, скоро снова делать будут, за что Ире вся страна скажет огромное мерси.

— А пока страна мерси Прокофьеву зажимает, надо Вале сказать чтобы поднял вопрос в верхах: его завод почти каждый день по мегаваттнику выдает, Павловский проекты миниГЭС штампует как бешеный принтер — а власти им даже «спасибо» не говорят...

— Скажи спасибо, что власти нам за школы по шапке не дают...

— А почему это нам по шапке за школы дать могут? За то, что сотня тысяч школьников хорошее образование получают? — возмутилась Светлана, как раз управляющая всеми учебными заведениями Особого Боровицкого района.

— Свет, глядя на тебя можно подумать, что ты первый раз на свете живешь, — рассмеялась Ольга. — Ты кого в учителя нам набрала? В кого пальцем не ткни — так представитель класса эксплуататоров, каждый третий — вообще из дворян. Ты же подрываешь основы пролетарского чего-то там!

— Я подрываю?! Да какие основы может подорвать учитель арифметики или литературы?

— Подрываешь-подрываешь! А ты лично — главная подорва! Или подорванка, — рассмеялась уже Аня. — Ты пойми: для нынешних «интернационалистов» русская литература — изначально вражеская, их цель — её вообще уничтожить! И историю русскую, кстати, тоже, так что если бы не супруг твой и Валя, то мы бы давно уже где-нибудь в ГУЛАГе гнили.

— Не гнили бы, — задумчиво сказала Оля, — но строили бы защиту наше страны в какой-нибудь Боливии, что было бы сильно безопаснее лично для нас, но почти бесполезно для России.

— Для СССР, ты хочешь сказать?

— Светик, ты же какой-никакой, но историк... ладно, замяли. А Ира — ты в одном права: детство у нее не самое простое было. Но она всего лишь не научилась с людьми правильно коммуницировать, а вот мысли в её голове и светлые, и, я бы сказала, выверенные: она точно знает, как сделать лучше, просто популярно объяснить это не может.

— Не хочет.

— Не может: она часто не понимает, не может понять что люди бывают просто

тупыми... нет, не тупыми, а настолько необразованными. И разговаривает со всеми как с умными, причем не просто с умными, но и знающими — а когда её кто-то не понимает, она просто теряется. Не может быстро сообразить, что именно собеседник не понимает — и на этом разговор часто просто обрывается. И да, насчет того, сколько что стоит — она, пожалуй, лучше всех разбирается, в своей области, конечно. Но если она считает, что что-то своего стоит — то спорить с ней бесполезно. Не потому что она такая упертая, а потому что наверняка она окажется права.

— Это точно, — заметила Аня. — Я тут провела анализ боксита нашего, я из него минимум тридцать грамм скандия на тонну легко вытащу. Так что когда там начнут глиноземный завод строить, нужно будет поучаствовать. Глинозем, конечно, минимум на треть подорожает — но оно того стоит. Наверняка стоит — и она рассмеялась, — ведь в таких мелочах Ира не ошибается...

Кабы не было зимы в городах и сёлах...

Насчет «по мегаваттнику в сутки» Аня ошибалась, но «ошибалась в частности, в главном же она была права»: «Боровичский завод электрических машин» мегаваттников выдавал по одному-два в неделю, в зависимости от того, сколько запрашивал Павловский — а вот небольшие «модульные ГЭС» мощностью от пятидесяти до трехсот киловатт завод выпускал по несколько штук в день. И эти установки пользовались огромным спросом, так что только в той части Ленинградской области, которой предстояло стать областью Новгородской, было всего лишь за лето поставлено семь станций мощностью свыше ста киловатт каждая. С точки зрения попаданцев — крохи, конечно, но вот в деревнях, где появились хотя бы лампочки электрические, считали иначе.

Поэтому строились электростанции и вовсе крошечные, причем строились они как правило по инициативе и силами местных крестьян. «Откомандированный» Павловским в Боровичи совсем молодой, всего лишь двадцати одного года, «инженер» Василий Заклинский только на крошечной речке Удинке поставил пять «электростанций» мощностью в пятьдесят и семьдесят пять киловатт...

— Вот удивляюсь я мужикам: в борьбе за урожай трудовым энтузиазмом вообще не прыщут, а вот чтобы лампочку в избе повесить — готовы с утра до ночи вкалывать, — заметила Света после того, как подбила «итоги сбора урожая в Боровицкие хранилища». Её «временно назначили» ответственной за городское хозяйство, и не потому, что у нее хоть какой-то опыт был, а потому, что никого более подходящего не нашлось. То есть как раз городским хозяйством было кому заниматься, но вот напрямую обращаться с любой проблемой к «вышестоящим органам» возможность была как раз у Светланы.

— И это нам пока на руку, ведь большинство отгрузок с завода Прокофьева идет по бартеру, мы за эти электростанции того же зерна получаем больше чем сожрать сможем, — поспешила «успокоить» её Оля. — А если учесть еще и провода с изоляторами, то вот где-где, а в Боровичском районе голод никому не грозит.

— Ага, а если еще и трактора учесть... Кстати, а почему мы трактора не продаем? Их же уже овердофига делается.

— Потому что товарищ Бредис идеи выдвигает отнюдь не бредовые. Мы в этом году выпустим примерно шестнадцать процентов отечественных тракторов...

— Ну я же и говорю!

— А лучше сначала послушай. Примерно три тысячи слабеньких тракторов, которые при нынешних ценах дадут нам, если их тупо на зерно менять, всего двадцать пять тысяч тонн этого зерна. На триста тысяч населения явно недостаточно...

— Но ведь еще с электростанций...

— С электростанций мы зерна уже получаем все нужные нам триста тысяч, так что дослушай. Эти три тысячи тракторов в переводе на столь обожаемые властью колхозы — триста штук. Ну, исходя из численности парка в тех, что мы в районе организовали. Триста колхозов — это, опять-таки на основе нашего опыта, примерно два миллиона гектаров полей. Пусть на них будет семипольный оборот, и тогда получается, что триста тысяч гектаров мы сможем засадить картошкой. А если учесть, что с нашими сажалками-сеялками и с картошкой Лорха урожай там будут под двадцать тонн с гектара...

— Но ведь сколько-то пойдет в продналог...

— Да хоть половина! А миллионы тонн картохи ежегодно — это кудакак круче, чем скромные пусть даже тридцать тысяч тонн зерна, собранных в виде разовой дани за технику, которую к тому же мужики без нашего присмотра за пару лет превратят в металлолом. А если учесть и те четыре оборота, когда на полях не картошка расти будет...

— Ну если так считать... А куда мы денем миллион тонн картошки?

— Куда-куда... переработаем. Пюре картофельное сварим.

— Нам столько не сожрать...

— А мы и не будем. Есть такая забавная техника, называется сублимация. Мы это пюре высушим, закатаем в стальные бочки. Знаешь, сколько времени может храниться сублимированное пюре без доступа воздуха? Есть мнение, что лет десять оно пролежит, не потеряв съедобности. Нам, конечно, столько не надо, но...

— Что «но»?

— Свет, кто у нас историк, ты или я? Расскажи нам про укромор, а потом расскажи, что стране не хватило жалких трех, что ли, миллионов тонн зерна чтобы его предотвратить.

— Это ты сильно... а я — дура. А в бочку сколько пюре этого влезет?

— Вообще-то пюре будет вчетверо легче, чем исходная картошка, но вот в объеме вряд ли сильно уменьшится. Но ничего, притопчем. Думаю, минимум где-то с центнер в пересчете на сырой картофельный вес, значит нам потребуется всего-то тридцать тысяч бочек. Или шестьсот тонн стали, и с этим мы точно справимся.

— Да уж, даже если в бочку всего пятьдесят кило влезет, то проблем не будет. А ведь еще можно будет и разные каши сухие...

— Свет, уймись. Есть проблема, мы о ней знаем, знаем как её решить и потихоньку уже решаем. Но вот суетиться и тем более шум на эту тему поднимать...

— Вот чего-чего, а шума ты от меня не дождешься. А Бредис в курсе?

— Нет. Он свою идею выдвинул чтобы Киров и Мессинг прониклись пользой привлечения классово-чуждых элементов в деле колхозного строительства, ведь у него на заводе все инженеры чуждые.

— А тогда я задам последний вопрос про трактора: я слышала, что гусеничный трактор сложнее в производстве и в эксплуатации и много дороже...

— Можешь не продолжать. Во-первых, Вася трактор спроектировал на основе своих воспоминаний о китайском фермерском изделии, которое юзал его отец — ну если очень примерно считать. А если глубже копнуть, то он постарался воспроизвести, в масштабе конечно, ходовую часть мотолыги, они с Валею на эту тему долго все обдумывали. Пока получилось слабое подобие — но и оно на поколение превосходит всё, что сейчас в мире делается. Да, в производстве дороже, но для нас главное в этом производстве — подготовка грамотных умелых рабочих, которые при нужде и мотолыгу легко воспроизведут.

— А что такое мотолыга?

— Гусеничный вездеход, если одним словом описать. А двумя словами — военный вездеход.

— Понятно. А почему бы Бредису не перебраться на какой-нибудь новый тракторный завод и там суперсовременные трактора не делать? У нас-то всяко больше десятка шпук в день сделать не выйдет, завод просто некуда расширять.

— А ни на одном новом заводе такой трактор просто не сделать. Здесь-то почти все станки Валя специально проектировал и делал, а у него производство тоже невеликое. К тому же в СССР ни на одном заводе не найти столько опытных рабочих, да и подготовить их

вряд ли выйдет.

— Так наших сманить...

— А среди наших дураков не найти. Я уже про жильё не говорю, но в СССР такие зарплаты рабочим, как у нас, вообще по закону платить запрещено!

— А как тогда мы...

— А ты знаешь, кем работает Митрофан Данилович?

— Ну, рабочим, у Вали.

— А вот нет! Он работает директором метизного завода!

— Данилыч? Директором? И где же это завод такой у нас?

— Директору завода можно и триста рублей платить, вот он директором и работает, правда всего за двести. А завод этот в одной клетушке в торговом ряду, после Нового года уже две клетухи займет. И работает на этом заводе ровно один человек: сам Данилыч. Валя построил автоматы, по конструкции годов, я думаю, примерно пятидесятых, сейчас на заводе уже четыре линии таких стоит — и Данилыч в одиночку на них ежедневно выпускает почти двести тысяч болтов и шурупов. Сейчас Валя пятую линию монтирует, в январе шестую ставить начнет — и тогда Данилычу уже потребуется помощник. А летом будет уже десять линий и завод будет выпускать по полмиллиона болтиков в сутки. Или по миллиону, если страна прикажет в две смены работать, ну, в смысле если Валя так захочет. Но пока так, и примерно так рабочие и у Вали, и у Бредиса трудятся. Но и там, и там всё делается исключительно под наши нужды, под наши будущие нужды.

— Тогда понятно. И понятно, почему у Воропаева легковушки такие...

— А это как раз мечта Гули, она в Сирии каталась на «Самурае» — это такой микроскопический джип японский с мотоциклетным мотором. У нас, конечно, мотор совсем не мотоциклетный...

— Я вот все про картошку сушеную думаю: мы ведь можем и не суметь их герметично закатать. Может, Аню попросить какой-нибудь консервант схимичить?

— Аню не трожь, от слова «совсем» не трожь, а то она тебя покусает. Ира перед отъездом в Париж её еще что-то срочно схимичить попросила...

— И что?

Ира вернулась в Боровичи буквально в последний день перед Новым годом и на традиционную уже встречу праздника пришла «вся из себя нарядная». Даже мужчины не смогли не отметить элегантность ее наряда, а Света простодушно спросила:

— Ты в этом платье вся такая... ну прям ух! А где такие дают и... сколько такое стоит?

— Такие нигде не продают, их на заказ шьют. В Париже. Если хочешь, я тебе адресок дам и рекомендацию напишу. А стоит... мне оно обошлось в восемьсот фунтов.

— Сколько?! — даже голос у Васи сел, и он свой сугубо риторический вопрос не проговорил, а как-то даже прохрипел.

— Восемьсот фунтов, но оно того стоит.

— Ир, я, конечно, понимаю...

— Не понимаешь. Ну приехала я в Париж — пришлось все же по делу туда смотаться, а там до города детства совсем рукой подать. Но не могла же я в Британию ехать как оборванка, вот платье и пошила быстренько. Зато когда я, вся в этом платье, в Паддингтоне сказала, что зовут меня не иначе как баронесса Релей, никому даже в голову не пришло спрашивать у меня хоть какие-то документы...

— В Паддингтоне? — с какой-то едва слышимой усмешкой уточнила Гуля, — ну

продолжай, что там дальше было, мне уже интересно.

— Да особо ничего интересного. Я Александру сказала, что супруг мой, барон Релей естественно, тоже любитель всякой дряни, и я была бы признательна, если бы он со мной своей гадостью поделился...

— И?

— Поделился, — и на этом Ира свой рассказ закончила, а на лице Гули расцвела широкая улыбка.

— Так, дамы, — в разговор вмешался Валера, — я чувствую, буквально задницей чувствую, что вы чего-то не договариваете. А оставлять товарищей в недоумении, да еще перед наступлением Нового года — это в некоторой степени... перебор.

— Ир, я сегодня же напишу представление на тебя.

— Какое-такое представление? — с очень серьезным видом поинтересовался Василий, даже привставая со стула, чтобы продемонстрировать свою готовность и в такой ситуации защитить жену от любых посягательств, даже со стороны близких друзей.

— Нет, не буду сегодня писать, и завтра тоже не буду, — как бы не обращая внимания на Васю продолжила Гуля. — В следующем году вроде должны орден Ленина учредить, так что я подожду и уже на него тебя представлять буду.

— Эй, если вы немедленно не расскажете, что вы тут затеяли, то я... то я... — начала закипать Светлана.

— Да ничего мы не затеяли, — с широчайшей улыбкой на лице поделилась с окружающими Гуля. — Просто Ира съездила в Лондон, зашла в госпиталь Святой Марии, взяла там за хобот Александра Флеминга и увезла от него культуру пенициллиновой плесени. Сами британцы еще лет десять будут придумывать, как пенициллин из нее получать, ну а я примерно знаю как, так что, думаю, к лету со своими ребятами процесс уже отработаю. Только придется довольно много всякого оборудования у буржуев заказать чтобы массовое производство наладить.

— Не придется, — с самым надменным видом сообщила Ирина, — я уже заказала все, о чем мы с тобой тогда говорили, — продолжила она уже с улыбкой. — Поставки в начале февраля уже начнутся, в начале апреля все заказанное уже у нас будет. Но вот Ане всяко отдохнуть не выйдет: я у баварцев флюорита закупила чуть меньше двух тысяч тонн. Или чуть больше, я все время путаю: две тысячи длинных тонн, пришлось в них заказ формулировать чтобы из образа чопорной британки не выбиваться.

— А почему чопорной британки? — тихо спросила Светлана у Васи.

— А потому что Ира в детстве два года училась в школе Хэрроу, у нее английский — классический оксфордский. Так что на кокни она всяко не потянула бы, ее бы любой англичанин спалил: там народ статус незнакомца как раз по речи и определяет.

— А... ясно. Но платье красивое... очень.

— Свет, забирай это платье. Фигуры у нас практически одинаковые, тебе наверняка подойдет. Я вам всем ткани накупила, но платья сошью лишь дней через десять — так что ты просто чуть пораньше других в обновке прогуляешься.

— Оно такое дорогое... а как же ты?

— Да собственно за платье я всего шестьсот фунтов заплатила, двести пришлось пожертвовать больнице этой, так что настоящая его цена невелика и тебя смущать не должна. Да, джентльмены... и леди тоже: я в Амстердаме с компанией, провиант на суда поставляющей, договорилась и теперь капитан Арбенев при каждом заходе в порт будет

забирать для нас колумбийский кофе и чай цейлонский. По триста имперских футов — это максимальный размер беспошлинного судового рациона.

— Так Арбенев на своем «Пионере» туда по три раза в месяц ходит...

— Вот именно. Без пошлин выходит вдвое дешевле там и впятеро дешевле, чем в Ленинградских магазинах. Сколько там до Нового года осталось?

Яков Александрович новый тысяча девятьсот тридцатый год отметил... довольно скучно отметил, сидя у себя в квартире с женой. И с сыном: Нина Николаевна решилась на ребенка в тридцатилетнем возрасте после, как она сама сказала, долгих обсуждений с доктором Гюльчатой Халматовной, которая смогла её убедить, что «всё будет хорошо». Но отметил он не столько Новый год, сколько первую годовщину переезда в этот странный городок, на глазах превращающийся в настоящий город.

А вот в году уже позапрошлом, как раз за день до наступления Нового года, к нему на квартиру зашли два молодых мужчины — и жизнь бывшего генерал-лейтенанта резко изменилась. Сразу и бесповоротно, после того как младший, выглядевший как решивший щегольнуть пролетарий, сообщил:

— Добрый вечер, господин генерал-лейтенант, до нас дошли сведения, что вас в самое ближайшее время собираются убить. К сожалению, мы здесь помешать этому не в состоянии, поэтому вам и Нине Николаевне лучше поехать с нами: у нас вас точно никто не достанет.

— Извините, но мне хотелось бы уточнить...

— Это вы нас извините, — прервал его старший (и очень крупный) мужчина, — мой коллега очень спешит и волнуется, а потому забыл представиться. Я — начальник Особого Девятого управления ОГПУ Сухов, а он — особоуполномоченный Девятого управления Петр Климов. Прошу удостовериться, — с этими словами выложил перед Яковом Александровичем свое удостоверение. Младший смутился, немного замешкался, но тоже достал свою «корочку».

— Наше Девятое управление находится в Боровичах, это в Ленинградской области, и нам действительно стоит немедленно отправиться туда. Поскольку в город, да и вообще в район полностью закрыт доступ празднующимся командирам Красной Армии и любым сотрудникам ОГПУ, не являющимся работниками нашего Управления.

— Это, как я понимаю, арест?

— Пока нет. Пока в том смысле, что для нашего Управления ваша жизнь представляет определенную ценность... очень значительную ценность, и если мы не найдем иного способа сохранить её, то и арест — в качестве меры по её защите — мы не исключаем. Однако лучше все же этого избежать.

— А кто меня, по вашему мнению, будет убивать?

— Конкретно убивать будет скорее всего некто Лазарь Коленберг, но даже если мы его пристрелим заранее, то его легко заменять на другого подонка.

— Я же говорила, что он очень странный, — тихо проговорила сидящая рядом с генералом Нина Николаевна.

— Еще раз: он — всего лишь пешка, а инициатором вашего убийства является Уншлихт. Редкостная мразь, но пока по ряду причин мы его терминировать не можем.

— Что, простите, не можете?

— Отправить на встречу с бывшим начальником, — с довольно злобной улыбкой уточнил высказывание старшего товарища Климов. — Приходится, блин, политесы

разводить...

— Ну, допустим, я вам поверю...

— Нина Николаевна, попрошу вас быстро собрать самое необходимое и для вас ценное: письма там, вещицы какие-нибудь. Все остальное завтра-послезавтра упакуют наши люди и перевезут в Боровичи в полной сохранности... то есть мы надеемся, что в сохранности, но ведь все люди — люди, вдруг что-то уронят или сломают ненароком...

— Я же сказал лишь «допустим»...

— Яков Александрович, скажу просто, но вы, как человек военный, меня поймете: мне насрать на то, что вы говорите, — слегка вспылал Сухов. — Мы, то есть вы с Ниной Николаевной и мы с Петрухой через два часа выезжаем с Московского вокзала. Нина Николаевна, товарищ Климов в звании равен вашему супругу, так что потрудитесь выполнять приказ старшего по званию. Главное — ордена не забудьте захватить, у нас не принято стесняться боевых наград.

— Они нам не верят, — выглянув в окно, с показной грустью сообщим Сухову Климов.

— И наверняка думают, что «Роллс-Ройс» товарища Кирова мы угнали, — ответил ему Сухов. — Причем вместе с самим Сергеем Мироновичем. Заходите, не заперто!

Дверь приоткрылась, в нее просунулась голова Кирова:

— Всё, я тутошнему начальству сообщил о Слащеве. Еще что-то надо? Вы готовы?

— Буквально десять минут, вы зайдете или в машине подождете?

С того удивительного вечера прошел год, и год этот был очень интересным. В том числе и тем, что в организованном при этом Девятом управлении военно-тактическом училище теперь работало почти четыре десятка бывших белых офицеров, большинство из которых приехало из-за границы по личным приглашениям генерала. Ну и прочими «интересными мелочами»...

Так уж исторически сложилось (благодаря Свете, которая руководила городом и Ире, которая нарисовала «желаемый внешний вид» Заводского микрорайона), что все попаданцы теперь жили в одном доме и даже в одном подъезде. То есть вообще-то подъезд в этом четырехэтажном доме был вообще один, на первом этаже размещался книжный магазин, а шесть квартир... На самом деле пять, шестая в качестве именно квартирой вообще не числилась и формально считалась «служебным помещением Девятого управления», но на самом деле в ней решались всякие «вопросы ограниченного ознакомления» — и всякие совместные праздники в ней же отмечались. Так что ближе к обеду первого января все взрослое население дома снова собралось у большого стола. Поначалу разговоры у мужчин шли сугубо застольные, дамы бурно обсуждали, какие она хотели бы себе сшить наряды из привезенных Иррой тканей, но когда этим темы иссякли, Ирина вдруг поинтересовалась у Ани:

— Да, вчера забыла спросить: ты успела сделать то, что я просила?

— Частично.

— В каком смысле «частично»?

— Ну, химия там не самая сложная, с ней вообще ребята Фаворского справились, еще до твоего отъезда. Но в лабораторных условиях пока получается производить в сутки грамм двести...

— А как насчет промышленных объемов? Ты же обещала!

— Ир, я же не настоящий сварщик! Там в процессе такая ядерная химия прет, что все оборудование нужно слоём в палец платиной покрывать!

— То есть, ты хочешь сказать, в нашем прошлом будущем заводы из платины строили?

— Нет, их из титана делали. В смысле, реакторы все и прочее оборудование.

— Ну я же говорила, что нужен титан!

— Всем нужен титан, — миролюбиво заметил Валера, видя, что тон разговора начал повышаться.

— Мне не нужен, — сообщил Саша, — но это не значит, что мы не должны налаживать его производство. Между прочим, у меня есть несколько идей по этому поводу.

— Идеи — это хорошо, — задумчиво пробормотал Валя, — и особенно хорошо, когда их несколько. Можно их долго обсуждать и ни к какому решению так и не придти...

— Тогда я изложу тезисы, а ты решай. Значит так: один вариант — копать титан неподалеку от Днепрогэса. Достоинства — их одно: копать не очень глубоко. Недостатки — их много. Во-первых, там сейчас просто людей на постройку карьера не найти...

— Этого достаточно.

— Недостаточно. Во-вторых, есть серьезный шанс во время войны месторождение потерять... ну, на несколько лет потерять и остаться без сырья.

— Это уже неважно.

— Важно, потому что второй вариант — это копать Ярегское месторождение. Недостатки — там копать глубже и не песок, а песчаник. Достоинства — там еще и нефть есть, правда очень специфическая, а вот толп любопытных иностранцев нет и не будет. Правда там и населения местного нет от слова «совсем», но мы же Кровавая Гэбня или кто?

— Что еще плохого?

— Еще четыреста пятьдесят километров от Котласа, причем в сторону Воркуты.

— Вот это по-нашему, по кровавогэбнински! А что за нефть такая специфическая?

— Ну, если по-простому, то она там чуть помягче асфальта, в наше время ее в шахте добывали. Но из нее получают лучшие в мире смазочные масла и уникальное дизтопливо, не замерзающее даже при минус семидесяти. Кстати, если память мне не изменяет, нефть эту года через два найдут.

— Значит ты найдешь ее уже этим летом. Но вот как оттуда к нам руду таскать...

— Есть совсем бюджетный вариант: в Сибири... нет, в Нижегородской области, от Нижнего меньше двухсот километров, есть небольшое месторождение, ильменит-цирконовое. Если подсуетиться, то можно уже весной оттуда сколько-то руды привезти.

— Страус: сколько? — с любопытством поинтересовалась Аня.

— Нам хватит. Не потому что хватит, а потому что у нас электричества больше нет. Аня, поправь меня если я ошибся: на тонну титана полные затраты в электричестве составляют минимум сто десять мегаватт-часов, втрое больше чем сейчас тратят на алюминий. Если забирать все свободное электричество с Мстинского каскада...

— Всё нельзя, у нас все заводы встанут, — вставил Валентин.

— Я говорю «свободное», то есть то, без чего заводы не останятся, то мы, причем чисто теоретически, сможем титана делать максимум тонну в час. Реально — меньше, я думаю, где-то полтонны...

— Надо еще и йоду где-то много добыть. А на нынешнем уровне технологий придется ковырять его из водорослей, причем на Белом море... и Охотском.

— Ань, это не ко мне. Пусть Петруха йод купит у буржуев.

— Можно подумать, что Петруха деньги печатает...

— Нет, Ань, я деньги не печатаю. А, как завещал великий Ленин, экспроприирую

экспроприаторов. Оказывается, скополамин в умелых руках — такая замечательная штука!

— Петруха, не за столом же! — возмутилась Гуля. — Кстати, хоть какая-то польза была или я развлечения ради человечков тиранила?

— Гуля, ты даже не представляешь какая! Если тебе Виссарионович не присвоит... ну, лет через пять наверное, сейчас он пока не может... в общем, если Героя тебе не даст, то я в лицо назову его жмотом и крохобором! Там только наследство Железного на звезду потянет, а ведь вытащить уже получилось раз в пятнадцать больше. А в этом году я закончу с «наследствами» тех, кто еще не упокоился... в общем, нам одних процентов за глаза хватит. А если учесть, что я все, что только можно, перевожу в золото...

— Золото — это хорошо...

— А как с нашим производством ценного металла?

— Скажешь тоже: «с производством». Химико-металлургический завод в сутки выдает свои тридцать грамм золота и почти полкило серебра, но пока извлечение обходится дороже, чем драгметаллы сами по себе стоят. Так что это вообще идет как «побочка» при добыче меди с цинком и свинцом, под лозунгом «ну не выкидывать же». Самое смешное, что Ипатьев сейчас копытом землю роет и пытается выбить финансирование на размещение таких же производств на своих серноокислых заводах.

— И как успехи у него?

— Пока никак, потому что нигде сейчас нигде просто электричества нет для обеспечения такой технологии. Но в Ленинграде на металлическом заводе уже вроде серийное производство готовят турбин на двадцать два мегаватта, думаю, что уже к концу года пойдет массовое строительство небольших ТЭЦ.

— Ань, не морочь Петрухе голову! — прервал её рассказ Валентин. — Если они в этом году смогут одну такую турбину сделать хотя бы месяцев за восемь, то это можно будет считать чудом.

— А мы можем им как-то помочь в реализации этого чуда? — спросила Светлана. — Мне почему-то очень хочется, чтобы люди в стране по-человечески жили не только в Боровичах... и обкомах.

— Можем, — откровенно заржал Василий. — Но для этого нам нужен титан...

Мертвые с косами стоят...

Когда Петр достал из стоящего в кабинете шкафа потертый портфель-«дипломат», Светлана лишь с печалью в голосе спросила:

— А сейчас куда?

— Да недалеко, скатаюсь в Одессу и обратно.

— А кого?

— Светочка, там один излишне шустрый коллега по работе пытается перед руководством выслужиться. Лепелевский его фамилия, Израиль Моисеевич. Мне Мессинг сказал, что этот Израиль что-то сильно не туда копает. А Станислав Адамович — он человек ответственный, зря пургу не гонит.

— А Мессинг сам проблему решить не может?

— Солнышко мое, и как ты это себе представляешь? Вызывает Зампред ОГПУ к себе ликвидатора и говорит: а ну-ка быстренько пристрелите начальника секретно-оперативного управления на Украине? Ты учти, там вся шобла — ставленники Ягоды, как и половина центрального управления. Его же через полчаса самого пристрелят в тихом месте и никто никого не найдет.

— И поэтому Станислав Яковлевич тебе всех мерзавцев сливает, так?

— Не всех, а до кого сам дотянуться не может. Ну мы тоже пока не до всех можем, да и патроны к винторезу у нас заканчиваются. Знал бы, так не сотню с собой взял, а пару цинков!

— Валя сказал, что к лету наладит выпуск наших патронов. А вот то, что кроме тебя у нас этим никто не занимается...

— Счастье моё, чтобы этим правильно заниматься, двадцать лет учиться надо. А Скорохатову уже за шестьдесят, шустрости не хватает для работы в поле. То есть в поле-то он работать может, а вот в городе... А тут не зажавшихся геев с жидобандерами работать надо, а матерого опера. Я-то уйду даже если объекта придется работать на Съезде в Колонном зале, а из нынешних...

— А Судоплатов?

— А Судоплатов сейчас студентка, ему еще лет пять минимум учиться надо. Правда мы с Валею этот вопрос уже обкашляли, так что парнишке кое-что я преподам... чуть попозже. А пока — ну некому такую работу работать, некому! Скорохатов, конечно, старается помочь — но он сейчас разве что инструктором для молодежи работать может. И работает, но настоящий результат проявится еще не скоро.

— Да я всё понимаю, просто волнуюсь очень. Вдруг что-то не так пойдет...

— Если что-то и пойдет не так, то у меня есть FN.

— Это да... а я давно спросить хотела, но все повода не было: а почему FN? И вообще как ты с пистолетом под мышкой по России-то свободно катался?

— Вообще-то это трофей, я его от небратьев привез. А у нас на службе разрешалось выбирать с чем работать, вот я его и выбрал: машинка надежная, удобная, а главное магазин емкий. Что же до «катался», так я вроде как на службе, даже когда в отпуске, то все равно на службе. Служба была такая...

— И сейчас такая же. Ладно, ты когда вернешься-то? А то мне в апреле рожать...

— Да я вообще дней на пять еду. Так что не переживай и слушай Гулю.

Станислав Адамович был, конечно, пламенным революционером, но еще он был человеком весьма прагматичным. И когда он почувствовал (всего лишь почувствовал!), что «питомцы Свердлова» намерены выставить из армии специалистов, явно демонстрирующих их собственную ничтожность, он немедленно поделился своими соображениями с другими специалистами.

Откровенно говоря, Станислав Адамович не очень даже понимал, чем занимается Особое Девятое управление. То есть официально они «заставляли контрреволюционеров работать на пользу революции», по факту — занимались разными научными работами, даже, скорее, научно-практическими, и в этом имели неплохие успехи — но с его точки зрения всё это были лишь странным «прикрытием» какой-то иной деятельности. Которая — и лишь изредка — приоткрывалась по каким-то совершенно случайным поводам.

Так, например, их работа слегка приоткрылась Станиславу Адамовичу, когда он впервые встретился с сотрудниками Управления. Они именно «совершенно случайно» раскрыли масштабные хищения в Эрмитаже и полученные материалы принесли к нему. За что товарищ Мессинг был им весьма благодарен, ведь за раскрытие этого преступления на Ленинградское ОГПУ просто дождем посыпались весьма заметные блага, а само Девятое Управление даже специально попросило их вообще в этом деле не упоминать. Но главный питерский чекист не смог не заметить, что некоторое количество фигурантов дела, наказать которых не вышло из-за отсутствия улик, просто исчезли...

Тогда он все списал на бегство подозреваемых за кордон, но в следующем деле, где ему пришлось столкнуться с этим Управлением... Два старших уполномоченных контрразведывательного управления, Виролайнен и Косицкий, после суда по делу балтийских офицеров составили по всем правилам жалобу на решение судебного заседания, оставившего, по их мнению, контрреволюционеров практически без наказания. Мессинг «при случае» поинтересовался у начальника Девятого Управления, в чем же собственно кроется причина столь явного вмешательства их в дела контрразведки.

И ответ товарища Сухова он запомнил:

— Стране неважно, какого цвета кошка, важно лишь то, чтобы она ловила мышей.

Но ответ запомнился не оригинальностью формулировки, а тем, что Виролайнен и Косицкий тоже исчезли через три дня и никакие поиски пропавших результата не принесли. Но Мессинг даже на это особого внимания не обратил, однако через неделю после прекращения расследования сотрудник Девятого Управления принес ему подписанные Иваном Петровичем Виролайненом протоколы, свидетельствующие о том, что «дело офицеров» было полностью фальсифицировано. Кстати, куда сам Иван Петрович делся и что случилось с Косицким Мессинг даже спрашивать не стал...

Уже в Москве, после исчезновения замнаркома финансов тот же парень, Петр Климов, принес ему (и именно ему) очень интересные документы о контрабандном вывозе ценностей из Гохрана за рубеж — вроде как с целью «обсудить мероприятия по пресечению». Ему лично принес, поскольку здесь должна была принять активное участие подчиненная Станиславу Адамовичу служба внешней разведки. А когда второй заместитель Менжинского высказался в том плане, что «доказательства собрать будет очень непросто», парень, хмыкнув, заметил:

— Ну мы же не собираемся их предавать самому справедливому в мире суду, где их же родственники и заседают. Нам надо лишь проследить за теми, кто остался и не дать им продолжить столь мерзкое занятие.

Станислав Адамович не был и дураком, хотя играть в «аппаратные игры» так толком и не научился: ему казалось, что главное — служить стране. Но если кто-то «из аппарата» служит явно не так, как следует...

— Вы, скорее всего, правы. Я думаю, что за этими — он махнул рукой в сторону разложенных на столе бумаг — мы в зарубежных поездках проследить сможем. Я лично этим займусь... но вы знаете, мне кажется, что их кто-то серьезно прикрывает...

Переданная тогда Климову информация вроде бы осталась без заметной реакции, но когда — спустя два месяца — Генрих Ягода скончался от инфаркта, Станислав Адамович воспринял это как должное. А еще он, наконец, вроде бы понял, чем занимается это таинственное Управление: случайно выяснил, что Вячеслав Рудольфович столь заметно пошел на поправку после того, как Гюльчатой Халматовна прописала ему какие-то таинственные таблетки с загадочным названием «клопидогрел». Крошечные таблетки, которые следовало принимать по одной каждый день — и которые делались как раз где-то в Девятом Управлении. И которые, несмотря на поставленные на уши все зарубежные службы, нигде в мире найти не удалось...

А если учесть, что из Наркомздрава просочились слухи, что в следующем году появится «абсолютное лекарство от малярии», то становится понятно, чем занимаются в этом таинственном Управлении и почему они столь жестко отстаивают какие-то свои интересы при полном попустительстве «верхов». Но если им показать, кто еще может им помешать...

Так что, отправляя Климову совершенно секретные материалы об очередном расследовании контрреволюционной деятельности бывших царских офицеров, ни малейших сомнений теперь уже первый заместитель Менжинского не испытывал.

Еще в самом начале осени Ирина, вместе с тремя «московскими» архитекторами из Боровичей, навестила Вячеслава Рудольфовича, где «пожаловалась на бедственное положение» сотрудников ОГПУ — и, главным образом, сотрудников московских:

— Вячеслав Рудольфович, нам в Девятом управлении уже окончательно надоели сотрудники из Москвы, пачками присылающие рапорты о переводе в Боровичи. Лично мне причины понятны: у нас в городе все работники получают приличное жилье, снабжение продуктами и промтоварами поставлено отлично...

— Что я должен сделать? Запретить писать вам рапорты? А за нарушение в лагеря прикажете их отправлять?

— Ну зачем же так... я, вообще-то, не жаловаться к вам приехала, а наоборот, помощь предложить.

— Помощь? Какую?

— А вот эти удалыцы — Ирина указала рукой на трех притихших в углу кабинета «архитекторов» — очень даже неплохо наловчились строить. Причем не отдельные даже дома, а целые... у нас это называется «микрорайоны». И я подумала... то есть мы с товарищами проблему обсудили и решили предложить вам помощь в постройке подобного микрорайона в Москве. И ребяташкам дополнительная практика, и сотрудники наши... ваши очень скоро смогут получить приличное жилье. Смотрите сами: — перед Ириной мгновенно появилась карта Москвы, которую один из «ребятишек» шустро достал из-за пазухи, — вот эта часть слева от Сретенки застроена, извините за прямоту, халупами в стиле «русское баракко». Причем, что стоит особо отметить, не обеспеченными ни канализацией нормальной, ни отоплением центральным, отчего в районе от вони и дыма продохнуть невозможно. Ну так я к чему: если все это убожество снести к... в общем, снести и

построить современные дома, то здесь город получит около трех или даже четырех тысяч квартир со всеми удобствами, современный кинотеатр, два детских сада, школу или даже две школы, тут по месту уточнить нужно...

— Ирина Владимировна, вы что, думаете что у ОГПУ где-то хранится много лишние денег? Такое строительство обойдется... да и просто снести всё...

— Вы даже не пытайтесь угадать, все сметы уже подготовлены. Но главное... я же сказала что Девятое управление предлагает помощь? Так все расходы мы берем на себя. И не потому, что нам уже денег девать некуда, а потому, что... Вы же знаете, что в Боровичском районе только бывших беспризорников обучается больше ста тысяч человек? А в следующем году их уже больше двухсот тысяч предполагается, причем почти четверть на строительных специальностях — и вот мы сюда несколько тысяч, примерно тридцать тысяч, отправим на практику. Они все сломают, все построят, причем и все стройматериалы из Боровичей доставят: у нас их производство несколько превысило собственные потребности. А вы — лично вы — только оформите соответствующие разрешения в Горсовете. Мне просто с Ухановым общаться неудобно из Боровичей, а вы его просто вызовите, объясните ситуацию...

— Ну, допустим я это сделаю. А когда ждать обещанным вами квартир?

— Когда? — Ирина повернулась к «архитекторам». — Сегодня у нас октябрь, седьмое число. Если, скажем, в среду девятого Уханов план утвердит, то седьмого апреля тридцатого года первые дома ребятишки сдадут. Верно ведь?

«Ребятишки» согласно кивнули...

Седьмого апреля Ирина снова съездила в Москву как раз на «официальную приемку» первого квартала нового микрорайона (вся остальная территория представляла из себя совершенно «лунный» ландшафт просто из-за того, что существующие сети водопровода, канализации и электричества оказались не в состоянии обеспечить больше домов и их строительство — до прокладки всех коммуникаций — временно прекратилось), а затем с кучей помощников «уваялась» куда-то в Крым. Предварительно взяв у Петрухи «курс стрельбы из пистолетов», причем сами пистолеты для нее изготовил Валентин. Все же знания технологий производства всякого оружия даже в отсутствие «производственной базы» позволяют «сделать кое-что на коленке»...

Пистолеты Ира осваивала не со скуки: она всерьез собралась «защищать социалистическую собственность» в виде американской кинокамеры, закупленной ею во время «европейского вояжа». Правда, когда тот же Петруха узнал, «почем нынче кинокамеры», он с Ирой начал заниматься стрельбой по шесть часов в сутки, а Валя запустил «неавтоматизированную линию по выпуску патронов» вообще за неделю, ведь камера обошлась Ира в жалкие пятнадцать тысяч долларов. Каждая из двух камер...

А стройку в Москве продолжал Иван Владиславович Жолтовский: он, привлеченный к детализировке проекта, стал главным архитектором новенького кинотеатра. Жолтовского Ира пригласила потому, что по ее мнению «молодежь» не справилась с заданием: спроектировать здание, являющееся «визуальным продолжением» стоящей напротив Сухаревой башни — хотя с проектированием новенького кинотеатра в Боровичах у ребят проблем не возникло. Хотя там-то стилистика архитектуры для них была уже привычной.

В Боровичи Ирина вернулась в начале августа, после чего к ней вообще всем стало страшно обращаться: она у себя «на заводе» работала с раннего утра и — часто — вообще до полуночи. Единственный человек, через которого можно было с ней хоть как-то пообщаться,

был Василий, но Вася обычно всех тоже «посылал», сообщая, что «Жолтовский обещал открыть свой кинотеатр в Москве седьмого ноября и Ира просто боится не успеть».

Успела. Первого ноября премьера фильма, который Ира снимала в Крыму, состоялась в новеньком кинотеатре в Боровичах, а седьмого — уже в Москве. Премьера цветного, широкоэкранный, со стереозвуком фильма. Под названием «Неуловимые мстители»...

У Иры этот фильм на ноутбуке когда-то заныкался, но для проката она весной и летом фильм просто пересняла, практически покaдрово — и с «современными» актерами. Главных героев играли ребяташки из Боровичей — те, кто активно участвовал в руководимой Ирой «художественной самодеятельности», а взрослых актеров она набрала в московских театрах. Причем искала не «талантливых», а «похожих», но фильм получился, и ожидаемый фурор произвел. Хотя и сама Ирина, появившаяся на премьере в белом брючном шелковом костюме, фурор произвела не меньший.

Ирина вышла на сцену после финальных титров, представила съемочную группу, сообщила, что на вопросы с мест она отвечать не будет, а затем предложила «всем заинтересованным лицам», у которых имеются «технические вопросы», записываться в фойе к ней на прием на завтра и послезавтра — и таких «заинтересованных» среди публики оказалось очень много.

Но еще до начала записи к Ирине буквально прорвался какой-то мужичок и начал громко возмущаться тем, что фильм не получил разрешения от Главреперткома.

— Это вопрос? — поинтересовалась Ира у мужичонки.

— Нет, но вы должны были...

— Тогда пошел в жопу. Я понятно объяснила? А если будут именно вопросы, на которые вы хотели бы получить ответ, то записывайтесь, вон там у столика, где очередь...

Мужичонка сунулся было в голову очереди, но два суровых дядьки в форме быстренько переставили его в хвост, откуда он, немного постояв, испарился. А вот очередники, получив талончики с указанием времени приема, поначалу стали вслух выражать свое недовольство и временем, и предполагаемой длительностью общения с Ириной — но когда те же чекисты стали таких буквально пинками выгонять из кинотеатра, в фойе стало гораздо тише. На некоторое время: по специальному указанию Ирины встречу с Павлом Тагером — изобретателем оптической записи звука в кино — устроили немедленно.

И разговор у них получился интересным, по крайней мере для самого Павла Григорьевича:

— Я пришел всего лишь выразить свое восхищение тем качеством звука, которое сегодня увидел. И мне приходится лишь жалеть, что я не знал раньше об этих изобретениях и столько времени потратил напрасно. Вы использовали какую-то американскую систему?

— Американцам до такого звука еще лет двадцать ползти, — усмехнулась Ирина, — мы используем свою, отечественную.

— Тем более жаль, что я о ней не знал. Мог бы чем-нибудь более полезным заняться.

— Конечно не знали, я её лишь весной придумала.

— Вы?! Ну, тогда мне одна дорога: в дворники. Если столь молодая женщина смогла придумать то, до чего додуматься у меня ума не хватило...

— Ну, во-первых, я все же на семь лет вас старше. А во-вторых, вам просто была задача поставлена неверно.

— То есть как это — неверно? — удивился «первый советский кинозвуквик».

— Вы решали задачу как к кинофильму приделать звук.

— И что в задаче было неверно?

— А я думала, как обеспечить качественную запись и воспроизведение звука. И когда решила эту задачу, множество других людей уже придумывали, как мой способ приспособить к кино. А ваша задача — передача звука через его оптический образ на киноплёнке — она изначально была... несколько неверной.

— Можете поподробнее пояснить?

— Для этого вас и пригласила. Если фильм демонстрируется со скоростью двадцать четыре кадра в секунду, то плёнка в аппарате движется со скоростью сорок пять сантиметров в секунду.

— Ну да...

— Ну так вот: технически, если обеспечить модуляцию оптического сигнала в двадцать пять линий на миллиметр, то можно достичь частоты в двенадцать килогерц максимум. Это довольно паршивое качество звука, но в темноте для сельской местности сойдет. Однако проблема в том, что даже на лучших плёнках Кодака и Агфы толщина эмульсии составляет двадцать микрон, что практически гарантирует засветку на сорок микрон вокруг светлой линии. Или, проще говоря, даже на лучших современных киноплёнках чисто физически — ну, или химически, если вам будет удобнее — невозможно записать звук с частотой свыше девяти килогерц, а реально скорее свыше восьми. А на плёнках люмьеровских и шесть килогерц покажутся очень неплохим результатом.

— То есть я занимался бесполезной работой, вы хотите сказать?

— Нет, я хочу сказать, что вам имеет смысл подучить математику и, возможно, физику.

— Да я!..

— Дослушайте. У нас используется магнитная запись звука, и для нас даже восемнадцать килогерц далеко не предел. Однако я могу с уверенностью сказать, что в обозримом будущем... ну, лет, скажем, десять минимум, этот способ широко использоваться не будет. Во-первых, для него требуются специальные плёнки, которые сейчас могут делать лишь у нас в управлении, причем в довольно ограниченном количестве. А во-вторых, даже если не считать проекторов, каждый из которых стоит около сорока восьми тысяч рублей, просто звуковая аппаратура зала, обеспечивающая такое качество, стоит уже под сотню тысяч.

— У вас в зале больше полутора тысяч мест, а билет стоит рубль...

— Да, и одна прокатная копия фильма обходится тысяч в пять, даже больше...

— То есть завтра, когда состоится четыре сеанса, она уже окупится...

— Считать вы умеете, что радует, и соображаете быстро. Так что слушайте дальше: с вашим соображением это будет полезно. Итак, у вас есть физическое ограничение в восемь килогерц. Однако если использовать два канала записи и микшировать оба сигнала, то вполне возможно получить высокие гармоники за счет интерференции.

— Я понял, спасибо. Осталось только придумать как создать два таких сигнала...

— Тоже мне бином Ньютона! Берете исходный сигнал, на фильтре загрубляете его до восьми килогерц, затем вычитаете из исходного полученное дерьмо и вот результат снова режете до восьми, причем инвертируя по фазе. Тогда на миксе вы практически гарантированно вытащите двенадцать, а если дотяните оптическую запись до девяти, что четырнадцать в зале у вас практически наверняка будет...

Еще немного пообсуждав принципы реализации многоканальной записи звука, Ирина разговоры «на технические темы» закончила — но как только Тагер вышел, в кабинет

вломился давешний мужичок:

— Это снова я, и снова с тем же вопросом. Ваш фильм не прошел утверждение в Главреперткоме.

— А вам-то какое дело?

— Я, между прочим, заместитель председателя...

— Отлично. А я — второй заместитель начальника Особого Девятого управления ОГПУ. И должна вам сказать, что ОГПУ само может решать, какие фильмы показывать народу. А теперь пошел вон, и если я тебя еще раз здесь увижу, то в следующий раз мы сможем встретиться лет через десять, да и то, если ты выживешь в Соловецком лагере. Я понятно объяснила?

Следующий день Ира, рассказывая о произошедшем товарищам, охарактеризовала как «день открытых дверей в гадюшнике». Первым к ней пожаловал некий режиссер по фамилии Эрк, заявивший, что студии Межрабпомфильм срочно необходима камера, на которую снимались «Мстители».

— Извините, Юрий Витальевич, я не расслышала. Что вы сказали?

— Я... я не...

— Если у вас вопросов нет, то можете идти.

Светлана, услышав это, закатилась заливистым смехом, а Оля поинтересовалась:

— А в чем, собственно, дело?

— Дело в том, что этот Эрк на самом деле Ивакин и белый офицер, но вскрылось это лишь в тридцать шестом. А режиссер он известный, я его в институте проходила. И на самом деле удивилась лишь тому, что он прямо у меня в кабинете штаны не намочил.

— Да уж... ручонки загребущие, а душонка...

— Да там у всех ручонки с душонками такие. Следующим ко мне подвалил Протазанов...

Разговор с Протазановым оказался несколько более продолжительным:

— Добрый день, я — Яков Протазанов, режиссер. Мне понравилась ваша фильма и должен сказать, мне сейчас необходима камера, на которую вы её снимали.

— Не вижу проблем. Идите и купите себе камеру.

— Вы предлагаете мне купить у вас камеру? — спросил тот, выделив голосом слова «мне» и «вас».

— Нет, что вы! Я эту камеру, обе эти камеры купила исключительно для собственного удовольствия и никому их продавать не собираюсь. Но вы можете себе купить такую же, или даже несколько таких же. Американцы их продают без ограничений, так что берите пятнадцать тысяч долларов — и камера, считай, ваша.

— Сколько?

— Ну, сама камера стоит как раз пятнадцать тысяч, а комплект анаморфных линз вы можете заказать на оптическом заводе в Боровичах, думаю, что он обойдется вам всего тысяч в десять, причем рублей.

— Вы с ума сошли!

— И, кстати, не забудьте пленки купить для этой камеры. Одна кассета на пять минут фильма стоит всего-навсего шестьсот долларов...

— Вы думаете, это смешно?

— Это грустно, однако проклятые буржуи скидок для победившего пролетариата не делают. Искусство требует жертв, а качественное искусство требует много жертв, причем

финансовых. Если у вас возникло желание осчастливить страну шедевром кинематографии, то сами и раскошеливайтесь, не стесняйтесь! А государство — не дойная коровка, у страны лишних денег нет.

— Нет, поэтому вы просто обязаны поделиться камерой с теми, кто ей умеет пользоваться!

— Вот еще: за обучение оператора, способного работать с этой камерой, янки просят всего пять тысяч долларов. И отработывают эти деньги до последнего цента, причем в течение полугода — так что вы безусловно входите в число тех, кто пользоваться ей не умеет.

— И оператором вам придется поделиться!

— Вы что, неграмотный? В титрах же ясно написано, что я не только сценарист и режиссер фильма, но и оператор. А вот делиться собой, да еще с вами... Сами дорогу на улицу найдете или вас вышвырнуть?

Рассказ Ирины изрядно всех повеселил, а Ольга спросила:

— Там что, ни одного приличного человека не было?

— Почему? Был один, некто Гардин. Он пришел попросить меня прочитать курс режиссуры и операторского мастерства в школе кинематографии, которой он руководит. Но, сама понимаешь, не сложилось... Хотя там еще один забавный персонаж нарисовался, правда к кино вообще отношения не имеющий. Он на следующий день пришел, когда советские кинематографисты уже закончились. Баранов Петр Ионович, начальник советской авиации.

— А ему что от тебя было нужно? — удивилась Света.

— Ну я же в Москву на своем самолетике прилетела, вот он и зашел поинтересоваться, что за машина у меня такая на Московском аэродроме стоит и почему к ней близко никого не подпускают.

— И?

— Поинтересовался. Ушел не сильно довольный, но в целом мы нашли общий язык. Так что, думаю, нас ждут новые перемены. Причем, надеюсь, остро позитивные...

Первым делом, первым делом...

Лазарь Моисеевич с удивлением выслушал сообщение секретаря:

— Она сказала, что не придет. И просила передать, что завтра рано утром она улетает домой, так что если у вас есть подлежащие обсуждению вопросы, то можете к ней захватить часов после шести.

— А ты сказал, к кому её, собственно, приглашают?

— Сказал. Но мне кажется, она не поняла...

— Обнаглели вконец эти киношники! Ну ладно, сейчас у меня пара часов свободных есть, заеду. Надо всю эту культурную сволочь на место поставить!

Однако когда он, спустя полчаса, вошел в новенький кинотеатр (через служебный вход, куда его направили стоящие у дверей охранники, почему-то в форме ОГПУ) и поднялся по лестнице к указанному другим охранником кабинету, навстречу ему поднялась крепкая девка:

— Подождите, присядьте пока здесь, у Ирины Владимировны сейчас посетитель.

— А мне плевать, я, между прочим, председатель Московского горкома партии!

— Ну мне тоже плевать, — ответила наглая девка, — пока товарищ Баранов не выйдет, вам там делать нечего. Вам чаю или кофе?

Лазарь Моисеевич оглянулся на сопровождающего его охранника, но наглая девка взгляд перехватила и его предупредила:

— Между прочим, реакция у женщин на десять-двенадцать процентов быстрее чем у мужчин. Так что я вам обе руки прострелю быстрее, чем вы свой наган из кобуры достанете. Я вообще в стрельбе из неудобных положений второе место в городе завоевала, быстрее меня стреляет только сама Ирина Владимировна. Даже Петр Евгеньевич стреляет медленнее...

Кто такие были Петр Евгеньевич и Ирина Владимировна, Лазарь Моисеевич предпочел не уточнять и все же сел в предложенное кресло, согласившись на чай. Хороший, как он успел заметить, наверняка британский. Но допить предложенную чашку не успел: из кабинета с очень хмурым лицом вышел хорошо знакомый Лазарю Моисеевичу Петр Баранов и, не обращая внимания на сидящего председателя Московского горкома, чуть ли не бегом выскочил из приемной. Дверь еще не успела за ним закрыться, как послышался перестук его каблуков по лестнице...

Петру Ионовичу было отчего хмуриться, ведь с одной стороны он вроде бы выяснил, что советская авиация — лучшая в мире, а с другой — что этой авиации еще долгие годы предстоит плестись в хвосте у «прогрессивного человечества». И вроде даже можно эти долгие годы сократить, но для этого такие финансовые средства потребуются, что даже думать об этом становится страшно. Впрочем, эта очень странная «женщина в белом» сказала, что «не все так уж безнадежно»...

В Москву Ирина прибыла в десять утра седьмого ноября, причем прилетела на «собственном» самолете. На самом деле этот самолет был практически копией Мясищевской «Гжели» — которая являлась одним из «прототипов» ее дипломного проекта, а потому в ноутбуке у Ирины хранился почти полный комплект ее чертежей. Вот только с мотором получилось «не очень» и Ирина как-то воткнула вместо турбовинтового «Вальтера» совершенно бензиновый «БМВ-6». Который оказался на триста пятьдесят килограммов тяжелее, но самолету все же подошел. В том числе и по весу: Ира для машины использовала

«наиболее передовые сплавы» и собирала фюзеляж на сварке, так что даже вместе со слишком тяжелым мотором самолетик оказался почти на полтонны легче «оригинала из будущего». Вася еще собирался «мотор пересчитать» с учетом «новых сплавов», намереваясь и его на центнер облегчить, но пока так и не собрался.

Самолетом Ира управляла сама: на жалобные вопли мужа она ответила, что у нее за плечами больше ста часов налета на подобных самолетах (что даже для Васи стало откровением). Впрочем, после десятка «демонстрационных» полетов, в которых Василий был пассажиром, он вопить перестал и даже не возражал, когда Ира «срочно перевозила» кого-либо из «товарищей по несчастью» в Военный городок или на химический комбинат. Понятно, что туда и на машине было ехать от силы полтора часа, но если есть возможность потратить на дорогу пятнадцать минут, то самолету-то зачем простаивать?

Когда М101 (Ирина оставила «оригинальный» индекс машины, убрав лишь буквочку «Т», которая намекала на турбовинтовой движок) сел в Москве, Баранову об этом доложили уже через полчаса: уж больно необычной оказалась машина. Петр Ионович сам к полудню добрался до аэродрома, но близко к самолету его не подпустили два угрюмых парня, прилетевшие, по словам аэродромной охраны, вместе с «товарищем Лукьяновой». Он тогда попросил встречи с пилотом — и был поражен ответом охраны:

— Ирина Владимировна сама самолетом управляет, никого чужого не подпускает. Так что если хотите с ней поговорить, то вам в кинотеатр «Октябрь», она на премьеру своего фильма прилетела и пробудет там еще два дня.

На премьеру фильма товарищ Баранов не попал, так как все билеты были распроданы еще три дня назад. И на следующий день с билетами было так же бесперспективно — но когда он сообщил билетеру, что не фильм пришел смотреть, а поговорить с товарищем Лукьяновой, ему предложили «прийти завтра к служебному входу, вас встретят и к Ирине Владимировне проводят».

Встретили. Проводили.

— Добрый день, Ирина Владимировна, я работаю начальником ВВС РККА и хотел бы вас кое-что спросить по поводу самолета, на котором вы прилетели. Очень, знаете ли, необычная конструкция... это иностранная машина? Кто такие производит?

— Машина отечественная, производит мой завод.

— А с конструктором поговорить можно?

— Говорите.

— Что? Я имел в виду, с конструктором этого самолета.

— Ну так говорите. Это моя конструкция, я его спроектировала и построила, в основном вместе с мужем и другими товарищами.

— Вы?

— Что, непохожа на конструктора? Но тем не менее это так, так что задавайте свои вопросы. Вас ТТХ интересует?

— Что, извините?

— Тактико-технические характеристики?

— Ну, если можно...

— Самолет пассажирский, вместимость — один пилот и семь пассажиров, если один из пассажиров не побоится сидеть в пилотской кабине и пообещает за управление не хвататься. Сухой вес — две семьсот, потолок — семь пятьсот... практический потолок, а так я и на десять тысяч поднималась, правда без пассажиров и с полупустыми баками. Хотя когда

мотор доведем, как раз десять тысяч будет нормой. Перегоночная дальность — полторы тысячи километров, крейсерская скорость четыреста тридцать, максимальная пятьсот двадцать. Что-то еще? Да, двигло — БМВ-VI в версии под восемьдесят восьмой бензин собственными силами турбированный для повышения мощности.

— Извините, какая скорость?

— Крейсерская — четыреста тридцать километров в час.

— То есть почти вдвое быстрее любого истребителя... И чего же вы молчали? Эту машину нужно немедленно передавать в производство! Тем более что мы уже производим такие же моторы!

— Нет.

— Что «нет»?

— В производство передавать машину не нужно. Смысла нет.

— Это почему вы так думаете? — опешил Баранов.

— Ну как вам сказать... Вы по образованию кто будете?

— Ну... можно сказать, без образования, в смысле без авиационного.

— Ладно, попробую так объяснить. Во-первых, СССР производит не такие же моторы, а слегка похожие на такие. То есть на треть слабее и на шестьдесят килограммов тяжелее. С отечественным мотором самолет этот даже взлететь не сможет.

— Но можно же и иностранные...

— Однако отсутствие мотора — это вообще мелочь. И то, что наши доработки удорожают мотор вдвое — тоже мелочь. Но в конструкции самолета используются сплавы, содержащие довольно редкие металлы. Например, в самолете использовано почти что полтора килограмма металла под названием скандий.

— Но... но это ведь немного?

— Согласна, немного. Проблема лишь в том, что мы скупили вообще весь доступный в мире скандий, и теперь его цена поднялась до двухсот долларов...

— Мне кажется, что ВВС такие суммы не разорят.

— До двухсот долларов за один грамм.

Несмотря на отсутствие приличного образования (Петр Ионович смог окончить лишь начальную школу) считал начальник ВВС довольно быстро:

— Вы хотите сказать, что на один самолет было потрачено больше полумиллиона рублей?

— Нет, что вы! Столько было потрачено только на скандий, а в самолете еще очень много чего... чуть менее редкого и дорогого.

— Ирина Владимировна, а вы можете спроектировать может не такой хороший самолет, но обходящийся на уровне прочих машин? — резко погрузнев поинтересовался Петр Ионович. — Раз уж вы спроектировали столь выдающуюся машину...

— Попроще и подешевле? Наверное могу. Но опять-таки смысла не вижу. Потому что если я другую машину и спроектирую, то спроектирую её под нашу технологию, то есть под технологии нашего экспериментального завода, а вот их на серийных авиазаводах воспроизвести еще лет десять не получится. Так что лучше вы мне просто проекты ваших конструкторов на рецензирование посылайте, а я — если что в них не так окажется — их подправлю. Точнее, укажу на тонкие места.

— Ну... хорошо. А этот ваш... экспериментальный завод — он от какого наркомата? Если туда на обучение людей послать...

— Пятый экспериментальный завод Особого Девятого управления ОГПУ. Где он находится — не столь важно, а меня вы всегда сможете найти в Боровичах. Кстати, а не хотите туда слетать завтра? Час туда, час обратно — а удовольствия на полгода вперед.

— А... у вас же на аэродроме еще и охрана... или они не полетят?

— А вы просто пообещайте мне, что за управление хвататься не будете — и увидите полет с места второго пилота. Ладно, это лирика. А вот если вы всерьез заинтересованы в производстве по-настоящему хороших машин...

— Конечно заинтересован!

— Есть у меня идея на предмет запустить алюминиевый завод у нас в Управлении. Небольшой, для начала тысяч на пятнадцать тонн алюминия в год...

— Это уже немало! Я могу чем-то помочь?

— Можете. Причем можете и очень хотите: лично мне алюминий как таковой вообще не нужен, а вот недорогие авиационные сплавы...

— Но алюминиевый завод уже строится...

— Добейтесь передачи в Девятое управление глиноземного завода. Сырья для алюминия вы произведем столько же, сколько заводу и запланировано, но попутно добудем из него и скандий. Немного, пару тонн в год добудем — но сплав В-1461 весит даже легче чистого алюминия, а по прочности не уступит многим сортам стали. Просто для примера: на моем самолете обшивка толщиной всего в четверть миллиметра, и планер весит меньше полутора тонн. А аналогичный по прочности дюралевый весил бы уже больше трех тонн, даже ближе к четырем. Можно, конечно, и попроще сплавы подобрать, но... Ладно, надеюсь, мы друг друга поняли. Как что-то надумаете — вы знаете, где меня найти.

Из кабинета «женщины в белом» Петр Ионович вышел в глубокой задумчивости...

Когда начальник ВВС ушел и шаги его затихли, Лазарь Моисеевич приподнялся в кресте и вопросительно взглянул на сидящую у двери девушку. Та нажала какую-то кнопку на стоящем на столе ящичке и произнесла:

— Ирина Владимировна, к вам Каганович.

— Пусть заходит, — раздался хриловатый голос из коробочки, и девушка, встав, открыла перед ним дверь в кабинет. В котором за столом сидела молодая женщина в ослепительно белом костюме:

— Лазарь Моисеевич, рада вас видеть. Что привело вас ко мне?

— Почему вы не приехали ко мне?

— Потому что у меня и здесь работы хватает. Еще вопросы?

Каганович поморщился, но вступать в пререкания счел ниже своего достоинства:

— Мне сказали, что вы в этом театре показываете довольно неплохой фильм, причем в цвете и звуковой...

— Именно так.

— Я думаю, что подобную технику необходимо поставить и в строящемся кинотеатре «Ударник».

— Это не ко мне. Но если вы закажете аппаратуру, то думаю, что где-то через год ваша заявка может быть выполнена. Через год после оплаты. Сейчас уточню...

Хозяйка кабинета встала, начала перебирать какие-то бумаги на полке, и Лазарь Моисеевич с изумлением увидел, что она одета в брюки. Широкие, покроя явно не мужского, но в брюки! И это на работе!!! «Вконец киношники распустились», подумал он, «точно надо их к порядку призвать»:

— Сейчас уже строительство заканчивается и эту аппаратуру необходимо передать в «Ударник» в течение месяца.

— Не выйдет, её раньше чем через год просто физически изготовить невозможно. То, что делается сейчас, пойдет в новые кинотеатры в Нижний Новгород, следующие два комплекта отправятся в Ленинград и Харьков...

— Мне кажется, что прежде всего необходимо обеспечить Москву...

— В Москве уже есть кинотеатр с такой аппаратурой, «Октябрь» называется, и вы в нем как раз и находитесь. Нужды, острой нужды во втором таком я не вижу, тем более что и фильмов, пригодных для демонстрации в таком кинотеатре пока больше нет. А за год все москвичи, которые захотят фильм посмотреть, посмотрят его и в «Октябре».

— Да, кстати о фильмах. Мне уже приходили жаловаться, что вы отказываетесь передавать кинокамеры другим режиссерам...

— Если им нужно, то пусть сами их и покупают. А мои камеры я отдавать никому не собираюсь, я их себе покупала, на честно заработанные деньги. Тем более, что эти бездарии ничего хорошего с этими камерами снять не смогут. Вы знаете, что пленка к этим камерам стоит в десять раз дороже той, что они сейчас тратят на свои поделки? А ведь страна на их развлечения потратила в этом году уже больше пятидесяти миллионов полновесных золотых рублей только за пленку! Они и этих денег не окупили, а туда же, подавай им пленку в десять раз дороже!

— Эм... мне об этом не сказали.

— Лазарь Моисеевич, вы бы построже были по отношению к творческой элите, а то они взомнили себя гениями, скоро вам на шею сядут и ножки свесят. Вот Эйзенштейна вы расхваливали, и где эта мразь теперь? В буржуазной Америке рябчиков с ананасами жрет за счет трудового народа?

— Я... я не расхваливал.

— Да я не о вас лично говорю, а вообще... А вернувшись к теме вот что скажу: года через три минимум, а скорее лет через пять, когда наша промышленность освоит и выпуск пленки для кино, и все остальное — тогда придет время и современных кинотеатров. Которые тогда можно будет оснастить за вменяемые деньги.

— Что значит «за вменяемые»?

— Сейчас один только проектор в этом кинотеатре стоит сорок две тысячи рублей, а проекторов нужно минимум два, лучше три. Звуковая аппаратура, которая уже в зале устанавливается, стоит немного за восемьдесят тысяч...

— Ох и не хрена же себе!

— К тому же просто изготовление одной прокатной копии фильма обходится около восьми тысяч рублей.

— Откровенно говоря, я даже не подозревал, что кино — настолько дорогое развлечение.

— Потому что вы серьезными делами занимаетесь... и людей по себе судите.

— Что вы хотите этим сказать? — в голосе Кагановича послышалось возмущение, но Ира его предпочла не заметить:

— Вы думаете, что вас окружают не жулики и не проходимцы. Конечно, жуликов и проходимцев немного, но все же хватает. Сами судите: вам всего лишь рассказали не всю правду — и этого хватило, чтобы вы примчались сюда ругаться. Вроде вам и не врали, но ведь по факту-то обманули!

— Забавно вы рассуждаете.

— Скорее цинично, но мне по должности так рассуждать положено.

— То есть киношнику положено цинично рассуждать?

— Вообще-то кино — это для меня хобби.

— Что, извините?

— Просто увлечение. А по должности я все же второй заместитель начальника Особого Девятого управления ОГПУ, а по специальности — авиаконструктор. И, например, товарищ Баранов ко мне и приезжал чтобы обсудить некоторые авиационные проблемы.

— Да уж, удивили... теперь понятно, почему у вас в приемной такая церберница сидит. Спасибо за то, что вы мне сообщили, желаю успехов в вашей непростой работе. И извините за беспокойство...

Покидая кабинет, Лазарь Моисеевич подумал, что впервые за очень долгое время сегодня он почувствовал себя не хозяином положения, а робким просителем, которому, к тому же, в просьбе отказали. Вежливо отказали, но при этом выставили его чуть ли не дураком. Однако на что способно ОГПУ, он представлял себе более чем неплохо, так что ломиться сквозь стену, которую перед ним здесь очень явно поставили, точно не стоит. Проще сделать вид, что хотел кино без очереди посмотреть — и посмотреть его, черт побери!

Пятый экспериментальный завод Особого Девятого управления ОГПУ еще в начале октября перешел на круглосуточный режим работы. Правда рабочих на заводе было немного, но и сам завод в общем-то на гиганта индустрии явно не тянул. Однако все рабочие были очень высококвалифицированными, их Вася и Ира специально подбирали чуть ли не по всей стране — да и то двое из трех «подобранных» очень быстро переходили на работу в «низкотехнологичные» заводы вроде тракторного или автомобильного: не удовлетворял искусствоведку-недоучку их уровень квалификации. Оно и понятно: все же им не телеги предстояло собирать, а самолеты. Хотя и не очень много самолетов...

Мясищевскую «Гжель» с Ириными доработками на заводе сумели изготовить всего за полгода (правда с учетом того, что девяносто процентов работы по сборке фюзеляжа провел лично Вася). А теперь эти рабочие собирали самолет совершенно новый. Правда половину приборов, которые намечалось поставить на самолет, привезли из-за границы, и несколько инженеров были посажены Ириной заниматься «реверс-инжинирингом» для того, чтобы уже на втором экземпляре машины можно было поставить отечественный автопилот и навигационные приборы. Оля, когда работа только началась, поинтересовалась у Иры:

— Ты что это такое строишь-то? В смысле, нафиг нам это чудище нужно?

— Конкретно это чудище нам нафиг не нужно, разве что три-четыре машины поставим на линию Москва-Берлин или Москва-Париж. Но я думаю, что будет очень неплохо лицензию на него продать американцам... Дугласу например.

— Ты думаешь, что янки купят у нас лицензию?

— Официально это будет разработка YBR, так что национальная гордость америкосов особо не пострадает. Но согласись: прикольно будет продать Дугласу лицензию на его же собственный самолет!

— То есть?

— Это DC-2, и я его специально в дюймовой системе делаю. Не совсем этот DC конечно, у меня здесь будут моторы от БМВ, но сразу готовлю чертежи и под Райт-Циклон. Если получится, я ему еще лицензию на DC-3 продам...

— Ну, успеха. А почему считаешь, что нам этот самолет не нужен? Я имею в виду СССР.

— Потому что я хоть хреновый, но авиаконструктор двадцать первого века, для нас придумаю самолетик получше, сильно получше. То есть сама-то я его все же сконструировать не сумею, зато точно знаю, кто мне в этом деле поможет...

Седьмого марта тысяча тридцать первого года в кабинете Кржижановского состоялось совещание. Кроме самого Глеба Максимилиановича, на совещании присутствовали начальник ВВС Баранов (по просьбе которого это совещание и собралось) и начальник ОГПУ Менжинский. Госплан представлял Струмилин, «наблюдателем от правительства» был Молотов, а вел это несколько странное совещание Иосиф Виссарионович.

Даже внешне странное: Кржижановский и Молотов были одеты в серые костюмы-тройки, Струмилин — в пиджачную пару цвета кофе с молоком, остальные мужчины были в военной форме. И на этом фоне просто в глаза бросались снежно-белый брючный костюм Ирины и джинсовая пара Ольги. Иосиф Виссарионович, увидев их еще у дверей кабинета Кржижановского, даже шепотом поинтересовался у Вячеслава Рудольфовича:

— А что здесь делает эта киношница и кто эта дама вся цветами расшитая?

— У Ирины Владимировны это такой белый лётный костюм, она у нас авиатор, а Ольга Дмитриевна — главный экономист девятого управления.

— Посмотрим, что за экономист... и авиатор...

Но особо смотреть у него так и не получилось. Сначала на совещании выступил Баранов, и во время его выступления Вячеслав Михайлович заметил, что Глеб Максимилианович согласно кивает по каждому пункту речи начальника ВВС. Но причин такого согласия он не понял, и, как только Баранов закончил, поинтересовался:

— То есть вы считаете, что следует передать алюминиевую промышленность в ведение ОГПУ?

— Нет, — в обсуждение вмешался Кржижановский, — не алюминиевую промышленность, а лишь постройку и управление глиноземным заводом.

— А в чем причины такого предложения? Ведь, насколько мне известно, выделкой глинозема будут заниматься непосредственно на Волховском алюминиевом заводе.

— Собственно, причин всего две, — в разговор вступила «женщина в цветах». Сейчас предполагается на Волховский завод возить просто боксит, что увеличивает расходы на перевозку минимум вдвое. А во-вторых, на строящемся заводе предполагается неправильная... нет, просто неоптимальная обработка сырья.

— Я тут посмотрел ваши предложения, и вижу, что вы предлагаете выработку глинозема процентов на тридцать дороже, чем в проекте Волховского завода. В чем же вы видите неоптимальность обработки?

— Вот в чем, — вмешался Баранов и положил на стол небольшую алюминиевую трубку.

— Что это? — Иосиф Виссарионович всерьез заинтересовался происходящим.

— Алюминиевая трубка, которую выделяет мастерская Девятого управления.

— И что в ней такого? — Сталин взял трубку в руки. — Ну да, чувствуется, что она легкая...

— А вы попробуйте её согнуть, — улыбнулся Баранов. — Чувствуете? Она втрое легче стальной, но по прочности и многие стали превосходит.

— Из полученного по методике Девятого управления такой алюминий получается? — всерьез удивился Иосиф Виссарионович, передавая трубку протянувшему руку Молотову.

— Нет, алюминий получается обычный. А из него получается вот такой авиационный сплав, если в алюминий добавить кое-что — я название забыл — что работники Девятого управления могут попутно вытащить из нашего боксита.

— А кроме них никто это кое-что вытащить не может?

— Этого вещества в боксите содержится тридцать грамм на тонну, верно я помню, Ирина Владимировна? А по методикам, в Девятом управлении разработанным, можно вытащить даже вещества, которых и меньше трех грамм на тонну имеется. Например, они ежедневно из пирита добывают по триста грамм золота, которого там как раз меньше трех грамм на тонну имеется. Это, конечно, стоимость обработки руд увеличивает, порой весьма заметно — но такие вот попутно добываемые вещества полностью окупают подобное удорожание.

— Тогда почему эти методики не внедряются на всех остальных заводах? — крайне недовольным голосом поинтересовался Сталин.

— Как раз потому, что необходимо сами методики эти хранить в абсолютной тайне во-первых, а во-вторых хранить в строжайшей тайне даже факт того, что мы это что-то из чего-то добываем. С такими трубками вместо стальных профилей самолет, например ТБ-1, будет на тонну легче...

— Собственно, поэтому мы с Петром Ионовичем и предлагаем передать бокситовый рудник под прикрытие ОГПУ, — добавил Кржижановский.

— А вы успеете запустить бокситовый завод до пуска Волховского алюминиевого? Было бы неплохо, чтобы первый советский алюминий был выплавлен из вашего глинозема.

— Первый советский алюминий из этого глинозема был выплавлен примерно год назад? — решила «уточнить» Ольга, — и сейчас мы производим его около пятнадцати тонн в сутки. А можем производить тонн по сто, но глинозема у нас не достаточно.

— Вы производите алюминий? — теперь уже очень сильно удивился Сталин. — А почему...

— Мы разрабатываем технологию производства, и опытный завод да, алюминий производит. Но мало, мы его весь у себя же и используем, в других опытных работах.

— Вот теперь с вашей идеей всё понятно. Вот только как её продать Валериану? Он-то в Госплане поди уже какой-то план на бокситовый карьер составил? — ни к кому не обращаясь, вслух выразил свою мысль Молотов.

— Да легко, — усмехнулся Струмилин. — Мы тут с Ольгой Дмитриевной утром уже быстренько возможные проблемы обсудили, и у меня вот такая идея возникла. Сейчас на карьере мужики лопатами боксит копают, в грабарках почти на двадцать километров к станции возят. Планы при этом не выполняются потому что пьянство там процветает, прогулы постоянные. А вот если ОГПУ этим займется, то с пьянством и прогулами там станет лучше.

— Не надо нам лучше с пьянством и прогулами, — рассмеялась Ольга Дмитриевна, — нам уж лучше вообще без этого обойтись.

После этой реплики рассмеялись уже все, включая Струмилину. А отсмеявшись, Станислав Густавович решил все же кое-что уточнить:

— Кстати, по плану тут предполагается железнодорожную ветку к карьерам проложить, восемнадцать километров. Но, как я понимаю, вместо неё потребуется ветка от Боровичей? Ольга Дмитриевна, вы дополнительные расходы подсчитали?

— Ветку к Большому Двору нужно не просто оставить, а как только возможно

строительство её ускорить: ведь глинозем к Волхову на чем-то возить все же придется. А ветку от Боровичей мы своими силами кинем.

— Это как «своими силами»? — удивился Молотов.

— Это так же, как все остальные дороги в Особом Боровичском районе. Есть у нас скажем, внутренние возможности.

— Ну, хорошо. Вячеслав, — Сталин повернулся к Молотову, — тогда ты Валериану всё это объясни, и давайте переходить ко второму вопросу. Петр Ионович, снова тебе выступать?

— А вот нет, — главный авиатор улыбнулся, — Ирина Владимировна лучше меня всё расскажет.

Ирина оглядела собравшихся и, нахмурившись, начала:

— На самом деле это три отдельных вопроса. Первый: нужно сформировать особый правительственный авиаотряд, на самолетах которого только и смогут летать члены правительства и руководители важных государственных проектов — потому что аварийность нынешней авиации обеспечивает совершенно недопустимые риски для пассажиров. Второй: необходимо для всех летчиков провести аттестацию и выгнать к хренам собачьим всех, кто её не пройдет, причем в первую очередь выгнать тех, кто пьянствует — ведь больше половины аварий происходят из-за того, что пилот за штурвал с похмелью садится. Третий вопрос — о необходимости реорганизации существующих авиационных конструкторских бюро, поскольку без такой реорганизации наша промышленность будет выпускать исключительно кое-как летающее говно...

Всё хорошо, прекрасная маркиза...

Борис Васильевич Наваркин к большевикам никак не относился. Вот отец его, Василий Степанович, раньше относился к ним плохо — но и он теперь стал относиться никак. Борис Васильевич в войну служил честно: начал прапорщиком (поскольку он имел относительно приличное образование, его сначала в соответствующую школу направили), а закончил штабс-капитаном. Ну а когда, после войны уже, власть захватили большевики...

Отец покинул Россию как только узнал, что Дзержинский расстреливает всех дворян-железнодорожников. Ну а так как на железной дороге практически любой, даже самый мелкий начальник автоматически получал личное дворянство... в общем, уехал и пристроился на железной дороге в Австрии. Сам Борис Васильевич дворянином вообще не был, но еще раз воевать (неважно — за красных или за белых) желания не испытывал — и когда отец сообщил, что есть возможность получить приличную работу у нового отцова приятеля, раздумывать он не стал. Ну, по нынешним временам даже работа мастером в цеху могла считаться приличной, ведь на жилье и хлеб денег хватало. А вот когда заказы на фабрике закончились и работы не стало...

Вот как раз представитель одного из прежних заказчиков и сосватал его на новую работу. Главное — денег за нее платили более чем достаточно для комфортной жизни, а то, что вместо металлического цеха пришлось работать на консервной фабрике, было не очень важно. И тем более не важно, что на этой фабрике стояли насосы, которые раньше Борис Наваркин в Австрии и делал.

Формально Борис Васильевич считался директором фабрики, но работать приходилось большей частью руками: насосы все же часто требовали ремонта. Да и рабочие, хотя опыта и набирались довольно быстро, частенько еще допускали разные ошибки. Правда где-то с полгода назад, когда коллектив фабрики пополнился еще четырьмя бывшими офицерами, причем техники не боящимися, серьезных ошибок стало заметно меньше и почти каждый день фабрика прилично перевыполняла план. Очень даже немаленький план: пятьдесят тонн продукции в сутки. Но в Порхове с работой было неважно, так что и рабочие старались, чтобы не оказаться уволенными, и вообще получилось третью смену полностью укомплектовать — собственно, поэтому в последние два месяца с фабрики ежедневно уходило не меньше шестидесяти тонн картошки. Именно её, родимой: выпускала фабрика «новейший продукт» под названием «сублимированное картофельное пюре».

Восьмого марта, в воскресенье, все работающие мужчины решили женщинам предоставить дополнительный выходной (ну и что, что воскресенье: фабрика работала круглосуточно и без выходных), так что на зачистку картошки встали мужики, а многие привели с собой и сыновей. Конечно, опыта у мелких было немного, но наковырять глазков из картошки — это все же не особо и трудно, там более после снятия шкурки (на специальной машине, очищающей картошку особой шершавой лентой) эти глазки просто в глаза бросались. Откровенно говоря, «по технологии» вполне допускалось в котлы картошку и с глазками запускать, но Борис Васильевич считал, что лучше делать как лучше: деньги в фонде зарплаты были, бабам в городе лишний заработок не помешает, а качество продукции — это в том числе и его, Бориса Наваркина, репутация.

Откровенно говоря, до первого посещения фабрики он и не подозревал, что картошку можно сварить всего за три минуты — но в автоклавах она именно три минуты и варилась.

Затем её пропускали через мялки, а пюре на больших поддонах пихалось в вакуумные камеры, для которых австрийские насосы и заказывались в свое время. В камерах пюре довольно быстро превращалось в абсолютно сухую... субстанцию, которая затем в фасовочном цехе распихивалась по двести пятьдесят грамм в пакеты из пергаментной бумаги. Бумагу эту тоже в Порхове делали, на старой бумажной фабрике. Ну как на старой: все оборудование для нее привезли из Германии в начале прошлого года, выкинув перед этим устаревшее, еще дореволюционное...

Затем пакеты — по четыреста штук — распихивались по стальным бочкам, которые помещались на четыре часа в стерилизаторы, в которых поддерживалась температура в сто сорок градусов Цельсия. А когда бочка из стерилизатора доставалась, в нее через штуцер в крышке закачивали азот из баллонов. Вроде все просто — но обработать таким образом по шестьсот и больше бочек в сутки было не очень-то и просто. Но все же возможно — и у Бориса Васильевича появилась новая забота. Огромное хранилище, в которое осенью заложили картошку на весь следующий год работы, изрядно опустело, так что пришлось продукт уже по деревням скупать. Хорошо еще, что начальство прислало для этих целей десятков грузовых автомобилей. Мало, конечно: с их помощью в день удавалось на фабрику завозить из окрестных деревень картошки тонн по пятьдесят всего — сырой картошки, но и это лучше, чем ничего. К тому же скоро, когда морозы закончатся, мужики и сами будут картошку на фабрику возить: в прошлом году на Псковщине её собрали удивительно много...

Пирит — это камень специфический. Кроме того, что он — самый распространенный сульфид на планете, он известен еще и тем, что чаще всего встречается вместе с кучей прочих минералов. Проще говоря, из тонны грунта, выкопанного на рудном поле, выковырять получается пирита едва килограмм двести, а то и сто.

Поначалу (для первой печки) пирит копался возле речки Вельгии — в результате чего речка выше бумажного завода стала шириной метров в двести. Еще пирит просто со дна Мсты доставали — но добытого едва на одну печь и хватало. Спустя год, когда новый сернокислый завод поднялся неподалеку от Мошенского, пирит начали копать уже непосредственно на «Кудыкиной горе» — хотя пока еще никто этот холм так не называл. Ну начали и начали, однако для обеспечения новенького химзавода сырьем ежедневно приходилось выкапывать минимум пятьсот кубометров земли. С появлением первых экскаваторов, которые были сделаны на механическом заводе, количество ежедневно вырытых кубометров возросло до примерно тысячи — так что вскоре вместо «горы» получилась приличная такая «яма». Так как Саша еще в двадцать шестом месторождение оконтурил, габариты «предстоящей» ямы выглядели довольно грандиозно — но у Вали «родилась идея»...

Вероятно, идея была не очень-то и умной, но «народу понравилось» — скорее всего своей бесшабашностью, а так как и «материальный ресурс» появился... В общем, в карьере сначала появилось неуклюжее строение «без окон, без дверей», которое довольно скоро скрылось под слоем пустой породы, вываливаемой на трехметровой толщины крышу бетонного сарая. Дверь в сарай все же была, причем такая, что внутрь без проблем проезжал железнодорожный вагон, а над дверью появилась надпись «Хранилище 13». Потому что это и было хранилище, в которое складывались впрок разные ценные предметы.

Самым интересным в этом хранилище было то, что пирит в карьере копать не переставали. Однако чем дальше уходил карьер, тем больше становилось и само хранилище: на новых участках надстраивались и новые секции. И в длину, и в ширину. И даже вглубь —

хотя о последнем вообще-то мало кто знал.

К весне тридцать первого года размеры уже готовых секций хранилища были более чем приличными: при двадцатиметровой высоте и ширине секции в пятьдесят метров длина полностью готовых к приему всякого разного превысила полкилометра. А первая, стометровая секция уже была изрядно заполнена разнообразным содержимым, и прежде всего — стальными бочками, в которых была упакована сублимированная картошка. И не только эта секция, первые три были этими бочками уже почти полностью забиты: в каждую с трудом помещалось по двести тысяч таких бочек, а поставляли их в хранилище сразу пять «картофельных» заводов.

— Мне вот две вещи непонятны, — пожаловалась Светлана Ане за ужином, — почему всю картошку мы тащим в Боровичи и почему мы ее так хитро упаковываем.

Жаловалась она потому, что именно ей — как «ответственной за хозяйство» — приходилось в том числе управлять и постройкой множества хранилищ. Что отвлекало огромные количества рабочих рук и изрядные ресурсы.

— Мы не всю картошку сюда везем, — ответила Аня. — Мы сюда везем только сушеное пюре, а муку из сушеной картошки куда только не пихаем. А упаковка — это я предложила. Один пакетик — дневная норма на голодающего, очень удобно распределять. С бумагой проблем нет, у нас и так серную кислоту девать некуда.

— Вот тебе кислоту девать некуда, а мне — бочки эти. Хранилище 13 уже заполнено, склады в Боровичах и Мошенском — тоже, сейчас бочки отправляются на склады военного городка в Боровском, но и там место скоро закончится...

— Я слышала, что военные там склады еще расширяют.

— Ну да, обещали к середине мая что-то закончить. Там еще примерно двести тысяч бочек поместится, но это всё. А к лету вроде еще две секции в Хранилище 13 закончат, но ведь все равно этого будет мало! Урожай нынешнего года куда пихать будем?

— Саша сейчас в Уральске какие-то склады строит...

— Саша строит?

— Вообще-то он занят в основном закладкой борового рудника, а заодно и этим занимается. В смысле, если чего не хватает, то он сразу Оле сообщает чтобы она купила. А склады там наши военные инженера строят воистину охрененные, туда вся сушеная картошка зимой уедет.

— Зачем?

— Так у казахов голод будет совершенно недетский... даже несмотря на то, что Петруха твой Шаю Ициковича обезопасил, но пока еще не все поняли намек...

— Какого Шаю?

— Голощёкина, он там начал казахов резко так раскулачивать. Там уже почти половину скота уничтожили...

— А я думала, что главный голод на Украине был...

— Нет, — в разговор вмешалась Гуля, — там не совсем голод был.

— Ну как же...

— Ну так же. Ты же историю вроде знаешь?

— В общем-то знаю.

— И фотографии видела?

— Больше чем хотелось бы...

— Ну так вот, я тебе как врач говорю: нигде в мире и никогда, кроме как в тридцать

втором — тридцать третьем годах на Украине народ с голоду не пух. Потому что с голоду не опухают, а опухают, если почки отказывают. А почки отказывают в том числе и потому, что жрали хохлики зерно, пораженное головней. Наворовали, в землю в схроны закопали — а там влажно, головне просто идеальные условия для роста. Ну а когда они зерно из схрон своих достали и начали его массово употреблять...

— И что же делать?

— А ничего. То есть у хохлов своровать за национальную доблесть считается, с этим мы бороться не в состоянии. Зато мы можем кое-что другое сделать, и уже делаем...

— И что же?

— В Бобриках сейчас уже налажено производство формалина для протравливания зерна перед посевом — а это уже даст прирост урожаев процентов на двадцать. Конечно, не все колхозы протравят, но хотя бы треть... Я уже успела поговорить на эту тему с Яковлевым, который нарком земледелия — он пообещал провести среди колхозников воспитательную работу.

— Ага, послушают они его!

— Во-первых, он еще и председатель Колхозцентра, а во-вторых, попросит помощи у Менжинского — а то чего чекисты дурью маются? Но самое главное — через неделю заработает Владимирский тракторный.

— Что-то я вообще о нем ничего не слышала.

— Потому что в Девятом управлении всё, что делается, делается секретно — рассмеялась Гуля. — Васе-то вконец обрыдло с тракторами и моторами возиться, вот он тракторное производство во Владимир и перетаскивать стал потихоньку. Бредис вместе с половиной рабочих переезжает, то есть все, кому уже восемнадцать стукнуло, туда поедут. Правда где-то до лета моторы во Владимир отсюда возить будут, а потом там перейдут на подножный корм...

— То есть?

— Сейчас для Владимирского завода чугуна в планах не значится, но когда трактора пойдут — придется властям придумать что-то насчет чугуна. Вася заводик поначалу на пять тысяч тракторов в год запланировал, а мотор всего около центнера весит, так что изыщут.

— А у нас что будет делаться?

— Свет, мы за четыре почти года из намеченного что успели сделать?

— Валя карабины для школьников, но ведь это не то?

— Вот именно. Даже патроны для карабинов у нас пока практически на коленке собираются.

— А вот и не на коленке! — возмутилась Аня. — А капсули вообще...

— Ань, успокойся, тебе вредно волноваться. И мы все всё равно знаем, что лично ты почти всю намеченную программу выполнила. Но вот насчет остального, не на химию завязанного...

— Да уж... девочки, а я что-то опасуюсь насчет поездки Иры и Оли в Москву. Оля-то ладно, а вот Ира со своим языком необузданным...

— А я вот как раз за Иру не боюсь, — задумчиво ответила Светлане Гуля. — Во-первых, Баранов на неё вообще молиться готов, а во-вторых, сдаётся мне, что Ира, правду-матку режущая невзирая на личности, напротив очень быстро найдет общий язык с начальством. А вот Оля... уж больно ее экономические идеи идут вразрез с политикой партии...

— Вы хотите сказать, что советская промышленность выпускает плохие самолеты? — в

голосе Иосифа Виссарионовича ничего хорошего для Ирины уже не было.

— Нет, что вы. Это не плохие самолеты, а вообще полное говно, вот что я хочу сказать. И главной причиной этого является то, что все конструкторы, способные создавать по-настоящему хорошие машины, заняты разработками отдельных деталей того, что Андрей Николаевич соизволил считать самолетом.

— Продолжайте...

— Итак, возьмем, для примера, новенький АНТ-6. Это летающий сарай с лучшим в мире крылом, которое только возможно изготовить из говна и палок. Но это крыло проектировал Петляков, а если бы ему дать возможность сделать самолет целиком, то получилась бы куда как более приличная машина. Каркас самолета проектировал Мясищев, и именно он придумал, как его изготавливать — но что стальной каркас для самолета изначально полный отстой, Туполев его не уведомил. А если рассмотреть истребитель И-8, то его полностью спроектировал Сухой, и — если бы не ограничения, наложенные Туполевым, то страна еще два года назад получила бы по-настоящему современный истребитель.

— А какие ограничения, по вашему мнению, накладывал Андрей Николаевич?

— Такие, за которые я бы его отправила пасти северных оленей. Использование американского двигателя, не имеющего отечественных аналогов и даже не намеченного к лицензионному или пиратскому производству.

— Что значит «пиратскому»? — удивился Сталин.

— То есть копированию без лицензии. Но если руководитель дает подчиненному задание, результат которого даже не предполагается использовать, то подумайте сами: это саботаж или все же простой идиотизм?

— Мы об этом не знали.

— Я в курсе, но Павел Сухой и многие другие инженеры и рабочие под его руководством год проработали впустую. Получая при этом зарплату, напрасно растрачивая дефицитные импортные материалы... А напоследок рассмотрим только что принятый на вооружение Р-6, он же АНТ-4. Это же просто эталон летающего говна!

— Вы можете предложить что-то лучшее? — в голосе Сталина явно прозвучала угроза, но Ирина, как и всегда, внимания на это не обратила:

— Эта кашка летает с максимальной скоростью в двести сорок километров, имея при этом два мотора М-17. А мой самолет, с одним таким мотором, может летать со скоростью до пятисот двадцати километров в час с таким же грузом. И подниматься не на пять с небольшим километров, а на восемь...

— Пообещать каждый может... с три короба.

— Она не обещает, — в разговор встрял Петр Ионович, — ее самолет так и летает. Я сам на нем летал, всё подтверждаю. А её летающая лодка, которую только еще испытывают, с двумя тоннами груза на полторы тысячи километров...

— А почему мы об этом ничего не слышали? — возмутился Сталин.

— Потому что всё, что делается в Девятом управлении, делается совершенно секретно. Сама информация о параметрах моих самолетов, если она просочится за рубеж, нанесет Советскому Союзу огромный урон.

— Это почему?

— Потому что в СССР эти машины могут пока изготавливаться лишь в единичных экземплярах и они очень дороги, — ответила Ира. — Буржуи же, узнав, что у нас есть такие

машины, вложат десятки миллионов и спроектируют что-то подобное... хуже, конечно, но массово — и в случае войны у СССР не окажется средств для отражения воздушной агрессии. Именно поэтому мы считаем крайне целесообразным выделить Петлякову, Сухому, Мясищеву и, пожалуй, Бартини самостоятельные конструкторские бюро, которым мы дадим очень конкретные задания и обеспечим всем необходимым для серийного выпуска... да, похуже, но массовых и достаточно дешевых самолетов.

— Мы — это кто?

— Мы — это Особое Девятое управление ОГПУ, — вставила свое слово Ольга. — Наши специалисты во-первых присмотрят за конструкторами, чтобы они всякой хренью не занимались, и, во-вторых, обеспечат заводы всем необходимым для воплощения их фантазий оборудованием и материалами.

— А где вы всё это возьмете? И во что обойдется государству ваши хотелки?

— Мы всё сами сделаем, на экспериментальных заводах Девятого управления. А государству наши хотелки ущерба не нанесут, наоборот страна Советов изрядно сэкономит на зарплате высокооплачиваемых специалистов.

— А вам не кажется, что ваши, так сказать, экспериментальные заводы должны работать на благо государства?

— Они и работают. Вон, во Владимире через неделю тракторный завод заработает...

— Тракторный? Во Владимире?

— Да. Небольшой заводик, первая очередь будет выпускать по пятнадцать тракторов в сутки для начала. Если трактора понравятся, то уже к Новому году производство можно будет удвоить.

— А почему об этом заводе нам ничего неизвестно?

— Потому что всё, что делается в Девятом управлении, делается совершенно секретно. Кому как не вам знать, сколько в стране разного рода саботажников и вредителей?

— Ну в этом вы, пожалуй, и правы...

— Работа у нас в ОГПУ такая, — хмыкнула Ирина. — Да, еще... В том году Киевский политех, что ли, закончил некто Архип Люлька. Его тоже нужно к нам перевести.

— Допустим, мы удовлетворим ваши... пожелания. А что в результате получит страна?

— Ну, наврать-то можно много. А если без вранья, то я думаю, что где-то года через два страна получит по-настоящему современные самолеты. Павел Сухой создаст лучшие в мире истребители, Петляков — это по бомбардировщикам, Мясищев и Бартини... у этих пока горизонты даже не определимы, но в том, что пользы в самостоятельном полете они принесут куда как больше, чем под управлением надутого тупого индюка Туполева — это несомненно.

— И вы можете это гарантировать?

— В любом деле возможны неудачи. Но то, что из четырех упомянутых по крайней мере трое поставленные задачи выполнят, сомнений быть не может. А я вообще надеюсь на самый лучший результат. Просто потому, что уже знаю, что и кому предложить.

— Ну хорошо, предлагаю на этом совещание закончить. Мы чуть позже вам сообщим о нашем решении.

Когда все уходили, Сталин попросил Баранова на минутку задержаться:

— А как товарищ Баранов относится к идеям этих... дам?

— Товарищ Баранов с огромным удовольствием подчинится любому решению Ирины Владимировны, — улыбнулся начальник ВВС. — Потому что я ознакомился с её

предложениями по распределению проектов новых самолетов. Конечно, все они поначалу выглядят вообще сказочными, но если Ирина Владимировна окажет этим конструкторам посильную помощь, то, думаю... нет, практически убежден, что всё получится.

— И что вам дает основания так думать? Самолет, который она построила?

— И он тоже, но лишь в малой степени. Я с ней впервые встретился, когда она фильм свой в Москве показала...

— Ах да, я уже и забыл, что она киношница.

— Ну так вот, я спросил, не может ли она спроектировать другой самолет, попроще чем её.

— Почему попроще?

— Её самолет очень дорогой выходит. А она через две недели ко мне снова прилетела и предложила делать скоростной бомбардировщик, сказала, что эскизный проект составила, а рабочий проект пусть Архангельский делает. Мы тогда к Александру Александровичу сразу направились, и она сказала, что самолет надо под микулинский М-13 проектировать. А самому Александру Александровичу нужно будет к ней подъехать насчет авиационных сплавов что-то уточнить.

— Это что за мотор?

— Неудачный проект, мотор не получился. Но она сказала, что пусть Микулин тоже к ней заедет, там ему помогут разобраться что было не так.

— И вы считаете, что этого достаточно чтобы так ей доверять?

— Мы с Александром Александровичем, то есть уже с Микулиным, в Боровичи съездили. В общем, про мотор за ужином поговорили, там все почти руководство Девятого отдела собралось...

— И что?

— Ирина Владимировна попросила кратенько рассказать, что там ломалось, Микулин сказал что клапана летели. А один из управления, вроде Сухов его фамилия, сказал, что просто сталь — говно и нужно какое-то натриевое охлаждение добавить. И по четыре клапана на цилиндр ставить. Потом предложил Микулину к нему с чертежами заехать, они мол вместе покумекают и за неделю-другую мотор доведут.

— За неделю?!

— Да. Еще и извинялся, что завод у него экспериментальный, быстрее сделать не смогут.

— Интересно.

— Это еще не интересно. Микулин через две недели привез сразу четыре новеньких мотора в Москву, их уже испытали и сейчас готовят для передачи производства в Рыбинск. Причем эти спецы из Девятого управления что-то сами пересчитали, и мотор стал на сто двадцать килограммов легче исходного изделия! И они отработали в НАМИ на стенде по четыреста часов! Там они, правда, какие-то хитрые сплавы использовали, но сказали, что Рыбинску они эти сплавы предоставят. А клапана хитрые для мотора, как Сухов сказал, пока в Боровичах будут делать. То есть сделают на тысячу первых моторов, а потом пусть в Рыбинске сами производство налаживают...

— Да, это действительно... интересно.

— А Архангельский рапорт написал с просьбой перевести его в Боровичи...

— Думаете его отпустить? А что по этому поводу думает Андрей Николаевич? О том, что его первый зам уходит собрался?

— Скоростной бомбардировщик, который летает быстрее любого истребителя, нам нужен. А у Лукьяновой он его за год построит, так что мне мнение Туполева безразлично. Пусть Андрей Николаевич, как Ирина Владимировна говорит, сам что-то спроектирует. Он в принципе может, но зазнался и обленился — это я её слова передаю.

— Хорошо, мы пока согласимся с предложениями Девятого управления... А если у них что-то не выйдет... посмотрим.

— Ир, я, конечно, твою идею насчет авиационных КБ полностью поддерживаю, — начала Оля, когда пилотируемый Ирой самолет оторвался от взлетки Московского аэродрома, — конструкторов ты подобрала перспективных. Но остается вопрос: когда они под твоим руководством...

— Каким руководством? Разве что под присмотром...

— Да мне без разницы. Вот когда они обещанные самолеты спроектируют, то кто их выпускать-то будет? И где? Ведь судя по тому, что ты уже сотворить успела, нынешние авиазаводы сейчас такие машины вряд ли сумеют даже покрасить качественно.

— Я об этом тоже подумала. И решила, что нужно будет каждому из них выстроить по новому авиазаводу, как раз под эти самолеты и заточенные изначально.

— Просто блестящая идея! А на какие шиши четыре новых завода строить, ты не подумала?

— И об этом подумала... а что, Петруха тебе не доложил?

— О чём?

— О нашем новом предприятии в Швеции. Там уже человек двадцать работает, а всего будет, уже в апреле, правда в конце апреля, работать человек шестьдесят. Или даже семьдесят. И вот с выручки этой фабрики мы авиазаводы и выстроим.

— Что за фабрика?

— На самом деле это просто сборочный цех небольшой, тарное производство, на котором ящики деревянные собирают...

— Ты хочешь авиазавод выстроить на выручку с деревянной тары?

— Нет, ящики там делают чтобы основную продукцию упаковывать. А делать фабрика будет — то есть собирать из поставленных со второго экспериментального блоков — электрофоны. Ребятишки на нашей фабрике уже две неплохих модели придумали: хреновенький, который пойдет рублей по пятьдесят золотых, и получше — его будем толкать уже по паре сотен. Причем по паре сотен долларов.

— А покупатели об этих чудесах уже знают? Много ли найдется богатеньких буратин, желающих срочно нас осчастливить зарубежной копеечкой?

— Да овердофига найдется. Петруха, а точнее этот швед, который номинальный владелец фабрики, на открытии фирменного магазина в Стокгольме выставил двести штук дешевеньких и два десятка дорогих — и шведы всё раскупили за день! Ну, он запись организовал, причем не бесплатную — очередь на хреновый стоит двадцать крон, а на дорогой уже сто, и сейчас у него заказов на почти три тысячи девайсов. Это на третий день после открытия...

— Замечательно! А какова прибыль с одного девайса? Скажем, с дешевого?

— Я думаю, что рублей десять. И с дешевого, и с дорогого.

— И ты всерьез думаешь, что на эти гроши выстроишь четыре авиазавода? Да там и на вывеску нормальную на ворота...

— Оля, я, конечно, похожа на дуру, но арифметику еще не забыла. И прекрасно

понимаю, что буржуи года за три-четыре сами наладят массовый выпуск электрофонов, причем еще дешевле наших. Но вот выпуск виниловых дисков им еще лет десять не наладить, а у нас себестоимость одного диска, продаваемого по десять крон, составляет меньше тридцати копеек, спасибо Ане. Электрофоны в драку-то разбирали не как шедевры деревянного зодчества, а когда услышали, как один диск почти полчаса играет. И как играет...

— Тогда понятно. А что на пластинках выпускать будем?

— Я пока примерно половину своей коллекции с компа на диски переписала, в основном классику. Ты знаешь, по сравнению с исполнителями нынешними записи двадцать первого века вообще сказочно звучат, а когда начнем и музыку нашу тиражировать...

— Какую «нашу»?

— Оль, попаданцы же должны, просто обязаны потырить то, что еще не написали — иначе зачем вообще попадать?

— А что будешь писать в графе «композитор»?

— Хех... то же, что и в титрах «Мстителей». Могу я и себе кусочек мировой славы отъесть?

— Кинорежиссер, авиаконструктор, архитектор, кутюрье... теперь еще и композитор... знаешь, а тебе идет!

— Я тоже так думаю, — усмехнулась Ира, сделав максимально серьезное выражение лица. — Так что и «АББА» нам денежку на авиазаводы обеспечит, и я всемирно прославлюсь.

— АББА? Ты их песни тырить собралась?

— Нет, это шведская фирма грамзаписи так называется. Аббревиатура от «Альварес и Бьорк», и в логотипе вторая «Б» отзеркалена, как бы намекая на то, что диски двусторонние. Что? У них же все фирмы так называются, СААБ та же, АББ... неважно, она уже Петрухой зарегистрирована и переделывать не будем. Некогда переделывать, нужно срочно прибыли считать и славой наслаждаться...

Неважно, какого цвета кошка

Десятого марта Иосиф Виссарионович заехал в гости к Станиславу Густавовичу, одному из двух «спецов», которые он полностью доверял. Заехал не просто так, а чтобы кое-что прояснить для себя:

— Станислав, Менжинский говорит, что Особое Девятое управление учредил Феликс где-то за неделю до смерти, и сам наш главный ОГПУшник не знает, откуда Феликс набирал туда людей. Однако то, что они уже сделали... Ты знаешь, что бельгийцы согласились продать нам четыре расточных станка на сто восемьдесят пять сантиметров?

— Слышал.

— Они сначала наотрез отказались, а потом вдруг взяли — и согласились, причем даже скидку небольшую от каталожной цены предложили. Мы еще долго думали, в чем подвох.

— А в чём?

— А ни в чём! Просто Анна Федоровна из Девятого управления им сообщила, что в отсутствие этих станков она не сможет больше поставлять в Бельгию какой-то препарат. И этого оказалось достаточно! Дипломаты наши, торговцы — все они ничего сделать не могли, а эта баба...

— Анна Федоровна — не баба, она первый помощник начальника Девятого управления. А тем, что она поставляет в том числе и за границу, кого угодно шантажировать можно: её препараты излечивают большую часть болезней, еще пять лет назад считавшихся неизлечимыми. Прошлой осенью она передала Семашко лекарство от малярии, вроде бы на испытания.

— Что значит «вроде бы»?

— А к нему — подробнейшая инструкция о дозировках, противопоказаниях, о несовместимости с кучей других лекарств... в том числе и с теми, которые она только собирается делать! То есть они это лекарство уже не просто испытали, а... я даже не знаю, они просто абсолютно точно знали, как его применять и каков будет результат. И так практически по всем её препаратам. Жить-то даже самые закоренелые буржуи хотят, и как тут откажешь в просьбе молодой симпатичной дамы?

— Это интересно конечно. А что ты думаешь о позавчерашнем совещании? Я связался с Колотиловым, так оказывается, что в Ивановском промышленном Обкоме вообще ничего не слышали о новом тракторном заводе! А эта... дамочка говорит, что через неделю завод заработает!

— Ничего не слышал? Ну это-то понятно. Как там... потому что всё, что делается в Девятом управлении, делается совершенно секретно. Если Ольга Дмитриевна сказала, что завод заработает шестнадцатого марта, то он заработает шестнадцатого марта. И выпустит именно пятнадцать тракторов, а потом и дальше будет выпускать по пятнадцать штук в день. Но хочу тебя предупредить: выпускать он будет именно по пятнадцать штук, не по шестнадцать даже, и спорить с ней абсолютно бесполезно. Я не знаю, как она считает свои планы, но у неё эти планы просчитаны с максимальной точностью. Их перевыполнить просто невозможно, а за недовыполнение... у них не бывает такого в принципе. Я вчера попросил кое-что уточнить, так в воскресенье, пятнадцатого, там будет запущена электростанция, которая обеспечит энергией завод и жилой городок, а сам завод заработает в понедельник, причем сразу на полную мощность.

— А про самолеты ты что думаешь, и про алюминий?

— Я думаю, что раз они так хотят, то нужно дать им всё и просто подождать результат. Положительный результат, в четко указанные сроки. Единственное, что меня немного смущает, так это передача им в полное управление Тихвинского района...

— Мы о таком вроде не говорили.

— Я вчера с Ольгой Дмитриевной говорил, и сам ей это предложил.

— А почему тогда тебя это смущает?

— Потому что в её планах этого не было. Но как я подсчитал, такая передача — а это почти шестьдесят тысяч населения — даст им новые рабочие руки, хотя бы для постройки глиноземного завода и, скорее всего, там появятся новые производства. И нам такая передача будет крайне выгодна, поскольку своих идей по поводу этих рабочих рук у нас нет — но я опасаясь, что Ольга Дмитриевна не согласится, вот и сижу, придумываю как ее на это дело подвигнуть. И если получится, то... По крайней мере, если судить по Боровичам, они там создадут, как Ольга Дмитриевна называет, территориально-производственный кластер. То есть множество предприятий, которые будут использовать местные ресурсы, обеспечивать друг друга сырьем и полуфабрикатами и обеспечиваться местными источниками энергии. А про энергию ты лучше с Глебом поговори, он сам от Боровичского района пришел в безумный восторг.

— В восторг? И отчего?

— Там есть от чего. На Мсте Управление — исключительно «для внутренних нужд» — выстроило гидростанций девять штук, считай в тайне выстроило, общей мощностью почти что в двести мегаватт — то есть, считай, три Волховских станции, и все это тихо, спокойно, без суеты и восторженных замечок в газетах. Просто, по-деловому... еще у них тепловые станции, причем в качестве отхода производства серной кислоты, где-то около двадцати мегаватт обеспечивают.

— Интересные у них отходы... и откуда они генераторы для этих станций взяли? Вроде внешнеторговцы ничего подобного не сообщали.

— Они сами себе и генераторы сделали, и турбины. Между прочим, они серийно выпускают небольшие ГЭС, которые в любом колхозе поставить можно, на любом почти ручье, и делают их на общую мощность почти на триста пятьдесят мегаватт в год. Это же больше, чем у нас в этой пятилетке запланировано — и они их делают «из своих средств»! А они еще строят новую электростанцию, которая будет работать на дровах, точнее, на переработанном лесном мусоре. И вот тут, я надеюсь, им Тихвинский район очень пригодится, ведь для этой станции мощностью в шестьдесят мегаватт им потребуется почти что триста тысяч тонн этого мусора в год.

— Они что, все леса в районе вырубить собрались?

— Я тоже так сначала подумал. А потом Ольга Дмитриевна принесла мне статистику по новгородским лесам, и получается, что ежегодный прирост некондиционной древесины, включая отпад, сучья и кору, которые как раз в мусор и идут, составляет порядка двенадцати тонн в год на гектар. А с деловых вырубок чистого мусора, после выделки из деловой древесины всего полезного, получается больше пяти тонн с гектара леса. То есть им для работы этой электростанции нужно просто чистить от мусора двадцать пять тысяч гектаров. Не вырубать, а от мусора чистить! А если еще и отходы деловой древесины использовать...

— Это же сколько потребуется людей... и лошадей для вывоза всего этого из леса!

— Много. Но я уже про лишние рабочие руки сказал, а еще это дополнительный

заработок колхозникам зимой, да и они какую-то технику для такой работы разрабатывают. Разработают, внедрят, наладят массовое производство. Ты представляешь, какой это даст экономический эффект по всей стране!

— Тебя послушать — так всем работникам этого управления нужно по ордену Ленина выдать...

— Этого мало будет.

— Почему?

— А ты знаешь, что курируемые девятым управлением колхозы на Псковщине в прошлом году собрали почти четыре миллиона тонн картошки? Ну, не только на Псковщине, но в основном там?

— И куда они её дели? Сами съели?

— Почти половину они уже переработали, там это управление несколько заводов выстроила по изготовлению картофельной муки и какого-то другого продукта вроде консервов. Миллион с чем-то тонн картошки продали в другие области, двести тысяч тонн только в Ленинград поставили, в Москву чуть больше ста тысяч, а остальное все еще хранится для переработки. Вроде собираются к следующему урожаю всю эту картошку переработать...

— А тебе не кажется, что кто-то водит тебя за нос? Ну куда, например, они собираются девать эту картофельную муку? Сколько её в результате получится? И вообще, там полей-то достаточно, чтобы столько вырастить? И кто её хотя бы выкопал?

— Они практически все поля под картошку определили. А урожаи у них — правда, они особо говорят, что год удачный вышел, еще раз столько уже не получится — больше двадцати тонн с гектара получались! Ольга Дмитриевна сказала, что Лорху, который этот сорт картошки вывел, нужно памятник при жизни поставить, причем в натуральный рост и из литого золота.

— Если ты не напугал, то памятник — не памятник, а орден он точно заслужил.

— Согласен, а насчет кто выкопал — так они же и специальную машину придумали! Цепляется к их трактору и копает, от земли картошку отделяет и складывает. Хочешь — в грядку складывает, а хочешь — прямо в телегу ссыпает. Или в прицеп тракторный.

— Вот теперь ты точно врешь: завод-то у них, по твоим словам, только через неделю заработает!

— Владимирский завод. Куда они просто перенесли производство со своего завода экспериментального, где эти трактора они уже два года делали по десять-двенадцать штук в день!

— Два года? И где эти трактора...

— Они в так называемые курируемые колхозы их направляли. Как раз на Псковщину в основном. Потому что, говорят, земли там бедные, хлеб растить особо и смысла нет, крестьянин пользы в колхозе без техники не видит — а вот с техникой да! Сам смотри: с гектара двадцать тонн, треть забирает себе управление как плату за работу тракторов, мужикам остается почти четырнадцать тонн. По цене обязательной госзакупки в пятнадцать рублей за тонну сколько мужик с гектара заработает? А ведь он в госзакупку меньше половины отдает, а на рынке-то картошка почему?

— Кулаков растим?

— Один мужик за год в зарплату денег получит с картошки, выросшей на одном гектаре. Это выходит в полтора-два раза меньше, чем у чернорабочего на заводе. А еще с

пяти гектаров выручка пойдет на постройку сельской электростанции, клуба деревенского, коровника колхозного, дома нормального... Плюс еда своя — да за такие доходы любой мужик в колхоз сломя голову бросится! В конце-то концов, мы же за его, мужика, счастливую жизнь и боремся, так? А в результате мы не только картошки получили немеряно, так еще на Псковщине почти все крестьяне в колхозы уже записались...

— Так... а сколько, говоришь, в этом году урожаем у них будет?

— Я ничего не говорю. А Ольга Дмитриевна сказала — и это я просто её цитирую — что если никто грязными лапами не потянется к владимирским тракторам, то в этом году курируемые ими колхозы на Псковщине дадут примерно сто-сто двадцать тысяч тонн...

— Что-то разница большая.

— Потому что полям отдохнуть нужно, картошку на одном поле раньше чем через пять лет сажать нельзя. Зато в Белоруссии она пообещала собрать что-то около пяти миллионов тонн. Правда, при одном условии...

— И каком же?

— Надо объявить, что закупочную цену у частника мы определим в этом году в три копейки за килограмм. И объявить об этом не позднее середины апреля.

— Тридцать рублей за тонну... пять миллионов тонн...

— Ольга Дмитриевна сказала, что понадобится не сто пятьдесят, а максимум тридцать миллионов рублей, так как государство эту картошку перевезет куда надо и тут же продаст уже по шесть копеек. У меня и графики перевозок все составлены. И еще сказала, что если у страны с деньгами будет полная жопа — это она так сказала — то она денежки найдет, но тогда и доходы с продажи картошки себе заберет.

— Жадная какая! А откуда у нее сколько денег?

— Ты Феликса помнишь?

— Забудешь его!

— Я тут с товарищем Климовым говорил, и он мимоходом так намекнул, что семьдесят миллионов долларов с его счета он уже снял.

— С чьего счета?

— А еще он сказал, что он все счета... Иосиф, это он сказал, не я — так вот, почти все счета верных ленинцев он обнулil и я, если вдруг срочно что-то потребуются, могу к нему обратиться. На сумму около полумиллиарда долларов...

— Ох и не...

— Вот именно. Правда он особо предупредил, что денег не даст, а сам закупит все, что мы попросим — просто потому, что по его мнению наши торговцы минимум четверть денег украдут. И я проверял: себе они в Девятом управлении на самом деле станки всякие за границей на четверть дешевле, чем наши торгаша, покупают... Но не забудь: всё, что делается в Девятом управлении, делается совершенно секретно. О деньгах знаю я, теперь знаешь и ты, и мне кажется, что этого достаточно. И да, еще он сказал, что если деньги потребуются не срочно, то сумма может и утроиться...

— Мне все же кое-что непонятно. Менжинский сказал, что они массово забирают к себе бывших дворян, царских офицеров...

— Ольга Дмитриевна говорит, что ей неважно, какого цвета кошка, для неё важно, чтобы кошка ловила мышей.

— Причём здесь кошки?

— Я тебе могу составить список на несколько десятков страниц из того, что стране

очень полезного сделали эти дворяне и офицеры. И Глеб может составить списочек не меньший. Одних только электростанций они изготовили почти треть по общей мощности из того, что в планах пятилетки намечено было, причем всего за три года изготовили, про картошку я уже сказал, и про лекарства тоже. Сейчас половину строек металлургических заводов именно Боровичи обеспечивают огнеупорами, сокращая необходимость закупок по этой статье за границей втрое — и практически всё из перечисленного делается, точнее управляется этими самыми дворянами и офицерами. Хотя и непосредственно делается тоже. Может, нам стоит забыть, что они были дворянами и офицерами, и рассматривать лишь наносимую ими Советскому Союзу пользу?

— Наносимую пользу?

— Извини, это я у них набрался... звучит забавно, вот и прилипло выраженьице.

— Действительно забавно, но по сути-то верно. А как с ценами на картошку...

— Ольга Дмитриевна предупредила, что из ожидаемых пяти миллионов тонн три с половиной вырастят мужики на приусадебных участках, но вырастят если сочтут это выгодным, а для этого и цену надо объявить заранее. Они мужикам какой-то новый сорт собираются выдать для посадки, у которого урожаи будут до тридцати тонн с гектара. В прошлом году они его как раз на Псковщине испытывали...

— А почему в колхозах этим сортом поля не засеяли?

— По её словам он не годится для машинной уборки. То есть если машинами его собирать, то картошка побьется и быстро гнить начнет, так что в поля — только Лорх. А огороды частнику они тоже тракторами распашут... поэтому я считаю, что владимирские трактора у Девятого управления забирать нельзя: эти ребята считать умеют куда как лучше, чем мы вместе со всем нашим Госпланом, да и трактористы в Управлении уже обученные есть, так что у них эти трактора пользы принесут куда как больше.

— Мне тем более непонятно: как Феликс мог учредить это управление? Это столь же вероятно, как если бы он подписал себе расстрельный приговор...

— К сожалению, выкопать его и допросить мы уже не можем, да, в принципе, это и неважно. Учредил — и учредил, а мы просто будем пользоваться этим его наследством.

— А как пользоваться-то, если мы не знаем, чем они там занимаются и что получится в результате? Они же не говорят...

— Да, зато они делают. И они говорят что получается. И когда получается, а то, что они не говорят о том, что не получается — это неважно. Пока неважно, тем более что они все что делают, делают... как там Ольга Дмитриевна говорила, «своими силами»?

— Ну ладно, соглашусь с тобой. Тоже «пока», но за результатами их работы будем следить очень пристально. И если что-то будет не так...

Сергей Васильевич Сенявин еще полтора года назад считал свою жизнь законченной и единственное, что удерживало его от греха самоубийства, было осознание того, что дочь, после неминуемой смерти Зои — супруги Сергея Васильевича — в одиночку просто не выживет. Однако именно тогда его посетил старый сослуживец, уже год как вернувшийся в Россию, и предложил, как он высказался, «одержать победу над судьбой». Сначала — излечить Зою от туберкулеза с помощью новейшего советского лекарства, а затем — после трехмесячного обучения где-то в России — вообще перебраться на другой конец света. В очень неплохой должности с приличной зарплатой и с огромными перспективами.

Привезенный старым приятелем препарат буквально вернул Зою к жизни (хотя тот и предупредил, что одного флакона для полного излечения категорически не хватит и

лекарство придется принимать еще несколько месяцев), так что полковник (бывший полковник) «в качестве платы за лекарство» поехал в большевистскую Россию. Но там — по крайней мере в военном городке, где его «обучали» — он собственно с большевизмом и не встретился. Ну да, офицеры ходили в непривычной форме, но не боялись называть себя именно офицерами (хотя не «господами», а все же «товарищами»), гордо носили царские ордена.

А вот обучали Сергея Васильевича «странному»: в основном — испанскому языку, причем не просто испанскому, а особому «аргентинскому диалекту». Что было в общем понятно, ведь дальнейшая его работа и планировалась почему-то именно в Аргентине. А почему там — это Сергей Васильевич понял, уже добравшись до Буэнос-Айреса: там было много мяса. Очень много, настолько много, что аргентинцы даже правительства иногда свергали, если эти правительства плохо заботились о его продаже за границу.

А теперь об этом заботиться предстояло уже Сергею Васильевичу, назначенному директором новенькой фабрики. Американцы (почему именно американцы, Сергей Васильевич спрашивать не стал) выстроили большую консервную фабрику. То есть фабрика делала консервы и всё, что для их приготовления нужно, включая большие, даже скорее огромные консервные банки. Только банки почему-то делались алюминиевые, и алюминий на фабрику тоже из Америки привозился. На фабрике он плавился, из него делались листы, из листов выделывались сами банки и крышки к ним (а каучук, нужный для закрывания банок, использовался уже местный). Затем банки (и крышки) покрывались изнутри каким-то специальным лаком (привозимым, как понял новый директор, из России, хотя никто ему это не говорил и по документам груз шел откуда-то «из Европы»), в банки распихивалось разделанное мясо, они закрывались крышками и почти готовый продукт отправлялся на несколько часов в автоклавы. Все просто — если не учитывать того, что ежедневно фабрика потребляла одного алюминия десять тонн...

Чтобы фабрика, разместившаяся на окраине города Росарио, могла работать, была выстроена «собственная» электростанция, уголь для которой тоже возился из США, и собственная скотобойня, с которой в цеха ежедневно доставлялось по пятьсот тонн мяса. Ну а чтобы «продукт не пропал зря», рядом были выстроены завод по выделке кожи и «фабрика по приготовлению кормов для животных», делающая какие-то сушеные продукты из мясных отходов. Этими предприятиями руководили тоже бывшие русские офицеры — да и вообще все, даже мелкие, руководители этого «мясного комплекса» были таковыми, ну а Сергею Васильевичу предназначалась роль еще и координатора всей этой промышленной структуры.

Вообще в огромном городе чуть ли не половина населения были «свежими» иммигрантами из Европы, так что найти русскоязычный персонал для всех этих фабрик особого труда не представляло. И немецкоязычного — тоже: германская компания «Линде» строила еще и огромную морозильную фабрику. С хранилищем-морозилкой на двадцать восемь тысяч тонн мяса, но вот кто всё это оплачивает, ни Сергею Васильевичу, ни его многочисленным коллегам догадаться так и не удалось. Ведь понятно, что Советы за всё это платить не могут, у них на их «индустриализацию» денег не хватает и они продают даже хлеб, которого оставшимся в России людям недостаточно...

Когда первое судно с аргентинскими консервами прибыло в Усть-Лугу, даже Олю это несколько удивило:

— Признавайся, Петруха — это твоя идея тушенку в алюминиевые баки пихать?

— Моя, — гордо ответил Петя, — мне еще Аня специальный лак для банок делает.

— Ну ладно, лишний алюминий стране не помешает... а кто за всё это платит?

— Оль, ты не поверишь: сам Иудушка Троцкий таким образом печется о счастье трудового народа!

— Поясни.

— А чего непонятного-то? Я, конечно, понимаю: оставить его семью без средств к существованию несколько жестоко, но... Яков Ганецкий не для себя же только воровал, он на всю эту братию работал. Ну а когда Гуля помогла мне с ним побеседовать со своим скополамином, я у Иудушки денежку-то и потырил. Насколько я помню, Иосиф Виссарионович до этого загашника добраться не сумел, так что его использовать мы можем без риска индустриализацию обездолить.

— А на дорогу, вымощенную желтым кирпичом...

— На дорогу у нас отдельная копеечка заныкана, причем с большим запасом. С очень большим, лично я собираюсь ни кирпичика врагам не оставить!

— Ну тогда ладно. А почему у нас тушенка получается?

— Бак на полцентнера мяса весит три с небольшим килограмма. Даже с учетом закупки белой жести у американцев у нас одна банка на полкило обходится в двадцать два цента, американских цента. Это если с доставкой считать и с переупаковкой. Но даже если мясо мороженое возить, то сильно дешевле не получится: рефрижераторы дорогие, и если амортизацию раскидать на десять лет, то есть на шестьдесят рейсов, то практически тож на тож и выйдет.

— Да знаю я, но рефрижераторы тоже нужны. Причем не для экономики, а для политики. Сколько немцы уже нам построили, пять?

— Да, и еще двенадцать американских сухогрузов в холодильники переделывают. Я специально выяснял, у немцев почти втрое дешевле получается. А что за политика?

— Да так... на восемнадцати морозилках мы можем из Аргентины притащить триста-триста пятьдесят тысяч тонн мороженого мяса в год, а это — столько, сколько они в Англию продают и за это готовы под англичан стелиться...

— И сколько мы готовы за это мясо платить?

— Мороженая туша в Росарио идет меньше семи центов за кило, по двенадцать продается мясо уже без костей, так что у нас только выручки с лекарств на всё это мясо три раза хватит. А нам Иосиф Виссарионович как раз Тихвин впиндюрил, я думаю, пусть там Линде выстроит нам заводик вагонов-рефрижераторов, мясо по стране разводить будем...

— Они вагоны не делают.

— Вагоны и русские инженеры сделают не хуже буржуинских, а вот холодильники...

— Кстати, о холодильниках... В Ленинграде только один холодильник, у Кирова дома стоит.

— Ты об этом только Ане не говори.

— А почему?

— А потому что она тебя тогда покусает. Ира же контракт с немцами подписала, на поставку пяти тысяч тонн флюорита в год...

— Я слышал.

— Так вот, у нее при извлечении из него скандия фтороводород прет нипадечки, и она предложила как раз фреон из него гнать. А девать-то его пока некуда! Вася, правда, мужиков посадил компрессоры для холодильников срочно изобретать и даже потихоньку

компрессорный завод строит, кстати как раз в Тихвине — но когда всё это будет готово, никто не знает.

— Даже ты не знаешь?

— Не знаю. Но предполагаю, что до осени следующего года... В общем, этой осенью начнем завод холодильников строить.

— У нас уже эти заводы ставить некуда!

— А мы его не у нас, а в Саратове поставим. Жена твоя говорит, что у нее «Саратов» до сих пор работает... в смысле, до нашего переноса дожил, так сделаем ей памятный подарок. Ты только ей раньше времени не проговорись...

— Не учи ученого! А раз уж про дорогу разговор зашел — так может пора?

— Не пора. Валерьян Алкашевич пока бельгийцев копеечкой поддерживает...

— Может и его...

— Успокойся ты! Он хотя бы считать не разучился, а немцы уже демпингом занялись, так что полная задница придет к королю Альберту ближе к следующему лету. И вот тогда...

— Как там все прошло? — спросил Валентин после того, как Петруха вернулся из Минска.

— Тихо. Спокойно. Пришли, увидели, победили. Перекурили, аккуратно все подмели, прибрались. Но мне интересно, как вы туда этого Пантелеймона-то запихнули?

— Ты не поверишь...

— Почему не поверю? Или с небес спустился ангел и наставил на путь истинный Кровавого Тирана?

— С ангелом оно бы поправдоподобнее было. Но случилось воистину невероятное: Светка твоя, никому ни слова не говоря, приехала в Москву, взяла Менжинского за хобот и привела в известный кабинет. А через час они обои два отудова вышли, и супруга твоя уже сжимала в потном кулачке нужное предписание. Пантелею этому повезло, что он железнодорожник, а Светлана особо давила на необходимость быстрого создания целой сети узкоколеек для вывоза урожая. Я потом с Рудольфычем пообщался, так он меня уверял, что супруга твоя Сталину просто рот открыть не давала, рассказывая, какой этот Пантелей весь из себя большевик и верный несун сталинских идей в массы.

— Учителя это умеют.

— Ну да. Короче стал Пантелеймон временно исполняющим обязанности Первого секретаря, причем под поручительство и в прямом подчинении товарища комиссара.

— Это как?

— А это так: теперь в Белоруссии жена твоя главная. Ну, до выяснения...

— Хрен там кто чего выяснит, Скорохватов таких орлов натренировал!

— Сложно было?

— Да чего там сложного-то? Это с Геем в том году сложно было... это фамилия, ты не подумай чего... но фамилии товарищ соответствовал на сто сорок шесть. А ему на смену укропитек заявился, с двумя жидобандерами в команде. Гей себя царьком чувствовал, следующая тройка тоже пановать приперлась, так что я просто в сторонке сидел и контролировал молодежь. А люди — хрен знает куда они делись. Никто ничего не видел, никто ничего никогда не найдет. Ну не будет же кто-то в кабаньем дерьме ковыряться! Одно плохо...

— Что?

— Что Светку туда назначили. Этот пи... Гей в плохом смысле там такого с колхозами

наворотил, что слово «колхозник» у белорусов стало хуже матерщины, а жидобандеры еще сильнее всё изговняли. Трудно ей будет.

— А кому сейчас легко? То есть, хочу сказать, ну мы же ей поможем, и весьма серьезно. Воропаев на всю свою автоколонну подготовил по четыре водилы на авто, и там одних автомехаников к Светке поедет под тысячу. Опять же, Олина идея с семенными хозяйствами уже массам энтузиазма добавила нипадецки, вдобавок народ своими собственными увидел, как слащевцы... в смысле Красная Армия защищает крестьянский интерес.

— Ага, два десятка семенных на всю Белоруссию.

— Ты, видать, опять все самое интересное пропустил: по распоряжению Оли на уборку семенного картофеля мужиков нанимали со всех окрестных деревень — и уже не только там, но по всей республике знают про урожай в четыреста центнеров. Но ты все же жену уйми... постарайся унять: Гуля сказала, что она вроде собирается закупочную на картошку еще повысить, а это — точно против политики партии.

— А мы-то тут причём?

— Вот и нужно, чтобы оставались ни причём. Впрочем, нужно этот вопрос сначала с Олей обкашлять: она лучше всех понимает про деньги и цены. А пока... завтра первые два эшелона с тракторами и грузовиками уже отправим, а всего туда за две недели шесть тысяч тракторов и грузовиков тысячи три уйдет. Еще ребята из Тимирязевки предложили мужикам к огородам торф подвозить в качестве удобрения, с картошкой его можно при окучивании добавлять чтобы урожай повысить — так что Воропаев грозитя к июлю дополнительно пару тысяч грузовиков прислать. А Викентий Станиславович с Аристархом Евгеньевичем наладили выпуск паровых стокиловаттников с дровяными котлами, мы их тоже в белорусские колхозы отгружать будем чтобы у мужика еще стимул околхозиться появился. В общем, справится Света. И даже не так: Пантелеймон справится при такой Светиной помощи.

— Ага, при руководящей и направляющей училке истории во главе этого бардака. А я присмотрю чтобы ей никто руководить и направлять не помешал.

— Ну чего ты дергаешься, на Псковщине у нас получилось — и тут получится. Все же мужики что там, что тут одинаково на вещи смотрят: народ у нас один, просто акцент немного разный. Однако друг друга мы прекрасно понимаем, даже переводчики не нужны...

Свой среди чужих

Архип Михайлович сильно удивился, когда получил предписание отправиться в командировку. То есть сам факт командировки его не очень удивил, хотя обычно рядового инженера со стройки завода в Москву вызывали не часто. А вот то, что командировали его в управление ВВС, было странно. Так же странным было и то, что принесший командировочное удостоверение начальник отдела ОГПУ при строительстве напутствовал его несколько нетрадиционно:

— Вас вызывают в Москву, срочно. Вот билет на ближайший поезд, я вас подвезу к вокзалу, иначе опоздаете. А там вас встретят...

— Кто встретит?

— Да не знаю я. Мне самому сказали, что встретят — и всё.

Поезд в Москву прибыл практически без опоздания. Архип Михайлович вышел на перрон и, крутя головой, медленно пошел по направлению к выходу: у вагона его никто не встретил, так может ждут у выхода? Но неожиданно над головой раздался громкий женский голос:

— Архипа Михайловича, прибывшего из Харькова, ожидают у касс дальнего следования. Архип Михайлович, где кассы, вы можете спросить у любого сотрудника вокзала или у любого милиционера, вас проводят.

— А интересно тут в Москве всё устроено, — подумал он, ведь в Харькове такого еще не придумали. — Интересно и умно, ведь так люди при случае и найти друг друга могут, если потеряются, — и, похоже, в этом не ошибся: тот же голос спустя минуту сообщил: — Девочка Валя Трушина, двенадцати лет, тебя ожидают родители у пригородных касс. Девочка Валя Трушина, попроси любого милиционера побыстрее проводить тебя к кассам, родители волнуются...

В указанном месте, которое Архип Михайлович нашел сам, поскольку везде по вокзалу были развешены указатели, его действительно ждал какой-то командир — летчик, судя по форме. С плакатиком в руках, на котором было написано одно слово «Люлька».

— Вы Архип Михайлович? — уточнил он, когда Люлька подошел к нему. — Командировочное с вами?

— Конечно, вот оно.

— Хорошо, идемте, вас уже ждут...

— Извините, а вы знаете, где тут можно остановиться? Я имею в виду гостиницу или общежитие?

— Там все сделают, не беспокойтесь.

«Там» — это оказалось в Московском аэровокзале, куда машина его доставила через полчаса. В аэровокзале сопровождающий «передал» его другому летчику, который привел его в большой зал:

— Я сейчас сообщу, что вы прибыли, так что придется немного подождать. Примерно с час, а пока можете позавтракать, в порядок себя привести. Вот там находится буфет для персонала, в нем все бесплатно, можете себе ни в чем не отказывать. Только на напитки не налегайте...

— Я, вообще-то не пью почти...

— А я имею в виду чай, соки... чтобы, когда время придет, вы спокойно выдержали без

посещения туалета час с лишним.

— Я выдержу...

— В общем, я предупредил.

Делать Архипу Михайловичу было нечего, и он с удовольствием разглядывал стоящие на поле машины. А минут через сорок — глядел на посадку очень интересного самолета. То есть самолеты-то он и раньше видел, но этот садился как-то необычно, и лишь когда он скрылся из виду, Архип Михайлович сообразил, что третье колесо у самолета было не сзади, а спереди. Задумавшись о том, зачем этот самолет был так сделан и какие могут быть у такой конструкции достоинства и недостатки, он не заметил, как нему подошел встретивший его здесь летчик в сопровождении молодой женщины в странном сиреновом брючном костюме:

— Ирина Владимировна, это и есть Архип Люлька.

— Так вот ты какой, северный олень! — как-то невпопад ответила Ирина Владимировна. — Ну, пошли, красавец!

— Куда?

— Со мной пошли, работу работать. Ты на самолетах раньше летал?

— Как-то не доводилось.

— Это не страшно. То есть что не летал, не страшно. Да и летать тоже не страшно, если, конечно, самолет сделан не из говна и палок.

Когда они подошли к самолету, Архип понял, что это именно та машина, посадку которой он видел. Действительно, странная машина, и дверь у неё открывается вниз, отчего она превращается в лесенку...

— Ну залезай, проходи вперед, занимай правое кресло.

— Тут какие-то коробки лежат...

— А ты еще вперёдее проходи, в пилотскую кабину.

— Я же не умею самолетом управлять!

— А тебя им управлять никто и не просит, вот только мест в салоне свободных нет, все стараются оказией воспользоваться и всякое барахло из Москвы так побыстрее доставить — Ирина Владимировна села в левое кресло, открыла окошко сбоку:

— Эй, на земле! Под винтом никого нет?

— Всё чисто, Ирина Владимировна! — донесся до Архипа ответ.

— Вот и хорошо, — тихонько пробурчала женщина себе под нос и нажала какую-то кнопку. Раздался громкий скрежет, быстро сменившийся на ровный гул мощного мотора. Она закрыла окошко, щелкнула каким-то тумблером и, не повышая голоса, сказала:

— Я «Гжель», разрешите взлёт!

— «Гжель», взлет разрешаю! — раздался удивительно чистый голос из динамика, расположенного над приборами. — Счастливого пути, Ирина Владимировна! — очевидно, что эту женщину-летчика специалисты аэровокзала хорошо знали.

Мотор загудел громче и самолет покатился по траве.

— Эй, на башне! Мне поперек курса никто не летит? А то, если будет как в прошлый раз, я вас наизнанку всех выверну!

— Обижаете, Ирина Владимировна, да и было это не в прошлый раз, а в прошлом году. Счастливо долететь!

Самолет развернулся, мотор уже не загудел, а буквально взревел и самолет, пробежав по травяному полю, вскоре поднялся в воздух. И поднимался всё выше и выше. Архип, которому

приятели из аэроклуба ХАИ про полеты много рассказывали, приготовился к тому, что будет закладывать уши, но почему-то ожидания его не оправдались — хотя было видно, что полет проходит уже очень высоко.

— А когда уши закладывать будет? — не удержался он от вопроса.

— А никогда, — ответила летчица, — Я терпеть ненавижу когда уши закладывает, поэтому сделала себе самолет с герметичным салоном. Вообще-то правильно было бы давление поменьше держать, примерно как на трех километрах — но мне так больше нравится. Мы же пойдем на эшелоне в пять тысяч метров, так что это нормально, а вот если бы пришлось подниматься километров на десять...

— Это какой же самолет на такую высоту подняться-то сможет?

— Этот сможет, но мне сейчас высоко лететь не нужно. Тут недалеко, пока поднимешься — уже спускаться надо... Как, нравится летать?

— Ну... наверное да. Тут так красиво!

— Когда погода хорошая, то красиво. Но главное — это быстро.

— Это точно, быстрее поезда... наверное. Сверху плохо скорость чувствуется.

— Это да. Но мы сейчас уже спускаться начнем, почти прилетели.

— А сколько времени прошло?

— Думаю, минут сорок, но нам еще минут десять лететь. А потом минут пятнадцать ехать, и хорошо, что не на лошади.

Почему-то Архип чувствовал себя спокойно, пока эта удивительная женщина сидела за штурвалом самолета, но когда она села за руль автомобиля, спокойствие куда-то делось и с аэродрома до красивого здания, куда машина доехала минут за десять, он провел вцепившись в сиденье руками. И даже, выходя из машины, забыл взять чемоданчик с вещами — благо Ирина Владимировна о них напомнила. А затем, предложив «пока оставить вещи в кабинете», привела его в довольно большой зал, где стояло что-то «непонятное с пропеллером».

— Вот, молодой человек, это то, чем вы будете заниматься всю оставшуюся жизнь. Ну, или не будете, спустив эту самую жизнь в унитаз.

— А что это?

— Это, извини за выражение, авиационный мотор. Но так как я ни разу не двигателю, этот кусок... металла работает от силы часа два. Твоя задача номер один — сделать так, чтобы он проработал хотя бы сто часов...

— Но я тоже не двигателю...

— Это ты так думаешь, но просто потому что многого еще не знаешь. А вот про турбины знаешь...

— Да, я изучал...

— Я знаю что ты изучал. Перед тобой жалкое подобие старого доброго... в общем, это турбовинтовой мотор, который по сути состоит из одного центробежного нагнетателя, который сам по себе есть своеобразная турбина, и двух турбин горячего контура. Откровенно говоря, он вообще сделан через задницу — то есть воздух засасывает сзади и горячий газ выплевывается спереди, но мне так показалось проще редуктор сделать и стартер поставить. А ты уже сам смотри...

— Я не уверен, что смогу вообще разобраться...

— Послушай, юноша, я за тебя поручилась перед самым товарищем Сталиным! Так что разобраться тебе придется. А еще придумать систему топливоподачи с простой

регулировкой тяги, предусмотреть механизм предотвращения раскрутки двигателя без нагрузки, еще там по мелочи кое-что: я тебе специально все в тетрадку записала, что сделать нужно. В две тетрадки... общих. Значит так: сейчас возвращаемся в мой кабинет, забираешь вещи, я тебе показываю твою квартиру... зайдём еще к коменданту познакомиться, потом с ним договоришься, чтобы он обеспечил мебель там, посуду, белье постельное и прочее всё...

— Зачем? Я же еще не согласился у вас работать.

— Дорогой мой Архип Михайлович! Вашего согласия никто вообще-то и не спрашивает. Просто довожу до вашего сведения: с сегодняшнего дня вы работаете начальником конструкторского бюро авиационных двигателей Особого Девятого управления ОГПУ. Кстати, имеете право ношения формы с двумя ромбами в петлицах, и, как равный по званию начальнику дивизии имеете право привлекать к работе любого гражданина Советского Союза, включая в том числе и равных вам по званию.

— А вы...

— А у меня три ромба, я примерно командир армии, так что меня вы уже к своей работе привлекать не можете.

— Понял... и когда мне необходимо доработать ваш двигатель?

— Тут нечего дорабатывать, это всего лишь макет-демонстратор принципа работы. Мотор придется именно разработать, а когда... когда сможешь. Но учти: всё, что у нас делается, является совершенно секретным. И за разглашение, даже за попытку разглашения у нас лишь одно наказание. Нельзя даже тематику работы разглашать.

— А как же тогда набирать сотрудников?

— А вот так: думаешь, какого рода специалисты тебе нужны, потом думаешь, где такие специалисты водятся. А потом — если ты на сто процентов не уверен в конкретном человеке — пишешь в отдел кадров Управления подробную заявку. Как её писать, тебе там объяснят и помогут всё правильно расписать, а потом подходящих — и тебе, и управлению подходящих специалистов тебе привезут. И напоследок еще пару слов. Первое: инструктаж по безопасности у тебя завтра с утра будет, но предупрежу заранее: вне пределов института, в смысле своего КБ, никаких разговоров о работе. Если кто-то будет о ней спрашивать, немедленно сообщай об этом... хотя бы мне. И второе: сотрудники нашего управления несут ответственность только и исключительно перед непосредственным начальством. То есть если тебя даже товарищ Менжинский лично будет, размахивая перед твоим носом наганом, о чем-то расспрашивать без моего ведома и прямого указания на вопросы отвечать, то ты не просто можешь, но и обязан будешь послать его в задницу. А еще... у нас принято вообще-то друг друга по именам и на «ты» называть. Так что привыкай...

Осень тридцать второго года еще не наступила, но у Иосифа Виссарионовича возникло острое желание поговорить со странной дамой, которой, судя по всему, Станислав Густавович не просто верил во всё, а даже поклонялся — как специалист перед специалистом более высокого уровня. И такое желание у него возникло после разговора со Струмилиным, в котором он как бы мимоходом сообщил, что Девятое управление предсказало размеры собранного урожая много точнее, чем Госстат и Госплан.

— Ну ты же сам говорил, что как-то умеют они очень точно всё рассчитывать, так чего же теперь-то удивляешься?

— А я не удивляюсь, мне просто страшно.

— Боишься, что тебя уволят и на твое место её возьмут?

— Я бы такому только обрадовался бы. Но она сказала, что в этом году у нас урожай

будет... катастрофическим.

— Что значит «катастрофическим»?

— Значит, что в стране может начаться голод, причем в основных производящих областях.

— И чем она такое предсказание свое объясняет?

— Говорит, что против нас будет работать три фактора...

— А без заумных слов можно?

— А просто промолчать и дослушать не можешь? Значит, три фактора. Первый: после форсированной коллективизации...

— Она что, против политики партии возражает?

— За заткнись ты уже... пока, дай договорить. В общем, народ очень много скотины забил и теперь в селе не хватает тягла. Поэтому часть полей не была засеяна, а те, что все-таки засеяны, изрядно засорены сорняками.

— Это почему? Я про сорняки...

— А потому что под зиму поля не пахали, ростки сорняков не уничтожили, и весной вспахали кое-как, а то и по стерне сеяли. Но это лишь один фактор, далеко не самый важный. Второй — это то, что из-за нехватки тягла и уборка будет проведена кое-как, по её подсчетам до трети урожая будет при уборке потеряно, если не больше

— Но с этим-то мы бороться можем!

— Не можем, потому что нечем нам бороться. В том году потери составили двадцать процентов, и мы ничего с этим поделать не могли. Она, конечно, расписала несколько способов потери урожая сократить, но, по её словам, это поможет сократить их процентов на десять — от общих потерь на десять. Причем даже пользы от такого сокращения будет очень немного.

— А вот это непонятно.

— Так я и рассказываю, чтобы понятно было! Слушай молча, и все поймешь. Из-за засоренности полей всякой дрянью очень большой процент полей будет поражен головней, уже поражен, я проверил выборочно — а вот такое зерно даже скотине на корм пускать нельзя будет. То есть формально урожай будет как бы и достаточный, а по факту хорошо если половину его можно в пищу употребить.

— И что ты предлагаешь делать? То есть что она предлагает делать? Ведь если её предсказание сбудется, то в стране действительно голод наступит.

— Хуже чем голод.

— Она пророчит крестьянские восстания?

— Нет, мор. У украинских мужиков национальная, говорит, идея: обворовать москалей. Так очень много колхозного зерна разворуют, попрячут по ямам...

— Пошлем чекистов воровство пресекать.

— Все равно разворуют, так как местные колхозные руководители — такие же украинские куркули, и они воров покрывать будут. Но страшно не воровство, а то, что они разворуют зараженное зерно. В ямах и схронах головня вообще всё перезаразит, а хохлы — они же жадные но тупые, они это зерно в водичке ополоснут и будут жрать. И травиться. Массово. Ольга Дмитриевна говорит, что против головни у них лекарств нет, так что вымрут миллионы...

— Миллионы, значит... То есть она предлагает свернуть индустриализацию и...

— Как раз напротив, она предлагает воспользоваться падением цен в Европе и

индустриализацию ускорить, покупая больше станков и оборудования.

— При том, что цены на зерно и так упали. И откуда мы тогда валюту возьмем чтобы станки по дешевке покупать?

— В планах у нас было произвести закупки на почти пятьсот миллионов золотых рублей, а она предлагает уже в этом году потратить вдвое больше. И я с ней в этом полностью согласен, больше того, я уже почти подготовил для неё список первоочередных закупок на четыреста миллионов. Не совсем первоочередных, она сказала, что цены резко упадут к ноябрю-декабрю...

— Ты думаешь, что у них действительно есть столько денег за рубежом?

— Уверен. А еще уверен, что цены на промышленную продукцию упадут еще больше если мы уже осенью прекратим поставки хлеба в Европу.

— Это почему?

— Мы продаем хлеб за гроши...

— Он столько и стоит, его все по таким ценам продают.

— Нет, мы продаем дешевле прочих потому что хотим получить хоть сколько-то для индустриализации, вдобавок и за кредиты десять процентов из выручки отдаем. Но если мы продавать зерно не будем, то — даже не учитывая того, что мы его для советских людей сэкономим — оно на мировых рынках подорожает, правителям в Европе потребуется гораздо больше денег для прокорма населения и они — ради получения дополнительных денег много и сразу — прижмут своих производителей, те будут продавать промпродукцию по самым минимальным ценам, лишь бы её купили. Нам это позволит потратить меньше на станки, а им — я имею в виду Девятое управление — заработать больше.

— А вот последнее предложение желательно пояснить.

— Они — то есть Девятое управление — уже скупил половину готовой к вывозу пшеницы в Аргентине. И если Советский Союз экспорт прекратит, они продадут её в Европу вдвое дороже. А это — очень приличные деньги...

— Скупил пшеницу? То есть у них действительно есть деньги, о которых мы не знаем...

— Мы знаем. Я знаю, ты: они же нам про это рассказали. А теперь говорят как эти деньги наилучшим образом потратить.

— Я знаю, как ты считаешь, то есть как точно ты считаешь. И я тебе верю. А раз ты уверен, что она считает много точнее тебя, то значит я должен и ей верить. Больше того, я уже всему тобой сказанному верю. Но вот как все это провести через ЦК...

— Ты еще больше в неё поверишь, когда узнаешь, что она предупредила меня, что ты именно этот вопрос и задашь. И дала на него ответ, правда который я не понял: она сказала, что если Валлах скоропостижно помрет, то Скрябин легко получит у буржуев льготный кредит с погашением поставками советских медикаментов, и она это гарантирует потому что в реальности она сама просто передаст нам наши же спасенные ими деньги. Причем сказала, что от внезапного тромбоза никто не застрахован...

— Значит Меер и Слава... ты с этой Ольгой Дмитриевной постоянно общаешься?

— Ну да...

— Мне с ней надо срочно поговорить. Срочно! Но без особого шума. Это можно устроить?

— Думаю да. По телефону...

— Нет!

— Опять ты перебиваешь! По телефону я с ней на эту тему говорить, конечно же, не буду, но вот слетать на консультацию в Боровичи мне же никто не запретит? Завтра вечером я скажу тебе когда. И где...

Десятого августа Иосиф Виссарионович пришел в «Октябрь» на премьеру нового фильма под названием «Свой среди чужих, чужой среди своих». У Иры на компе вообще-то с дюжину фильмов нашлось, так что ей было, из чего выбирать — но почему она выбрала этот очень неоднозначный фильм, никто так и не понял. Но фильм получился, правда не совсем получился так, как ожидала Ира. Все же разница менталитетов сказалась, причем не столько по сюжету, сколько по постановочной форме. И Сталину фильм не очень понравился — впрочем, он, по большому счету, вовсе не кино пришел смотреть.

Однако Ирину поздравить он зашел и честно сказал, что сам он от фильма не в восторге, но, судя по реакции в зале, детишки его будут смотреть с удовольствием. Оно и понятно: народ не избалованный, для него любая движущаяся картинка на грани чуда — а если картинка еще и цветная со стереозвуком...

В кабинете Ирины в кинотеатре кроме неё сидели и Оля с Петрухой. Сидели, слушали, что говорит Ирине Сталин, потом начали обсуждать реакцию зрителей...

— Извините, Ольга Дмитриевна, раз уж я здесь... Станислав Густавович мне передал кое-какие ваши замечания по поводу некоторых людей, и, если возможно, я бы хотел кое-что уточнить...

— Валлах работает на англичан, — ответила Сталину почему-то Ирина, — и у нас есть неопровержимые доказательства. Все, что знает этот подонок, знают и на Даунинг-стрит, причем часто узнают это раньше, чем в Кремле. Я бы эту мразь давно уже лично санировала, но мне Валя запретил... Извините, вы, наверное, наедине секретные вопросы обсудить хотите? Пойду поговорю со зрителями, вам пятнадцать минут пообщаться хватит? — и с этими словами она вышла, причем явно демонстрируя, что делает большое одолжение. Сталин вопросительно поглядел на Петруху, но Ольга, перехватив его взгляд, тут же сообщила Иосифу Виссарионовичу:

— А Петруха у нас будет как раз тем самым тромбозом, так что его присутствие не просто желательно, но и необходимо...

— А Валентин — это, как я понимаю, товарищ Сухов, ваш начальник. Могу я узнать, почему он на... премьеру фильма не приехал?

— Иосиф Виссарионович, Валя у нас формально начальник, а так он станками занимается, — сообщил Петр. — Проектирует их, руководит производством: тоже важная, очень важная работа, но далеко не главная. Точнее, не руководящая в общем смысле слова. А стратегией и тактикой у нас как раз Оля управляет, так что все, кто может ответить на ваши вопросы, здесь и собрались. Остальных-то зачем от работы отрывать?

— А Ирина Владимировна?

— У нее сегодня тоже важная работа: она ширмой работает. Кстати, очень симпатичной, яркой и броской ширмой, на вас тут вообще никто внимания не обратит...

Спустя двадцать минут Иосиф Виссарионович, садясь в автомобиль, подумал, что вероятно даже название только что просмотренного фильма эти люди из Девятого управления не просто так придумали. Впрочем, если они смогут сделать что пообещали, то... То смотреть за ними придется гораздо пристальнее. А вот кому это поручить, он пока еще не придумал.

А уже приехав в Кремль, Иосиф Виссарионович подумал, что самой удивительной и...

непонятной в этой компании является Ирина Владимировна. Фильмы снимает, которые давно уже стали самыми популярными в стране, еще и самолеты успеваает проектировать — да такие, что старые авиаконструктора от зависти локти себе кусают. Вон, месяц назад передала в Дуролюфт четыре новеньких машины, да таких, каких ни у кого в мире нет: из Москвы до Берлина без посадки перевозит четырнадцать пассажиров за пять с небольшим часов!

Кстати, права была Ирина Владимировна: рядом с её машиной самолет Туполева был полным... действительно, надо это убожество с производства снимать. Тем более, что и «Добролет» отказался от всех ранее сделанных заказов и просит новую машину Лукьяновой... Да и Баранов больше о туполевских машинах слышать не хочет. А вот интересно, они узнавали, сколько этот самолет стоит? Ведь Ольга Дмитриевна постоянно повторяла: хорошее не может быть дешевым. А самолет Лукьяновой был не просто хороший, а лучший! Правда о цене его Иосиф Виссарионович тоже забыл спросить...

Пантелеймон Кондратьевич к внезапному изменению своего статуса отнесся немного настороженно, но переживать из-за этого особо не стал. А вот из-за того, что с работой может не справиться, он переживал более чем сильно. Еще бы: вчера был студентом-недоучкой, а сегодня ему поручено управлять целой республикой!

Правда когда он попытался от поручения отказаться сославшись на молодость, приехавшая за ним в институт молодая женщина его довод просто высмеяла:

— Мы практически ровесники, а я уже седьмой год работаю комиссаром управления ОГПУ. Так что возраст — это не повод отлынивать от работы. Партия вам работу доверила — значит доверие нужно всего лишь оправдать!

И вот страх не оправдать доверие его поначалу преследовал. Но переживал он по этому поводу лишь пока до Минска не добрался. А вот когда добрался, то переживать перестал, и перестал потому, что просто впал в ступор, узнав, каково реальное положение дел в республике. Правда такая мелкая деталь, что два его предшественника, собственно республику до такого состояния и доведшие, бесследно пропали, его вообще не взволновала: очевидно же, что нахпали и за кордоном скрылись, не первый такой уже случай и, скорее всего, далеко не последний. А вот как теперь всё здесь разгребать...

Впрочем, некоторый опыт руководящей работы у него имелся, да и было, кому Пантелеймону помочь: поскольку назначили его лишь временно исполняющим обязанности, то ему назначили и куратора, причем от ОГПУ. И даже не от ОГПУ вообще, а от Особого Девятого управления, а про это управление слухов ходило немало. Причем сам Пантелеймон Кондратьевич еще в институте с сотрудниками этого управления успел познакомиться, хотя и вскользь: прошлой осенью приехал в институт какой-то уполномоченный Девятого управления, и все сотрудники (а так же многие студенты) срочно приступили к разработке электрического локомотива, причем работающего от сети в тридцать киловольт. И ребята, подключившиеся к работам по этой теме, особо отмечали, что сотрудники Управления внимательно следят за тем, чтобы все необходимое для работы в институте появлялось буквально по первому требованию...

В Минске его с предстоящей работой знакомила все та же сотрудница Девятого управления — встретившая его в институте молодая женщина, которую звали Светлана Юрьевна. И она не скрывала все трудности этой работы, но заодно делилась своими представлениями о том, как эту работу — очень сложную и ответственную — все же выполнить. И рассказывала, что Управление для решения предстоящих задач может ему дать

— а дать, как выяснилось, оно собиралось очень много. Много средств— и финансовых, и технических, но вот с людьми ему предстояло проблемы решать самому.

Ну, проблему новых кадров удалось решить довольно просто и быстро: он всего лишь предложил использовать давно знакомых (и хорошо себя в комсомольской работе проявивших) ребят из МИИТа и с Кубани — и в течение недели все (ну, почти все) им перечисленные оказались в Минске. А вот со «старыми кадрами» ситуация ему казалась аховой: большинство местных функционеров оказались потрясающе некомпетентными. Но и это было не столь страшно, как то, что «на местах» многие руководители заботились не столько о подведомственных структурах, сколько о собственном благополучии. Проще говоря, воровали все, до чего могли дотянуться и изо всех сил притесняли всех, кто старался им в этом помешать, а довольно часто — вообще таких отправляли под суд или даже уничтожали физически...

— Ну и чего вы ругаетесь, — поинтересовалась Светлана на очередном совещании, на котором «новые власти» жаловались друг другу (а, главным образом, все же комиссару Девятого управления) на действия местных отделений ОГПУ. — У вас что, кулаков нет?

— Кулаков в деревнях хватает...

— А я не про мужиков, а про кулаки, которыми руки заканчиваются. Вы здесь и сейчас — власть, вот власть свою и проявите. Откровенных бандитов расстреляйте, воров в лагеря отправьте. Или вы их боитесь?

— Гикало половину коммунистов из партии выгнал, оставил всякую мразь — и на кого нам на местах опираться?

— У вас есть большой выбор? На коммунистов и комсомольцев опирайтесь. Проведите повторную проверку всех протоколов по делам исключенных из партии, восстановите невиновных и накажите тех, кто их облыжно обвинил. Гоните в шею бездельников и дураков, замените их молодыми кадрами. Пересоздайте низовые ячейки с опорой на белорусскую молодежь, особо проследите, чтобы во всех парткомах и комитетах комсомола секретарями были исключительно белорусы, местные уроженцы! На них потом и опирайтесь!

— Так нас тут же обвинят...

— Вас — не обвинят. Вы все работаете исключительно в соответствии с моими указаниями и ответственность несете только передо мной. Вам приказ на бумаге нужен?

— Можно и без него, мы все поняли. А если чего не поняли, то позже спросим.

— Отлично. Вам два десятка автомобилей легковых передали, так что заканчивайте свои заседания заседать и все бегом по городам и селам внедрять политику партии. Да, через месяц в каждом районе будет пущена небольшая электростанция исключительно для электрификации деревень.

— Светлана Юрьевна, у нас не то что на все деревни, у нас и на самые крупные из сел меди не хватит провода протянуть.

— Ну да, конечно. А еще электрический железнодорожник! Для освещения даже на большую деревню десяти киловатт хватит. Если линия будет на десять киловольт, то хватит ли для электропровода стального троса в пять миллиметров? Трансформаторы вы получите... сколько-то. Так что, Пантелеймон Кондратьевич, тебе еще одно отдельное задание вырисовывается: продумать, где в республике лучше всего выстроить трансформаторный завод. А затем его быстренько выстроить и запустить. Список нужного оборудования и желаемые сроки поставки я жду через неделю. Вопросы с кадрами... в

самом крайнем случае постараемся помочь, но лучше будет если это вы сами решите. Да, самозванных инженеров с приходской школой за плечами все еще многовато, так что старайтесь брать тех, кого сами знаете или кого порекомендуют те, кому вы доверяете. Еще вопросы есть? Тогда все встали и пошли работать...

Деревянные качели, расписные карусели...

Господин Сенжье с некоторым удивлением смотрел на собеседника. Вероятно, не зря его предупреждали в банке, что «парень слегка ненормальный», но тем не менее очень просили быть с ним «повежливее». Почему просили, было совершенно понятно, ведь и Сосьете Женераль де Бельжик находилась далеко не в блестящем состоянии, да и Юнион Миньер переживала явно не лучшие времена. В особенности после того, как британцы отказались менять фунты на золото, и активы банка обесценились почти на треть, а спрос на различные металлы в Европе сократился больше чем наполовину. Вдобавок Советы практически полностью прекратили размещение промышленных заказов в Бельгии и почти миллиард франков, которые Бельгия уже практически считала своими, ушел в Германию. А этот американец с испанским именем, который держал в банке весьма немалые деньги, предлагал в принципе очень неплохую сделку. Далеко не на миллиард, но ведь он был готов платить деньги практически за мусор. И вопрос заключался лишь в том, сколько с него получится выдоить...

— Господин Сенжье, согласитесь: Олен завален вашим мусором, а я готов за довольно приличные деньги вас от него избавить. Двести долларов за тонну отходов — это ведь более чем достойная плата.

— Господин Альварес, а давайте мы не будете мучить мой слух и мы перейдем на английский, — Эдгар Сенжье даже поморщился, демонстрируя, насколько ему режет слух французский собеседника, мало что «украшенный» сильнейшим акцентом, так еще и по лексике более уместный в портовом кабаке нежели в элитном ресторане. — К тому же мы привыкли рассуждать о суммах, исчисляемых в фунтах, — продолжил он на превосходном «оксфордском» английском, — причем скорее в тысячах фунтов.

— Очень рад, что мы начали беседу с попытки найти общий язык, — ответил Альварес на французском, уже полностью лишенным даже намека на акцент, причем и лексика сменилась на более уместную для дипломатического приема в Версале века так восемнадцатого. — Всегда приятно общаться с человеком умным и... и умеющим слышать собеседника. Так давайте вернемся к предмету торга, и я предлагаю все же ваш родной французский, иначе некоторые тонкости мы можем интерпретировать по-разному. Итак, у вас есть куча отходов...

— Мы не считаем это отходами...

— Куча отходов, из которой вы за последние пять лет смогли продать что-то около полутора тонн.

— Но более чем по пять франков за килограмм!

— Отлично. И в следующие двести лет вы сможете заработать на этом миллиона полтора, а то и два! Два миллиона франков — это же куча денег, так?

— Но ваша цена... доллар сильно подешевел.

— Франк тоже, но вы в чем-то правы. Поэтому я предлагаю считать в «старых» долларах, причем я изначально платить собрался золотом.

— И сколько же вы хотите купить?

— Много, очень много. И если мы договоримся о цене в двести... ладно, чтобы было проще считать, в триста пятьдесят нынешних долларов за тонну...

— Это все равно втрое дешевле, чем мы продаем сейчас.

— А оптовая скидка?

— Об этом можно говорить после того, как мы поймем, какую партию вы готовы купить.

— Да все что у вас здесь есть, я имею в виду в Олене. По-хорошему, нам достаточно и двенадцать тысяч тонн, но если у вас есть больше...

— Сколько? Да зачем вам столько?

— Мсье Сенжье, вы знаете, что такое коммерческая тайна? Исключительно из уважения к вам, как к горному инженеру, я могу рассказать — но если эта информация станет доступна третьим сторонам...

— Считайте, что сейчас я представляю банк. Ваш, как я понимаю, банк.

— Ну хорошо. Вы знаете, моя компания продает много чего. Храбрость, любовь, преданность... Но за все время её существования еще никто не захотел приобрести у нас мозги.

— Это вы к чему?

— Вы же европеец, и вам будет трудно понять. Но янки — они просто обожают меряться... размером мужского достоинства, например. Одному такому мы выстроили в поместье тропинку из желтого кирпича — для того, чтобы его внуки почувствовали себя в сказке. Но пиписькомер стоит на столе в кабинете каждого американского банкира и промышленника, так что мы получили заказ на дорогу, вымощенную желтым кирпичом, длиной в двенадцать миль. Кирпич мы делаем с применением диураната аммония: так цвет получается достаточно яркий и стойкий. Некоторое время стойкий, но опять: никто не заказывает у нас мозги.

— Насчет мозгов вы верно заметили, но... у нас нет столько отработанного урана. В Олене наберется хорошо если пара тысяч тонн...

— Это несколько меняет дело. Но ведь вы руду откуда-то возите? Там разве не наберется еще десять тысяч тонн?

— Там осталась довольно бедная руда, её просто невыгодно перерабатывать.

— То есть у вас нет подходящих технологий?

— Есть. Однако спрос на радий упал практически до нуля...

— Это с одной стороны печально, но с другой... мы, мне кажется, в такой ситуации можем неплохо помочь друг другу. Про радий я не в курсе, но если вы продадите нам весь уран из Олена по триста пятьдесят долларов...

— По тысяче.

— Весь отработанный уран по пятьсот...

— По восемьсот, и ниже цену, скорее всего, правление даже рассматривать не захочет.

— По семьсот пятьдесят: мы в любом случае не будем строить дорогу себе в убыток. Но если вас это устроит, то мы готовы купить и исходную руду, и вот ее уже — в пересчете на уран — по тысяче...

— Основная проблема в том, что там уже не осталось богатой руды, а в отвалах урана не более десяти-двенадцати процентов...

— Значит, нам будет нужно сто тысяч тонн такой бедной руды, из которой еще придется добывать этот чертов уран... по пятьдесят долларов за тонну в порту Амстердама.

— По сто в порту в Анголе, вы же еще из неё сможете вытащить довольно много радия.

— Еще раз: мы не продаем радий. Мы даже не продаем уран, мы не продаем прочие забавные вещи. Мы торгуем радостью и понтами, причем торгуем ими все же чтобы

заработать.

— Я думаю, что ваше предложение правление Юнион Миньер обсудит уже до конца недели...

— Мсье Сенжье, давайте договоримся так: в понедельник мы встретимся здесь же, чтобы подписать контракт...

— Я не уверен, что мы успеем до понедельника.

— Или на этом наше общение заканчивается. Yellow Brick Road отвечает заказчикам в течение десяти дней и никогда не нарушает данной оферты. Нам выгоднее отказаться от заказа чем испачкать собственную репутацию. Надеюсь, что мои резоны вам понятны...

— В целом, я считаю, что контракт получилось заключить достаточно выгодный, — вкратце отчитался перед товарищами Петруха. — Тысяча девятьсот пятьдесят тонн окиси закиси урана по девятьсот тридцать долларов за тонну и двести пятьдесят тысяч тонн исходной руды по восемьдесят, причем если концентрация урана окажется меньше десяти процентов, то цена резко уменьшается, а объемы пропорционально возрастают, вдобавок цена руды уменьшается вдвое сильнее, чем увеличиваются её объемы. То есть им будет выгодно продавать нам руду с концентрацией не ниже двух с половиной процентов — но такую мы выгребем практически всю. Я купил для перевозки руды шесть довольно старых, но вполне еще приличных угольщиков, так что в принципе мы всю партию можем за полгода перевезти.

— И куда мы столько руды запихнем? Мы же просто не успеем столько переработать, — недовольным тоном, но с широкой улыбкой на лице поинтересовалась Аня.

— Они столько руды нам будут года четыре добывать, у них в Катанге просто столько вообще нет: из отвалов они что-то около двадцати тысяч тонн готовы сразу отгрузить. Так что времени на переработку у нас хватит.

— Это ты думаешь, что хватит, а на самом деле я с трудом представляю, как мы хотя бы с очищенной рудой справимся. Это же почти две тысячи тонн!

— Это не руда, а две тысячи тонн качественно очищенной от любых примесей окиси закиси урана, а как с ней работать, не мне тебе рассказывать.

— Всё это хорошо, а если кто-то заинтересуется, где это YBR дорогу строит — что ответим? — задала свой вопрос Света.

— Ответим, что конкретно в Техасе, на ранчо местного скотовода Даниеля. Мистер Даниель денег заработал много, а куда девать — не знает. Точнее, не знает куда девать, чтобы еще больше прибыли получать: мясо-то нынче недорогое, да и народ лишней копеечкой небогат, так что продажи у него практически на нуле. А на развлечения пипл копейку найдет, так что его идея вдохновила. Развлечения в тяжелую годину пользуются повышенным спросом...

— И сколько урана ты собираешься потратить на прикрытие нашей аферы?

— Свет, ты нас всех за идиотов, что ли, держишь? Кирпичи для Даниеля красят оловянно-титан-ванадиевым красителем, он и ярче, и не выцветает на воздухе. Да и задачи облучать американских бедняков у нас не стояло. Если спросят где дорога — мы покажем.

— А если спросят где уран?

— Свет, YBR продает сказки, а про уран вообще ничего не знает.

— А сухогрузы твои, то есть угольщики?

— Я... то есть Аня и Валера убеждены, что до тридцать восьмого года никого уран не заинтересует, а мы уже в тридцать шестом эти угольщики затопим где-нибудь в Атлантике,

дабы не фонили. Хотя есть шанс, что и послетридцать восьмого никто не спросит: мы в Европе почти все запасы урана подмели, и в Америке тоже — так что всяким там Энрикам Ферми и прочим Борам с Ганами будет трудновато материал для своих исследований изыскать.

— Ты уверен, что они не найдут пару грамм урана?

— Они и килограмм найдут, и несколько центнеров даже — а вот насобирать урана хотя бы для самого крошечного реактора у них уже не получится. И они будут это точно знать, так что стимулы копать дальше у них резко сократятся.

— Ага, — добавил Саша, — когда они спохватятся, то просто на налаживание добычи у них уйдет лет пять. А потом еще лет несколько уйдет на проработку технологий глубокой очистки выкопанного урана, ведь кроме бельгийцев этим сейчас никто и не занимается.

— Ясно, то есть почти сорок пять миллионов долларов мы не зря выкинули. Осталось только придумать как их снова заработать.

— Да чего там думать-то, всё уже придумано, — усмехнулась Гуля. — Судя по рассказам Оли, товарищ Сталин до сих пор пытается разобраться где именно мы его вокруг пальца обвели.

— А мы разве его обвели?

Иосиф Виссарионович почти каждый день вспоминал разговор с Ольгой Суворовой, просто потому вспоминал, что ему приходилось почти каждый день «выполнять намеченные ею планы». Неурожай, точнее сильнейший недобор этого урожая ставил вообще все намеченные партией планы на грань провала, так что бороться с грозящим голодом приходилось более чем всерьез. Но ведь и методы борьбы Ольга Дмитриевна тщательно спланировала, и ресурсами эту борьбу обеспечила. Вместе со своей наглой авиаторшей: ведь взбалмошная девица успела выстроить почти пятьдесят самолетов, на которых продукты разводились по стойбищам казахских скотоводов. Когда Иосиф Виссарионович увидел эту летающую этажерку впервые, он долго не мог поверить в то, что на ней в голую степь очень легко доставить почти две тонны продуктов. Однако еще дольше он не мог поверить в то, что эти продукты у Ольги Дмитриевны нашлись...

Одного мяса Девятое управление притащило из Аргентины больше ста пятидесяти тысяч тонн! Почему-то распиханное по пятидесятикилограммовым алюминиевым бакам, так что его приходилось на нескольких (новеньких, выстроенных опять-таки Девятым управлением) консервных заводах перефасовывать в банки по полкило весом. Жесть для банок они тоже из-за границы пока возили, но уже налаживали и свой завод по выпуску столь нужного стране полуфабриката — и обещали, что весной этот завод тоже заработает. Конечно, будут проблемы с оловом, но их-то, в принципе, теперь решить вполне возможно. Как и очень много прочих проблем.

Когда Иосиф Виссарионович поинтересовался, под каким соусом Молотов подаст «иностранный кредит» членам ЦК, Ольга Дмитриевна ответила просто:

— Под будущие поставки наших непродуктовых товаров. Тех же медикаментов, например.

— А чего еще? Медикаментов вы, насколько я знаю, поставляете на десятки миллионов, а речь идет о сотнях!

— Да много чего. Вот, например, уже в следующем году Истмен Кодак у нас закупит пленки сто миллионов метров.

— Да что вы говорите! Мы четвертый год завод в Переславле пытаемся запустить...

— Мы просто пленку им продадим, не фото- и кинопленку, а основу для них. Если вы не в курсе, то сообщаю: пленка, которую делаем мы, не горит и втрое прочнее целлулоидной.

— И вы думаете, что американцы не смогут её сами сделать?

— Думаю, что смогут. Более того, мы же диафильмы для детей на этой пленке сейчас и печатаем, так что буржуи наверняка уже образцы пленки получили и даже смогли её сами сделать.

— Так почему же вы уверены, что они будут пленку у вас покупать?

— Потому что пока мы не собираемся устраивать у них революцию, то буржуев волнует только вопрос получения прибыли. Мы им пленку собираемся продавать по цене всего лишь самую малость дороже целлулоидной, но минимум вчетверо дешевле, чем они сами ее могут сделать.

— То есть вы им собираетесь продавать нам в убыток?

— Нет конечно, мы минимум шестьдесят процентов чистой прибыли с этих продаж получим. Просто для того, чтобы этот материал делать так же дешево, как делаем мы, нужна соответствующая технология, базирующаяся на новейших материалах. В частности, для производства этой пленки нужно все химические реакторы или покрыть толстым слоем платины, или делать их из титана. И здесь главным является даже не то, что про последнее буржуи не знают и, надеюсь, узнают не скоро. Главное заключается в том, что кроме нас никто в мире не умеет делать чистый титан. И никто даже не догадывается, что этот титан в принципе возможно правильно обработать.

— Это почему?

— Потому что даже малейшие примеси, поступающие из титановой руды, делают титан хрупким и его становится невозможно ни ковать, ни прокатывать, ни даже сваривать. Так что лет на десять минимум Кодак обречена покупать пленку у нас. В следующем году сто миллионов метров, через год, думаю, уже триста, а там и германская Агфа подтянется. Да, французам мы пленку продавать ни под каким видом не будем...

— А почему вы так уверены, что они столько купят? Сейчас за границей серьезный кризис, многие компании просто разоряются...

— Мы уверены, что я назвала минимальные цифры. Голливуд называют «фабрикой грёз», а в кризис как раз грёзы получают максимальный спрос. Платежеспособный, так что наши оценки, основанные на текущих объемах производства, могут оказаться и сильно заниженными. И, хотя мы рассчитываем только за пленку получать чуть меньше тридцати миллионов долларов в год, вполне допускаю, что мы и пятьдесят в год получим. Допускаю, но расчеты все же свои базирую на выручке в тридцать, а если получим больше запланированного... вы, думаю, найдете, куда деньги эти с максимальной пользой для страны потратить. Так что обоснование такого кредита у Вячеслава Михайловича будет железное, и выгоды он сможет продемонстрировать не только финансовые, но и для отечественной промышленности.

— Ну, с кредитом какая-то ясность появилась, а вот с грядущим голодом что делать... посоветуете?

— С хохлами, думаю, особо ничего делать не нужно, — при этих словах Иосиф Виссарионович поморщился, но промолчал, — разве что им на треть госзакупки сократить. Для горожан у нас пять миллионов тонн картошки есть, даже больше, и приличные запасы картофельной муки. Опять же, мы в Аргентине еще и риса немало подкупили — так что

города будут сыты. А вот с казахами...

— А там что? То есть какие вы видите проблемы?

— Шая Голощёкин уничтожил там больше половины скота, и кочевым казахам становится просто нечего жрать. То есть не то, что они будут вымирать с голода, хотя и не без этого, но там чуть ли не половина покинет степи, разбежится в разные стороны. В русские области, где им реально будет очень голодно, или, что хуже, к уйгурам, причем туда по моим прикидкам, около миллиона человек откочует. Если ничего не делать, то откочует.

— А что вы предлагаете именно делать?

— Мы привезли немножко мяса в консервах. Надо всем казахам, испытывающим проблемы с продуктами, организовать бесплатную выдачу мяса и круп. Скажем, по полкило мясных консервов и по полкило риса в день на каждого человека.

— Сколько? Полкило мяса в день?

— Да, не меньше. Чтобы эти кочевники искренне поверили, что страна о них заботится и всячески помогает в тяжелую годину. У уйгуров я планирую еще скота немного купить, тысяч сто голов, а если получится, то и двести, и скот мы тоже кочевым казахам раздадим, как компенсацию за деяния голощекинцев. Уйгуры с удовольствием берут в оплату царское серебро, рубли и полтинники конечно.

— А где вы столько серебра царского нашли?

— Американское утаскиваем потихоньку, сами очищаем, переплавляем, чеканим...

— Фальшивомонетчествуете?

— Нет. Мы чеканим монеты точно такие же по весу, пробе, размеру и номиналу, но с эмблемой Девятого управления. И их уйгуры тоже уже принимают без проблем.

— И вы считаете, что ваши действия проблемы с казахами решат?

— Разве что частично, но хоть так. Еще хорошо бы в местной прессе всячески Голощёкина осудить, врагом народа обозвать и прихвостней его показательно наказать.

— Каких прихвостней?

— Да весь казахский крайком, по-хорошему их поголовно расстрелять надо.

— А по-плохому?

— По плохому... я, как человек не кровожадный, просто на кол бы всех посадила, на всеобщем казахском курултае или как там общее собрание всех племен называется. Но правильное было бы просто передать их старейшинам и пусть бы они весь крайком по степи конями размотали бы.

— А почему? Глядя на вас и не скажешь, что вы способны на подобные... жестокости. Тем более, по отношению к коммунистам. Или вы...

— Да какие они коммунисты? Жидва обнаглевшая, они же казахов вообще за людей не считают!

— А вы антисемитка?

— Отнюдь. Более того, убеждена, что среди евреев большинство — очень достойные люди. Тот же Лазарь Моисеевич — настоящий коммунист и великолепный организатор, или Станислав Адамович... да их миллионы! Но я четко различаю коммунистов и сионистов, которые евреев считают высшей расой, и вот в Казкрайкоме именно такие и собрались! Взять хотя бы чисто экономический фактор: они сгноили миллион тонн мяса, просто забивая скотину в степи чтобы, как они это оправдывали, разорить, уничтожить казахское кулачество. В результате обрекли на голод миллионы простых казахов, которые — если им срочно не оказать помощь — до конца дней своих будут проклинать Советскую власть.

— Но миллион человек, и вы предлагаете по полкило мяса в день...

— Два миллиона, а это всего тысяча тонн в сутки — но у нас только консервов сто пятьдесят тысяч тонн. Еще столько же мороженого мяса на складах и в пути.

— И где у вас морозильные склады?

— В сожалению, в основном в Аргентине, но мы только на своих судах можем возить по пятьдесят тысяч тонн в месяц... в два месяца. А можно ведь и иностранные рефрижераторы зафрахтовать, хотя это было бы не очень умно, ведь за полгода мы все наши запасы перевезем, а тут их хранить негде. А если возить понемногу, то мясо успеем упаковать по консервным банкам, если вы о том, как мясо возить в Казахскую республику.

— Ну ладно... а как столько продуктов... ведь там бескрайняя степь...

— Ира сделала несколько специальных самолетиков, к ноябрю обещает, что их уже полсотни будет. Дерьмовенькие самолетики, одноразовые, но за рейс пару тонн продуктов в степь перетащат. Еще потребуется сколько-то грузовиков выделить, гужевого транспорт. Поставить распределительные пункты, куда кочевники сами за продуктами приезжать будут — тут у меня всё расписано.

— Одноразовые самолеты? Это как?

— Не совсем одноразовые, но они хорошо если год прослужат. Но год точно послужат — а кочевники запомнят, что Родина всеми силами старается им помочь. Да, еще вот что: это, конечно, не обязательно, однако украинское руководство тоже надо в стойло поставить. И было бы неплохо за провалы в сельском хозяйстве не только им по башке надавать, но и ряд пострадавших областей обратно в РСФСР перевести. Нам будет проще там помощь населению оказывать: в Москве мы быстрее все нужные вопросы согласуем.

— Мы подумаем... но если в сельском хозяйстве всё так плохо... вы считаете, что курс на коллективизацию был ошибкой? Ведь в следующем году, если следовать вашей логике, все будет еще хуже?

— Не ошибается лишь тот, кто ничего не делает. Однако вы не столько ошиблись, сколько слегка поспешили. В этом году мужикам не хватило тягла, но в следующем, когда на поля выйдет уже сто тысяч новеньких тракторов, проблем с посевной и с уборкой будет гораздо меньше, и голода уже не будет. Это я практически могу гарантировать...

— Ну, хоть это можно считать хорошим результатом нашей работы.

— Частично. В следующем году голода не будет, но от капризов природы никто не застрахован. Да и о происках империализма забывать не стоит, так что кое-что в планах придется подкорректировать. Причем срочно, пока есть много свободных рук, которые явно не стоит кормить Христа ради. Пусть на пропитание все же зарабатывают.

— И как?

— Мы смогли запасти определенное количество продуктов благодаря тому, что успели для них выстроить хранилища. Маловато, но для определенного купирования голода их в этом году хватит. Впритык, да и то чтобы народ просто с голоду не помирал — а надо, чтобы в таких хранилищах запас продуктов имелся на пару лет вообще без урожая. Стратегический запас на случай войны и стихийного бедствия.

— Предлагаете понаставить амбаров в каждом селе?

— Амбары делу не помогут. В каждом относительно крупном городе нужно выстроить элеваторы, хлеба в которых хватит городу на год, хранилища-морозильники, где будет лежать запас мяса, овощехранилища для картошки, моркови и капусты — а еще такие же выстроить в тайных глухих местах, откуда в тяжелую годину можно будет и деревню

прокормить.

— Ну да... а почему в тайных и глухих?

— Если прокопать шахту в вечной мерзлоте, то в такой шахте то же мясо само по себе лет десять пролежит не портясь. В них и букашки всякие зерно не сожрут. Были бы у нас такие — то же мясо казахское можно было сохранить, а не сгноить бездарно, и сэкономить миллионы на закупках мяса иностранного. А насчет тайных мест — чтобы враги не смогли в них продукты испортить и население не начало их грабить.

— У вас и на такие стройки планы уже подготовлены?

— К сожалению, нет. Пусть такие планы Госплан разрабатывает, тот же Струмилин например. А мы уж лучше будем делать то, что умеем делать хорошо, ту же кинолентку изобретать или самолеты...

— Одноразовые, — усмехнулся Сталин. — Я вижу, что вы очень много для страны делаете, и наверняка сделаете еще больше... но все же можно нас ставить в известность о ваших планах заранее? Кстати, раз уж вы упомянули уйгуров... вы не могли бы пригласить ко мне вашего товарища Климова?

Все же наличие софта для проектирования всяких летающих конструкций очень этому проектированию способствует, так что Ирина — давно уже озадаченная «изготовлением грузовика» — разработала сразу три модели. Одна — «деревянная версия» самолета Ан-2 с мотором М-13, и этот самолетик поднимал две тонны груза, которые мог перетащить на тысячу километров со скоростью под двести километров в час. На самом деле самолет все же делался из авиационной фанеры, набор самолета «штамповался» в термопрессах, да и большая часть фанерной обшивки не выкраивался из готовой фанеры, а изготавливался в формах, и «дерево», по уверению Ирины, при этом становилось даже прочнее обычного алюминия, а по нынешним ценам и заметно дешевле его. Ну а шасси, подмоторная рама и прочие металлические детали делались из «секретного сплава В-1461», благо со скандием в Боровичах особых проблем не наблюдалось, да и с литием резко «получшело»...

Не то, чтобы с сырьем все замечательно стало, но Оля очень тщательно составила планы на добычу этого металла, и даже смогла их согласовать с Вячеславом Рудольфовичем. Тот, конечно, поначалу стал плевать и рассказывать про необходимость бескомпромиссной борьбы с «белогвардейскими элементами», но программу «переселения антисоветски настроенных граждан» в далекий зарубеж все же подписал. Причем основным доводом стал не Олин о том, что «живой русский офицер, приносящий тысячи советской власти лучше мертвого офицера, не приносящего стране ничего», а довод Мессинга о том, что «русский офицер, склоняющийся просоциалистические власти буржуазной страны к построению социализма нам важнее бездумной поддержки троцкистки настроенных зарубежных компартий». Упоминание Троцкого в данном контексте оказалось решающим, так что все «подозреваемые» военспецы автоматически переводились в Девятое управление, откуда Петруха их быстренько переводил на «зарубежные заводы» в Аргентину. Не всех переводил, очень даже не всех — но довольно многих...

Вообще-то назвать президента Аргентины Хусто «склонным к социализму» было бы в корне неверно, но Августин Педро был максимально «проаргентинским» и в рамках своей политики старался всячески защищать интересы страны. Поэтому не прислушиваться к человеку, который фактически спас мясной экспорт Аргентины, он считал крайне нецелесообразным. А выяснив, что по сути дела этот экспорт был «спасен» далекой Советской Россией, он и на отношения с «коммунистами» смотрел довольно благосклонно:

деньги-то революции не устраивают. И столь же благосклонно относился к русским «эмигрантам», массово переезжающим в его страну, ведь они с собой привозили не только семьи, но и почему-то очень заметные инвестиции...

Иногда очень странные инвестиции, а иногда — очевидно выгодные. Для Аргентины, и Августин Педро не всегда понимал, почему русские (а практически все проекты, которые привезли «новые иммигранты», явно были русскими) не стремятся, подобно британцам и американцам, получить с таких проектов большую выгоду. А иногда он вообще не понимал, в чем состоит эта выгода...

В особенности он не понимал, зачем русские с таким упорством тянут железную дорогу на Альтиплано, постройку которой предыдущий президент остановил из-за вопиющих фактов воровства со стороны американского подрядчика и общей нехватки денег. Но сейчас денег от государства никто вроде не запрашивал, а стройка велась просто ошеломляющими темпами. Ошеломляющими для тех, кто был не в курсе того, что первая сотня тонн лития с Альтиплано уже пересекла океан, а в планах «этих русских» значилась отправка в СССР по десять тысяч тонн этого металла ежегодно уже начиная с тридцать шестого года...

Только глянет над Москвою утро вешнее...

В конце сентября на аэродроме Санта-Моники в Калифорнии опустился небольшой пассажирский самолет, пассажир которого, Иван Георгиевич Сёмин, неспешно прошествовал в кабинет директора местного завода, о встрече с которым он договорился всего лишь вчера вечером:

— Привет Дональд, надеюсь ты не удивлен моим визитом?

— Не то чтобы совсем не удивлен... в конце концов по телефону не видно, откуда тебе звонят.

— Ты прав, хотя у меня и в мыслях не было тебя обманывать. Честно говоря, и к тебе прилетел исключительно по делу. Может быть ты знаешь, что моя компания занимается торговлей, в основном торговлей. А если подворачивается случай делать какую-то продукцию, то мы или создаем для этого новую компанию, или продаем кому-то лицензию, если компанию создавать на пустом месте оказывается слишком дорого. Собственно, я как раз предлагаю купить такую лицензию.

— Ты предлагаешь мне купить лицензию на самолет? Самому-то не смешно?

— Дональд, я ни секунды не сомневаюсь, что ты сможешь сделать самолет не хуже этого... то есть сделать самолет не сильно хуже этого. Но на разработку ты потратишь года три и вложишь денег больше, чем стоит лицензия. Если очень сильно постараться, то сделаешь самолет года за два, но это обойдется еще дороже. Так что я продаю не самолет, а время — время, которое ты не потратишь на то, чтобы попытаться догнать... кого-то, кто тоже не будет стоять на месте. Тебя все же удивило, как быстро я пересек континент — но это потому, что ты еще не осознал, что самолет может лететь на тысячу двести миль без посадки со скоростью свыше двухсот миль в час, перевозя при этом толпу пассажиров. Откровенно говоря, мне в принципе безразлично, кто — ты или Билли Боинг — первым осознает это...

— Но прилетел ты ко мне.

— Да. Просто я умею смотреть в будущее... и там подсчитывать прибыли. Твой завод сможет начать серийный выпуск этих самолетов уже через полгода, а Билли понадобится на налаживание производства месяцев десять или даже больше.

— А почему тебя волнует, когда начнется выпуск?

— Потому что моя компания живет в основном с лицензионных платежей. Именно поэтому я предлагаю тебе купить лицензию всего за полтораста тысяч долларов, но с каждого выпущенного самолета ты мне заплатишь еще по семь с половиной тысяч.

— Это грабеж, тебе не кажется?

— Нет. Просто мне лень искать других инженеров, которые смогли бы делать такие самолеты самостоятельно, и не хочется терять полгода бесценной жизни в ожидании того, что они начнут, наконец, что-то делать. После того, как эти самолеты встали на линии в Европе, нам пришлось уже больше сотни заказов на эту машину...

— Только в Европе?

— Люфтганза взяла в аренду у русских четыре таких машины, но мечтает о покупке минимум полусотни. И продолжает мечтать: русские таких самолетов делают очень мало и их вообще никому не продают. Французская Эйр Юнион готова купить от тридцати до семидесяти штук, но им русские самолеты даже в аренду не предлагают. Империял

Эйрвейз... их аппетиты я даже примерно оценить не берусь, а они очень велики, ведь на этом самолете из Лондона в Сидней можно долететь за двое суток, ну, чуть больше...

— Двое суток просидеть в кресле?

— Пойдем в машину, сам посмотришь, можно ли это сделать...

...

— Ну что, увидел я достаточно. Однако что заставляет тебя думать, что я смогу через полгода выпустить первый самолет?

— В стоимость лицензии входят в том числе и готовые плазы, а так же подробные технологические карты на каждую деталь и сборку. Извини, если я использую не совсем правильные слова, но я торговец, а не инженер.

— Неважно, я понял. Но вот насчет окон и туалета...

— Окна одна из моих мелких фабрик может тебе поставлять готовые, причем очень недорого. Да и туалет в разобранном виде привезти недолго.

— Это лишь слова.

— И зачем мы вернулись в твой кабинет? Я подготовленные контракты в самолете оставил...

— Айвен, надеюсь ты не очень спешишь обратно в свой вонючий городишко? У нас есть прекрасный ресторан с видом на океан... Тебе достаточно будет чека или дождешься, пока деньги не окажутся на твоем счете?

В тот же день точно такой же самолет опустился на поле возле города Урумчи, и из него вышел другой представитель компании, торгующей сказками. Но Петруха ни в какой кабинет не пошел — просто не было поблизости никаких кабинетов, да и встречающие уже столпились возле самолета. Столпились — это, конечно, было не совсем верным выражением: встречающих было всего трое. Трое русских офицеров в полевых мундирах, но с висящими на груди орденами.

И после того, как старший представится, Петя на самом деле очень обрадовался:

— Михаил Васильевич, очень рад с вами познакомиться, мне о вас много хорошего рассказывали.

— И кто же? — скептически поинтересовался капитан Лавров.

— Сначала Миронов, Митрофан Данилович, а позже и ротмистр Скорохватов. Василий Федорович как раз у меня заместителем работает.

— Даже так?

— Жизнь иногда преподносит сюрпризы. Вы еще больше удивитесь, когда с Василием Федоровичем снова работать начнете, я планирую именно его назначить нашим представителем здесь. Впрочем, это дело будущего, а сейчас давайте перейдем к делам уже настоящим. И для начала: сколько у вас по-настоящему грамотных бойцов?

...

— Мне одно непонятно, — Михаил Васильевич почесал переносицу, — почему вы предлагаете нам «Льюисы» под американский патрон?

— И карабины под него же вместо устаревших винтовок. Это не я предлагаю, а наш специалист по оружию. Но постараюсь объяснить так, как сам это понял. Гильза в патроне — самое трудоемкое изделие и самая тяжелая часть, а у янки она вообще несколько перетяжелена...

— Именно это я и имел в виду: патрон же выходит тяжелее.

— Зато этот патрон можно перезарядить несколько раз, согласно проведенных нами

испытаний до двадцати раз минимум. Я привез с собой образцы приспособлений, с помощью которых даже деревенские мальчишки могут перезаряжать до полутора тысяч патронов в час. То есть это будет восемь таких мальчишек, а если вы сможете нанять на эту работенку хотя бы восемь десятков... сами пули и порох возить гораздо проще, ну и капсули конечно: с этим у нас проблем нет, поставим сколько запросите. А вот с гильзами у нас пока известные проблемы.

— Ну, поставите вы эти полтора миллиона патронов...

— Полтора миллиона мы поставим сразу.

— И половину гильз потеряют в первом же бою.

— Именно поэтому мы будем поставлять еще по миллиону патронов каждый месяц.

— А не накладно будет их из Америки возить?

Петруха покрутил в пальцах сияющий латунью патрон:

— Америка — она большая, в Европу оттуда много чего возят. Так что если к какому-то грузу добавить тридцать тонн, то никто и не заметит. В особенности не заметит, если грузы на таможах никто проверять не будет.

— Но привезти эти тридцать тонн через горы и пустыни...

— Вот этот самолетик сюда пару тонн доставит легко. А два таких самолета, делающих по рейсу в день...

— Я понял, но... вам-то это зачем? Вы же, в отличие от прочих ваших товарищей, вроде светлыми идеями большевиков облагодетельствовать Туркестан и вовсе не стремитесь?

— Михаил Васильевич, лично я хочу мира. Ханьцы сюда мир не принесут, а это будет означать войну возле наших границ. Поэтому лично мне было бы приятно, если весь Синьцзян полностью освободился от них. Больше территория — больше времени потребуется врагам, чтобы подобраться к границам уже нашим. И больше времени, чтобы прислать уже вам необходимую помощь. А заодно — и больше людей, с которыми мы можем наладить очень даже взаимовыгодную торговлю.

— И чем мы... вы собираетесь торговать?

— Сейчас мы уже закупили, причем за самые настоящие деньги, почти двести тысяч голов скота. Такие закупки я был бы рад сделать ежегодными, и это, надеюсь, лишь начало. Насколько я в курсе, у товарища Сталина на торговлю с Восточным Туркестаном очень большие планы.

— Товарищ Сталин, если узнает обо мне, всю торговлю прекратит: мой родной дядя, будучи полковником жандармерии в Тифлисе, его вроде как арестовывал...

— Я немного в курсе этой истории. Полковник Лавров доказал, что Иосиф Джугашвили к ограблению банка непричастен. Да, ему было проще Джугашвили отправить в тюрьму, но истина для него оказалась дороже. Так что товарищ Сталин знает, что порядочные люди есть и среди жандармов, и уж тем более среди офицеров. Ну что, продолжим? Мы для начала присылаем две роты парней, с пулеметом обращаться умеющими, а вы со своей стороны направляете им на обучение шестьсот ваших ребят...

Перед самым Новым годом Ира вернулась из «краткой поездки в Москву» очень довольной. А на вопрос, что же ее так порадовало, ответила совсем не так, как все ждали:

— Да я тут зашла на минутку к товарищу Сталину, поговорили минут пять. Потому и радуюсь.

— А с самолетом твоим что? Я про кукурузник...

— Производство передано на двадцать первый завод, будут делать вместо самолета

Калинина. Так что Валентину предстоит срочно сделать второй комплект термопрессов: они запланировали выпускать по сто машин в год.

— А на существующих формах ты за три месяца пятьдесят ведь сделала? — пошел в отказ Валентин.

— Так я не собираюсь наших рабочих в Нижний Новгород отдавать, им и тут работы хватает. А нижегородские рукожопы и на двух комплектах план не выполняют.

— Почему это там рукожопы?

— Потому что мужики от сохи. Мы своих сколько учили? А там народ просто по деревням набирают. И да, нужно еще будет что-то в Бобрики на химзавод сделать потому что клей фенолформальдегидный там очень быстро закончится: в Нижнем брак по прет ударными темпами, и хорошо если только две трети потраченной смолы потратится с пользой.

— А тебе не жалко будет, что твою машину изговняют? — спросила Света.

— Нет, потому что не изговняют. Туда полковник Мерлин от Девятого управления едет, будет работать военпредом — а у него не забалуешь. Все же сколько, пять поколений одних генералов?

— Ага, надо будет ему в кабинет родовой герб повесить рядом с портретом Сталина, — усмехнулся Саша. — Кстати, в качестве пилота он как тебе?

— «Кукурузник» мой пилотирует уверенно, и ему этого хватит. Он же не летчик-испытатель, его дело проверять, чтобы брак в производство не шел. Ну и к нам при нужде быстренько слетать...

— Ир, я давно спросить хотела: а почему в Георгиевском зале имя Павла Ивановича не на месте выбито? — поинтересовалась Света.

— Имя-то Павла Ивановича, но не нашего, а его прадеда. За что наш и пострадал...

— Его что, за Георгиевский крест арестовывали?

— Нет конечно, просто когда его уже наградили, и не крестом, а все же орденом, кресты же для солдат только... так вот: его имя в Георгиевском зале не поместили. Кто-то посчитал, что одного упоминания достаточно: имя на стене уже есть, так чего стараться? Прадед-то его два ордена получил, а тоже упомянут лишь один раз. Ничего, как выпуск самолетов пойдет, я отдельно к Сталину заеду чтобы он не забыл и нашего Мерлина там упомянуть.

— Так ты поэтому такая довольная после встречи со Сталиным?

— Нет. Я просто зашла поздороваться: говорят, он рад, когда его в курсе всяких технических достижений... наших достижений держат. А заодно спросила, какого хрена «Молодая гвардия» печатает испражнения ярых троцкистов, членов Ерккоммола и Рабочей оппозиции и как кое-кому не стыдно эту макулатуру вообще приличным людям в руки давать.

— И он тебя не побил? И даже Кровавой Гэбне на растерзание не отдал?

— Да мы сами все Кровавая Гэбня, а вот всемирно известному Николаю Островскому теперь засрать мозги подрастающему поколению не выйдет.

— Да ты... ты точно Кровавая Гэбня! — рассмеялась Света. — А про оппозицию эту и еврейский комсомол Сталин сразу тебе поверил?

— В Одесском Обллите по моему запросу нашли все-таки рукопись этого раненого шрапнелью в жопу самозванца. Я для Иосифа Виссарионовича специально избранные места подчеркнула, так что... Правда, пришлось пообещать ему что-то нормальное для молодежи

написать...

— А кто писать будет? И про что?

— Свет, будешь подкалывать — тебя назначу всемирно известной писательницей! А я хоть и незаконченный, но все же искусствовед, красиво слова складывать долго училась. А про что... Папанин уже на Северный полюс съездил? «Челюскин» уже потонул?

— Нет еще, — ответил ей Вася. — Солнышко, пиши лучше про подвиги трудовые, про колхозы в Гималаях например. В смысле, про освободительную борьбу народов Восточного Туркестана против империалистических захватчиков. А живописных деталей тебе наши вояки сколько хочешь накидают, ты с Петрухой на эту тему пообщайся.

— Я лучше пока кино сниму новое. Оказывается «Джек Восьмеркин» уже написан...

— Его Крупская раскритиковала, — немного подумав, отреагировала Ольга.

— Петруха, а Крупку раскритиковать не пора? — встрепенулась искусствоведка от авиации. — Мне кажется, что она уже довыступалась. Ладно, Чуковскому стихи писать запретила или Макаренко юных уголовников перевоспитывать. Но запретить учебник Киселева! Второй год не пускающая печатать Перышкина! Да её за это...

— А Киселев-то чем ей не нравится?

— В его учебниках не раскрыта роль Ленина в становлении науки арифметики!

— А при чем тут...

— Да шучу я. Просто её отчислили с бестужевских курсов за неуспеваемость по алгебре. А когда профессор Поссе, который, собственно, ее и отчислил, умер четыре года назад, эта тварь запретила даже траурный портрет его в университете вывесить!

— Спокойно, Ира, мы поняли. Гуля, что стало причиной смерти вдовы старика Крупского? Скоропостижной, я имею в виду.

— Петруха, ты бы тоже... того, успокоился. Сталин же нас сожрет невзирая на заслуги перед Отечеством.

— Иосиф Виссарионович её ненавидит, поэтому смерть старушки должна быть естественной и... очень естественной. В стране математику учить у школьников нет возможности, а мы еще сокрушаемся, что грамотных рабочих днем с огнем...

— Ну, сейчас зима, каждый может простудиться. А тетрациклин мы, можно сказать, не испытали на кроликах, так что... Только давай после праздника?

За новогодним столом традиционно подвели итоги года уходящего и обговорили планы на год наступающий. Первой высказалась Оля:

— Я считаю, что в прошедшем году наиболее грандиозных успехов достигла наша Ирочка. И я даже не говорю про успешную продажу Дугласу его же самолета. Именно благодаря ей не только не пролез в литературу мелкий жулик из Шепетовки, но и крупный графоман был поставлен на место. Ирочка, у тебя в роду точно евреев не было? А то ведь и Каганович, и Мессинг с таким пафосом выступили на партконференции, что город остался Нижним Новгородом, а их, как я поняла, именно ты уговаривала...

Ирина никого там особо не уговаривала, а просто на прошедшей в Кремле партконференции, посвященной вопросам культуры, где среди прочих всплыл вопрос и о переименовании городов, как всегда высказала то, что сама думала. И не только по поводу Нижнего Новгорода:

— Стесняюсь спросить, вы большевики тут или монархисты? У бурятов красный цвет считается императорским, красные сапоги имеет право лишь императрица носить, а в красных юртах жить и даже заходить в них право имеют лишь императорские вельможи. Ну,

переобзовете вы город — и что, покажете всем бурятам, что русские в Бурят-Монгольской АССР — высшая знать, а сами буряты — просто грязь под ногами? Ведь в Верхнеудинске почти все население как раз русское... а еще красный цвет у них — это цвет мести.

— Вы это так уверенно говорите, а у нас другая информация...

— Я уверенно говорю потому, что вопрос изучала. Когда строила авиазавод Верхнеудинский, то специально уточняла, стоит ли его называть «Красный авиатор»... вы просто перепутали бурят с монголами. У монголов название такое очень хорошо воспримется, а у бурятов — тут уже есть нюансы. А уж обозвать город «Горьким» — то есть вы заранее предупреждаете всех его жителей, что на много поколений вперед жизнь им медом точно не покажется? Я, конечно, понимаю: обличать пороки царизма — это правильно. Но делать целый город символом этих пороков... вы тут коммунисты или сатрапы?

Кто-то возмутился Ириной речью, кто-то поржал — но все участники партконференции были вынуждены задуматься, и результат получился положительный, по крайней мере с Ириной точки зрения.

— Кагановичу я еще сказала, во что обойдется бюджету переименование города, а Мессинг — он сам человек вменяемый.

— Ага, и его подопечные от Петрухи зависят чуть больше чем полностью... Да шучу я! На самом деле лично я считаю, причем именно считаю, в плане науки арифметики, что твоим самым большим достижением стала передача самолета на серийный завод.

— А я думаю, что моими достижениями года стали постройка завода для Петлякова и начало строительства завода для Сухого.

— То-то Павел Осипович будет рад заводу аж в Комсомольске!

— Он уже рад, у других конструкторов и такого завода нет.

— А Куйбышев что про авиазаводы сказал, ты не знаешь?

— Ничего не сказал, мы же заводы сами строим, вне плана. Вот когда построим, то он наверняка что-то скажет, однако у меня посылалка для него уже заготовлена. Мы заводы построили — мы их и заказами загружаем!

— Ну это ты с ним потом поспоришь, — заметил Саша, — а я в проходящем году закончил оконтуривание Волжско-Уральского нефтегазового района. Пришлось сильно посрататься с академиком Губкиным: он почему-то хотел забрать у меня две буровых и бурить там, где ничего нет, но кунфу ОГПУ оказался сильнее кунфу Академии. Однако мужик оказался вменяемым, к Сталину жаловаться не побежал...

— Побежал, побежал, — улыбнулась Оля, — мне Иосиф Виссарионович его заложил. Но и мы, оказывается, у него авторитет завоевали, причем без довесков в виде ОГПУ. А с буровыми-то что?

— А вот в году грядущем мы с них получим примерно по три миллиона кубов газа в сутки, и тут на сцену выйдет Аня...

— Аня не выйдет, — отозвалась «женщина-химик», — Аня эту честь уже передала академику Брицке. Он — начальник института химических удобрений, ему и карты в руки.

— Боюсь, что одних карт тут будет мало, — ответила Оля, — Алкоголик Валерьян никаких планов по строительству аммиачных заводов не закладывал, так что придется Эргарду Викторовичу у нас столоваться. Валь, ты, как я понимаю, загружен будешь на сто сорок шесть процентов, так?

— Ну примерно...

— Это я к тому, что заводы по выпуску аммиака и азотной кислоты придется у буржуев покупать. И я вот думаю: у американцев или у шведов?

— Завод придется строить в Саратове, скважину, как я понимаю, на Елшанском месторождении бурят?

— Ага, и на Курдюмовском. Там, если мне память планшета не изменяет, этана больше двух процентов, а углекислого газа под десять.

— Валь, нужны новые турбодетандеры. Этан жечь — это некультурно, — заметила Аня.

— Ага, и метан тоже. Ты же метан с дерьморекторов не сжигаешь?

— Ну да, ну да. Но нам нужна азотная кислота и аммиак. Так что... академик может расслабиться, мы завод сами выстроим и сами юзать будем — но две тысячи тонн в сутки в любом случае мы же можем не только в метанол перегонять. Как мы считали, нам всего-то потребуется тонн пятьсот азотной кислоты в сутки.

— Конечно! А еще формальдегида и аммиака... хотя да, пара тысяч тонн газа нас как раз спасут. Итак, кто ответит на Анин вопрос: США или Швеция?

— Я за шведов голосую, — улыбнулся Петруха. — Как ни крути, а нержавейка у них пока лучшая в мире.

— Что?! — возмущенно поинтересовался Валера.

— Ну, кроме нашей, конечно, — быстренько отмазался «сеньор Альварес», — но наша вся занята. Кстати, Валер, на сколько лет она занята будет?

— Ребята, а можно не о работе? Мы же, наверное, последний Новый год вместе встречаем, — прервала «производственное совещание» Аня.

— Почему это? — удивилась Светлана.

— Потому что мы с Валерой уезжаем в Красноярск. Ну не в Боровичах же желтые кирпичи делать?

— Понятно... Но ведь не навсегда же? Давайте выпьем за то, чтобы Новый год мы все же всегда встречали вместе!

— Давайте выпьем. И, ты права, надо всем нам постараться оставаться вместе.

— Потому что вместе мы сила? — улыбнулся Валя.

— Потому что... да, ты прав. И надо будет договориться, чтобы бой курантов хотя бы по радио передавали. Ну, за нас! — подвела окончательный «итог года» Оля. — И особенно за женщин-орденоносцев. Ах да, я забыла раньше сказать, — она лукаво улыбнулась, — за выдающиеся достижения по спасению страны от голода ордена Трудового Красного знамени получили Ира, Аня, Гуля, ну и мне тоже орден перепал.

— Поздравляю! — широко улыбнулась Света. И к ней радостно присоединились все мужчины...

Никто никуда не уехал — просто потому, что и в Боровичах дел оказалось слишком много. Но и «идею с Красноярском» никто не оставил.

Виталий Григорьевич отнюдь не лучился радостью, получив предписание о командировке. И не потому, что срывался назначенный на два часа дня ученый совет, а в большей степени потому, что высказанную вчера вечером идею супруги проверить сегодня точно не получится. Однако Виталий Григорьевич хорошо знал, кто выделяет институту очень немаленькие средства, поэтому молча пошел за приехавшей за ним женщиной. Кое-что подозревать он стал уже на выходе их здания института, когда женщина, указав ему на автомобиль, сама села за руль. А когда через пятнадцать минут бешеной гонки по улицам Ленинграда машина въехала в ворота Корпусного аэродрома и остановилась у белого

самолета, он уже практически не сомневаясь в ответе, поинтересовался:

— Вы Ирина Владимировна Лукьянова? Позвольте поинтересоваться: а зачем я вам так срочно понадобился?

— Да вы мне вообще не нужны, я тут просто извозчиком подрабатываю. Время, знаете ли, это деньги.

— Что, извините?

— Время, которое у вас есть — это деньги, которые можно заработать. А время, которого у вас нет — это деньги, которых еще нет и уже никогда не будет. На самолете к нам лететь чуть больше получаса, а на поезде — полсуток, так что если есть возможность сэкономить время...

— Понятно...

— Вряд ли. Аня с вашей помощью хочет сэкономить года два, или Валера лет двадцать — но в детали они вас и посвятят, я сама не понимаю специфику их работы. Но если у вас есть вопросы не по работе, то задавайте, я с удовольствием отвечу. Потому что просто молча сидеть за штурвалом немного скучно.

— Скажите, а вам не страшно управлять самолетом?

— Конечно страшно, — рассмеялась Ирина Владимировна, — я же сама этот самолет сделала и прекрасно знаю, что в нем может сломаться и отчего он может упасть. Я же не лётчик, это лётчики ни хрена в самолетах не понимают, а потому бьются как... ну, в общем, часто. Зато я заранее обдумываю, как не разбиться когда что-то сломается — и не разобьюсь.

— Интересный у вас взгляд на авиацию... А вот вы фильмы снимаете...

— Про фильмы в следующий раз расскажу, мы уже садимся, тут надо сосредоточиться. Так что пять минут помолчите.

Аэродром в Боровичах очень удивил Виталия Григорьевича хотя бы тем, что взлетная полоса там была бетонной, отчего самолет приземлился довольно плавно. Но весьма скоро он и думать забыл об этом аэродроме:

— Есть мнение, что вы там в своем институте всякой хренью занимаетесь за народные деньги, — такими словами встретила его молодая женщина, представленная ему как Анна Федоровна.

— Боюсь, вы не совсем представляете, чем мы в институте занимаемся.

— Я-то представляю, а вот вы — точно нет. Ладно бы просто денежки народные на ветер выбрасывали ради удовлетворения собственного любопытства, так вы еще и вредительством занимаетесь, подрывая здоровье народных масс! В то время как в стране удои и укусы не растут, вы еще и людей гробите!

— Боюсь, что вам была предоставлена искаженная информация о нашей деятельности, — ответил Виталий Григорьевич, внутренне холодея. Не от страха за себя, а от понимания, что вот эта женщина, одетая во все более популярный среди рабочей молодежи костюм из линялой синей парусины, легко может уничтожить плоды работы множества ученых. То, что куртка её небрежно висела на спинке кресла, лишь подчеркивала страшное могущество молодой женщины: она знала, что имеет право сделать все, что угодно, и подчеркнуто игнорировала в том числе и правила приличия.

— Это вы имеете искаженную информацию о вашей деятельности. Вот, читайте, — и Анна Федоровна сунула ему в руки небольшую брошюрку. — Внимательно читайте, если появятся вопросы, задавайте их сразу.

Брошюра была небольшой, и Виталий Григорьевич прочитал ее минут за двадцать. И, по мере чтения, у него волосы на голове вставали дыбом — по крайней мере ему самому так казалось, поэтому он волосы старательно приглаживал ладошкой. А когда он чтение закончил, на Анну Федоровну поднялись испуганные глаза:

— А кто это написал? Я бы хотел встретиться, задать несколько вопросов... Ведь если хотя бы половина, даже четверть из этого окажется правдой, то наш институт вообще закрывать надо!

— Ну я же сказала: будут вопросы, так задавайте. Это все написала я, а институт закрывать не надо. Хотя перевести его из Питера придется, и в любом случае потребуются предпринять серьезные меры безопасности: у меня и они все расписаны, я вас позже с ними познакомлю. Однако повторю: сейчас всё, то есть вообще всё, чем занимается институт, не представляет ни малейшего научного интереса. По одной простой причине: вы там все пока ни хрена об объекте исследования не знаете и тыкаетесь как слепые котята... в общем так: я предлагаю вам — вам лично, ну и супруге вашей конечно — заняться по-настоящему важной работой. Очень важной, очень интересной — но совершенно секретной. Работать вы будете, по крайней мере первое время, на курортах Красноярского края, и это как раз по части безопасности: мы там пещерку в граните роем глубиной метров пятьсот, так что с безопасностью все в порядке будет. Вы можете, конечно, отказаться — и до конца жизни заниматься никому не нужной хреню. А если согласитесь, то после непродолжительного обучения приступите к настоящей работе, которой будете гордиться. И не только вы: вся страна будет гордиться — но любые детали вы узнаете только дав согласие.

— Предлагаете кота в мешке?

— Можно и так сказать. Но могу пообещать, что котик вам очень понравится.

— Ну, если вы гарантируете... я согласен, — усмехнулся Виталий Григорьевич. На самом деле он подумал, что уж отвертеться от неприятной работы он всегда сможет. В правительстве есть люди, которым друзья его смогут объяснить недопустимость...

— Ну и отлично. Пойдемте, я пока покажу чем вы будете заниматься первое время, — и с этими словами Анна Федоровна, встав с кресла, надела свою куртку и Виталий Григорьевич едва не впал от удивления в кому: на куртке — простой, изрядно помятой куртке из обыкновенной парусины — сияли три ордена сразу: Красного знамени, Трудового Красного знамени и Ленина! А хозяйка кабинета, поймав его взгляд, улыбнулась:

— Приходится носить, это мы с девочками побрякушками меряемся. Опять же, для товарищей офицеров стимул: все видят, что страна уважает своих героев.

— Это за вашу работу? А боевой... каких товарищей?

— У нас в Управлении работает много царских офицеров, которых званий никто не лишал. А орден этот — просто тогда еще не было трудового знамени, вот и дали что было. Да вы не переживайте, вас мы тоже не обездолим. Конечно, работают у нас все же не ради орденов, но ведь всяко приятно, когда видишь оценку собственного труда. Вот, заходите. Валера, ты уже принес?

Сидящий в соседнем кабинете мужчина — одетый в такую же парусиновую куртку, но всего лишь с одним орденом на ней — молча кивнул и протянул Виталию Григорьевичу тарелку с двумя стеклянными пробирками, в которых лежали черные цилиндрики: в одной — потолще, в другой — толщиной с мизинец.

— Это то, что вам предстоит сделать. Точнее, выстроить завод, где это будет массово изготавливаться.

— А это что? Какие-то детали?

— Ну, можно и так сказать. А с точки зрения металлохимии это — чистый оксид урана, с количеством примесей по урану менее одного атома на миллион. И вашей задачей будет сделать так, чтобы через год, самое позднее через полтора у нас таких... деталей было минимум двести шестьдесят тонн. А зачем — это вы узнаете чуть позже.

Вообще-то Петр Петрович считался минералогом, причем довольно неплохим. И он еще несколько лет назад даже в страшном сне не мог представить, что ему придется вдали от цивилизации ковыряться в темном штреке — и уж тем более не мог представить, что ему такая работа понравится. Однако сейчас он сидел как раз в таком штреке, почти что в километре от «белого света» — и занимался любимой работой. С удовольствием занимался.

Старший сын его, по семейной традиции, тянувшейся вот уже пятое поколение, тоже названный Петром, сидел за пультом управления «дьявольской машины»: Петр Петрович-младший был инженером и вообще-то «придумывал» механизм, позволяющей машине не останавливаться на час после каждого «шага». А «шаги» эти были более чем интересными: установленные на двух складных рамах перфораторы пробивали в сплошном граните небольшие шурфы глубиной по сорок сантиметров, затем специально обученный человек быстренько закладывал в шурфы небольшие патроны — и после взрыва еще полметра гранита превращались в щебень. Вообще-то «шаг» занимал минут пятнадцать, но после взрыва двое мужиков с лопатами выгребали получившиеся обломки, сваливая его на транспортер, направляющий камень в камнедробилку, установленную в задней части машины — а это уже требовало минимум часа. Часа, в течение которого машина простаивала.

Тем не менее за прошедшие три месяца машина ушла вглубь горы уже на километр без малого — и главной заботой Петра Петровича-среднего было наблюдение за скалой вокруг штольни: гранит — он, конечно, камень крепкий, но после взрывов и в сплошном камне что-то могло треснуть. А камешек, может даже в несколько центнеров весом, падающий на голову — это совсем не то, чего бы хотелось получить. Собственно, именно поэтому шурф рылся небольшой, с помощью маленьких зарядов какой-то малоизвестной взрывчатки. Следом за передовой машиной шли еще две, которые расширяли шурф с трех метров до восьми, а затем уже простые мужики с отбойными молотками «выравнивали» стены до ширины в десять метров и срубали «лишний» камень с потолка — да так, что возле ворот, ведущих в глубь горы, свод потолка поднимался уже метров на двенадцать...

Чтобы вся эта техника работала, возле устья штрека были поставлены две «передвижных» электростанции (установленные на железнодорожных платформах) общей мощностью в четыре тысячи киловатт. Петр Петрович краем уха слышал, что было «эпическая борьба» за моторы к этим электростанциям, но кто и с кем при этом боролся, он не знал. Моторы на этих электростанциях были германскими, а вот генераторы вроде бы отечественными, и все это работало бесперебойно. Что радовало: ведь настолько масштабную работу без этого выполнить точно было просто невозможно. Хотя Петр Петрович и не совсем понимал затею руководителей проекта, его радовала сама возможность сотворения чего-то столь грандиозного. Настолько грандиозного, что даже верного эпитета проекту придумать не получалось. Вот взять, к примеру, подземный зал, который ему предстояло вырубить в скале к Новому году: длиной в двести метров, шириной чуть меньше сорока и высотой в двадцать пять. Можно было подумать, что там собираются сделать храм какого-то непонятного культа — но три «технических» тоннеля в этот же зал,

по которым предполагалось провести мощные воздуховоды, электрические кабели и водопровод с канализацией, эту идею опровергали. Скорее всего, зал готовился под какое-то мощное производство, причем производство секретное. Вероятно, поэтому и «снаружи» быстрыми темпами строился небольшой городок: ведь не будут же рабочие в подземелье жить? Впрочем, зачем минерологу забивать себе голову ненужными мыслями?

А вместо сердца...

Летом, когда Оля «по своим делам» заехала в Москву обсудить кое-что со Струмилиным, её неожиданно «попросил заехать» Сталин. Иосиф Виссарионович вообще-то в деятельность Девятого управления в принципе не лез: ну есть оно — и ладно, а что и как оно делает — это пусть Менжинский разбирается. Разве что иногда — когда поток жалоб на этой управление начинал переполнять каналы поступления информации в Секретариат — он «просил о консультации». Именно просил, потому что давно сообразил, что тамошние сотрудники свято блюдут правило «вассал моего вассала» и как-то умудряются разного рода приказы игнорировать.

Поскольку время встречи было заранее оговорено, то Оля не особенно удивилась, встретив в кабинете Сталина еще и Губкина. А вот последовавший за этим разговор... вероятно, имел серьезные последствия. Не плохие и не хорошие — в первом приближении, а вот во что всё это выльется дальше, было не очень-то и понятно.

Ну а сам разговор Иосиф Виссарионович начал в соответствии с Олиными ожиданиями, то есть с тем, о чем Оля догадалась, увидев в кабинете Губкина:

— Ольга Дмитриевна, вот тут нам Иван Михайлович жалуется на вас. Говорит, что вы открыли богатое месторождение природного газа, которым всю Москву отопить можно и сэкономить в год миллион тонн дров. А вы, жалуется нам товарищ академик, мало что категорически отказываетесь даже рассматривать вопрос о строительстве трубопровода в Москву, так еще и весь газ решили пустить на какие-то химические производства.

— Так, понятно... Я думаю, что если Москве дров не хватает...

— Дров-то хватает, но ведь на их перевозку, да и просто на то, чтобы их нарубить, тратятся огромные трудовые ресурсы, которые мы могли бы использовать для других целей.

— Вот я и говорю: если Москве не нравятся дрова, то пусть зерном топят.

— Каким зерном? — удивился Сталин.

— Я думаю, что лучше всего пшеницей: когда рожь горит, то запах кисловатый, от ячменя вообще просто вонь — а если пшеницу жечь, то пахнет свежеспеченным хлебом.

— А я, между прочим, серьезно спрашиваю.

— А я серьезно отвечаю. Поясню, чтобы мои предложения не выглядели глупой шуткой. Если на гектар пашни внести сорок килограммов карбамида, то урожай вырастет минимум на треть. У нас какой средний урожай по стране, одиннадцать центнеров, десять? Значит, для простоты подсчета, урожай вырастет на три центнера с гектара.

— Средний урожай чуть меньше семи центнеров.

— Ну, значит, он вырастет минимум наполовину.

— А причем тут... этот...

— Карбамид? А при том: из газа, который мы да, категорически не желаем отправлять в московские печи, на строящемся — уже строящемся — заводе в сутки будем производить примерно три тысячи тонн карбамида. В год — примерно миллион тонн. которым можно будет удобрить двадцать пять миллионов гектаров полей, что в самом паршивом случае даст прибавку урожая в семь с половиной миллионов тонн. И даже если миллион тонн пшеницы сжечь в московских печках, шесть с половиной миллионов, для получения которых вообще ничего больше делать не надо, у нас останется. На самом деле по моим подсчетам прибавка — за счет в том числе и глубокой тракторной вспашки — составит примерно десять

МИЛЛИОНОВ ТОНН.

— Хм... Иван Михайлович об этом не говорил.

— Это-то понятно, Иван Михайлович все же не агроном и не химик, он геолог, и геолог более чем профессиональный, — ответила на незаданный вопрос Оля, глядя на резко побледневшего академика. — А у нас, как вы знаете, все, что делается, делается совершенно секретно... Да, Иван Михайлович, раз уж вы влезли в эту дискуссию, по незнанию влезли, предупреждаю: тема совершенно секретная, о строительстве карбамидного завода не должен знать никто, в том числе никто даже из ваших родственников и знакомых. Вообще никто: если информация просочится, то все планы по строительству будут сорваны: капиталисты просто откажутся поставлять нам оборудование. И, Иосиф Виссарионович, давайте мы Ивана Михайловича отпустим чтобы не грузить его лишними тайнами, и этот вопрос быстренько сейчас же и обсудим. Думаю, что это много времени не займет...

Когда Губкин покинул кабинет, Ольга, глядя на резко нахмурившегося Сталина, на всякий случай высказала свое мнение:

— Наказывать людей за то, что они чего-то не знают, категорически неправильно. Нет ни одного человека, который знает все обо всем, и прекрасный специалист в одной области может выглядеть полным неучем в другой. Однако, сами понимаете, наказывать его за это — глупость, пусть он хорошо делает именно то, в чем разбирается.

— Интересно вы рассуждаете...

— А у нас работа такая: за людьми присматривать, смотреть, в чем они могут принести пользу стране и эту пользу, если не вдаваться в детали, из них извлекать. Иван Михайлович — геолог, причем геолог гениальный, ему давно уже пора минимум орден Ленина вручить за его выдающиеся — на самом деле выдающиеся — заслуги. А по-хорошему ему надо еще и отдельный институт выделить, где он сможет новых специалистов обучить, ведь как раз специалистов у нас и не хватает... впрочем, это дело хотя и недалекого, но будущего.

— Вы... вы это очень вовремя сказали, — лицо Сталина стало гораздо менее сердитым, — но вопрос с отоплением Москвы, как я понимаю, решен не будет? И Москва обречена в ближайшие годы по-прежнему отапливаться дровами?

— А в Москве сейчас сколько народу? Три с половиной миллиона? Это само по себе паршиво и свидетельствует о том, что Куйбышев с работой явно не справляется... но что есть, то есть. Так вот, из миллиона тонн дров, сжигаемых в течение года, мы можем получить мощность двести мегаватт электроэнергии и примерно втрое больше энергии тепловой. Шестьсот мегаватт тепла, и если поставить небольшие районные ТЭЦ, то этих дров хватит... сейчас здесь на человека в городе сколько, пять метров жилой площади? Тогда дров хватит для полноценного отопления жилья для почти полутора миллиона жителей города. А если учесть, что в современных, нашей конструкции, котлах сжигается любой древесный мусор, что минимум удваивает производительность лесосек по дровам, а топить в квартирах нужно только когда на улице холодно, то оказывается, что дрова — это не так уж и плохо. Летом можно будет электричества заводам побольше давать, зимой жилье и цеха лучше отапливать — и для этого вообще будет достаточно использовать отходы лесосек и деревообработки!

— А вы могли бы... я имею в виду, Девятое управление могло бы заняться переводом Москвы на такое отопление?

— Нет, это совершенно не наш... впрочем, если вы сможете пообещать, что никто и ни при каких обстоятельствах не будет трогать предоставленных специалистов без нашего на то

явного согласия... Заранее предупреждаю: большинство из них бывшие дворяне, многие — вообще белые офицеры. Но, в отличие от, извините, многих нынешних «пролетарских руководителей», умеющие и любящие самом деле работать и за свою работу отвечающие. Они года за три все сделают, я имею в виду тут, в Москве, но нужны письменные гарантии того, что рукожопые... разные партийные начальники им мешать не будут: среди наших специалистов нет ни одного большевика.

— А вы можете гарантировать, что они выполнят то, что вы тут пообещали? И почему года за три, разве нельзя это проделать быстрее?

— Нельзя. Потому что сначала потребуется выстроить заводы, которые будут делать трубы, по которым горячая вода потечет от теплоэлектростанций в дома, заводы, которые изготовят батареи отопления, арматуру необходимую. Еще потребуется разработать и спроектировать всю сеть коммуникаций, выстроить все эти трубопроводы. А еще — создать службу, которая потом будет всю эту систему обслуживать, а для этого — подобрать и обучить множество специалистов. Три года — это минимальный срок, в течение которого лишь начнется подключение жилых домов к системе. И тут уж никакие заклинания на тему энтузиазма масс не помогут: даже девять женщин не смогут родить ребенка за месяц. Я вам набросок программы где-то через недельку пришлю, вы сами все посмотрите.

— Про женщин я уже от кого-то слышал... от кого-то из вас, кстати. Хорошо, я отдельно поговорю с Горкомом партии, а с товарищем Менжинским вы и сами, думаю, о гарантиях договоритесь. И — спасибо что заехали и все так подробно объяснили. Только у меня возник новый вопрос: а что Валериан-то неправильно сделал?

В отношении ответов на вопросы экономические Иосиф Виссарионович полностью доверял лишь двоим: Глебу и Славе. Причем Глеб «никогда не ошибался» в вопросах, связанных с энергетикой, а вот Слава — тот был непревзойденным специалистом в экономике «вообще». Сталин вспомнил, каких трудов ему стоило уговорить эту парочку вступить в большевистскую партию после смерти Ильича (которого они оба, мягко говоря, на дух не переносили) для того, чтобы обеспечить им возможность работы в правительственных структурах — и недовольно поморщился. Не потому, что считал те давние усилия неправильными, а потому, что все равно «на вершине власти» стояли гораздо менее компетентные люди.

Поэтому, получив от Девятого управления «эскизный проект плана развития Москвы» он, после того как с ним ознакомился, позвонил Струмилину:

— Слава, я бы хотел с тобой кое о чем посоветоваться.

— Ну так приезжай, я на работе еще долго пробуду...

Такой ответ Сталину не то чтобы понравился, ведь понятие «долго» в девять часов вечера звучит немного расплывчато, но вопрос отлагательства не терпел, а Слава наверняка бы отклонил предложение о визите в Кремль.

— Слава, ты мне вот что скажи: эти, которые из Девятого управления, они на самом деле в планировании что-то понимают? По моей просьбе они прислали мне проект перевода Москвы на центральное отопление — но в их плане, по сути, вся Москва перестраиваться должна. Я уже не говорю, что это само по себе нереально, но ведь у них даже предлагаемые дома получаются на треть дороже тех, что сейчас в городе строятся! И ведь они это и сами прекрасно знают, а все равно предлагают. Они что, вредители?

— Я в прошлом году был пару раз в Боровичах, и меня там многое удивило — но я и расспросил всё подробно. Так вот, если принять во внимание некую суть, которую мы из

виду вообще упускаем...

— Ты мне про суть вещей не рассказывай, просто ответь.

— Так я и отвечаю. Они ввели новое понятие в экономике... может и не новое, но я раньше о таком не слышал. Называется «стоимость владения», то есть средства, которые тратятся не только на приобретение какой-то вещи, но и для того, чтобы эту вещь в дальнейшем использовать. Так вот: у них дома получаются дороже, но эта самая стоимость владения выходит настолько ниже, что уже через год-полтора общие расходы оказываются меньше, чем для тех домов, которые нынешние архитекторы ставят. Простой пример: в их домах отопление требует на треть меньше энергии, а это и снижение затрат на закупку тех же, скажем, дров, и отсутствие необходимости строить дровяные сараи. Я уже не говорю о том, что практически полностью исчезают транспортные расходы...

— Но до этих ТЭЦ-то те же дрова все равно возить придется!

— Да, и это входит в затраты на постройку: к электростанциям по их планам протягиваются рельсы, а по рельсам топливо возить очень дешево. Они мне все свои планы тоже прислали, я уже пересчитал — и получается, что они, в плане общих расходов только на первый год использования жилых домов, еще процентов пять заложили на «непредвиденные расходы».

— Допустим. А зачем они старые-то дома собираются перестраивать? Ладно ремонт, а ведь они закладывают именно перестройку, с полным выселением жильцов!

— Понятно, ты просто кое-что в планах пропустил. Людям-то в этих домах жить придется...

— Да что ты говоришь!

— Я говорю, что им там придется в том числе и еду себе готовить. Дрова мы убираем, и что остается? Как там Ольга Дмитриевна говорила: керосинки не предлагать! Они в домах собираются ставить электрические плиты...

— Много на плитке сготовишь...

— Много, если мощность плиты достаточная. Я их плиты видел, себе давно такую же хочу.

— Ну и попросил бы, тебе бы они не отказали.

— Проводка сгорит. Они во всех домах будут полностью менять электрическую проводку, чтобы провода не горели даже когда включают и плиту четырехкомфорочную, и чайник электрический — кстати, советую посмотреть, тебе понравится, — и холодильный шкаф, и стиральную машину...

— Про холодильный шкаф — это ты Мироныча вспомнил?

— У них в Саратове две недели назад завод был запущен по производству таких шкафов. Но весь выпуск пока идет только в их же города, потому что в других проводка электрическая сгорит если их включать. Дорогие шкафы, двести рублей — но в магазинах они не залеживаются...

— Опять секретный завод...

— Они про этот завод еще год назад объявили. Просто никто не понял, о чем они говорили: завод холодильников — и что? На паровозах тоже холодильники ставятся, а они не уточняли.

— А без неё мы такую проводку в дома поставить не можем?

— В том-то и беда, что нет. У нас просто меди не хватит.

— А они у себя там медь что, рожают?

— Можно и так сказать. У Управления, как я догадываюсь, иностранные компании имеются, секретные. Они последнее время очень много чего из-за океана возят... а вот про жилые дома есть еще один очень показательный пример. Когда в Павлово на Оке завод автотракторного инструмента стоили, они там тоже какое-то свое строительство затеяли. И с правлением нашей заводской стройки договорились, обязанности поделили: ЗАТИ им передал все фонды по жилищному строительству, а Девятое управление всё жилье для рабочих в городе и выстроило. Так вот, сейчас на ЗАТИ текучки кадров вообще нет и даже прогулов нет: каждый рабочий получил от завода ведомственную квартиру, из которой выгоняют если нарушается трудовая дисциплина. А кроме квартиры там и детские сады с яслями, и две прекрасные школы...

— Так из квартиры выгонять по закону...

— Они по закону выгоняют: все жилье, выстроенное Девятым управлением, является ведомственным и принадлежит именно Девятому управлению, и формально они «излишки жилого фонда временно предоставляют рабочим соседнего завода». Именно «временно», и Девятое управление само это время определяет. Не придерешься, а руководство ЗАТИ не нарадуется на такое положение. Ну так я к чему: у них каждый рабочий получает именно отдельную квартиру, в которой стоят и плиты электрические, и вода горячая прямо из крана течет. И вот всё это: и вода горячая из крана, и отопление, и даже электричество для плит обеспечивается там же выстроенной теплоэлектростанцией, как раз на дровах и работающей. А в результате этого у них расходы на весь жилой комплекс вдвое меньше тех, что закладываются нашими архитекторами — и это с учетом того, что они наняли очень много народу чтобы собирать в окрестных лесах всякую некондиционную древесину на дрова для электростанции.

— Понятно. Тогда еще один вопрос: чем эта Ольга Дмитриевна недовольна насчет Валериана?

— Я как раз смотрю материалы, которые она прислала по этому поводу. Про то, что мы первую пятилетку бездарно просрали...

— А я... у меня несколько иные сведения.

— Должен сказать, что Ольга Дмитриевна еще выражения выбирает... повежливее. План по расходам мы как бы и выполнили, но реально выполнили лишь во внешней торговле, то есть в валюте... даже перевыполнили немного, благодаря опять же Девятому управлению. А в советских рублях номинально выполнили, но рубль за пятилетку обесценился почти втрое, так что по факту исполнение расходной части составляет около семидесяти процентов. Ну и результат соответствующий. На нынешнюю пятилетку расходы как бы втрое больше запланированы, но если смотреть в постоянных ценах, то рост расходов будет меньше десяти процентов. Что лишь доказывает крайнюю неэффективность работы новых предприятий.

— Этой бабе лишь бы критиковать...

— Временную неэффективность, пока рабочие не обучены правильно — а мы этого, похоже, не учли. И Ольга Дмитриевна — не баба, и как раз критикой она не занимается. Она, через Девятое управление, смогла стерилизовать — кстати, тоже новый термин я у неё узнал — примерно миллиард рублей, из тех, которые Брюханов под финансирование строек пятилетки напечатал.

— Это как «стерилизовала»? Вскипятила, спиртом протерла?

— Тебе бы все хиханьки. Деньги напечатали, рабочим на стройках выплатили, рабочие

в магазины и на рынки пришли — а товара нет. И тот, что есть — дорожает, получается инфляция и обесценивание денег. Так вот, заводы и колхозы Девятого управления поставили товаров и услуг рабочим почти на миллиард, то есть — я специально все цифры пересчитал — внутреннюю инфляцию уполовинили. А деньги, за это вырученные, себе забрали.

— И куда они эти деньги дели?

— А в том-то и дело, что никуда не дели! Под подушку спрятали, и деньги эти в оборот не пошли и на рынок уже не давили! Это она и назвала словом «стерилизация», когда избыточные деньги, из оборота изъятые, не разъедают экономику инфляцией. Правда потом они на эти деньги сами много чего понастроили, причем по моим прикидкам потратили их чуть ли не вдвое эффективнее, чем мы, и наладили выпуск товаров, которыми стабилизировали денежный оборот в стране. И вот если учитывать то, что выстроило Девятое управление, то тогда план пятилетки выглядит почти выполненным. Но тут получается ситуация вообще парадоксальная: одно Девятое управление на денежную циркуляцию сейчас имеет большее влияние, чем Наркомфин. И слава богу, что у Ольги Дмитриевны сотрудники больше о советской экономике заботятся, чем Брюханов и Гринько!

— Мне иногда кажется, что они вообще обо всем, что в стране происходит, заботятся... и это меня, честно говоря, пугает.

— Кстати, насчет всего: Ирина Алексеевна, которая мне документы привезла, попросила кое-что и тебе передать, держи. А на словах она передала, что Александру Лорху за его картошку необходимо дать орден Ленина, а Вавилову сказать, что если ВИР и дальше будет только научные статейки производить вместо новых сортов сельхозрастений, то нахрен такой институт и его руководителя.

— Ирина Алексеевна? Она может высказаться доходчиво... Значит, их план по Москве советуешь принять?

Товарищ Сухов первого сентября домой пришел домой в настроении более чем радостном. А на вопрос Гули, что его так обрадовало, просто положил на стол принесенную с собой железяку.

— Это то, что я думаю? — с улыбкой спросила его жена.

— Не совсем, но первый шаг, можно сказать, пройден успешно. Это ствол пока еще для карабина, но ствол целиком изготовлен одной лишь ротационной ковкой, и он никакой дополнительной обработки уже не требует. Разве что снаружи обточить слегка, кривизну выправить, отхромировать внутри...

— Понятно, практически готовое изделие, остались только мелочи.

— Вот именно: мелочи. В принципе можно и такой ствол на карабин ставить — а трудозатраты на него получаются впятеро меньше нынешних техпроцессов. А если учесть, что ротационно-ковочная машина один ствол делает всего две минуты...

— Что уже великое технологическое достижение.

— Ты не понимаешь...

— Да всё я понимаю, просто тошно мне. И твоей заботой теперь будет доставка жене соленых огурцов и селедки.

— Еще? Так это замечательно! Слушай, а сейчас статус многодетной матери со скольких детей присваивается?

— Вот уж только статус нам и нужен! Чтобы еще в магазинах без очереди и проезд бесплатный на общественном транспорте. Ах да, и льготы по оплате за квартиру, я ничего не

забыла?

— Вроде ничего. А как дела в твоём институте?

— Терпимо. То есть хорошо, но слушателям практики катастрофически не хватает. И это, безусловно, прекрасно, но...

— Может, врагов народа начнем потихоньку отстреливать? Поначалу пусть твои хирурги с огнестрельными поупражняются, а потом можно будет и с осколочными практику им устроить.

— Ничего не выйдет: Петруха обычно не промахивается, а для анатомического театра и так объектов хватает. Да и пусть ребята пока теорию подтянут, а практику... если память меня не подводит, то мелкие стычки с японцами уже в следующем году начнутся.

— А бои с китайцами уже в этом году. Менжинский специально интересовался по поводу медицинской поддержки корпуса, который в Синьцзян скоро отправится. Я, конечно, про такую войну, если она и была в нашем мире, ни хрена не помню, но раз Синьцзян остался китайским, нашим там, возможно, прилично вломили, так что полевая медицина лишней точно не будет. Но ты туда не поедешь!

— А я и не собиралась, там ни огурцов, ни селедки нет, так что от нас поедут ребята, которых Слащев подготовил, а с ними и два десятка моих хирургов. Маловато... я про полевую практику говорю, но хоть так. А вот ты туда не поедешь.

— Конечно, мы через неделю-другую вторую машину запускать собрались, стволы уже для КОРДа ковать.

— А вроде хотели к КПВТ?

— Это будет следующий этап, к тому же, судя вот по этому стволу, не последний. А быстрее я не могу следующий станок сделать: хренова туча заказов от энергетиков, завод станкостроительный и без того круглосуточно работает.

— Надо новый завод строить...

— Для него станки и клепаются!

— А я имею в виду новый станкостроительный. Почему-то у меня возникли смутные сомнения по поводу завода в Павлово.

— И какие? В октябре он почти наверняка заработает, всё оборудование для него уже сделано или куплено.

— Сейчас в стране выпускается только один автобус в Ярославле, причем по полсотни в год — а Павловский завод будет штамповать по три автобуса в сутки, причем автобусы, считай, последней трети двадцатого века. Алкоголик Валерьян ведь наверняка потребует объемы выпуска увеличить, в какой-нибудь свой план включит...

— Пусть он в какой-нибудь план включит изготовление моторов для него.

— Четырехцилиндровый бразильский алюминиевый оппозитник? Вася говорил, что нынешняя промышленность такой сделать пока не в состоянии.

— Но мы же делаем, значит и другие смогут. Хотя да, наши станки нужны будут...

— Впрочем, я думаю... я надеюсь что Куйбышев, каким бы болваном он не был, на автобусы наши не позарится. Они же цельнометаллические, а со сталью, тем более с прокатом в стране глухо. Вася что, со скуки в Кулебаках металлический заводик проапгрейдил на миллион почти шведских крон? Теперь его сверхплановой продукции автобусному впритык хватает, а там, как я понимаю, хоть наизнанку вывернись, но металла больше получить не выйдет.

— Что-то ты про Павловский завод слишком много знаешь, тебе это зачем?

— А там напротив, через речку, самый мне нужный завод имеется. Тумботинский, где инструмент хирургический делают. Хороший инструмент, я бы даже сказала лучший в мире — но маловато. Ну я и договорилась с инженерами с ЗАТИ, что они Тумботинскому заводу заодно и кое-какое оборудование изготовят. А чтобы вовремя обещанное сделали, приходится следить и пинки живительные раздавать время от времени...

— Так, и мост через Оку это с твоей подачи строить там собираются?

— Товарищ Сухов, между прочим тебе русским языком сказано: любимой жене срочно нужны соленые огурцы. Ты почему еще здесь?

Первого декабря тридцать третьего года в четвертой секции Хранилища-13 состоялась интересная встреча. То есть поначалу она была интересной только для Архипа Михайловича, но немного погодя и остальные участники «заинтересовались». А чуть позже — заинтересовались уже всерьез, хотя день для них выдался... странный.

Николая Тимофеевича Гудцова чекист в немалых чинах (три «шпалы» в петлицах!) встретил у порога его кабинета:

— Требуется ваша консультация, срочно, так что попрошу следовать за мной.

— Но у меня назначено совещание...

— Я уже предупредил директора института, посовещаетесь завтра. Это срочно, машина ждет у подъезда.

— Ну хорошо... А куда мы едем? — поинтересовался он уже когда машина помчалась по улицам. — И по какому вопросу консультация?

— Я не знаю, мне просто приказано вас доставить... сейчас мы едем на Корпусной аэродром. Там несколько человек будет.

Дмитрия Аполлинариевича Рожанского чекисты «пригласили» еще дома, что его поначалу испугало: его ОГПУ однажды уже арестовывало, хотя и всего на несколько дней. Но ему повезло больше, чем Гудцову: чекист сказал, что нужна срочная консультация сотрудникам Девятого управления, а про эту организацию Дмитрий Аполлинариевич уже кое-что слышал, да и лично их работу прочувствовать успел: именно сотрудники этого Управления его после ареста освободили. Так что в самолет он сел, будучи совершенно спокойным — ну, если не считать того, что он, как и любой человек, впервые в самолет садящийся, испытывал страх перед предстоящим полетом. Однако сам полет оказался похож на поездку в автобусе, даже, пожалуй, был более комфортным — а вот когда инженеры прибыли на место, оба они начали волноваться всерьез:

— Здравствуйте, — поприветствовала их молодая женщина, одетая более чем странно: кремовый шелковый брючный костюм на женщинах вообще был довольно непривычен, но три «ромба» в петлицах делали его буквально «сказочным». А прикрепленные к жакету ордена делали эту молодую женщину похожей на... на никого не похожей. Впрочем, Гудцов догадался, что имеет дело с «женщиной в белом», о которой среди ленинградских ученых ходили самые странные слухи: что она сама управляет самолетами, иногда орет на самого Кирова, а некоторые говорили, что несколько раз она ругалась со Сталиным, точнее даже что она Сталина в лицо страшно ругала... В любом случае женщина эта была явно не простая, и её предупреждение оба инженера приняли всерьез:

— Вы сейчас узнаете кое-что, являющееся государственной тайной. Об услышанном и увиденном нельзя рассказывать никому: ни знакомым, ни родственникам, ни даже друг другу. Наказание за нарушение этого правила одно, так что...

— Так может не стоит посвящать нас в ваши страшные тайны? — спросил Гудцов.

— Может и не стоит, но больше некого. И вы же не бабы, которых от тайн распирает и которые сдержаться не могут чтобы кому-то их не раскрыть. А я — как раз она, вот и раскрываю их вам... ладно, пошли узнавать эти страшные тайны.

Неподалеку от аэродрома находились какие-то огромные ангары, упирающиеся, как казалось, в здоровенный холм — но оказалось, что это лишь казалось: эти ангары продолжались и в глубине холма, причем конца им был не видно. Внутри ангара разместился какой-то завод, и цеха были ярко освещены огромным количеством электрических ламп — а вот рабочих среди многих десятков станков видно было немного. Но станки все крутились и жужжали... наверное: через стеклянные стены коридора, по которому они шли, шум цеха почти не просачивался. Цехов: вглубь ангара пришлось пройти через трое расположенных в сотне метров друг от друга ворот. Похоже, и это было не концом огромного строения, вдали виднелись еще одни ворота — но из коридора через небольшую боковую дверь они вышли в небольшой (по сравнению с цехами) зал, где на каких-то металлических верстаках стояло несколько непонятных устройств.

— Вот, Ирина Алексеевна, все наши детишки, — встретил визитеров довольно молодой парень, — результаты испытаний показывают, что ваши требования удовлетворены. Хотя могло бы быть и лучше...

— А что не лучше?

— Мотор номер пять отработал триста часов, мы закончили все проверки и я думаю, что еще часов двести он еще сможет отработать без особых проблем. Правда мощность на нем получалась в пределах пятисот двадцати сил — но это потому, что температуру в камере сгорания мы держали не выше пятисот восьмидесяти градусов. Номер четыре отработал до отказа почти двадцать часов при температуре в семьсот пятьдесят, третий — около пятидесяти при семистах двадцати, второй — сто при шестистах пятидесяти. Я считаю, что в серию надо запускать пятый вариант.

— Он же керосина жрет столько же, сколько и четвертый?

— Даже чуть больше, но лишь самую малость. Тем не менее сами смотрите: свыше пятисот сил при весе в двести тридцать килограмм!

— А мне нужно не пятьсот, а тысячу двести.

— Я уже считал: чтобы хотя бы тысячу с мотора снимать, температуру нужно поднимать до девятисот пятидесяти, а то и до тысячи — но я не уверен, что лопатки в таком режиме хотя бы час продержатся.

— А для того, чтобы они продержались, Архип Михайлович, я и позвала консультантов. Начнем с азов: чтобы лопатка не перегревалась, нужно её попросту охлаждать — а это проще всего сделать воздухом, который потечет через саму лопатку. Если при этом часть воздуха под высоким давлением выпускать вдоль передней части, то огонь ее вообще касаться не будет.

— Они и от излучения греться будут. К тому же появятся сильные тепловые напряжения и лопатка по граням кристаллов треснуть может. Да и вообще непонятно, как в лопатке внутри сверлить воздушные каналы.

— А вот с этим нам поможет Николай Тимофеевич. Мы лопатку не точить будем, а отливать, а чтобы она не трескалась по границам кристаллов, отливать её мы будем монокристаллической и никаких границ кристаллов внутри лопатки не будет.

— Я не совсем понимаю, о чем идет речь, но мне кажется, что сделать то, о чем вы говорите, в принципе невозможно — ответил Гудцов.

— Ну почему же? Делаем форму с закладными деталями на месте воздушных каналов, суем эту форму в алюминий, заливаем металл, а потом медленно, не быстрее градуса в секунду, начинаем алюминий снизу охлаждать. При этом первый же появившийся внизу формы кристалл будет так же медленно расти вверх пока не присоединит к себе весь металл.

— Интересное решение вы предлагаете... вы всерьез думаете, что все это проделать так просто?

— Если бы я думала, что это просто, я бы не тащила сюда лучших специалистов в стране. Это даже не сложно, это очень сложно — но это надо сделать.

— Вы знаете, у меня много другой работы...

— Знаю. Поэтому я пригласила вас не на работу — хотя и имею полное право это сделать даже не спрашивая вашего согласия — а на консультацию. Вы, как консультант, задачу уже представляющий, подберете нам несколько людей, которые эту работу сделают. Работу очень секретную — то есть никаких контактов с иностранцами и более чем ограниченные контакты с коллегами — но в результате... вот такие побрякушки — Ирина Алексеевна ткнула пальцем в орден Трудового Красного Знамени у себя на груди — гарантируются плюс дальнейшее руководство выстроенным под эту работу заводом. Мне люди нужны до конца года, а вас я еще попрошу потом оказывать им максимально возможную научную и методическую помощь. С соблюдением секретности, само собой, так что будет у вас персональный самолет чтобы при необходимости сюда быстро добраться.

— Как я понял, речь идет о постройке каких-то новых моторов. Ну а я-то ту зачем? — подал голос Дмитрий Аполлинариевич.

— Видите ли, лопатки, о которых идет речь, будут работать в условиях очень высоких температур...

— Боюсь, я тут ничем помочь не смогу.

— И в очень агрессивной среде. Чтобы они не превратились в кучу окислов, их нужно покрыть тонким слоем окиси циркония... с некоторыми мелкими примесями, слоем толщиной микрон в двадцать. А сделать это можно только с использованием электронно-лучевой пушки. Вы осциллограф изобрели же? Значит, что такое эта пушка, знаете. И, если подумаете как следует и подберете грамотных помощников, сделать пушку мощностью киловатт в пять сумеете.

— Какой мощностью?!

— Вы не ослышались. Значит так, товарищи консультанты: обозначенные работы было бы крайне желательно закончить через год. При выборе работников вам прежде всего следует учитывать не только их компетентность, но и способность вести работы в условиях стрессов и секретности.

— Каких стрессов? — удивленно спросил Рожанский.

— А это когда Ирина Алексеевна орать на вас начинает, — рассмеялся Архип Михайлович. — Это очень страшно — если у вас руки из жопы и в голове опилки вместо мозгов. А если с руками и с головой все в порядке, то вместо испуга появляется острое желание задачу решить и откуда-то даже идеи о том, как это сделать. В любом случае мне было очень приятно с вами познакомиться и, надеюсь, будет очень приятно и поработать вместе. Моя фамилия Люлька... приглашаю всех пообедать и вкратце обсудить появившиеся задачи. Вы с нами, Ирина Алексеевна?

Время пришло, наконец, разобраться, что же такое радиофобия

Как-то за обедом, когда все женщины собрались в «технической квартире», Гуля задала Оле вопрос, который её довольно давно мучил:

— Оль, а мы так усердно именно Сталина поддерживаем лишь потому что он прочих большевиков победил?

— Он их и без нас победил бы. Мы ему просто помогаем сделать этот процесс... менее болезненным для страны.

— А если бы мы поддержали каких-то других ленинцев, он бы не победил?

— Гуля, дело не в том, кто будет царем горы. То есть хорошо, что это будет Сталин, а любой другой, дорвись он до вершины власти, страну бы просрал. Ты хоть понимаешь, почему у нас все Сталина стараются с говном смешать, а того же Ильича наоборот возвысить? И я о буржуях говорю, а не только об отечественных либерастах.

— Либерасты и Ильича...

— Они его вообще стараются не упоминать. А дело в том, что Сталин, с помощью Кржижановского и, конечно же, Струмилина, которых он и назначил на нужные должности, выстроил в стране безинфляционную экономику. В принципе безинфляционную, и никому в мире повторить этого не удалось. И благодаря именно Сталину страна из полной экономической жопы, в какой она пребывала еще в двадцать шестом году, всего за пятнадцать лет стала второй по экономической мощи державой мира. Потом по этому же пути пошел Китай, но и им не удалось достичь того, что успел сделать Иосиф Виссарионович. Так что мы просто немного помогаем ему поднять экономику чуть-чуть побыстрее. И, между прочим, улучшить качество жизни миллионам наших людей.

— Не совсем поняла, но поверю.

— Одной веры мало. Ты же умная женщина, и сама видишь, кто в твоей хотя бы области работает на благо общества, а кто старается нагадить. Проект по стоматологии ты же подготовила?

— Ну подготовила, и всем насрать.

— Не насрать, просто пока ресурсов нет для его исполнения. Но мы же эти ресурсы сейчас и начали обеспечивать. Вроде и мелочь, но когда таких мелочей сотни, в сумме они скоро дадут очень приличный эффект.

— Экономический, да?

— И экономический тоже. Но, что важнее, и эффект идеологический. Сейчас экономика идет за идеологией, и именно Сталин нужную нам идеологию в верхах и внедряет. Так что, надеюсь, царство безинфляционной экономики постигнет нас еще до войны, и это, сколь ни удивительно, разрушительный эффект войны уменьшит возможно даже в разы. В довесок к нашим КПВТ, конечно...

Летом прошлого года Петр Климов, приехавший в Москву в качестве «сопровождающего» Ольги Дмитриевны, как бы мимоходом спросил у Иосифа Виссарионовича, а не пора ли Бронштейну отправиться на покой — а через месяц какой-то клошар из Сен-Пале порезал «льва революции» в драке у помойки, куда местный ресторанчик выбрасывал остатки еды. Тогда даже французские полицейские не смогли понять, что заставило Троцкого лезть в эту помойку — но обстоятельства его смерти

сделали всех троцкистов (главным образом зарубежных, конечно) посмешищем. Тем более посмешищем, что суд клошара оправдал: множество свидетелей подтвердили, что Троцкий сам напал на француза с ножом, которым он в итоге и был зарезан.

А вот ВКП(б) к «бесславной смерти ублюдка», как назвал операцию Петр Евгеньевич вообще никоим образом не была причастна, хотя даже несмотря на прямые вопросы Сталина товарищ Климов не раскрыл, как ему удалось всё это повернуть столь «элегантно». Коновальца он ликвидировал более грубо — пулей в лоб, но опять-таки никому не рассказал, как посреди людной берлинской улицы он всадил тому пулю из пистолета так, что вообще никто даже выстрела не услышал.

Сталин подозревал, что и за таинственным исчезновением или смертью некоторых руководителей страны тоже стоит если не этот парень, то кто-то из Девятого управления: когда Авель исчез, через неделю Менжинский принес результаты расследования — и в документах не было ни слова о том, куда делся член ЦКК, но было очень много про дела самого пропавшего, причем много такого, за что Авеля следовало расстрелять еще несколько лет назад. И документы эти были подготовлены Девятым управлением...

Сталин часто вспоминал слова Ольги Дмитриевны о том, что их работа заключается в изучении того, какую пользу может принести человек и «извлечении этой пользы». А если человек способен принести лишь вред... Иосиф Виссарионович иногда ловил себя на мысли, что если кто-то в Девятом управлении решит, что пользы от товарища Сталина будет меньше чем вреда, то этот улыбчивый молодой человек... Впрочем нет: именно Климов указал Власику на отвратительную подготовку личной охраны и серьезно помог в ее реорганизации. А Николай Сидорович позже говорил Сталину, что тот особо пояснял: «твоя задача — охранять Сталина. Это единственная твоя задача, и если для прикрытия Сталина от пули нужно выставить щитом себя, меня, женщину, ребенка или вообще папу римского, ты обязан использовать этот щит не раздумывая». Так что сейчас Девятое управление на его стороне...

Именно поэтому когда Светлана Юрьевна приехала в Москву, Сталин принял ее сразу же. Ну, не только поэтому, ведь после смерти Крупской именно Светлана Юрьевна занялась серьезной реорганизацией школьного образования, и результаты — что было крайне удивительно в таком «неспешном деле» — стали заметны почти сразу. Правда, предложение занять пост наркома просвещения она отвергла, но теперь наркомат в плане образования школьного все равно большей частью занимался именно тем, чем заниматься приказывала Светлана Юрьевна. Вот только от мужа эта женщина отличалась тем, что очень любила поговорить о том, как и что она делала и как нужно поступать всем остальным, а любые серьезные решения принимала лишь после того, как посоветуется «со старшими товарищами». Но в этот раз она в Москву приехала не для «совещания», вывалив на Сталина кучу вопросов, посвященных, сколь ни странно, сельскому хозяйству. И проблемы она описывала весьма эмоционально, настолько эмоционально, что Иосиф Виссарионович чуть чаем не подавился, узнав о том, чем околачивают груши многочисленные сотрудники ВИР и ВАСХНИЛ:

— А самое противное заключается в том, что вместо серьезной работы по выведению новых сортов и по повышению урожаев вообще они большую часть времени занимаются внутренними склоками! По сути, за казенный счет они там кляузы сочиняют, доносы друг на друга пишут! А ОГПУ со всеми этими сочинениями двоечников от сельхознауки должно разбираться! Мало того, что сами ни хрена не делают, так еще и людей от важной работы

отрывают!

— Светлана Юрьевна, я понял, что вы хотите сказать. Но ведь не существует волшебной палочки, которой стоит взмахнуть и все превратятся в ответственных работников...

— Почему не существует? Шпицрутен очень даже способствует просветлению в умах.

— Но мы же не можем их палками лупить!

— Поняла. Вы не можете... зато я — я очень даже могу. Мы же не мужиков пороть собираемся, а зазнавшихся новых бар — а им очень даже не вредно напомнить, что страна им зарплату платит не за то, что они такие красивые и все из себя умные.

— Вы собираетесь всех этих агрономов лично пороть? — пошутил Иосиф Виссарионович.

— Много им чести. Я думаю, что будет достаточно в каждом их учреждении организовать надзорный отдел от нашего Управления. И надзирать он будет не за сотрудниками, а за расходованием бюджетов: самый болезненный удар для таких дармоедов — это удар по их кошельку. А вот по кошельку я собираюсь бить прицельно: и снимать с финансирования идиотские проекты, и наказывать рублем за нецелевые работы...

— Это какие?

— Ну, написал, допустим, в рабочее время клеветническую кляузу — из зарплаты вычтем все расходы на её проверку.

— А если написал о реальных нарушениях и безобразиях?

— Тогда проверку оплатят нарушители и безобразники. Еще и премию тому, кто сообщил, из зарплаты своей перечислят. Ну а если нарушитель и безобразник отправится под суд... если получит высшую меру, то Управление из своих фондов премию выплатит, это вообще не вопрос.

— Ну что же, насколько я помню, вы, когда с предложениями приходите, все нужные документы уже подготовить успеваете. Вам что нужно, постановление ЦК?

— Будет достаточно поручения Вячеславу Рудольфовичу обеспечить порядок в рассмотрении жалоб сотрудников ВИР и ВАСХНИЛ. Ну а как он это обеспечит, мы уже с ним договорились, у ОГПУ полномочий на это хватит.

— Светлана Юрьевна, мне вот что интересно: кто кем у вас руководит? Менжинский Девятым управлением или управление ваше Менжинским? Он же выполняет всё, что вы у него просите.

— Никто никем, у нас взаимовыгодное сотрудничество. И он не выполняет наши хотелки, а делает то, что наносит стране пользу. А хотелки — они, чтобы их исполнили, должны быть разумными. Вот мне, например, хочется дома поставить золотой унитаз: красиво и солидно. Но неразумно: от соприкосновения с металлом попа мерзнет. Поэтому и исполнять такую хотелку никто не будет, даже если хотельщик о замерзании собственной задницы не подумал. Ну так я пойду? Мне еще сегодня президента ВАСХНИЛ нужно напугать до мокрых штанов: в стране жрать нечего, а он пытается задавить тех, кто его считает тем, кто он есть на самом деле. И еще одна просьба: Иосиф Виссарионович, когда все эти агрономы к вам с жалобами побегут, вы все эти жалобы просто мне отправляйте, я с ними разберусь. А вам на возню бульдогов под ковром время тратить не стоит... да и какие они бульдоги? Так, мыши...

Николай Иванович с некоторым удивлением смотрел на сидящую перед ним женщину. И удивление было вызвано в первую очередь тем, что женщина эта скорее всего вообще не имела к возглавляемым им организациям никакого отношения — формально не имела, но

слова её говорили об обратном. И слова эти были довольно неприятными:

— Я гляжу, что вы не прониклись. Поэтому повторяю еще раз: нам... лично мне в частности, очень не нравится то, что вы — и я имею в виду все ваши институты — занимаетесь чем угодно, но не тем, что страна от вас ждет. Проще говоря, вы пускаете деньги на ветер. Поэтому считаю необходимым довести до вашего сведения: если в течение ближайших пары лет ВИР не выставит на испытания сорта пшеницы, дающие устойчивые урожаи не менее семнадцати центнеров с гектара, у института появится новый руководитель. В связи со скоростной кончиной прежнего — и я не шучу, не запугиваю, а просто констатирую факты. Еще парочка предупреждений на будущее: любые ваши попытки хоть как-то очернить Лорха и Пустовойта или хоть в минимальной степени помешать им в работе приведут к утверждению уже заготовленного для вас расстрельного приговора. Я не призываю вас всё бросать и тратить силы и средства на оказание им какой-то помощи, мы и без вас им дадим все, что потребуется.

— Я думаю, что наркомпросу не следует лезть в дела, в которых там ничего не понимают.

— Вы, я вижу, не просто не поняли сказанного, но и попытаться понять не желаете. Откровенно говоря, я бы вас прямо сейчас пристрелила бы, но меня очень просили особо резких действий не предпринимать и соблюдать социалистическую законность. Так что оставляю вам время подумать... недолго, а с сегодняшнего дня вам запрещаются любые зарубежные поездки. И вам лично, и вообще всем сотрудникам ВИР и ВАСХНИЛ. Включая поездки на похороны любимой бабушки. В ВИРе и в каждом отделении ВАСХНИЛ будут организованы так называемые девятые отделы, и все научные и исследовательские программы будут получать финансирование только после их утверждения в девятых отделах. А руководители программ будут нести за результаты личную ответственность.

— Но какое отношение наркомпрос имеет к сельскому хозяйству?

— Наркомпрос? Понятия не имею. А... вообще-то я не работаю в наркомпросе, я всего лишь начальник отдела образования Специального Девятого управления ОГПУ. И меня, откровенно говоря, очень не радует, что советские ученые без живительных пинков от ОГПУ нормально работать не в состоянии — но раз уж так получилось, то пинки я обеспечу. И личную ответственность за результаты — вплоть до высшей меры.

— Понятно... но, должен заметить, ваши запросы, например в части урожайности сортов пшеницы...

— Странно, а мне говорили, что вы про сельское хозяйство хоть что-то знаете. Андрей Болотов еще в восемнадцатом веке под Петербургом собирал урожаи пшеницы по девяносто центнеров с гектара. В восемнадцатом веке! По девяносто центнеров! Под Петербургом!!! Ладно, вы меня выслушали и у вас есть время об этом подумать. В конце концов вы не дурак, а просто зазнавшийся хам, и пользу стране принести все же можете. Времени у вас для этого дофига, то есть до осени. А там — посмотрим, поняли ли вы что вам я сказала или сельским хозяйством будут заниматься более понятливые. Да, еще... и это не рекомендация, а приказ, подлежащий беспрекословному исполнению: продвигать Трофима Денисовича с сегодняшнего дня больше нельзя. И последнее, просто для информации, по новым сортам зерновых: у нас есть свои плантации в Аргентине, так что вдвое сократить сроки сортоиспытаний будет несложно. Но работать там будут уже наши люди, так что пусть отечественные специалисты документацию готовят качественную. Вопросы есть? Нет? Значит, до встречи осенью... Хотя вот еще: если вы где угодно вслух произнесете слово

«топинамбур», то вас даже не расстреляют, а посадят на кол в лучших традициях царских сатрапов. Я лично прослежу...

Александр Петрович с искренним интересом смотрел на сидящую перед ним женщину. Молодая, высокая, но какая-то нескладная, она была одета «по последней моде», что, по мнению академика, её лишь портило. Но «нынешняя молодежь» во все времена была «неразумна и бросала вызов устоям», так что на одежду можно было и внимания не обращать. Вдобавок, а вдруг это у них форма такая? Ведь на лацканах ее серого костюма сверкали парочки рубиновых «ромбов», и Александр Петрович, будучи геологом, ни на секунду не усомнился в том, что это были именно рубины, а не какие-нибудь стекляшки.

Ну а женщина просто сидела и ждала, когда академик прочтет принесенные ею письма:

— Вам следует это прочесть немедленно, — заметила она, передавая два конверта из плотной бумаги, — я подожду пока вы не прочтете.

— Вам нужен ответ на письма?

— Нет, мне просто интересно, что вы на это скажете. И отвечу на вопросы, если они у вас появятся.

— Ну, хорошо, — и с этими словами Александр Петрович распечатал первый конверт.

«В Президиум Академии наук. Распоряжение Особого Девятого управления» — прочел он шапку письма и поднял взгляд на спокойно сидящую женщину.

— Читайте, читайте. Я отвечу на любые ваши вопросы.

«Все предложения, жалобы, сообщения и обращения сотрудников Академии, не связанные непосредственно с их специальностью по работе, будут рассматриваться исключительно сотрудниками Особого Девятого Управления ОГПУ, независимо от того, в чей адрес таковые предложения и обращения будут отправлены. Поэтому, с целью экономии почтовых марок, предлагается отправлять их сразу в Секретариат Особого Девятого управления. Распоряжение довести до всех научных сотрудников институтов Академии в недельный срок».

— А если научные сотрудники направят жалобы в другую организацию?

— Вычтем стоимость почтовых марок из их зарплаты.

— А если они сами марки купят?

— А из другой организации их писульки к нам святым духом доставлены будут? По хорошему надо вообще расходы на фельдкурьера вычитать, но пока мы решили только ценой марок ограничиться.

— Ну, допустим... а зачем вы ждали пока я это прочту? Распоряжение, безусловно, забавное, но каков его смысл?

— А смысл в том, что наши специалисты все эти писульки будут проверять всерьез, квалифицированных специалистов у нас хватит. И если в ходе проверки будет выяснено, что бумажка написана с целью очернить соперника или, наоборот, обелить преступника, то писателю за свои слова придется отвечать по закону.

— А как вы...

— Простой пример: академик Вавилов два года пытался смешать с дерьмом селекционера Лорха. Очень сильно пытался — но картошка Лорха спасла страну от голода, а вот достижения господина Вавилова как-то прошли мимо народных масс.

— Боюсь, что народные массы просто не поймут, в чем его достижения заключаются.

— Наши специалисты тоже не поняли.

— Вот видите!

— Наши специалисты вообще не поняли, что из всей его работы можно хоть с натяжкой считать достижением.

— Я, конечно, не специалист, — Александр Петрович покосился на Распоряжение, — но его достижения по части генетики...

— Да у нас выпускники восьмилетки в генетике разбираются лучше господина Вавилова!

— Товарища Вавилова...

— Да какой он, в жопу, товарищ! В тридцать втором году, во время путешествия по Южной Америке, он только на выпивку и баб потратил более пятидесяти тысяч долларов! Государственных, между прочим, долларов, заработанных буквально потом и кровью советских трудящихся. А в стране в это время бушевал голод, в том числе и потому, что за все время существования возглавляемые Вавиловым ВИР и ВАСХНИЛ ни одного урожайного или устойчивого к вредителям сорта не вывели! Зажравшийся хам он и вор, хотя пока мы и предоставили ему возможность исправиться. А если исправится, то дадим ему возможность и возместить нанесенный ущерб... Впрочем, я не об этом. А о том, что ученые должны думать головой, а не задницей, и не пытаться вмешиваться в дела, в которых не разбираются.

— А вы, стало быть, разбираетесь...

— Ага, у нас работа такая: разбираться. Ладно, давайте переходить ко второму письму.

«Президиум Верховного Совета СССР постановляет: За выдающиеся работы по разработке методик поиска платины и золота на Урале наградить академика Карпинского А.П. орденом Трудового Красного знамени»...

— Хм... Неожиданно... но приятно.

— Орден я вам вручу, но чуть позже. Читайте дальше.

«За многолетнюю работу по развитию Советской академической науки и достижение выдающихся результатов в становлении и развитии АН СССР наградить Президента Академии наук Карпинского Александра Петровича орденом Ленина».

— А вот это действительно...

— Внезапно так, да? Жалко, что больше наград приличных в Союзе нет... ну да ничего, какие ваши годы? Вы это письмо на стенде в секретариате повесьте, там еще десяток человек награждаются, но им придется в Кремль за орденами ехать, а вам... позвольте от лица всего советского народа поздравить вас с высокими наградами и вручить давно заслуженные вами ордена. Иосиф Виссарионович просил и от его лица вас особо поздравить. И да, чуть не забыла. Летом Академию будут в Москву переводить, все институты туда переедут. Потому как тут граница близко, а мировая буржуазия не дремлет... Но вас лично этот переезд не коснется, академиками руководить и по телефону можно, а при нужде они и сами к вам приедут. Однако, должна заметить, Куйбышев — он человек непредсказуемый, ему всё бы побыстрее, а спешка лишь при ловле блох нужна. Так что вы среди надежных руководителей институтов эту информацию распространите как бы невзначай, пусть потихоньку готовиться начинают. Но — молча, панику не поднимая, поскольку официально решение еще не принято.

— Я не уверен, что такое решение будет правильным.

— Будет. И переезд особого ущерба никому не нанесет. Я же Радиевый институт перетащила, и все переехавшие остались полностью довольными.

— Насколько я помню, и недовольных было немало.

— Это те, кого я брать не захотела. К сожалению, и в Академии немало бездарей, а уж просто мерзавцев, хотя их и немного, но явно избыток. И вот первое письмо в основном в их адрес и заготовлено, кстати. А при переезде Академию от таких и почистим.

— А это вы как себе представляете?

— Жилье для всех сотрудников Академии как раз мы строим, и распределять его мы же будем. А если кому-то этого жилья не хватит...

— Интересный подход, но я о другом. Как вы определите, кто здесь мерзавец, а кто настоящий ученый?

— Настоящий ученый тоже может быть мерзавцем: тот же Гамов по сути подставил под удар Вернадского и даже не покраснел при этом. А мы просто знаем, кто из ваших сотрудников кто. У нас работа такая...

— Ну и как отреагировал народ на откровения Гамова? — спросила Аня у Петрухи. Разговор этот случился в начале лета тридцать четвертого года, когда беглый физик устроился на временную работу в Кембридж.

— С восторгом отнесся, — ответил тот, — по крайней мере въезд во Францию ему закрыли навсегда. А если учесть, что Sunday Times и в Штатах читают, по крайней мере газетчики, выискивающие сенсации в Европе, то буря восторгов уже и в Штатах началась.

«Откровения» беглого русского физика состояли в том, что на вопрос репортера самой массовой британской воскресной газеты он честно ответил, что да, в руках у репортера настоящий экземпляр внутренней инструкции по технике безопасности, выпущенной в Радиевом институте два года назад и да, в Советской России Радиевый институт два года назад был перемещен из Ленинграда в какую-то пустыню на берегу Каспия, в место, расположенное в трех сотнях километров от ближайшего населенного пункта...

Правда, в интервью Гамов не преминул заметить, что «всё это происки большевиков» и что «нормальные люди ведь не могут доверять советской медицине» — от чего у читателей вообще сомнений не осталось в том, что все в газете написанное — чистая правда. Когда в аптеках есть только советские лекарства от кучи неизлечимых болезней, то каждому же понятно, что советским медикам доверять действительно «неразумно»...

Ну а инструкцию репортеру подсунил «сеньор Альварес», причем не полную инструкцию, а лишь первую её часть, где красочно описывались «радости» лучевой болезни и опасности наведенной радиации. Ну, Sunday Times — газетка большая, в ней место хватило и для «заметки про вашего мальчика», и для самого «мальчика»: британцы попросту перевели доставшийся им «секретный материал большевиков» целиком. И реакция на эту публикацию...

Реакция оказалась не очень быстрой, ведь сначала сами физики, развлекающиеся с ураном и радием, быстренько провели у себя в лабораториях разные анализы и проверки. А британские уже разведчики (то есть сотрудники консульства в Ленинграде) дополнительно выяснили, что старое здание Радиевого института было не просто снесено для постройки нового, современного — но уже для института прикладной ботаники, но и все обломки были вывезены куда-то очень далеко в закрытых вагонах. А вот когда проверки закончились...

В общем, Кавендишскую лабораторию жители Кембриджа не просто разгромили, но и здание её сожгли, после чего власти города были вынуждены руины разобрать, а камни затопить в Атлантике. Ну не зря же некие любопытствующие туристы рассыпали в лаборатории (и не только в Кембридже) несколько миллиграмм пыли из торий-бериллий-радиевого сплава.

Радиевый институт в Париже тоже закрылся, а работающим там физикам (как и их коллегами из Британии) пришлось максимально быстро перебраться на ПМЖ куда-нибудь за океан: настроения в народе были уже такие, что просто схлопотать по морде от пекаря из ближайшей пекарни могло быть сочтено за счастье. В Беркли руководство университета издало распоряжение о закрытии вообще всех физических лабораторий (включая более чем неплохую лабораторию механики), а ректор запустил кампанию по сбору средств на разборку здания и затопление обломков в Тихом океане. В общем, кампания по возбуждению радиофобии прошла на «ура». Ну а перспективы «самовыражения в науке» самого Гамова устремились даже не к нулю, а вообще к отрицательным величинам, тем более что и в СССР вернуться у него шансов не осталось: решением Верховного Совета он был лишен советского гражданства.

Сталин — после примерно шестичасового разговора с Аней — отнесся ко всему этому «с чувством глубокого удовлетворения», ведь ему были передан «убойный» компромат на Бухарина (который всячески способствовал выезду за границу Гамова вместе с женой), и на предстоящем пленуме ЦК его (уже выведенного из ЦК и назначенного всего лишь «кандидатом») Сталин готовился «утопить» окончательно. А разговор затянулся из-за того, что Иосиф Виссарионович очень заинтересовался причинами, побудившими Девятое управление начать постройку фактически нового города на Мангышлаке, в местах, где пресной воды вообще нет. И переносом туда Радиевого института.

— Собственно, там не сам институт размещаться будет, а лишь особая специализированная лаборатория.

— Тогда я не понимаю, зачем вообще заниматься изучением этого радия, если это так вредно для людей?

— Мы через Гамова запустили мощнейшую кампанию по дезинформации капиталистов, и, похоже, все исследования в этой области в крупнейших капиталистических государствах мы остановили лет на пять-десять.

— И что нам это дает?

— Ну, если говорить простыми словами, то килограмм урана может дать столько же энергии, сколько эшелон каменного угля. Проблема же заключается в том, что чисто теоретически эту энергию можно из урана извлечь в течение тысячной доли секунды.

— И что?

— И то. Двадцать килограмм урана — после весьма сложной и очень дорогостоящей обработки — по энергетике будут эквивалентны двадцати тысячам тонн тротила.

— Бомба? И вы можете такую сделать?

— Чтобы сделать такую бомбу, нужны многомиллиардные вложения. Столько денег у нас нет, но враги, если они сообразят, как это сделать, деньги найдут. Потому что их нужно будет вложить один раз, а потом каждая бомба обойдется уже в пределах миллиона, может двух.

— Тоже очень дорого.

— Да, но на уничтожение, скажем, всей Москвы потребуется максимум десятков таких бомб.

— Кто об этом знает?

— Пока я, мой муж, вы теперь. Но сейчас главное — мы знаем, как сделать так, чтобы там, в Германии, Британии и Америке про это никто не узнал еще лет десять, и мы все силы прикладываем к тому, чтобы срок этот максимально увеличить. И у нас пока получается...

— Вы рассказываете страшные вещи. Настолько страшные, что в них просто невозможно поверить.

— А нам и не надо верить. Слова — это всего лишь сотрясения воздуха. Но года через три... да, через три года мы сможем просто показать, что сотрясаем воздух не просто так.

— Вы собираетесь вложить миллиарды? А где вы их возьмете?

— У нас нет миллиардов, но у нас есть знания и, благодаря нашей работе, достаточно времени. Того самого времени, которое само по себе деньги. Мы уже потратили семь лет и да, сотни миллионов тоже потратили. То есть примерно двести двадцать миллионов золотых рублей и очень много рублей совершенно не золотых.

— Анна Федоровна я не могу сомневаться в ваших словах, но все же я хочу понять, зачем вы вкладываете такие деньги в проекты... имеющие лишь, как вы сами говорите, теоретические перспективы. Надеюсь, вы не думаете, что товарищ Сталин не в состоянии понять какие-то научные слова?

— Не думаю. Но объяснить, причем объяснить так, чтобы это понял человек, далекий от физики... я попробую, хотя на это и уйдет несколько часов. Но не напрасно уйдет, это-то уж я могу вам гарантировать.

— Несколько часов? Я готов несколько часов потратить на то, чтобы все же понять, что вы там у себя делаете.

— Тогда приступим? Для начала скажу очень кратко: все эти медицинские препараты, пленки для фотографии и кино, многое другое мы делаем лишь для того, чтобы получить деньги для решения главной нашей задачи. Попутно возникает еще множество задач поменьше, но их мы решаем лишь в той степени, в какой они помогают нам получить еще больше денег. И пока об этом всё, а теперь перейдем уже к основной части. Итак, все вещества состоят из атомов, а ядра этих атомов — из протонов и нейтронов...

Уравнялись и кант и лампысы...

— Мир меняется. Я чувствую это в воде, я чувствую это в земле, вот и в воздухе чем-то запахло, — философски заметила Света, повесив трубку.

— Ну и чего там? — поинтересовалась Оля, оторвавшись от планшета, на котором она что-то считала.

— Ну наш Бульба Сумкин вытянул счастливый билет...

— Я уже в курсе, что Мироныча не пристрелили. А новенького-то что?

— Я просто в охрениии: столько было всяких конспирологических теорий по поводу убийства Кирова, а оказывается, кому-то просто потребовалось всех опытных чекистов стянуть в Ленинград чтобы через Псковскую таможенную протащить два чемодана с драгоценностями. Ну, не совсем два чемодана... непонятно только, почему почти на два месяца раньше срока они его убивать пошли.

— Вероятно, почувствовали, что наше управление кое-где всерьез копать стало, вот и решили поспешить. Пришлось им этого Манаенкова вместо Николаева задействовать... Интересно, а он тоже безработный одиночка?

— Можно и так сказать: он себя назвал внештатным корреспондентом «Кировца» и «Ленинградской правды», но в обеих редакциях про него разве что «мельком слышали».

— Гуля как там?

— А она еще позавчера вернулась. Там местные врачи тоже люди опытные, им она только показала как дозировки определять — и они всем задержанным сами сыворотку кололи.

— Я слышала, что были какие-то проблемы...

— Гуля сказала, что смесь скополамина с мескалином некоторых отправляет в нирвану навсегда, но на это плевать, их же все равно всех расстреляют нахрен. И я считаю, что правильно сделают: ни за что не поверю, что можно честно заработать на пару центнеров украшений с изумрудами и бриллиантами. Петруха сказал, что приехал какой-то эксперт из Гохрана, и по его самым первым прикидкам выходит, что драгоценностей там миллионов на пятьдесят, причем долларов. И это только то, что к переправке за границу уже приготовили, а сколько еще найдут...

— А все же неслабо твой муженек телохранителей подготовил: за тридцать метров навскидку прострелить руку — это реально высший пилотаж!

— А Валя им пистолеты сделал. Петя сказал, что ни из какого другого пистолета так стрелять не получится.

— Ладно, заканчиваем мужчин наших хвалить, а ты мне, как историк, скажи: чем для нас грозить может начатая Сталиным кампания по разборкам с трокистско-бухаринским блоком?

— Нам? Ничем. Сталину Аня вроде как доступно всё объяснила чем мы занимаемся, он теперь просто внимания не обращает на то, что мы тут делаем.

— Ага, не обращает! Особенно после того, как наши опера за полтора суток все это дело размотали и большинство фигурантов взяли. Хотя... Петровичу-то он орден утвердил, — задумчиво сказала Оля и вдруг расхохоталась.

— Ты чего это?

— Да я представление на Петровича ему принесла, он минуты две на него смотрел, а

потом так заботливо мне и говорит: вы, возможно, переутомились, ошибочку допустили. А потом сам ржал, когда я ему объяснила, что у Петровича Петрович — это фамилия, а Петрович — наоборот отчество. А когда я ему сказала, что и сын у него Петр Петрович, причем пятый подряд уже в роду, он, чтобы смех унять, бросился воду пить.

— Это хорошо. Если человек над твоей шуткой смеется, значит он и на прочие твои дела будет с юмором смотреть.

— А на что ему нужно будет смотреть с юмором?

— Коротышка, когда понял, что его на самом деле убить пытались но мы этому помешали, молча подмахнул Васин план по строительству Ленинградского метро. Кстати, начальником Ленметростроя Вася как раз Петровича-младшего и обозначил. Там же всяко будет его щит использоваться.

— Трехметровый? Я думала, что Вася что-то серьезное и, скажем, грандиозное строить там собрался.

— Трехметровые тоннели будут прорыты для кабелей и для трубопровода, а рельсы в пятиметровых будут, эти щиты уже на экспериментальном почти доделали.

— Так вроде трубы можно и так проложить...

— Можно, но тоннели будут идти на глубине тридцать метров, им бомбы не страшны будут.

— Логично... А денег коротышка нам на это строительство даст? Ну хоть немного.

— Бильбо Киров еще с нас денег потребует, у него ведь планы, как всегда, наполеоновские. Я же для ленинградских школ учебники в Боровичах печатаю, а он даже бумагу под это выделить пожамотился. А бриллианты с изумрудами всяко в Гохран передадут, нам из всего этого богатства ничего не перепадет. Но вот заказы наши ленинградские предприятия будут в первую очередь выполнять, так что хоть тут польза вышла.

— Нахрен такую пользу! На наши заказы, судя по всему, ленинградские заводы весь свой брак списывают и стоимость оборудования оказывается в разы больше, чем то же самое у буржуев стоит. Я тут посчитала — и выходит, что если мы в Калуге свой турбинный завод выстроим, то стомегаваттные турбины, когда мы их всего четыре штуки сделаем, обойдутся дешевле, чем такие же, но сделанные в Ленинграде.

— Ну а ты что?

— Ну а я... в общем, строится уже завод в Калуге. А главным инженером там будет, ты только не смейся, Николай Бауман. Николай Яковлевич правда, не Эрнестович. Забавный мужичонка, и отец его не менее забавный: латышский крестьянин, дослужившийся в свое время до надворного советника. Яков Петрович у Ани сейчас занят, он сына-то и порекомендовал.

— Ясненько-понятненько, значит мне еще и в Калуге нужно будет школу и ПТУ ставить.

— Размечталась! Минимум четыре школы, два ПТУ и техникум, а насчет института я еще пока думаю. Профессор Жирицкий вроде бы не против свой институт заполнить, и, мне кажется, на это он имеет полное право.

— Это кто?

— Это турбинщик, в МЭИ работает, он нам как раз и спроектировал стомегаваттную турбину. Валера говорит, что под нашу новую станцию она не подойдет, поскольку сверхкритическая, но для какой-нибудь угольной или газовой со сверхкритическими

котлами — самое оно. Сейчас по нашей просьбе делает турбину уже для нашей электростанции, но жалуется, что возможностей МЭИ для полноценной работы ему маловато. Опять же, Рамзин у нас котел спроектировал сверхкритический, ему тоже нужно где-то знания подрастающему поколению передавать. Вот я и думаю...

— Думай быстрее, а то я тебя знаю: в середине августа скажешь, что первого сентября институт должен будет уже студентов принимать...

— Свет, ты же школьным образованием занимаешься, институт мы уж как-нибудь сами... хотя учебники печатать... ладно, твое мнение учтено. Но если у меня накроется планшет или ноутбук...

— А Струмилин на бумажке всё считает, в столбик!

— Струмилина жареный петух в жопу не клюёт, а у меня только для Ани... вот хоть ты мне сказать можешь, что важнее: строить метро в Ленинграде или шахты в Кузбассе? Ане нужно одного нафталина полмиллиона тонн.

— Зачем это? У нас по всему Союзу столько шуб не наберется...

— Только на постройку туннелей в Ленинграде нам нужно несколько тысяч тонн нафталина: из него присадка для бетона делается, от которой он вчетверо прочнее становится.

— Так в бетон же кварцевую пыль сыпят, если я не путаю.

— И пыль тоже. А еще наши железнодорожники присадку эту распробовали, им Валя рассказал про бетонные шпалы. Кроме того...

— Хватит, я поняла. Но Ирин ноутбук-то еще работает? Его в случае чего задействуешь.

— Ира меня к нему даже на посмотреть не пускает. Кстати, правильно делает: ей же самолеты проектировать приходится, а наша легитимность в глазах Сталина сейчас пока чуть не наполовину самолетами и обеспечена. А вот свой Валере не дать я тоже права не имею, не на планшете же ему считать. Да и, похоже, планшет у него тоже скоро сдохнет... Ладно, доела? Пошли работать, солнце еще высоко, а до нового года еще овердофига всякого еще сделать надо.

В начале марта Петруха, вернувшись из очередной «зарубежной командировки», привез друзьям кучу «ценных подарков», после чего жизнь заиграла совсем уже новыми красками:

— Добрый дядя Мессинг сдал мне своего, как он сказал, самого бестолкового агента. В смысле, как агента бестолкового: он даже не подозревал, что работает агентом Станислава Адамовича. Раньше работал, пока у него подруга была из службы Мессинга, но сейчас она по болезни выпилилась, так что... Инженер-радиотехник, разработкой электронных ламп занимается. В общем, сейчас бриты поставили задачу разработать радар для самолетов, и ему поручили разработку ламп, которые на трехстах мегагерцах работать будут. Парень вроде совсем не дурак в смысле работы, так что я все его материалы приволок, надеюсь, пользу из них мы достать сумеем.

— И он что, тебе все материалы так и отдал?

— Он думает, что продает информацию в РСА в надежде, что его туда на работу возьмут. Но все же денежку берет, хотя и умеренно. Причем действительно как агент он тупой: за денежку он передает не свои разработки, а только чужие — а свои вообще бесплатно отдает, видимо в расчете на перспективу переезда за океан. Впрочем, это неважно: кто-нибудь слышал о том, что у британцев во время войны на самолетах радары были? Это всерьез или очередная рекламная кампания?

— Это ты вовремя спохватился, — заметил товарищ Сухов, — я вроде как вспоминаю,

что бриты на самолеты радары еще в тридцать девятом ставить начали. На чем и погорели крупно: немцы на свои перехватчики просто приемники ставить начали и в темноте эти самолеты с радаром легко находили и сбивали. А еще немцы... точно, вовремя ты вопрос поднял: у немцев в конце тридцатых или в начале сороковых вроде были уже прицелы с инфракрасным наведением. Озаботь Мессинга, пусть уточнит, а я в зарубежной прессе покопаюсь.

— Это вы, ребята, решили с козырей зайти, — усмехнулась Оля, — сразу два новых направления исследований, при том, что специалистов в стране вообще нет. И где мне на все это денег взять? Я уже не говорю про оборудование. Хотя если подумать... Яков Петрович Бауман, между прочим, не просто так на Обуховском заводе пороховое производство наладил в царские времена. Конечно, ему за шестьдесят уже, но мозги работают как у молодого, и он вроде уже нужный порох придумал.

— Это ты о чем? — заинтересовалась Аня.

— Это я о том, что если взять маленький радар, головку инфракрасную, нужный порох и все это воткнуть в стальную трубу... кстати, ребята из электрического отдела уже сделали серебряно-цинковый аккумулятор. Хреновенький, на килограмм у него емкость примерно в полтора ватт-часов, не киловатт даже, но в пике может дать и десять киловатт мощности, хотя и в течение минуты, даже меньше.

— И что? Я не поняла... — на неё виноватым взглядом поглядела Света.

— Не поняла потому что это не твоя специальность. Ты людей учить училась, а мы — их убивать. В общем, если я не ошибаюсь, мы говорим о зенитной ракете, так? — поспешил успокоить жену Петруха.

— Теперь поняла. Нужно Перышкину сказать, чтобы в учебник физики надо побольше про электричество материала добавить.

— И это будет невредно, но если он к новому учебному году не успеет, то катастрофы не будет. Пока еще из школьников готовые радиоинженеры вырастут! Так что придется тупо воровать схемы у британцев.

— Ты, Петруха, прежде чем ляпнуть что-то, головой подумай, да? — «с характерным акцентом» отозвалась на его реплику Оля. — У нас сам Рожанский работает, а он успел и учеников толковых подготовить немало. И уже давно рекомендовал Кобзареву из политеха сильно помочь как раз в этой области. Так что процесс идет, но в свете поступившей информации нужно будет работу срочно расширить.

— И углубить, — заржал Петя, — в особенности с учетом того, что из нас в радиоэлектронике никто ничего не понимает.

— Зато местные — понимают. Но они просто не знают, куда копать — а мы как раз знаем это. На самом деле даже важнее, что мы знаем куда копать не нужно и не даем людям дурью маяться и тратить ресурсы понапрасну.

— Это точно, — флегматично заметила Ира. — Если народу указать путь, светлый путь, я имею в виду, то он, народ, такого наворочает!

— Не пойму, что тебя беспокоит, — заволновался Вася, — у тебя же вроде все хорошо было.

— Меня ничего не беспокоит, кроме острого желания навернуть банку баклажанной икры, которой нет и неизвестно где её взять. А они действительно наворачивают: я всего лишь год назад попросила отлить монокристаллические лопатки для турбины, а они уже их отлили.

— Кто?

— Петров и Васечкин. Чего ржете-то? Ну ошиблась я, все время путаюсь: Петров и Васяткин, которых мне Гудцов прислал. Так вот, они литую лопатку сделали, теперь нужно серийный завод турбинных лопаток строить и новый авиамоторный: на моем заводе Люлька хорошо если один двигатель в месяц собрать может.

— Пишите заявки на следующий год, — отозвался Валентин, или лучше вообще на тридцать седьмой: я сейчас просто вынужден новый экспериментальный завод станками обеспечивать. Иначе вообще все наши планы коту под хвост...

— Ир, а для авиамоторного тебе импортные станки не подойдут?

— А я-то откуда знаю? Ладно, скажу Архипу, пусть подготовит списочек всего необходимого. Или, лучше, его заму по производству: его превосходительство с производством на «ты» и лучше знает, что для завода нужно.

— Какое превосходительство?

— Василий Двинягин, он из столбовых дворян. До революции работал на Санкт-Петербургском металлическом на инструментальном производстве, а после — бухгалтером в Потребсоюзе и вот уже два года у Люльки на заводе. Мужик просто отличный, но его на заводе даже рабочие называют «твое превосходительство»: он как-то кому-то проболтался, что его так в Потребсоюзе называли. Кстати, Валь, твои станки он очень хвалил и говорил, что они не уступают почти каким-то там бельгийским — вот пусть для моторного завода и заказывает те, которым твои не уступают.

— Только пусть пошевеливается, у нас на все закупки года три максимум остается, — тихо заметила Оля. — Мы уже девять лет тут сидим, а сделали очень мало, так что пора пошевеливаться.

— Что-то ты, подруга, врешь, — с довольной улыбкой отозвался на эту реплику Валя. — Мы всё, что было намечено вначале, сделали, и даже больше: про «Корд» мы не договаривались, а теперь завод их по два в день выпускает.

— Ага, и патроны к ним по тысяче в час.

— Ну, это... есть такая проблема, временная. Главное, мы отработали роторно-конвейерную технологию, осталось ее немножко допилить и промасштабировать.

— Допилить, как я понимаю, нужно всю технологическую цепочку, кроме проточки гильзы. Не успевает гидравлика?

— Да сидят инженеры, репы чешут! Но тут я им помочь не могу, я же не знаю, как раньше-то все быстрее делалось. Хотя, наверное, не очень-то и быстрее, скорее просто больше точек обработки на роторе делали...

— Валь, допустим на секунду, что ты достиг оговоренной тобой производительности в два патрона за секунду, — в разговор влезла Гуля. — Я говорю «предположим», это не значит что мы ее достигнем — но ведь даже такое достижение даст нам чуть меньше чем вообще нихрена.

— И какой же из этого следует сделать вывод?

— А вывод простой: тебе не надо заниматься выпуском патронов.

— Охренеть какая ты умная!

— Да, тебе повезло с умной женой, так что слушай и запоминай: тебе надо заняться строительством завода, который будет делать роторные линии по выпуску патронов, и учить инженеров, которые будут эти линии делать и обучать других людей на них работать. Я же не учу военврачей делать операции разные, а учу их учить других делать это. В военно-

медицинском училище у нас все же почти пять тысяч студентов, а обнять необъятное в одиночку просто невозможно. А вот в коллективе — почему бы и нет?

— Да, товарищ Сухов, повезло тебе с женой, — хмыкнул Петруха. — Это у нас только Ире не повезло, и не с мужем не повезло, а с тем, что не может она научить других изобретать самолеты. Просто потому что нет у нас запасных ноутбуков...

Ира не только самолеты «изобретала», и ноутбуком своим пользовалась очень много для чего. Да и «вести культуру в массы» продолжала — в силу своего понимания слова «культура». Впрочем, сказать, что ее понимание было неправильным, ни у кого язык не поворачивался, просто иногда она умудрялась друзей своих доводить до крайней степени изумления. Сугубо в положительном, кстати, смысле этого слова. Например, организованная ею при Боровичском Дворце культуры «художественная студия» в середине июня выпустила первый мультипликационный фильм. Под названием «Жил-был пёс»...

— Ира, а ты уверена, что это правильно? — поинтересовалась после сеанса, уже дома, Светлана. — Мультфильм, конечно, замечательный, но...

— Светик, это — совершенно правильно. Я, между прочим, специально интересовалась, так вот: из примерно десятка мне известных деятелей культуры отечественной, которые должны были родиться в последние пять лет, не родился ни один! Мы сильно поменяли этот мир, особенно сильно, когда побороли голод два года назад, и теперь творцы известных нам шедевров просто не появятся на свет. Появятся другие, но наши шедевры отныне будут существовать лишь в нашей памяти — и не предоставить их людям было бы не просто глупо, а вообще бессовестно. Назаров у нас родился лишь в сорок первом, и я тем, что повторила его мультик, лишь отдаю должное его памяти.

— Я как-то не подумала... значит Винни-Пух...

— Как раз Леонов родиться успел, так что с Винни-Пухом не все еще потеряно. Я еще за Хитруком специально приглядываю, но что-то мне говорит, что и тут придется вмешаться, хотя специально я спешить не буду.

— А ты фильм просто с экрана пересняла?

— Ну, почти. Покадрово пересняла, потом отдала ребятишкам на перерисовку потому что слишком нерезко для большого экрана вышло, ну а звук взяла оригинальный: с Джигарханяном и Бурковым тоже все у нас печально. Сейчас еще готовлю к выпуску «Как Маша поссорилась с подушкой», он тоже с оригинальной фонограммой пойдет. А «Волшебное кольцо»...

— Так ты говоришь, что Леонов родился...

— Так и говорю: «Волшебное кольцо» снимать подожду пока Леонов не вырастет. Мне сейчас приходится еще и Писахова защищать: приехала в редакцию журнала «30 дней», сказала Павленко — это главред как раз — что два номера подряд без сказок Писахова обеспечат ему десять лет без права переписки...

— Это ты правильно сделала. Но с мультфильмами — это же каторжный труд всё покадрово переснять!

— Да нифига. Мне Валя автомат сделал: нажимает на кнопочку на компе и на кнопочку камеры, и камера снимает по два кадра в секунду. Ты еще учти, в мультфильмах изначально двенадцать кадров обычно рисуют, потом их на пленку по два подряд переснимают. А сами кадры... у Кулэдите перегнала покадрово в отдельные файлы, скриптом в фотошопе перевела в контурные рисунки — и все дела. Ну а прорисовку и заливку — это ребятишки с таким удовольствием проделали, что даже жалко, что мультики у меня заканчиваются... Ну

ничего, небольшой запасец у меня еще есть, если по два-три-четыре в год делать, то до войны их хватит, а там и новые гении вырастут. Главное — воспитать их правильно, а воспитывать нужно на хороших примерах. Кстати, у тебя никого на примете из школьников нет, кто новым Олегом Далем стать сможет? Я бы Флоризеля пересняла...

В середине августа Яков Александрович, возвращаясь с полигона, в очередной раз задумался о «превратностях судьбы». Семь лет назад, когда его буквально «выдернули» из Петербурга... то есть из Ленинграда конечно, он просто «послушался», искренне считая, что кто-то где-то в очередной раз пытается выпендриться перед начальством — что среди краскомов считалось даже особым видом «геройства». Но когда ему вживую показали допрос Коленберга (причем предупредили, что тот сейчас врать или не отвечать на вопросы вообще не в состоянии), он все же осознал, что «эти ребята» на самом деле ему жизнь спасали. А вот осознание того, зачем они это делали, пришло гораздо позже.

Назначенный «начальником отдела отработки экспериментальной тактики» он довольно долго считал, что ему просто дали некую должность чтобы он без дела не болтался, тем более что во всем этом отделе и было-то полтора десятка не самых молодых офицеров. И задачи им ставились какие-то «фантастические» — но уже в середине года тридцатого, когда Институт Оборонной промышленности, в котором его отдел и числился, выпустил кое-что интересное. А главное, отделу передали «для отработки экспериментальной тактики» первую роту «солдат». Так себе солдат, шестнадцатилетних мальчишек, окончивших средние школы — но школы-то они окончили боровичские и, как с некоторым удивлением выяснил Яков Александрович, очень неплохо справлялись с новенькими карабинами. И более чем неплохо были обучены воинским уставам — а для практического их обучения Петр Евгеньевич привез сразу сто двадцать пулеметов Льюиса. Правда, под американский патрон: французы вроде такие продали недорого за ненужность, но Валентин Николаевич выделку нужных патронов тоже уже наладил.

К осени тридцать первого отдел был преобразован в отдельный институт, экспериментальная рота как-то незаметно выросла до трех полных батальонов, причем каждый готовился по уставам своего рода войск, а число офицеров тоже перевалило за сотню. Весной же тридцать второго весь новенький институт перебрался в новенький городок, причем специально выстроенный в родовом поместье фельдмаршала Суворова. Рядом появился довольно большой аэродром, на котором разместился аэроклуб, где на двух десятках самолетов детишки учились пилотировать летающие машины — ну а в Институте экспериментальной тактики возник и отдел тактической авиации.

Затем всего лишь за пару лет отделения института появились почти что в каждой деревеньке Боровичского района (и офицеры института проводили занятия по «гражданской обороне» во всех школах, так что практически каждый выпускник даже семилетки мог считаться хорошо подготовленным солдатом), а в самом городке возник и Институт военно-полевой медицины. Объемы задач, стоящих перед Яковым Александровичем росли на манер снежного кома, и, наконец, до генерал-лейтенанта дошло, что «эти ребята» из Особого Девятого управления по сути создают потихоньку собственную армию. Скрытую, но очень большую: ведь только через боровичские школы за восемь лет прошло чуть меньше девятисот тысяч учеников, в основном из бывших безпризорников. Ну да, половину из них составляли девочки, но и Нина Николаевна в работе института принимала самое деятельное участие, обучая как раз девочек премудростям существования женщин в боевых условиях. Да и в аэроклубе девчонок было как бы ни большинство. В аэроклубах: в районе их было уже

двенадцать.

Особую гордость жены составляла специальная школа снайперов, чисто «женская». То есть была и «мужская», но почему-то на проводимых почти каждый месяц соревнованиях девочки вот уже три года побеждали мальчиков. Впрочем, парни особо по этому поводу не переживали, ведь девчонки стреляли из обычных карабинов, а ребята — как раз последние три года — из здоровенных винтовок, к которым, откровенно говоря, даже сам Яков Александрович подходил с опаской.

Вообще-то «что-то новенькое для проведения экспериментов» в институт поступало по нескольку раз в год, и сейчас он ехал с полигона после «ознакомления» с новой «пулеметной машиной». Впечатления особого машина не произвела: по виду — так вообще как два мотоцикла с общим рулем и с очень широкими шинами, но описание её выглядело интересно. Все же возможность таскать по бездорожью по полтонны груза во время войны весьма полезна, а если на нее поставить пулемет... Яков Александрович с уважением относился к высказываниям товарища Сухова, ведь тот сумел его вчистую победить в нескольких военных играх подряд. Правда, каждый раз выяснялось, что он при этом использовал «новую технику», институтом еще не опробованную — но это как раз и было серьезным стимулом для того, чтобы ее изучить и попробовать применить. Опять же, выпускники второй Пестовской школы уже эту машину вроде как освоить успели...

Вася по поводу демонстрации «пулеметной машины» Слащеву заметил:

— Квадрик наш Якова Александровича не впечатлил.

— А чего бы ему впечатлять-то? — отозвался Валентин, — ведь пока «Корд» на него мы не поставили.

— А, кстати, почему? — поинтересовалась его жена.

— А потому что есть мнение, — ответила Гуле Ира, — что надо квадрик всерьез вооружать. Я тут уговорила Таирова в Курган перебраться на новенький завод, Петр Ионович такую рокировку поддержал...

— А кто у нас Таиров? — решил уточнить Вася.

— Авиаконструктор такой, молоденький и в чем-то даже симпатичный. Не такой, как ты, конечно — но вот И-16 наполовину именно он и спроектировал. Начал было дурью маяться, на базе И-16 пассажирский самолет ваять — вот мне и пришлось подсуетиться.

— Это очень интересно, а квадрик-то мой при чем?

— А при том, что с Таировым от Поликарпова еще и Бисноват ушел. А он — ведущий конструктор всяких ракет, «Молнию» основал...

— А я думал, что с ракетами мы в первых рядах...

— Ну, поспешила: он будет ведущим разработчиком самонаводящихся ракет. Потом. Однако надеюсь, что не очень потом.

— И не очень ведущим: Кобзарев уже предложил схему с подсветкой наземным локатором, на ракете радар только отраженный сигнал ловить будет. Пока у него схема получается килограмм пятнадцать весом, но если с лампами помудрить...

— А кто мудрить будет?

— Непосредственно Рожанский, я ему рассказал что знал про стержневые лампы и автоэлектронную эмиссию. Ведь у него уже с полсотни не самых глупых радиоинженеров трудятся, надеюсь, где-то за год он что-то работоспособное сделает, а там...

— А мне вот что интересно, — в разговор вмешалась Оля, — а почему все эти ваши художества выйдут? Все эти высокие технологии очень, конечно, греют душу, но как насчет

бюджетов? Я это почему спрашиваю: ни один из вас на следующий год финпланы мне так и не приволок.

— Гуля, — внезапно в голосе Ирины возникли странные нотки, — дай пинка нашей экономной подруге, я тебе потом отдам. А сейчас тащи меня к себе в больничку: чувствую, что уже пора. Даже очень-очень пора!!!

Три года назад Пантелеймон Кондратьевич неожиданно для себя самого занялся, как он сам называл свою работу, «выращиванием картошки», причем в должности «временного исполняющего обязанности». Вдобавок такие обязанности исполняющего, за которые — если их исполнить не лучшим образом — недолго и до высшей меры социальной защиты доисполняться. Но спустя год он не только избавился от приставки «врио», но и обзавелся орденом Ленина. Хотя сам искренне считал, что большую часть работы сделала комиссар Девятого управления. Так искренне считал, что — по его представлению — и комиссару такой же орден был вручен. Причем вовсе даже не «за картошку»...

То есть картошка тоже сыграла очень важное значение, но чтобы республика в голодный год смогла произвести даже чуть больше шести миллионов тонн ценного клубня, пришлось столько всего переделать! Мужик — он везде мужик, и работать он будет — тут другого слова не подобрать — героически, если будет уверен, что за этот героический труд получит и героическое вознаграждение: можно сколько угодно рассказывать этому мужику про «светлое будущее», но куда как лучше это самое будущее ему просто показать. И показать прямой путь к его достижению...

И вот «показывать светлое будущее» как раз и начали присланные Девятым управлением люди. В каждом из семидесяти пяти районов республики появилось по две-три, а иногда и больше машинно-тракторных станций, но главным — в плане «светлого будущего уже сейчас» стали даже не трактора и автомобили, а поставленные на каждой МТС небольшие электростанции. Большей частью работающие на дровах, но были поставлены и три гидроэлектростанции мощностью около тысячи киловатт каждая! То есть гидроэлектростанции выстроили уже к осени, но свет в домах — в селах, где МТС устроены были — появился еще весной. Не во всех домах, поначалу только в школах и, где были, фельдшерских пунктах, но там мужикам, которые подписали обязательство по сдаче картошки (причем по цене очень немаленькой, за живые деньги) — тем мужикам пообещали свет осенью уже провести. А в деревнях, где МТС не было, электричество пообещали уже в следующем году — но опять лишь в тех весках, где обязательств по сдаче картошки было подписано «достаточно»...

Кроме того, что очень порадовало Пантелеймона Кондратьевича, Девятое управление довольно серьезно помогло ему с пропагандой: они поначалу выбили для республиканской прессы дополнительные фонды, а летом вообще выстроили неподалеку от Мозыря фабрику для производства газетной бумаги. Небольшую, но на белорусские газеты ее хватало. А еще в апреле в Минске начала издаваться газета «Колхозный вестник», причем в колхозы по два экземпляра отправлялись бесплатно! И в этой газете каждый день рассказывалось о том, что жизнь скоро станет лучше, и не просто рассказывалось, а сообщалось, что конкретно делается уже сейчас. Например, о том, что были заложены сразу четыре шахты для добычи каменного угля для того, чтобы строящиеся электростанции имели достаточно топлива. О том, что в городах и даже поселках чуть ли не каждый день начинались стройки новых фабрик и заводов...

Когда в сентябре заработали сразу четыре цементных печи на новеньком заводе неподалеку от Могилева в дополнение к более чем десятку выстроенных по всей республике

кирпичных заводов и по всей республике стали подниматься новенькие заводы и фабрики, мужики окончательно поверили «новой власти». А в октябре, после того как сразу два десятка председателей наиболее отличившихся колхозов были награждены орденами... точнее, сразу после того, как в колхозах с председателями-орденоносцами начали строить новые школы, фельдшерские пункты и даже каменные дома лучшим колхозникам, «единоличников» на селе почти не осталось.

Правда, не осталось в том числе и потому, что самых ярых противников колхозного строительства пришлось «немножко репрессировать» — но оно того стоило: сейчас в Белоруссии о бывших кулаках почти никто и не вспоминал. Жизнь поменялась так быстро и стала настолько лучше, что просто смысла не было о них вспоминать...

Если долго мучиться...

Тридцать шестой год начался очень спокойно, ничего особо выдающегося не случилось. А из невыдающегося Ира отметила лишь самоубийство Уншлихта. Новенький начальник ГВФ решил, что гражданский и совершенно воздушный флот нуждается в резком увеличении числа воздушных судов и инициировал производство Ириного «деревянного» биплана на Харьковском авиазаводе.

Ну, чисто теоретически самолет и был деревянный... менее чем за два месяца все четырнадцать выпущенных в Харькове самолетов разбились. А еще около трех десятков вообще не смогли взлететь — просто потому, что сломались еще до первого взлета. Все же березовый шпон и прессованная авиационная фанера — это, откровенно говоря, материалы принципиально разные, и особенно разные в смысле прочности. Ирина, в адрес которой Уншлихт выкатил претензии после того, как на заводе погибли в один день два летчика-испытателя, изначально была против постройки самолетов в Харькове, причем не по каким-то там «идеологическим» причинам, а лишь потому, что товарищ Сухов чисто физически не имел возможности изготовить требуемые для производства машины термопрессы. И свои возражения она отправляла Уншлихту в письменном виде — ну а когда высшее руководство страны начало выяснять, кто именно (подразумевая конструктора машины) виноват в гибели сразу нескольких летчиков-испытателей, Ира собрала все эти свои записки и с ними отправилась в Москву. Не по собственной инициативе отправилась, её вызвали — чему она была очень не рада, оставляя полугодовую дочку на попечение Гуле и срочно найденной кормилице. И, вероятно испытывая к инициатору этого вызова чувства не самые добрые, она предложила очень простой способ решения проблемы с нелетающими самолетами:

— Я и изначально была уверена, что в Харькове эти самолеты выпускать не получится, писала ему об этом неоднократно, и дело вовсе не в вредителях на производстве, как пытается нам доказать товарищ Уншлихт. Но раз Иосиф Станиславович считает, что это не так, я предлагаю его назначить директором Харьковского завода. Пусть он лично поруководит производством, изживет недостатки и выдаст стране хорошие летающие самолеты. Ну а если не выдаст, скажем, через полгода не выдаст, то мы будем считать его самого саботажником и диверсантом, а потому со спокойной совестью расстреляем.

— А если выдаст, то кого расстреливать будем? — поинтересовался Иосиф Виссарионович.

— Давайте меня, я не против.

— Вы так уверенно об этом говорите... То есть считаете, что товарищ Уншлихт производство самолетов наладить там не сможет?

— Да я в этом вообще не сомневаюсь. Если мужику дали руду с углем, но он дома в печке не смог выплавить из этого чугуна, то кого наказывать надо? Мужика, который не выплавил или руководителя, который дал ему заведомо невыполнимое задание? Чтобы в Харькове строить такие самолеты, нужно выстроить там совершенно новый завод — но зачем, если в Нижнем завод прекрасно работает? Люди обученные там уже есть, оборудование тоже есть. Площадей для увеличения выпуска не хватает, но построить новые сборочные цеха много дешевле, чем строить новый завод с нуля. Опять же, в Нижнем есть кому обучить новых рабочих, а в Харькове — вот пусть товарищ Уншлихт их пообучает. Получится — хорошо, но ведь не получится...

— Так зачем же ждать полгода, давайте товарища Уншлихта сразу расстреляем, — пошутил Молотов.

— Э, нет. А помучаться перед расстрелом? Осознать глубину своего морального падения? Он же тоже прекрасно знает, что ничего у него не выйдет, так что как раз времени хватит для осознания...

Уншлихт во время этой «веселой» перепалки сидел молча, а когда совещание закончилось, то вышел в коридор и застрелился.

— Вот видите, Иосиф Станиславович тоже не сомневался, что занимался вредительством, — прокомментировала случившееся Ира, перешагивая через бездыханную тушку. — И под конец тоже не удержался от подлости: нет бы на улицу выйти, а теперь уборщицам пол мыть...

— Страшная женщина эта Ирина Алексеевна, — прокомментировал ее уход с совещания Молотов. — И бесстрашная.

— Ты еще не знаешь, насколько, — ответил Лазарь Моисеевич. И с содроганием вспомнил, как Ирина Алексеевна в прошлом году пригласила его «посмотреть на современный город» в Боровичи, как раз после того, как было принято окончательное постановление о реконструкции Москвы. Провинциальный городок Лазарю Моисеевичу понравился — продуманностью коммуникаций, да и качеством выстроенного там жилья. Но городок все равно был именно провинциальным, там самый высокий дом был пятиэтажный, причем единственный в городе. А Москва...

Правда именно Ирина Алексеевна курировала перестройку большинства старых кварталов, и кое-что, по мнению Лазаря Моисеевича, в ее планах не соответствовало намеченным целям — о чем он не преминул ей сообщить.

— Знаете, Лазарь Моисеевич, вы человек, вне всяких сомнений, хороший. Думаете о том, как людям сделать жизнь лучше. Но кое-что вы просто не понимаете. Подождите, сейчас объясню. Вы сами мало что родом из деревни...

— И какое это имеет значение?

— Из украинской деревни. То есть из убогой провинции, а вдобавок вы еще еврей.

— То есть для вас еврей...

— Вы просто не понимаете некоторых особенностей русского менталитета, и особенно менталитета столичного. Поэтому я просто, на примере, поясню: тот же «Октябрь» я могла бы выстроить втрое дешевле, но строила его таким дорогим потому, что такой он гармонирует с Сухаревой башней. Которая, между прочим, является одной из московских святынь, наравне с храмом Христа-спасителя и некоторыми другими культовыми сооружениями. Не в смысле религиозными, а в смысле знаковыми для каждого москвича и огромного числа русских людей из провинции, для которых эти здания являются символами русской столицы. Извечной столицы, даже цари, перенеся государственную столицу в Петербург, не рискнули Москву лишить столичного статуса.

— Это вы к чему мне говорите?

— Ну так вот: вы, то есть вы лично и вся ваша семья просто не увидит город без Сухаревой башни, без некоторых других зданий. А так как вы являетесь евреем, то и подавляющее большинство ваших соплеменников этого не увидят. Вы просто представить себе не можете, какую волну антисемитизма уже подняло уничтожение храма Христа-спасителя, выстроенного в честь победы над захватчиками, и выстроенного на народные пожертвования. И тем более не представляете, что начнется после сноса Сухаревой башни.

— Вы... вы мне угрожаете?!

— Нет, просто предупреждаю. Вы, вероятно, в курсе того, что Ольга Дмитриевна практически не ошибается при планировании? Это связано в том числе и с глубоким анализом реакции людей на то, каким образом эти планы будут реализованы. Ну так вот, если вы попытаетесь сделать то, от чего я вас предостерегаю, то ни мы предотвратить последствия не сможем, ни... вообще никто не сможет. Страна, конечно, после этого просто развалится и территорию её займут всякие британцы с японцами, но мужикам-то это не объяснить!

— И вы так спокойно об этом говорите...

— А мне лично-то о чем беспокоиться? Я решения не принимаю, а просто советы даю. У нас же страна Советов?

— Вообще-то мы ни хрена не первопроходцы, — сообщила Аня на праздновании «очередного технологического прорыва». — Еще в тридцать втором году такая возможность была доказана.

— Ага, в лабораторных масштабах. Сколько они там обогащение получили? Пять процентов? А у нас уже выше девяноста.

— Ну, никто же не вкладывал в одну установку сорок миллионов золотых рублей, — улыбнулась Аня, — это только мы готовы швыряться деньгами направо и налево.

— И ни у кого нет таких грамотных и, главное, мотивированных специалистов, — добавила Света. — Просто потому что никто не знает, чему этих специалистов нужно учить.

— Ага, а мы знаем! — рассмеялся Валя, — мы же тут через одного крутые криогенщики!

— Мы, между прочим, специалисты-материаловеды, у нас два справочника по спецсплавам есть, — спокойно возразил ему Валера. — Если бы не Ирин справочник, то из чего бы мы делали ректификационные колонны?

— Давайте, давайте пиписками меряться, — охладила спорщиков Гуля. — Если бы не Ваня Усюкин, то до сих пор мы бы тратили по семьдесят мегаватт на литр, а то, что теперь тратим только семь — это, думаю, на сто процентов заслуга Вани.

— Присоединяюсь к предыдущему оратору, — сообщила собравшимся Аня, — а еще я думаю, под каким соусом Сталину подать представление Вани на орден Ленина.

— А не рано ему Ленина давать? Я не в том смысле, что не заслужил, а в том, что завистников у него появится излишек.

— Не появится. Официально он же у нас разрабатывал кислородные станции, а это — прибавка в выплавке чугуна на треть... ну, хотя бы на четверть и высококачественные стали в кислородных конвертерах. Лично меня больше всего удивляет, что он и сам считает, что его работа по кислороду гораздо важнее.

— Хорошо, что он еще не считает, что мы тут все с дуба рухнули. Кто ему сказал, что тяжелый водород нужен для изготовления противорадиационных пластиковых скафандров? Впрочем, на орден Ленина Иван Петрович гарантированно наработал, так что... ладно, обоснуй представление жидким кислородом. Я присоединюсь, в медицине кислород тоже полезен.

— Я вот еще чего думаю: в Саратове ребята научились аммиак делать, в котором дейтерия уже три процента по водороду...

— Нафиг, — резко возразила Оля, — затраты получаются большими, а выхлоп низкий. Дистилляция водорода на порядок дешевле, а в Усюкинскую колонну что простой водород

подавать, что обогащенный — разницы практически никакой. Так что завязываем с экспериментами, а когда у нас будет много электричества, просто второй дистилляционный завод выстроим.

— Ректификационный, — уточнила Аня. — И не нафиг, возможность сжигать водорода в двадцать раз меньше тоже на орден тянет как минимум. Правда в Саратове пока объемы маленькие, но и заводик сам по себе небольшой.

— Уела. Но эти ребята пусть за орденами в очередь становятся когда у нас всё заработает, тогда, мне кажется, они вообще градом посыпятся.

— Да, пока орденами нас обделяют, — заметил Валентин, — за последние три месяца только Митрофану Даниловичу «Знамя» вручили.

— А тебе не вручили, хотя Данилыч на твоих станках винтики штампует, — с некоторой обидой в голосе произнесла Гуля.

— А мне не к спеху. Сама подумай, если бы мне за каждый станок по ордену вручали, я давно уже не смог бы самостоятельно даже пожрать на кухню сходить. Просто не поднял бы столько металла...

Страна уверенно шла вперед к окончательной победе коммунизма — ну, по крайней мере газеты именно так и писали. Потому что весь народ бурно обсуждал новую конституцию, причем на самом деле обсуждал и именно бурно. В Конституционную комиссию в стране с населением в сто семьдесят миллионов человек поступило больше пятидесяти миллионов предложений по изменению или дополнению отдельных её статей, из которых на «местном» уровне были выбраны полтора миллиона, имеющих хоть какой-то смысл (потому что предложение вроде «всем выдавать по поллитра в неделю бесплатно» даже рассматривать было смешно). Специальная команда тщательно все эти предложения читала, сортировала, обобщала — и на рассмотрение самой Комиссии было представлено больше пятнадцати тысяч таких «групповых предложений», которые — после рассмотрения в подкомиссиях и «консолидации» следующего уровня — были переданы на рассмотрение Сталину, который эту Комиссию и возглавлял. Примерно три с половиной сотни предложений по ста сорока шести статьям Основного закона.

А еще непосредственно Иосифу Виссарионовичу были переданы (Олей лично переданы) предложения о поправках в Конституцию, сформированные в Особом Девятом управлении. Там народ в бурных обсуждениях не участвовал, в газеты предложения не посылал, а просто разок «пораскинул мозгами» за ужином, каждый высказал свое мнение — и Ольга все это «обобщила».

Обобщила, просчитала с финансовой и общеэкономической точки зрения, составила небольшой — страниц на двести — документик и положила его Сталину на стол. Судя по всему Сталин его прочитал: на следующий день летчики из Специального правительственного авиаотряда привезли в Москву Первого секретаря Закрайкома ВКП(б), через пару дней в Москву прибыли остальные республиканские секретари и руководители республиканских отделов ОГПУ, затем в Москву потянулись секретари областей — в общем, было весело всем. А пятого декабря на внеочередном съезде Советов новую Конституцию приняли...

— И вот нахрена эту конституцию столько месяцев всей страной обсуждали? — задала риторический вопрос Света, когда все собрались на очередном праздновании Нового года. — Достаточно было Олю попросить ее быстренько написать и молча утвердить её на заседании Политбюро.

— Ты не понимаешь, это другое — Оля аж хрюкнула в тарелку, едва не вывалив салат на стол. — В стране — демократия, народ теперь абсолютно уверен, что именно этого он и хотел.

— А он не хотел?

— Хотел, хотел народ. Просто не совсем понимал, чего он хочет.

— Оля, а как ты Сталину-то наши идеи продала?

— Ничего я не продавала, он сам. Говорят, что Струмилин мои расчеты подтвердил, а Иосиф Виссарионович прекрасно понимает, что значит экономия в пять миллиардов для развития Союза. Да и насчет национального сепаратизма он изначально Ильича категорически не поддерживал, так что наши идеи в струю пришлись. Опять же, герб переделывать не надо, как было семь республик, так семь и осталось, новые ленточки на герб навешивать не нужно.

— Но ведь это не главное? — решила уточнить Света.

— Да. Главное — это то, что любые предприятия, созданные в республиках за счет союзного бюджета, теперь будут собственностью Союза и местные власти не вправе ими командовать и распоряжаться. И продукция этих предприятий будет союзной, республики её даже в свои достижения включить не имеют права, не говоря уже о том, что и распоряжаться ей не смогут. Теперь можно и делом там заняться, не обращая внимания на местных «верных ленинцев»...

Самолет Архангельского Ар-2 (он же «СБ») выпускался на двух заводах сразу — но произведенные там машины друг от друга заметно отличались. Те, которые делались в Москве, весили в пустом виде чуть меньше пяти тонн и на них стояли новые микулинские моторы, по тысяче с лишним сил. А те, которые делались в Верхнеудинске, весили всего лишь чуть больше трех тонн — то есть должны были столько весить с моторами, но так без моторов и стояли, причем стояли они не в далеком Забайкалье, а на минут третьем этаже четвертой секции Хранилища-13.

В Испанию были отправлены, понятное дело, самолеты московской постройки, и через месяц Архангельский получил орден Трудового Красного знамени, настолько успешно там проявила его машина. Валя, конечно, по этому поводу плевался — не потому, что орден Архангельский получил, а потому, что «так нужные стране самолеты отправили в сраную Испанию». Но бурчал он больше про себя — поскольку и специалистом по самолетам он не был, и потому что других дел у него было выше крыши. Прежде всего ему приходилось с невероятной скоростью «удовлетворять Васины хотелки», а тот пытался (впрочем, довольно успешно) реализовывать то, что придумал Валера.

Виталий Григорьевич приехал из-под Красноярска в Боровичи четвертого января тридцать седьмого года, и приехал «с хорошими новостями»:

— Нам почти удалось выполнить ваш план, мы изготовили уже больше ста пятидесяти тонн деталей. И вышли на ежесуточное производство даже чуть выше полутонны.

— Маловато будет, — несколько охладила его радость Аня, — через месяц после пуска у нас суточная потребность составит примерно семьсот двадцать пять килограммов. Но, мне кажется, вторую линию в Красноярске и без вас запустят, так что готовьтесь перебираться обратно.

— В Ленинград?

— Нахрен Ленинград когда есть прекрасный город Богородск. От него и до Павлова недалеко, и до Нижнего Новгорода.

— И что?

— Если там поставить электростанцию мегаватт так на семьсот...

— То есть эту электростанцию вы предлагаете выстроить мне?

— Нет, я предлагаю вам там создать свой институт и заняться профильными исследованиями. Причем мы начнем строительство института — особо отмечу, и исследовательского, и учебного — уже этой весной. А новую станцию мы выстроим, скорее всего, к концу сорокового года, вряд ли раньше. Так что жду от вас предварительное штатное расписание, предложения по кандидатурам преподавателей и исследователей.

— И что я там буду исследовать? Вы же просто строите уже вами же спроектированную установку...

— Для которой при наших потребностях сырья хватит хорошо если лет на десять-двенадцать. А вот как использовать получающееся при этом вторсырье... у нас есть некоторые наметки, но предстоит еще столько всего в этом плане изучить и спроектировать — так что давайте я вам эти планы вкратце изложу, а уж вы сами подумаете, хочется ли вам этим заниматься. Итак...

Сталин заехал к Струмилину чтобы обсудить некоторые планы на грядущую пятилетку. Обычно планы эти принимались уже после того, как пятилетка начиналась — но формировались-то они всегда заранее, и к лету тридцать седьмого основные задачи были в целом определены. Но именно что «в целом», а большинство «мелких деталей» еще нуждались в серьезной проработке. И тут Ольга Дмитриевна принесла Иосифу Виссарионовичу парочку документов. Один — тот, о котором Сталин давно (и ранее относительно безуспешно) её просил: планы собственно Девятого управления. А второй — её замечания по «основному» плану.

— Да, я тоже получил её замечания, и успел их проглядеть. Не изучить, на это времени нужно гораздо больше, но в целом... Ты знаешь, мне кажется, что в Девятом управлении почему-то уверены, что предстоит большая война, и начнется она довольно скоро.

— Вероятность большой войны имеется, и, судя по Испании, даже становится понятно, кто с кем воевать будет. Но мне кажется, что в Управлении несколько... скажем, переоценивают наши возможности.

— А мне так не показалось. Вдобавок они же не предлагают отказаться от прежних наших достижений или все силы бросить на полную перестройку экономики. Если ты обратил внимание, они то, что Ольга Дмитриевна назвала «предприятиями-дублерами», полностью включили в собственный план и на их строительство вообще денег из бюджета не запрашивают. По сути дела, они просто хотят чтобы мы им в этом не мешали.

— А понастроить они собираются очень немало, как бы не столько же, сколько весь Союз в первой пятилетке выстроил. Интересно, откуда у них на все это деньги?

Станислав Густавович на несколько секунд задумался:

— Откуда у них деньги? На самом деле денег у них все же относительно немного, просто они их тратят более, что ли, эффективно. Да и то: эти вот «дублеры» — они просто выглядят как большие заводы и фабрики, а по сути они лишь небольшие предприятия, просто занимающие большие площади. Они их с перспективой на будущее ставить собираются, а реально большими все они станут хорошо если лет через десять...

— Меня все же интересует не это, а как они умудряются столько всего производить? — не дал ему договорить Иосиф Виссарионович. — Я имею в виду производство станков и оборудования, хотя и средства на зарплаты строителей и рабочих тоже потребуются очень

немалые. Неужели все их достижения определяются тем, что у них работают бывшие дворяне и прочие эксплуататоры?

— Нет конечно. То есть работают у них и дворяне, и офицеры — но продукцию-то выдают простые рабочие, и в системе Девятого управления их работает около полумиллиона человек — это не считая колхозников в подшефных колхозах. Просто, скорее всего благодаря Ольге Дмитриевне, они всегда в нужный момент готовы производить то, что людям и стране больше всего нужно. Отсюда и деньги у них появляются, и, я тебе уже говорил, деньги огромные. Вот взять тот миллиард, который они приберегли до тридцать третьего года: чуть больше двухсот миллионов они получили с продажи сушеной и свежей картошки, почти столько же — с аргентинского мяса.

— Это-то понятно, теперь-то любой может рассказать почему в стране чуть голод не случился...

— Но кто заранее мог предположить, что мужики раскупят больше миллиона их фильмоскопов?

— Ну за три-то рубля...

— А дальше они начали к фильмоскопам массово продавать свои диафильмы. И за год продали их больше семидесяти миллионов штук! Причем почти все цветные, по сорок пять копеек. Вроде бы и гроши...

— Не совсем гроши, тут получается побольше тридцати миллионов рублей.

— Я имел в виду, что товар вроде и грошовый, но главное не в том, что они выручили приличные миллионы, а в том, что у них уже было готово производство этого товара! И половину выручки они получили с продажи продуктов, которые в их колхозах были выращены и наловлены, но половину-то получили с продажи того, о чем никто еще за пару лет до этого не догадывался!

— А они догадались...

— Вот именно. Ну кто мог догадаться, что в деревнях станет очень востребованной газовая аппаратура? Никто, а они заранее выстроили фабрики, на которых производятся газовые плиты и водогрейные колонки, и затем, когда деревни начали массово устанавливать у себя их же газовые реакторы, все мужикам нужное уже имелось в свободной продаже.

— Я думаю, что они и реакторы в колхозы поставлять стали когда у них стало достаточно плит и водогреев, иначе кому бы эти реакторы нужны были?

— Ты прав, конечно — но они всё это именно что заранее спланировали! Еще они ставили заводы по производству всякой вроде бы мелочи, но мелочи, в хозяйстве необходимой... под их крылышком ведь только в Белоруссии мебельных фабрик было выстроено больше полусотни, еще несколько заводиков по выпуску посуды, прочих мелочей. Велосипедные заводы те же, и они круглосуточно работают потому что народ покупает все, что они успевают произвести! Ведь у них только ходики две фабрики выпускают, и еще одна фабрика делает будильники — и часами этими они весь Союз обеспечивают. Не очень хорошими в основном, но ведь копеечными! И ты знаешь, мне кажется, что они специально устраивали так, чтобы эти мелочи народ счёл необходимым.

— Это ты сам догадался или кто подсказал? Если человеку предоставить квартиру, то это замечательно. В особенности, если в квартире ничего, кроме голых стен, вообще нет. Тут и пятидесяти мебельных фабрик не хватит...

— Речь не о количестве фабрик, а о том, что они у них появляются ровно тогда, когда

они становятся нужны. Вот начали они строить авиазавод в Комсомольске...

— А при чем тут авиазавод?

— А при том, что когда завод они только начали там строить, у них в городе уже заработал завод деревообрабатывающий. На котором они сначала только паркетную доску делали для жилых домов и школ, а затем стали — прямо на месте — делать и мебель необходимую. Я специально узнавал: на судостроительном вся мебель закуплена на этой фабрике, и все школы они тоже мебелью обеспечили. А уж про больницу и поликлиники я и не говорю — и только на этом, то есть на отсутствии необходимости завоза мебели — на строительстве города мы сэкономили почти пять миллионов рублей. Мелочь казалось бы, но они обо всех этих мелочах думают сильно заранее...

— И, как ты говоришь, результат у них появляется всегда вовремя. То есть то, что Ольга Дмитриевна в своих планах написала — это тоже «ровно тогда, когда нужно»?

— Честно говоря, я не знаю. Но раньше-то они ни разу не ошиблась...

— Именно это меня и заставляет относиться к её предложениям так внимательно. Но если она в этот раз ошиблась...

— Меня другое заставляет все пересчитывать, ведь она предлагает постройку сразу трех гигантских гидроэлектростанций в Сибири. И планирует, что строительство затянется лет на десять для каждой, а это ведь такое отвлечение столь необходимых средств и ресурсов...

— А по её планам вообще два десятка электростанций должно быть выстроено в ближайшие три года, и это я только про большие говорю.

— Это ты думаешь, что они большие, а для Управления они средние. Откровенно говоря, я вообще не успеваю следить за полетом её мысли: недоумевал, зачем они повсюду строят свои «промплощадки», а теперь... В той же Лысьве на такой, уже полностью законченной, она мало что хочет генераторный завод за год запустить, так еще предполагает, что генераторами с этого завода через год уже электростанции обеспечиваться будут. И ведь будут!

— А станки, как я понимаю, она опять для него из-за рубежа привезет.

— Да. Но она сказала, что «окно возможностей» — это её термин такой — для покупки зарубежного оборудования закроется через три года. Поэтому и четыре станкостроительных завода в план заложила.

— А не ты ли говорил, что заводов у нас теперь хватает, просто они пока что половину брака гонят? А если её послушаем, то просто больше брака заводы выпускать будут? И, вернувшись к предыдущему вопросу, почему они завод строят год, а мы — три года и даже больше? Это из-за использования дореволюционных спецов?

— И снова ответ «нет». Они не строят быстрее, просто они сначала, в течение двух-трех, а то и пяти лет строят свои «промплощадки». Это участок, на котором они прокладывают относительно приличные дороги, ставят небольшую электростанцию, в обязательном порядке то, что они именуют «инструментальным цехом» и пару просто пустых цехов, но в которых и электричество проведено, и все прочие нужные коммуникации. Просто они эти «площадки» строят небольшими силами и неспешно, а потому они выходят относительно недорогими — но если там нужно выстроить какой-то завод, то как раз завод ставится очень быстро и затраты тоже на строительство сильно снижаются. По сути — просто в готовые цеха станки завозят... да, они возле этих промплощадок и жилые дома заранее ставят.

— А какой именно завод они на этой площадке будут ставить, они тоже заранее

придумывают?

— Мне кажется, нет. Все площадки у них одинаковые, ну, почти одинаковые. И отличаются только тем, какой мощности электростанция строится. На площадках третьей категории — с двумя генераторами по шестьсот киловатт, большей частью с котлами на дровах — такими же, какие они для колхозов теперь везде ставят, на первой — минимум с двумя генераторами по двенадцать мегаватт и с котлами уже угольными. Еще разница в том, что начиная со второй категории они рядом строят небольшой цементный заводик на сто-триста тонн в сутки, и на всех — заводы кирпичные, но различной мощности. А еще у них есть уже четыре площадки «нулевой» категории...

— Ладно, потом расскажешь, то, что хотел, я узнал. Ты, наверное, просто до конца не дочитал, а там предложения по строительству шести десятков таких промплощадок. За счет Союзного бюджета, но раз ты говоришь, что за счет таких строек они сильно сокращают затраты на постройку заводов... мне Валериану поручение написать или ты сам обоснование составишь?

Прилетит вдруг волшебник...

Пантелеймон Кондратьевич в июле принял участие в очень торжественном и очень странном мероприятии: закрытии колхозной электростанции. Причем, чем собственно и объяснялось «торжественность», последней в республике.

Вообще-то закрывалась не просто электростанция, а электростанция маленькая, работавшая на «дровяном» моторе от грузовика, и закрывалась она потому, что теперь просто нужды в таких электростанциях не было: одновременно с закрытием последней «дровяной» станции был произведен пуск новой (хотя и тоже работающей «на дровах») электростанции районной, на которой стояли уже турбогенераторы. Небольшие, мощностью всего по четыреста восемьдесят киловатт, зато сразу два. А еще «зато» — полностью «свои», изготовленные в Белоруссии. Турбины для электростанций изготавливал новенький завод в Гомеле, генераторы — не менее новенький завод в Могилеве, а котлы делал Бобруйский котельный завод. Распределительные устройства пришли с Витебского завода, а много всякого прочего, для электростанций необходимого, делалось уже на четырнадцати разных республиканских предприятиях, выстроенных за последние четыре года. Причем даже не все эти заводы и фабрики помогало Белоруссии строить Особое Девятое управление: завод «Электроштит», например, был полностью укомплектован станками и оборудованием, изготовленными на белорусских заводах. И даже металл для всех устройств на электростанции был «своим»...

Когда к нему приехал начальник геологического отдела Управления и, ткнув пальцем в карту, сказал, что «здесь нужно строить шахту», Пантелеймон Кондратьевич возражать не стал лишь потому, что возражать чекисту в два ромба в петлицах чревато. А когда через год строящийся в Плещеницах — рядом с шахтой — какой-то «непонятный» металлургический завод выдал первую плавку белорусской стали, он сообразил, почему в республике говорят, что «в Беларуси три столицы: Минск, Бобруйск и Плещеницы». Ну а то что «третью столицу» пришлось усиленно подтягивать до «столичного статуса» — так это было делом обычным и даже не очень трудным. В том смысле, что у него три четверти работы в том и заключалось, что условия жизни населения республики улучшались различными способами, а в городке с появлением завода и население-то увеличилось меньше чем на десять тысяч.

Потому что завод действительно был «странным»: железо из руды получалось с помощью газа, добываемого из бурого угля, а сталь из железа варилась в печах и вовсе электрических. Электричество к которым поступало с гидростанций: всего-то за три года только на Западной Двине их четыре было запущено. Мощностью в сорок четыре мегаватта, в тридцать три, в двадцать два и последняя («нарушающая гармонию») в семнадцать мегаватт. Вроде и не очень большие станции, но только они дали электричества больше, чем значилось в планах на конец пятилетки для всей республики. А уж сколько обеспечили эти новенькие районные станции — и ведь электричество-то они давали в основном для заводов и фабрик!

Руководство республики особо радовалось тому, что почти все эти электростанции, фабрики и заводы были «внеплановыми» и всю продукцию этих предприятий можно было использовать на улучшение жизни народа в Белоруссии как угодно. Ну, почти всю: все же Девятое управление кое-что забирало себе, а куда использовать многое другое — очень

настойчиво «рекомендовало». Но ведь и рекомендовало так, что ни у кого рекомендации эти не порождали «чувства внутреннего протеста»...

В августе Валентин испытал на Суворовском полигоне изготовленную на его экспериментальном заводе версию «Корда». То есть его и раньше «испытывали», просто теперь он произвел финальные испытания сразу пяти машинок «на износ», и пришел к выводу, что пулемет «можно запускать в серийное производство». Запускать-то можно, вот только экспериментальный завод был в состоянии изготовить хорошо если один пулемет в сутки поскольку теперь большую часть времени там работали над другими «изделиями», так что пришлось ему на некоторое время покинуть Боровичи и переместиться аж в Актюбинск, где на подготовленной промплощадке быстренько создавался новый «пулеметный завод» под названием «Актюбинский механический». Причем «для всех» завод-то должен был ремонтировать (и даже изготавливать) горнодобывающую технику для недавно открытого хромового месторождения, а производство оружия на заводе «не рекламировалось», хотя оружейных цехов было больше, чем машиностроительных. И для работы на заводе рабочих и инженеров везли из «особого боровичского района», причем после ряда проверок — дабы слухи о «непрофильном производстве» не плодились. Там же «временно пребывал» и Саша, который активно занимался обустройством хромового рудника на самом богатом в Европе и втором в мире месторождении. Его об этом Оля попросила, ведь «стране нужно очень много нержавеющей стали», так что главной Сашиной задачей стала наладка добычи хромовой руды в объеме до ста тысяч тонн в год.

Но если в Саши задача была «долгоиграющей», то Валентин всего лишь «на месте» посчитал, какие станки и в каком количестве для завода нужно изготовить — и через пару месяцев вернулся в Боровичи. Где принялся бурно обсуждать с Васей перспективы использования «продукции из Актюбинска»: все же «для работы в поле» механизм под пятьдесят килограммов с одной коробкой с патронами был пока приспособлен маловато. В споре «победил» Василий, как-то доказавший Валентину, что под «Корд» лучше всего будет использовать «бармалейскую тачанку». Правда, Тойот пока еще не было, но ведь проблему можно решить и другими средствами?

В ноябре тридцать седьмого года на промплощадке в Серпухове началось строительство «Завода малолитражных автомобилей». Оля сказала, что там по намечаемым планам правительство собиралось выстроить мотоциклетный завод — но постройка автозавода эти планы не то, чтобы «нарушила», однако изрядно «скомкала». Тем более что выпуск мотоциклов (естественно, совершенно неожиданно для Куйбышева) начался в большом рабочем поселке Камешково неподалеку от Коврова. Для Камешковского завода Петр просто купил лицензию на «Индиан Чиф», причем купил вместе со всеми необходимыми для производства станками, а еще нанял (изначально «на двухлетний контракт») около трехсот американцев, уволенных с завода в Спрингфилде из-за депрессии — так что производство началось быстро. Очень быстро, по Олиным прикидкам на достижение «плановой производительности» в шестьдесят пять мотоциклов в сутки ушло чуть больше двух месяцев.

Но для Серпухова «импортного аналога» не нашлось. Точнее, не захотел никто даже смотреть на «зарубежные достижения автопрома», так что разработка малолитражки была полностью отечественной. Возглавляемые Васей (а точнее, щедро им пинаемые) молодые инженеры спроектировали («на базе оппозитного тракторного дизеля») четырехцилиндровый карбюраторный мотор в сорок лошадок, а действительно руководимые им же другие молодые ребята спроектировали и сам автомобиль. Внешне он был тоже похож

на самые первые Судзуки «Джимни», точнее, на первые, называемые «Самураями», но — отличие от легковушек, делаемых раньше в Боровичах — сразу делался с металлической крышей, а запаска вешалась на заднюю дверь. И мотор на них был уже сорокасильный, хотя и «чугунный». Правда, чтобы эти автомобили могли ездить, пришлось еще в пригороде Серпухова шинный завод выстроить: на машину предполагалось ставить шестнадцатидюймовые колеса с широкопрофильными шинами — которые вообще нигде в мире пока не выпускались. Впрочем, такие шины любого размера не выпускались, так как по требованию (техническому требованию), составленному Васей, шины должны быть радиальными со стальным кордом. Поэтому про «проволочный завод» в Алексине, выпускающем оцинкованную проволоку для корда, даже и упоминать особо не обязательно было...

В Серпухове на площадке была выстроена самая мощная версия «технологической электростанции»: там стояли два генератора по двадцать четыре мегаватта каждый. Которые сжигали очень много угля (главным образом бурого, «местного») и производили, кроме электричества, конечно, еще и огромные кучи золы. Даже, скорее, шлака — и вот как раз этот шлак широко использовался для развития площадки. Две «шведских» мельницы перемалывали отходы жизнедеятельности котлов в пыль, затем ее просто смешивали с землей, добавляли немного цемента — и смесь укатывали асфальтовыми катками. В результате получалась дорога, по прочности мало уступающая бетону (причем Оля, которая эту технологию и предложила — у нее на даче так дороги обустроили — утверждала, что через год дорога еще прочнее станет). Насчет «прочнее» — это, правда, вообще никого не волновало, так как дороги получались уже «не хуже асфальтированных», а когда они испортятся от времени — так их и на самом деле заасфальтировать будет можно, тем более что сланцевые заводы в новеньком поселке Сланцы и в Сызрани этого самого асфальта уже довольно много производили. Да и коксовые заводы выдавали немало «асфальтовой смеси» — а вот заводы нефтеперерабатывающие горкомунхозы страны не радовали: отработанный в Боровичах гидрокрекинг очень быстро теперь внедрялся на всех таких заводах и практически весь битум перегонялся на солянку. Которой требовалось все больше...

Еще в сентябре тридцать седьмого года Вася съездил в Москву в гости к директору ЗиСа и «провел воспитательную беседу»:

— Что же вы, Иван Алексеевич, страну кормите хламом на колесах? Да не дергайтесь, это у меня шутки такие дурацкие. Я по другому поводу к вам заехал: мои инженеры для ярославцев новый мотор разработали, но если только для них моторы делать, то дороговато выходит. А если и на ЗиСы подобные моторы ставить, то цена становится приемлемой.

— И что за мотор? У нас вроде и свои довольно неплохие.

— Ваши моторы полное говно, извините за прямоту. Для ярославцев мы сделали мотор в сто двадцать сил, весом в двести сорок килограммов и к тому же мотор дизельный. Вам предлагается пока четырехцилиндровая версия в восемьдесят сил...

— Как на Павловских автобусах? Он же под капот у нас не влезет!

— Ну, во-первых, и Павловский влезет: его уже на ГАЗе примеряют, причем успешно. Но новый мотор — не оппозитник, а V-образный, в ЗиС-5 входит как родной.

— И весит двести сорок?

— «Четверка» вообще сто семьдесят, потому что он алюминиевый.

— Дизель, алюминиевый... Кто нам столько алюминия выделит? Да дизель наверное еще и дороже существенно.

— Алюминий в нас свой, металла хватит. А про цену вы верно угадали, ЗиС примерно на тысячу двести дороже получится.

— Тогда я отказываюсь. Правительство на такое удорожание...

— Срать на правительство. В смысле, Ольга Дмитриевна там объяснит, что за счет экономии топлива удорожание меньше чем за три года окупится. Вопрос вообще в другом: на постройку нового моторного мы с ярославцами скидываемся, предлагаю и вашему заводу в этой складчине поучаствовать чтобы стройка пошустрее шла.

— И что мне скидывать прикажете?

— Не приказываю, а предлагаю. У вас ведь есть фонды на жилищное строительство...

— И завод их потратит исключительно по назначению! У нас многим рабочим буквально негде жить!

— В том-то и дело, что в Москве не потратите. Ирина Алексеевна отклонила вашу заявку на строительство жилья без удобств в стиле «русское баракко». И вообще вашему заводу сейчас устанавливается лимит в пятнадцать тысяч рабочих. Это в Москве лимит, а в других городах, сами понимаете, никакого лимита нет. Поэтому мы и предлагаем вам строить жилье для рабочих в Кольчугино, где моторный завод уже строится, и туда же ваши мотористы и переедут, причем еще и спасибо скажут: на наших заводах рабочим предоставляются отдельные квартиры.

— То есть это ультиматум?

— Напротив, приглашение к взаимовыгодному сотрудничеству. Пока вы тут сопли жуете и с трудом собираете по шестьдесят машин в сутки, мы вам моторы и из Боровичей привезти сможем. А к следующему лету, когда вам будет поступать по двести пятьдесят моторов в день, вы как раз успеете ваши моторные цеха расчистить и поставить в них второй конвейер...

— Сколько моторов?!

— Ну вам же мы не все моторы поставлять будем, пока и столько хватит. Вы, я вижу, уже согласны, так давайте посмотрим, какие потребуются доработки. Во-первых, мотор у нас высокооборотный, поэтому потребуются изменение коробки передач...

С начала года в Москве с конвейера пошли исключительно грузовики ЗиС-5Д, а завод имени КИМ стал готовиться к закрытию. То есть на заводе еще не знали, что дни его сочтены, но Серпуховской завод намекал на это столь уверенно, что народ с завода радостно переезжал в «дальнее Подмосковье». И никого, даже Куйбышева, это не волновало: Нижегородский завод увеличил выпуск машин настолько, что нужда в дополнительном (и почему-то очень дорогом) производстве этих же машин в Москве практически отпала.

Три инженера сидели тихо и слушали, что им говорит «женщина в белом». В авиапроме давно уже о ней легенды ходили, поэтому, например, Николай Кириллович пытался лишь лучше разглядеть «ромбы» в петлицах белого шелкового костюма Ирины Алексеевны: кто-то говорил, что они целиком рубиновые, а кто-то — что все же они сделаны из какого-то специального стекла. Что, впрочем, все равно не имело ни малейшего значения: довольно молодая женщина с уже четырьмя орденами и без рубиновых «ромбов» выглядела сказочно.

А уж то, что она говорила... Впрочем, говорила она сугубо «по делу», хотя произносимые ею слова тоже были больше похожи на сказку:

— Итак, всё тут довольно просто: есть две схемы, и есть мнение, причем пока исключительно моё, что реализовывать желательно обе. Николаю Кирилловичу я предлагаю заняться самой муторной, но самой нужной — для двух других товарищей —

вспомогательной работой: проектированием винтов. Муторная она потому, что там будет хренова туча исследований в части материаловедения. Я, конечно, помогу чем смогу — но, сразу скажу, могу я по этой части весьма немного. Николаю Ильичу я предлагаю заняться разработкой машины по первой схеме, а Михаилу Леонтьевичу — по второй.

— Вы тут очень интересные картинки нарисовали, — не удержался Николай Камов, — но я не уверен, что нечто подобное можно будет выстроить с существующими моторами...

— Ах да, тут у нас работает еще один забавный юноша по имени Архип Люлька, так он для вас неплохие моторчики уже сделал. Правда редукторы вам уже самим изобретать придется, но в этом и сам Архип вам поможет, причем, думаю, хорошо так поможет. Моторы как раз под ваши будущие машины: весят они всего-то двести пятьдесят килограмм, зато выдают по пятьсот пятьдесят сил...

— То есть вы предлагаете исходить из мощности двигателей в тысячу сто сил?

— Ага, и вам придется придумать, как всей этой силищей управлять.

— И когда мы должны будем сделать эти машины? — тихо поинтересовался Миль.

— Ну, когда сделаете, тогда и должны. Если я скажу, что машины нужны уже через неделю, вы же откажетесь? А какой срок вам самим покажется разумным, вы мне попозже скажете. Ну что, пойдём посмотрим, что вы будете делать?

В просторном ангаре инженеры увидели две, причем вроде бы уже готовые, машины, выкрашенные в небесно-голубой цвет — но оказалось, что это не совсем так:

— Вот, ваши будущие вертолеты. На самом деле это всего лишь фюзеляжи, я их сделала просто потому, что вы их такими же легкими сделать не сможете. Просто рассчитать не сможете, и не потому, что считать не умеете, а потому, что с материалами пока не знакомы.

— По-моему, это алюминий... дюраль? — уточнил Скржинский, погладив один из фюзеляжей рукой.

— Алюминиевый сплав, но не дюраль ни разу. По прочности немного превосходит обыкновенную сталь, по весу заметно легче даже алюминия, но главной его особенностью является то, что фюзеляж из этого сплава легче сварить чем склепать. Впрочем, и сварить его очень непросто — но вы научитесь, хотя и не сразу. Я вас научу — но сначала запустите эти куски металла в небо.

— Работать будем в ЦАГИ? Вы туда фюзеляжи перевезете?

— Молодые люди, вы что, решили поиздеваться? — в голосе Ирины прозвучала какая-то усталость и даже, как показалось Скрдинскому, безнадега. — Эти работы идут под грифом «совершенно секретно», и вести их будут именно здесь, у нас.

— А вы не выглядите сильно старше нас, — заметил Камов, который знал почти наверняка, что «женщина в белом» — его ровесница.

— А вы что, считаете себя старыми? Я тоже молодая и радуюсь этому. Потому что знаю: я успею сделать все, что захочу... что уже хочу успеть. И да, Юрьева к работам привлекать можно и даже нужно, вам специально выделяют самолет чтобы летать с вопросами в Москву или его сюда привозить.

— А какое-нибудь жилье нам выделяют? — не удержался уже Миль.

— Какое-нибудь — да. Стандартные квартиры, у нас с этим всё просто. А так как вас мы к себе выдернули, скажем так, несколько внезапно, то квартиры вам предоставят в несколько расширенной комплектации. То есть с холодильником, стиральной машиной, если что-то еще потребуется — скажете коменданту, вам все предоставят. А насчет мебели — можете стандартную в магазине выбрать или на свой вкус любую заказать, это все

бесплатно для вас будет. Только стандартную вы сразу получите, а на заказ минимум неделю ждать придется. И да, занавески или обои если захотите поменять, или светильники — это уже за ваш счет будет...

— Как думаешь, смогут Камов или Миль построить вертолеты до войны? — спросила у Ирины Света после того, как Ира поделилась с товарищами деталями переговоров с будущими Главными конструкторами.

— А хрен его знает! Но в любом случае их работа ненужной не окажется, а затраты-то копеечные!

— Ага, копеечные, — незлобно ругнулась Оля, — у нас таких копеечных на миллионы немереные уже набралось. И где на всё это денег-то набраться?

— Наберем, копеечка там, копеечка здесь, — с улыбкой ответил Вася. — Пока мы барыжим аргентинским мясом и хлебом, недостатка в деньгах у нас не предвидится. Причем заметить: мясо мы продаем по минимальной магазинной цене семь рублей за кило, то есть по доллару и тридцать пять центов, и навар получается доллар с килограмма. Ну, чуть меньше с учетом доставки из портов, но триста пятьдесят тысяч тонн — это уже овердофига.

— Сдается мне, что Иосиф Виссарионович скоро наш бизнес аннулирует, — ответила ему Оля.

— Не аннулирует, — возразил Петя, — для него все это выглядит так, как будто мы мясо то же вообще бесплатно получаем.

— Охренеть как бесплатно!

— Оля, у Виссарионовича всяко денег на закупку мяса за границей нет, а откуда у нас деньги — он давно уже не спрашивает. Мы в казне валюту не просим, стране пользу наносим в основном за рубли, на исследования наши эти же рубли и тратим — ну и какие к нам вопросы?

— Вопросов дофига, но сейчас их просто некому нам задавать. Валерьян все же допился, никакой клопидогрел его не спас — и в верхах срочно решают кого на Госплан поставить.

— Струмилина, нет?

— Струмилину Виссарионовичу прямым текстом, причем на совершенно русском, эту перспективу обрисовал. Я как раз с ним обсуждала вопросы по новому металлургическому заводу когда Сталин позвонил, и собственными ушами слышала. А потом собственными глазами видела покрасневшего аж до слез Струмилина: он, когда со Сталиным ругался, обо мне просто забыл, — Оля даже заулыбалась, вспомним этот момент.

— А этот, который первым замом у алконавта был? Латыш который?

— А с ним еще веселее: Менжинский на него столько интересного накопал, что у латыша сверхзадачей будет до конца года живым остаться. Кстати, скоро нам с Рудольфычем придется попрощаться...

— А что Гуля говорит?

— Гуля не в курсе, потому что прощаться мы будем по другой причине: он сказал, что намечено преобразование ОГПУ в два наркомата. Один — сугубо внутренних дел, и он останется за Рудольфычем, а второй будет НКГБ, и кто станет его начальником — пока неизвестно. Однако известно, что Девятое управление станет Особым экономическим управлением как раз в НКГБ.

Еще двадцать девятого ноября тридцать седьмого года в Хранилище-13 Аню и Валеру привезла Ирина. На своем самолете привезла, к одиннадцати утра. Ну а раз привезла, то

вместе с ними и пошла в седьмую секцию «посмотреть на исторический момент». Захватив с собой из самолета большую сумку...

Вообще-то было видно, что «электростальцы» сильно волновались. Даже не так: они едва удерживались на грани паники, и Ира решила ребят немножко подбодрить:

— Ань, ну что ты так психуешь? Ты же прокладки давно уже сделала?

— Какие прокладки?

— Гигиенические, с гидрогелем. А ты что, не надела? Это не страшно, я вот захватила с собой, поделюсь без вопросов.

— Зачем?

— Ты еще спрашиваешь! Очень полезная штука, между прочим. Я, когда Васе доказывала, что самолет пилотировать могу, только ими и спасалась. Ну да, я несколько раз тогда описаться успела, но он и не заметил! Так что сейчас придем, ты всю жидкость из организма вылей, прокладку надень — и никто ничего не заметит! Заодно и Валере дай, я специально для него и пеленку впитывающую захватила. Детский, конечно, размер, но штаны все равно у него сухими останутся. Валер, ты слышал?

— Что ты сказала? Извини, прослушал...

— Ань, ему точно пеленку нужно нацепить.

— Ир, если что-то пойдет не так, то никакая прокладка никого не спасет.

— Ты все еще думаешь, что я девочка-дурочка-мажорка? В седьмой секции даже если тепловой взрыв случится, наружу хрен чего прорвется. Да и то: ну потеряем мы сотню тонн воды, и что? Кто-то от этого умрет? Ты не... в общем, заранее не писайся: я тоже просчитала у себя возможные последствия и знаю, что бояться нечего от слова «совсем».

— Если наши расчеты неверны и ничего не получится...

— Валера, я, конечно, по самолетам больше. Но у меня в самолетах с троированным резервированием вероятность критического отказа на два порядка больше, чем у вас! Вдобавок, как я понимаю, у тебя при необходимом минимуме в сто восемьдесят каналов установлено триста сорок. Ну не запустится, так подольете водички, загрузите каналов побольше — и все равно запустите, просто чуть позже. Насосов вам двух достаточно, а у вас их шесть подключено и четыре в холодном резерве, сборок у тебя уже на полторы полных загрузки — так чего вы очкуете?

— Ир, мы все это знаем и умом прекрасно понимаем. Однако...

— Ребята, я тоже все понимаю, но: Хлопин тут сидит ждет положительного результата, причем со вчерашнего вечера ждет, прочий народ тоже — и вы такие с постными мордами заходите. А люди, между прочим, ждут праздника! Так что мандраж отставить, морды быстренько сделали счастливые — и вперед!

— Ир, а может ты, вся такая позитивная, и произведешь пуск?

— Я?! Не... если вы так настаиваете... там же просто кнопку нажать надо? Это я могу, причем могу даже проделать это с довольной рожей. И с гордостью: вот, дура-дурой, а добилась великой чести нажимания кнопки! Так, ребята, если мне склероз не изменяет, то туалеты вон там, а я вас тут подожду. Даю вам пять минут, время пошло!

Аня, окинув взглядом собравшихся в пультовой людей, про себя заметила, что все были практически спокойны и лица всех и их позы даже выражали лишь «повышенный интерес». И, похоже, в успехе никто не сомневался. Изо всех сил стараясь «делать морду кирпичом» она с определенным трудом прошептала Ирине:

— Давай, нажимай кнопку, а то я просто упаду тут...

— Итак, товарищи, — громко произнесла Ирина, встав в театральную позу и изобразив «вдохновенное лицо», — сейчас произойдет историческое событие: я нажму на кнопку. Но кнопка эта не простая, она вообще зеленая. Хотя по мне, так лучше бы её покрасить в синий цвет — но приходится жать на то, что имеем. Так, кто меня снимает на кинокамеру? Парень, зайди вон с той стороны, с этой я половину события загораживаю своей... собой загораживаю. Итак, товарищи, я нажимаю... нажала... где бурные аплодисменты? Валера, ты как?

— Я нормально... в смысле, загрузка пошла... поток нарастает... Ань, ты знаешь: у нас получилось. Получилось!

— Итак, граждане и товарищи, — снова начала «вещать» Ира, — вы присутствовали при историческом событии, даже при двух. Первое — это я нажала кнопку. А второе, почти такое же важное — это то, что вон там, двумя этажами ниже, началась управляемая цепная реакция и первый в мире ядерный энергетический реактор в настоящую минуту выходит на минимальный регулируемый уровень мощности. Да, минимальный, но регулируемый — а спустя какихнибудь... Валер, сколько, недели через две?

— Где-то через месяц...

— А в самом начале следующего года, если ничего плохого с реактором не произойдет, будет включен и электрический генератор. Один, а затем к нему присоединятся еще два. Которые вот просто так, безо всякого угля или дров, выдадут стране триста мегаватт электрической мощности. Да, та крошечная бочка выдаст электричества в половину ДнепроГЭС — а ведь это только начало. И я не говорю уже о том, что эта бочка с трубами еще и тепла выдаст почти в три раза больше, чем электричества. Потому что бочка эта — штука посильнее «Фауста» Гёте и помощнее целого ДнепроГЭСа, просто мы еще слишком криворукие, чтобы всю энергию ее в электричество перегнуть. Ну и ладно, будем теплом теплицы всякие отапливать, выращивать в наших... условиях среднерусской природы ананасы разнообразные с бананами и даже огурцы с помидорами в зимнее время. А заодно в зимний стойловый период будем отапливать окрестные города и, конечно же, стойла в коровниках. Предлагаю по этому поводу выпить: я специально еще вчера привезла сюда пару бутылок шампанского. Уровню мероприятия, конечно, не соответствующего, всего лишь Дом Периньон тридцать второго года, но если его рассматривать не как напиток, а как символ...

— Ир, ты заткнешься наконец? — не выдержал Валера.

— Итак, товарищи, наступает самый ответственный момент: наконец те, кто все это затеял, осознали, что они, собственно, наделали и начали приходить в себя. Все присутствующие могут друг друга поздравить с невероятным достижением, все — потому что все вы здесь принимали в этом самое непосредственное участие. Меня можно не поздравлять, я лишь кнопку нажала...

Спустя всего неделю Ирина «забежала в Кремль». Иосиф Виссарионович давно уже заметил, что в Девятом управлении все неформальные взаимоотношения с правительством и партией осуществляют женщины, причем для общения со Сталиным чаще всего они стараются использовать именно Ирину: поскольку Сталин лично старался следить за производством художественных фильмов, всегда причиной встречи можно было обозначить «кино». Тем более, что фильмов, в которых товарищ Лукьянова значилась режиссером, снималось действительно немало. Ну а о чем на самом деле разговаривал он с этой взбалмошной «кинематографисткой» — это уже «было совсем другое дело». Поэтому Ирину

— даже если она не записывалась на прием — Иосиф Виссарионович всегда старался принять с минимальным ожиданием в приемной, ведь обычно ее информация оказывалась и важной, и достаточно часто довольно срочной, а она обычно больше чем на пять минут в его кабинете не задерживалась.

Впрочем, в этот раз и особой срочности в ее сообщении не было:

— Иосиф Виссарионович, помните, о чем вы с Анной Федоровной долго говорили? Так вот Валера просил передать, что они получили положительный результат. Сейчас, правда, еще идут пуско-наладочные работы, но где-то через месяц уже будет что вам показать. То есть уже сейчас посмотреть можно, просто пока это выглядит не очень впечатляюще.

— Спасибо, Ирина Алексеевна, я постараюсь приехать и посмотреть на ваши достижения. Вы говорите, где-то через месяц?

— Это не я говорю, а Валера. Но да, не раньше.

— Это все, что вы хотели мне сообщить? Просто сейчас у меня назначено небольшое совещание, люди ждут...

— Уже ухожу. Только у меня один, крошечный буквально, вопросик остался. В стране все же изобилия хлебо-булочных не наблюдается, а некоторые мукомолы занимаются всякой хренью. Есть мнение, что было бы лучше направить таких заниматься именно мукомольным делом. Нетоварищ Тухачевский в силу своей вражеской сущности исключительно рукожопов продвигал чтобы нанести сильнейший вред стране, но, я думаю, это можно быстро исправить. И нужно, причем максимально быстро. А то, боюсь, на самолеты скоро вообще рогатки ставить придется.

— Рогатки? А... ясно. Но... у вас есть предложения, кто сможет вместо упомянутого мельника выполнить поставленные задачи?

— Есть. Там к нему в ОКБ недавно пришел некий Александр Эммануилович... очень перспективный товарищ.

— И у вас уже приказ о его назначении, как я понимаю, готов?

— Нет конечно, какое мы имеем отношение к наркомату вооружений? Только проект приказа, вот он. Ну так я пошла? Не хочу людей задерживать...

Броня крепка и танки наши быстры

Григорий Васильевич домой ехал в настроении очень поганом. Откровенно говоря, он вообще не ожидал, что Ирина Владимировна ему откажет, а потому разочарование его было велико. И тем более велико, что раньше он искренне считал, что Ирина Владимировна восхищена его талантом — а теперь...

С этой странной женщиной он познакомился в далеком уже тридцать пятом, когда она совершенно внезапно приехала к нему на съемочную площадку и предложила попросту выкинуть весь уже отснятый материал:

— Вы, конечно, много уже чего сделали, но сделали плохо. Да послушайте, не дергайтесь: вы сделали плохо не потому что плохо делали, а потому что делали с негодными средствами. И я предлагаю все сделанное забыть как страшный сон и начать все с начала. И да, гоните в шею вашего оператора, я вам другого дам.

Вообще-то эта странная женщина сама сняла уже три фильма, ставших невероятно популярными, но такие её заявления...

— Как вы можете говорить такое, вы же вообще не видели...

— Григорий Васильевич, я же не просто какой-то там режиссер или оператор, я, между прочим, еще и второй заместитель начальника Девятого управления ОГПУ. Особого Девятого управления. Так что насчет «видела-не видела»... В общем так, решать, конечно, вам — но я предлагаю все, что вы сняли, выкинуть и переснять заново, причем на цветную пленку и с качественным звуком.

— А кто нам даст цветную пленку?

— Что за дурацкий вопрос? Я и дам, ведь у нас в СССР кроме как у меня цветной пленки ни у кого нет...

Снято было еще очень немного, так что, хотя и было жалко потерянного времени, жалко было все же не очень. Володя Нильсен, конечно, страшно обиделся, но Григорий Васильевич буквально с первых же дней понял, что уровень съемки не просто вырос, а буквально вознесся на недостижимую высоту: весь снятый за день материал Ирина Владимировна отправляла самолетом в Боровичи, а на следующее же утро группа просматривала — в цвете и на широком экране! — снятое вчера и решала, что необходимо исправить и что уже сделано достаточно хорошо. Сама Ирина Владимировна в съемочный процесс практически не вмешивалась... разве что поменяла половину сценических костюмов Орловой — ради «правильных цветов» поменяла — и во многих сценах лично «ставила свет», используя привезенные из Боровичей какие-то удивительные лампы. А в эпизоде с танцем на пушке она заставила просто переделать всю декорацию, заявив Любове Петровне:

— Уважаемая, на вашем месте я бы послала режиссера в жопу: вы же просто обгорите нахрен! Вас же снизу он собирается поджаривать на настоящей электроплите! Значит так, эпизод откладываем, стекло заменяем на наполненный водой тепловой фильтр — и вот когда вашу безопасность обеспечим, тогда кадр и отснимем...

Еще она буквально пинками выгнала со съемок Михоэлса, а «Колыбельную» в фильме пели, кроме выбранных Александровым артистов, еще привезенные Ириной Владимировной молоденькая девчонка на корейском и настоящий летчик, певший почему-то на испанском.

Несмотря на кучу подобных задержек фильм получилось снять чуть ли не на два месяца раньше планового срока, а вот со звуком... Ирина Владимировна посмотрела готовый

фильм, обозвала кого-то «козлами рукожопыми», забрала смонтированный фильм с собой и через неделю привезла уже готовую прокатную копию с идеальным звуком. А еще она привезла и несколько копий, «кадрированных» (по её выражению) под стандартный экран и с оптическими звуковыми дорожками. И при всем при этом она категорически запретила даже упоминать о своем участии в съемках.

С «Волгой-Волгой» все получилось еще интереснее: Ирина Владимировна на робкую просьбу Александра даже привезенный сценарий читать не стала, а просто сказала «снимайте, вы лучше знаете что снять хотите — а ко мне не лезьте», опять прикомандировала к нему своего оператора (молодого парня чуть старше двадцати, но успевшего снять «Чапаева» у Васильевых), звукооператора (вредную девицу, которая Любовь Петровну на записи песен «под картинку» буквально тиранила) — и фильм снова бил все рекорды посещаемости в кинотеатрах. А сегодня, когда он приехал в Боровичи с просьбой обеспечить дефицитной пленкой новый фильм, она даже голову от каких-то бумажек не подняла:

— Мне Ардов вообще не нравится, так что снимайте без меня. Ни пленки цветной, ни людей я вам не дам. И вообще, идите и не мешайте мне работать...

Дома жена ему сказала лишь, что «у Лукьяновой безупречный вкус, а «Золушка» действительно так себе пьеса».

А летом вышел фильм никому неизвестного Анненского «Медведь», в цвете и со стереозвуком — и Григорий Васильевич вообще перестал понимать, как Ирина Владимировна выбирает фильмы, которые станут любимыми в народе. Ведь если она фильм «приняла под покровительство» — получается шедевр. А если нет — то что? Ведь Георгий Васильевич точно знал, что она считает Эйзенштейна «пустышкой», а тут буквально «за уши вытащила» его любимого ученика на вершину славы. Ну, допустим, у нее действительно «безупречный вкус» — но как она определяла, хорош будет фильм или плох еще до начала съемок и даже до утверждения сценария? Или действительно всё, к чему она прикладывает руку, становится шедевром?

Когда Александр покинул, наконец, Ирин кабинет, она спустилась на этаж в «общую квартиру», где уже обедали Аня и Света.

— Ну, как там у вас? — поинтересовалась она.

— У нас как что? — переспросила Аня, — у нас вообще-то много чего всего.

— Я насчет визита Сталина в Хранилище-13.

— А, там все нормально, ему Хлопин реактор показывал-рассказывал. И теперь у нас одним преданным сталинистом больше.

— А чего так?

— Да Сталин у Хлопина мимоходом поинтересовался, причем в правильном месте рассказа, на сколько времени придется реактор заглушить если из-за падения нагрузки он свалится в йодную яму или случится ксеноновое отравление. Я думала, что Виталий Григорьевич вообще дар речи потерял... а когда Сталин спросил, как быстро в реакторе плутоний нарабатывается, то решила, что Хлопин до конца дней своих зайкой останется. Ты знаешь, у Сталина ведь действительно феноменальная память, я же ему это так, мимоходом рассказывала лет много тому назад.

— И это всё?

— Нет, утром сообщили, по нашим каналам, что мне и Валере по ордену Ленина дали, в газетах завтра напечатают... или не напечатают.

— А у нас еще новости есть, — няябедничала Светлана. — К нам едет ревизор...

— С этого места поподробнее.

— Начальником НКГБ назначен Лаврентий Павлович и, по слухам, он всех нас ждет у себя в Москве.

— Что значит «по слухам»?

— Позвонил Поскребышев, сказал, что мы должны быть готовы к тому, что нас всех пригласит Иосиф Виссарионович. И сказал, что вроде бы для того, чтобы нас новому начальнику представить — но это не точно.

— Интересно девки пляшут... надо Петрухе сказать, что у меня уже готова машина, на которой мы сможем хоть в Аргентину улететь.

— Это же сколько километров?

— Это овердофига, на самом деле самолетик летает на три с половиной тысячи — но есть где по дороге сесть и заправиться.

— Нас десять, детей шестнадцать — это значит еще и няньки... а самолет не резиновый. Думаешь, пора валить? — несколько встревожено спросила Света.

— Куда, в Аргентину? — решила уточнить Ира.

— Кого, Берию? — очень удивленно и одновременно с Ириной спросила Аня.

Женщины переглянулись и закатились в припадке безудержного смеха.

— Нам всяко реактор оставлять нельзя, а Берия... сразу он нас арестовывать и расстреливать не будет, а там — посмотрим...

Мясокомбинат в Росарио ежедневно производил, кроме всего прочего, и пятьдесят тонн очень малоаппетитных отходов: содержимого коровьих желудков, кишок, шерсть и много еще такого, при взгляде на которое у человека возникали рвотные позывы. В общем, очень много дряни, способной отравить природу и свежий воздух на километры вокруг. Однако если эти «ароматные» отходы запихнуть в бетонные емкости, плотно закрытые крышками, то через некоторое время та же природа «возьмет своё» и выдаст, кроме всего прочего, широко популярный в двадцать первом веке «биогаз». А если этот газ пропустить через разделительную установку, то — при определенных условиях — из него можно выделить практически чистый метан. В объеме примерно десять миллионов кубометров в год.

Метановая фабрика мясокомбината продукции теперь выдавала уже двадцать миллионов кубометров (просто потому, что отходы мясного производства еще смешивали с молотой соломой и содержимым помоек многочисленных кафе и ресторанчиков) — и это было уже довольно приличной добавкой к местному топливному балансу. Газ этот «тратился разумно», обеспечивая топливом кухни в жилом комплексе, где проживали работники мясокомбината, да и соседние кварталы довольно быстро стали подключаться к газораспределительной сети. Но на весь полумиллионный город этого газа все равно не хватило бы, и Сергей Сенявин сильно жалел, что аргентинские коровки большую часть сырья для получения биогаза «бездарно разбрасывают по прериям» и всерьез работал над увеличением поставок сырья для метановой фабрики.

Коровки же советские не бродили без присмотра по саваннам, а загонялись каждый день в стойла — поэтому практически каждая коровка в России создавала ежедневно килограмм по десять вполне себе доступного сырья для получения биогаза. И довольно приличная часть этого сырья уже попадала в биотанки: даже самые дремучие мужики успели убедиться, что готовить еду на газовой плите куда как удобнее, чем на печке с дровами. Но хотя газификация деревенского быта и давала стране ощутимую пользу,

«ценный ресурс» использовался все же мало, к тому же не одними коровками была богата «сырьевая база». Света, которой пришлось немного поруководить городским обустройством, практически случайно обратила внимание на инициативу Сергея Сенявина — и предложила нескольким боровичским инженерам «изучить передовой опыт»...

Молодые инженеры к поручению отнеслись с огромным энтузиазмом: ведь не каждый день можно за казенный счет скататься за границу и посмотреть на экзотические страны! А потом они вернулись домой и принялись за работу с еще большим энтузиазмом. Потому что мало что увидели что-то невероятное, но каждый (почти каждый) в уме увиденное значительно улучшил и старался это доказать уже воплощая задуманное в металл и бетон.

Вообще-то Сенявинская идея была не совсем Сенявинской, в США и даже в Германии нечто подобное уже строили. И даже в СССР строили, причем в том числе и в Боровичах — но строили-то неправильно! Хотя идея сама по себе была очень красивой: гадят-то не одни лишь скотинки бессловесные, человек им в этом деле не уступает — и если отходы жизнедеятельности человека поместить в метановый танк...

Вот только человеческие отходы поступают через канализацию в очень разбавленном виде, и даже после отстойников тонна «отстоя» дает хорошо если два десятка кубов метана, а то и один. Сергей Сенявин просто догадался «отстой» еще больше обезвоживать (что, конечно, прилично энергии потребляло) и достиг производства почти сотни кубов горючего газа с тонны «сырья» (что в конечном итоге обеспечивало заметно больше энергии, чем было на производство газа потрачено). А в Росарио жителей собралось уже больше полумиллиона...

В Боровичах жителей набралось под двести тысяч, и каждый житель «нужного стране сырья» выдавал примерно по килограмму в сутки, причем «в пересчете на сухой вес». И из этого килограмма в результате получалось примерно полкубометра метана. А чтобы «повысить накал страстей» и выход ценного продукта, в танки Боровичской метановой фабрики свозили еще и весь навоз с окрестных свиноферм, коровников и курятников. А еще сыпали в танки перемолотую солому, отходы промышленности пищевой — так что к лету тридцать восьмого года мощность фабрики достигла тридцати миллионов кубов «сухого» метана в год. Мошенская и Суворовская фабрики давали поменьше, миллионов по пятнадцать, а самая большая Тихвинская, куда навоз и прочие биоотходы свозили со всего Тихвинского района, производила почти пятьдесят миллионов.

Иосиф Виссарионович, когда приезжал посмотреть на атомный реактор, Мошенскую фабрику не заметить не смог, всё о ней (и других подобных) у «экскурсоводов» выпросил — и те же инженеры, уже мысленно примеряя на пиджаки сияющие ордена, приступили к постройке двух подобных фабрик возле Москвы. И, может быть, именно поэтому никто попаданцев в Москву к Берии не позвал...

В Боровичи Лаврентий Павлович решил ехать на поезде. Самолет — он, конечно, быстрее, но самолетам свойственно время от времени падать, так что поездом и ехать спокойнее, и времени подумать хватает. А подумать ему было о чем.

Менжинский ему передавал материалы по управлениям НКГБ неделю, из которых два полных дня он посвятил Иностранному отделу Мессинга. И при этом почти мимоходом заметил, что у Станислава Адамовича налажена «тесная внутренняя кооперация» с Девятым управлением. Передавая материалы по управлению пограничной охраны, отметил, что Девятое управление «серьезно помогает в обучении пограничников». Рассказывая о задачах секретно-оперативного управления, упомянул, что «ребята из Девятого управления

разработали используемые там методики проверки персонала», а говоря об Экономическом управлении, сказал, что у них «серьезные разногласия были с Девятым управлением, но вроде сейчас они нашли общий язык». Но на прямой вопрос «а чем это Девятое управление конкретно занимается», он протянул Лаврентию Павловичу тоненькую папочку с личными делами нескольких его сотрудников («тут материалы на руководство, а остальное они мне не сообщают») и честно ответил:

— Да хрен его знает. Лекарства вон разрабатывают, машины всякие. Фильмы снимают, готовят учебные программы для школ, колхозное строительство ведут активное, Москву вот перестраивают, да и не только Москву. Автомобили проектируют, самолеты, заводы разные строят... По-моему, они вообще всем занимаются, но вот чем конкретно... Вы лучше у Иосифа Виссарионовича спросите, они ему больше докладывают чем мне.

Сталин же на вопрос Берии ответил и вовсе странно:

— Да, Лаврентий Павлович, досталось тебе это Управление... ты с ними поаккуратней. Люди они странные, но...

— А задачи-то у Управления какие? Что они делают?

— Если в двух словах, то они извлекают из людей пользу для страны. Да, звучит странно, но именно это они и делают. Поэтому у них работает много дворян бывших, даже белых офицеров — но результаты они показывают неплохие. Я бы даже сказал, очень хорошие — а сейчас вон вообще собираются Москву отапливать стоками городской канализации, и ведь отопят!

— Кизяк будут из... стоков делать?

— Нет, там технологии современнейшие зарубежные, причем, кстати, за рубежом их как раз российские эмигранты разработали, и вроде как при кураторстве этого Девятого управления. И они же, уже точно под руководством Девятого управления, и наших инженеров всему обучили. Теперь Боровичи тоже энергию из дерьма получают. Так что эти твои теперь ребята пользу из наших людей извлекать умеют туго, даже вон из задницы — и то извлекают... да ты и сам разберешься.

— Попробую...

— Я только вот о чем предупредить хочу: ты на них не дави. Они действительно странные. Есть там такая Ирина Алексеевна, ну, которая кино снимает для детей. Так вот на неё Баранов просто молится: под ней сейчас четыре конструкторских бюро самолетных, и... сам знаешь, как у нас стало с военной авиацией. И основной гражданский самолет у нас уже её собственной конструкции больше всего и строится. А еще она руководит реконструкцией Москвы, по какому поводу наш Лазарь Моисеевич почти отучился разговаривать матом.

— То есть?

— А он раньше мог легко выразиться, но Ирина Алексеевна его в таких случаях в ответ так виртуозно уделывала, что он, чтобы сопливым юнгой перед старым боцманом в глазах окружающих не выглядеть, использовать слова эти перестал. Да что там Каганович, она любого послать может если иначе её не понимают, никто для неё не авторитет — но у конструкторов наших, у большинства из них, она как раз авторитет непререкаемый. Другая, Ольга Дмитриевна — экономист, плановик. И она заранее планирует свои — не наши, а свои — дела так, что когда союзные планы идут наперекосьяк, они, силами Девятого управления, косяки наши исправляют. Это её усилиями в тридцать втором у нас голод в стране не случился: я просил Струмилина подсчитать, и выходит, что могло у нас с голода помереть миллиона два, а то и больше — а вот не умерли. Да они там все такие: никаких

приказов не исполняют, но результат показывают... я бы сказал, невероятный. Да что там, сейчас в институтах в стране половина студентов — это кто школы в Боровичах закончил. Карпинский отмечал даже, что уровень обучения у них в школах гораздо выше, чем в целом по стране. Так что... Ты лучше съезди к ним, сам посмотри — может поймешь тогда, чем они занимаются. Я, откровенно говоря, еще не совсем понял, но мне и не надо, меня результат волнует. Хотя... за их результаты я и не волнуюсь уже.

Вот Лаврентий Павлович и поехал в Боровичи. На поезде, хотя из-за этого вставать пришлось в два ночи: ночью поездов мало и литерный может быстро ехать. Но в полседьмого, в Угловке, даже литерному поезду пришлось встать. Причину задержки пояснил — когда Берия вышел на перрон размять ноги — пожилой и очень словоохотливый железнодорожник:

— Так на Боровичи-то паровозам ходу нет: далее дорога-то электрическая, а паровозы провод пожгут. И ваш поезд сперва нужно на электрический путь поставить, а у нас дизель маневровый один только, и он сейчас переставляет эшелон с щебенкой карельской. Вы тут погуляйте, в буфет зайдите — это никак не меньше получаса займет... а скорее минут сорок-сорок пять.

— Так сюда что, щебенку из Карелии везут? — удивился Лаврентий Павлович. — Ближе что, щебня не нашли?

— Дык щебень-то для бетонного завода, где шпалы делают, а туда абы какой не годится, гранит нужен. Зато шпалы будут полста лет стоять и замены не требовать!

— Шпалы бетонные? Так бетонные, наверное, много дороже деревянных?

— Ты, товарищ военный, не понимаешь. Пятьдесят лет без замены они простоят, а деревянные через пять менять надо. Так что всяко получается дешевле, даже если работу по замене шпал не считать, — он с улыбкой взглянул на удивленного такими знаниями Берия и уточнил про их источник:

— Мы тут давеча в вечерней школе как раз пример этот решали, и выходит, что бетонная шпала хоть и впятеро дороже, но обходится стране втрое дешевле деревянной...

В Боровичах Лаврентий Павлович провел целый день, причем успел (благодаря упомянутой Сталиным Ирине Алексеевне) и Тихвин посетить с новеньким вагоностроительным заводом, и Пестово, где ему показали производимую в городе очень теплую, по словам директора фабрики, одежду и где он осмотрел тамошний фармацевтический завод. Но так до конца и не понял, чем же занимается это Девятое управление. Понял только одно: его очень просили оставить прежнее название Управления «потому что очень много документов переделывать придется». А еще понял, что работники этого управления, несмотря на совершенно непролетарское происхождение большинства руководителей производств и институтов, действительно для страны делают очень много полезного...

Напоследок и товарищ Климов сообщил очень интересную информацию:

— Финны начали эвакуацию своего населения из Карелии, очевидно, что они готовятся к войне.

— Нам это известно...

— Не сомневаюсь, но кое-что наверняка вам еще неизвестно. Мало того, что это переселение финансирует Британия, так англы пообещали после начала такой войны поставить финнам до двух сотен самолетов, огромное количество боеприпасов и много различного оружия. Но с оружием не напрямую: в Финляндию оружие поставят шведы, а

британцы шведам компенсируют все поставки. Кроме того, сейчас финны ведут переговоры с Германией, причем по германской инициативе... пока вроде все, а если понадобятся детали, то документы где-то к сентябрю будут доставлены в Союз. Извините, раньше ну никак не получается...

Эта информация показалась Берии довольно важной, но насколько она верна? Вернувшись в Москву (причем уже на самолете, пилотируемым Ириной Алексеевной), Лаврентий Павлович вызвал к себе Мессинга:

— Что вы можете сказать о Петре Климове из Девятого управления? Вы же с ним довольно много работали.

— Не очень много, но довольно часто. Я думаю, что он очень опытный ликвидатор или руководит группой таких ликвидаторов. Сам он свободно владеет испанским, причем несколькими диалектами, французским, английский у него не так хорош, но в США он вполне может сойти за своего. Работать с ним довольно трудно: Девятое управление никогда не раскрывает источников информации, но если от них нужна помощь, главным образом финансовая и за рубежом, то Климов не задает никаких вопросов, а просто выделяет нужную сумму. В любом месте и в любой валюте.

— Мне интересно было бы узнать о достоверности предоставляемой им информации.

— Тут всё просто. Если он сообщает, что «есть определенные подозрения», то достоверность информации довольно высока, но требуется подтверждение из другого источника. Если же он говорит «как нам стало известно», то достоверность практически стопроцентная. Проблема в том, что они никогда не дают информацию, не проверив её самостоятельно или же не убедившись в том, что сами ее проверить не могут, так что, боюсь, мне они не всю им доступную информацию передают. Хотя в последнем я все же не уверен.

— А если он просто сообщает какой-то факт? Без этих «подозрений» или «нам известно»?

— Тогда, я в этом убежден, информация совершенно достоверная. Несколько раз мне, для передачи её Вячеславу Рудольфовичу или Иосифу Виссарионовичу, приходилось просить у Климова какие-то подтверждающие документы — так вот с этим беда. То есть документы он всегда предоставляет, но обычно на это уходит довольно много времени. Если речь идет о Европе, кроме Германии конечно, то несколько недель, а об американских странах — так нередко и до пары месяцев доходит.

— А почему «кроме Германии»?

— По каким-то причинам Девятое управление никаких дел в Германии уже больше трех лет не ведет... официально не ведет, а как на самом деле, я не знаю. Да и сам Климов немецкого языка не знает, может быть поэтому?

— А какие дела они ведут в других странах?

— В основном торговые. Валюту зарабатывают, закупки ведут довольно крупные, и — я подозреваю, но утверждать не берусь — занимаются экономической и научной разведкой. Но, если это и так, это они именно что попутно делают, а основная их деятельность там — это торговля. Для ведения которой у них организовано множество подконтрольных им компаний, так что у них довольно легко получается закупать для Советского Союза многое из того, что напрямую нам никто за рубежом не продает. В детали я, конечно же, не посвящен, но думать-то мне никто запретить не может...

— И если он сообщил что-то, касающееся Финляндии и Швеции...

— В Швеции у них прямые контакты чуть ли не на уровне министров, так что по таким вопросам в Девятом управлении информация стопроцентная. Коллонтай нам примерно треть дезы дает, а у Климова по Швеции деза даже теоретически проскочить не может.

— Коллонтай нам дает недостоверную...

— Она дает то, что ей разрешают узнать. Но у неё и должность соответствующая. Кстати, Петр Евгеньевич говорил, что пользы от неё куда как больше чем вреда хотя бы потому, что шведы думают, что мы верим всему, что они через неё сливают, ну или по крайней мере не знаем, в чем конкретно они наврали. А раз мы точно знаем, где и в чем они нам врут, то легко догадаться зачем.

— Наверное, в этом он прав. Значит...

Сергей Владимирович очень удивился, когда получил «приглашение пообщаться в Лукьяновой». Очень настойчивое приглашение, отказаться от которого было просто невозможно: Баранов предупредил, что все распоряжения Лукьяновой должны исполняться незамедлительно. Впрочем, исполнить его было несложно, до аэродрома можно было даже пешком дойти, а Ирина Алексеевна его на аэродроме и ждала, причем сидя в своем самолете. Там же, в кабине этого самолета, она быстро пояснила причину столь странного приглашения:

— Насколько я знаю, вам предложено быстренько разработать штурмовик. Более того, вы уже и проект успели сделать.

— Вообще-то это...

— Ваш самолет будут строить здесь, в Москве. Еще в Воронеже и, скорее всего, на моем заводе в Комсомольске. Ну так вот, я вашу машину в одноместном варианте в производство не пушу, так что сэкономить вес за счет штурмана-бортстрелка даже не мечтайте. Но у вас бронекапсула, конечно, под тонну выходит...

— Мы еще её не считали.

— Я посчитала, где-то с тонну и получается, причем бортстрелок у вас остается без защиты — а меня это не устраивает.

— Главное, чтобы устраивало ВВС.

— Ну а я об чем? Все самолеты в производство именно я для ВВС и принимаю, так что слушайте дальше: в силу вышесказанного вам придется предусмотреть и броневую защиту бортстрелка. А чтобы уложиться в вес, броню я вам предлагаю делать не стальную, а алюминиевую...

— Алюминиевую броню?!

— Из алюминиевого сплава. Да, сплав послабее броневой стали, но не уступит стали инструментальной, так что при толщине миллиметров в двенадцать он будет гораздо легче шестимиллиметровой стальной брони и от пуль вполне защитит, тем более что дно вообще будет комбинированным, из алюминия и стали. А от пушечных снарядов и стальная не защитит, так что вы просто выиграете вес, причем существенно. И да, никакого дерева в машине, только авиасплавы, вот вам справочник с их параметрами. И расчет бронебютерброта из стали и алюминия.

— Цельнометаллический самолет — это замечательно, но я тогда точно не уложусь по заданным параметром стоимости машины.

— Вот это как раз пусть вас вообще не беспокоит: вы бы и так не уложились, а денег на спецсплавы для вашего штурмовика я найду.

— Но ведь машина будет выпускаться, скорее всего, сотнями...

— Тысячами, а может и десятками тысяч. Однако я считаю, что жизнь летчика стране куда как дороже затрат на постройку самолета для него. В общем, вы поняли...

— Не совсем.

— Объясню еще раз: штурмовик со стальной бронекapsулой и деревянными деталями в производство запущен не будет. Штурмовик в одноместном варианте выпускаться не будет. Так понятно?

— Понятно...

— Что приуныли? Одному из лучших авиаконструкторов предложили построить суперсамолет из современных материалов, а не из...

— Не из говна и палок... — эту её характеристику современных самолетов советские авиаконструкторы уже усвоили.

— Вот именно! Так что дерзайте и все у вас получится. Да, вот я тут захватила образцы материалов, пластина для боковой брони и сэндвич для дна и бронеспинки, вы в них постреляйте, посмотрите что и как. А вот это — «Маузер» германский, с бронебойными пулями патроны для него — в общем, сами все проверите. И нос не вешайте, к началу войны стране потребуется несколько тысяч ваших машин. Самых современных и самых защищенных — и я уверена, что вы справитесь. Вы же не какой-нибудь Туполев, а Ильюшин! Да... это не обязательно, но крайне желательно: штурмовики будут с задания с кучей пробоин возвращаться, так что подумайте, можно ли сделать крылья секционными и быстросъемными, чтобы их непосредственно на аэродромах не латать, а быстро заменять на целые можно было. Всё, идите...

Василий от жены не отставал в плане укрепления обороноспособности страны. Но никого лично не пинал и ценными советами не разбрасывался, а просто подбирал «подходящих людей» и, в деталях обговорив с ними предстоящую работу, пускал их «в свободное плавание». То есть не так, как в первую пятилетку отправляли на стройки индустриальных гигантов будущих директоров, а собирал целые команды, обеспечивал их — по мере возможности конечно — материально. И очень сильно обеспечивал им «защиту от местных идиотов». Где-то (например в Кургане, где уже начал работать Ирин авиазавод) система такой «защиты» была налажена, а где-то (например, в Чите) ее приходилось выстраивать даже не на пустом месте, а на сильно «загаженном верными ленинцами» пространстве. Но в принципе технологии создания подобных «защищенных зон» были уже отработаны и больших проблем это не составляло — так что народ в целом успешно с заданиями справлялся.

Но лишь «в целом», а вот многочисленные «детали» нервы портили изрядно. При строительстве «Завода транспортного машиностроения» в Кургане (точнее, жилья для рабочих будущего завода) пришлось очень жестко осадить местное руководство, желающее — глядя на то, как живут сотрудники авиазавода — и свои жилищные условия значительно улучшить. В результате некоторое время главой города пришлось поработать заместителем главного инженера авиазавода, но уже через месяц Москва прислала в город людей уже вменяемых. А в Чите другая проблема встала во весь рост: в городе в плохую погоду проехать на грузовике можно было лишь по трем улицам (причем по трем параллельным), а местные власти на улицы и дороги вообще болт забили. Впрочем, они болт забили вообще на все, кроме железной дороги, так что отправившимся туда ребятам пришлось несколько месяцев заниматься работами сугубо подготовительными.

А еще одну «проблему» решал Игорь Розанов, сын одного из преподавателей «военного

училища» ротмистра Михаила Розанова. Он закончил в Боровичах школу, потом отучился в Валином институте — а теперь подготовил к пуску новенький стекольный завод в Ряжске. Место для завода выбрал Саша, а вот все его оборудование как раз Игорь и разработал. Не придумал: какое нужно оборудования для изготовления стекла по флотационному процессу, ему рассказали «попаданцы» — ну, примерно рассказали, поскольку кое-что на ютубе про это когда-то видели. Однако парень оказался весьма сообразительным, для начала выстроил небольшую опытную установку — а теперь был готов и большой завод запустить. То есть по меркам века двадцать первого — все же не очень большой, с линии стекла должно было сходить по двадцать метров в минуту (при ширине в метр-сорок), но вообще-то это был первый в мире такой завод. И тем более «первый», так как на нем печи для варки стекла работали на электричестве. Для чего в Ряжске была выстроена и довольно мощная электростанция, работающая на местном буром угле, с тремя генераторами по двадцать четыре мегаватта — и вот из-за этих мегаваттов Светлане пришлось очень невежливо пообщаться с властями новенькой Рязанской области. Настолько невежливо, что она даже у мужа помощи попросила — но обошлось...

Как много нам открытий чудных...

— Ир, а ты чего не предложила Ильюшину штурмовик с титановой броней строить? — поинтересовалась Света. — Или взяла бы и сама штурмовик построила, ты же умеешь!

— Ну, во-первых, титана у нас явно не избыток. А во-вторых... Ты знаешь, у нас преп был, еще на первом курсе, так он говорил так: заканчиваешь институт и на дипломе проект самолета защищаешь такой, что куда там туполевам или ильюшинцам. А потом приходишь работать в КБ, тебе дают проектирование какой-то гайки к самолетному сортиру — и ты полгода бьешься, а гайка всё не выходит и не выходит. И когда начальник отдела говорит, что «ладно, гайка хреновая, но всяко лучше нет, так что будем эту ставить», чувствуешь себя на седьмом небе от счастья! Так что я просто немного знаю, как самолеты проектировать, еще у меня есть комп, в котором весь софт заточен под разработку всякого летающего...

— Но ты же уже три самолета сделала, даже пять уже!

— У меня в компе просто было несколько полных проектов «одноклассников» моего диплома. «Гжель» я практически целиком оттуда взяла, разве что пересчитала кое-что под другие материалы и центровку под новый мотор подправила. Кукурузник — это вообще просто деревянная этажерка, а не самолет. А двухмоторная лодка летающая... Была такая поговорка: аэродинамика нужна тем, у кого нет мощных моторов. Так что я, по факту, могу лишь готовые проекты посмотреть и пересчитать. Ну еще совет могу дать по поводу того, что вообще придумывать стоит. Вон, сейчас с Мясищевым новый самолет выдумываем.

— А какой?

— Да так, решила я Туполеву поднасрать. Он проталкивает через управление ГВФ идею купить у Дугласа лицензию на DC-3...

— Он что, не в курсе, что Дуглас сам машину по твоей лицензии делает?

— Об этом кроме самого Дональда, Ивана Сёмина и нас вообще никто в мире не знает. А Дуглас имеет право на продажу лицензий третьим сторонам, даже продал уже несколько, вот Туполев и клюнул.

— А почему бы нам самим эти самолеты не строить?

— Дороговато, да нам он вообще сейчас не нужен, мы сейчас обкатываем пародию на Турболёт с микулинскими моторами по тысяче двести сил. Да, в него помещается всего двадцать пассажиров, зато он вдвое дешевле «Дугласа» и скорость крейсерская четыреста двадцать, а не двести девяносто.

— Вдвое дешевле? А ты что, свои спецсплавы не использовала даже?

— Свет, я цены на скандий и титан все же не по международному рынку брала, а по нашим на них затратам, так что даже с этими моторами в вес оригинала поместилась. А когда Люлька нормальный турбовинтовой двигатель допилит, то самолетик вообще будет лучшим в мире.

— А на каком заводе строить эти самолеты будешь?

— Оля уже решила на каком. В Ташкенте у неё как раз подготовлена «нулевая» промплощадка, а если там в войну за пару месяцев буквально в поле производство Ли-2 наладили, то мы, да еще в мирное время, за полгода разве не справимся? В этом году по плану два десятка машин уже сделаем, а в следующем, надеюсь, на полторы сотни в год выйдем.

— Но в Ташкенте же землетрясение страшное было... будет, не помню когда.

— Мы с Сашей говорили на эту тему, и он сказал, что город там снесло только в центре, а в пригородах разве что глинобитные сакли слегка потрескались. Да и я не слышала, что на Тапочке какие-то проблемы после землетрясения были.

— На какой тапочке?

— ТАПОиЧ, тамошний авиазавод имени Чкалова. Так что все у нас будет не просто хорошо, а замечательно!

— Ага, а вот начнется война — и куда мы денемся? Гитлер вон уже Австрию присоединил... Парни наши наверняка воевать отправятся, а куда мы с детьми? Мне с каждым днем все страшнее и страшнее становится.

— Так, погляди на меня... А ты не беременна?

— А что, уже видно?

— И когда вы с Петрухой только успеваете? Он же почти все время по заграницам... ладно, пошли к Гуле: ты уже девочка очень взрослая, такое дело на самотек пускать нельзя!

— А Гуля всю неделю в мединституте, по Сашиной просьбе какого-то академика обследует.

— Ну, тебя я в военный городок на самолете точно не повезу, может на машине к ней сгоняем? Погода хорошая, минут за сорок...

— Гуля завтра уже вернется, я к ней обязательно зайду.

— А счастливый отец, кстати, где?

— Опять в Аргентину умотал... тебе, кстати, какое-то железо добывать.

— Литий.

— Нет. Тамошние ребята дорогу через Альтиплано уже до океана дотянули, и он вроде как какой-то рудник выкупил, вроде бы в Боливии.

— Медный.

— Да нет... То есть медный в Боливии он у американцев тоже купил, еще зимой, а сейчас какой-то еще. Может и не в Боливии, я все время путаю. Но уехал он в Аргентину. Вспомнила: танталовый и ниобиевый.

— Тогда это не для меня, а для Валеры и Ани. Впрочем, какая разница? Пошли обедать, я как знала и попросила рассольник сварить...

Петруха в СССР вернулся в начале мая, и вернулся очень довольным: его подопечные в Аргентине согласовали в правительстве план по строительству нескольких десятков ГЭС, которые станут собственностью государства (а потому строиться будут за госсчет) таким образом, что большая часть оборудования будет поставлена Советским Союзом.

— Там только на одной речке в Патагонии будет дюжина электростанций от одного до десяти мегаватт, а всего только в первой очереди они собираются почти сорок станций построить — а это, как ни крути, полтора года бесплатного мяса.

— Так уж и бесплатного, генераторы и турбины мы же не из воздуха брать будем, — возразила Ольга, но видно было, что и она таким результатом очень довольна.

— Ну за полцены, но главное не в этом. С этих электростанций будут снабжаться и почти все новые рудники, которые мы уже практически к работе подготовили, а это — даже если не считать пяти килотонн флюорита в месяц и пары сотен тонн бериллия в год, еще и под сотню тонн урана. Тоже в год, но курочка по зернышку...

— Петь, а я вот что спросить хотел, — прервал рассказ о зарубежных достижениях Валентин, — тут зимой Лангемака расстреляли. Ты же вроде в курсе был...

— Был, но уже потом, так что вмешаться не успел. А если бы с документами

следователей раньше был знаком, то и вообще не вмешался бы. Видишь ли, товарищ Сухов, у людей бывают самые разнообразные хобби. Вася, например, мечтает воссоздать свою «ласточку» и семимильными шагами к реализации мечты так прёт, что у нас уже три своих автозавода работают. Ира женщин наших обшивает, и давно уже законодательницей женской моды стала. А у товарища Лангемака хобби было более экзотическое: он собирал дорогие вещи, причем предпочитал импортные, преимущественно германского производства. По делу РНИИ только в приговоре Георгия Эриховича было сказано «с конфискацией всего ему лично принадлежащего имущества». Потому что имущество это на двух грузовиках вывозили, а по предварительной оценке оно сильно превысило в денежном выражении триста тысяч. И, что характерно, довольно много из конфискованного ему почему-то немцы просто подарили. Ну почему бы не подарить хорошему человеку пару инкунабул, так? Вдобавок он Победоносцева еще оклеветал на два-три расстрела без права переписки, но по счастью с ним и без меня разобрались, извинились и отпустили.

— А Королев, Глушко? — очень недовольным голосом решила уточнить у мужа Света.

— Эти, конечно, в карман себе ничего не клали. Но пустили на ветер сильно за двести тысяч народных денег и ни хрена не сделали из того, на что им государство деньги давало. К тому же следствие выяснило, что те пороховые ракеты, за которые в тридцать третьем кучу народа в РНИИ наградили, разработали исключительно Петропавловский и Артемьев, а начальство разве что им не мешало. То есть один оказался вульгарным вором, двое — растратчиками, причем Глушко тоже оказался не при делах, ему задания Королев давал. Ну, сделали они ракету...

— Но сделали же!

— Ага, на керосине с азотной кислотой. Дальностью восемьдесят километров и с КВО и десять процентов от расстояния, да еще её к старту готовить три часа в условиях спецполигона. А нужной стране пороховой ракетой, за которую им деньги и платили, вообще не занимались последние пять лет! Кстати, Клейменову, который директором этой шараги был, вышку дали за подлог документов об испытании якобы сделанных ракет.

— Блин, как все не просто...

— А я еще Карпинскому говорила, — решила глубже прояснить картину Свете Аня, — человек может быть талантливым ученым и при этом отпетым мерзавцем. Но чаще, как тот же Королев, безответственным мечтателем. А если прикинуть, сколько наших солдат погибло из-за того, что «Катюша» появилась на свет с опозданием на три года...

— Да поняла я. Но обидно же все это...

— Но ничего, у нас есть уже ракета, так что в трудную годину стране поможем, — закончил свое «оправдание» Петруха.

— Слабовато поможем, — отозвалась Аня, — в РНИИ пороха в общем-то обычные баллиститные, а у нас — перхлоратные, такие на серийных заводах еще лет пять просто не смогут делать. Не потому что не смогут, а потому что взорвутся нахрен в первую же неделю производства.

— Так у нас и назначение ракет другое, — встал на защиту Петрухи Валера. — Хотя, Ань, а разве старик Бауман не баллиститными порохами занимался?

— А, ну да, просто из головы вылетело. Он же уже сколько, года три как уехал в Пугачев, а как он там — я вообще не в курсе.

— Яков Петрович там нормально, — заметил Валя, — завод у него работает потихоньку. Без особого фанатизма, но свои планы вроде выполняет. Ну, как может: с

сырьем у него все же некоторые проблемы остаются.

— Какие проблемы? Почему мы не помогаем? — как-то очень жестко поинтересовалась Оля.

— Как можем, так и помогаем. У него производство пороха под коноплю заточено, а вот из древесной целлюлозы пороха получаются хреноватые. Можно было бы попробовать из Аргентины хлопок привезти или из США, но в войну завод тогда без сырья встанет. Петруха, правда, прорабатывает вопрос поставок хлопка из Синьцзяна, но пока уйгуры свою часть железной дороги не закончат, этот маршрут работать не сможет. Так что Бауман сейчас технологию старается под дрова подогнать, но, говорит, еще с годик ничего гарантировать не сможет.

— А Чуйскую долину выкосить?

— Ты думаешь, что товарищ Сталин ничего в конопле не понимает? — с деланным акцентом, рассмеявшись, ответила Аня. — Почему британцы пеньку в России покупали, а не из Индии возили? Почему сами индусы ткань из крапивы своей делали, а не из конопли индийской? Каннабис, в отличие от посевной конопли, низкорослый, волокна в нем мало и оно совсем хреновое, так что твоя идея не канает. Так что остается лишь надеяться, что Яков Петрович технологию доведет. Просто потому, что больше никому...

Спустя неделю Аня подошла к Светлане:

— Свет, мне тот разговор, ну, о ракетчиках наших, все никак из головы не выходит. Ведь мы знаем про очень многих, кто попал под репрессии, а выручать их... мне кажется, что даже не стараемся, хотя и можем. Ведь ОГПУ нам практически все дела на рассмотрение передавало, и когда мы кого-то просто себе забирали, нас даже не спрашивали зачем и почему...

— Обрати внимание: Валера и Петя из всех подследственных и осужденных к нам вытащили хорошо если каждого пятого и примерно столько же в Аргентину отправили или в Синьцзян, а всех прочих — согласно приговорам.

— Но могли бы больше!

— Нет. Я Петрухе помогала с некоторыми делами разбираться, так вот: трое из пяти там были такие мрази... вспомни хотя бы это, как его, шахтинское дело: они же реально гадили, там люди гибли! Так что и получили по заслугам. Если тебе моих слов недостаточно, то вот еще факт сугубо исторический: Берия в нашем прошлом сразу после занятия должности освободил около трехсот тысяч осужденных. Но это — из полутора миллионов, а остальные, оказывается, осуждены были совершенно правильно. Я тебе проще скажу: если отбросить явных уголовников, то две трети посаженных по политическим статьям — это, на наши деньги, отъявленная либерастня. Причем либерастня идейная — то есть денежки, конечно, они брать не брезговали, однако гадости творили по велению души.

— Ты в этом уверена?

— А кто тебе взорвал водородный реактор в Кузнецке?

— Ну да...

— Ты же сама Карпинскому объясняла, что человек может быть неплохим ученым или инженером, но полной мразью. Так вот, среди недоучек процент таких мразей просто выше. Некоторых можно если не перевоспитать, то хотя бы запугать достаточно, чтобы он гадости делать побоялся — но у таких перед глазами должен стоять живой пример. А лучше, пример уже не живой... люди должны твердо знать, что наказание за преступление неотвратимо.

— В чем-то ты, наверное, права... но тогда отсидит такой борцун за личное счастье,

затаит злобу, а потом выйдет — и снова гадить начнет.

— Не начнет. Вацлав пробил уже через Политбюро создание отдельной службы присмотра за отсидевшими в НКВД. Так что отныне экс-сидельца просто не допустят туда, где он сможет нагадить...

Первого июня к Ирине, которая что-то «творила» на своем «пятом экспериментальном заводе», зашел Люлька:

— Ирина Алексеевна, — начал он очень «официальным» голосом, — я должен вам сказать...

— Что мотор доделал?

— Что? А, примерно это. То есть не совсем. Мы тут с Владимиром Петровичем, ну, с Ветчинкиным, пересчитали ваши лопатки...

— А чего их считать-то? Вон они, обе две на месте.

— Лопатку турбины, я хотел сказать. Владимир Петрович посоветовал несколько изменить каналы воздушные... в общем, если просто покрыть лопатку по платине никель-циркониевым сплавом в плазмотроне, то при температуре в семьсот пятьдесят градусов наработка до капремонта составляет сто пятьдесят часов при пятистах циклах. Или даже двести пятьдесят при двустах.

— Но это же замечательно!

— Но максимальная мощность будет чуть больше семисот пятидесяти лошадиных сил, и я абсолютно убежден в том, что из этой конструкции больше выжать не получится. По крайней мере пока не доведут процесс нанесения вашего покрытия, а что получится дальше, покажут испытания... боюсь, не очень скорые. Но мы сделали другой двигатель, с четырехступенчатым осевым компрессором. Он получился в диаметре на почти пятнадцать сантиметров больше и на полметра длиннее, зато при весе в триста шестнадцать килограмм он те самые тысячу двести сил вполне выдает, и я думаю, что пятьсот часов тоже вполне выдержит.

— Это всё, что ты сказать хотел?

— Нет. То есть, наверное, да. Но если вы согласитесь запустить этот двигатель в серийное производство, то возникает простой вопрос: двигатель уже, можно сказать, есть, а самолета под него нет и неизвестно, когда будет. Ведь вертолету он уже не подходит...

— Тогда у меня вопрос появился. Двигатель — он есть в единственном экземпляре? И сколько времени потребуется для запуска его в серию?

— Если мы говорим о первом моторе, то меня готовы шесть двигателей, включая четыре, прошедших полный капитальный ремонт после испытаний. Причем последние два двигателя уже изготовлены на Омском заводе, и, насколько я знаю, они уже сейчас могут — если поступит такое указание и будут предоставлены нужные материалы — выпускать по два таких двигателя в неделю: они очень мало отличаются от версии в шестьсот сил. Что же касается более мощного двигателя, то оба из уже готовых к испытаниям сделаны в Омске, причем — поскольку вы сразу же запретили делать детали наколенным способом — оснастка под их серийное производство тоже большей частью готова.

— Понятно, а маленькие моторы где? Там же, на испытательной станции?

— Да.

— Тогда пойдем, покажу тебе самолет для этих движков...

Идти пришлось не очень далеко: КБ Люльки с опытным заводом располагалось в четвертой секции Хранилища-13, а экспериментальный завод — в третьей.

— Вот, любуйся, — сказала Ирина, показывая на стоящие в огромном пустом цеху три выглядящие совершенно готовыми машины, — это как раз самолет под твой двигатель. Л-410 Турболёт, правда, когда я их стоила, исходила из параметров вертолетной версии.

— А центровка машины? У меня же двигатели теперь даже чуть меньше двухсот весят...

— Да хоть двести грамм, я моторы по центру тяжести поставила. Потому что испытывали первую машину вообще с микулинскими моторами по шестьсот пятьдесят кил. Значит так, два мотора перевозишь сюда, мужики где-то за неделю что надо подправят, напильками где надо подточат — и машину тоже в серию передавать будем. Только ты учти: я планирую в год штамповать по полтораста таких машин начиная с сорокового года. Кто у тебя в Омске главным инженером? Справится он с такой задачей? При том, что под твой большой мотор тоже машина готовится, и его тоже выпускать нужно будет.

— Там рабочих нужно будет серьезно добавить, из молодежи, которую местные училища выпустят.

— Архип, у меня дел по горло, так что ты уж сам с Омском свяжись, задачи с ними обсуди, предложения по персоналу вместе с ними подготовь и мне принеси. Это не срочно, у тебя пара недель точно будет. Даже больше скажу: ты сегодня-завтра к этому и не приступай, потому что вечером ты ужинаешь со мной в Боровичах, я тебя захвачу когда полечу домой.

— Я...

— Я тоже замужем, — рассмеялась Ира, — и ужинать ты будешь не только со мной. Так что в половине шестого встретимся на аэродроме. Просьбы не опаздывать, договорились?

Вечером за ужином, кроме Ирины и Архипа, встретились еще два человека: Петруха и Павел Сухой. А причину этой встречи обрисовал как раз Петр:

— Нам тут стало известно, что германцы у Хейнкеля построили реактивный самолет. Турбореактивный. Точным параметров я пока не знаю, но известно, что двигатель у них с тягой порядка полутонны, а сам самолетик крошечный и для мирного использования в качестве, скажем, истребителя не годится вообще. Однако немцы планируют на нем достичь скорости в девятьсот километров в час...

— Размечтались, — скептически хмыкнул Сухой, впрочем, без особой уверенности.

— Теоретически это возможно, — возразила Ира, — но на практике, думаю, они километров до восьмисот доползут. Потому что они до хрена потенциальных проблем еще не представляют, но ведь когда с ними встретятся, то начнут их решать!

— Короче, так, — снова в разговор вступил Климов, — Павел Осипович пусть займется разработкой реактивного самолета, с двумя двигателями с тягой, скажем, по две тонны. А Архип Михайлович эти двигатели нам изобретет. И где-то через год мы получим самолет куда как круче Хейнкеля.

— Я не уверен, что... — начал было Люлька, но до конца выразить свою мысль не успел.

— Петь, у тебя с головой все в порядке? Я прикинула, если взять за основу новый двигатель Люльки, горячий контур в смысле, то хорошо если тонны на полторы тяги выйти сможем.

— А если сразу двухконтурный делать? Мы же пока про сверхзвук не говорим.

Люлька и Сухой переглянулись: начальство явно что-то знало им неведомое, но знало наверняка — и скоро знаниями своими поделится. И вот тогда...

Эргард Викторович прилетел в Боровичи с серьезным вопросом. А прилететь ему

пришлось потому что с одной стороны этот вопрос задал ему сам товарищ Сталин, а с другой — он точно знал, что руководители Девятого управления никогда не отвечают на вопросы по телефону и практически никогда не приезжают в Москву не по собственной инициативе.

Впрочем, сама поездка в Боровичи была крайне необременительной: с Московского аэродрома туда самолеты отправлялись три раза в день, а чтобы попасть на рейс, было достаточно позвонить в диспетчерскую аэродрома и сообщить о предстоящей поездке. А летать Эргард Викторович совершенно не боялся, ему пришлось уже немало покружить в небе во время многочисленных командировок. К тому же летчики неоднократно говорили, что «самолеты Лукьяновой не ломаются», а после того как была проведена поголовная переаттестация летчиков (по слухам, по требованию той же Лукьяновой) и больше трети из них выгнали из авиаотрядов, количество летных происшествий сократилось практически до нуля.

Однако в Боровичах ему немного не повезло: в Управлении сказали, что Анна Федоровна, о встрече с которой он вчера договорился, внезапно убыла в срочную командировку. Причина была более чем веской: японцы напали на СССР на Дальнем Востоке, так что академик не обиделся. И тем более не обиделся, потому что буквально через пятнадцать минут к нему пришла Светлана Юрьевна:

— Эргард Викторович, я думаю, что вы к нам приехали не ради того, чтобы посмотреть из окна самолета на красоты природы. Возможно, я смогу вам помочь? В принципе, я немного в курсе решаемых Анной Федоровной задач и уж точно смогу найти её сотрудников, которые вам почти наверняка помогут.

— У меня, собственно, возник один вопрос... Иосиф Виссарионович поставил задачу существенного увеличения производства удобрений, в частности азотных. Я посетил Саратовский завод на предмет изучения возможности его расширения, и, откровенно говоря, был несказанно удивлен: вопреки тому, что декларировала Анна Федоровна, поступающий на завод природный газ вообще не используется в производстве аммиака, и весь аммиак делается на базе поступающего из Донбасса каменного угля. Да и выпуск аммиака на заводе заметно меньше возможного, вероятно, именно по этой причине. То есть нарастить выпуск азотных удобрений без постройки по сути нового завода там невозможно, но остается не проясненным вопрос о природном газе...

— А, это? Я и сама вам отвечу потому что это мы обсуждали неоднократно и даже я запомнила. Вы же химик?

— Ну, собственно, да... доктор...

— Это был риторический вопрос, извините. Из метана на заводе делают метанол.

— А зачем столько метанола? И я не видел, чтобы метанол куда-то с завода отправлялся.

— Его можно в бензин добавлять или даже в метанол бензин добавить, тогда октановое число резко возрастает, то есть качество бензина улучшается. Но это так, приятное дополнение. А если взять кусочек серебра... я не химик и говорю что запомнила и могу что-то в мелочах напутать. Так вот, с серебром из метанола получается формальдегид.

— Ну... да.

— А если формальдегид смешать с аммиаком — которого там производится очень много все же, просто много на месте и потребляется — то получается уротропин. А это — ценнейшее лекарство.

— Как я заметил, как раз уротропина завод производит... очень много. Это где же люди

так сильно болеют?

— Еще уротропин — это очень удобное топливо в походных условиях. Например, в военном походе.

— Я как-то этот факт не учел. Но разве армия сжигает столько уротропина?

— Может сжечь, причем куда как больше. И совсем не при разогревании банки консервов. Если на уротропин попрыскать азотной кислотой... Черт, забыла предупредить: все, что делается в Девятом управлении...

— Делается совершенно секретно, я помню. И понял. Извините за беспокойство, я больше вас по этому поводу дергать не буду. Подумаем, как своими силами проблему удобрений решать...

— Одна голова — хорошо, а две... нет, это уже мутант получается какой-то безобразный. Это я к чему: у нас в Кузбассе заканчивается постройка нового аммиачного завода, и там же предполагается наладить выпуск не только карбамида, но и азотной кислоты в значительных объемах. Завод будет готов к началу следующего года, но... Аня говорила, что для азотнокислого производства потребуется там прилично так платины, а зачем — её потом спросите.

— Я знаю зачем, и постараюсь помочь...

— Не надо помогать. Просто забирайте весь этот завод себе: у нас со специалистами не ахти, с других задач снимать их ой как не хочется. И там наверняка будут серьезные проблемы с углем...

— В Кузбассе?!

— Да, но не те, о чем вы подумали. В Саратове используется донецкий антрацит, а там уголь другой, теплотворность другая, зольность — и нужно будет техпроцессы по-новому налаживать, причем для этого потребуются как раз химики, которых у нас сейчас нет. А вы наверняка найдете, так?

— Интересное предложение, выходит, я Иосифу Виссарионовичу смогу... так, а что вы за это захотите получить взамен?

— Это у Оли спрашивать надо, но, скорее всего, почти ничего. То есть процентов двадцать вырабатываемой заводом азотной кислоты наверняка нам хватит: там рядом и завод промышленной взрывчатки вроде тоже строится...

— Насколько я осведомлен, ваше управление всегда все, что изготавливает, само же и использует...

— Про Кузнецкий химзавод я точно знаю: Аня сама говорила, что кислоту девать будет некуда, а Оля — что нужно и стране что-то оставить. Но вы про «все сами используют» вообще не правы: я уже не говорю про самолеты и автомобили, вы хотя бы о сельхозпродукции вспомните.

— Извините, если обидел, я безусловно не это имел в виду, а лишь то, что продукция завода... часть продукции наверняка и вам понадобится. И, в общем-то, не ошибся — что уже на нас накладывает определенные обязательства. Но, надеюсь, с этим мы справимся. А о передаче завода когда и с кем нужно будет договариваться?

— Вы не очень спешите? Оставайтесь на обед, там с Ольгой Дмитриевной и обговорите всё.

— С удовольствием... а во сколько? Я насчет обратного рейса в Москву.

— Если опоздаете, то Иру попрошу, она вас подвезет. То есть нет, она Аню повезла в Читку... тогда спецрейс я организую, у нас в первом летном училище всегда два-три самолета

для срочных поездок подготовлены. Но, думаю, вы и так успеете, дневной в Москву в три...

Николай Николаевич на встречу с «главным гидроэнергетиком Союза» спешил не просто так: Генрих Осипович всерьез интересовался самим процессом строительства «Ысьвенских» станций — почему-то именно так называли в Девятом управлении эти стройки. Вообще-то три небольших ГЭС ни в коей степени выдающимися не были, станция на Косьве планировалась на двадцать четыре мегаватта, на Усьве — шестнадцать, а на Лысьве — вообще шесть, но на стройках отрабатывались (или «демонстрировались», как говорили инженеры Девятого управления) новые технологии именно строительства малых станций. На Косьве строили плотину (точнее, её ядро) из новомодного «прессованного бетона», в котором цемента было в пять раз меньше обычного — зато очень много перемолотого шлака с электростанций угольных. И получится плотина из-за этого должна была втрое дешевле выстроенной из обычного бетона — но требовалось убедиться в качестве получившейся постройки. На Усьве плотину вообще строили из готовых бетонных блоков (и пятнадцатиметровую плотину вместе со зданием ГЭС выстроили за одно лето), а на Лысьве отрабатывали «совмещенную технологию»: там и сами блоки на заводе из прессованного бетона делались. Уже отработали, но Графтио интересовали в первую очередь данные с установленных на новых плотинах различных датчиков. Очень интересные данные: пока что выходило, что новые плотины еще и фильтрацию обеспечивают раза в три меньше привычных для бетонных сооружений значений. Так что то, что сейчас вез Павловский для Графтио, могло довольно сильно изменить в лучшую сторону привычные технологии...

В начале сентября к Оле зашел Петруха с интересным вопросом:

— Тебе случайно хороший экономист не нужен? Мне Рудольфыч по старой памяти слил инфу интересную: в Харькове на каком-то мошенничестве одного взяли, еще весной — но дело все еще тянется. Даже, говорит, толком и не началось расследование: уж больно много в НКВД приходит положительных отзывов о нем и народ местный расследованию всячески не способствует.

— Что за экономист?

— Да уж не Леонтьев. Либерман какой-то.

— А зовут его уж не Евсей ли Григорьевич?

— Ты его знаешь?

— К сожалению. Эта сука продавала при Брежневре реформу, в результате которой СССР потерпел сначала экономический крах, а затем и развалился. Насколько я помню историю этого «великого экономиста», следствие по нему шло год, дали ему пятнадцать лет лагерей — но в лагеря он не попал, провел полгода в тюрьме, а потом его внезапно амнистировали и даже в должности повысили. Мне вот очень интересно было бы знать, кто за эту сволочь так героически заступался...

— Понял, осознал, раскаялся. Человечка заберу к себе и буду внимательно смотреть, кто его высвободить бросится. Тогда дополнительный вопрос — он как, показательно и демонстративно или тихо и бесследно?

— Забирай. И постарайся сделать так, чтобы о его бесследном исчезновении вообще никто не знал. А про тех, кто его защищать бросится, ты сначала мне скажи, мы тогда вместе подумаем как эту мразь зачистить.

— Да чего там думать-то?

— Петь, еще раз: осужденного на пятнадцать лет тихо амнистируют и возвращают на работу, причем с повышением. Такое проделать — это даже не уровень республиканского

НКВД, а минимум уровень республиканского ЦК. Эти всяко будут через каких-то помощников работать, а нам надо вычислить главного в этой кодле. Вычислить и вычистить...

И гудят леса бамбука, издают протяжность звука...

Аня в Читу так срочно полетела вовсе не из-за заварушки у озера Хасан, хотя некоторая связь с заварушкой все же была. В Чите, на запускающемся заводе по производству азотных удобрений сгорела при запуске аммиачная установка, и первым предположением местных специалистов было то, что уголь, поступающий на завод с новенького месторождения неподалеку от Петровска, содержал в себе «что-то вредное». Ну а так как завод, кроме удобрений, должен был еще и порох делать...

Аня с Ирой вернулись обратно в Боровичи через неделю, причем Аня выглядела очень печальной, а Ира — взбешенной. И на вопрос Валентина о причинах ему ответила Ира:

— Там же семь человек погибли!

— Это я уже слышал, а поподробнее?

— А поподробнее... ты только к Ане не приставай. Она мне на обратном пути рассказала, а я не химик, детали могу перепутать — но у нее теперь работы очень много по устранению проблем, так что тебе придется ограничиться моим непрофессиональным пересказом. Если коротко, установка уже отработанная, в целом отработанная, но Аня предложила несколько улучшений. И там вместо чего-то она предложила ставить какие-то краны или клапана из бериллиевой бронзы. Ну а местные эту бронзу перепродали какой-то артели в качестве заменителя золота и поставили эти детали, сделанные из латуни, причем латунь они собрали на местном стрельбище, то есть из томпака детали делались. А томпак — мягкий, вот установка и потекла.

— Но это же решаемо... в принципе. Конечно, наказать нарушителей надо...

— Наказали уже, я позвонила в Москву... по старой памяти Вацлаву позвонила, а с Лаврентием Павловичем уже он разговаривал. Короче, по закону их всех расстреляют нахрен, и поделом — но по факту там все ещё хуже. Когда Аня взяла их за задницу, они со страху раскололись: просто не думали, что за бронзу их кошмарить начнут. Короче, эти умельцы смывали с катализатора три четверти платины, бромом вроде смывали — а в установку же три кило сразу закладывали! Аня все удивлялась, почему так быстро катализаторы деградируют — а оно вот оно что. Короче, сейчас все установки и всех ведущих химиков на всех заводах проверять надо, а некому — потому что их всех одновременно надо шерстить. Лаврентий Павлович пообещал своих спецов направить — но у него же не химики! Вот Аня и переживает, что Кровавая Гэбня может невиновных закошмарить — а кто тогда у нас работать будет? С другой стороны если предупредить народ до проверки, то как воров-то вычислить?

— Пусть химиков все же направит, хотя бы студентов из своего института: молодежь у нас и талантливая найдется, и морально устойчивая. Я поговорю с ней.

— Еще раз: ты к ней с этим не лезь, она сама придумает что делать. Разве что я ей намекну насчет студентов, типа в плане наших путевых разговоров...

— Ну давай. А сама-то чем теперь заниматься будешь?

— Буду самолет в производство передавать. Валь, я сама самолет спроектировала! Первый, который целиком сама придумала! Правда винты мне все равно Ветчинкин рассчитывал, но все остальное-то моё!

— А чего его передавать-то? На заводе твоём что-то поменялось за эту неделю, отвык от тебя народ, давно ты их не голубила ласковым своим словом?

— Не на наш завод. Петруха когда еще у Кертисса моторный завод перекупил — и на той неделе он заработал! То есть моторы есть, а самолета под них нету.

— Так он завод под Конквероры вроде купил, и вообще в Аргентину.

— Ну да, а теперь срочно нужны уже и самолеты: Скорохватов Пете жаловался, что без самолетов Гомиьдан запинаят Синьцзян скоро.

— И Петруха решил везти туда самолеты из Аргентины?!

— Нет, только моторы. А самолеты прямо на месте строить и будут. Я сподобилась, придумала совершенно дендрофекальный самолет, причем даже палки будут Синьцзянские: он в основном из бамбуковой фанеры слеплен. Два Конкверора, охалка бамбуковой соломы — и лучший в мире маленький тяжелый истребитель поднимается в воздух!

— А кто там их будет строить? На каком заводе?

— Ну там же СССР уже завод построил, чтобы И-16 собирать. Всяко лучше, чем четверть самолетов вместе с пилотами терять в горах. А заодно и бамбуковый... в общем, полярный и пушной собирать будут. И-16 для Гомиьдана, а Лу-5 для того, чтобы от Гомиьдана защищаться.

— А если он лучший в мире, то, может, и для себя такой строить будем?

— Он лучше И-16, он лучше всего, что есть у китайцев, да и у японцев тоже. Пока лучше. А вот против будущих «мессеров» серии «f» он не потянет: будет быстрее, но маневренность у бамбуковой фанерки с двумя полутонными моторами окажется так себе. Я лучше для нас построю такой же, но без крыльев.

— Ракету что ли?

— Да, не к месту цитатка пришлась. Нет, такой же, но из металла и с движками, которые Люлька сейчас выпускать в Омске начинает. Если расчеты не врут, то и скорость выйдет под восемьсот, и маневренность — он разве что «кобру» сделать не сможет, да и то я не поручусь.

— Ну, тебе виднее. А успеешь?

— До осени сорокового поставлю в серию. Если никто не сделает самолетик получше.

— Кто, Сухой?

— Или он, или, скажем, Таиров. Всеволод Константинович, конечно, человек специфический, но конструктор неплохой. И сейчас в Кургане роет землю копытом и ваяет двухмоторный истребитель под седьмую версию М-13. Теоретически может получиться очень интересная машина.

— А что в нем специфического?

— Да он какой-то... вялый. Свое мнение не отстаивает даже если точно знает, что он прав. Постоянно компромиссы какие-то ищет... но если на него не давить, то то, что он сам придумал — делает хорошо. В общем, будем посмотреть.

— А другие конструктора у тебя как?

— Прекрасно. Петляков передал в производство свой Пе-8, он сейчас называется Пе-4. Павел Ионович от восторга аж похрюкивает, когда о самолете говорит: ведь машину сдали сразу без каких бы то ни было доработок, да еще изрядно перекрыли техзадание: просто за счет правильных сплавов мы планер почти на четыре тонны облегчили. Сейчас он новую машину изобретает, уже по моему техзаданию, под новенькие моторы Архипа: товариш Люлька во вкус вошел, обещает через два года выдать мотор на четыре тысячи сил.

— Думаешь сделает?

— Думаю, что нет, но тысячи за три он точно перешагнет. У него же сейчас бешеных

энтузиастов уже полторы сотни работает, он одновременно четыре двигателя новых проектирует. Три: стосильный он уже закончил.

— А на хрена такой? Планируешь По-2 перевести на турбореактивную тягу?

— А мысль интересная... но нет. Это вспомогательный двигатель для тяжелых самолетов. Генератор там покрутить или воздух подкачать.

— Понятно. Петляков до войны стратег выстроить успеет?

— Нет конечно. Но напрасной эта работа точно не будет... Да, а ты КПВТ доделал? Я на предмет его и на самолеты...

— Доделал, но под самолет его дорабатывать мне совершенно некогда: Вася просит зушку на двадцать три миллиметра.

— И что тебя держит?

— Лишь то, что пока здесь патрон под зушку не придумали.

— А у тебя что, лапки? Насколько я помню, роторные линии под любой патрон настраиваются. Сам патрон изобрети быстренько и выпуск наладь. Сколько у нас уже патронных заводов, восемь?

— Уже одиннадцать. Но даже гильзы на двенадцать миллиметров чуть ли не на треть в брак идут: сталь на такой вытяжке лопаается...

— Валь, я, конечно, не настоящий сварщик... а настоящий у нас Василий. Ты с ним пообсуждай идею вздорной тетки: если к куску зафланцованной трубы приварить донце гильзы на сварке трением... Я к чему это: у меня на Турболёте штуцера в гидравлической системе шасси так ставятся, и по надежности и качеству шов превосходит даже исходный металл свариваемых деталей. А уходит на это секунды две, если не меньше...

— Мысль интересная, с Васей я точно поговорю. Но все равно с патронами пока все выглядит кисло: с пороховыми заводами не очень.

— Ну, Аня сейчас этим и занимается. Обидно, вместо работы над Богородской электростанцией ей приходится воров ловить. Ладно, я тебе все сказала, пойду работать. В Урумчи послезавтра лечу, тебе оттуда чего-нибудь привезти?

Тихий еврейский мальчик Боря Шапошник родом из Пинска карьеру сделал себе неплохую. Окончил восемь классов в родном Пинске, после революции уехал учиться дальше в Москву, где после этих восьми классов смог поступить в Московское механико-машиностроительное училище, а закончив его пошел работать на ЗиС, где еще студентом устроился работать слесарем. И рос бы в Москве карьерно и дальше, но когда на заводе стали использовать новые дизельные моторы, молодой инженер-конструктор пришел к директору и высказался в том плане, что если использовать тот же мотор, что и ярославцы, то вместо ЗиС-5 можно выпускать новый автомобиль с грузоподъемностью не меньше семи тонн, а возможно и до десяти — если сделать седельный тягач.

Иван Алексеевич его внимательно выслушал, а где-то через месяц, познакомив с каким-то парнем из ОГПУ, предложил «заняться тяжелым грузовиком в другом месте». Поясни при этом, что на ЗиСе «висит план» и изобретать новую машину не получится из-за отсутствия средств и времени. И в результате молодой инженер оказался почти что рядом с родным городом: уже на следующее утро этот ОГПУшник забрал его из дома (сказав «семью потом заберешь, когда устроишься») и еще до обеда он сказался в Минске, в крошечной «Авторемонтной мастерской № 2», как было написано на вывеске у ворот. И там, в очень скромной по численности персонала и доступности оборудования «ремонтной мастерской» он занялся...

Вообще-то он занялся — сначала занялся — изучением «зарубежного опыта»: ОГПУ купило для «мастерской» несколько американских грузовиков, и Борису было предложено их изучить. Даже не так, этот ОГПУшник, Василий Викторович, задачу поставил несколько шире:

— Боря, вот тут стоят если не лучшие, то, пожалуй, самые дорогие достижения буржуйской инженерной мысли по части тяжелых грузовиков. Твоя задача — разобрать империалистические изделия до винтика, изучить их до винтика, понять, как и зачем проклятые буржуины сделали каждую деталь, каждый узел, причем так изучить и понять, чтобы после этого ты уже сам смог сконструировать — с широким применением полученных знаний и умений — советский тяжелый грузовик. Даже два грузовика... поначалу два: седельный тягач, способный тащить на трале за собой наш, советский и совершенно пролетарский, танк, и самосвал карьерный грузоподъемностью тонн так в десять.

— Я не уверен, что смогу настолько хорошо разобраться с моторами...

— Я тебе про моторы что-то говорил? Ты же сам сказал Лихачеву, что мотор нужен такой как в Ярославле. Правда я тебе скажу уже иначе: не как в Ярославле, а более мощный. Ты пока изучай этот автохлам, — Василий Викторович махнул рукой в сторону стоящих Уайтов, Автокаров и Фрейтлайнеров, — а с моторами будем разбираться когда начнешь свои машины изобретать. У нас уже есть не шести, а восьмицилиндровый мотор сил так под двести, но, я думаю, к тому времени когда ты изобретешь тягач, у нас и трехсотсильные моторы появятся. Задачу понял?

— Понял. Но мне, скорее всего, потребуются помощники...

— Помощники? А я что, тебе не сказал? Ты с сегодняшнего дня работаешь главным конструктором минского КБ грузовых автомобилей и сам можешь набирать людей в свою организацию. Да, тебе же и директор понадобится, и бухгалтер... пойдём, познакомлю с парнем, который тебе поможет.

Еще через полчаса они вошли в двери большого красивого здания, поднялись на второй этаж и там, в большом с светлом кабинете, Василий Викторович представил его «человеку, который поможет»:

— Пантелей, вот, как и обещал, привел тебе автоконструктора. Для начала ему нужен грамотный директор, бухгалтер честный, остальных он и сам подберет — ну или снова к тебе за помощью придет. Ты телефон ему в квартиру поставил?

— Вась, я что, рожаю телефоны? Мог бы с собой из Москвы привезти: ну нет у меня лишних аппаратов! Я заказал, конечно, но привезут-то не раньше чем через месяц.

— А линия готова? Я тогда из Боровичей тебе пару десятков пришлю, должен будешь. Ладно, познакомились, пойду товарищу жильё покажу, а завтра ты кого-нибудь к нему направь чтобы помогли с хозяйством. Холодильник и стиралку не надо, а вот мебель и прочее всё...

— Какой-то ты, Вась, корыстный, чуть что, так «должен будешь». Нет чтобы хоть что-то от чистого, так сказать, сердца... Ладно, сделаю. А когда Петр Евгеньевич станки в Жодино привезет?

— Когда надо, тогда и привезет. У тебя же там конь еще не валялся, куда станки, в поле выгружать?

— Обижает, уже два цеха под крышу подвели, а остальное к весне...

— Ты сам-то в это веришь?

— К лету точно всё закончат. Борис Львович, а вы успеете проект грузовика к лету подготовить?

Затем Василий Викторович отвез его в выделенную квартиру (где уже стоял минимум мебели: деревянная двуспальная кровать, платяной шкаф и два стула), а затем, спросив «машину водишь?» и получив обиженный ответ «конечно!» отдал ему ключи от той, на которой возил его по городу, сказал:

— Тогда отвези меня на аэродром, а машина теперь твоя и она тебе очень пригодится. Въезд в гараж под домом — вон там, во дворе сбоку, охрана уже о твоей машине знает и всегда поможет ее поставить. Ну а идею Первого секретаря Белоруссии ты, надеюсь, уловил: завод тяжелых грузовиков будет готов к следующему лету и надо, чтобы ты сотворил для него автомобиль, который там выпускаться будет. Чтобы тебе не мучиться с выбором, начни с самосвала на семь с половиной тонн под двухсотсильный Кольчугинский дизель, я тебе через пару дней его чертежи установочные пришлю. Ну а если что — звони, поможем. Да, когда окончательно устроишься, сообщи Пономаренко — он нам передаст и мы семью твою сюда перевезем. Да, в твоём доме на углу столовая, она круглосуточно работает, так что пропуск всегда с собой носи: столовая только для жителей дома, а там тебя пока еще не знают. Ну, надеюсь, что ты страну нашу не подведешь... чего сидишь, поехали, меня самолет ждет!

Тридцать девятый год начался... незаметно. Ну, отметили, ну, куранты послушали: их, оказывается, уже ровно тринадцать лет по радио транслируют — просто без приемника передачи эти слушать раньше как-то не получалось. Затем сожрали тазик оливье, поспали — и снова за работу. Потому что время бежало очень быстро...

Время бежало быстро, а вот люди работали медленно. И не потому, что быстро работать не хотели, а потому что не могли — хотя работали они в основном хорошо. Впрочем, были и те, кто работать не хотел...

Яков Петрович Бауман собрал в руководимом им институте мощнейший коллектив из почти полусотни очень хороших специалистов, уже сделавших очень много в части производства различных порохов. Сам Яков Петрович химию знал не ахти уж как — но он хорошо разбирался в людях, поэтому и институтом руководил более чем неплохо. Однако некоторые «руководящие методы» Якова Петровича Аню приводили в оторопь, причем, когда она в начале января навестила Пугачев, он ей подробно рассказал о причинах их использования:

— Ты, Анна Федоровна, пойми: у меня в институте из вольнонаемных только восемь человек, а прочие все — расконвоированные. И раз уж их в кандалы не заковали, то они думают, что представляют из себя такую ценность, что простому люду с них только пылинки сдувать да в задницу целовать должно. И ни хрена работу делать не хотят, если с ними по-людски вести. А вот посадишь такого на голую перловку — сразу к нему и мысли умные в голову приходят, и старательность аж из ушей прет. Я вон давеча троих определил в карцере ночевать — так за неделю придумали, как древесную целлюлозу для производства винтовочного пороха приспособить!

— И как?

— Да что ты у меня-то спрашиваешь, я порох лишь черный знаю как верно сделать, а с пироксилиновым — знаю только, какие кислоты нужны, да и то потому, что накладные подписываю. Но ты, Анна Федоровна, отчеты их почитай, там все в подробностях расписано. Порох, правда, сорту не высочайшего выходит, даже я понимаю, что в артиллерию он

непригоден, да и в ракеты не пойдет. Но в винтовки неплох он, и в пистолетный патрон неплох.

— А с ракетами нам что теперь делать?

— Так ежели мы матёрку в пехоту тратить не станем, то её как раз в артиллерию больше останется. Ещё Сокольский, из вольнонаемных, очень неплохой кордит изо льна произвел, вполне для ракет даже подходящий. Причем, подлец, из костры его делать придумал, а её-то, почитай, в стране девать некуда. Ты уж помоги мне его на награду представить, заслужил, думаю, орден какой — а сам я такую бумагу навряд напишу.

— Яков Петрович, хорош придуряться: бумагу он не составит...

— Я не составлю такую, чтобы её в правительстве утвердили без спора, а ты что хошь пиши — утвердят. Поскольку я — титулярный советник в отставке да на пенсии, а ты, как ни крути, начальник химического отдела в НКГБ.

— Ладно, уговорили вы меня. А теперь вопрос по этому деревянному пороху: под него всяко нужен новый завод ставить, а кто его возглавит? Сокольский, как я понимаю, баллистическими порохами из костры на своем заводе займется...

— В персонах я тебе, Анна Федоровна, никак не помогу. Потому как у меня работники хоть и грамотные, но как люди — дерьмо первостатейнейшее в большинстве. Вольных тоже не отдам, кроме Сокольского конечно, без них вся работа встанет: они-то хоть мне объяснить могут чем иные занимаются и рассказать, кто филонит. А ежели ты меня спрашиваешь как того, кто сам подобное производство выстроил, то так скажу: молодых на руководство ставить надо. Нынче-то студент идет грамотный, вы уж найдите лучших, среди учеников Ипатьева гляньте. А вот директоров — директорами берите офицеров отставных, из пехоты или лучше из артиллерии. Но не прапорщиков бывших, а тех, кто училища еще до войны заканчивал: я слышал, вы таких к себе сотнями забирали если не тысячами. В пороховом деле дисциплина нужна, а они таковую враз наладят...

В конце апреля в Ленинградский порт было доставлено из Швеции оборудование для Галичского целлюлозно-бумажного завода. Как заметила по этому поводу Оля, скорее всего это было последней «предвоенной» серьезной поставкой иностранного оборудования в СССР. Потому что «международная обстановка» накалялась не по дням, а по часам и всем уже стало абсолютно понятно, что войны избежать не получится вообще никак.

Собственно, поэтому Петруха и переплатил шведам чуть ли не на треть от цены оборудования, оговорив, что шведы сами его в Галиче смонтируют и наладят. А так как площадку под завод подготовили заранее, то первую целлюлозу завод выдал уже в июле. А с бумагоделательной машиной шведы не успели: утром двадцатого августа война началась. Причем немцам даже не потребовалась провокация в Гляйвице: Польша объявила всеобщую мобилизацию (что само по себе было безусловным *casus belli*) восемнадцатого и отвергла германский ультиматум о ее немедленном прекращении. А раз началась война, то шведы быстренько известили заказчиков о форс-мажоре и радостно свалили на родину. Впрочем, никто особо не расстроился: ну, не начнется массовый выпуск туалетной бумаги, под которую машина и заказывалась — так не очень-то и хотелось, однако в Судиславле новенький заводик уже пороховой свою продукцию выдаст в срок: все оборудование для него изготавливалось внутри страны. А Судиславский патронный завод уже начал работу...

— Не нравится мне эта война, — хмуро высказала Света свое мнение по поводу начавшейся заварушки.

— Война никому и никогда не нравится. Но мы же знали, что война будет, и, мне

кажется, довольно неплохо уже смогли подготовиться. А за оставшееся время сможем подготовиться еще лучше, — постарался успокоить жену Петруха.

— Мне не сам факт войны не нравится, а некоторые её детали. Во-первых, началась война эта на полторы недели раньше...

— И неудивительно, мы же серьезно на весь мир повлиять успели.

— Ну да, Оля говорит, лишь то, что ты уговорил Ипатьева после операции вернуться, на пару нобелевок тянет, которые теперь мериканам не достанутся. Но я не об этом. Франция вон войну Германии объявила, а Англия — нет.

— Может, не успела еще?

— Французы объявили мобилизацию, а вот британцы заявили, что окажут Франции военную помощь вплоть до помощи войсками — и всё. Так что не похоже, что они вообще будут немцам войну объявлять.

— А почему так, есть мысли? Как историка, я имею в виду.

— Мыслей у меня сколько хочешь, но что с них толку-то?

— Свет мой, солнышко, скажи, да всю правду доложи. Ты же у нас историк, умеешь во всякие причинно-следственные связи, так что твой звонок очень важен для нас. Ты вообще единственная, кто ситуацию с исторической точки зрения объяснить может, так что выкладывай!

— У французов к немцам давняя иррациональная ненависть, и, кроме того, они всерьез думают, что с германской армией легко справятся просто потому, что формально французская армия сильнее германской. На да и чхать на них, а вот бритты... с ними серьезнее. Мы им... лично ты им в Южной Америке изрядно поднаграл, с их точки зрения СССР испортил им бизнес в Аргентине и окрестностях, и сейчас они думают, как бы половчее Германию натравить на нас, а затем вернуть утраченные позиции в Южной Америке. При этом, понятно, с Германией они тем более воевать не хотят — просто чтобы при необходимости им помощь оказать...

— И янки им в этом тоже помочь готовы, в США прогитлеровские настроения завоевывают все большую популярность... но все же мы сейчас смогли офердофига нужного сделать, так что внутренними средствами даже перекроем наш тогдашний лендлиз. Саша убедил Виссарионовича подписать с Чойбалсаном договор о строительстве металлургического комбината в Эрдэнэте, уже началось строительство железной дороги к Улан-Батору с ответвлением на Эрдэнэт — правда, ответвление пойдет за наш счет, но справимся.

— Ага, и дорога на Урумчи тоже за наш счет. Оля уже за голову хватается, не знает, где денег на все это брать. Да и ты вроде говорил, что все наши зарубежные активы истратил...

— Все, да не все. Денежки да, потратил, почти все потратил, по мелочи в США осталось на текущие расходы и в Канаде, да и в YBR за лицензии потихоньку капает — это не считая выручки за пленку и пластинки. А вот активы материальные, производственные — они все остались и даже увеличиваются. Не очень хорошо, что с Аргентиной у нас коммуникации из-за войны ухудшаются...

— Ухудшаются?! Да они вообще накрываются!

— Светик, ты считаешь мужа полным болваном?

— Нет конечно, но ведь в Аргентину теперь вообще никак не доплыть: в Атлантике не немцы, так британцы нас прижмут.

— Да, с Атлантикой возникли проблемы, но с Тихим океаном я особых проблем вроде

не вижу. Даже янки его перекрыть не смогут.

— Вокруг мыса Горн?

— По рельсам через Альтиплано. Эта дорога — наша полная собственность, и половина порта в Антофагасте тоже наша. Ну не половина, а только три причала, но нам хватит. Мяса, конечно, мороженого, нам больше из Аргентины сюда не привезти, а вот консервы... Надо будет Сенявину сказать, что ещё несколько консерваторий нам не повредит.

— А янки ему поставки алюминия не обрежут?

— Могут, но нам начхать. Во-первых, у Сенявина запас металла на пару лет на складах лежит, а во-вторых, там уже есть наш заводик по выпуску белой жести, причем и олово там же для этого завода добывается. Так что в Росарио завод еще пару лет и без алюминия продержится, а в Санта-Фе и Кордове мясо в жестяных пятикилограммовых банках давно уже выпускается. И пока эти две фабрики работают по восемь часов в сутки, но с учетом безработицы перевести их на круглосуточную работу — дело пары недель, а это — дополнительные сто килотонн мяса в год.

— Ты ничего с объемами выпуска не напутал? Это же двадцать миллионов банок... пятьдесят пять тысяч банок в день, если я арифметику не забыла. А я ни одной такой банки что-то не видела... Чего ржешь-то?

— Не ржу, а смеюсь, причем от радости: жена моя считать не разучилась! И видела ты эти банки, просто они к нам в ящиках по пять штук приходят, и все пушечным салом измазаны, так что ящики даже никто и не открывает. В третьей секции Хранилища-13 на минут втором этаже их уже миллионов пять лежит, а основные запасы распиханы по военным складам на Северном Урале.

— Будем считать, что ты меня успокоил.

— Но будем считать, что меня ты обеспокоила. Если еще и англы Гитлера в войне поддержат... ладно, *praemonitus praemunitus*, будем работать дальше...

Спустя неделю состоялось «общее обсуждение» текущей ситуации — и главным вопросом в повестке дня была вообще не война в Польше.

— Оль, а почему мы так категорически не участвовали в битвах на Халхин-Голе? — поинтересовалась Аня. И вопрос этот поддержали и Саша с Васей — хотя Саша-то мог жену и раньше порасспрашивать.

— Очень даже поддержали, вон Гуля туда почти пятьсот военных медиков отправила на практику.

— Я про техническую поддержку спрашивала.

— И технически поддерживали, только не напрямую. Братский уйгурский народ отправил в Монголию сто восемь бамбуковых самолетов...

— Вот уж помогли, так помогли!

— Между прочим, братские уйгурские пилоты из первого авиаполка товарища Мао с помощью этих самолетов приземлили почти две с половиной сотни самолетов уже японских, то есть больше трети от всего имеющегося у японцев количества. Да и два пехотных полка из армии китайских коммунистов неплохой боевой опыт приобрели. А их мы, между прочим, вооружили полностью, там одних только Льюисов больше восьми сотен было. Опять же, патроны им предоставили патронные заводы из Урумчи и Турфана.

— Вот уж заводы! Сидят стопятьсот мальчишек и на коленке патроны собирают!

— Ну да, сидят, собирают. По полмиллиона в день, между прочим, собирают, и к тому же на заводах теперь и гильзы делают из местного сырья.

— А порох? Капсюли? Даже пули...

— Как раз по пулям весной уйгуры вышли на полное самообеспечение, а по поводу пороха расклад еще веселее: мы им поставляем порох, который сами делаем из синьцзянского хлопка на заводах в Чарске и Семипалатинске. И пороховой завод им не строим потому что в Синьцзяне пока нет заводов по производству кислоты. А мы из этого же хлопка и для себя порох уже делаем! Так как всё то, что в Голодной степи выращивается, идет на государственные пороховые заводы...

— А с войсками помочь...

— Во-первых, к нам правительство за помощью не обращалось. Во-вторых, они и сами справились. А в-третьих, по результатам этой мелкой войны целую толпу эффективных менеджеров, в смысле героических красных военачальников, постигла заслуженная кара. Петр Ионович героического Смушкевича за лоббирование производства этажерок Поликарпова, нанесшего стране ущерб в полмиллиарда рублей, определил практически во враги народа со всеми вытекающими, а на его место Баранов взял Жигарева, который в самолетах разбирается более чем неплохо. И в китайцах с японцами разбирается, кстати, а потому к Девятому управлению относится резко положительно.

— И что нам это дает?

— Нам? Особо ничего, а вот стране — очень много, — ответила уже Ирина. — У нас в войну станет гораздо меньше дендрофекальных самолетов. Он про самолеты реально понимает: Павел Федорович лично и персонально отказался от поставок Гоминьдану И-15. А теперь он уже у меня спрашивал, что будет, если на бамбуковое чудище поставить вместо «Кёртиссов» М-13 пятой серии: оказывается, их на складах ВВС больше тысячи штук с капиталки заныкалось.

— А что будет? — поинтересовалась Света.

— А ничего. Скорости прибавится километров десять всего, а бензина машина будет жрать в полтора раза больше, причем девяносто третьего, а не семьдесят второго. Я ему так и ответила, но он все равно попросил при возможности пару сотен Лу-5 для ВВС сделать.

— Сделаешь?

— Нет. Но это уже вопрос чисто логистический: «Конквероры» из Аргентины сейчас привезти почти невозможно, и хотя на шестисотом заводе самолеты можно делать минимум по одному в день, а то и по два, их выпуск совсем прекращен потому что моторов нет. Ладно, плевать на это, зато наши ребята оттуда на отечественные заводы уже едут. И вообще, нам сейчас надо обдумать, что мы сможем сделать для войны уже финской.

— Зачем? — удивился Валентин. — У нас и серьезных дел будет больше, чем хотелось бы.

Прязжайце да нас ў Беларус

Серьезных дел было просто море, поэтому уже на следующий день Оля и Ира оказались в Кремле. Где сначала Оля долго беседовала с Молотовым, а затем обе они кратенько пообщались и с Иосифом Виссарионовичем. Краткая беседа затянулась всего лишь на полтора часа, но из кабинета Сталина Оля вышла буквально мокрая, как мышь. Впрочем, результат общения Оле понравился, а Ире... Ире тоже «в целом» понравился, хотя по целому ряду пунктов она осталась сильно недовольной. И, в частности, ей очень не понравилась передача Сувалковского района немцам, но она постаралась свое мнение придержать при себе, ведь «в главном Оля оказалась права».

Правда по ходу беседы Иосиф Виссарионович несколько раз порывался пригласить в кабинет и Струмилина, однако Вячеслав Михайлович — дабы встречу не затягивать — уговорил его это не делать:

— Зачем его звать? Он же молча подпишется под любыми выкладками Ольги Дмитриевны даже не читая. И даже не вникая в их суть. Раз Ольга Дмитриевна говорит, что мы потеряем эти миллиарды — значит мы их потеряем. Или не потеряем, если к ней прислушаемся.

— А ты уже прислушался к её доводам?

— А ты хочешь их выслушать уже в изложении товарища Лукьяновой?

— Нет. Хотя я все же не очень понимаю, почему вы так уверены...

— Постараюсь объяснить с другой стороны, — продолжила изложение своих доводов Оля. — Сейчас в Виленском крае собственно литовцев проживает чуть меньше четырех процентов, ни в одной деревне население вообще не говорит по-литовски, а на белорусском разговаривает почти семьдесят процентов жителей. Да, все же это население более чем наполовину — польское, но только за счет языка оно в Белоруссии будет чувствовать себя относительно комфортно. Поэтому передавать Литве почти полмиллиона человек, в целом лояльно относящихся в СССР и, в частности, к Белоруссии — в корне неправильно.

— Это мы уже поняли и, пожалуй, готовы принять правильное решение. А вот по второму вопросу...

— В преддверии войны принимать в состав Союза почти семь миллионов человек, из которых откровенных нацистов больше половины — откровенная глупость, — не удержалась Ира. — Если очень нужно, то вполне достаточно поставить там советские гарнизоны, но при этом необходимо учитывать, что после начала войны все солдаты этих гарнизонов окажутся смертниками. Поэтому никаких семей офицеров в троебалтию отправлять нельзя в принципе, а по-хорошему необходимо будет и разработать способы срочной эвакуации этих гарнизонов через вражескую территорию.

— Куда, извините?

— Не куда, а откуда. С учетом того неприятного факта, что местное население будет стрелять нашим солдатам в спину...

— Ир, лучше помолчи. Я сейчас все постараюсь объяснить с экономических позиций...

Пока самолет летел в Боровичи, Оля героически молчала, но когда самолет сел, она не выдержала:

— Ир, какого хрена ты вообще рот открыла? Сувалки фашистам Сталин отдал просто потому, что сейчас с ними воевать нам просто нечем. А про трибалтов Молотов лучше

воспринимает доводы экономические, а не эмоциональные: его уравновешенности даже Громыко позавидовал бы. И чего ты в результате добилась? Повесила на нас еще и обустройство Виленского края?

— Ну, во-первых, Валя именно этого и добивался.

— Ты себя хорошо чувствуешь? Или просто мухоморами объелась?

— Нет. В смысле, хорошо себя чувствую. Валя давно уже с офицерами Слащева разыгрывал разные варианты противостояния фашистам, и у него как раз было узкое место на линии Сталина в этом районе, он даже со мной советовался...

— Ты же у нас стратег известный, да...

— ... насчет авиационного прикрытия этого района на время укомплектования нашими ребятами укрепрайонов. И говорил, что если бы здесь передовую линию обороны отодвинуть в Виленский край, то времени будет достаточно и линию Сталина здесь и в Белоруссии фашист не пройдет. Но в Литве, и там более в Советской Литве передовую линию нам никто выстроить не позволит... а чего это все наши собрались? — внезапно сменив тему разговора, Ира показала на выстроившиеся возле дома автомобили.

— На ужин пораньше приехали? Ладно, сейчас они нам сами все расскажут.

Рассказ был недолгим:

— Сережа Костриков помре, — именно этими словами встретила Олю с Ирой Гуля. — Не выдержало сердце пламенного революционера напор сразу двух балерин с низкой социальной ответственностью...

— Это как? — удивила Ира.

— Это так. Медведев уже обоих арестовал, так что инфа вряд ли станет достоянием гласности, он, в смысле Медведев, уже мне звонил, спрашивал, нет ли у меня каких-то таблеток чтобы балеринам этим память стереть: мужик он все же адекватный, не хочет даже этих сук просто терминировать от греха подальше. Тем более, что у них ума хватило нужных врачей вызвать, так что Костриков уже в больнице концы отдал, то есть помер достаточно пристойно. Но вот что будет дальше...

— Ничего не будет, — постаралась «успокоить» военврача Света. — Жданов уже второй год в замах ходит, будет теперь в Ленинграде первым, а с ним мы уже хорошо познакомились. Он, правда, пока против нашей идеи с переселением поляков... да, а как у вас в Москве все прошло?

— Думаю, хорошо. И Сталин, и Молотов согласились с передачей Вильно в Белоруссию.

— А что литовцы?

— Их что, кто-то будет спрашивать? Валя где?

— У Слащева, они там что-то вроде задумали... сказал, что к ужину будет, и мы тогда еще кое-что обсудим.

— А я говорила, что эти бордели давно уже прикрыть следовало, — не удержалась Ира. — Надеюсь, что теперь-то Иосиф Виссарионович меня поддержит...

— Помечтай, помечтай, — усмехнулась Оля. — Пока верные ленинцы окончательно не переведутся, советский балет будет цвести и пахнуть...

— И не будем уточнять, чем пахнуть конкретно, но я все же Сталину свою точку зрения изложу. Хуже-то не будет...

Хуже от демарша Ирины действительно никому не стало, впрочем, не стало и лучше: похоже, что Сталин её идею просто проигнорировал. Оно и понятно: стране точно было не

до балета. Особенно не до балета было Вячеславу Михайловичу: нарком иностранных дел Молотов как мог давил на финнов и трибалтов, а председатель Совнаркома Молотов крутился изо всех сил, крепя производственную базу Красной Армии. Причем в делах прибалтийских в наркоминделе особого успеха не проглядывалось.

История раскручивалась все стремительнее, и уже двадцатого октября, после очередного «неудачного» раунда переговоров, когда машина с финскими дипломатами пересекла границу у Белоострова, с финской стороны по советской погранзаставе начали стрелять из пулемета. Так как это была уже не первая провокация финнов, Мерецков — командующий ЛенВО — давно уже успел отдать приказ на финские провокации отвечать огнем на подавление. И финский пулемет подавили практически мгновенно: по согласованию с Мерецковым на всех погранзаставах были и «прикрепленные» снайперы из снайперских школ Слащева. И они тут же пулеметчиков приголубили, а затем — ну чтобы два раза не вставать — помножили на ноль и командира финской погранзаставы, с любопытством наблюдавшим за результатами работы своего пулемета. Позже Петруха сказал, что вроде бы этот командир был то ли сыном, то ли братом служившего поблизости полковника. А может быть и не был, но финны через полчаса выкатили на прямую наводку две трехдюймовки и сровняли с землей... нет, не погранзаставу, а Белоозерский вокзальчик. Не «в бессильной злобе», а потому что в здании был как раз «пункт обогрева» пограничников.

Молотов выставил финнам ультиматум, потребовав отвести все финские войска на двадцать пять километров от границы, финны ответили практически матом — и в среду первого ноября советские войска перешли границу...

А еще в понедельник двадцать девятого октября Павел Сухой с грустью ходил вокруг своего новенького самолета. Рядом с ним ходил и Архип Люлька, который должен был предоставить для этого самолета моторы — и он обещанные моторы сделал, но вот совместить изделия обеих конструкторов не получилось. Просто потому, что изделие «экспериментального моторного завода» было на два сантиметра «толще» чем предназначенная для него гондола.

— Павел Осипович, а тебе эти гондолы переделывать долго? А то я-то всяко эти миллиметры с мотора не срежу.

— Да я это понимаю, мне интересно, где это мы так промахнулись? А переделывать... даже если чертежи завтра новые сделаем, пока их на завод доставят, пока готовые сюда привезут — это минимум десять дней не считая времени на изготовление. Ладно, пошли к расчетчицам, посмотрим как быстро они пересчитать гондолу смогут. Там же в программе вроде лишь одну цифру поменять надо.

Несмотря на то, что с расчетным отделом Павел Осипович работал уже не первый год, он все еще относился к девочкам-расчетчицам с тайным трепетом. Ну, сидит в огромном зале пара сотен молодых девчонок, ну стучит по клавишам в соответствии с лежащими перед ними бланками программ... Тут ни опыта, ни знаний особых не требуется, большинство девочек, работающих расчетчицами, только восьмилетку закончить успели — но в результате их работы вдруг рождается математически обоснованная конструкция важного элемента самолета. Или не рождается — что гарантированно было следствием ошибки инженера, этот элемент проектировавшего. А от девочек-то лишь требовалось в верном порядке кнопки нажать — но поди ж ты, толпа бывших школьниц легко ловила на ошибках и опытейших инженеров. Правда почему не вышло у них конкретно эту ошибку отловить...

В зал к расчетчицам Павел Осипович заходил лишь при острой необходимости: все же, даже не смотря на то, что все стены в зале и потолок были обиты специальными «звукопоглощающими» панелями, а каждая из расчетчиц сидела в отдельной «коробке» из таких же панелей, треск сотен «Рейнметаллов» его очень раздражал. Внезапно он задумался о том, сколько же денег было потрачено Ириной Алексеевной на все расчетные отделы ее многочисленных КБ и заводов. Одна машинка, по слухам, стоила в Германии около двух тысяч марок, почти столько же, сколько должен был стоять готовящийся там к выпуску «народный автомобиль»... с другой стороны, один только фюзеляж нового самолета стоил, вероятно, не меньше, чем все арифмометры в этом зале, а к фюзеляжу нужно было добавить и два явно недешевых мотора...

Он взял в руки «программу», по которой в прошлый раз рассчитывали гондолу — и тут же обнаружил причину столь нелепой ошибки: в задании цифра «5» была написана криво, так криво, что даже сам Павел Осипович поначалу принял ее за тройку. И, что было самым противным, он даже знал, кто именно эту цифру так криво написал...

Через час он вместе со своим криворуким инженером он сидел в кабинете Лукьяновой и объяснял ситуацию.

— Ну и чего ты его ко мне привел? Ты же сам Главный Конструктор, вот взял бы, лично вывел его на лужайку и пристрелил в кустах. А мне-то зачем на его кислую физиономию смотреть?

— Но ведь даже если потерянного времени не считать, прямой ущерб в восемьдесят шесть тысяч. Я даже не знаю, какое ему наказание определить...

— Ну ты как юная пионерка... пусть возьмет тетрадку... общую пусть возьмет, потолще — и всю ее испишет красивыми цифрами «пять». А если он еще раз что-то подобное отчебучит, тогда уже приводи ко мне, я его лично пристрелю. Товарищ Гришин, вы поняли? Все, идите... а ты, Павел Осипович, что-то еще сказать хотел?

— Да. А нельзя ли новые гондолы здесь, на экспериментальном, сделать? А то недели три потеряем... а машина Ильюшина уже на испытаниях в НИИ ВВС, её, наверное, на следующей недели в серию утвердят.

— Так, товарищ Сухой, гондолы здесь изготовить не можно, а необходимо. Пиши заявку в цех, я подпишу. А что до машины Ильюшина — тебе-то до нее какое дело? Запомни, на носу себе заруби: твою машину с ценой за три миллиона НИИ ВВС в производство не запустит ни-ког-да! Они и Ил утвердили лишь потому, что я запретила Сергею Владимировичу рассказывать сколько стоит алюминиевая бронекапсула. Так что оставь надежду, всяк!

— А зачем же...

— У тебя есть свой завод, и машину мы будем делать там, ни какие НИИ вообще не спрашивая. Деньги у нас на производство есть, сырье все свое — зачем нам еще кто-то с охренительно ценными советами? И да, я планер твой посмотрела, просчитала — звони на завод, я утверждаю начало выпуска. Пусть сразу закладывают на все стапеля, нам за год минимум полста машин сделать нужно. Еще вопросы есть? Тогда иди, не отвлекай: у нас, если ты не в курсе, какая-никакая, но война намечается...

Война шла как-то не очень. Советская армия за неделю дошла до «линии Маннергейма» и встала: прорвать с ходу эту, с позволения сказать, «линию» у Мерецкова не хватило ни умения, ни сил. По этому поводу Петруха исходил на известную субстанцию, ведь он еще в начале сентября передал Мерецкову (причем лично в руки) весьма подробные карты этой

линии и даже чертежи большинства новых ДОТов! Валентин даже порывался сам на фронт отправиться — не столько воевать, сколько командовать «отдельным полком НКГБ», сформированным институтом Слащева, но по настоянию самого Слащева ограничился отправкой одного «специального батальона». А шире всех развернулась Гуля: на фронт были отправлены сразу семь «полевых госпиталей», в которых, кроме всего прочего, состояли на службе чуть больше тысячи военных врачей.

Впрочем, очень существенную помощь армии оказала и Аня: на фронт из Хранилища-13 было отправлено почти двести тысяч комплектов зимней формы. Очень специфических комплектов очень специальной формы: куртки из белого лавсана с подкладкой из двустороннего искусственного (и тоже лавсанового) меха, такие же штаны, гимнастерка и брюки из флиса — швейная фабрика в Пестово не напрасно работала все эти годы.

А Валера внес свой вклад: на фронт были отправлены бронежилеты. Не супер-пупер, но, как практика показала, вполне останавливающие пули из финского автомата. Впрочем, здесь Аня тоже поучаствовала: наладила производство нужного полиэтилена...

Все это помогло серьезно сократить потери в Красной Армии. А Мерецков, «осознав свою ошибку», смог быстро составить рабочий план преодоления линии Маннергейма — и шестого февраля война закончилась. Как оказалось — очень вовремя: как раз шестого после обеда (через два часа после подписания «мирного договора») к норвежским берегам подошли британские корабли с десантом. Но раз десанту стало делать нечего, то как подошли они, так и отошли.

И расстроилась по поводу окончания этой неуклюжей войны лишь Оля — то есть она расстроилась не потому, что война закончилась, а потому что Молотов проигнорировал ее совет. Или Сталин проигнорировал, но «дезавуировать указ Александра о передаче герцогству Финляндскому Выборгской губернии» никто не стал...

Впрочем, это было единственным её поводом для огорчения. Поводов же для радости оказалось больше: например, Лаврентий Павлович согласился с её доводами относительно интернированных поляков. Точнее, доводы это были Светины, но товарищ Сухов и Петруха, посоветовавшись недолго, решили Светлану к Берии не пускать: язык у нее был подвешен неплохо, знаний истории (в том числе и «будущей») имелось в избытке, так что шанс что-то ненужное сболтнуть сгоряча явно казался не нулевым. Оля же всю информацию донесла «с чисто экономических позиций» — и уже в апреле сорокового года британские (и американские, и даже аргентинские) корабли начали перевозку ненужных поляков из Мурманска на сугубо туманный остров. Массовую перевозку, так что уже к началу мая СССР покинуло чуть больше двухсот тысяч поляков. Причем перед отправлением в Мурманск (из лагерей особенно) каждый поляк писал заявление о том, что он «сильно желает бороться за освобождение Польши и просит отправить его в Британию для вступления в армию правительства в изгнании»...

С британцами о такой «эвакуации» договориться удалось очень просто. Островитяне всегда были не прочь повоевать чужими руками, и вовремя подсунутая одному британскому политику (с фамилией на букву «Ч», но не Чемберлену) идея отправить поляков «на континент» в Англии много кому понравилась. Так что если женщины и дети (коих было все же немного) и достигали берегов туманного Альбиона, то мужчины, способные держать оружие, оказывались во Франции без пересадок. Что, впрочем, французам помогло не очень.

А полякам — не помогло совсем: когда к концу июня немецкая армия допинала французскую до Дюнкерка, британцы вывезли к себе исключительно французов...

Валентин с Петрухой принялись, начиная с ранней весны сорокового года, «обустраивать советскую власть» в новых областях Белоруссии. На самом деле примерно полторы сотни офицеров из института Слащева занимались постройкой разнообразных «оборонительных сооружений», а товарищ Климов усиленно пинал Первого секретаря Белоруссии на предмет «срочного околхоживания» бывших помещичьих имений. Местные мужики на работу в эти поместья не желали идти принципиально (как и в любые другие колхозы), так что пахать и сеять приходилось привозимым из Особого Боровичского района «старшим школьникам». То есть это были все же не настоящие школьники, а ребята, школу уже окончившие, лет по семнадцать-восемнадцать и довольно неплохо освоившие нехитрые сельскохозяйственные инструменты типа тракторов, сеялок и сажалок. Причем в основном все же сажалок: по Олиному совету всю доступную землю засаживали картошкой.

Картошка — фрукт в целом неприхотливый, если бы не мелкие особенности ее выращивания: кусты нужно окучивать, к тому же и не один раз. Однако вручную окучивать её было долго, да и некому было этим заниматься, а гусеничные трактора для такой работы в поле не годились. Вот и приходилось Петру Евгеньевичу до хрипоты ругаться с Пантелеймоном Кондратьевичем на предмет «приоритетной передачи во временные колхозы (именно так именовались выездные бригады боровичан) тракторов» уже Минского завода. С одной стороны «по Конституции» белорусское правительство имело полное право самостоятельно распоряжаться продукцией завода так как он был выстроен на деньги белорусского бюджета (точнее, на выручку с продажи картошки государству в тридцать втором году) и считался «республиканским предприятием», а с другой — все оборудование заводу поставило Девятое управление. К тому же и «временные колхозы», несмотря на то, что в них работали «приезжие», тоже считались белорусскими — но тракторов, и в особенности тракторов колесных стране остро не хватало и республика могла за них получить много различных благ от других республик...

— Пантелеймон Кондратьевич, — убеждал его Петруха, — если ты мне дашь сейчас эту жалкую тысячу тракторов, то несколько миллионов мужиков увидят своими собственными, что в колхозе он сможет заработать гораздо больше, чем ковыряя сохой свою жалкую делянку. А не дашь — он увидит, что на его огороде урожай получается больше, чем на колхозном поле. Ты что, решил среди новых граждан антиколхозную агитацию развернуть?

— Петр Евгеньевич, так тебя и перетак, я тебе что, трактора рожаю что ли? Завод уже второй год круглосуточно работает — а на трактора очередь тоже на два года вперед выстроилась. И если я тебе эти трактора отдам, то угадай, куда меня товарищ Сталин пошлет? Я тебе одну подсказку дам: пошлет он меня точно не в задницу...

— Хотел я с тобой как с человеком договориться, а ты, оказывается, вредный и склочный тип. Я тебе завод в Жодино купил, а ты вот как... Придется мне с тобой договариваться по-плохому... я на тебя жену натравлю!

— Думаешь, я какой-то бабы испугаюсь?

— Хоть ты сейчас и член ЦК, но товарищ Сталин, обрати внимание, Светку мою твоим куратором оставил... может просто забыл постановление отменить, но факт налицо.

— Так Светлана Юрьевна — твоя жена? Сразу сказать не мог? Пусть она мне приказ напишет — и завтра я тебе уже пять сотен тракторов передам. Мне хоть будет чем жопу прикрыть пока комиссия эти трактора не отберет... Даже не так, пусть позвонит хотя бы, только пусть сама позвонит: звонки-то в канцелярии регистрируются. И ты это, скажи, что срочно надо повесить урожай картошки для нового спиртозавода, хотя бы чтобы больше

резины шинному заводу сделать...

Новый спиртозавод ставился в Бресте, почти что рядом с вокзалом. То есть метров на триста ближе к границе: там рядом с железной дорогой был подходящий пустырь. В том числе подходящий и потому, что на территорию завода буквально за неделю провели железнодорожную ветку. Но и тут уже Аня столкнулась в нежеланием местных «работать на Советы», так что рядом с заводом было выстроено и несколько домов для рабочих, которые приехали в Брест из Боровичей. Да и дома были поставлены на скорую руку: двухэтажные деревянные строения, из удобств только вода холодная в кране и даже не канализация, а простой септик на задворках — однако, как с некоторым удивлением узнал Петруха, в большинстве городских домов и такого не было. Впрочем, его это вообще мало волновало: хватало других забот. И не только у него одного, и даже не только у Девятого управления...

Евгений Михайлович с грустью смотрел на чертеж. Не увидев на бумаге ничего интересного, он встал и неторопливо пошел в лабораторию — ту самую, куда его занесло пять лет назад. Правда тогда, летом тридцать пятого, ему казалось, что он вот-вот горы свернет, а теперь — что пять лет прожиты зря. То есть не совсем все же зря, ведь кое в чем ему удалось достичь определенного успеха — но что толку, если результаты этого, с позволения сказать, успеха, все еще остаются совершенно недоступными?

По дороге к лаборатории он зашел в курилку: в институте категорически запрещалось курить где-либо, кроме специально отведенных и специально оборудованных мест. Не то, чтобы ему курить очень хотелось — но Виталий Григорьевич более чем своеобразно подошел к вопросу о «специальном оборудовании» курилок: там стояли, кроме монументальных пепельниц, и очень удобные кресла, а через огромные панорамные окна можно было любоваться на красивейшие пейзажи, окружающие здание института. В результате лучшего места для обдумывания каких-то задач или решения проблем и придумать было трудно, тем более что и сам Виталий Григорьевич постоянно цитировал кого-то их руководства: «девяносто процентов проблем, возникающих на стуках задач разных подразделений, решаются в курилке». Впрочем, решались там не только проблемы научные или производственные, и даже не столько эти проблемы: все же все люди — они лишь люди, и проблемы житейские для них зачастую важнее проблем государства. Опять же, в курилку заходили не исключительно инженеры...

Вот и сейчас в курилке сидели трое слесарей, обсуждая несомненно важную для них проблему, причем совершенно не производственную. То есть в некотором смысле даже совсем непроизводственную, но институтские «власти» были в курсе и особо репрессий не устраивали, ведь понятно же, что люди развлекаются исключительно из любви к искусству. Ну, изобретали рабочие что-то «для дома, для семьи» — но уж лучше пусть делают это в нерабочее время и платят за истраченные материалы, чем будут делать то же, но в ущерб планам и из ворованных материалов. И разговор слесарей Евгения Михайловича не то, чтобы заинтересовал, но все же немного отвлек от размышлений о собственной никчемности:

— Ты, Петрович, точно задницей думал: трубу-то припаивать надо, а не просто в дырку вставлять. У тебя же внутри давление повышается и как раз вдоль штуцера и течет.

— А головой подумать? Бак-то в машине крутится... Течет у меня не вдоль штуцера, а по краям крышки — а ее-то приварить нельзя, иначе как открывать-то?

— Так крышка-то у тебя на резину посажена?

— Все равно течет: когда жена полный бак наваливает, то под резину всяко мыльная вода затекает. Хотя... да, проверить надо, может и у штуцера тоже подтекает...

Судя по всему, мужики обсуждали какое-то улучшение стиральной машины, но в голове Евгения Михайловича они наложились на все тот же чертеж... а ведь если считать, что получится не «нечаянная» течь, а место для отбора продукта...

Спустя две недели в лаборатории был получен первый «результат», который можно было «пощупать руками». Правда и щупать было почти нечего, но почему-то Валерия Федоровича результат так порадовал, что он немедленно примчался в институт.

— Жень, ты хоть представляешь, что ты наделал?

— Представляю. Получить обогащение в одну сотую — это, мне кажется, не стоит тех затрат, которые мы уже провели. Если переводить всё это в рабочее время, то, по сути, все эти безумные пляски с бубном позволят нам продлить сессию примерно на шесть часов в год — и вы считаете это достижением?

— Жень, ты хоть и гениальный инженер, но тупой. Правда тупой лишь потому, что пять лет без отпуска работаешь и устал как собака. Так что приказываю тебе валить в отпуск и наслаждаться видами природы. Южного берега Крыма, например. И там, лежа на берегу моря, можешь со скуки посчитать, какое обогащение даст каскад из твоих машин, если их поставить, скажем, двести штук одну за другой.

— Но на двести машин понадобится не одна тонна этих авиасплавов! А в деньгах это получится...

— Ах ты какой бережливый! Я тебе скажу, по секрету скажу, чтобы тебя жаба не задушила: на один самолет конструктора Ильюшина этого сплава тратится почти шестьсот килограмм, а самолеты строятся уже по десять-двенадцать штук в день. Так что даже если здесь изготовят пару тысяч установок, то никто этого и не заметит... да... здесь столько не сделать. Знаешь что, пора тебе отсюда уезжать: установки свои ты сможешь строить и в более теплом месте.

— Где?

— Дай подумать... шучу, я уже знаю где. В Коврове простаивает недостроенная граммофонная фабрика, вот на ней-то ты и наладишь производство.

— На недостроенной фабрике... я даже представить не могу, сколько времени это займет.

— Максимум полгода. До зимы мы там выстроим жилой микрорайон для рабочих и инженеров, проведем полный ремонт цехов, оборудование поставим. Твоей заботой будет лишь набрать рабочих квалифицированных и инженерный состав. Всех из нынешней твоей лаборатории можешь забрать, еще подготовь заявку в кадровую службу управления...

— Говорите, поставить каскад...

— Ты хоть слушаешь, что я тебе говорю? У тебя полгода на налаживание производства и карт-бланш на подбор специалистов.

— В принципе одна центрифуга потребляет примерно киловатт...

— Это уж точно не твоя забота. Ты их будешь делать, а использовать будут другие. Твоя первейшая задача — выпускать по два тысячи центрифуг в год, невзирая ни на что. А на досуге можешь подумать, как увеличить скорость вращения процентов на тридцать: я тебе по опыту скажу... в смысле, по предварительным расчетам: коэффициент обогащения можно при этом дотянуть от одной сотой до одной десятой. Можно, но сколько времени придется над этим работать, я даже примерно сказать не могу. Одно знаю: многие годы, а может и десятилетия. Но учти: даже если ты достигнешь этого через двадцать лет, потомки будут считать, что жизнь ты прожил не зря. А уж современники... Можешь сверлить в

пиджаке дырку под орден. Какой именно — я сейчас не скажу, поскольку не я решаю. Однако мы с Анной Федоровной тебя без ордена точно не оставим... для начала. Еще вопросы будут?

— А можно без отпуска?

— К сожалению, да. Но когда мы победим — минимум полгода возьмешь!

Договорились?

— Победим кого?

Пора-пора-порадуемся на своем веку...

Первого сентября сорокового года в Богородске вышла на полную мощность электростанция на почти тысячу мегаватт, из которых «дополнительные» двести девяносто (к семистам «атомным») выдавал пароперегреватель, работающий на угле. Пятнадцатого — заработала теплотрасса Богородск-Нижний Новгород, а семнадцатого — Богородск-Павлово. Вообще-то эти две тридцатикилометровые теплотрассы ее стали первенцами «атомного теплоснабжения», Боровичи и Кончанско-Суворовск уже второй год отапливались «атомной печкой», но они все же стали «определенным достижением»: на трассе в Нижний Новгород температура воды в трубе падала со ста семидесяти «на входе» всего лишь до ста пятидесяти пяти «на выходе». С другой стороны, а полутораметровой трубе вода и должна остывать не так быстро, как в тонкой, но все же новая (и очень качественная) теплоизоляция из пенополиуретана сыграла очень большую роль. Но Вася (правда лишь он один) считал, что главным в этой «трубе» было то, что ее сварили из нержавеющей стали «в полевых условиях»...

Струмилин лишь крикнул от удовольствия, когда Аня, специально приехавшая в Москву, чтобы «проинформировать начальство», сообщила ему, что «Нижний, Дзержинск, Павлово и Ворсму можно снимать с обеспечения углем и дровами» — в «детали» его посвящать не стали, но «общую картину» Сталин ему обрисовал исчерпывающе:

— Эти ребята придумали новый источник энергии, сам понимаешь, совершенно секретный. Но мощный, а сколько мы сэкономим угля и дров, ты сейчас посчитаешь и мне расскажешь.

Сам же Иосиф Виссарионович, уже наедине с Аней, задал осень серьезный вопрос:

— А вы уже сделали бомбу?

— Пока нет. Сами мы умеем только в атомы играть, а для бомбы нужно очень много того, что мы сделать не можем...

— Это плохо.

— Сами так думаем, поэтому сейчас над бомбой работает Хлопинский институт, у Виталия Георгиевича специалистов теперь хватает.

— А какую мы можем оказать ему помощь?

— Я думаю... то есть я точно знаю, что было бы очень полезно направить в институт Хлопина еще Юлия Харитона и, возможно, Якова Зельдовича. То есть для бомбы Харитон будет просто незаменим, а Зельдович — он, конечно, с бомбой тоже помочь сможет, но главное — превратит атомные электростанции из безумно дорогой экзотики в просто дорогую, но уже привычную и очень экономичную обыденность. И обязательно — Зинаиду Ершову. Ей, кстати, уже пора присвоить звание Героя социалистического труда.

— За что Героя?

— Сложно объяснить, но если исключить многочасовые лекции, к тому же понятные максимум полудюжине физиков на планете, наши электростанции — это на девяносто процентов результат её работ. Которые мы с Валерой, конечно, немного творчески переосмыслили, но основу заложила именно она. Любое здание должно иметь под собой надежный фундамент, а вот научный фундамент АЭС выстроила как раз она.

— После наших разговоров, а особенно после тридцать седьмого года, я довольно внимательно слежу за вашей наукой. И чем занимается Зинаида Васильевна,

представляю, — Сталин вдруг лукаво улыбнулся. — Героя-то присвоить несложно, а вот поймет ли она сама, за что ей будет присвоено это звание?

— Я уверена... а знаете, вы ведь правы, человек должен понимать за что его награждают. Но года через два после того, как она начнет работу у Хлопина... Вы все же указ о её награждении приготовьте, а я скажу вам, когда она уже сама все поймет.

— Значит, договорились. Стесняюсь спросить, — Иосиф Виссарионович уже не скрывая улыбки «пр процитировал» любимое присловье Ирины, — вы в Москву приехали чтобы только похвастаться достижением своим или у вас еще вопросы остались?

— Вопросов к вам — нет, не осталось. Так что поеду я, надо к войне готовиться.

— Вы все так уверены в том, что война вот-вот начнется... Ольга Дмитриевна что-то о сроках начала войны говорила нового?

— Мы думаем, что она начнется летом следующего года. В начале лета, но точной даты никто не знает. Даже Гитлер не знает, поэтому нужно быть готовым в любой момент. А чтобы быть готовым... Светлана Юрьевна считает, что по крайней мере два генерала окажутся совершенно не готовы: Власов и Павлов. А если их оправить укреплять, скажем, границу с Монголией, то германская граница от этого станет лишь прочнее и надежнее. Мы все в Девятом управлении с ней согласны, но если вам интересно, почему Света пришла к таким выводам, то она может вам соответствующую записку подготовить. Интересно? Я ей вашу просьбу передам...

Валентин первого сентября тоже запустил кое-что интересное: огромный пресс, на котором ковались заготовки для коленвалов харьковских моторов В-2. Мотор этот был, по сути «дизельным вариантом» все того же германского БМВ-6, и для него — как и для прототипа — коленчатый вал делался «сборный», из кучи отдельных деталей, поскольку технологии первой половины двадцатого века не позволяли изготовить для него монолитную заготовку. То есть позволяли, если эти технологии правильно применить, предварительно «собрав» их в единый технологический процесс — и вот инженеры первого экспериментального под Валиным руководством это сделали. То есть пока еще не до конца сделали, мощности первого прессы не хватало — но ее хватало для того, чтобы делать заготовки для «усеченный версий»: шестицилиндровых В-3 и В-4. Как раз в середине сорокового инженеры уже в Ленинграде довели харьковский В-3 до приемлемого уровня, получив В-4, и даже стали на базе этого мотора делать новенький танк...

— Если мне склероз не изменяет, то этих танков в Питере успели сделать штук пятьдесят, и исключительно по той причине, что больше моторов изготовить не сумели, — поделился он радостью от своего достижения с Олей.

— А теперь они этих танков смогут больше сделать? А танк-то хороший был?

— Для нынешнего времени просто отличный. Маленький, шустрый... правда пушка слабовата, но это дело поправимо.

— Хочешь ленинградцам пушек в довесок к моторам отгрузить?

— Не хочу. Под нашу пушку — а мы взяли ЗИС-4 и приделали к ней автомат заряжания — нужна новая башня, а под нее корпус танка надо на полметра удлинить. Но тогда танк или на двухосную платформу по весу не встанет, или броню потоньше делать придется, а насчет брони... Андрей Завьялов конечно гений, но гений упертый и наши советы по броне даже слушать не хочет. А если этот Т-50 варить из нашей брони...

— Из чьей такой нашей?

— Которую на Васином заводе в Чите делают.

— Я, конечно, про оружие всякое с вами спорить вообще права не имею, но чисто для общего развития: на кой хрен вы решили броню варить и катать на танкоремонтном заводе?

— Он только называется танкоремонтный. А в Чите его выстроили потому что там и железо в Краснокаменске, и марганец недалеко от Петровска, и уголь правильный в Букачаче, и — главное — монацит в Балее. С редкими землями, Саша говорит, у нас пока негусто, а нашу броню без неодима или хотя бы лантана не сварить.

— А там рядом, Саша говорил, Железный Кряж, с середины прошлого века известный как богатейшее месторождение железа, а в нем еще и золото с висмутом.

— Мы с ним это обсуждали, но пока нам Краснокаменск важнее: африканского урана нам надолго все же не хватит.

— Понятно... то есть не совсем: на танкоремонтном-то вам наша сталь зачем? Заплатки на подбитые Т-26 ставить?

— Мы на них просто тренировались, зато, должен сказать, терминаторы с ЗУшкой из них получились неплохие. Мы только башни на них поменяли под ЗУшки, мотор дизельный поставили Кольчугинский. И броню все же проапгрейдили: с нашей машинка выдерживает германские сорокапятки вполне терпимо уже.

— Понятно: броня новая, пушка новая, мотор новый... там из старого что, один мехвод остался?

— Нет, — обиделся за Василия Валя, — новые мотор и пушка, а на старую броню Вася только экраны навесил, как раз из нашей стали. У него там инженер работает очень интересный, Ваня Кузьмин, он на битых в Монголии танках отработал технологию модернизации Т-26 до мобильной зенитки за менее чем сорок часов или до «Катюши» за трое суток. Сейчас он в Минск переезжает, на тракторный, и с этим жестяным хламом в Чите мы закончили, а теперь приступаем к выпуску своей версии Т-50. Правда Вася хотел еще и ходовую на нем поменять, поставить что-то вроде ходовой от мотолыги — но просто не успеваем...

— Людей, денег не хватает?

— Времени, Оль, времени не хватает, просто времени. Но его всегда хватать не будет, так что делаем что можем.

Ирина по каким-то делам в середине сентября слетала в Богородск. То есть летала она в Дзержинск, но аэродром нормальный находился возле Богородска, так что она и этот городок посетила. А вернувшись, начала доставать вопросами Аню:

— Я всё понимаю, амфибрахий там, то-сё, но почему у атомной станции из трубы дым идет? Там же дымина такая, что, ребята местные говорят, иногда аэродром закрывать приходится, так как полосы с воздуха не видно.

— А чтобы никто не догадался! Есть угольная станция, от нее трубы с кипятком в города соседние протянуты, обычное же дело! В крайнем случае буржуины спишут всё на врожденный идиотизм русских, не догадавшихся котельные поставить в каждом городе свою.

— Про врожденный русский идиотизм я понимаю, а вот куда вы незаметно собираетесь гигаватт электричества девать? И меня интересует исключительно незаметность.

— А почти все электричество как раз в Дзержинск идет. А сколько по проводу течет электричества, снаружи не видно. Зато все знают, что на алюминиевый завод в Дзержинске идет двести мегаватт.

— А остальное?

— А остальное идет уже на завод титановый, о котором ты так мечтала. И на металлохимический, на котором тебе неodium добывают из монацита уральского.

— Ну... допустим. Однако зачем вы к ядерной станции угольную приспособили?

— Потому что вокруг столько понастроить успели, что только атомной станции уже мало оказалось. Ну и маскировка реактора, конечно.

— Ну и фиг с ним тогда, с дымом. Главное — побыстрее плутония на бомбу наскрести.

— Ир, у нас плутония уже на десяток бомб хватит, еще с нашего старого реактора. Но, хотя Зельдович и прыщит оптимизмом, по его словам только для просчета динамики импlosionного взрыва ему еще минимум год пыхтеть, а с электроникой вообще конь не валялся. Если все будет хорошо, то не раньше лета сорок второго...

— Ясно. Значит будем пока строить титановые штурмовики и растить титановых штурмовиков: Вася уже наладил выпуск пластин к бронежилетам из титан-неодимового сплава. У меня только один вопрос остался: а нам на всё неodium-то хватит?

Архип Михайлович с печалью во взоре смотрел на опустевшие помещения Хранилища-13. Хотя в глубине души он был даже рад тому, что вскоре он сможет руководить предприятием гораздо более масштабным и наверняка воплотить в металл новые, еще более удивительные машины.

— Ну что, юноша, — подколола его Ирина Алексеевна, — оглядываешь места былых сражений? Не грусти, Сарапул — он тоже город приличный, да и развернуться там места побольше чем у нас. Вдобавок я тебе подыскала заместителя толкового.

— Интересно, кого? Я вообще-то планировал... у меня четыре прекрасных начальника групп...

— Но ты ими руководишь, а этого — обучать будешь. Он пока как конструктор совсем еще зеленый, но есть у меня ощущение, что лет так через десять, а то и раньше, он вырастет в твоего главного конкурента. Зовут юное дарование Павлом Соловьевым, и твоей теперь задачей будет натаскать парня.

— Откуда... дровишки? И где он работал, что конструировал?

— Я его, можно сказать, зубами выцарапала у руководства Рыбинского моторостроительного. А вот что он там конструировал, я не знаю. Да, собственно, и знать не хочу. Однако есть мнение, пока еще только мое, что талант у парня имеется, причем немаленький. Я так, краем глаза, глянула, что он за время учебы в Рыбинском авиаинституте делал — и впечатлилась. А ты туда — я имею в виду в институт — даже не суйся, мне важно, чтобы ты не по бумажкам, а в деле парня посмотрел и выводы о нем сам сделал. Так что поначалу ты его просто в какую-то свою группу запихни и никому внимание свое к нему не показывай. Напрасно не хвали, зазря не ругай, в общем, пусть сам своим талантом продвинется. Или не продвинется, ведь и я могу ошибаться. Последнее, конечно, чисто теоретическое умозаключение, но вдруг?

— Понятно. А все же: почему Сарапул-то?

— Видишь ли, дорогой мой Архип Михайлович, выбор правильного места для любого завода — задача очень непростая. И тем более непростая, когда речь идет о заводе, на котором будут производиться самые совершенные в мире авиамоторы. Сделать это люди с умишком скудным вообще неспособны, так что я взяла карту нашей бескрайней Родины, положила её на стол, зажмурила глаза и плюнула. И вот куда мой плевок попал...

— Вы серьезно?

— А своей головой подумать? Там уже и наш завод электроламповый, и по

производству других радиодеталей, и авиационных электромашин. То есть наша строительная структура с кирпичными и цементными заводами уже имеется, наш, причем очень неплохой, жилой городок, который развивать и расширять довольно просто. Есть свои институты, рабочая сила квалифицированная в доступности на месте — так что еще есть куда и с кем развиваться. Причем город еще Ижевском прикрыт от иностранных шпионов — и что тебя не устраивает?

— Да все устраивает. Просто я здесь столько лет провел, а теперь смотрю на пустые цеха — вот и взгрустнулось немного.

— Ну что, погрустил уже? Теперь пошли веселиться: туда полетишь на новеньком Турболете. На серийном, причем первом с твоими же серийными моторами. И вообще на своем собственном: этот самолет теперь закреплен за твоим заводом. Только ты того, зря его не трать, летай только по делу и только к мне — ну, или, в Омск: машина пока еще секретная, не надо ее показывать кому не надо.

Новый год праздновался в Боровичах не очень весело. Точнее, горожане его именно праздновали, но в доме «попаданцев» весельем и не пахло. Но все же Новый год — это Новый год, так что все взрослые собрались в «служебной квартире», подняли бокалы с двенадцатым ударом курантов — и продолжили обсуждение того, что успели сделать и что очень хотелось бы успеть доделать до войны.

— Ну что, товарищи, встречаем военный год? — невесело произнесла Ирина. — Мы сделали, что хотели, когда сюда попали: у нас есть два завода, которые штампуют КПВТ и «Корды», и даже с патронами для них все выглядит неплохо, но, к моему сожалению, на этом наши достижения практически заканчиваются.

— Ир, ты какая-то пессимистка, — попытался отвлечь жену от грустных мыслей Вася. — А как же самолеты?

— С самолетами у нас хорошо, у нас с авиацией полная жопа. Баранов с Жигаревым стараются как могут, но наши, извини за выражение, маршалы победы все их инициативы зарубают. А я лично Сталину, допустим, пожаловаться не могу: он меня в военном плане всерьез, как мне кажется, не воспринимает.

— Еще бы, ты же для него просто тетка-матерщинница!

— Искусствоведы в процессе обучения овладевают глубинами русского мата хуже разве что училик литературы, но это знание — как атомная бомба. Имеется, но это не значит, что нужно по каждому поводу применять. Да и отец учил меня рот свой не поганить.

— А говорят, что ты самого Кагановича переплюнула, да так, что он почти материться перестал.

— А, это, — Ира слегка улыбнулась, — я не материлась. Когда он начал всех вокруг поливать, я всего лишь процитировала не знаю кого. Сказала «что же вы, Лазарь Моисеевич, материтесь как дитя малое? Вам же потом этими руками хлеб брать» — и он проникся сразу и осознал. То есть не сразу, но потом, если из него выскакивало, обязательно кто-то интересовался: «а хлеб вы сами берете?»

— Забавно, — высказался Валя мрачным голосом. — Но все равно не всё так плохо. Фортификаторы института Слащева в Белоруссии, в Псковском и Великолуцком округах соорудили три линии обороны. Правда вот к северу от Чудского озера ЛенВО ни хрена выстроить не позволил, а на Украине... Сначала Косиор себя там царем считал, теперь Кукурузник...

— Петь, а почему Кукурузник еще жив? — сердито поинтересовалась у мужа Светлана.

— А когда бы мне им заниматься-то? Я, считай, год в Урумчи провел, или ты не заметила, что мужа дома практически не бывает? А ведь еще и с Мехлисом разбираться пришлось...

— Так, ребята, кончайте ругаться, — прервала нарастающую перепалку Оля. — Мы уже сделали чуть больше чем дофига. Я даже про оружие не говорю, но лишь то, что Петрович метро в Ленинграде прокопать успел...

— Но ведь не до конца еще.

— А нам пока больше и не надо. Кстати, Вась, Бисноват сделал что ты хотел. Правда дура у него получилась та еще, и цена у нее пока чуть больше семи тысяч рублей...

— Семь тысяч... это же столько, за сколько мы хотели продавать наш «Самурай»!

— «Оку», Гуля, исключительно «Оку». Но лично я считаю, что это недорого.

— Ну раз наш главный экономист говорит, что недорого, кто я такая, чтобы спорить?

— Оль, я что-то не пойму, — повернулась у ней Света. — Ты говорила, что у нас безналичный рубль чуть ли не впятеро дороже наличного, а значит новая ракета стоит уже тридцать пять тысяч? Она же в магазинах продаваться не будет...

— Свет, ты опять путаешь теплое с мягким: я говорила, что за один рубль в зарплату рабочий должен произвести продукции на шесть рублей потому что еще пять рублей нужно заплатить рабочим, которые произведут станки, грузовики и локомотивы, ракеты и танки, а еще заплатить учителям, врачам, которые вообще ничего не производят. Но так как за одинаковую работу мы и платить должны одинаково, то получается, что рабочий, который производит станок или танк, как бы производит его впятеро дешевле: мы же их считаем по зарплате!

— Все равно непонятно, но плевать.

— Свет, ты тут вообще единственный человек, кому должно быть не плевать. Ты должна сама разобраться и в учебники школьные по истории понятными словами, понятными даже для детей словами написать, как работает социализм: все товары продаются по себестоимости и никто в принципе не извлекает при торговле пресловутую прибавочную стоимость. Но в себестоимость включаются не только затраты на зарплату, сырье и амортизацию оборудования, но и расходы на оборону и социалку, причем строго пропорционально этой самой зарплате или, что то же самое, в полном соответствии с нанесенной обществу каждым рабочим пользой.

— Хорошо, я к тебе завтра зайду, когда выплусь. Такие вещи нужно на свежую голову воспринимать — и уж, тем более, готовиться учить этому других. Ребята, а давайте спатушки? Все равно по телевизору ничего не показывают потому что телевизоров нету, а спорить о том, что мы не сделали и почему, смысла нет. Мы все и так знаем, что ждет нас непростой год, так не будем же усугублять с первого же часа...

Иосиф Виссарионович утром десятого января находился в состоянии крайнего раздражения. Вообще-то в похожем состоянии он был уже практически каждое утро в последние года два: рабочий день он начинал с изучения сводок, предоставляемых Струмилиным, о выпуске и продаже за прошедшие сутки товаров народного потребления. И если с выпуском все выглядело терпимо, то с продажами просто отвратительно. Что, среди прочего, говорило и о низком качестве этих товаров. А ведь торговая выручка по сути определяла, сколько новых рабочих можно привлечь в промышленность, не вгоняя экономику в инфляцию!

Хотя, если честно, то и с производством было далеко не так хорошо, как хотелось.

Точнее, хорошо было очень не везде. И Слава специально отмечал, что один лишь «особый Боровичский район» выдавал больше десяти процентов всей промпродукции в РСФСР, а крошечная Белоруссия обеспечивала почти четверть такой продукции по всему Союзу. И ладно бы, если только промышленной продукции, но ведь и колхозы белорусские полстраны кормили! Ну, не половину, но все же... Это в малоурожайном тридцать седьмом белорусская картошка не дала снова голоду возникнуть — в основном она. А еще псковская и смоленская — а остальные области даже себя прокормить оказались не в состоянии и пришлось уже выгребать запасы из «стратегических складов». В тридцать восьмом опять Украина оказалась «неурожайной», хотя на Кубани и в Ставрополье, где поля больше чем наполовину были засеяны новой пшеницей, выведенной на селекционной станции Пустовойта, зерна собрали даже больше, чем на всей Украине. И масла постного больше произвели...

Иосиф Виссарионович вдруг вспомнил, как осенью тридцать восьмого к нему приехала Светлана Юрьевна с претензиями к «партийцам с тремя классами образования». Но, как всегда, и с конкретными предложениями, в результате которых с поста первого секретаря Рязанской области с треском вылетел Степан Тарасов — и уже в тридцать девятом, году, впрочем, вполне благополучном, Рязанская область дала только сельхозпродукции вдвое больше, чем в тридцать восьмом. Да и заводы рязанские как-то быстро нарастили выпуск разнообразной продукции больше чем на четверть. Откровенно говоря, тогда к её рекомендациям он прислушался лишь потому, что рекомендованный ей же Пономаренко показал себя руководителем замечательным.

Но это были лишь исключения, а в основном и сельское хозяйство не сильно радовало, и промышленное производство. И если с товарами народного потребления выручали Белоруссия и заводы Девятого управления, то с продукцией промышленного назначения дела выглядели грустно. Большинство заводов с планами не справлялись, а Ольга Дмитриевна постоянно присылала записки, в которых указывала, что рост зарплат заметно превышает рост производства, что грозит серьезной инфляцией, даже не смотря на то, что из этих зарплат в виде налогов и «добровольных» займов приходилось изымать почти десять процентов. А если бы эти проценты у народа не изымались, то ведь экономика-то и на самом деле рухнула бы!

А она и так едва дышала. И работала «как-то странно». Например, Закавказская республика, правда, план по продажам даже перевыполняла, а вот по производству... На полях возле этой графы Слава приписал свое замечание: «было бы полезно выяснить, откуда в республике появляется столько наличных денег», но замечание было совершенно пустым. И так понятно, откуда: это колхозы планы не выполняли, а вот на рынках возле многочисленных санаториев частник с приусадебных хозяйств продавал куда как больше, чем в этом хозяйстве даже теоретически вырасти могло. Лаврентий давно уже предлагал там чистки устроить, но ведь некогда! Украина тоже не радовала, хотя республиканский статкомитет пытался объяснить провалы прошлого года необходимостью огромных вложений в присоединенные территории. Но ведь белорусы, у которых территории приросли гораздо больше, все планы даже перевыполнить умудрились!

Сталин на секунду отвлекся от изучения отчета и опять подумал, что в Девятом управлении действительно умеют разбираться в людях и извлекать из них максимум пользы. Когда Светлана Юрьевна буквально вынудила его поставить во главе Белоруссии никому не известного Пономаренко, он согласился лишь потому, что решил, что таким образом Управление собралось и Белоруссией управлять, назначив туда «формально главным» того,

что будет молча исполнять их указания. И тогда он подумал, что эксперимент может дать неплохие результаты, ведь в Боровичах и Тихвине они уже успели создать уникальную промышленную территорию. А оказалось, что этот Пономаренко — действительно отличный руководитель и республика под его управлением демонстрировала выдающиеся результаты! В Белоруссии, где «никаких, кроме картошки, полезных ископаемых нет», он наладил добычу угля в объемах, обеспечивающих местную энергетику, рудник железный — и тот выстроил, так что по стали республика себя чуть ли не наполовину обеспечивала сама, причем и сталь получалась высококачественной. Правда, понять, зачем Пономаренко выстроил железную дорогу в Боровичи, Иосиф Виссарионович так и не смог: специально её строить чтобы просто отработать способы электрификации железных дорог явно смысла не было. Хотя... даже на перевозке грузов из Белоруссии в другие республики только на мазуте для паровозов экономия оказалась заметной и в союзном масштабе.

И да, по результатам сорокового года Пантелеймон Кондратьевич точно на Трудовое знамя наработал: выпуск тракторов на Минском заводе превысил сто тысяч штук, а тяжелые самосвалы с новенького завода в Жодино лишними не покажутся ни на одном карьере страны. Конечно, ему сотрудники Девятого управления помогли, и очень сильно помогли все это выстроить и запустить, но — и Иосиф Виссарионович специально это проверял — именно помогли, а не сами все сделали. Но вот почему они не помогли так же Украине...

Вторая часть годовой сводки все же смогла Иосифа Виссарионовича порадовать. В Ленинграде началось производство нового легкого танка, а средний начал производиться не только в Харькове, но и в Сталинграде. Что же до оружия стрелкового, то тут вообще был серьезный повод сплясать на радостях: и в Коврове, и в Туле, и на новеньком заводе в Уральске выпуск крупнокалиберных пулеметов почти вдвое превысил плановые задания. Вот только небольшая приписка (от того же Славы) радость несколько портила: на все заводы стволы для всех выпущенных пулеметов поставил экспериментальный завод Девятого управления. И радость портилась не от очередного упоминания этого управления, а от указанных в примечании сумм, необходимых, чтобы на эти пулеметные заводы поставить оборудование, позволяющее стволам эти заводам самостоятельно изготавливать. Очень заметные суммы, но торговля с предоставлением денег для этого не справлялась...

Последний раздел отчета был посвящен целиком деятельности заводов Девятого управления, что было, в общем-то понятно: из одиннадцати миллионов промышленных рабочих страны в Девятом управлении работало чуть больше миллиона. И вот результаты их работы точно не могли не радовать. Слава специально этот раздел детализировал гораздо больше, чем все прочие: вот, например, вроде и незначительная графа, а если вдуматься, то выпуск пулеметных патронов со стальной гильзой для тяжелых пулеметов — достижение очень крупное. А если внимательно посмотреть на цифры суточного их производства, то рука сама тянется к перу, чтобы представление на орден написать для того, кто это сумел сделать. И так почти по любой позиции, а ведь Сталин ни на секунду не мог забыть, что по всем прогнозам летом начнется война...

И единственное, что его смущало в этом разделе, так это отсутствие любой информации по целому ряду заводов. Которые вроде и должны были что-то производить, но складывалось впечатление, что они работали даже не вполсилы, а лишь изображали, что что-то там производится...

Закрыв отчет, Иосиф Виссарионович опять вернулся мыслями к Белоруссии. Пономаренко, конечно, молодец, но все его заводы и фабрики позволили ему собирать

практически четверть всего наличного оборота, и выручку эту он тратил — в полном, несомненно, соответствии с Конституцией — на строительство новых заводов и фабрик в республике. Практически полностью игнорируя намеки, что было бы неплохо и с другими поделиться...

Но привело его в сильное раздражение даже не это, а записка от Петра Ионовича, в которой он просил утвердить списание всех самолетов И-15 и И-15 бис, а так же двух тысяч И-153. И почти двух тысяч И-16, с передачей списанных самолетов Восточному Туркестану. И это при том, что о скором начале войны он тоже знал. Знал — и хотел списать больше четырех тысяч боевых самолетов!

Наверняка Баранов это свое предложение согласовал с товарищем Лукьяновой, а более вероятно, что он предложение Ирина Алексеевны и оформил как свое, но что именно было причиной столь несвоевременного предложения — с этим требовалось разобраться отдельно.

Однако мысль эту он даже до конца сформулировать не успел: в кабинет зашел (не позвонил, а именно зашел) Александр Николаевич и сообщил, причем с каким-то испуганным видом сообщил, что к нему на прием срочно просятся руководители Девятого управления. Все сразу...

Самолёт построим сами, понесёмся над лесами...

Пятого января, несмотря на воскресный день, Ирина провела «в трудах и заботах»: Михаил Леонтьевич пригласил ее на испытания своего вертолета. Причем вертолет он изготовил не из предложенного ему Ирой фюзеляжа, а собрал свой (сильно попроще). Впрочем, и сам вертолет он сделал «попроще», с одним семисотсильным двигателем Люльки. Вообще-то он вертолет выстроил в качестве «демонстратора технологии», но Ире машинка понравилась. Очень понравилась, так что она тут же (после того, как вертолет, сделавший два круга над аэродромом «Кудыкина гора», опустился на землю) подписала приказ о налаживании серийного производства машины на новеньком (еще даже не до конца укомплектованном) заводе в Оренбурге. Не сняв при этом с Миля задачу по проектированию вертолета уже двухмоторного.

Вертолетчики на Ирином экспериментальном заводе работали наперегонки, но Миль «соревнование выиграл», причем вовсе не из-за «упрощения задачи»: Николай Ильич тоже практически закончил свой вертолет, и тоже однодвигательный — но проявившиеся в ходе проектирования сложности соосной схемы процесс изрядно задержали. Но это Иру тоже не смутило ни капли: Камову был в том же приказе «отписан» свой завод, поднимающийся в новеньком городе неподалеку от Оренбурга. То есть не очень далеко от него, всего-то в ста двадцати километрах...

Причем Камову («как проигравшему соревнование») достался не только еще строящийся завод, но и строящийся в еще строящемся городе. Там Саша «открыл» большое месторождение бурого угля, даже карьер успел как раз прошлой осенью выкопать — а теперь в городе, который Оля без ложной скромности назвала «Суворовск», возводился и химический комбинат, и все прочее, что делает город именно городом. А Ира «для кучи» и авиазавод в проект города вставила. Ну а так как завод был «запланирован» еще в тридцать восьмом году, большую часть требуемого оборудования удалось купить за границей, что же до «меньшей части»...

Викентий Станиславович для Суворовской ТЭЦ успел до конца сорокового года изготовить сразу три генератора по шестьдесят четыре мегаватта, нужные турбины поставили из Калуги — так что уже весной (где-то в середине мая) электричества в городе должно стать «с избытком». А пока городу «хватало» электричества с двух «временных» генераторов по шестнадцать мегаватт. Этого хватало, конечно, для всех жилых домов в городе, для школ, больниц и магазинов — а еще хватало для новенького станкостроительного завода. Который был очень скромным в плане объемов производства, но Валентин изначально его создавал как завод по выпуску нестандартных специализированных станков — так что обеспечить новый вертолетный завод нужными несерийными станками особой проблемы не представляло. Проблемой было лишь то, что времени на все запланированное не хватало...

Когда в кабинет Сталина зашли десять человек, он ожидал — глядя на суровое лицо Ирина Алексеевны — что его начнут убеждать в необходимости списания огромного количества боевых самолетов. И о том, что разговор намечается серьезным, говорило и то, что все она (за исключением товарища Лукьяновой), были одеты в парадную форму при всех орденах. Да и Ирина Алексеевна, хотя и одета была в традиционный для нее светло-голубой брючный костюм, тоже ордена надела все. Но первые же слова Петра Евгеньевича его

повергли в изумление:

— Добрый день, Иосиф Виссарионович, и, надеюсь, доброта этого дня продлится надолго. А мы к вам пришли обсудить один внезапно возникший вопрос: пятнадцатого в Москву прилетает товарищ Шэн, Шэн Шицай, и прилетит он с обращением правительства Восточного Туркестана с просьбой о включении республики в Советский Союз. Мы считаем, что просьбу следует немедленно удовлетворить, а почему — товарищи сейчас объяснят. И начнет объяснение товарищ Суворов...

— Погодите, что значит «принять в Советский Союз»?

— Товарищ Шэн, хотя сам по себе законченный буржуй, глубоко осознает, что республика сама по себе существовать не может. И вариантов у него остается ровно два: либо войти в СССР на правах союзной республики, или в состав Китая на правах занюханной окраины. Ему первый вариант показался предпочтительным, тем более что мы гарантировали, что все награбленное им богатство мы ему оставим. Там немного, пара вагонов барахла всякого и денег меньше трех миллионов — а этого за новую республику не жалко.

— А вы подумали, что новая республика потребует и огромных расходов? Сейчас, в преддверии войны, о которой, кстати, вы же мне и напоминаете чуть ли ни каждый день...

— Мы как раз об этом больше всего и думали. Саша, приступай.

— Я скажу как геолог: в Восточном Туркестане огромные запасы полезных ископаемых, причем значительная часть из них вообще почти нигде в мире не может добываться с приемлемыми затратами. Например, там одного неодима содержится более шестидесяти процентов мировых запасов...

— Это что? То есть для чего он нужен?

— Полтора процента неодима при добавлении в танковую броню делает эту броню на тридцать процентов прочнее. В Синьцзяне мы можем уже через год добывать неодима сотни тонн, если не тысячи, а в СССР в других местах мы в состоянии его добывать пока лишь около десяти тонн в год, причем затраты на наш неодим примерно в тридцать раз выше, чем при добыче его в Синьцзяне. А там мы сможет еще получать тысячи тонн лантана — который, при добавлении в чугун, применяемый для моторов, позволяет тратить чугуна вдвое меньше, поскольку прочность и износоустойчивость металла повышается просто невероятно. А если считать по всем вкусяшкам, то любые затраты на присоединение Восточного Туркестана окупятся менее чем за год.

— Но подобные вопросы решаю не я, а Верховный Совет. На худой конец, президиум Верховного Совета.

— Иосиф Виссарионович, вот вы — после встречи с товарищем Шэном, который нам совсем не товарищ, а всего лишь полезный попутчик — этот вопрос перед Президиумом и поставьте. А я лично пристрелю каждого, кто будет против, — добавил Климов. — Фигурально, конечно, пристрелю... скорее всего.

— А если против будет товарищ Сталин?

— Если бы мы считали товарища Сталина идиотом, мы бы сюда просто не пришли, — Ирина оказалась в своем амплуа чуть больше чем полностью.

— Ир, заткнись... пожалуйста, — в разговор вступила Ольга Дмитриевна. — Честно говоря, для нас это решения Шэна Шинцай тоже оказалось в некотором роде неожиданностью, Скорохватов лишь вчера вечером сообщил, что на заседании тамошнего правительства его приняли, причем единогласно. И не проведя консультаций даже с нашим

представительством, но... Присоединение Синьцзяна безусловно подпортит наши отношения с американцами, но они и так... не самые лучшие, поэтому здесь мы много не потеряем. Англичане тоже могут взбеситься, но на них вообще плевать, так как они сейчас другими вопросами озабочены и в бутылку из-за Синьцзяна не полезут. А вот мы приобретем огромные ресурсы совершенно стратегического сырья, абсолютно необходимого в военное время. Обычно это в статотчеты не попадает, но если учесть, что там производится более семидесяти процентов хлопка, потребляемого Китаем...

— Сколько?!

— Примерно вчетверо больше, чем нам дает Советская Средняя Азия. Я тут подготовила небольшую справку по тем ресурсам, которые СССР сможет получить уже в первый год после присоединения... и вы обратите особое внимание на месторождения урана. Я их на отдельном листе описала, так что если вам нужно будет показать отчет кому-то еще, вы этот лист просто уберите.

— Хорошо, я посмотрю. Тогда вопрос у меня к Ирине Алексеевне: это вы предлагаете списать почти четыре тысячи истребителей с передачей их Восточному Туркестану? Если так, то, как я понимаю, этот вопрос можно снимать?

— Ни в коем случае, больше того, передачу самолетов Синьцзяну необходимо оформить указом правительства до визита Шэна в Москву.

— Зачем? Ведь они так и останутся в собственности Союза?

— Нет, они будут переданы товарищу Мао. А вот зачем все это и, главное, почему... я предлагаю в понедельник устроить небольшое совещание по этому поводу. Пригласить Баранова с Жикаревым, Молотова, военных кого-нибудь... Но сначала, желательно уже завтра, пусть Молотов указ напишет. В конце-то концов после присоединения Синьцзяна СССР ничего не потеряет. А по результатам совещания, мне кажется, очень многое приобретет...

Судя по результатам внеочередного заседания Президиума Верховного Совета, Сталин Олину «записку» прочитал очень внимательно. А семнадцатого состоялось заседание специальной комиссии, собранной Иосифом Виссарионовичем для обсуждения вопроса с самолетами. На котором кроме Иры присутствовала и Оля, главным образом для того «присутствовала», чтобы не дать подруге довести всех остальных «комиссионеров» до истерики. Открыл заседание Сталин:

— Мы тут должны обсудить вопрос относительно передачи в Восточно-Туркестанскую республику более чем четырех тысяч самолетов. И, прежде всего, нужно понять, зачем и почему это было сделано. Поскольку инициатива такой передачи принадлежит товарищу Баранову...

— Инициатива принадлежит мне, и я смогу все объяснить лучше, чем Петр Ионович. Прежде всего, все списанные самолеты для эксплуатации, по большому счету, непригодны, разве что гробить военлетов...

— Вы хотите сказать, что наши летчики летают на гробах? — не удержался Иосиф Виссарионович.

— Это кто вам сказал, Паша Рычагов? Он, конечно, летчик превосходный, но как руководитель — назвать его «тупым ослом» значило бы оскорбить всех ослов.

— Нет, он такого не говорил, но многие летчики...

— К сожалению, большинство летчиков ничего, кроме как управлять своим самолетом, не умеют. Причем многие и это делают паршиво. Но дело совсем в другом: большая часть

тех же истребителей действительно непригодна для полетов просто потому, что они очень старые. Даже не так: они просто старые, а дендрофекальные конструкции при хранении под открытым небом просто начинают разваливаться через два года.

— Какие конструкции? — удивился Ворошилов.

— Из говна и палок, — ответил ему Сталин. — Продолжайте, Ирина Алексеевна.

— Чтобы их использовать, машинам требуется серьезный ремонт — однако трудозатраты на такой ремонт превышают трудозатраты на постройку нового самолета.

— Так почему же их мы все же ремонтируем? — опять удивился Климент Ефремович.

— Потому что кроме трудозатрат есть еще и затраты на материалы, узлы и комплектующие. Но вот машины, отобранные для списания, еще и конструктивно устаревшие, их ремонт не имеет ни экономического, ни военного смысла. Так что даже если их отремонтировать, летчиков на них в бой отправлять просто глупо: дешевле их просто расстрелять перед строем, так хотя бы бензин напрасно не потратится.

— То есть вы хотите сказать, что наши самолеты устаревшие? Что они не смогут защитить наше небо?

— Я этого не говорила. Тот же И-16, как любят говорить... летчики, уступает германскому сто девятому «Мессершмитту». Но если копнуть вопрос поглубже, то окажется, что наш ястребок уступает фашисту лишь в скороподъемности, а вот в маневре, в особенности на небольших высотах, превосходит его наголову. Вдобавок у нашего «Ишачка» высочайшая живучесть: при повреждениях, абсолютно фатальных для германца наш вполне успешно и на аэродром вернуться сможет, и даже в отдельных случаях одержать победу. Но летчика машина сохранит, а летчик — он гораздо дороже, чем стоит любой самолет. Но и это не главное...

— Все это понятно, но ведь вы оставляете безлошадными почти пять тысяч военлетов.

— Нет. До лета на наших заводах выпустят минимум пятьсот новых истребителей только Поликарпова, которые, сохраняя все преимущества предыдущей его машины, еще и по скороподъемности, да и по скорости фашиста превосходят.

— Вы говорите об И-180? Но мы же не приняли его на вооружение.

— А Девятое управление их для себя делает. Можем себе позволить. А вот позволить советским летчикам летать на лакированных гробах мы не можем.

— Это вы про ЛАГГ?

— Именно. Этот ЛАГГ... я не хочу сказать, что он полное говно, но моя скромность это говно в конфетку не превратит. Расчеты, как, впрочем, и натурные эксперименты, показывают, что по всем — я повторяю — по всем параметрам этот самолет уступает не только И-180, но даже И-16 начиная с двадцать четвертой серии. То есть не по всем: по цене он «Ишачок» очень даже превосходит. А еще превосходит по весу, отчего маневренность у него... извините, я приличных слов не подберу. Но это неважно, важно то, что к лету у нас будет минимум пять сотен самолетов, во всем превосходящих лучшие германские, и, что важнее, для этих самолетов у нас уже есть подготовленные пилоты — так как по сути это всего лишь сильно продвинутая версия «Ишачка».

— Ну, допустим. Тогда возникает вопрос, а зачем же мы отвратительные и вообще непригодные к полетам самолеты отправляем... вы говорите, товарищу Мао?

— Мы их отправляем по двум причинам. Во-первых, их все же можно отремонтировать. И хотя трудозатраты на ремонт очень велики, трудиться будут не наши опытные рабочие, в которых страна испытывает острую нехватку, а китайские крестьяне, которых просто много.

Во-вторых, после ремонта эти самолеты все равно будут по крайней мере не уступать основным японским машинам и уж тем более тем, которые Гоминьдану дают американцы. То есть в СССР эти самолеты не то что бесполезны, но даже вредны — а в Китае они будут более чем хороши. Я уже не говорю о том, что товарищ Мао будет нам благодарен...

— Но менять больше чем четыре тысячи машин на пять сотен...

— Товарищи военные, вы каким место слушаете? Я сказала, что только самолетов товарища Поликарпова будет выпущено не менее пяти сотен, но ими-то мы не ограничимся!

— Вы имеете в виду самолеты товарищей Яковлева и Микояна?

— Их я даже не считаю. Дендрофекальный МиГ даже сконструирован для полетов на тех высотах, на которых немцы летать даже не собираются, а на тех, где немца будет много, он, мягко говоря, представляет для тех же мессеров лишь учебную мишень. Ожидаемое соотношение потерь при боях с мессерами колеблется от двадцати к одному до пятидесяти к одному, причем шансов у летчиков выжить близки к нулю: подбитый летчик будет не в состоянии даже фонарь откинуть чтобы с парашютом выброситься. Аналогичный аэроплан товарища Яковлева конечно получше, в районе десяти к одному, и половина летчиков даже успеет выброситься с парашютом. Что, впрочем, не сильно им поможет: немцы же не дураки, понимают, что летчик гораздо дороже самолета — в парашютистов будут расстреливать в воздухе.

— То есть вы предлагаете прекратить выпуск этих самолетов и разогнать конструкторские бюро?

— Прекратить — да, разогнать — нет. У Горбунова есть очень хорошие идеи с установкой на их самолет мотора воздушного охлаждения, и если в КБ оставить только его и, возможно, Гудкова, они к лету выдадут вполне приличный самолет. Я уже не говорю о Михаиле Иосифовиче: если его избавить от болвана Микояна, то товарищ Гуревич в течение года выдаст более чем приличный истребитель.

— А чем вас не устраивает Артем Иванович?

— Иосиф Виссарионович, а почему вы не назначаете своего сына главным конструктором в авиационное КБ?

— Василий в конструировании самолетов ничего не смыслит, вот почему! — похоже, Сталин был в ярости. — И двадцать лет — это вообще не возраст для главного конструктора!

— А я не про возраст, и вы в первой же части вашего ответа сказали все, что требовалось. Но сейчас не это важно: я предлагаю немедленно прекратить выпуск дендрофекальных истребителей и все заводы переориентировать на выпуск машины товарища Поликарпова.

— И когда они освоят производство? Через год, через два?

— Передайте мне двадцать первый завод, снимите с производства мою этажерку — и уже через три месяца в Нижнем будет производиться минимум по два-три самолета в сутки. А к лету — минимум пять машин. А если учесть, что на все оставшиеся в строю И-153 и И-16 мы уже к апрелю поставим многоканальные радиостанции, то к лету у нас будет в полной боевой готовности порядка пяти тысяч истребителей.

— Что-то у вас цифры не бьются, — уже более миролюбиво заметил Сталин. — По тому, что вы тут нам рассказали, из старых самолетов у нас останется около тысячи И-16 и тысячи И-153, плюс вы обещаете еще примерно тысячу новых машин Поликарпова.

— Еще примерно тысячу И-16 успеют сделать Новосибирск, Ростов и Баку, пусть только перейдут с УТИ-4 на боевые машины. А еще тысячу дадут уже наши заводы.

— Вы говорили, что пятьсот...

— Это завод в Верхнеудинске пятьсот. А остальные тоже ведь простаивать не будут. Причем, замечу, тут еще проявится дополнительный позитивный момент: за год Саратов сможет гарантированно произвести свыше тысячи самолетов, а с учетом того, что По-180 стоит на шестьдесят восемь тысяч дешевле Яка, только в деньгах экономия составит под семьдесят миллионов.

— Уж кто бы про экономию говорил! — не выдержал Вячеслав Михайлович. — Вы скрыли сколько стоит бронекapsула самолета Ильюшина, и только после принятия его на вооружение выяснилось, что он государству обходится не в триста шестьдесят тысяч, как было предписано в задании, а больше полумиллиона! А ведь эти средства мы могли бы пустить на решение других, не менее важных задач!

— Я вижу, что требуется срочно дать пояснения, — в разговор вступила, наконец, Ольга. — Вы, Вячеслав Михайлович, в своем тезисе допустили две принципиальных ошибки. Во-первых, полмиллиона стоит не Ил-2 как таковой, а только одна бронекapsула для него, сам же самолет обходится государству примерно в восемьсот тысяч — это если считать Девятое управление все же неотъемлемой частью СССР. А во-вторых, эти средства ни на какие другие задачи направить невозможно, и я сейчас поясню почему. А все присутствующие должны это пояснение не просто выслушать, но и осознать.

— То есть вы хотите сказать... — начал было Молотов, но договорить ему Оля не дала:

— Да, я хочу сказать и хочу, чтобы меня выслушали не перебивая. Если не считать затрат Девятого управления на изготовление бронекapsулы и основных конструктивных материалов самолета Ильюшина, то государству штурмовик обходится всего в сто девяносто тысяч рублей вместе со всем комплектом вооружения. Но затраты Девятого управления не могут быть конвертированы в деньги или перенаправлены на иные задачи каким-либо способом. Потому что девяносто пять процентов этих затрат — не трудовые. Считайте сами: киловатт электричества по самому дешевому тарифу у нас в стране обходится потребителю в сорок копеек...

— А мне говорили, что в двадцать, — полувопросительно-полуутвердительно произнес Сталин.

— Это специальный тариф для населения в городах, где установлены электрические плиты в квартирах, и он обеспечивается как раз местными дровяными электростанциями, заметную часть выручки получающую от платы за отопление и горячую воду. Но в промышленности цена электричества составляет четыреста рублей за мегаватт-час. Или, в пересчете с учетом налогов и обязательных госзаймов, мегаватт стоит столько, сколько два человеко-месяца труда рабочего. Ну так вот, на изготовление той же бронекapsулы мы не тратим сотни тысяч человеко-месяцев труда, мы тратим тысячи мегаватт электроэнергии. Но эти мегаватты, миллионы мегаватт мы тратим там же, где они и производятся, и пока Глеб Максимилианович не создаст единую систему энергообеспечения в стране, направить эти мегаватты для решения других задач просто невозможно. Думаю, мои разъяснения вы поняли...

— А вернувшись к КБ, — снова в разговор вступила Ира, — замечу, что тому же Яковлеву стоит заняться разработкой цельнометаллической версии своей машины. Она и понадежней будет, и помощнее в боевом применении, и, в конце концов, просто дешевле. Если ему четко поставить такую задачу, то, надеюсь, через год он выдаст нормальный истребитель.

— Вы считаете, что у нас алюминия хватит на выполнение всех ваших предложений?

— Алюминия у нас достаточно, а скоро его будет еще больше. Уже в этом месяце в Экибастузе заработают первые два генератора по сто мегаватт, а в апреле их будет уже четыре. Если учесть, что в Казахстане уже начало разрабатываться неплохое месторождение боксита... я даже не говорю о том, что наши советские ученые уже отработали производство глинозема из нефелина...

— Ирина Алексеевна, а может вас назначить наркомом авиапромышленности? — с улыбкой вдруг спросил Сталин.

— Вот уж нафиг! Я всего лишь авиаконструктор, причем далеко не лучший. Конечно, плохой самолет от хорошего отличу, и толкового конструктора от пьющейся бездарности тоже, но управлять авиапромом... у меня даже директор экспериментального завода лучше меня в производстве разбирается, а еще у него в помощниках и главный инженер, и главный технолог со своими службами... нет уж, умерла — так умерла.

— А может, тогда возглавите управление гражданского авиастроения? — решил «урезать поросенка» Молотов. — Вы же не только самолеты гражданские великолепные придумали, но и производство их наладили. Да, пока не забыл: а почему вы так резко возражали против приобретения лицензии на DC-3? Нам докладывают, что за рубежом эта машина стала необычайно популярна, и если бы мы тоже стали выпускать их по лицензии...

— Причин три, — усмехнулась Ольга. — Первая — потому что Л-410, хотя и вмещает на треть меньше пассажиров, вдвое дешевле и проще в эксплуатации. Так что СССР с теми же затратами уже производит в полтора раза больше пассажиро-мест, и пассажиры эти летают в полтора раза быстрее, что для нашей огромной страны тоже очень важно. Вторая причина заключается в том, что Мясищев практически закончил новую машину, созданную в развитие конструкции Ирины Алексеевны, вместимостью уже в сорок пассажиров и летающую уже со скоростью свыше пятисот километров в час...

— Свыше шестисот, — тихо уточнила Ира, но ее услышали все, сидящие в кабинете.

— Ну а в третьих... — Оля не смогла удержаться от широчайшей улыбки, — Дуглас выпускает свой DC-3 по лицензии Ирина Алексеевны.

— О как! — не удержался от удивленного возгласа Ворошилов. — А почему тогда...

— Потому что все, что делается в Девятом управлении, делается совершенно секретно, — тоже с широкой улыбкой пояснил ему сам Иосиф Виссарионович. — К тому же, Петр Ионович, подтверди, самолет товарища Лукьяновой много, в разы надежнее того, что она решила передать буржуям. Среди прочего в нем установлена какая-то хитрая трансмиссия, позволяющая крутить оба пропеллера от одного мотора, так что если в полете один мотор сломается, то самолет не то что не упадет, но даже полёт куда надо продолжит. Так?

— Пока так, — подтвердила Ира, — но когда мы закончим ремоторизацию машины, там будут скорее всего другие системы безопасности.

— Хорошо, мы вас поняли. Поднятые вами проблемы еще нужно обдумать, но насчет двадцать первого завода — он с сегодняшнего дня ваш. Когда будете там, передайте генералу Мерлину...

— Полковнику Мерлину.

— Директору двадцать первого завода генерал-майору Мерлину, что мы ждем, что завод сможет выпустить до лета пять сотен самолетов И-180. Я знаю, он и без того сделает все возможное, но сообщить ему о наших... ожиданиях стоит. А его имя в Георгиевском зале... я

приглашу его в Москву на выходные, пусть своими глазами увидит. Думаю, на сегодня совещание мы закончим и вплотную займемся работой. Работы у нас много...

Работы было на самом деле чуть больше чем дофига. Валентин мотался между тремя новыми заводами сразу, где налаживались новые станки, предназначенные для производства артиллерийских снарядов. Сам он никаким «спецом по снарядам» не был, но именно его станки, изготавливающие короткие «трубы» корпусов, позволили довести суточную производительность одной линии до двух тысяч изделий в сутки. А линий было много: на заводе в Барнауле их было поставлено двенадцать, в Славгороде — десять, еще десять уже было запущено в Бийске, но директор Бийского завода прошлым летом умудрился выстроить еще один цех, в котором можно было поставить еще шесть линий.

Василий в свое время с Валентином по поводу «новой технологии производства снарядов» очень долго спорил, и, хотя Валя с ним не соглашался, свое решение «продавил», попросту сделав десяток снарядов на экспериментальном заводе в Боровичах, а теперь он чуть ли не половину марта провел с Лаврентием Павловичем — объясняя начальству почему эту технологию нельзя пока внедрить на всех заводах данного профиля:

— Это только на первый взгляд кажется, что сварка трением — такая простая операция. Я уже не говорю, что на большинстве современных токарных станках просто нет нужной передачи, обеспечивающей требуемую скорость вращения...

— Насколько мне известно, замена шестерен не является сложной операцией, ее могут выполнить рабочие даже непосредственно в цехе.

— Я и говорю, что это лишь незначительный, хотя и негативный фактор. Основная причина в невозможности использования серийных станков — это недостаточная мощность электромоторов. И поэтому, хотя деталь и будет выглядеть сваренной, сварной шов получится дефектным, его прочности не хватит — и снаряд вместо того, чтобы разлететься на осколки, просто выплюнет струю раскаленного газа через оторвавшееся дно. Шуму много, толку мало. К тому же использование сварных труб для изготовления корпуса снаряда без дополнительной обработки заготовки — это гарантия получения откровенного брака. Управление, безусловно, со временем все необходимые станки и для существующих заводов изготовит, но именно что «со временем». И мы не видим смысла это оборудование на серийные заводы ставить до того, как будут полностью укомплектованы заводы строящиеся: ведь сейчас эти заводы хоть и не лучшим образом, но продукцию выдают, а для внедрения нового оборудования там придется старое демонтировать, провести перепланировку цехов, что тоже времени займет немало, а потом еще и какое-то время рабочих переобучать. Новые же заводы изначально спроектированы под эти станки, и рабочие заранее обучены...

— Но ваши новые заводы строятся в трех с лишним тысячах километров от Москвы. А это минимум трое суток, потребное для доставки их продукции...

— У нас под Кемерово работает завод промышленной взрывчатки, а ее далеко возить саму по себе довольно опасно. Что же до металла, то готовую продукцию возить даже выгоднее, чем голые слитки: вся стружка остается на месте. Ну и, наконец, до Алтая германская авиация точно не доберется и страна не окажется без снарядов.

— Но сталь можно и из Кривого Рога брать...

— Я не удивлюсь, если в случае войны германцы Кривой Рог захватят.

— Вы не верите в силу Красной армии?

— Я просто обязан считать советских генералов тупыми дебилами: на войне произойти может всякое, но я должен обеспечить производство независимо от превратностей судьбы.

Хотя бы для того, чтобы генералы, дебилами на самом деле не являющиеся, не просрали свои битвы из-за нехватки боеприпасов.

— Забавное рассуждение... но верное. Я с такой точки зрения вопрос как-то не рассматривал. Тогда еще один вопрос: когда ваши новые заводы начнут выпускать продукцию?

— Уже выпускают, но пока понемногу. Валентин надеется, что в начале лета заработают на полную мощность, а Оля считает, что где-то в середине июля только: все же на такие производства народ с улицы, тем более улицы деревенской, не возьмешь, а Боровичские училища специально для них выпустит примерно пятнадцать тысяч молодых рабочих в конце мая. Но их же еще и перевезти надо, на месте подучить немножко. Но в любом случае затягивать точно не будем.

— В этом-то я не сомневаюсь... но будет ли у нас это время?

Кто ходит в гости по утрам

После январского «совещания по самолетам» Оля решила для себя прояснить ситуацию, главным образом для понимания вопросов по материальному обеспечению авиазаводов, да и не только их:

— Ир, а что ты про соотношение потерь говорила? Я раньше что-то от тебя такого не слышала, — поинтересовалась Оля, когда Ирин самолет только лишь взлетел с Московского аэродрома.

— А я сама недавно еще об этом не задумывалась, но когда готовилась к разговору с Барановым насчет передачи старых машин в Синьцзян, пересмотрела старые лекции, которые нам один старичок на втором курсе читал — и там он упоминал реальные потери сторон по типам самолетов. А про цены ты же сама мне рассказывала...

— Ну да. Только я с ценами тоже немножко слукавила, чтобы на нас задач в разы больше не навалили. У нас-то электричество хорошо если в пять копеек за киловатт обходится, но Аня и Валя решили, что пока никому не надо знать, куда и сколько мы энергии тратим. Я и про Экибастуз-то в сердцах проговорила...

— Хорошо, что не проговорила, что у нас на алюминий тратится не сорок мегаватт-часов, а в районе пятнадцати.

— Ну уж до такой глупости меня даже озвереваящий Сталин довести не в состоянии. А про какие самолеты ты умолчала? Я чисто из любопытства...

— Товарищ Бартини — у него фантазия бурная. Зато с производственной дисциплиной проблем у него вообще никаких. Но что мне больше всего в нем нравится — он, как и Люлька кстати — прекрасно видит любой проект в целом и понимает, кто в этом проекте какое место может занять для его скорейшей реализации. Одно плохо: комп мой скоро совсем сдохнет, так что я теперь даже проверять конструкции этих ребят больше не смогу. Хорошо еще что успела для Смоленска пересчитать Лу-7, это цельнометаллическая версия бамбукового пушистого и полярного с двигателями Л-1/750.

— И мой комп тоже сдыхает... но мне, конечно, лучше чем тебе: мне-то можно программы заменить кучей девочек-расчетчиц. А ты на эту тему не думала?

— Если бы я знала алгоритмы этих расчетов, то были бы варианты. Хотя вряд ли: на компе расчет профиля крыла занимает почти полчаса, и это при скорости расчетов в сотню-другую миллионов операций в секунду... в стране просто девочек не хватит. Так что я в ближайшие лет пять буду тупо листать с умным видом перерисованные с экрана проекты и делать вид, что понимаю, откуда они взялись.

— А потом?

— Ребятишки из института Рожанского сказали, что для точного наведения ракеты по отраженному сигналу радара нужно в реальном времени решать дифференциальное уравнение третьего порядка.

— И что?

— В тридцать восьмом химфак Нижегородского университета окончила некая Серафима Варюхина, и она в качестве дипломного проекта — по Аниному предложению — отработала технологию получения чистого поликремния. В прошлом году ребята у Рожанского наладили выпуск, правда в качестве отработки экспериментальной технологии, кремниевых диодов...

— Ты как-то издалека заходишь...

— Тучи вон те мне не нравятся, думаю обойти их или над ними пролететь? Так вот, в декабре они сделали программируемую логическую матрицу. Небольшую, шестнадцать на шестнадцать, но на одном кристалле площадью около сантиметра, и у них теперь поправки курса ракеты считаются где-то за пять тысячных секунды. Им же интересно такое придумывать, а в средствах мы их практически не стесняем. В общем, блок управления на ракете они уложили в пять с половиной кило — ну а я на радостях рассказала им как сделать вычислительную машину.

— А ты и это знаешь?!

— Ага, прям вся из себя гений компьютеризации! Но я же не всегда в Хэрроу училась, и в отечественную школу ходить успела. А еще дед... он мне в детстве внушал, что важно не только самому понимать, но и уметь объяснять другим. Причем последнее даже важнее — и в качестве примера приводил американца, писателя, который в компах вообще не разбирался, но написал самый популярный — во времена учебы деда — учебник. Звали мужика Кларенс Джермейн, я запомнила, а когда... в общем, потом книжку нашла и пролистала. Там действительно в начале книжки очень простыми словами рассказывалось, как компы устроены. Не в деталях, само собой, а общие принципы — ну я принципы эти ребятишкам и пересказала.

— А они хоть поняли, о чем ты им рассказываешь?

— Я им просто пересказала американца, своими словами пересказала. Но там он все так просто объяснял, что даже я поняла — и ты думаешь, что настоящие специалисты не поймут? Они сейчас в институте днюют и ночуют, у меня отдельный самолет выпросили чтобы в Нижний за кремнием летать. Так что комп мой они в ближайшее не повторят конечно, но что-то считающее... А если учесть, что начинают начинать они практически с третьего поколения компов, то появляется шанс и до ноутбуков дожить...

— Шанс — это хорошо. Но нам бы до конца войны выжить: Света говорит, что ей международная обстановка все меньше нравится. Мне, кстати, тоже... ладно, уже, я гляжу, почти прилетели, дома договорим. Если время найдется...

Ира теперь летала на самолете М-101Г, то есть уже с турбомотором Люльки. А всего таких самолетов на экспериментальном заводе построили десять штук. И отличались они от «оригинала» лишь дальностью полета: так как планер получился много легче, то и объём баков получилось сделать побольше, поэтому самолет легко пролетал без посадки чуть больше двух тысяч километров с полной загрузкой. Но так далеко летать приходилось очень редко, да и некогда было летать: все считали дни до начала войны и старались сделать все, что только возможно, для будущей победы. Вот только сказать, когда эта война начнется и с кем придется воевать, уже никто не мог...

Светлана регулярно «проводила политинформацию среди товарищей» — дело, по общему признанию, очень полезное, но нервозности всем добавляющее прилично:

— Британцы так и не стали воевать с фашистами, — делилась своими умозаключениями Светлана, — так что мы пока не можем исключать и того, что Англия станет союзников Германии в войне против СССР.

— А мы как-то такой поворот истории предотвратить можем? — поинтересовался Петруха, меланхолично чистя и без того вычищенный винторез.

— Ну, с помощью винтореза — вряд ли. А если бы мы могли британцам показать, что их сраный остров легко под воду загнать сможем...

— Свет, мы хоть наизнанку вывернись, но бомбу раньше сорок второго, даже скорее конца сорок второго мы не получим, — уточнил свое видение ситуации Валера.

— А Аня говорила...

— Аня про другую бомбу говорила, обычную. Хотя да, тоже вариант... вот только как мы ее туда доставим?

— Доставим. Владимир Михайлович уже третий Пе-6 доделал, а сейчас заканчивает с Пе-8, — поспешила «успокоить» его Ира.

— А это что за машины? У него же в серии сейчас самолет, который Пе-4 называется.

— Ну да. Шестерка — это летающий танкер на базе четверки, их у нас уже три сделано, а восьмерка — это новенький самолет, который он вместе с Робертом Людвиговичем разработал. Бартини ему крылья придумал, моторы, понятное дело, Архип наш... правда моторов пока всего четыре и имеется. А Владимир Петрович Ветчинкин разработал для этих моторов пропеллеры под «эффект Бартини». Так что с танкером мы бомбу куда надо доставим.

— А без танкера? — поинтересовалась Светлана.

— А без танкера мы ее просто не поднимем. В самолет заливается четырнадцать тонн топлива, и при этом он поднимает около пяти тонн груза, а бомба Анина весит больше девяти тонн. Так что нужно подниматься с полупустыми баками, на скорости не меньше трехсот пятидесяти доливать шесть тонн керосина — и тогда машина долетит куда надо и бомбу доставит.

— А дозаправка в воздухе...

— У нас командир отряда пилотов танкеров — сам Петр Стефановский. Он машину идеально ведет, я со своим Турболётом уже раз пять заправлялась. Как он остальные экипажи подготовит, начнем и других летчиков учить заправляться в воздухе. В принципе, это не очень-то и трудно...

— А в чем проблемы?

— Пока в том, что для дозаправки готов только один экспериментальный Турболет, больше машин таких нет. В Ташкенте должны еще парочку сделать, но там пока затык с двигателями, а бензиновые самолеты я с заправщиком делать не хочу. Риску больше, к тому же танки мыть после бензина замучаешься, а в керосине бензин вообще не нужен. Но Пе-8 только с дозаправщиком выпускаться и будет.

— Ну хоть одна радостная новость.

— Две. В Смоленске все же приступили в изготовлению Лу-7. В смысле, в Омске теперь успевают сделать достаточно двигателей для него.

— Так на Турболёте такие же моторы...

— В Смоленске с этими моторами делают истребители!

— Понятно, — отреагировала Оля. — А мы Омску чем помочь можем?

— Можем только ждать. Но, надеюсь, недолго: Валины инженеры третью производственную линию в Омске уже станками полностью укомплектовали, должны ее где-то в июне уже запустить. А вот с Пе-8... У Архипа в Сарапуле пока все же с кадрами подготовленными кисловато, там что новые движки для самолета у него с огромным трудом получают... по одному в месяц. А что вы хотите-то? — Ира поглядела на грустные физиономии товарищей, — у него народ-то опытный только с экспериментального производства, в смысле опытный, но маловато их для серийного завода. Летом направим ему выпускников институтов человек сорок, к осени и они движки делать научатся...

— А до осени, значит...

— Так, ребята, заткнитесь все пожалуйста. Мы уже всего нужного дофига нафигачили, но выше головы всяко не прыгнешь. Война начнется — будем по обстановке смотреть что окажется нужнее, а сейчас... Вон, даже Света не знает, с чем мы вообще столкнемся, так что просто работаем как можем.

— А можем мы очень даже неплохо, — подвела итог политинформации Гуля. — По крайней мере санитарные потери на фронте уже получится сократить на порядок.

Светлана свои «наблюдения за международной обстановкой» не только товарищам излагала, по понедельникам ее «умозаключения» ложились на стол начальнику и «самому главному». Ну а так как ее выводы особо порадовать никого не могли, перед отправкой информации «наверх» она тщательно редактировалась Олей и Валентином: все же Света была слишком эмоциональна.

В двадцатых числах апреля Света в очередной раз изложила свои «мысли по поводу»:

— Судя по всему, с Германией нам придется воевать в одиночку. Даже хуже: ей будет помогать практически вся Европа, и это еще оптимальный сценарий.

— А почему ты пришла к таким пессимистическим выводам? Опять ребенка ждешь? — не удержался от подколки Валя.

— Да все просто, знали бы вы историю, сами бы к таким же выводам пришли. Фашисты завоевали всю Югославию...

— Вроде бы и в нашей истории так же было, или я что-то путаю?

— Не путаешь, но сейчас британцы просто вывезли Петра II к себе, причем вывезли его вообще через Париж, и немцы никаких препятствий этому не чинили. То есть англы с фашистами договорились...

— Ну, допустим.

— А еще Германия завоевала Грецию.

— Тоже было.

— В нашей истории там было английских вояк только в плен взято под десять тысяч, а сейчас британцев в Греции вообще не было. Пока с Грецией итальянцы воевали, англичане грекам помогали, а как только в войну вступила Германия, вся британская помощь немедленно закончилась.

— Это грустно... для греков. А что для нас в этом особо паршивого?

— Немцы потратили на войну меньше времени и ресурсов... а паршиво не это само по себе, а то, что они с Англией не воюют. Если что, то в нашей истории две трети самолетов занимались бомбежкой Англии или защищали от англичан уже саму Германию, а сейчас эти самолеты свободны.

— Ира говорила, что это не очень критично...

— А сам-то что думаешь?

— Ну, я тоже подготовился как мог. Неплохо, думаю, подготовился. Но мне интересно знать, какого хрена британцы так себя повели, ведь Гитлер наверняка на их колонии немаленький такой зуб точит.

— Это мы виноваты. Британцы видят, что СССР слишком бурно развивается и риски ихним колониям создает гораздо более серьезные. Взять хотя бы нашего шефа: позиции СССР в Иране, особенно в Северном, уже выглядят крепче, чем британские и американские. В смысле, объемы торговли выше, и политическое влияние растет. Я же не говорю про Южную Америку, так что британцы просто не хотят ослаблять Германию в войне с нами.

Потому что они боятся СССР больше чем Гитлера.

— Спорный тезис, — заметила Оля, — но я Сталину и Берии передам его в твоей интерпретации. У них всяко информации больше для принятия правильных решений.

— Ну да, конечно! Ладно, теперь к выводам перейду. Югославам и грекам британцы не помогают, так что тянуть с нападением на нас немцы не будут.

— Но в Югославии же партизаны уже воюют, — заметил Валя, — а нас в школе учили, что Гитлер задержал нападение на СССР из-за того, что войска были в Югославии заняты.

— Не то, чтобы в школе тебе неправду говорили, но это лишь маленькая часть правды. Нападение на СССР задержала необходимость помощи Муссолини в Греции, и у нас она тоже случилась. Но теперь, когда в Греции все закончилось на неделю раньше, перемещение этих войск «на отдых» к Советской границе тоже раньше закончится...

— И твои предположения по датам начала войны?

— С одной стороны чем раньше Гитлер начнет, тем больше у него останется времени до наступления зимы, а войска переместить он сможет уже в середине мая. С другой стороны, войскам он будет вынужден и некоторый отдых предоставить, отправлять их в бой с колес — дело кислое и генералы на такое не пойдут. Опять же, нужно и боеприпасы подвезти, и просто припасы. Так что по моим прикидкам получаются следующие даты: восемнадцатого и двадцать пятого мая или первого и восьмого июня. Они обязательно в ночь воскресенья начнут, потому что у нас по воскресеньям в войсках полная расслабуха, а генералы эти сраные в зюзю пьяные еще с субботнего вечера и с похмелью вообще ни хрена не соображают.

— И не оспоришь, — задумчиво произнес Валентин. — А идеи по пресечению безобразий у нас есть?

— Идеи у Гули есть, но с армией они вообще не связаны. Мы с ней обсуждали на днях...

— Интересно девки пляшут, — удивился Валя, — идеи у врача, обсуждаются они с училкой, а мы ни сном, ни духом. Может, соизволишь и нас просветить?

— Соизволю, — Света в первый раз за все время разговора улыбнулась. — Значит, так...

Очередной доклад Светланы, «издание переработанное и дополненное» Олей и ВалеЙ Иосиф Виссарионович уже на следующий день обсуждал с Лаврентием Павловичем:

— Лаврентий, это же твои люди...

— Такие же мои, как и твои.

— Ну да, я в другом смысле: ты все же их получше знаешь, и как думаешь, насколько их... заметки эти, соответствуют реальному положению дел? Не могут ли они это писать для, скажем, разжигания панических настроений? Или для очернения отдельных товарищей?

— И где ты тут увидел «отдельных товарищей»? Они практически все командование РККА обвиняют в полнейшей некомпетентности! Хотя, должен заметить, обвиняют они их совершенно справедливо, разве что старательно сгущают краски на возможных последствиях.

— То есть их замечания в целом положению дел на местах соответствуют, так?

— В целом — да. А вот в частностях... к сожалению, я не могу дать полную оценку записке, у меня просто нет всей информации. Точнее не так: они предоставляют информацию точную, но я не могу сказать, предоставляют ли они её всю. Думаю, что всю, но вот уверенности все же нет: я не понимаю, почему они даты нападения увязывают исключительно с воскресеньями — но они-то в этом практически уверены!

— А то, что они пишут про сосредоточение войск у нашей границы?

— Про это у меня сомнений нет. Они со своей машиной для анализа фотосъемок замечают даже каждое спиленное дерево в лесу.

— Это как?

— Они фотографируют всё дважды в сутки, а машина показывает, что за сутки изменилось.

— Это что же за машина такая, которая по фотографии такое заметить может?

— А ты знаешь детскую головоломку «найдите отличия на картинках»? Если через их машину на такие картинки смотреть, то все отличия сразу видны, они просто ярко блестят и сами в глаза бросаются. Мне эти товарищи сказали, что глаза человеческие так устроены: что-то один глаз видит, а другой нет, то голова думает, что это просто зеркало отражение только в один глаз направляет. Так что машина эта чуть сложнее фильмоскопа за три рубля... но ведь до такого додуматься надо, а они додумались!

— А теперь нам додуматься нужно. Ты их предложение поддерживаешь?

— А тебя что-то смущает?

— Они за последние лет десять мне разных предложений прислали не одну, наверное, сотню. С некоторыми мы не соглашались, но в таких случаях почти всегда случалось то, о чем они заранее предупреждали. Так что уже года три мы просто с большинством их предложений соглашаемся. Но за все это время они ни разу не принимали на себя ответственность за исполнение этих предложений. Ни разу — а теперь они сами просят всю ответственность на них возложить.

— Мне кажется, это потому, что все, что они раньше предлагали, было — по сравнению с текущей ситуацией — чем-то малозначительным. Зато они смогли доказать, что ошибаются они в прогнозах исключительно редко.

— Именно это меня и настораживает: на делах незначительных они завоевали доверие, причем близкое к абсолютному. А не было ли это все лишь подготовкой к тому, чтобы в критический момент мы, доверившись им, совершили величайшую ошибку?

— Как любит говорить эта сумасшедшая авиаторша, если у вас паранойя, это не значит, что за вами никто не следит.

— А если они просто ошибаются?

— Возможно. Но возможно, что и мы ошибаемся. Если они ошиблись, они за ошибку готовы ответить. А мы готовы?

— Мы за свои ошибки каждый день отвечаем... ты прав. Приказ по пограничникам разошл сегодня же, а я постараюсь до конца недели разобраться с армией. Ведь если они правы...

— Я все же думаю, что они правы.

— Даже если они правы, то меры предпринимать нужно все же постепенно, а то недолго и до бунта генералов докомандоваться...

Война — это, конечно, штука неприятная, однако заботу о прокорме тоже забывать не годится. Так что первого мая на белорусские поля вышли трактора. Много тракторов, заметно больше, чем в год предыдущий: крестьяне с новых территорий увидели разницу в урожаях на полях колхозных и частных, и массово в эти колхозы стали записываться. Ну а ожидания новых советских граждан нужно оправдывать, так что тракторов в поля вывели даже больше, чем требовалось для пахоты и сева «в нормальных условиях».

Во-первых, чтобы посевную провести побыстрее. Во-вторых, чтобы помочь крестьянам и личные огороды распахать. Да и погода располагала к раннему севу: уже первого днем

температура приблизилась к десяти градусам, а единственная ночь, когда температура упала ниже нуля, была со второго на третье — зато днем она поднялась уже до двенадцати. А десятому, когда посевная практически закончилась, дневные температуры приблизились уже к двадцати, что давало мужикам надежду на ранний и высокий урожай...

Но Пономаренко заботился не только о хлебе насущном, он и о пище духовной явно не забывал. Каждый день почтовые самолеты доставляли свежую прессу из Бреста (куда железную дорогу успели перешить на российскую колею и по ней газеты доставлялись сюда из Минска) в Белосток, Гродно и Вильно. А вечерами эти же самолеты везли в Брест письма из окрестных городов. Опять же, пассажирское авиасообщение между городами стало довольно оживленным, так что только на аэродром Бреста ежедневно садилось (и потом улетало) свыше десятка «деревянных этажерок».

Конечно, местные крестьяне самолетами пользовались нечасто, но вот прикомандированные механизаторы авиации не чурались, настолько не чурались, что Пантелеймон Кондратьевич решил в республике строить собственный авиазавод — так как поставок машин «из Союза» не хватало просто катастрофически. И единственное, что не давало ему эту затею реализовать, было категорическое нежелание сотрудников Девятого управления выделить ему необходимое оборудование. А без оборудования самолет не построить, и пример Харьковского авиазавода был тому наглядным подтверждением. То есть «не построить» касалось лишь машин Лукьяновой, но строить «дендрофекальные самоделки» у Первого секретаря Белоруссии даже мысли не возникало. Так что пока основные усилия в части индустриализации прикладывались на других направлениях. Но сама индустриализация не останавливалась ни на день, и в этом множество «прикомандированных» оказывали весьма заметную помощь.

И не только в индустриализации: приехавшие в республику молодые парни и девчата с удовольствием показывали фильмы в деревнях и городах, используя захваченные кинопередвижки, концерты постоянно организовывали...

Начиная с середины марта пятый экспериментальный завод работал круглосуточно и без выходных, хотя продукцию он выдавал несколько «специфическую»: «верхнеудинскую» версию бомбардировщика Архангельского. Прежде всего, на хранящихся в глубоких подземельях завод планерах носовой фонарь и колпак пилотской кабины заменялись на более аэродинамические конструкции, а затем на самолет устанавливались моторы. Турбовинтовые моторы Люльки, мощностью по тысяче триста сил. А к моторам прилагались разработанные под руководством Ветчинкина пропеллеры «с эффектом Бартини», то есть сдвоенные и вращающиеся в разные стороны. В результате скорость самолетов выросла до почти шестисот километров в час, а грузоподъемность даже слегка превысила три тонны.

Внутри самолета в бомбовом отсеке устанавливался специальный механизм, позволяющий скинуть сотню бомб по двадцать пять килограмм каждая примерно за четыре секунды, а под крыльями появились пилоны, на которых можно было повесить еще четыре бомбы по центнеру каждая — так что бомбардировщик получился могучим. Ну а так как моторный завод в Омске нужных двигателей выпускал уже по десятку в сутки, то и число машин быстро росло.

Однако самолеты сами по себе не летают. Именно поэтому первые десять машин были отправлены на полигон в Капустином Яру, где проходило переобучение уже опытных летчиков, которых в большом количестве присылал Жигарев. А обучение стрелков-радистов проходило на базе Кочанско-Суворовского аэроклуба: три пулемета, прикрывающих заднюю

полусферу, имели дистанционное управление и научиться хотя бы прицеливаться с помощью «перископических прицелов» было делом очень не простым и довольно небыстрым. Но «процесс шел», и единственное, что Иру печалило, было наличие лишь двух с небольшим сотен «верхнеудинских планеров». А радовало то, что все доработки машины произвел лично Александр Александрович, причем радовал её не сам факт, а то, что Архангельский теперь мог — по её мнению — самостоятельно проектировать «современные самолеты».

Верхнеудинский завод теперь делал исключительно самолеты Петлякова, выпуская по одной машине в неделю — так что и с тяжелой дальней авиацией все выглядело не так плохо. А с авиацией истребительной...

И-180 выпускали сразу семь заводов, и суточный выпуск их превысил двадцать штук. Правда Ира нажила серьезного врага «в верхах»: Анастас Микоян очень сильно обиделся на нее за снятие с работы родного брата. А вот Яковлев, несмотря на то, что его «истребитель» был с производства снят, обижаться не стал и изо всех сил бросился разрабатывать цельнометаллическую версию своего чудища. Как Ира сказала Оле, «не стоит ему рассказывать что все его разработки в ближайшие лет пять пойдут коту под хвост: затраты на него умеренные, а так может все же научиться что-то дельное конструировать».

Впрочем, на круглосуточную работу были переведены почти все заводы и фабрики Девятого управления, включая ткацкие и швейные, консервные и прочие. И не только фабрики: Яков Александрович со своими офицерами и слушателями ежедневно и без выходных занимались «военными играми», разрабатывая тактику боев с использованием новейшего оружия.

А по воскресеньям в Боровичах вот уже четвертую неделю народ спал в основном днем. Не весь народ, а лишь несколько десятков человек. И, как выяснилось, ночами они бодрствовали не напрасно: в два часа ночи первого июня сразу с пяти станций дальнего радиолокационного наблюдения пришли сообщения о том, что в сторону границы летит «множество неопознанных целей»...

Первый день — полет нормальный

Командир пограничной заставы лейтенант Антон Карякин засиделся за документами далеко за полночь. Причиной столь долгого сидения было то, что пополнение в очередной раз чуть не устроило драку со «старыми» пограничниками, и, что было наиболее паршиво, второй заместитель командира — тоже из «пополнения» — встал на сторону «драчунов». В общем-то, дракой случившееся назвать было, скорее всего, несправедливо: молодежь очень резкими словами обидела старослужащих якобы из-за неумения правильно ухаживать за новыми карабинами, а когда сильно обидевшийся пограничник попытался ударить обидчика, то молодые его скрутили... ну да, и слегка все же попинали. Не сильно попинали, но все же. А к серьезной драке это не привело лишь потому, что больше половины «старичков» в этот момент находились в дозорах и на стороне «молодых» был явное преимущество. Но в любом случае, о произошедшем следовало доложить в отряд, так что лейтенант Карякин занимался «письмом»...

А эти новые карабины на заставу как раз и прислали вместе с пополнением. Неплохие, с магазином на двенадцать патронов — тоже новых. Но — короткие, так что, по мнению лейтенанта, в бою привычной мосинке уступали. Но второй заместитель — лейтенант Вахрушев — постоянно на политзанятиях говорил, что стрелять из винтовки на полтора-два километра смысла вообще нет, а на восьми сотнях метров этому карабину равных нет. Говорил, однако на соревнованиях стрелков он смог выбить всего двадцать четыре очка, а сам Антон из мосинки выбил сорок два. И кто из них прав?

Тогда, в середине апреля, все «малокомплектные» заставы срочно перевели в «полнокомплектные», и вместо сорока двух человек на каждой заставе теперь служило уже по шестьдесят четыре. Это только пограничников, а еще при каждой заставе теперь работало и по четыре человека сугубо гражданских. То есть они числились «гражданскими», а на заставе их именовали не иначе как «гражданки»: две девушки работали телефонистками-радистками, одна была фельдшером и еще одна... по документам она именовалась «начальником оружейного склада», но собой привезла снайперскую винтовку, а совершенно гражданскую ее кофточку украшал значок «Ворошиловский стрелок» второй степени.

И оружейный склад под ее руководством тоже сильно изменился: на каждый карабин там хранилось по восемь сотен патронов (при том, что старые патроны от мосинок никто не увозил: их можно было и для пулеметов использовать). А еще на склад заставы привели еще что-то, упакованное в большие деревянные ящики — но она их даже открыть не позволила.

А вот что позволила — так это потренироваться с минометами. В отряде говорили, что их на каждую заставу привезли по четыре штуки. Правда, пострелять из них никому не дали, сказали, что стрелков и в «пополнении» достаточно, но вот потаскать эту десятикилограммовую железяку пришлось почти всем бойцам...

Сообразив, что он уже час думает о чем угодно, только не о рапорте, лейтенант Карякин решил «чистописание» отложить на завтра, а возможно и навсегда: ведь никто всерьез не пострадал, а пара оплеух — это вообще не повод тревожить начальство. Но вот уйти спать у него не вышло: Вера — одна из телефонисток — без стука ворвалась в его комнату и сообщила давно ожидаемую и все же неожиданную новость:

— Антон Семенович, заставу в ружье, всем рассредоточиться по боевому расписанию. Немцы начали войну.

— Как начали? — лейтенант прислушался. — Тихо же вокруг!

— Командование сообщает, что на бомбежку СССР летит несколько тысяч немецких бомбардировщиков. Границу пересекут приблизительно через полчаса, а в районе четырех ожидается артиллерийский обстрел всех застав... ну и всего остального.

— Полчаса... до дальних секретов не успеть, но если обстрел начнется к четырем... шестьдесят человек на семь километров...

— Во-первых, на все секреты выдвинутся отряды Девятого управления, так что границу прикроем. Во-вторых, минут через пятнадцать только на заставу прибудет рота ополчения.

— Какого ополчения?

— Ополчение Девятого управления, из временных колхозов. До поселка двадцать шестого колхоза тут всего полтора километра...

Полковник Васин был разбужен ординарцем в самом начале третьего, но невыспавшимся он себя не чувствовал: по неведомым причинам вот уже три недели командование установило время отбоя в шесть вечера и подъема в четыре утра, так что выспаться он успел. А через пятнадцать минут он уже взбодрился так, что даже утренней чашки кофе не понадобилось, причем не только ему: весь полк стоял на ушах. А еще через пятнадцать минут «учебный полк», стоящий в крошечном городке Друскеники, пересек Неман и отправился в намеченный почти год назад поход. Задача у полка была простая: до восьми утра выставить фронт от Юрбаркаса до Таураге и продержаться там хотя бы трое суток...

Командир гарнизона Брестской крепости полковник Веревкин ровно в два-сорок пять в присутствии всех командиров распечатал «красный пакет» и зачитал боевой приказ. Вообще-то среди собравшихся он был не самым старшим по званию, но генерал-майор Лазаренко принял полковника именно как командира, ведь его дивизия лишь «временно квартировала» в крепости. И, когда приказ был зачитан, коротко ответил «есть».

А полковой комиссар Фомин как-то перевозбудился, начал кричать, что «это предательство»...

— Ты, Ефим Моисеевич, возможно где-то в глубине души человек неплохой, может даже в чем-то хороший, — с неприязнью глядя на комиссара, высказал свое командирское мнение Веревкин. — Но беда в том, что при всем при этом ты полный идиот, а в военное время от идиотов никакой пользы кроме вреда нет. Поэтому тебя — для твоей же пользы — мы арестуем и передадим в НКГБ, и вот они уже решат, ты идиот от рождения или тайный троцкист и враг народа.

— Да ты... да ты... — начал было комиссар, но слов подходящих, видимо, не нашел и схватился за наган. На чем его военная карьера и закончилась.

— Надеюсь, больше никто не сомневается в правильности приказа командования военным округом?

— Спасибо, Николай Евгеньевич, — произнес майор Дородных, в полку которого и комиссарил несостоявшийся карьерист. — То есть приказ понятен, есть вопросы по исполнению. Какое количество боеприпасов брать с собой и как, ведь наверняка придется вступить в серьезные арьергардные бои, а если учесть, что у германца наверняка и танков будет немало... В руках-то снаряды не унести.

— Всю противотанковую артиллерию забираете с собой, а снарядов со складов берете сколько увезете. Это ко всем убывающим относится. Конечно, в любом случае вы сколько нужно не утащите, но вам вдогон отправятся грузовики Девятого управления, они должны

вообще все боеприпасы в Кобрин перетащить.

— Тогда у меня вопрос, — сообщил Лазаренко. — У меня в дивизии восемь зенитных пулеметов...

— Оружие забираете всё. Вам эти пулеметы пригодятся, а в крепости и свои есть. Кстати, обещают, что до темноты все отходящие части могут особо о воздухе не беспокоиться. Бдительность, конечно, терять не надо...

Немецкие самолеты границу пересекали не все сразу и везде: во-первых, от границы до назначенных целей им было лететь где дальше, а где ближе, а во-вторых, и от своих аэродромов путь до границы был разный. Но группы, нацеленные в одно место, границу все же пересекали скопом. Судя по всему, «самой дальней» целью фашистов был аэродром в Вильно: группа из более чем тридцати бомбардировщиков, поднявшаяся с аэродромов Гумбиннена и Тильзита, границу (правда все же литовскую) пересекла примерно в три часа десять минут. А ближайшей (от границы) целью был, похоже, аэродром возле Гродно — но там и лететь-то было меньше тридцати километров. Пять минут всего, но оказалось, что пять минут в небе СССР для непрошенных гостей — это слишком много.

Миша Костененков — ученик Рожанского и ведущий инженер по теме управляемых ракет — на позиции возле Гродно оказался случайно. То есть не совсем случайно, он решил вместе с инженером-инструктором Сашей Королевым проверить уровень подготовки персонала первой штатной батареи. И этот уровень его не особо порадовал, так что он лично занялся дополнительным инструктажем. Ну и прозанимался этим почти неделю — а когда батарею подняли по тревоге, немедленно отправился на позицию. Саша занял место рядом с оператором-наводчиком, а Миша (все же Михаил Владимирович) — на станции обнаружения. То, что сейчас, возможно, батарею начнут бомбить, его вообще не беспокоило, он волновался исключительно по поводу того, как поведут себя его «изделия». Ни на секунду не забывая, что каждая из стокилограммовых ракет стоит, между прочим, чуть даже больше сорока тысяч рублей. Правда курирующая проект Ирина Алексеевна говорила, что нужно считать сколько эта ракета позволит сэкономить, не допустив разрушений от бомбардировки — но все же сорок тысяч — это очень много, и просто «выкидывать» такие деньги на ветер было бы очень жалко...

— Локаторы наведения цели видят, — раздался Сашин голос из установленного в кабине дальнего локатора динамика, — высота семь сто, до дистанции поражения две шестьсот. Две ровно, тысяча семьсот...

— Огонь с дистанции семь километров, — раздался голос командира батареи. — Приготовиться, первая установка по протоколу... огонь!

Протокол при стрельбе этими ракетами был очень важен: ракета ведь самонаводилась на одну цель, причем при стрельбе по группе она «сама выбирала» в какую (по сути дела в ту, которая оказывалась ближе к оси прицеливания) и если ракетами пулять без перерыва, была довольно высокая вероятность, что несколько ракет захватят одну и ту же мишень. Или, что оказалось по результатам испытаний более вероятным, следующие ракеты «захватят» предыдущие, поскольку эта ракета оказывалась ближе и отражала сигнал наземного локатора «ярче». Поэтому пуск следующей ракеты разрешался (при «нормальных условиях стрельбы») только после того, как предыдущая взорвется — а на это требовалось до двадцати секунд. Или меньше, если цели были поближе — но сейчас вражеские бомбардировщики шли очень высоко.

В определенном смысле батарея «повезло», так как самолеты шли не одной большой

кучей, а тремя вполне себе отдельными группами — так что уже через полминуты в работу включилась вторая установка, и затем и третья. И Михаил Владимирович, считающий произведенные пуски, порадовался: из восемнадцати ракет семнадцать попали в цель. А восемнадцатая не то чтобы промахнулась, она просто взорвалась сама по себе секунды через три после пуска. Может, в птицу ночную попала, или просто брак случился на заводе...

Самым смешным оказалось то, что немецкие летчики как будто специально решили подольше задержаться в зоне поражения батареи. На самом деле они, скорее всего, решили просто повернуть назад, видя, как самолеты взрываются один за другим — но поворачивать они стали всего лишь на пару километров пролетев мимо батареи, там что и четвертая установка успела выпустить четыре ракеты. Последнюю, правда, уже в догон и на пределе дальности, так что какому-то фашисту повезло... но, судя по переговорам советских авиаторов, волну которой постоянно держали в кабине дальнего локатора, повезло ненадолго: группа уже советских бомбардировщиков «решила проводить агрессоров до дома». Миша не знал, сколько их было в небе... точнее, знал, что «много», просто считать их на экране локатора не стал. Не до того было: он «в уме» уже сочинял отчет о боевом применении зенитного комплекса. И думал он не о «несомненном успехе», а о «замеченных недостатках и способах их устранения»: ему вдруг пришла в голову очевидная, казалось бы, идея, что если попробовать использовать более узконаправленные излучатели, а на ракетах в одной установке ставить приемники с различной частотой... дальше мысль пока не продвинулась, ну так чего еще ждать-то в четвертом часу ночи?

В три часа сорок пять минут за Бугом раздались первые пушечные выстрелы и несколько снарядов разорвались на окраинах Бреста. Судя по всему, это была лишь пристрелка: ни один снаряд не ударил по крепости. А через несколько секунд со двора новенького спиртозавода поднялись «огненные стрелы» и за Бугом началось рваться так, что даже в крепости в окнах некоторые стекла лопнули. Прогрохотало там недолго, минуты три — но обстрел Бреста прекратился. Зато со дворов форта А и Пятого форта теперь раздавались очень гулкие выстрелы: две батареи гаубиц явно снарядов не жалели...

А в четыре утра из ворот крепости вышли первые части отступающей... нет, конечно, передислоцирующейся сорок второй дивизии. И хотя Иван Сидорович все еще опасался новых обстрелов или налетов авиации, пока все шло исключительно спокойно. Можно даже было сказать «мирно», но генерал понимал: началась война. Всерьез началась...

В «ничьей квартире» в Боровичах все внимательно вслушивались в сводки, поступающие по каналам спецсвязи. И вроде пока ничего катастрофического не происходило. Даже кое-что выглядело куда как лучше ожидаемого:

— Ну что, товарищи кровавогэбнисты, — подвела промежуточный итог услышанному Ира. — Под Гродно наши самонаводящиеся ракеты показали себя во всей красе, так что кто-нибудь быстренько напишите представления к орденам на всю команду разработчиков. Список у Рожанского уточните, и самого его не забудьте.

— А сама? — поинтересовалась Света.

— А я сейчас буду сильно занята. Кстати, опять с изделием Дмитрия Аполлинариевича: он телекамеру довольно неплохую все же сделал.

— Какую-такую телекамеру? — встревожено спросила Гуля. — Ты это куда собралась?

— В Восточной Пруссии аэродромами занимаются — уже занимаются — летуны Жикарева. А вот насчет того, что подальше... Есть мнение, причем, надеюсь, не только мое, что немцам нужно очень наглядно объяснить, в чем они неправы и что им следует ждать в

обозримом будущем. Но, хотя бомб Аниных у нас уже три, довести хотя бы одну могу только я. Просто нет у нас других пилотов, умеющих дозаправляться в воздухе.

— Ир, ты с ума сошла?

— Гуля, я мечтала об этом с того момента, когда поняла, куда мы попали. И все, что я делала, я делала именно для этой цели. А теперь я просто обязана положить Анину бомбу во внутренний дворик Рейхстага! Именно я, лично! Я заслужила это право!

— Конечно заслужила, — негромко сообщила Аня. — Только во внутренний дворик бомбу класть не надо, там воздуха мало. Бомбу надо положить не ближе метров пятидесяти от ступенек, а лучше метрах в шестидесяти.

— А Рейхстаг после этого останется?

— Надеюсь, что нет. А еще надеюсь, что ты все же не одна полетишь.

— Конечно не одна, я лечу только чтобы сначала машину дозаправить, а потом чтобы бомбу сбросить и навести ее в нужное место. А остальное... все же штатный экипаж Пе-8 состоит из девяти человек.

— А сопровождение? Я имею в виду истребители.

— Ты это всерьез спросила? Нам полторы тысячи километров в один конец лететь, какой в жопу истребители? Я уже не говорю, что скорость у Пе-8 слегка даже за семьсот километров...

— Ир, ты все слишком сильно к сердцу принимаешь, волнуешься очень. И потому головой думать перестаешь. В Гродно аэродром в каком состоянии? В идеальном. Так что сначала ты отправляешь туда дюжину новеньких самолетов Архангельского, они в Гродно баки под завязку заливают, к твоему пролету мимо поднимаются — и сопровождают тебя до цели. Там же и восьмисот километров не будет, они спокойно долетят. И быстро, ты же сама говорила что у них скорость тоже в районе семисот, так?

— Оказывается и у химиков иногда умные мысли в голове рождаются. Скорость у них, конечно, поменьше, но если их на Берлин направить группами с интервалом минут в пять... Валя, звони на Кудькинский аэродром, пусть поднимают все свободные машины. Пока я туда доеду, пока в воздухе заправляюсь — как раз успеют. Пусть летят группами по шесть машин. И с полной загрузкой бомбами: в Берлине и кроме Рейхстага много замечательных мест.

В районе половины десятого в кабинет Сталина вошел Шапошников.

— Борис Михайлович, какова текущая ситуация? А то товарищ Жуков лишь что-то невнятное бормочет.

— Обстановка тяжелая, но большей частью управляемая. На северо-западе относительно тихо, финны пока воевать не начали. В Западном военном округе можно сказать вообще все хорошо, а вот на Украине и в Молдавии радоваться точно нечему: идут тяжелые бои, и чувствуется серьезное преимущество германцев и румын. Исключением тут будет разве что Крым: попытку авианалета удалось пресечь. По имеющимся данным, в налете участвовало около пятидесяти бомбардировщиков и до тридцати истребителей. Бомбардировщики практически все были сбиты летчиками шестого учебного полка НКГБ летающими на самолетах Лу-7. Так же ими же уничтожена и половина истребителей, а остальные добиты истребителями береговой охраны ВМФ. Отмечу, что из двадцати четырех истребителей Лукьяновой при этом сбиты четыре, двое летчиков погибли. А из шестидесяти МиГов, сбивших четырнадцать фашистов, потеряны тридцать девять. То есть Лукьянова относительно боевого качества самолетов была права. И относительно И-180 тоже права: в

боях над Белоруссией ими сбито почти сто восемьдесят вражеских самолетов при собственных потерях чуть меньше девяноста. Это на девять утра данные.

— Значит, напрасно Анастас обижался. Но про авиацию ясно, а что по земле?

— Были радиоперехваты, в районе Бреста немцы буквально в панике: мол русские какое-то страшное оружие применили, убивающее всех на сотню метров вокруг. По крайней мере, судя по этим перехватам их потери под Брестом исчисляются многими тысячами. А судя по тому, что на Брест никто не наступает и его даже не обстреливают, паника у них не на пустом месте возникла. По всей белорусской границе у фашистов практически никаких успехов нет, на Псковщине картина аналогичная. На литовской границе... тут у меня информация не точная, я передаю лишь то, что сообщили спецы из Девятого управления... В целом, Девятое управление ввело в Литву семь своих полков, практически перекрыли границу Литвы и Германии, но сейчас наши гарнизоны все запрашивают подтверждение приказа на отход на территорию СССР. При том, что немцы, начав было проход через Литву к нашим границам, остановлены: аэродромы в Восточной Пруссии нами практически уничтожены, в Мемеле еще и порт превращен в руины.

— Это Жуков приказал отходить?

— Этот приказ, насколько я знаю, составил Слащев, а в гарнизоны он пришел за подписью товарища Сухова.

— А не много ли на себя берет этот товарищ Сухов?

— Лично мое мнение — нет, не много. По всем расчетам, семь полков НКГБ фронт в Литве смогут продержаться дня три, не больше, даже при сильнейшей поддержке со стороны авиации. Там просто зацепиться не за что, а немцам, чтобы сосредоточить достаточно войск для прорыва фронта и полного разгрома как этих полков, так и наших гарнизонов, как раз для три и понадобится. А по планам Девятого управления полки отойдут обратно на нашу территорию до утра четвертого числа, после того как весь состав гарнизонов будет выведен. В записке Слащева особо указано, что эти полки особо обучены именно отступлению с боями, а войска, подобного опыта не имеющие, просто будут уничтожены, причем с огромным процентом сдавшихся в плен.

— Это где же они такого опыта набраться успели?

— На учениях, я дважды на таких присутствовал. Реального боевого опыта учения, конечно, не заменят, но в институте Слащева учения были максимально приближены к боевым условиям. И то, что сейчас происходит в Литве, вроде бы высокое качество подготовки доказывает. Так что происходящее севернее Украины поводов для паники не дает.

— Спасибо. Значит товарищ Жуков был прав и главный удар наносится на юге.

— Нет, Жуков ошибался. Главный удар как раз направлен на северо-запад, просто его отражают весьма профессионально, спасибо школе Слащева. Но меня беспокоит то, что для такого отражения здесь просто не считают боеприпасов. Как бы через пару дней мы не столкнулись с ситуацией, когда стрелять будет просто нечем...

Полк Васина, чтобы выполнить поставленную задачу, к назначенному месту добирался, разбившись на две группы. Первый батальон на смешных восьмиколесных машинках, в каждую из которых с трудом помещалось по десять бойцов, пошел прямым путем: по дороге требовалось пересечь Неман в местах, где даже слово «мост» было местным жителям неизвестно, а остальные отправились дорогой кружной, через Ковно. Мелкие смешные машинки все же плавать умели, а вот остальной транспорт был сугубо сухопутным. Как,

например, новенькие танки Т-50МЧ.

Сам Александр Владиславович никак не мог себя заставить именовать старинный русский город «на чухонский лад»: все же происходил он из рода мало что боярского, так еще и поместье родовое осталось как раз под Ковно. Правда комиссары пытались среди бойцов доказывать, что «каунас — древний литовский город», но на момент вхождения в Российское подданство в городе населения-то было около трех тысяч, причем литовцев — вообще ни одного в городе не было. Да и теперь из выстроенного до прихода туда русских имелась лишь единственная кирпичная башня, которую вообще тевтоны поставили. Так что выстроенный на развалинах глухой деревни город был исконно русским.

И по выстроенным русскими инженерами и рабочими мостам колонна пересекла Неман и отправилась дальше, стараясь «не опоздать». И сам полковник очень старался не опоздать, ведь в первом батальоне командиром взвода служил его старший сын, а «плавучие недоразумения» даже никакой артиллерии с собой взять не могли — а ведь у немцев и танки были. Правда, специалисты говорили, что половину германских танков насквозь пробивает пуля из крупнокалиберного пулемета, какие стояли на каждой машинке — ну а вдруг бойцам встретятся танки из второй половины?

До Ковно колонна дошла меньше чем за два часа, но это было пока лишь меньше чем половина пути. Так что полковник принял новое решение — и второй батальон на грузовиках отправился к точке назначения отдельно, «на максимальной скорости». А скорость у новеньких ЗиС-5 была очень даже приличная, так что они могли доехать до нужного места уже в самом начале восьмого. А чтобы им никто не мешал...

Александр Владиславович «с чувством глубокого удовлетворения» поглядывал в небо, где каждые минут пять проносились эскадрильи советских бомбардировщиков. В полученном утром приказе было, конечно, сказано, что ему «окажут поддержку с воздуха», но о такой «поддержке» он даже и мечтать не мог: самолеты летели группами по шесть машин и еще до въезда в Ковно он насчитал в воздухе не менее шестидесяти самолетов. А это были лишь те, которые летели с аэродрома в Дрескениках — а когда полк город миновал, то эскадрильи стали летать вдвое чаще: похоже, теперь к «сопровождению» присоединились и авиаторы из Вильно.

Но главное, что все больше вселяло в него уверенность в том, что приказ получится выполнить, было то, что немцев пока впереди не было — о чем сообщали по радио и летчики, и бойцы из первого батальона. А еще — то, что вышедший чуть раньше такой же полк из-под Вильно (точнее, его передовые отряды) уже дошли до германской границы и выстроили первую линию обороны. Обороны от немцев, колонны которых передовые дозоры уже видели невооруженным взглядом. И которые, видя хоровод бомбардировщиков в небе, пока не рисковали пересечь границу...

Скоро, как известно, только сказка сказывается. А Пе-8 с Ириной за штурвалом взлетел лишь в первом часу. А чуть позже и с аэродрома в Гродно в воздух стали группами подниматься самолеты. Только вот в Гродно они, взлетев, брали курс на восток. Потому что за двадцать пять километров до границы они не могли подняться на нужную высоту, так что приходилось кругалю выписывать, ведь полет был запланирован на высоте в тринадцать километров...

Гремя огнем, сверкая блеском стали

Иосиф Виссарионович снял трубку телефона и попросил соединить его с Ириной Алексеевной из Девятого управления. У него появилось несколько вопросов, ответы на которые было желательно получить как можно раньше: как раз к полудню он получил общую информацию по состоянию дел на фронтах и кое-что его очень сильно взволновало. Александр Николаевич, как всегда в таких случаях, соединение установил и тут же переключил телефон на кабинет Сталина. Однако в трубке раздался совсем другой, хотя и очень знакомый голос:

— Здравствуйте, Иосиф Виссарионович, правда сказать обычное «добрый день» сегодня просто невозможно...

— Ольга Дмитриевна? Мне нужно кое о чем спросить Ирину Алексеевну...

— Возможно я смогу ответить на ваши вопросы? Потому что Ирина Алексеевна сейчас очень занята: она летит бомбить Рейхстаг.

— Как Рейхстаг? Почему летит?

— У нас бомба очень тяжелая, поднять самолет с такой бомбой кроме нее никто не может. Так что давайте я попытаюсь на ваши вопросы ответить, а тем временем попробую и с ней соединиться.

— Мне докладывают, что на Западном фронте ваши авиаторы полностью разбомбили аэродромы в Мемеле и вообще чуть ли не во всей Восточной Пруссии. Но ведь у вас самолетов не так уж и много, как вам это удалось?

— У нас в основном Ар-2 на бомбежки летают, они уже по три рейса сделали, сейчас почти все на четвертый заход пошли. Правда, без потерь не обошлось, из шестидесяти четырех машин мы уже три потеряли. Однако потери в людях минимальны, всего три человека, остальных выгнали. А еще... ой, подождите секундочку, есть связь с Ирой. Ира, тут Сталин, с тобой поговорить хочет. Иосиф Виссарионович, можете говорить, только я ваш разговор буду слышать. А кроме меня никто — но я просто не могу уйти, мне трубку приходится держать у передатчика.

— Хорошо, от вас у меня сейчас тайн нет. Ирина Алексеевна... хотя нет, сначала ответьте, зачем вы летите бомбить Рейхстаг. Вам кто-то приказал? Ведь если вас собьют...

— У нас только одна машина, которая эту бомбу поднять может. И еще самолет при этом нужно в воздухе дозаправить после взлета, а это кроме меня никто пока делать не умеет. Но это не страшно, я сейчас лечу на тринадцати тысячах метров, у немцев просто нечем мой самолет сбивать.

— Но для того, чтобы сбросить бомбу именно на Рейхстаг, вам придется спуститься...

— Не придется, бомба управляемая. К тому же если я и промахнусь немного, это не страшно: она в радиусе трехсот метров все с лица Земли снесет нахрен, мы зимой на полигоне в Мангышлаке ее испытывали.

— В каком радиусе? Ирина Алексеевна, насколько я помню, возле Рейхстага довольно много и обычных домов, где простые люди живут. Рейхстаг, конечно, цель заманчивая, но вы хоть примерно представляете сколько при этом простых, мирных граждан погибнет? Я имею в виду, что вам потом придется с этим жить.

— Что? Да, вспомнила: мы не воюем с немецким народом, мы воюем с фашизмом. Спасибо, Иосиф Виссарионович, за напоминание. Общий вызов: первое звено продолжает

рейс на Берлин, снести к хренам собачьим завод Алкетт в Шпандау и Берлинский аэропорт. На борту какие бомбы? Блин... Три на Алкетт и три на аэропорт, остальные — с товарищем Суховым, что ли, посоветуйтесь. Второе звено летит к Данцигу, там похулиганьте от души. Аэропорт, порт, заводы если какие вспомните, а не вспомните, так в Кенигсберг заверните на обратном пути. Третье и четвертое шуруйте в Тешин, тамошние заводы в кизяк вбомбите.

— Ир, а ты куда? — поинтересовалась Оля.

— Ну, раз Берлин нашей бомбой приголубить нельзя, выбора у меня, считай, и вовсе нет: полечу вкислячивать верфи в Вильгельмсхафене.

— А это где?

— Сорок минут после Берлина. Оля, передай Пете Стефановскому, что бы ждал меня с шестью тоннами керосина слегка к западу от Сааремы, я там часа через три буду. И прикажи его прикрыть истребителями так, чтобы ни одна сука ближе пятнадцати километров подлететь не смогла!

— А если Петя не успеет? — похоже, вопрос был серьезный и Ольга на Сталина внимания уже не обращала.

— Тогда от Готланда пойду на двух моторах, но он успеет.

— Ир, на двух моторах ты же только на шести тысячах лететь сможешь, а там уже немцы летают без проблем.

— У меня командиром все же Ваня Доронин, он, надеюсь, над морем пролетит так, что немцев мы не встретим.

— Ирина Алексеевна, а может просто сбросите эту бомбу в море? — не удержался от вопроса Сталин.

— Да вы что? Она же миллиона четыре стоит! Такими деньгами в море швыряться... нет, на это мы пойти не можем. Все, конец связи... то есть, до свидания, Иосиф Виссарионович, я, когда вернусь, вам перезвоню если у вас вопросы останутся.

В трубке раздался неприятный писк, а затем Ольга Дмитриевна поинтересовалась:

— Иосиф Виссарионович, у вас вопросы остались? Ире перезвонить когда она вернется?

— Нет, спасибо. Но к вам вопрос есть: мне передали, что вы... ваши войска стреляют так, как будто у них боеприпасов сколько угодно.

— Ну да, практически IDKFA... то есть я думаю, что это вопрос не срочный, и ответ вам лучше дать не по телефону: даже защищенные линии могут прослушать хотя бы операторы. Я лучше приеду в Москву и на все вопросы лично отвечу, хорошо?

— Когда вас ждать? — Сталин этот вопрос задал скорее из вежливости, но ответ его даже обескуражил:

— Как только с серьезными делами закончу. Дня через два-три, если ничего срочного не произойдет.

Александр Андреевич Свечин старался работать спокойно, хотя зачастую это у него не получалось. То есть внешне это практически никак не проявлялось, однако нервов генералу пришлось потратить немало: начштаба Особого ЗапВО Климовских пришлось арестовать (причем Александр Андреевич с огромным трудом удержался от того, чтобы этого упертого барана лично не пристрелить) потому что он успел отдать идиотский приказ «нанести мощный контрудар и в течение двух суток занять Сувалки и Люблин». Не расстрелял, так как Владимир Ефимович показал ему приказ Жукова, в котором именно эти слова и фигурировали — но ведь начштаба округа должен же и своей головой думать!

Вторым поводом для волнений было то, что солдаты и офицеры... то есть бойцы и

командиры частей РККА были мало что необучены, но еще и вопиюще безграмотны! Офицеры, работающие в учебных центрах возле Бобруйска и Могилева, каждый вечер присылали ему рапорты с удручающими характеристиками присланных на переобучение командиров: те не только ничего не умели, так еще и учиться не желали... Впрочем, после нескольких демонстраций того, что ждет таких «нежелающих» в условиях военного времени народ все же за учебу взялся всерьез. И Александр Андреевич тихо радовался лишь тому, что с комиссарами этих частей разбирался лично полковник Скорохватов.

Но все же и среди командиров РККА были люди вполне подготовленные, например Андрей Терентьевич так наладил службу связи, что штаб округа имел устойчивую связь даже с каждой отдельной заставой погранвойск — что очень помогало в организации обороны: если давление фашистов на каком-то участке границы оказывалось слишком сильным, то в течение максимум получаса это давление «сбрасывалось» силами авиации, а подкрепления к такому месту приходили не позднее чем через час. Вот только маловато было этих подкреплений...

Огромную, можно сказать, неоценимую помощь армии оказывал и Пантелеймон Кондратьевич, он и лично, и весь состав комитета партии постоянно находился в пограничных областях, организовывая население как на постройку укреплений, так и более чем успешно руководил эвакуацией этого населения. Всего за четыре дня из районов между границей и первой линией обороны было эвакуировано почти триста тысяч детей (их почти поголовно вывозили в детские лагеря в тылу, причем даже не в восточные области республики, а в Смоленскую, Брянскую и даже Калужскую области). А затем началась и эвакуация взрослого населения, хотя — по мнению Александра Андреевича — Пантелеймон Кондратьевич проявлял в этом деле неоправданную мягкость: руководство республики постановило эвакуировать лишь «желающих». Впрочем, и желающих было более чем достаточно, транспорт едва справлялся с потоком людей. И если бы не Василий Степанович Наваркин (которого лет пять назад спецы Девятого управления перетащили из Австрии в СССР и который теперь возглавлял железные дороги республики), то просто перевезти столько людей не получилось бы. Но Наваркин все же не просто так «Анну» получил по представлению самого Хилкова...

Поздним вечером пятого июня эвакуация гражданских закончилась и все подчиненные Свечину войска организовано отступили на подготовленную «первую линию тактической обороны». На которой теперь следовало продержаться еще примерно две недели, пока не будет проведена эвакуация населения между этой и следующей, второй линией (и уже «стратегической обороны»). И там уже все будет проще: все же учебные центры работали и солдат в оборону будет поставлено заметно больше. Конечно, лишь «предварительно обученных» большей частью, но они уже в боях недостающий опыт приобретут. Не все, конечно, а только выжившие, но война — дело очень циничное...

Ира, на вопрос товарищей о результате бомбардировки, ответила «исчерпывающе»:

— Бомба почти две минуты падала, когда она взорвалась, мы уже в двадцати километрах от верфи были. Откуда я знаю, что там с верфью случилось? Но бабах вышел на загляденье, взрыв с самолета хорошо видно было. Так что, даже если считать по минимуму взрывчик в сорок тонн тротила, то, думаю, там мало чего осталось. Но мне кажется, что получилось помощнее — это если смотреть результаты работы полутонных бомб, которые бомбардировщики Архангельского в Берлине сбросили. На Алкетт ребята пять бомб положили и там вместо завода просто груды щебня. Вы же их фотографии видели?

— Видели, — ответила Света, — и другие тоже видели, которые они в Данциге снимали и на железных дорогах. Жалко, что у нас таких бомб почти не осталось.

— Но полутонные-то серийно производятся?

— Аня говорила, что пока по четыре штуки в сутки сделать получается. Так что ребята в основном гексагеном балуются... хотя и гексоген неплохо работает. А вот что делать с меткостью...

— Я уже по ушам кому надо надавала, теперь ни один самолет ниже двенадцати тысяч опускаться не будет. Лучше три раза на цель слетать чем самолет потерять, но эти, блин, герои...

— У Слащева в штабе ребята работают, думают, куда оставшиеся две бомбы сбросить.

— Одну? Я же одну уже сбросила.

— Послезавтра еще одну закончат, вся электроника уже проверена по три раза, сейчас заправка идет.

— Хм... интересно. А когда следующие будут?

— Никуда ты больше не полетишь! Валя сказал, что нехрен нам свои тушки подставлять, мы в тылу больше пользы принесем! Вася, кстати, по его приказу в Ульяновск уехал новый завод срочно запускать.

— Автомобильный? Так его уже четвертый месяц запускают.

— Буханки там уже делают, правда пока по две-три штуки в сутки, но делают. А новая линия, для броневиков — там какие-то проблемы возникли.

— Знаю я эти проблемы, Вася мне говорил: там что-то со сварочными автоматами. Вернется — я ему пинков надаю: ну не получается с автоматами, так пусть ручками мужики сталь варят, у нас что, рукастых сварщиков острая нехватка?

— Ручками такое варить нельзя. Вася говорил, что в Чите, пока сварку танковых корпусов не наладили, местные кадры пытались ручную сварку применить, так пять корпусов просто в металлолом ушло: швы лопались сами когда корпус просто краном поднимали. Я же не специалист, но как поняла, там что-то с остаточными напряжениями. Надеюсь, ты знаешь, что это слово означает, у тебя же в самолетах тоже дофига на сварке сделано.

— И вот нафига мы напридумывали всякого такого, что здесь и сейчас без нас вообще сделать нельзя?

— Я не придумывала, а вот ты... кстати, а что за новый самолет Мясищев в Ташкенте к производству готовит?

— Л-610. Это мы взяли Турболет, сделали фюзеляж на полметра потолще и на полтора подлиннее, центроплан на метр увеличили. Ну и моторы, конечно, помощнее поставили, Архип новые моторы как не в себя штампует. В нашем будущем чехи так же поступили, но у меня по чешскому аналогу вообще ничего не было, пришлось нам с Владимиром Михайловичем своей головой думать. Оказывается, что даже у меня это получается неплохо...

— Вот именно, так что больше ты никуда не летишь. В смысле, бомбить фашистов.

— Да я и не собиралась, сейчас пару раз слетаю с Дорониным, научу его самостоятельно заправляться. А потом буду молодежь учить Арочки дозаправлять: с дозаправкой они не то что Берлин, они Гамбург с какахами смешают.

— Гамбург — это хорошо... Кстати, ребята из института Рожанского звонили, сказали, что они могут систему теленавещения теперь делать тысяч за пятьдесят всего, и уже могут у

себя по паре шпук в сутки собирать. Я думаю, что такие можно и на пятисотки термобарические ставить. Ну, это я так подумала, ведь денег-то мы найдем для них?

— Про деньги все вопросы к Оле. Кстати, где она? Я тут подумала, что Сталину немного лишнего ляпнула, как бы он её не взгрел.

— Не взгрел. Он только попросил о результатах доложить, это уже я сделала когда ты домой возвращалась, и потом позвонил Поскребышев и велел тебе очередную дырку в костюме сверлить: так и сказал «Пусть в белом своем костюме дырку под орден готовит, и даже две, потому что еще и под Золотую Звезду дырка потребуется». Еще велел представить список всех, кто с тобой немцев бомбить летел, так всем по «Знамени», а командирам — по «Герою» решено дать.

— Хех... Марк Лазаревич Героя на шестнадцать лет раньше получил, но заслужил парень. Это он решил, что трех бомб на Алкетт мало, а потом остальные на обратном пути по железнодорожным узлам раскидал. И да, пока он про Звезду не знает, пойду еще раз надаю ему по ушам за то, что железку бомбить приказал с двух километров. А то Герою козью морду вроде и несолидно показывать...

Василий Иванович Кузнецов первые сутки войны пребывал в состоянии, близким к шоку. Вообще-то он был уверен, что Германия ни при каких условиях на Советский Союз не нападет, поэтому даже сам факт нападения он воспринял как максимум «очередную провокацию». Но больше всего его поразило то, что уже в шесть утра он получил приказ «беспрекословно выполнять указания руководства НКГБ», а указания эти были...

Ну, во-первых, «указывать» ему — генерал-лейтенанту — стал генерал-майор, а во вторых... Откровенно говоря, приказ месячной давности об отправке всех неисправных танков в Минск на ремонт был, в общем-то, правильным, но утренний — «передислоцировать все оставшиеся танки в Гродно» он поначалу счел немецкой фальшивкой, а когда этот приказ был подтвержден лично товарищем Пономаренко, дозвонившегося в штаб армии в Белостоке, генерал решил, что это откровенное предательство. Настолько наглое, что он не выдержал и лично помчался на границу «защищать советскую родину». Но уже к обеду до него начало доходить, что родину и без него есть кому защищать — когда своими глазами увидел, кто и как этим занимается.

Все же — спасибо генералу Григорьеву — связь в армии была на высоте, и про то, что «очень тяжело» было под Августовым, генерал уже выяснил на Белостокском аэродроме, откуда он поначалу решил лететь на фронт. Но не вышло: ему просто отказали в отправке машины поскольку аэродром был перегружен отправкой и приемом бомбардировщиков. А через два с лишним часа доехав до Августова на автомобиле, он вообще перестал понимать, что происходит.

Еще перед въездом в город он увидел несколько сгоревших танков, причем танков немецких. И танки эти стояли (или лежали, было непонятно) возле блок-поста, через который его — командующего армией — просто не пустили! Правда дежурящий на блок-посту боец пообещал «связаться с начальством» — так что какое-то время генерал наблюдал, как танки КВ-2 — его танки — подтаскивали к уже имеющейся куче новые горелые машины.

Прождав почти час и не дождавшись ответа (боец сказал, что «наверное, начальство сильно занято, пока не отвечает»), Василий Иванович подошел к очередному КВ и, вызвав командира, сам спросил его, что же тут, собственно, творится. Ему было о чем спрашивать: за прошедший час мимо него по дороге прошла небольшая — в двенадцать машин (генерал

специально их пересчитал) колонна танков БТ-7. объехать блок-пост генерал не решился: по дороге непрерывно шли грузовики, набитые гражданскими и их скарбом, бойцы шагали большими колоннами, еще было очень много пушек, влеконых лошадьми или, чаще, тракторами — так что он понял, что по дороге просто здесь не проехать...

— Товарищ генерал-лейтенант, — доложил вылезший из танка майор, представившийся командиром танкового батальона — у меня две роты заняты на вытаскивании подбитых немецких танков, но для этого подходят только КВ и Т-34, а остальные танки передислоцируются в тыл.

— Я тут еще и пехотинцев видел, они тоже передислоцируются?

— Да, приказ был всем отсюда уходить в Гродно, а дальше — куда прикажут.

— То есть обороняться никто даже не думает? — Василия Ивановича буквально душила злость, но он все же понимал, что майор во всем этом вообще не виноват. И танки фашистские вон откуда-то таскает...

— Оборону колхозники держат, у них это очень неплохо получается.

— Какие-такие колхозники?

— Из временных колхозов НКВД. Их тут, оказывается, довольно много, они уже через час после начала на все заставы приехали, со своим оружием. А нас, то есть тяжелые танки, начальник городского отдела НКГБ, отправил им помогать трофеи вытаскивать. То есть танки эти горелые.

— Они что же, танки германские так жгут, что им помощь только в перетаскивании нужна?

— Да. У ребят на мотоциклах стоят пусковые установки ракетных снарядов, говорят, это специальные ракеты, противотанковые. Я их в работе видел: они в танк попадают чуть ли не за два километра. Сказали, что ракеты эти управляемые, по проводам управляются — так они почти каждым пуском танк немецкий сжигают. От ракеты этой взрыв такой, как от тяжелой гаубицы, огонь, думаю, километров за пять видно. А еще, бывает, танк внутри взрывается, если ракета броню пробивает и внутрь влетает наверное — так обломки этой брони на полкилометра разлетаются! Мы сюда пока таскаем те, у которых ходовая не разбита, а те, которые вообще взрывались, они на грузовиках специальных вытаскивают. С прицепом, который они тралом называют.

— А что наши танкисты, обрадовались и решили в бой не идти?

— Они нас сами с утра взашей погнали, сказали, что нечего под ногами у них пугаться и жестянки наши под фашистские пушки подставлять.

— Жестянки?!

— Утром командир роты Т-26 собрался было на границу идти, немца штурмовать. Но их командир один, с петлицами подполковника, остановил, приказал на пару минут танк оставить, а потом какой-то колхозник этот танк из пулемета расстрелял. А подполковник этот и спрашивает: вы на этом металлоломе решили фашиста бить? Валите, говорит, нахрен отсюда, без сопливых разберемся. Товарищ генерал, я не знаю, что это за пулемет такой, но у него каждая пуля наш танк насквозь пробила! Про противотанковые ружья я раньше слышал, а вот про противотанковые пулеметы как-то не приходилось. А если у них пулеметы такие, то какие же у них пушки! А пушки есть, причем двухствольные...

К десяти утра к Кузнецову из города все же подъехал какой-то «колхозник». То есть генерал поначалу решил, что колхозник: уж больно непривычно тот был одет. Но оказалось, что подъехал старший майор НКГБ, и подъехал лишь затем, чтобы арестовать командарма

за, как он сказал, бездействие в боевых условиях. Впрочем, товарищ старший майор, посадивший Кузнецова в свою машину, отправляющуюся в Гродно, генерала «успокоил»:

— Это для вашей же безопасности я вас арестовал.

— Что значит «для безопасности»?

— Если вы думаете, что вы тут один такой генерал, со страху голову потерявший...

— Я фашиста не испугался! И готов его бить, как прикажет партия и правительство!

— Готовы — вот и отлично. Только вы не боец рядовой, а командир армии, и вот вместо того, чтобы этой армией командовать, четыре часа проболтались хрен знает где. Это бывает, растерялись и забыли, что от вас страна ждет. А у нас денек отдохнете, с мыслями соберетесь — и осознаете, что не просто так форму носите. Ну и задачи свои новые узнать успеете и обдумать, как их решать будете. Не спеша и без паники.

— Без паники... а из города гражданские колоннами прут — это тоже «без паники»?

— Именно так. Границу мы сможем продержат еще максимум сутки, поэтому город решено эвакуировать. Но эвакуация тоже идет именно по плану. Сами видели, просто внимания от волнения не обратили: гражданские идут именно колоннами, но идут, никаких заторов на всей дороге до Гродно нет и не будет.

— Это пока фашист авиацию на дорогу не навел...

— Думать тактически вы уже снова можете, что радует. Но об авиации не беспокойтесь: дорога от нее полностью прикрыта. И истребителями из Гродно, и зенитками.

— Дорога — зенитками? Это сколько же...

— Сколько надо. И вообще: до Гродно лучше помолчите, а то в сердцах лишнего наговорите. А у нас генералов острая нехватка...

Шестого июня Петруха всех огорошил новостью о том, что Норвегия под сильным давлением британцев подписала «союзнический договор» с Финляндией. Имея при этом такой же договор с самой Британией. И неприятность заключалась не столько в договоре, как в том, что в Норвегию англичане отправили пятьдесят тысяч своих солдат. А еще четыре сотни летчиков с самолетами, хотя больше половины этих летчиков оказались поляками, а самолеты — причем вообще все — были французскими.

— А ты в этом точно уверен? — поинтересовалась Гуля.

— Мне шведские друзья капнули, британцы просили разрешения через них самолеты отправить.

— И что?

— Формально не разрешили, но есть мнение, что сбивать эти самолеты, когда они из Осло в Турку полетят, шведы не будут. Озабоченность, конечно, выскажут и даже может протест заявят, но воевать шведы точно не будут.

— То есть нам теперь и с британцами воевать? — расстроилась Аня.

— Я подозреваю, что солдаты тоже в большинстве поляками окажутся.

— То есть мы, когда продавливали отправку поляков на туманный остров, облажались? Обидно... — высказала Петрухе свое мнение жена.

— Эти поляки всяко нам нахрен не нужны были, кормить целый год триста тысяч дармоедов — за этим в Лигу сексуальных реформ. Не поляки, так французы какие-нибудь или как их, гуркхи... в общем, кого-нибудь англы нашли бы. Но если я насчет поляков прав, то теперь у Сталина никаких моральных обязательств перед поляками не будет.

— Ты уверен, что с ними воевать придется? Мы же немца на границе довольно крепко попинали, может финики зассут нападать?

— Был бы рад безмерно, но скорее всего не зассут. Во-первых, Маннергейм там волну национализма поднял по поводу «отнятых территорий», во-вторых их британцы вперед пихают, а в третьих мы же сегодня с границы-то отошли и, как Би-би-си радостно сообщило, «полностью покинули территорию независимой Литвы», из чего они решили, что «русское наступление провалилось». А про германские потери они скромно умалчивают.

— Немцы тоже о потерях умалчивают, а нашим сводкам они вообще не верят, — заметила Оля.

— Ага, этого не может быть потому что этого не может быть никогда.

— Если бы! Таварищ Жюков, как истинный младший унтер, полностью просрал оборону Украины, немцы уже Бердичев заняли и до Житомира им теперь идти пару дней всего. Немцы сообщают, что там они сожгли больше четырех тысяч наших танков и завалили тысячу с четвертью самолетов, а это, к сожалению, чистая правда. А Совинформбюро лишь сообщает, что «враг понес тяжелые потери» — и кому иностранцы поверят?

— Блин... а нам помочь-то уже нечем получается. Если финики воевать начнут, то придется север прикрывать, а чем?

— Яков Александрович говорит, что будет несладко, но мы выстоим. Одно то, что мы сэкономили минимум четыреста тысяч бойцов — уже крупный успех. Еще пара недель — и большая часть из них будет уже готова воевать. Сейчас да, на север нам выставить почти нечего, но числу к пятнадцатому...

— Оля, кончай агитировать нас за советскую власть. Надо думать, что с Украиной делать...

— Петруха, у нас военных, даже если Гулю считать, ровно два человека. Про Украину сейчас думает товарищ Сталин, еще немного думает Яков Александрович — а нам надо думать сугубо стратегически. В рублях и копейках думать, и думать, как сделать так, чтобы рубли в копейки не превратились. Войну выиграет экономика — и тогда именно экономика выиграла, и уж тем более сейчас. Вася когда из Ульяновска возвращается?

— Послезавтра обещал, — ответила Ира. — А он тебе зачем?

— Мне нужны относительно точные цены на БРДМ, которые он там выпускать собрался. Чтобы знать, сколько этих во всех отношениях приятных машинок мы сможем выдать фронту.

— Ну, сколько сможем, столько и выдадим.

— В Москве сидит один очень неглупый товарищ, Шапошников его фамилия. И вот он — зная, в том числе, сколько железных «бардаков» ему в нужное время выдаст завод, очень точно подсчитает, когда в том числе и на Украине СССР сможет творящийся — и совершенно не железный — бардак пресечь. Ладно, не буду его дергать, послезавтра — так послезавтра. Надеюсь, за два дня ничего страшного не произойдет.

Однако Олины надежды не оправдались: седьмого июня Финляндия вступила в войну. И очень даже резко вступила: к вечеру финны окружили Выборг. Правда, на этом их успехи и закончились: Ира, пробормотав что-то вроде «ну, финики, сами напросились», отправила к Выборгу всю группировку турбовинтовых «Арок» — и не то что дальнейшее продвижение, но даже просто снабжение финской армии в том районе временно прекратилось (самолеты базировались на аэродромах «Шоссейная» и «Левашово», так что летать было недалеко и в сутки каждый самолет выполнял по четыре, а то и по шесть боевых вылетов). Кроме того, и армейская авиация на «классических» Ар-2 ежедневно выполняла по три боевых вылета к Выборгу (они базировались на Корпусном аэродроме и частью на Бычьем поле), причем

помешать бомбардировкам «финны» не могли: Ира перегнала на Комендантский аэродром сразу три эскадрильи Лу-7, которые финских «французов» опускали на землю как мишени «утка» в тире. Эти истребители вообще в воздухе почти все время находились, благо на каждую машину было по три летчика: Ира послала в Ленинград и всех курсантов Суворовского летного училища...

В целом и на финском фронте «дела шли терпимо», хотя в Боровичах никто не считал, что это надолго: все же просто по численности бойцов «кровоогэбнинская армия» очень сильно уступала врагу, а люди — они просто устают. Так что все силы бросались на то, чтобы обеспечить и РККА новой техникой — но ведь это было делом отнюдь не быстрым.

Так что «вызов в Москву» попаданцы восприняли как «вынужденный, но полезный для измученных организмов отдых»...

У прибрежных лоз, у высоких круч...

Иосиф Виссарионович с интересом глядел на собравшихся в его кабинете товарищей. Правда, не совсем тех, кого он ожидал... точнее некоторых из тех, кого он ожидал увидеть, здесь не было, и он сразу же поинтересовался:

— А почему я не вижу товарища Сухова?

— Он сейчас сильно занят, — ответил Петр Евгеньевич. — Ствол гаубицы в полную негодность приходит за неделю, и он в Гомеле срочно налаживает линии по восстановлению этих стволов. То есть там только одна сейчас работает, но этого крайне мало, вот он еще четыре и запускает.

— Я что-то не слышал, что гаубица из строя за неделю выходит...

— Нам просто приходится стрелять из них много. Обычно ствол выдерживает порядка трех тысяч выстрелов, и если выпускать по пятьсот снарядов в сутки...

— Да, я как раз и об этом спросить хотел: мне докладывали, что вы снаряды вообще не жалеете...

— А чего их жалеть-то? Я где-то слышал, что один вовремя не выпущенный снаряд — это пять-десять погибших наших бойцов. Но снаряд делается за час, а боец — двадцать лет, так что даже чисто экономически...

— Вы все на экономику переводите, это я уже усвоил. Но когда снаряды закончатся...

— Они не закончатся, — негромко ответила Оля. — Я уже не говорю, что у нас на складах хранится почти двадцать миллионов только гаубичных снарядов, так еще и заводы ежесуточно их сорок тысяч производят. Уже сорок тысяч, а через месяц, я надеюсь, суточный выпуск достигнет тысяч пятидесяти пяти-шестидесяти. Это только на заводах Девятого управления.

— Вы опять об этом никому не сообщили... ну допустим, вы изготовите столько корпусов, а чем их наполнять? Ведь производство тола...

— Тринитротолуола много не нужно. Только Саратовский завод удобрений ежесуточно производит пятьсот тонн уротропина...

— И какое это имеет отношение...

— Из уротропина получается гексаген, а если его смешать с толлом, церезином и алюминиевой пылью, то получается взрывчатое вещество, которое в полтора раза мощнее тола. Продукция одного только Саратовского завода обеспечивает выпуск восьмисот тонн такой взрывчатки в сутки. А еще у нас работают заводы в Кременчуге, в Экибастузе, несколько мелких, производящих до сотни тонн в сутки. Так что у нас проблемы не со взрывчаткой, а именно с корпусами снарядов. Но когда мы все наши заводы переведем на круглосуточную работу, проблема эта решится. Где-то к началу июля.

— Хорошо... Вообще-то мы пригласили вас, чтобы подумать над другой проблемой. Вы практически управляете фронтом в Белоруссии, на северо-западе и, как я понимаю, на севере. И управляете хорошо... в целом хорошо. А на Украине...

— Про украинские проблемы — это не к нам. Войска Девятого управления, между прочим, держат фронт в тысячу триста километров... — начал было Петруха, но Сталин договорить ему не дал:

— И отлично держат... почти отлично. Именно поэтому я вас и пригласил, чтобы узнать, чем вы можете помочь нашим войскам на Украине.

— Чтобы помочь нашим войскам на Украине, нужно сначала расстрелять в хренам собачьим предателей Хрущева и Жукова, — злым голосом ответила Ирина.

— Почему вы их считаете предателями?

— А вы разве нет? Вот, товарищ Свечин подтвердит: за полторы недели боев в Белоруссии, тяжелых, между прочим, боев мы отошли на тридцать километров, на заранее подготовленные позиции отошли, понеся невосполнимые потери примерно в шесть тысяч человек. А Жуков успел пробежать больше четырехсот километров, потеряв почти триста тысяч бойцов! И больше ста тысяч красноармейцев у него немцам в плен попали!

Сталин вопросительно взглянул на Свечина.

— Я тоже считаю Жукова откровенным предателем. Полковник Дементьев, командир девяносто девятой дивизии, уже второго отбил у немца Перемышль, бездарно сданный немцу ставленником Жукова, и пять дней держал оборону, не давая немцам наступать на Львов — но Жуков, через день после приезда в Киев, приказал ему город оставить. Я это точно знаю, мы в девяносто девятую дивизию со второго числа отправляли снаряды и патроны самолетами, потому что по приказу Хрущева дивизии боеприпасы вообще не поставлялись... а после сдачи Перемышля немцы за день дошли до Львова и начали наступать в сторону Бердичева и Житомира. Первый уже немцам сдан, Житомир фашисты возьмут не сегодня-завтра. Это — предательство.

— Но ведь вы тоже отступили, может, на Украине у немцев превосходство в силах было больше?

— Против наших войск фашисты выставили более двух миллионов человек, а против Жукова — меньше полутора. У нас на фронте около ста тысяч бойцов плюс семьдесят пять тысяч пограничников, у Жукова... было восемьсот семьдесят тысяч и чуть больше ста тысяч пограничников. И в ближайших тылах больше полумиллиона.

— Но вы отступили, и именно ваше отступление привело ко вступлению в войну Финляндии! И сейчас Выборг уже в окружении...

— А я говорила, — тут же влезла Оля, — Выборгскую губернию нужно было у финнов забирать целиком, в тех границах, в которых её Александр финикам передал!

— Ольга Дмитриевна, ваше мнение, безусловно, очень важно для нас... — но договорить Сталин не смог, его прервал громкий хохот Светланы, Ирины и Петрухи. Да и Ольга как-то виновато заулыбалась.

— Я сказал что-то смешное? — удивился Иосиф Виссарионович.

— Нет, извините нас, — так же, со слегка виноватым лицом ответила Оля, — это просто наша внутренняя шутка такая... дурацкая. Не обращайтесь внимания.

— Ну... хорошо. Ольга Дмитриевна, вы все же все рассматриваете с точки зрения экономики, а нам приходится и политические моменты учитывать. Мы не могли вернуть всю Выборгскую губернию, поскольку это привело бы к серьезным проблемам во взаимоотношениях с Британией и Америкой. Но это дело прошлое, сейчас нам важен сам факт вступления Финляндии в войну...

— По этому поводу не волнуйтесь, — в разговор снова вступила Ира, — фиников мы с воздуха за месяц в кизяк вбомбим. Я лично это обещаю и готова за свои слова нести ответственность.

— Насколько нам стало известно, в Финляндию направлено очень много самолетов из Франции, а еще и Британия теперь собирается сколько-то направить. Мы, конечно, по дипломатическим каналам заявили Британии протест...

— Иосиф Виссарионович, утром в Боровичи долетели, наконец, из Комсомольска самолеты Сухого и Бартини. Немного, двадцать шесть Су-6 и пятьдесят два Л-29, но этого хватит и на уничтожение всей авиации фиников, и на уничтожение их армии. Ну, если учитывать и семь десятков новых Ар-2 конечно.

— Двадцать шесть... пятьдесят два... вы серьезно считаете, что этого достаточно?

— Нет, конечно. Но для «Дельфинов» Бартини — это самолет так называется — любой французский самолет — как мишень в тире. У них скорость около восьмисот километров в час, маневренность выше чем у «Чайки», два пулемета двенадцатимиллиметровых и пушка двадцать три миллиметра. А то, что «Дельфинов» у нас всего полсотни пока — так подготовленных летчиков у нас сейчас хватит чтобы их в воздухе по двенадцать часов в сутки держать. Они сделают Финляндию бесполетной зоной за пару дней, все, что поднимется выше метра над землей, в эту землю и воткнут.

— А отправить эти самолеты на Украину...

— Не выйдет. Самолетам нужно специальное обслуживание, а его мы пока можем только на трех аэродромах обеспечить. На Кудькинском — это у нас, неподалеку от Боровичей, в Левашово и под Мурманском. То же и к штурмовикам Сухого относится... к сожалению. Я хотела подобные аэродромы выстроить в районе Житомира и Винницы, но Хрущев категорически запретил. Впрочем, это дело прошлое...

— То есть Девятое управление на Украине ничего сделать не может? Или не хочет?

— Товарищ Сталин, — снова в беседу вступил Свечин, — сейчас что-то сделать на Правобережье просто поздно. Если мы начнем буквально из штанов выпрыгивать, то, возможно, сможем выстроить оборонительную линию по Днепру от границы с Белоруссией и до примерно Запорожья, а ниже — скорее всего успеем ее создать по линии Днепропетровск — Кривой Рог — Николаев. Гарантированно — по рекам Саксагань и Ингулец, а дотянуть ее до Ингула мы можем лишь постараться. Но для этого Хрущева с его предательскими инициативами необходимо убрать, с ним мы ничего не сделаем.

— Хрущева нужно расстрелять, — тихо произнесла Ольга. — Если вы, Иосиф Виссарионович, его не закопаете, то он закопает вас, и я не шучу.

— Какие вы все тут кровожадные.

— Да. А еще я считаю, причем с точки зрения чистой экономики, что Украину нужно вообще ликвидировать.

— Что значит ликвидировать?!

— Украина в качестве республики показала себя полностью несостоятельной административной структурой. Республиканское руководство, как выяснилось, сплошь состоит из предателей и откровенных националистов, и, что гораздо хуже, оно подобных же предателей и укронацистов массово поддерживает и порождает новых. Вы знаете, что во Львове случилось? Местное население, настроенное — в том числе благодаря и деятельности Хрущева — откровенно пронацистски устроило резню, просто убив, причем самыми варварскими методами, все еврейское население города! Не нужна Советскому Союзу такая республика, совсем не нужна! Все её области нужно включить в состав РСФСР и полностью подчинить Москве. А тамошних националистов... Петр Евгеньевич знает, что с ними делать.

— Мы поняли вашу точку зрения, — произнес Сталин, а присутствующий здесь же Шапошников добавил:

— И ее полностью разделяем, — но под взглядом Иосифа Виссарионовича умолк. Зато

Сталин продолжил:

— Сами видите, положение у нас очень плохое. Так что раз уж вы знаете, как его поправить — поправляйте. Товарищ Свечин, как вы относитесь к идее занять пост, который до утра занимал тов... генерал Жуков?

— Резко отрицательно. Мне кажется, что лучшей кандидатуры, чем товарищ Шапошников, на должность начальника Генштаба не найти. А я, с вашего позволения, продолжу службу в Белоруссии.

— Только с одним условием, — добавила Ольга, — вы, Иосиф Виссарионович, прикажите Борису Михайловичу неукоснительно принимать таблетки, которые ему Гуля выписала. В смысле, Гюльчатой Халматовна...

— С этим я полностью согласен. Борис Михайлович, с сегодняшнего дня вы по части медицины подчиняетесь Гюльчатой Халматовне, а по всем прочим делам, как начальник Генштаба... Петр Евгеньевич, Александр Андреевич, а у вас есть достойные командиры, которые смогут остановить врага на этом... вашем... рубеже обороны?

— На весь фронт у нас, конечно, не хватит, — ответил ему Свечин, — но и в РККА есть очень много грамотных и умелых командиров. Если вы позволите нам самим производить назначения...

— Мы думаем, что Генштаб это оформит соответствующим приказом... сегодня же, так, Борис Михайлович? Только вы держите меня в курсе, а то в РККА решат какого-нибудь майора или полковника в учебный полк направить, а он у вас уже дивизией командует или армией. Да, полковника Дементьева с его дивизией вы, как я понимаю, себе заберете?

— К сожалению, Николай Иванович сейчас в госпитале: ранен тяжело. Гуля говорит, что постарается его за месяц на ноги поставить, но...

— Но орден он заслужил, и звание генерал-майора тоже, как думаете, Борис Михайлович? И последнее на сегодня: пусть Петр Евгеньевич мне завтра доставит планы... ваши планы оборонительной кампании. То есть товарищу Шапошникову, может в Генштабе придумают, как их улучшить. Но вы не волнуйтесь, Борис Михайлович любые изменения с вами согласует.

— А мы и не волнуемся, — ухмыльнулся Петруха. — У меня только один вопрос: с Жуковым вы демонстративно поступите или пусть герой Халхин-Гола все же в бою погибнет?

— А вы что думаете? Меня именно ваше личное мнение интересует.

— Страна должна знать своих героев. И должна знать, что предатели не уйдут от заслуженной кары.

— Мы поняли. Жду вас завтра часам к двум, как раз мы будем обсуждать с Генштабом ближайшие планы. До свидания... Ирина Алексеевна, а эти ваши новые самолеты только в Боровичах увидеть можно?

— До Монино они разок и без обслуживания долетят. Скажем, завтра утром, вас устроит?

Когда боровичане покинули кабинет, Сталин повернулся в Берии, который все время встречи молча просидел у углу:

— Что скажешь, Лаврентий?

— Они врут. Впрочем, как и всегда.

— Что значит «врут»? В Белоруссии Свечин же на самом деле десять суток держал фронт, не отходя буквально ни на шаг!

— Про снаряды они врут. У них только завод в Калининне выдает ежесуточно по двадцать пять тысяч снарядов к полевым орудиям, а заводы в Могилеве и Витебске производят вместе заметно больше тридцати тысяч снарядов для их зенитных автоматов калибром тридцать миллиметров и я уже не знаю сколько мин пятидесятимиллиметровых. То есть они врут, что со снарядами будет хорошо где-то в июле: они уже производят больше, чем может выстрелить вся наша артиллерия.

— Мне кажется, что Ольга Дмитриевна говорила только о снарядах для гаубиц, — заметил Борис Михайлович.

— Возможно. Но у меня сложилось впечатление, что они по каким-то причинам просто не хотят стабилизации фронта на Украине.

— Концепцию тотальной обороны генерал Свечин продвигал еще в тридцатом году, и последние десять дней показали, что он был совершенно прав — что и я, кстати, сообщал неоднократно, но Жуков просто отказывался прислушиваться.

— С Жуковым... да и с Хрущевым все ясно, — не сдавался Лаврентий Павлович, — не то, что они отказываются помогать на юге...

— А я думаю, что они просто реально смотрят на вещи, вон и Семен Михайлович уже предлагает Киев сдать, говорит, что в любом случае не удержим, так хоть войска спасем. Они не отказываются помогать, они уже помогают. Насколько мне известно, они только боеприпасов отправляют туда по две тысячи тонн в сутки. Но может ли сейчас РККА эти боеприпасы правильно употребить? Тут Ирина Алексеевна мимоходом заметила, что у нее самолеты в воздухе проводят по двенадцать часов в сутки. А на Юго-западном фронте даже истребитель совершает один полет раз в два-три дня! Почему? Бензина у нас достаточно, боеприпасов достаточно. Но самолет в воздух поднимается не каждый день! У Жукова уже потеряно полторы тысячи самолетов, а у Свечина, насколько я знаю, пять машин в сутки считается ужасной потерей! И это не на двухстах километров фронта, а на тысяче с четвертью!

— У Свечина и самолетов...

— Три сотни бомбардировщиков Ар-2, девять сотен И-180, порядка сотни машин Яковлева и примерно двести самолетов Лукьяновой. Семьдесят тяжелых бомбардировщиков Петлякова, разных вспомогательных транспортных машин почти четыре сотни — и все это почти постоянно находится в воздухе, но потери минимальны. Что не скажешь о фашистах, у них потери можно без преувеличения назвать катастрофическими.

— У вас есть этому объяснения? — поинтересовался Сталин.

— Я думаю, что все объясняется действительно грамотным использованием авиации. У меня был разговор с Жикаревым, еще до войны — так он сокрушался, что невозможно заставить летное командование принять разработанные Девятым управлением боевые летные уставы: их на уровне Генштаба зарубают...

— С Генштабом все понятно, так, Лаврентий?

— Более чем. Борис Михайлович, я человек не военный, но по инстанции товарищ Сухов мне как раз выслал свои проекты боевых уставов. Посмотрите?

— Лаврентий, а почему ты их не направил в Генштаб сразу, как получил?

— Да я их лично в руки Тимошенко передал! Но осталась копия, надеюсь Генштаб теперь на эти документы внимание обратит?

— Тимошенко — тоже? — поинтересовался как бы мимоходом Сталин.

— Нет. Мне Светлана Юрьевна давно уже принесла свои характеристики на

некоторых... многих генералов, о Тимошенко там положительно написано... правда, с указанием, что «может стать отличным командиром дивизии, но не выше». Посмотрим...

— Ну хорошо. Когда у нас очередное заседание Ставки? Пообедать успеем?

По настоянию Иры боровичане, если приходилось пользоваться самолетами, никогда не летали больше чем по трое в одной машине. Из Москвы Ирина взяла с собой Петруху и Олю, Александр Андреевич другим бортом отправился обратно в Минск, а Светлана осталась в Москве улаживать какие-то свои «учебные» дела. И, понятное дело, по дороге разговор о том, что еще можно сделать на фронтах, продолжился:

— А мы успеем выстроить намеченную Свечиным линию обороны? — спросил у Оли Петруха.

— Мы — ни в коем случае. А вот штаб Слащева успеет. Яков Александрович уже под это дело припахал генерала Карбышева, а Дмитрий Михайлович Гродненскую линию за три недели обустроил так, что ее нам сдавать не пришлось. Он сейчас уже на Саксагане оборонительную линию строит, положив толстый болт на Кукурузника вместе с Жуковым. С рабочей силой там сейчас проблем нет...

— Это почему? — удивилась Ира. — Вроде Хрущев там приказал народ массово мобилизовывать, мужиков — в армию, баб — на рытье окопов...

— Там беженцев толпы, Карбышев организовал из сортировку и всех, кто лопату в руках держать умеет, к себе забирает.

— А местные власти как на это смотрят?

— По крайней мере не мешают. Они-то вообще не понимают, что с беженцами делать, а у Карбышева их по крайней мере кормят-поят и какую-то крышу над головой обеспечивают.

— Откуда там столько крыш?

— Отправили им палатки, тысяч десять, пока хватает. Опять же, с еще не занятых немцами территорий народ уже организованно вывозится. Так что кому копать — пока есть. Я тут планирую уже эвакуацию народа подальше в тыл, но это уже ближе к концу августа сделать получится. А от тебя нам потребуется все это с воздуха прикрыть.

— Прикрывать — это не ко мне, а к Баранову и Жикареву. Мне товарищ Сталин персонально запретил на бомбежки летать.

— А я не про это. Сколько ты сможешь «Дельфинов» за пару недель еще сделать? И Сушек?

— Вот я ночами сижу с напильником и самолетики под кроватью вытачиваю. В Комсомольске завод больше трех «Дельфинов» в сутки сделать не может, а с Сушками пока хорошо, если они серию за две недели соберут.

— Серия — это сколько?

— Там всего десять стапелей. Но даже если еще стапелей понаставить, быстрее не получится: рабочих подготовленных нет. Я немножко успела Ирьянову в Семеновке помочь, там теперь в принципе можно наладить выпуск планеров для «Дельфинов»... точнее, сборку: оборудования для сварки титана там нет, каркас планера все равно в Комсомольске делать будут. Вася сказал, что к зиме сварочное оборудование сделать успеет, но опять же: где рабочих-то брать?

— А Хабаровск? Там же вроде тоже авиазавод есть.

— Авиаремонтный, там только моторы умеют ремонтировать. Причем медленно и печально.

— С этим ясно... А как насчет переоборудовать Иркутский завод под выпуск новеньких

«Арок»? Моторов-то теперь вроде хватает.

— Та же проблема: сварщиков нет, и оборудования нет. Там одна аргоновая камера для сварки фюзеляжа... да и титана у нас не хватит. Нет, пока даже дергаться в эту сторону не буду. В конце-то концов, есть Лаврентий Павлович, есть Иосиф Виссарионович — и зачем нам их работу на себя брать? Нам что, делать больше нечего?

— Ты права. Кстати, вовремя мы развели Грабина и Петрова. Федор Федорович сейчас в Нижнем спокойно делает по два десятка гаубиц в сутки, а Василий Гаврилович в Подлипках — столько же трехдюймовок.

— И вот нахрена нам трехдюймовки? — поинтересовался Петруха, ранее молча слушавший «женские разговоры».

— Так он пушки без лафетов делает, мы их все отправляем в Минск, где на тракторном из жестяных БТшек получаются вполне приличные самоходки. Это же не старая трехдюймовка, Валя сказал, что это уже близко к ЗиС-3. А еще сказал, что БТшка с дизелем и этой пушкой — то, что надо для поддержки пехоты против танков.

— А КУРС тогда зачем в Оренбурге Бисноват делает?

— Какой курс? — решила уточнить Ира.

— Кумулятивный управляемый ракетный снаряд, это ПТУР наш. Но Бисноват их пока максимум полсотни в сутки делать может.

— Если бы полсотни, — вздохнула Оля, — у него хорошо если пару десятков в день выпускать получается. Там порох конопляный, который Бауман-старший делает, а вот с коноплей у нас напряг серьезный, до осени пополнения не ожидается.

— Ну, тогда конечно... то есть все плохо?

— Правильнее сказать «не все еще хорошо». Но одно то, что мы Белоруссию удержали, очень много жизней спасет. Да и блокады Ленинграда скорее всего не случится.

— А тогда на кой хрен мы метро под Ладогой выстроили? — сердито пробормотала Ира.

— А если бы у нас не получилось так фронты держать? Да и в любом случае лишняя железная дорога туда не помешает, мы же сейчас именно по ней и бомбы, и топливо для наших самолетов в Ленинград и возим. Ты же вроде фиников в кизяк вбамбливать собралась, а для этого и керосина много нужно, и бомб. Кстати, когда думаешь процесс начинать?

— Уже. Я надеюсь, пока мы тут по столицам разъезжаем, окружение Выборга уже полностью выбомбили: по плану там как раз к обеду должны были порядка тысячи тонн чугуна финикам на головы высыпать мелкими порциями. Домой прилетим — уточним диспозицию...

Дома, уже за ужином разговоры «про войну» продолжились:

— Я вот одного понять не могу, — начала Аня, — почему на Украине у нас с авиацией так хреново? Там же только новеньких Поликарповских истребителей под тысячу.

— Было под тысячу, — недовольным голосом ответила Ира. — Но ты просто не учишь того печального для нас факта, что британцы с немцами не воюют, а в нашу войну у Гитлера семьдесят процентов авиации как раз против Англии было задействовано. Так что сейчас против нас у фашиста истребителей больше четырех тысяч, бомбардировщиков шесть с лишним тысяч, да еще всякие Румынии с Венгриями под тысячу машин на юг подбросили. А когда фашисты поняли, что у нас их просто валят пачками, они большую часть авиации как раз на Украину и перенаправили. И надо учитывать, что еще тысячи полторы «французов» уже подтянулись, так что если считать по головам, то у немцев

в воздухе должно быть тотальное превосходство.

— Должно?

— Вот именно, все же Баранов и Жикарев смогли что-то сделать, и превосходство хотя у немцев и есть, но отнюдь не тотальное. Но опять же: большинство командиров авиаполков ссут докладывать о высоких потерях и стараются снизить их просто не пуская самолеты в небо.

— А чего ссать-то?

— Они знают, что этот, извини за выражение, маршал победы или кукурузник за высокие потери в полку комполка и расстрелять не постесняются. Прецеденты уже были...

— Как думаешь, Сталин их расстреляет?

— Я не думаю. Но знаю: если не расстреляет Сталин, то у нас есть хороший человек Петруха, он справится.

— Даже не почешусь, — усмехнулся Петя, — Скорохватов уже приказ получил, что если эти два до пятнадцатого останутся на свободе, чтобы к вечеру их нужно было хоронить.

— Света говорила, что еще какого-то финна надо...

— Уже не надо.

— Света передумала?

— Шальной финский снаряд, никто, понимаешь, не застрахован...

— Света сказала, что вообще весь Коминтерн валить надо, кроме Димитрова и Готвальда, — задумчиво произнесла Гуля.

— Мне она такого не говорила.

— Мне говорила, потому что тебя это не касается.

— Как это? Удобный случай все списать на фашистских диверсантов.

— Нет, ситуация не та, чтобы людей диверсантами еще запугивать. А вот пьянство и стресс подойдет. Жалко только, что там только Готвальд — хронический алкоголик. Хотя, может, оно и к лучшему: Сталин его уже просил вылечить, так я и вылечу. А другие пусть с расстройства какого-нибудь напьются до потери пульса или, скажем, инсульт от переживаний схватят.

— А есть кому работать?

— Хы, ты все еще думаешь, что Крупе лично я помогала с супругом встретиться? Персонал-то там лично я готовила... не весь, но нам хватает.

— Блин, у нас война, а мы тут обсуждаем, кого и как из руководства страны завалить, — с тоской в голосе высказался Валера.

— Не из руководства, а из стаи скрытых врагов. Которые, кстати, в том числе и нам сильно мешают страну все же спасти. Или ты считаешь, что Хрущев или этот хохлонацист, как его, Мануильский, пользу Союзу наносят?

— С историей у меня всегда плохо было, так что спорить по персонам не буду. Но убивать...

— Валера, на войне как на войне. Жуков уже убил триста тысяч советских людей, сколько еще все эти коминтерновцы уничтожат...

— Валер, не о том думаешь, — прервала Гулину «воспитательную лекцию» Оля, — у тебя пуск нового реактора на носу. Кстати, чтобы тебе всё понятно было: через коминтерновцев из СССР было выведено — а по сути украдено — денег столько, сколько на шесть АЭС хватило бы.

— Рассказни перестроечных открывателей правды?

— Россказни, но не их, а мои, — усмехнулся Петруха. — Это лишь те деньги, которые я вернуть смог. Иосиф Виссарионович не просто же так Коминтерн в позапрошлом году так тщательно прореживал. Кровавый, понимаешь, режим: его грабят, а он отбивается как может.

— Всё, понял, дальше можешь не продолжать. Кстати, Оль, отметь у себя в планах: ребяташки из института Хлопина у нас исследования закончили, тоже решили, что реактор можно во все трубы грузить. Все пока не будем, у нас турбогенераторов нет, но резервный запустим шестнадцатого июня и будет у нас на сотню мегаватт больше.

— Это не может не радовать, а что все же с Ярегой?

— Оль, ядерная техника — это прежде всего безопасность. Если все проверки пройдут, то запустим в конце августа, а не пройдут — сам господь бог сроков не назовет. Пока вроде все нормально, каландр и все внутри него все тесты прошли, сейчас идут проверки второго контура и собственно электрической части. Кстати, титановый завод тоже уже все тесты прошел, сейчас уже потихоньку продукцию выдает — от угольной станции, но там пока получается только пару колб одновременно загружать, так что мы имеем всего лишь пару тонн титана в сутки.

— Ир, а как реактор запустим, — отвлекла подругу от «сердитых мыслей» Оля, — будем иметь шесть-семь тонн в час. Это я насчет авиазавода в Иркутске.

— Хорошо, Вася вернется, мы про Иркутск подумаем. А как насчет неодима?

— Саша звонил, рудник в Синь... в Восточном Туркестане он уже запустил. Где-то с сентября будем его иметь тонн по десять в месяц... и пока нам его хватит! А то я тебя знаю...

— Ага, десять тонн — значит семь тысяч тонн неодимовой стали. Семьдесят танков... на Читинский завод со скрипом пока хватит, а в Ульяновске пусть из чугуна и котельного железа броневики клепают...

— Ир, кончай зудеть, — снова в разговор встряла Гуля. — Мы уже спасли минимум полмиллиона человек. И ты лично, своими куриными мозгами и кривыми ручками, из жопы растущими, из этого полумиллиона спасла половину, не меньше. Так что взбодрись и шуруй дальше: тебе осталось спасти всего-то миллионов десять.

— А чего я-то?

— А с чьих самолетов врага вклизячивают? А тут вчера еще и венгры воевать с нами начали и румыны...

— Начали, говоришь? — в голосе Ирины прорезался металл. — Ну что же... Вагутин еще не созрел, поэтому прикажу я: венгров в плен не брать! Румынов, кстати, тоже...

Кого и где сегодня ты ласкаешь по ту или эту стороны Днепра?

Штурмфюрер фон Браухич на фронт попал, можно сказать, случайно. Откровенно говоря, ему там вообще было делать нечего, но Ганс Лэнг, его личный механик, носил звание всего лишь штурмманна, и его на фронте вообще никто не стал бы слушать: ефрейтор, тем более из СА, и для армейского лейтенанта не авторитет. Конечно, и простого штурмфюрера даже капитаны слушать бы не стали, но штурмфюрера фон Браухича... Генрих Коппенберг, отправляя своего личного помощника в далекую Россию, с ухмылкой поинтересовался у Манфреда:

— Интересно, ты там встретишь хоть одного офицера, который про тебя вообще не слышал?

А работа на фронте была исключительно для Ганса: солдаты вермахта взяли в качестве трофеев многие сотни русских грузовиков, и теперь перед автомобилистами встал вопрос чем эти грузовики заправлять. Русские-то на грузовики ставили дизельные моторы, а в вермахте дизельной техники практически не было — как не было и запаса топлива для них. Но хуже всего было то, что используемую в германских дизельных моторах солярку русские машины тоже «не воспринимали»... Ганс, конечно, влез со своим предложением, Манфред его слова передал начальству...

Вообще-то в том, что идея Ганса окажется верной, у Манфреда сомнений не было абсолютно, ведь именно этот парень, выглядевший, как простой деревенский увалень, мог буквально по запаху определить, что нужно добавить в бак чтобы мотор работал на пределе, но не развалился бы на трассе. И именно благодаря Гансу... нет, с некоторой помощью в том числе и Ганса Манфред получил свои самые высокие награды: ведь на самом деле Ганс успел закончить университет и — не скажись его пристрастие к автоспорту — давно бы уже стал доктором химических наук. Но его интересовали лишь моторы... что было, оказывается, не очень хорошо: доктора Лэнга армейские автомобилисты с почтением выслушали бы и без штурмфюрера фон Браухича. Но сама поездка оказалась не очень-то и опасной, Манфред просто поговорил с несколькими высокопоставленными офицерами (и начальник был прав: слушали его, буквально впитывая каждое слово, а под конец попросили сфотографироваться со всеми прибывшими на встречу офицерами). Осталась последняя, очень короткая и совершенно пустяковая поездка: Гансу потребовалось убедиться, что солдаты в частях правильно смешивают керосин с маслом и раствором соды в бензине.

На обратном пути из авточасти Ганс обратил внимание Манфреда на одну очень интересную деталь:

— А ты заметил, что русские на всех своих машинах, по крайней мере армейских, ставят одинаковые моторы?

— Не обратил, потому что моторы эти если и имеют что-то общее, так это то, что они все дизельные.

— Сразу видно: гонщик, а не механик. В принципе да: на трехтонках у них моторы рядные шестицилиндровые, на полуторках — V-образные «шестерки», а на легких машинах рядные четырехцилиндровые. И V-образные двенадцатицилиндровые на тяжелых тягачах. Но у всех этих моторов абсолютно одинаковые цилиндры, совершенно одинаковые форсунки, поршневая группа идентичная — и одна запчасть годится для ремонта любого мотора.

Кроме коленвала и блока цилиндров с картером, конечно. Я там говорил с механиками, они это заметили и деталями с разбитых трофейных машин ремонтируют любые другие трофеи. У нас, конечно, тоже стараются ввести подобную унификацию, но до русских, по крайней мере в части унификации моторов, нам еще очень далеко.

— Я слышал, это потому, что моторы для всех своих грузовиков русские делают вообще на одном заводе, и поэтому у них и машин не очень много. А в Германии только крупных автомобильных фирм восемь, и у каждой моторы делаются не на одном заводе...

— Боюсь, что русские нам просто головы дурят. Я же смотрел машины в этом батальоне, и там моторы минимум четырех разных производителей, по крайней мере если судить по надписям. Кстати, ты видел эту бензиновую таратайку? На ней стоит бензиновый мотор с чугунным блоком цилиндров, но поршневая там точно такая же, как и на всех русских дизелях!

— Интересно даже, а на танках у них какие моторы? По двадцать четыре цилиндра?

— По дороге у нас как раз танковая часть, если хочешь, можно у них спросить. В любом случае время обеда не просто наступило, но и давно прошло, а среди танкистов, я думаю, твоих поклонников тоже немало. Завернем?

Благодаря визиту в танковую часть Манфред Георг Рудольф познакомился с еще одним «чудом» русской автомобильной мысли — правда, назвать это «чудо» автомобилем можно были лишь при сильном напряжении фантазии. Нелепый каркас из каких-то водопроводных труб с кое-как присобаченным сзади мотором... но фон Браухича заинтересовала — как гонщика — подвеска. Передние колеса вывешивались на рычажной подвеске, аналогичной подвеске сто двадцать пятого гоночного «Мерседеса», задняя подвеска так же была типа Де Дион — как и на немецком болиде, но зачем все это приделано к этой странной колеснице, штурмфюрер автомобильного корпуса понять не мог. А на вопрос, зачем танкисты вообще приволокли к себе это... чудо, ему ответил пожилой капитан:

— Это изделие, вместе с тремя другими точно такими же, сожгло в нашем полку пятнадцать «троек», все тридцать «двоек» и многое другое, причем лично мое мнение... — капитан замолчал.

— Ваше мнение? Я с интересом его выслушаю...

— И можете при случае передать его своему дяде: они не сожгли больше просто потому, что в той колонне, которую они встретили, больше танков не было! Точнее, были, но не успели выйти из леса и русские их не заметили!

— И чем же этот кусок железа смог...

— Если вы не заметили, на этой железяке мотор пробит. Русские сняли с нее оружие и бросили, а остальные такие же железяки умчались прочь. Да, они по полю, по вспаханному полю ездят — и я своими глазами это видел — со скоростью явно больше пятидесяти, а то и семидесяти километров в час! А оружие... все «двойки» они просто расстреляли из каких-то страшных пулеметов. Вот, видите эту дугу? Здесь как раз пулемет и крепился. А «тройки»... у них вот тут, сзади, площадка, так на ней они привозили... я думаю, что ракетные установки вроде наших Небельверферов, только у них ракета летит точно в танк. А когда попадает, то танк чаще всего взрывается изнутри. Это у нас «четверкам» не досталось, а у соседей восемь машин сожгли в одном бою... потом русские отступили, но мы там вообще ничего не нашли, кроме разве что проводов, тянущихся от русских окопов у нашим подбитым машинам.

— То есть, вы хотите сказать, наши танки против русского оружия...

— Я радуюсь, что у русских таких ракет, похоже, очень мало. У нас они ракетами

сожгли семь «троек», а еще восемь повредили опять своими чудовищными пулеметами! У них пули броню «тройки» пробивают! Пробитые пулеметами машины мы, конечно, починили... экипажи заменили... теперь я понимаю, почему к северу от нас наши танки застряли. Там, говорят, русские выставили что-то пострашнее вот этой колесницы: что-то бронированное и с двуствольной автоматической пушкой.

— То есть мы, по сути дела, оказались без танков?

— Рано паниковать, штурмфюрер, рано. Мы здесь не просто под солнышком греемся: с разбитых «двоек» срезали броню, сейчас заканчиваем навешивать экраны на «тройки» и «четверки». Инженеры ваши посчитали уже, сказали, что теперь танки выдержат и пулеметы русские, и даже пушки... в основном выдержат. Да и мы под такие наезды подставляться больше не собираемся — вы просто передайте дяде, что «двойки» можно больше танками не считать, а сроки наступления нужно на недельку отодвинуть. На то, чтобы экраны повесить, тоже время требуется. Немного, но все же...

Откровенно говоря, никто не ожидал, что несколько посланных на Украину батальонов смогут остановить наступление фашистов — но оказалось, что после визита автогонщика к двоюродному дяде германская армия наступление приостановила.

Ненадолго, всего на пару недель, в течение которых немецкие сварщики срочно «укрепляли бронетанковые войска», но этого времени хватило на постройку и обустройство дополнительной линии укреплений по линии от Николаева до Кривого Рога и, что Светлана сочла наиболее важным мероприятием, замену командования армий Южного фронта вплоть до командиров полков и даже батальонов.

Возможно, она так считала потому, что этим занимался Петруха. Хотя работы собственно Петра Евгеньевича во всем этом деле было немного: он всего лишь «составил опросник», на который отвечали (в письменном виде) все командиры РККА до командиров батальона включительно, и разработал методику анализа этих ответов. Даже не очень-то и «разработал», он просто вспомнил то, чему его когда-то в будущем учили...

В процессе опроса девятнадцать генералов и полковников застрелились, порядка двух сотен «кровавая гэбня» арестовала и отправила в Москву для более тщательного расследования, а очень много командиров разного уровня внезапно получили повышения по службе. А еще на фронт отправилось почти пять тысяч «выпускников» института Слащева. Сам Яков Александрович тоже убыл на фронт, правда в странной должности «представителя Генштаба на Южном фронте»: после того, как его план был изучен Шапошниковым, тот пригласил Слащева в Москву и после двух дней тесного общения специальным приказом Сталина «отставной белый генерал» был назначен на эту должность. С очень большими полномочиями должность была учреждена...

Оля же считала, что главным в получившейся «паузе» стало то, что из Киева удалось эвакуировать большую часть предприятий. Хотя там, по большому счету, этих предприятий было довольно немного, но все же были — и станки, вывезенные из города, позволяли быстро нарастить выпуск требуемой стране продукции в других местах. То есть теоретически позволяли — но инженеры заводов, куда распределялось это оборудование, жаловались на его отвратительное состояние: прежние рабочие следили за станками крайне небрежно. Но после ремонта и эти станки становились весьма полезными: все же их ремонтировать оказывалось быстрее и дешевле, чем делать новые...

Германское наступление на Украине возобновилось в последний день июня, а спустя неделю немцы вошли в Киев. В полупустой Киев, но Светлана удивлялась и этому:

— Я понимаю, что ждунов там хватает, но почему евреи из Киева эвакуироваться не стали? Мы же всех желающих вывозили, бесплатно, и в дороге кормили!

— Солнышко, — попытался объяснить ей муж, — считай сама: в Киеве было чуть меньше миллиона человек, из которых чуть больше двухсот тысяч евреев. При эвакуации заводов в организованном порядке эвакуировано чуть больше двухсот пятидесяти тысяч человек — это рабочие и инженеры с семьями. Еще порядка ста тысяч — молодежь околопризывного возраста, опять же большей частью с семьями, и тысяч тридцать разной шпешеры, главным образом всякой «творческой интеллигенции». Всего получается почти четыреста тысяч, из которых почти треть как раз евреи.

— Ага, а еще хрущевская мобилизация...

— Нет. Двести тысяч мобилизованных — это в основном русские, украинцы, да кто угодно — но в мобилизацию как раз евреев попало меньше пяти тысяч. А из оставшихся там четырехсот тысяч евреи составляют тысяч семьдесят — но это как раз те, кто живет в хороших квартирах, мебель бросать не хочет и прочие богатства. Буденный же запретил тащить в эвакуацию всякое барахло, запретил евреям выделять гужевой транспорт вне всяких очередей — и вот те, кому пианино было бросить жалко, решили остаться... идиоты. Но кто мы такие, чтобы им запрещать самоубиваться? Если кого-то пример Львова ничему не научил, то слова, сама понимаешь, бессильны.

— Это не Буденный запретил, а Оля. Я ей рассказала, что при такой эвакуации евреи оставили фашистам больше сотни тысяч упряжных лошадей, причем в большинстве лошади были искалечены: сбиты холки и плечи. Лошади-то не свои были, чего их жалеть-то? А сейчас у нас транспорта достаточно, так что нефиг лошадок тиранить. Но в целом ты, пожалуй, прав. Кто мы такие? Своих мозгов людям не вложишь, к тому же у нас этих мозгов самим не хватает.

— А вот тут ты ошибаешься. В Белоруссии Пантелеймон Кондратьевич конечно не сами мозги народу вложил, а всего лишь мысли правильные — и с оставляемых территорий ушли почти девяносто процентов населения. Остались практически одни сильно окатоличенные поляки, и вот их, боюсь, мы скоро на той стороне фронта увидим...

— Срать на них, сейчас в Белоруссии на первой линии обороны уже тысяч четыреста обученных бойцов, и десятков тысяч поляков-энтузиастов они с какахами смешают вообще их не заметив. А к середине августа, как говорит Яков Александрович...

Сказать, что Лаврентий Павлович был в ярости, было бы сильным преуменьшением. Не нарком госбезопасности умел сдерживать свои чувства, поэтому он очень спокойно и рассудительно подготавливал приказы. Много приказов: Петр Климов принес ему «представления» почти на полторы тысячи человек. Вообще-то «всесильный нарком» с трудом представлял, как Девятое управление справилось с такой работой всего за полторы недели, но работа была выполнена на совесть, ни к одной бумажке придраться было невозможно. И, откровенно говоря, от этих документов становилось страшно...

Когда Берия с подготовленными проектами приказов пришел к Сталину, тот долго перечитывал «постановляющую часть», затем передал документы Шапошникову и устало поинтересовался:

— А ты сам уверен, что мы здесь не сделаем ошибки? Или, что хуже, не станем жертвой тщательно задуманной вражеской провокации?

— У меня мелькала такая мысль, в особенности учитывая, что по планам, подготовленным в том числе и по их данным, мы оставили Киев. Но если учесть, как воюют

те, кого они поставили вместо отозванных с фронта, они всего лишь исправили... попытались исправить нанесенный этими мерзавцами вред. Причем, я бы сказал, они изначально рассчитывали на наихудший сценарий, а если получается сделать лучше... В Белоруссии они предполагали еще ко вчерашнему дню отойти на вторую линию обороны, но пока стоят на первой и, похоже, отступить больше не будут. На юге они собирались встать на линии Днепропетровск-Кривой Рог-Херсон, а встали на линии Кременчуг-Кировоград-Николаев.

— А Одессу сдали...

— По словам Бориса Михайловича это спасло до ста тысяч наших бойцов. А по мнению Шверника, организованная эвакуация позволила вывезти почти триста тысяч гражданских, причем больше ста тысяч из них как раз вторую оборонительную линию и выстроили.

— Да, за две недели выстроить две линии... Кто командовал строительством? Карбышев?

— Да. Кстати, на него Светлана Юрьевна очень забавную характеристику написала.

— Я не видел, и что там забавного?

— Вначале вроде ругает: неплохой, пишет, фортификатор, но плохо адаптируется к современным требованиям войсковой обороны, советы специалистов игнорирует и все в том же духе. А затем пишет, что безмерно предан нашей стране, жизнь не задумываясь готов за нее отдать и вообще было бы неплохо присвоить ему звание Героя.

— Ну, за эти два укрепрайона... Если войска, как обещает товарищ Слащев, с них не отойдут и врага на линии укреплений удержат, Красное Знамя он точно заслужил. А, возможно, и орден Ленина... а чем Светлана Юрьевна обосновывает Героя?

— То-то и странно, что, по сути, ничем. Просто в характеристике написала, что безусловно заслуживает присвоения — а характеристики эти она мне еще до войны прислала... для ознакомления. Кстати, она подобные характеристики не на одного Карбышева писала: у нее несколько человек так же отмечены были. То есть именно так, без повода и обоснования...

— Откровенно говоря, я не удивлен. То есть не очень удивлен, ведь Девятое управление сначала изучает людей, выясняя, какую они могут пользу нанести... тьфу! И меня своими словечками заразили! Ну так если они видят потенциальную пользу, скажем, очень большую... А Светлана Юрьевна — женщина вообще... азартная, она что думает, то и говорит.

— И это, возможно, не всегда хорошо.

— Ты вообще-то прав, но здесь случай особый: она нам говорит что думает. Не всем, а лишь нам. А это уже не просто хорошо, а очень хорошо. Или ты думаешь, что Жуков и Хрущев, которые не говорили, что думают, хорошо поступали?

— Тоже верно. Но, с другой стороны, Ирина Алексеевна фактически запретила Голованову бомбить нефтепромыслы румынские...

Сталин буквально зашелся в припадке смеха.

— И что смешного?

— Нет, это я вспомнил, как она свое распоряжение объясняла. Сказала, что наше контрнаступление должно быть внезапным и резким, как понос... — Иосиф Виссарионович достал платок, вытер слезы, прокашлялся и продолжил:

— Она сказала, что каких-то своих бомб термобарических они делают по пять штук в сутки, а для румынских промыслов и прочего им нужно накопить их минимум сотни две. И

сейчас Баранов отправил в Крым две сотни Ильюшинских ДБ-3, которые в нужный момент одновременно вылетят и вклизчат... тьфу, вот ведь зараза... разбомбят и нефтепромыслы, и заводы, склады боеприпасов и топливные базы, станции и все прочее. И одновременно сухопутные войска пойдут вперед. Вон, Борис Михайлович, когда с планом операции ознакомился, в восторг пришел.

— И когда нам ждать этого счастливого момента? Двести бомб своих они сделают за сорок дней, а сегодня уже...

— Они не бомб ждут, — Шапошников оторвался от чтения. — Фашисты пока нас превосходят в количестве самолетов, но мы их быстро догоняем: в сутки они, с учетом заводов своих союзников, производят чуть больше тридцати самолетов, а мы уже больше шестидесяти. А сейчас наши летчики и сбивают их больше, чем новых самолетов производится — и когда у нас будет полное господство в воздухе... Баранов говорит, что где-то к октябрю мы будем готовы. В воздухе.

— А наши самолеты что, не сбиваются?

— Ирина Алексеевна привела статистические данные, которые мы, похоже, просто раньше в расчет не брали. Вот у нас сейчас готовых шестьдесят тысяч летчиков, а она говорит, что пятьдесят тысяч из них погибли в боях, так и не сбив ни одного врага. Зато остальные десять тысяч, выжив и опыта реальных боев набравшись, будут сбивать врага буквально десятками. Потому что сейчас наши самолеты уже лучше немецких, просто у военлетов опыта не хватает. И они этот опыт приобретают, кровью своей и жизнями товарищей приобретают. За время с начала войны каждый день мы в среднем теряли в боях больше трех десятков самолетов, но если посмотреть статистику за последнюю неделю, то выводы Лукьяновой подтверждаются. Из десяти новичков в первом же вылете сбивают двоих, через неделю, или через двадцать-двадцать пять боевых вылетов из десятка остаются двое — но эти двое уже лупят врага беспощадно и очень умело. Я тут прикинул: выходит, что в среднем за сутки мы получаем по двенадцать опытных пилотов. Немного, а для прикрытия налета только на Плоешти Жикарев планирует задействовать три сотни истребителей...

— Истребители Поликарпова до Плоешти просто не долетят...

— Да, но Лукьянова обещает подготовить триста своих Лу-7. А «Ишачкам» работа будет по прикрытию «Арок» и «горбатых», которые вклизчат... именно вклизчат все в оперативном тылу противника.

— Чтобы вклизчивать, нужно точно знать куда бомбы бросать.

— Есть мнение, что Лукьяновой давно пора вместе с Героем СССР за Берлин дать и Героя труда. У меня тут состоялась встреча с некоторыми авиаконструкторами, так наш итальянский барон сказал, что его доля в проекте ЛБ-9 — только консоли крыла, а остальное Лукьянова сама сделала. Причем у Бартини над крылом работало двенадцать человек, а вот Лукьянова все делала в одиночку! А теперь три этих чуда спокойно так летают на высоте чуть больше четырнадцати километров с утра и до вечера. А кинофабрика Ирины Алексеевны в Боровичах нам в Генштаб ежедневно присылает фотокарты на двадцать пять километров в глубину начиная с восьми километров от фронта и дальше всех вражеских позиций, причем с указанием чуть ли ни каждого танка и автомобиля!

— А почему только начиная с восьми километров?

— А на все, что ближе, они прямо с неба наводят артиллерию, причем благодаря Анне Федоровне снаряды экономить им не приходится. Даже не так: высотные разведчики дают

целуказания ближним корректировщикам, те поднимаются в воздух и с нашей стороны фронта корректируют артобстрелы. Очень, оказывается, эффективная тактика, хотя и затратная: на прикрытие корректировщиков обычно поднимается пара звеньев истребителей. Но, если верить Ольге Дмитриевне, это и экономически оказывается выгодно.

— Все это хорошо, — Лаврентий Павлович снова начал раздражаться, — а с этими-то что делать? — он указал рукой на лежащие перед Сталиным бумаги. — Борис Михайлович, вы-то что думаете?

— Если написанное соответствует правде — а сомневаться в изложенном у меня нет ни малейших оснований — то я считаю, что суд примет правильное решение. Товарищ Сухов правильно говорит: страна должна знать своих героев. И тем более — своих предателей. Если суд спросит мое мнение, то я — за высшую меру. И еще: хотя это дело как бы не совсем мое, но под характеристиками Октябрьского и Жукова, Гавриила Васильевича, я подписываюсь...

Александр Александрович Архангельский, когда его вызвала Ирина Алексеевна, был уверен, что разговор пойдет об очередной модернизации Ар-2. И особого смысла в таком разговоре он не видел, просто потому, что считал, что из машины уже выжато все, что возможно. Да, Иркутский завод теперь выпускал Ар-2МЗТ — то есть самолет, в котором на «старый» планер ставились новые турбовинтовые моторы, но он прекрасно понимал, что завод «новые» планеры изготавливать еще долгое время будет не в состоянии. Вот Баранов и старался протолкнуть идею о замене в самолете лишь стальных элементов на алюминиевые «суперсплавы», что даже по первым прикидкам должно было облегчить машину на полтонны (а на удорожание самолета больше чем на треть Петр Ионович решил внимания не обращать: мол, Ирина Алексеевна средства найдет, в военное время экономить на обороне некузяво) — но Александр Александрович почти не сомневался, что в Иркутске и с такой доработкой рабочие не справятся. И инженеры не справятся, ведь алюминий в Верхнеудинске варили в специальной аргоновой камере, которую делали по спецзаказу чуть меньше года. А без сварки такой самолет не сделать...

Однако разговор с Ириной Алексеевной его очень удивил. Зайдя к ней в кабинет, Александр Александрович решил сразу предупредить её:

— Ирина Алексеевна, я не считаю, что дорабатывать Ар-2 вообще имеет смысл.

— Имеет, имеет, только с доработками есть кому справиться. Если вы имеете в виду идеи Баранова, то их вообще забудьте, а вот на серийные, уже летающие машины, по мере износа моторов поставить новые было бы неплохо: планер надежный, мотор в тысячу семьсот сил выдержит — как и скорость под шестьсот километров. И этим пусть занимаются инженеры серийного завода, я им уже всю нужную документацию передала. А вам стоит все же заняться не доводкой древнего артефакта, а разработкой новой машины. Тут как раз наш горячо любимый Архип Михайлович новый моторчик подогнал...

— Моторы в тысячу двести пятьдесят...

— Нет, на ваши «Арки» их ставить смысла нет: машина тяжелая, ей нужен мотор помощнее, а Архип как раз начал выпуск новых, именно в тысячу семьсот... плевать, это теперь не ваша забота. Я зачем вас позвала-то: Владимир Михайлович сейчас налаживает в Ташкенте выпуск новых региональных самолетов на сорок пассажиров, как раз с такими двигателями, и это хорошо. Но самолетик-то региональный, а стране нужен среденемагистральный... для начала. У Люльки как раз заканчивается этап проектирования подходящего двигателя, с тягой в четыре тонны. Хорошо бы иметь моторчик тонн на шесть,

но пока придется обойтись таким. Смотрите... — она подошла к стене, отдернула закрывающую ее занавеску. — Это — общая схема. Три двигателя в хвосте, салон на восемьдесят пассажиров. Поскольку самолет будет летать только между городами, между большими городами, то исходим из наличия аэродромов с хорошими бетонными полосами. Отсюда принимаем высокие взлетные и посадочные скорости, рассчитываем на полосы длиной в два километра и более. Принимаем крейсерскую скорость в восемьсот пятьдесят километров в час, рабочий потолок в двенадцать километров, дальность полета в районе двух тысяч километров, коммерческая нагрузка девять тонн...

— А где пропеллеры ставить?

— Двигатели реактивные, вам Люлька все про них расскажет.

— Новый тяжелый бомбардировщик?

— Нет, самолет будет строго пассажирский, бомбардировщики у нас и так только ленивый не строит, а до гражданской авиации ни у кого руки не доходят. Да, хочу заранее предупредить, а то все вы, выкидыши из туполевского гнезда, стараетесь нагрузку на крыло поменьше сделать и в результате машины перетяжеляете — так вот, у нас есть достаточно прочные материалы и достаточно мощные моторы для того, чтобы делать самолеты легкие и шустрые. Увижу, что снова крыло делаете побольше да потяжелее — отдам проект Мясищеву. Он на нашем Л-610 уже научился нормальные крылья проектировать.

— Понятно... и когда проект должен быть готов?

— Я думаю, что у Люльки доводка двигателя потребует где-то пары лет. Ну, где-то к началу серийного выпуска двигателей и подгадывайте. И еще: наверняка Люлька будет вам сказки рассказывать про еще более мощные моторы, которые он скоро сделает. Может быть и сделает, но вам до этого не должно быть никакого дела: в стране у нас хозяйство плановое, а по плану у нас других моторов в сорок третьем не предусматривается. Вот вам постановление о начале работ — это чтобы всякие вам работать не мешали. Появятся вопросы — с удовольствием отвечу. Будут вам мешать и отвлекать — сразу жалуйтесь мне, с отвлекалками я знаю как разбираться. Если вас Берия или Сталин начнут нагибать — валите все на меня. Задача ясна?

— Но ведь война...

— Это еще не война, а так, войнушка. А нам надо смотреть в светлое будущее и работать над тем, чтобы сделать его еще светлее. В частности, набираться опыта в проектировании тяжелых реактивных самолетов высокой грузоподъемности, способных при нужде хоть через океан бомбу доставить. Я понятно объясняю?

— Теперь понятно. Люлька в курсе, что он мне про моторы рассказать должен?

— Александр Александрович, вы же в соседнем подъезде с ним живете и работаете в двух секциях от него. Сами спросить не можете? А когда с ним проект обсуждать будете, заодно передайте: если мне на него опять жалобу за ругань работницы накатают, то я его... в общем, он в курсе.

Тридцатого августа, строго по плану, генерал-лейтенант Фролов начал наступление на всем протяжении Карельского фронта. Для Валериана Александровича планирование этого наступления оказалось задачей не самой простой, ведь на направлении первого удара стояла не финские дивизии, а полноценная германская армия. Зато у Фролова была подробнейшая карта, показывающее размещение буквально каждой роты врага: чудной самолетик ЛБ-9 почти месяц чуть ли не ежедневно летал над всем районом Петсамо. Очень чудной: с фюзеляжем, более подходящим для истребителя, он нес крылья размахом свыше двадцати

пяти метров и, снабженный двумя моторами с огромными пропеллерами, мог часами висеть на высоте до четырнадцати километров, снимая хитрым фотоаппаратом с объективом диаметром в тридцать пять сантиметров чуть ли не каждую травинку на земле. Немцы этот самолет видели без особых усилий, часто за ним тянулись белые полосы длиной в километры — но сделать что-либо они не могли. И поначалу очень дергались при виде непонятной машины в небе, но потом как-то успокоились и привыкли, особого внимания на него не обращая.

А зря: в четыре утра по заранее разведанным позициям ударила советская артиллерия. Фролову для этой операции только гаубиц М-20 было выделено сто батарей, а ста двадцатимиллиметровых минометов было чуть меньше тысячи — почти что треть от всех имеющихся в РККА. И ко всему этому артиллерийскому богатству боеприпасов было завезено столько, что хватило на три часа непрерывной стрельбы. Сам Валериан Александрович искренне считал, что при такой плотности огня и часа артподготовки будет достаточно, но прибывший на фронт «представитель ставки» Слащев сказал, что «боеприпасов хватит, а людей жалеть надо» — и похоже, Слащев оказался прав: те немногие фрицы, которые выжили после такого обстрела, вообще сопротивляться не могли и бойцы первые шесть километров прошли без даже намеков на сопротивление. А затем — опять-таки строго по плану — остановились и приготовились к вражеской контратаке. Фашисту не помогли даже хваленые укрепления «гранитного вала»: какие-то специальные мины (с широкой красной полосой на корпусе) даже взрываясь снаружи дота умудрялась доставать фашистов и внутри, если не убивая их, то как минимум оглушая.

Фашистских самолетов бойцы РККА перестали бояться уже через полчаса после начала наступления: не было этих самолетов. В небе летали только красnozвездные машины, очень быстрые и ловкие, и они, похоже, врага уничтожали еще на его территории. А в девять утра в воздухе появились армады «Арок», высыпавших на врага бомбы целыми пригоршнями...

К половине девятого вечера фашистов выбили из Петсамо и Колосйоки, причем на руднике немцам не удалось ничего взорвать или испортить, что входило в план наступления. Но все это были лишь началом — вот только началом чего? Генералу Фролову были хорошо известны дальнейшие планы наступления, но получится ли их выполнить, было пока неясно...

Чтобы не попасть в капкан, чтобы в темноте не заблудиться...

«Субботнее наступление» на севере Финляндии очень сильно напрягло фашистов, ведь поступления никеля в Германию резко сократилось. Поэтому немцы срочно начали переправлять в Финляндию дополнительные войска — но на этом пути у них тоже возникли серьезные проблемы: даже по кратчайшему пути из Таллина обычное пассажирское судно шло к Ханко почти четыре часа, а торпедоносцы из Ленинграда или Усть-Луги добирались до посудин менее чем за час. Но торпедоносец посылать имело смысл лишь для крупных судов, да и сама торпеда — штука не очень дешевая, так что основную работы выполняли все те же «Арки», просто вываливая на проплывающие посудинки горсти двадцатипятикилограммовых бомб. Очень оказались полезными эти самолеты в деле пресечения мореплавания там где не надо тех, кому не надо.

Воздушное прикрытие транспортов у немцев тоже не задалось: советские бомбардировщики вылетали во-первых довольно большими группами, а во-вторых, под плотным истребительным прикрытием. Конечно, немецкие асы сбивали русские самолеты — иногда сбивали, но бомбардировщиков всегда оказывалось достаточно для потопления транспортов, а асы тоже часто падали в море. Хотя бы потому, что советских истребителей всегда оказывалось в воздухе больше...

Попытки обеспечить транспорт войск в Финляндию продолжались примерно неделю, но когда немцы поняли, что суденышкам даже ночью ничего не светит... То есть светило-то им довольно ярко: обнаружив очередную посудину радарными советские самолеты-лидеры вешали в небе осветительные бомбы, а вот увидеть самолеты, которые затем топили транспорты, становилось вообще невозможно.

Аня, подписывая очередную заявку на «фонари», поинтересовалась у Валентина:

— Товарищ Сухов, а не проще ли нам было порты разбомбить? Один хороший налет — и все свободны...

— Конечно проще. Но так у фашиста оставалась надежда нас как-то перехитрить — и мы, по данным разведки, отправили кормить рыб полсотни тысяч отборных фашистов. И примерно полторы сотни германских асов оказались в глубоком ассе.

— Валь, а я вот одного понять не могу. Мы — именно мы, со своими знаниями и умениями — сейчас обеспечиваем победу СССР. А все прочее население, оно что, сидит на заборе с попкорном и семками?

— Ань, вот вы с Валерой — именно вы двое — на пятнадцать лет раньше дали стране новые источники энергии. Я — конкретно я — подарил Союзу Корд и КПВТ чуть пораньше, чем в нашей истории, ну еще немного по мелочи. Ира — она лично выдала чуть более современные самолеты, с огромной помощью Васи, конечно. Гуля тактическую медицину продвинула лет на пять вперед, Саша нужные месторождения немного пораньше открыл, Оля здесь Струмилина научила тому, чему ее Струмилинин там выучить успел. И всё, больше мы, я имею в виду восемь человек, ни хрена не сделали. Всё остальное сделали как раз люди, составляющие это «прочее население».

— Ну, допустим. А почему это население не сделало того же в нашей истории?

— А потому что с нами оказались два самых нужных здесь и сейчас человека. Это Света и Петруха. Света заранее знала, кто не давал стране развиваться, а Петруха — что с этими

подонками делать. Ну сама смотри: мы уговорили Ставку на операцию в Петсамо и помогли материально ее обеспечить — по сути четверть доступной артиллерии предоставив Фролову. В нашей истории Фролов ту же операцию провел тремя годами позже — а кто ему по сути запрещал ее раньше проводить? Кто отправлял на Украине против наступающих фашистов дивизии по одной, дожидаясь, пока фашист очередную дивизию с говном не перемешает? Кто отправил фашистам в плен почти пять миллионов бойцов?

— Но Жукова уже расстреляли... и Хрущева.

— И не только их, по приговору уже девятнадцать генералов отправились на интервью к Сатане, а под следствием еще почти сотня. Я уже не говорю о всем составе ЦК хохлостана. Думаю, они тоже до победы не доживут, наш усатый босс настроен более чем серьезно.

— А почему он в нашей истории их всех не расстрелял?

— А потому что не было в нашей истории Светочки, которая бы правду-матку Сталину в глаза резала. И не было у кровавого диктатора списка людей, которыми можно заменить мерзавцев. Вот взять, к примеру, Толбухина: его Мехлис с командования в Крыму снял — и Крым был просран. А у нас Федор Иванович Николаевским фронтом командует и Мехлис ему не повредит.

— Он никому уже не навредит...

— Да, и опять — спасибо за это Петрухе. А еще Петрухе спасибо за возвращение двух миллиардов украденных у СССР верными ленинцами долларов... Сталин, правда, в нашей истории полтора из них все же вытащить сумел, но опять же пятью годами позже. Ну, еще Ире тоже спасибо за Микояна, Туполева и Лавочкина: Гуревич сейчас уже строгают что-то вроде МиГ-15, Архангельский и Петляков сама знаешь что натворили, Горбунов то, что у нас называлось Ла-5, уже в серию запустил...

— Ира говорит, что не совсем Ла-5...

— Ну да, в полтора раза дешевле и более технологично машинка делается, у него к зиме производство выйдет на два десятка машин в сутки.

— Ага, на твоих-то термопрессах почему бы самолету не стать высокотехнологичным изделием?

— Ань, термопрессы для завода Горбунова, между прочим, тоже с начала и до конца спроектировали и изготовили местные инженеры и рабочие. Да даже с электростанциями вашими: ты один раз Хлопину сказала про этот, как его... тетрафторбериллат лития — а его ребята уже на горнохимическом комбинате запускают десятимегаваттный реактор на расплаве солей. Да, исследовательский, но десять мегаватт электричества он к зиме уже будет выдавать и вдобавок плутоний нарабатывать. А всю химию по вытаскиванию излишков плутония из соли кто придумал? Ты, насколько я помню, и рядом там не стояла...

— Ну, ты прав конечно, это я с устатку завелась. Но тогда получается, что эти три сотни мерзавцев, которых Петруха... это из-за них Россия потеряла двадцать миллионов в этой войне?

— Нет, двадцать миллионов — это из-за тех полтора сотен, которых сейчас Иосиф Виссарионович с Лаврентием Павловичем к общему знаменателю приводит. А те три сотни — это... да, тоже немало получается... Светка сказала, что мы к началу сорок первого пришли с населением на десять миллионов большим, чем в нашей истории. Это без Синьцзяна и Тувы если считать... Но, мне кажется, ты все равно не права. Не в том не права, что эти пять сотен мерзавцев погубили десятки миллионов человек, а в числе мерзавцев ошиблась.

— Поясни...

— Ну, я думаю, что эти подонки нагадили по крупному, но ведь было — и есть — многие тысячи мразей помельче, которые тоже гадили как могли. И сейчас — в том числе благодаря и работе Светы и Петрухи — у них возможности гадить сильно поубавилось, да и желания тоже. Но ведь основную-то работу по выявлению этих гадов и их нейтрализации провели без нас. Тот же Лаврентий Павлович сколько подонков только из ОГПУ убрал? А в целом по стране? По моему мнению Сталин очень верно указывал, что с развитием социализма классовая борьба обостряется, просто бородатые классики эти самые классы не совсем корректно определили. Укрохуторянин — это класс или нет? А ведь разведка сообщает, что уже больше ста тысяч хохлов в полицаи и в вермахт записались...

— О чем это вы так горячо спорите? — поинтересовалась зашедшая в «обеденный зал» Оля.

— О том, сколько хохломразей в вермахт бегом записались.

— Очень интересная тема. Мне как раз Петруха последние разведанные скинул... не сильно радостная картина получается.

— Ну давай, нагнети, а то мы что-то в уныние никак не придем. А зачем он тебе их скинул?

— Чтобы я передала их в институт Слащеву, там народ как раз общее наступление планирует и им эта информация сильно в струю: у них, оказывается, психотипы для каждого из врагов составлены чтобы проще их уконтрапуивать было...

— Это я им посоветовал! — с довольным видом сообщил Валя. А потом как-то сник, и добавил: — Мне именно Петруха про них рассказал...

— Ну так вот, если вам интересно, то на сегодняшний день на фронте — если фиников не считать, но с ними уже и так всё ясно — к фашистам примкнуло триста тысяч румын, которые уже никогда не вернутся домой, двести двадцать тысяч аналогичных венгров, полтораста тысяч латышей, почти сто тысяч эстонцев и лишь семьдесят тысяч литовцев. Это я отдельно перечислила тех, кто сам купил себе путевку в ад. Триста тридцать тысяч французов — насчет их судьбы наши господа офицеры еще думают, испанцев чуть больше сорока тысяч — по их поводу наши офицеры склонны принять мнение Светланы нашей Юрьевны, хорватов уже чуть больше ста тысяч — и их решено тоже живыми не выпускать. Вот кого вообще нет, так это итальянцев...

— Я думаю, Гитлер просто боится их привлекать, потому что знает, что макаронники все просрут, — заметил товарищ Сухов.

— Возможно. Еще всякой еврошелупони типа бельгийцев и голландцев в сумме тысяч пять-десять, но на них и внимания обращать не стоит. Но что особенно мерзко, к немцам примкнуло почти двести тысяч хохломразей и почти пятьдесят тысяч русских подонков. Но — и тут, похоже, Светины данные подтверждаются — больше восьмидесяти процентов предателей произошли с правобережной Украины.

— А у нас русских было вроде больше чем хохлов, — с недоумением решила уточнить Аня.

— У нас Жуков и компания немцам в плен отправили пять миллионов человек, а сейчас они успели только сотню тысяч туда переправить. Кстати, по агентурным данным как раз пленные укры через одного в вермахт переметнулись, то есть по процентам как раз соотношение право- и левобережников в войсках, а из русских — меньше пяти процентов. Но основной контингент — это добровольцы из населения оккупированных территорий...

— Да уж... а откуда у Петрухи такая точная информация?

— От сеньора Альвареса вестимо: он же совладелец компании Треторн, а компания подрядилась поставлять дешевую обувь для немецких вспомогательных разных войск. А заодно фирма собирает «региональную антропометрику» для дальнейшего завоевания европейских рынков. Фашисты на такую активность шведов смотрят сквозь пальцы: фирма в Германии давно известна и такую информацию собирает еще с середины двадцатых... с двадцать восьмого, когда сеньор Альварес стал совладельцем фирмы. Очень полезный источник оказывается.

Девятнадцатого сентября в «Правде» было напечатано постановление о награждении товарища Сухова орденом Ленина. А не напечатано было о награждении еще восемнадцати человек — в основном орденами Трудового Красного знамени, которые наладили на Гомельском ремзаводе массовый ремонт гаубичных стволов. Где-то за неделю до постановления Валя долго на заседании Ставки объяснял, почему нельзя столь же «дешево и просто» ремонтировать стволы танковых и полевых орудий — и, похоже, до руководящих масс дошло, что впихнуть плазмотрон в ствол диаметром меньше десяти сантиметров просто невозможно. Они поняли, вздохнули глубоко — и родили постановление, которым предусматривалась в кратчайшие сроки разработка нового плазмотрона, все же впихуемого в трехдюймовую трубу...

Ну а ордена щедрой рукой отвесили за то, что ресурс отремонтированного ствола превышал ресурс свежеепеченного примерно вдвое. Вася, который данную технологию и предложил, объяснял эффект (причем заранее еще объяснял) очень просто: качество металла, осаждаемого плазмотроном на внутренней поверхности ствола, оказывается на порядок лучше, чем качество того же металла, получаемого, скажем, ковкой литой заготовки. И приводил в пример советский еще эксперимент, когда в депо станции Москва-III плазмотроном восстанавливали вагонные оси, после чего отремонтированная ось служила вдвое дольше новенькой — и на этом же примере пояснял, что если «взять новую ось, обточить ее на станке и наварить металл в плазмотроне», то это не увеличит начальный ее ресурс: металл «должен предварительно сработаться, когда слабые места подвергнутся естественной деструкции».

Когда Валентин с этим постановлением вернулся в Боровичи, он за первым же ужином поделился горем с товарищами и риторически «вопросил у небес»:

— И что мне теперь делать? Ребята же по двенадцать часов в цехах корячатся стволы ремонтируя, когда им еще и новой разработкой заниматься?

— Забей, — спокойно ответил ему Вася. — В том смысле, что гвоздик забей в стену деревенского сортира и на него повесь это постановление. Если мне склероз не изменяет, сначала ЗиС-3 делались с ресурсом ствола на пять тысяч выстрелов, а уже через год технологию упростили и ресурс снизился до двух тысяч. Но до конца войны ни одну пушку не списали по износу ствола: ну не живут на войне пушки столько! По документам сейчас у Т-34 ресурс ствола триста выстрелов, но реально ствол меняют после ста восьмидесяти-двухсот, пока танку профилактику обязательную делают — и все довольны. Потому что и танков, которые пережили пару таких замен, почти нет. А гаубицы мы не на передке используем, их редко подбивают...

— Не так редко, как хотелось бы...

— Но и не часто. Две Брестские батареи уже больше трех месяцев стреляют, на них уже по четыре раза стволы меняли — а они как новенькие. В смысле, все восемь орудий еще

ЖИВЫ.

— И это радует, да. Когда там наш «представитель ставки» наступление планирует?

— А хрен его знает. Я в четверг Шапошникову показывал новенькую нашу ульяновскую машинку, Сталин тоже на наши достижения в автопроме посмотреть заехал...

— Ульяновскую? Ты же вроде там «буханки» делать собрался?

— Ага, но еще на опытном производстве понемногу БРДМ-2 делать начал, вот её и показывал. С пушкой двадцать три миллиметра и КПВТ, машинка фурор произвела. То есть «буханка» тоже понравилась, но наш главный босс очень просил все же «бардак» в серию ставить.

— А как же «буханка»?

— Она в серию и пошла, никто менять ничего не будет: сорок тысяч машин в год — тоже серьезное подспорье для армии. Я Виссарионовичу сказал, что «бардаки» на новом заводе в Арзамасе делать будем, он только спросил что еще для этого завода срочно нужно. Но сами же знаете, там ничего уже не нужно кроме времени, в ноябре, думаю, первые машины с завода уже пойдут... Кстати, Валь, с бронебойными для КПВТ у нас как?

— Пока проблем вроде нет. Сеньор Альварес давно уже скупил все вольфрамовые рудники в Боливии и Аргентине — и мы оттуда получили больше тридцати тысяч тонн, еще у янки почти все излишки выкупил — двенадцать тысяч тонн. А еще официально СССР у Гоминыдана за самолеты и прочее оружие почти двадцать тысяч тонн успел получить, так что с карбидом вольфрама пока проблем не предвижу. Сейчас из Боливии с Аргентиной приходит тонн двести пятьдесят в месяц, это хотя и немного, но на поддержку штанов хватит. В Тырнаузе — спасибо Саше — в этом году с тысячу тонн металла получим...

— Хорошо еще, что никто пока не догадался урановые сердечники делать, — заметила Аня.

— А никто не догадается, потому что ни у кого сейчас урана нет, — усмехнулся Петруха. — Сейчас, если не считать моих рудников в Аргентине, какая-то добыча идет лишь в Канаде, где один сумасшедший миллионер по имени Марсель Марсо его скупает чтобы в океане утопить.

— А кто у нас работает этим Марселем? — поинтересовалась Света.

— А ты с какой целью интересуешься? — в свою очередь спросил у жены Петруха.

— Исключительно с целью забыть это имя. Ты тут уже на десять лет расстрела наговорил, заложив нам нашего агента, и я теперь думаю, как тебя отмазать.

— Не выйдет отмазать, мы тут все по уши замазаны.

— Это-то понятно, меня просто интересует, почему тебя Лаврентий Павлович до сих пор в Союзе держит: на тебе же и вся Южная Америка висит, и Восточный Туркестан, и еще хрен знает что... я прикидываю, как мне дальше жить с детьми когда он тебя туда отправит.

— Не отправит, сейчас всеми делами в Южной Америке у нас заправляет парень, всем нам известный — по крайней мере по имени. Первый зам господина Альвареса Паша Судоплатов! И да, с канадским французом он знаком, а не я, мое же участие заключается лишь в финансовом обеспечении этой аферы через Rainbow Glasses.

— Кстати, а что новенького в мире произошло, пока я в Ульяновске корячился? — задал совершенно «не кстати» вопрос Вася.

— Из интересного лишь то, что карабин Сережи Симонова под наш «патрон для школьной винтовки» официально принят на вооружение. Вторым экспериментальным я уже перевел на его производство, сейчас делаю пять ротационно-ковочных машин для

Ижевска, — хмыкнул Валентин.

— Понятно, с командирским патроном мы попаданскую задачу выполнили, а как начет промежуточной башенки с мотором поперек?

— Саша допинал ребят в Восточном Туркестане, так что Читинский танкоремонтный в сутки делает два Т-50 и еще четыре корпуса отправляет в Нижний Новгород. И Семипалатинский завод полиметаллов теперь выдает в сутки по пятнадцать тонн редких земель, так что с лантановыми и цериевыми сталями у нас уже очень неплохо, даже для Арзамаса их достаточно будет. Это даже если не считать завод в Балее, который Читу лантаном и церием кормит...

— А как насчет неодима?

— А тебе зачем? Неодим же больше для алюминия и титана...

— А я как раз БРДМ с титановым корпусом сделал. Все четыре штуки, а сейчас как раз аргоновую камеру для сварки корпусов в Арзамас перевозят.

— Васенька, а харечка у тебя не треснет? — вежливым голосом поинтересовалась у Василия супруга. — Мне титана на авиацию едва хватает...

— Но сейчас же в Яреге новый титановый завод работать начал, неужели ты с мужем излишками не поделишься?

— Не поделюсь. Танки делаются сугубо из стали! Тем более, что наши новые сплавы уже чуть ли не втрое прочнее той брони, что на КВ и Т-34 идет, а по цене титану настолько уступает...

— Вась, — тихо высказала свое мнение Оля, — если ты машину изначально под титан проектировал, то ты поступил очень плохо. Времени потратил дофига с нулевым выхлопом, а у нас, между прочим, все же война идет.

— Ну... я все же не полный debil, в Арзамасе завод заточен на стальные «бардаки». А титановые — это я так, в качестве эксперимента сделал. Причем эксперимент вышел удачным: на испытаниях немецкая колотушка броню не пробивает ни в лоб, ни в борт. Я эти «бардаки» командующим фронтов передам, тому же Толбухину например. А то знаю я, как некоторые генералы на передовую рвутся, Гражданскую забыть не могут...

Двадцать второго сентября рано утром Гуля прилетела в Москву и провела «мастер-класс» в «Московском коммунистическом военном госпитале». Ну, сам «мастер-класс» она провела «попутно», узнав, что в госпитале нескольким солдатам требуются операции, в исходе которых военные врачи были, мягко говоря, не уверены — а главной целью ее визита в госпиталь было обучения работы врачей с доставленной туда из Боровичей камерой для гипербарической оксигенации. Такие же уже были в Боровичах и в Минском военном госпитале, и они уже показали высочайшую эффективность в борьбе с гангреной и при тяжелых ранениях, сопровождаемых сильной кровопотерей. Но использовать камеру требовалось с большой осторожностью, да и просто навыки работы с ней вряд ли передаются через формальные документы, так что Гуля решила московским врачам все показать наглядно и на примерах.

А после завершения своей программы она «зацепилась языками» с Николаем Ниловичем:

— Вы, я гляжу, достигли многого в травматической медицине, — заметил пожилой доктор, — я наблюдал за вашими операциями, и у меня сложилось впечатление, что вы подобные уже неоднократно делали. Позвольте поинтересоваться, где вы приобрели свой опыт?

— На войне приобрела, но не на этой. Далее распространяться не буду.

— Понятно... — Николай Нилович о должности внезапной гостьи знал давно. — Тогда позвольте другой вопрос, сугубо практический: врачам у нас в госпитале довольно часто приходится встречаться с пациентами... скажем, не совсем нормальными...

— На войне каждое ранение уникально.

— Не так выразился, и я не про раненых, а про больных. Попадают командиры, в высоких чинах, не желающие выполнять распоряжения врачей, пытающиеся распорядиться персоналом, даже оскорбляющие медицинских работников и так далее. У вас в Боровичах госпиталь тоже ведь немаленький, терапевтические и инфекционные больные наверняка к вам попадают, и мне интересно, как вы с подобными... персонажами справляетесь?

— Ну как... если кто дисциплину нарушает, то выводим на задний двор и расстреливаем. Шучу. У нас подобным типам выпендриваться не удастся: в госпитале даже санитарки носят звания как минимум сержантов НКГБ, а врачей со званием ниже капитана НКГБ просто нет: по окончании обучения в нашей военно-медицинской академии звание капитана НКГБ присваивается автоматически.

— Да, у вас эта проблема, я вижу, даже возникнуть не может, а вот простые полевые хирурги...

— Я просто раньше о такой проблеме не слышала, но вы правы: надо ее решать, и решать срочно. Разрешите телефоном воспользоваться? Николай Нилович, у вас на ближайшие два часа никаких важных дел не намечено?

— На сегодня нет, я завтра с утра собираюсь вылететь в Полтаву, но, думаю, собраться успею.

— Вот и хорошо, — Гуля набрала номер, что-то пробормотала в трубку, очевидно ожидая соединения с абонентом, и, наконец, дождавшись ответа, поинтересовалась:

— Александр Николаевич, это Гюльчатая Сухова. Я тут с Николаем Ниловичем хотела бы подъехать, обсудить кое-то... очень срочно. Что? Ну, как раз в тему получается, вы скажите, что мы где-то через полчаса подъедем.

Положив трубку, Гуля глубоко вздохнула, медленно выдохнула и, повернувшись к пожилому доктору, сказала:

— Поехали, сейчас мы эту проблему решим. Именно сегодня решим, потому что это действительно важно.

Спустя все же сорок минут несколько ошалевший Николай Нилович вошел в приемную, где Александр Николаевич, увидев новых посетителей, встал, сказал подождать минутку и скрылся за дверью. А через несколько секунд вышел обратно и приглашающее махнул рукой:

— Заходите, вас ждут.

В кабинете сидело человек десять, и каждого Николай Нилович если лично и не знал, то видел неоднократно. И когда все они уставились на доктора, он почувствовал себя несколько неудобно — но неудобство это мгновенно прошло сразу после того, как товарищ Сухова озвучила цель визита:

— Иосиф Виссарионович, товарищи, тут Николай Нилович озвучил действительно очень серьезную проблему, касающуюся, причем непосредственно касающуюся, обороноспособности страны. Отдельные командиры — не будем называть фамилии, поскольку тогда я неделю их зачитывать буду — сплошь и рядом не подчиняются военным медиками и даже позволяют неуважительно с ними обращаться. Это я так вежливо хамство красных командиров называю, исключительно чтобы без материны обойтись. В результате

врачи, подвергнутые оскорблениям и унижениям, оказываются не в состоянии спокойно заниматься своим делом по излечению раненых бойцов, что приводит — реально приводит — к дополнительным санитарным потерям и снижает моральное состояние бойцов.

— И что вы предлагаете? Направить в госпитали специальных надзирателей? — Сталин был явно недоволен, что совещание Ставки отвлеклось на какую-то мелкую проблему.

— Нет. Я считаю, что необходимо присвоить всем военным медикам персональные звания, причем старшинство званий врачей установить такое же, как и для командиров НКГБ. Этого будет достаточно для того, чтобы немедленно и навсегда прекратить творящийся в госпиталях бардак.

— Я думаю, что поднятая Гюльчатой Халматовной проблема действительно важна, — высказал свое мнение Шапошников, — и решение она предлагает достаточно простое, к тому же действенное. Я-то вот подчиняюсь равному мне по званию врачу, но формально подчиняюсь лишь по вашей просьбе, — он повернулся к Сталину, — а другие могут и взбрыкнуть. А если принять предложение товарища Суховой, то ей — как и Николаю Ниловичу без сомнений — звание нужно присвоить не иначе как генерал-полковников.

— Кто-то имеет другое мнение? — слегка улыбнувшись, обратился Сталин к остальным сидящим за столом. — Другого мнения нет, значит, сегодня же принимаем постановление в соответствии с предложением Гюльчатой Халматовны. Исключительно чтобы товарищ Шапошников более не переживал, что он подчиняется младшей по званию, — тут уже Иосиф Виссарионович улыбку скрывать не стал. — У вас все? — он повернулся к Гуле.

— Всё, товарищ Сталин. Мы можем идти?

— А если генерал-полковник, то как нам быть с маршалами? — недоуменно поинтересовался Бурденко.

— Идемте, Николай Нилович, не будем мешать людям заниматься секретными делами. А звания НКГБ на две позиции выше армейских, так что маршалы вам первые честь отдавать теперь обязаны, — и после этих слов Гули в кабинете все присутствующие, включая Сталина, откровенно заржали.

— Вот ведь неугомонная женщина, — заметил, после того как за Гулей и Бурденко закрылась дверь, Василевский.

— Неугомонная, и благодаря ей у нас санитарные потери составляют менее десяти процентов, а умирает в госпиталях вообще около трех процентов, — заметил Шапошников.

— Это так, мы все ей должны в ножки кланяться, — продолжил высказывание Сталин, — и первыми ей честь отдавать будет уже нашим делом чести. Мне Рокоссовский, кажется, говорил, что на Белорусском фронте солдаты убеждены: если операцию делает Сухова, то раненый наверняка выживет, а она до десяти операций в день делает в Минском госпитале. Уже почти тысячу бойцов спасла, которых мы на смерть посылали...

— Я уточнил, — сказал Поскребышев, — она даже сегодня в Коммунистическом госпитале шесть операций провела, причем четыре на раненых, которых сам Николай Нилович считал безнадежными...

— Представить ее к званию Героя социалистического труда? — предложил Василевский. — а то такой заслуженный врач, а всего один орден Красного знамени...

— Кто готов представить? — спросил Сталин.

— Я и представление напишу.

— Пишите, меня тоже представителем укажите. Думаю, Президиум Верховного Совета представление утвердит. И будет у нас первый дважды Герой Социалистического труда, —

усмехнулся Иосиф Виссарионович, а затем, глядя на ошарашенную физиономию Василевского, уточнил: — Гюльчатай Халматовна почему-то только орден Красного Знамени и носит всегда, хотя у нее уже пять орденов и Звезда Героя соцтруда. Вы правы: врач она действительно заслуженный... а теперь вернемся к вопросам нашего наступления...

Федор Иванович новое назначение получил совершенно неожиданно. Получил приказ Верховного передать дела заместителю и через час вылететь в Москву за этим самым «новым назначением», причем для него даже специальный самолет прислали. Единственное, что его несколько смутило, так это то, что экипаж самолета был полностью женским — но оно и понятно: война, все мужики на фронте.

Вот только оказалось, что и самолет, и экипаж теперь числились за Южным фронтом, командовать которым его и поставили. Причем Василевский, передавший ему приказ о назначении, сообщил, что таких самолетов у него будет три: экипажам же отдыхать иногда нужно, а у командующего фронтом готовый к вылету самолет должен быть круглосуточно. Шапошников же еще сказал, что кроме женщин-летчиц к нему «прикрепляются» и женщины-врачи, причем сразу две бригады по три врача и по четыре медицинских сестры. Которых слушаться требуется беспрекословно.

Ну, с врачами тоже было понятно: Федор Иванович слышал, что «персональных врачей» всем командующим фронтам назначали, чтобы плохое самочувствие не мешало хорошо выполнять работу. А работы было не просто много: фронт «встал» на подготовленной линии обороны, причем сама эта линия генерал-майора изрядно смущала. Первое время смущала: за Южным Бугом были выстроены два плацдарма, причем если плацдарм возле железнодорожного моста был в принципе понятен, то плацдарм напротив Николаева, связанный с «большой землей» отвратительным наплавным мостом, с трудом способным выдержать грузовик, казался заранее обреченным на потерю.

Еще в первый же день пребывания в штабе фронта его очень смутила рота, состоящая из молодых женщин, причем вооруженных «мосинками» — в то время как все бойцы фронта уже перешли на новенькие карабины, а часть получила не те, которые почему-то называли «школьными», а самозарядные карабины Симонова. Но его начаштаба — полковник, выпускник Слащевского института — пояснил:

— Это, Федор Иванович, не просто девушки, а бойцы специальной легкой снайперской роты. У каждой из них уже минимум десять врагов на счету...

— Легкой — это потому что девушки?

— Легкой — это потому что у них винтовки легкие. У нас на фронте еще две тяжелых снайперских роты, там, конечно, только парни воюют — и вот у парней этих винтовки куда как помощнее и потяжелее, конечно. Ребята стреляют с дистанций больше километра, до полутора часто — и вот они в рядах фашистов настоящую панику наводят. Не видно же врагам, откуда эти парни стреляют — а стреляют они весьма результативно.

— Хорошо, а теперь давайте обсудим... давайте, вы мне расскажете, зачем эти странные плацдармы устроены и как мы их должны теперь оборонять в условиях, когда с коммуникациями...

— Я понял ваш вопрос. Смотрите, тут через Буг у нас проложено шесть мостов...

— Какие шесть? Я увидел только один здесь и железнодорожный там.

— Это хорошо, что вы не увидели больше. Значит, и враг их не увидит. Четыре моста у нас напротив Николаева, переправа по ним ведется исключительно по ночам. А не видно их потому что мосты эти притоплены на полметра. По ним и автомобили, и танки даже

свободно проходят, а нужно будет — и бойцы вброд перейдут. Еще обустроено по десятку причалов подобных же на каждом берегу, это здесь, в Николаеве, и для перевозки любых грузов у нас сосредоточено до полутора сотен небольших самоходных плашкоутов... тоже перевозки идут в темное время суток.

— Так, со снабжением плацдармов теперь мне понятнее стало... а зачем они? Оборону по берегу реки налаживать ведь проще?

— Конечно проще. Но Николаевский плацдарм нужен, чтобы враг с противоположного берега не мог город артиллерией накрыть, а плацдарм у моста прикрывает единственный на сотни километров реки железнодорожный мост через Буг. Очевидные причины, в том числе и для румын — и румыны стараются эти плацдармы сбить. А так как с боеприпасами у нас вообще никаких ограничений нет, то теряют они в попытках захвата плацдармов свыше тысячи солдат в сутки, а так же огромное количество техники и артиллерии. И немцам, которые их начали сейчас в этом поддерживать живой силой и техникой, тоже достается...

— То есть все же в Генштабе поняли преимущества активной обороны... Тогда мне одно непонятно: вы, Варфоломей Георгиевич, с задачами и сами прекрасно справляетесь. Или в Генштабе постеснялись полковника командующим фронтом поставить? Звания для вас пожалели?

— С обороной я, пожалуй, и сам бы справился. Но полковника мне присвоили три недели назад и крупными войсковыми соединениями я еще не командовал, так что опыта у меня не хватает для планирования наступления. А вы, как мне сказали, командующий опытный, наступление проведете качественно.

— Наступление... а какие нам для этого наступления дополнительные силы дадут, вы уже знаете?

— Да. Еще три мотопехотных полка.

— А еще что?

— А всё.

— И с таким ограниченным составом кто-то планирует наступление?

— Вы планируете. Мы планируем. Мы должны учитывать, то есть должны считать, что у врагов разведка поставлена на отлично. Если в этом мы ошибемся, нам же лучше, но предполагать мы обязаны худшее. Враг знает, что у нас на триста пятьдесят километров фронта двести тысяч бойцов, чуть больше. И так же знает, как и мы, что против нас стоят триста тысяч румын, сто сорок тысяч немцев и около семидесяти тысяч прочих солдат, включая и наших предателей. Поэтому он нашего наступления вообще не ожидает.

— И правильно делает, ведь при таком преимуществе в численности...

— Зато враг не знает, что снабжением нашей армии здесь занимается более трехсот тысяч гражданских. И что мы в результате в состоянии ежедневно выпускать по ним до семидесяти тысяч снарядов, а наши самолеты — хотя их и не очень много — могут им на головы сбрасывать по тысяче тонн бомб. Так что шансы противника ошеломить и даже разгромить у нас высокие. А чтобы шансы превратить в настоящую победу, вы обстановку и реальные наши возможности сейчас посмотрите на местности... да, мне пришел приказ, что вам разрешается проводить рекогносцировки исключительно на новом автомобиле, изготовленном специально для вас. То есть для всех командующих фронтами, включая вас, но использовать другие машины вам запрещено. Машину в Николаев пришлют завтра, а сегодня давайте ознакомимся с обстановкой по карте...

Вообще-то Сергей Викентьевич Вальтер должность свою получил в известной степени случайно. С родителями он покинул Россию еще в семнадцатом году — и до тридцатилетнего возраста «ровесник века» даже и предположить не мог, что когда-либо он вернется на Родину. Но судьба иногда такие фортели выкидывает!

Небольшая компания, занимающаяся изготовлением оборудования для зернохранилищ, получила крупный заказ именно из советской России, причем заказ на изготовление оборудования, к профилю компании отношения вроде бы не имеющего: конвейерной линии для нового завода в Минске. То есть в принципе чего-то похожего на элеваторные подъемники, однако и ему — получившему инженерное образование в Льеже — пришлось максимально свои инженерные знания применить. Ну а затем — изготовленную линию на Минском заводе и смонтировать. Ну да, он был далеко не самым грамотным инженером в компании (точнее, самым «малограмотным» среди пяти работавших там инженеров), но у всех остальных с русским языком было совсем плохо — и Сергей Викентьевич оказался в Минске. А спустя полгода принял предложение «заказчика» в Минске и остаться, причем в должности директора этого завода.

Причин для принятия этого решения было всего две, и первая заключалась в том, что владелец «родного» завода где-то за пару месяцев до этого предупредил, что у компании других заказов практически нет и скорее всего по возвращении в Бельгию он останется без работы. А второй причиной было то, что без работы он рисковал остаться при молодой жене: Ольга Вильчевская, работавшая на строительстве этого же завода чертежницей, приняла предложение «приятеля детства». На самом деле была лишь некоторая вероятность того, что юный Сергей встречался с еще более юной Ольгой: по воспоминаниям его матери последний раз они встречались с владельцами соседнего поместья году так в четырнадцатом, когда будущей супруге было шесть лет...

Собственно, именно «прошлое соседство» привело к одобрению родителями Сергея с Ольгой — вдовой с маленьким ребенком, ну и то, что оба рода были записаны в шестой части Родовой книги тоже какую-то роль сыграло. А уже настойчивость супруга подвигнуло «юную чертежницу» поступить в Минский политехнический институт... точнее, попробовать закончить прерванное восемь лет назад образование. И здесь Сергея Викентьевича поразило лишь то, что его в деле «просвещения супруги» сильно поддержал лично руководитель Белоруссии товарищ Пономаренко. Не лично Ольгу Вениаминовну, конечно, поддержал, а вообще всех женщин, рискнувших обучаться на инженеров — но супруге «досталось больше всех» потому что до заветного диплома ей предстояло доучиваться всего полтора года.

Ну а сейчас жена занимала должность главного технолога в главном (на сегодняшний день) пятом цехе завода — просто потому, что дефицит кадров был страшный и другого инженера для этой должности не нашлось. А цех оказался главным потому, что в нем из старых Т-26 делали новенькие и очень нужные ЗУ-2-23, срезая с «жестянок» верхнюю половину и устанавливая вместо этого двуствольные зенитные автоматические пушки. Еще изношенные моторы меняли на новенькие дизели — но в целом переделок было не очень много и из цеха ежедневно выходило больше двух десятков зениток. Вообще-то «по плану» предполагалось выпускать по одной зенитке в час, но иногда получалось и три десятка столь

нужных стране машин собрать...

Правда Ольга Вениаминовна считала, что «главным» цехом завода сейчас является одиннадцатый — тот, в котором привозимые на завод танки разбирались и из получившихся в результате разборки «запчастей» отбирались годные. И ремонтировались «не совсем годные, но ремонту подлежащие»: все же танки обслуживались отвратительно и заметно больше половины из них кроме как на металлолом, вообще ни на что не годились. Впрочем, и металлолом тут же шел в дело: его на заводе переплавляли в индукционных печах и в центробежных формах отливали из получившейся довольно качественной стали корпуса снарядов...

Одиннадцатым цехом командовал приглашенный лично Сергеем Викентьевичем Василий Петрович Кривоногов — старый, еще «с царских времен», друг отца. В отношении него у Пономаренко, который лично курировал завод, возник лишь один вопрос:

— А его-то как занесло в эту вашу Бельгию?

Но Сергей Викентьевич в ответе своем слукавил и не стал объяснять первому секретарю большевистской партии, что Кривоноговы — старинный дворянский род. Ну а тот углубляться в историю не стал: фамилия-то явно «пролетарская», а куда кого судьба забросила в смутное время революции — сие часто вообще разумному объяснению не поддается. Например, лучший газосварщик пятого цеха, бывший путиловец Иван Иванович Савин сам не мог внятно объяснить, какой черт занес его аж в Южную Африку.

А вот орден Василию Петровичу объяснить было просто: в цеху разбирали не только Т-26, но и БТ — на которых там же монтировали изготавливаемые на автозаводе ракетные установки со смешным названием «Солнцепек». Название-то смешное, но тем, кто увидел, как установка работает, было вовсе не до смеха. А раз установку на полигон под Москвой руководству страны доставил как раз Василий Петрович...

Поздно ночью третьего ноября (а, скорее, уже четвертого) в кремлевском кабинете четыре смертельно уставших человека закончили обсуждение очередного плана. Несколько планов, но тесно друг с другом связанных...

— Ну хорошо, — откинувшись на кресле высказался Лаврентий Павлович, — я тоже согласен с тем, что план наступления выглядит многообещающе. Но у меня остался вопрос: почему кроме них никто ничего похожего вообще не предложил?

— Потому что они к войне заранее готовились, причем очень давно уже готовились.

— Ну, не одни они к войне готовились...

— Но они готовились именно к этой войне, — ответил Борис Михайлович, поставив на стол чашку с недопитым чаем.

— Что значит «именно к этой»? — удивился Берия.

— Из института Слащева мне прислали все документы, связанные с подготовкой. То есть все, которые в институте были — и вот там офицеры тщательно разбирали десятки, сотни сценариев войны именно с Германией и её сателлитами, и выдаваемые институту установочные данные еще с тридцать шестого года, а возможно и раньше, содержали именно те данные по численности нападающих на нас армий, которые мы сейчас видим на фронтах. Разве что в конце тридцать девятого в сценарии были добавлены войска уже британские. То есть они уже тогда просчитали, кто и на каких условиях войдет в союз с Гитлером.

— Ну, допустим. А почему же...

— Погодите, я еще не договорил. И вот на основании данных о противнике они разработали — еще тогда разработали — полсотни различных сценариев будущей войны,

включая сценарии, мягко говоря, катастрофические. Например, полную блокаду Ленинграда, потерю всех территорий до Волги — и даже к таким сценариям они полностью подготовились. Например, на случай блокады Ленинграда прорыли железнодорожный туннель под Ладогой, проложили под озером кабели, способные передать в город двести мегаватт электричества, три трубы, чтобы качать при необходимости в Ленинград бензин, керосин, дизельное топливо.

— Какая-то большая у них фантазия...

— Сценарии разработаны с указанием причин таких потерь, причем с поименным перечислением тех военачальников и партийных руководителей, действия которых к подобным результатам могут привести. В частности, у них предусматривалось, что в случае потерь, аналогичных нынешним, на Украине... формулировка была забавная, сейчас поточнее вспомню... вот: «принудительная смена командования фронтов и руководства УССР».

— Просто «смена руководства»?

— Там и расшифровка была: «если руководство СССР не произведет требуемых перестановок, на пятнадцатые сутки войны ликвидировать Жукова и Хрущева», и еще человек двадцать...

— То есть они еще в тридцать шестом знали, что мы потеряем половину Украины?

— Нет, Лаврентий Павлович, правильнее было бы сказать, что они предполагали и такое развитие событий. В числе многих других вариантов. Так что этот план наступления разрабатывался — как и многие другие — в течение нескольких лет, и были заранее проведены все подготовительные мероприятия... где они смогли их провести. Как, например, в Белоруссии и в Ленинградской области. А теперь они просто в соответствии с текущей обстановкой достают заранее подготовленный план...

— Да, с подготовительными мероприятиями они точно постарались. Выстроить четырнадцать заводов по выпуску боеприпасов, да так, что о них никто и не подозревал...

— Я по этому поводу разговаривал с Ольгой Дмитриевной, — в разговор вступил Струмилин. — Она сказала, что у них была информация о возможном предательстве среди наших военачальников, и они просто не хотели, чтобы все это стало известно немцам.

— Почему? — возмутился Сталин. — Ведь если бы в Германии стало бы известно о наших возможностях, то они бы просто не рискнули напасть на нас!

— Ольга Дмитриевна сказала, что в этом случае на нас бы напала не только Германия, но и Британия, и США. А наша экономика такую войну просто не потянула бы, и я, пожалуй, с ней полностью в этом согласен.

— Ты всегда с ней полностью согласен, — хмыкнул Иосиф Виссарионович. — Даже если бы она сказала, что дважды два равно пяти, ты и тогда бы с ней согласился. Кстати... — он поднял трубку телефона, дождался ответа: — Александр Николаевич, пригласите ко мне сюда Ольгу Дмитриевну, в любое удобное для нее время. Но чем раньше, тем лучше. Да, спасибо, жду, — и, повернувшись к сидящим в кабинете, закончил совещание:

— На сегодня, думаю, достаточно. Наверное, Слащев все же прав: фашист от нас неприятностей будет ждать к празднику, а мы его возьмем и удивим. Лаврентий, ты что-то еще обсудить хочешь?

— Пожалуй, это не срочно. Завтра получу побольше информации, тогда и обсудим...

Ночной звонок Ольгу не удивил: не первый раз за недолгое время войны такое случалось. Правда раньше звонил в основном Струмилин, уточняя свои программы

распределения мобилизованных и эвакуированных, а со Сталиным ей пришлось встретиться лишь один раз, когда он «попросил объяснить причины срыва мобилизации». Вообще-то в тот раз Оля сама примчалась в Москву, «чтобы объяснить Сталину политику партии», и разговор тогда вышел очень плодотворный:

— Это хорошо, что вы ко мне пришли. А раз пришли, объясните мне, почему вы саботируете указ о мобилизации?

— Мы не саботируем, а просто запретили — пока, до выяснения, так сказать — его опубликовать.

— И пообещали расстрелять редакторов газет, которые все же указание Ставки выполняют...

— Тимошенко с Жуковым решили провести мобилизацию семи с половиной миллионов человек в приступе паники, совершенно не понимая происходящего. А зачем нам эти миллионы? В армии у нас пять с половиной миллионов служат, но пять из них вообще воевать не готовы. Сейчас фронт держат — по всей границе, между прочим — чуть меньше трехсот тысяч пограничников и около двухсот тысяч наших ополченцев. На Украине, конечно, полная жопа — но это потому что Жуков наше ополчение туда просто не пускает... неважно.

— Так, продолжайте...

— И продолжу. В Белоруссии мы — я имею в виду девятое управление — вынуждены отвести в тыл полтора миллиона человек. Вынуждены, потому что не сделай мы этого, эти полтора миллиона через месяц были бы поголовно убиты. За пару недель мы постараемся подготовить из этой толпы — именно толпы, не армии — тысяч триста бойцов, уже способных воевать в обороне, а месяца за три подтянем и остальных до уровня, позволяющего им не только обороняться, но и наступать. План по Украине вам уже, насколько я слышала, предоставлен, и там та же ситуация: к осени получится подготовить тысяч шестьсот умелых бойцов. Не раньше, и это время нужно чтобы обучить уже как бы обученных красноармейцев. До конца года мы, армия в целом, способна обучить еще миллиона два человек, то есть половину из уже имеющихся солдат. Так нахрена стране еще семь миллионов неумех? Своими трупами вражеские окопы закидывать? Нет, а страна должна своих граждан беречь.

— Вы считаете...

— Но кроме боевых действий, бойцы могут — и должны — сделать очень много всякого другого. Дороги прокладывать, грузы доставлять, в конце концов просто кормить, одевать и обувать тех, кто в окопах сидит. Поэтому мы подготовили список нужных армии специалистов, которых можно и нужно быстро мобилизовать. Получается, правда, не семь с половиной миллионов, а даже чуть меньше одного — но из-за этого требования к военкоматам по мобилизации необходимо существенно уточнить и, я бы сказала, ужесточить. А на фронт — стране людей пока хватает, а если учесть немаленький поток добровольцев, то хватает с избытком. Избыток — это те, кого страна просто физически не в состоянии сейчас должным образом обучить...

В тот раз Сталин, правда после дополнительного обсуждения всех вопросов с Шапошниковым, срочно вызванным в Москву Слащевым и несколькими (рекомендованными Светланой) генералами предложения Девятого управления принял. Но раз возникли новые вопросы, то решать их следовало незамедлительно — и ранним утром Ольга вылетела в Москву. С Ирой, у которой свои вопросы к Сталину появились.

Сталин, увидев входящих в кабинет женщин, тяжело вздохнул и поинтересовался:

— Ирина Алексеевна, а у вас какие вопросы ко мне появились?

— Доброе утро, извините, что так рано, но время не ждет. А вопрос у меня не очень срочный, просто случаем воспользовалась. Я подготовила постановление о прекращении производства штурмовика Ил-2 на восемнадцатом заводе...

Сталин аж поперхнулся:

— Прекращении производства чего?

— Сергей Владимирович — он конструктор шустрый, я его весной попросила, а он уже закончил проектирование нового бомбардировщика. Реактивного, но под него требуется серьезное переоборудование завода. Мы тут долго считали, почти неделю, и получается, что быстрее и дешевле всего переоборудовать завод в Куйбышеве.

— Сколько?

— В деньгах переоборудование потребует миллионов триста — триста пятьдесят, а по времени месяца за три справимся.

— То есть армия не получит минимум тысячу самолетов, так?

— Не так. На первом заводе производство вырастет минимум на треть, а если мы с комплектующими поможем с пятого экспериментального, то и наполовину. Недобор составит от силы машин пятьсот, зато к весне у нас будет новый бомбардировщик на смену Аркам. Хороший, очень нужный бомбардировщик: скорость под девятьсот километров, до трех тонн бомб, потолок тринадцать километров и дальность чуть меньше трех тысяч.

— И цена как у крейсера, знаю я ваши замашки.

— Нормальная цена получается, сейчас из Боливии Судоплатов поставляет по несколько тысяч тонн тамошнего монацита в месяц, недима получается достаточно для того, чтобы на новые сплавы хоть весь авиапром перевести за очень вменяемые деньги. Так подпишите постановление?

— От своего имени его выпускайте если считаете нужным. И если фронт не будет испытывать недостатка в штурмовиках.

— Не будет, штурмовики Сухого каждый заменяет два десятка Илов, а ребята в Комсомольске их уже по два десятка в месяц собирают.

— Поверю... у вас всё?

— У меня всё. Но я Ольгу Дмитриевну подожду, если вы не возражаете, нам всяко домой вместе лететь.

— Хорошо. Ольга Дмитриевна, у меня вопросы по поводу предстоящего нашего наступления. Точнее, по его результатам. По планам, в выполнении которых у наших военных сомнений практически нет, до конца года будет освобождена большая часть оккупированной территории Украины, и там придется восстанавливать и промышленность, и сельское хозяйство.

— Быстро восстанавливать смысла я не вижу.

— Но ведь фашисты там разграбили практически полностью...

— Я не договорила. Нам и на нашей территории очень много чего нужно выстроить и запустить, так что я просто не вижу резерва хотя бы станочного парка. Но когда мы очистим от фашистов ту же Чехословакию и тем более Германию, то тогда можно и нужно будет воспользоваться трофеями. А какими именно, мы узнаем лишь когда фашистов разобьем.

— То есть до окончания войны, вы считаете, восстанавливать промышленность и сельское хозяйство республики нецелесообразно?

— Я считаю, что само понятие «Украинская республика» должно исчезнуть. Экономически выделение этой территории в качестве отдельной республики себя не оправдало, а политически... Сами же видите: местные, то есть республиканские, власти использовали статус отдельной республики лишь в личных шкурных интересах, политическая работа велась так, что половина населения с радостью бросилась помогать фашистам. И зачем стране такая республика?

— Украинский народ...

— Украинский народ — это политическая диверсия австрийского генштаба времен первой мировой. А с диверсантами, особенно в условиях войны, разговор должен быть коротким.

— Ну хорошо, я понимаю ваши соображения, хотя и не разделяю их. А как бы вы отнеслись в тому, чтобы возглавить эту... территорию? Станислав Густавович считает, что вы лучше кого-либо другого можете справиться с этой работой.

— Струмилин и сам справится. В особенности, если территория будет и юридически, и фактически частью РСФСР. Ну и Петруха ему в помощь, конечно: там много кого почистить придется.

— Ну, в последнем с вами Лаврентий Павлович полностью согласен, он уже готовит кадры для республиканского НКГБ.

— А давайте я вам быстренько, скажем, за неделю, подготовлю все материалы с объяснением, почему Украина должна исчезнуть как понятие?

— А давайте мы вас лучше назначим Первым секретарем республиканского ЦК и вы уже в этой должности на практике свои идеи опробуете?

Оля открыла было рот, чтобы ответить, но громкий смех Иры этому помешал.

— Ирина Алексеевна, что вас так в моих словах рассмешило? — очень недовольным голосом поинтересовался Сталин.

— Да так, ничего особенного. Разве что абсолютная невозможность реализации вашей уже идеи.

— Какой идеи?

— Назначить Олю Первым секретарем.

— И в чем же заключается эта, как вы говорите, абсолютная невозможность?

— Ну... чтобы стать секретарем ЦК, пусть даже не первым, а последним, нужно хотя бы членом партии быть.

— И при чем...

— Вам что, никто раньше не говорил? В руководстве «девятки» все сугубо беспартийные. И Ольга Дмитриевна, и я, и вообще все.

— А Светлана Юрьевна? Ее же ЦК назначил куратором Пономаренко...

— Ну да, назначил. Она и курировала, но в работу Пантелеймона Кондратьевича не вмешивалась. Просто пальцем показывала на проблемы, которые Пономаренко стоило бы решать, ну и помогала советами при необходимости. При чем тут членство в партии?

— Все беспартийные... — как-то растерянно проговорил Иосиф Виссарионович. — Беспартийные... а как же вас Дзержинский назначил в руководство управления?

— Честно говоря, — ухмыльнулась Ира, — он нас и не назначал. Приказ об учреждении «девятки» написал Петруха, Света его подписала — у нее хорошо подписи подделывать получается. Мы просто воспользовались бардаком, который возник после его смерти.

— Так это вы Феликса...

— Нет, конечно. Железный Феликс самостоятельно сдох, и очень вовремя это сделал. Правда, если бы он не помер, то у Петрухи план по его ликвидации был уже готов. Потому что если бы этот мерзавец и ярый троцкист остался жив, то вот вы бы двадцать седьмой год точно не пережили бы.

— А вы считаете...

— Да, мы считаем. Света, например, абсолютно убеждена, что без вас — лично вас — СССР скатился бы в сраное говно еще в середине тридцатых. А Оля просто просчитала, как вам лучше и эффективнее всего помочь в развитии Советского Союза и в укреплении оборонной мощи. У нас просто выбора не было...

— Да... неожиданно.

— Но, согласитесь, неплохо получилось. Оказывается, чтобы помогать процветанию страны, вовсе не обязательно вступать в партию.

— Тогда может вы мне объясните, почему вы стали помогать... Советскому Союзу?

— Чисто шкурный интерес.

— То есть?

— Ну, знаете ли, у нас семья, дети. Хочется, чтобы они жили по-человечески. Росли в мирной, сильной и процветающей стране. Потому что жить в стране, где другие дети мрут от голода и болезней, просто не комфортно — а душа-то требует радости и покоя.

— Да уж... радости и покоя у вас...

— Зато на пенсии мы будем просто сидеть на крылечке, пить чай из самовара и не бояться, что какие-то импортные сволочи потревожат наше мирное небо.

— Я обдумала ваше предложение, — прервала Иру Оля, — и кое-что в нем мне подходит. Но сначала я подготовлю небольшой список условий, при которых я буду готова его принять. Через неделю, если вы найдете пару часов свободного времени, я приеду и мы сможем эти условия обсудить, только будет лучше, если при обсуждении будут присутствовать Струмилин и Молотов.

— А предварительно вы не хотите мне их высказать?

— Нет, мне нужно кое-что уточнить. И кое-что подсчитать. Мы сможем встретиться четырнадцатого, в пятницу?

— Договорились, жду вас в следующую пятницу. Часа в два вас устроит?

— Лаврентий, вот ты в состоянии поверить в рассказ Лукьяновой? — спросил Сталин у наркома Госбезопасности на следующий день.

— Они врут, но они всегда врут.

— Что ты имеешь в виду?

— Феликс забрал в канцелярии десять удостоверений четырнадцатого июня, и номера этих удостоверений именно те, которые проставлены у руководства «девятки». Одно из них, а именно удостоверение Светланы Юрьевны, было сдано двадцать четвертого июля в канцелярию из-за смены фамилии, и мои эксперты его нашли и проверили: оно подлинное. Единственное, что может вызвать некоторое... смущение, так это то, что приказ об учреждении управления напечатан на двух машинках, точнее сам приказ — на одной, а приложение — на другой. Но и это вещь довольно обычная, когда документы готовятся срочно, то разные части и печатаются разными машинистками для скорости. То есть о том, что управление создано не Феликсом, они почти наверняка врут.

— То есть ты считаешь, что верить им нельзя?

— Я считаю, что они врут лишь тогда, когда хотят чтобы им кто-то не мешал делать то,

что сами они считают необходимым. Вот Кирову они наврали про метро в Ленинграде, и выстроили туннели под Ладогой, которые в случае... в общем, невозможно разбомбить в принципе, и сейчас почти треть грузового сообщения с Ленинградом идет по этому туннелю. Ему же наврали про дорогу к Усть-Луге — а сейчас вдоль этой дороги выстроен мощнейший оборонительный рубеж. Пока не используемый, но если армия не удержит рубеж вдоль Нарвы, то на нем фашист точно остановится. Я уже не говорю, как они всему миру наврали про уран...

— Но в таком случае зачем они врут мне... нам?

— Скорее всего, опасаются, что у нас где-то окопались шпионы. И, к сожалению, имеют для этого веские основания. Вот Артузов, например, вообще с абвером сотрудничал...

— Я не знал...

— А они знали.

— Так это они?

— Артузова исполнил лично Петр Евгеньевич... что смотришь, я сам об этом узнал только позавчера. Кстати, было бы неплохо ему за это орден дать.

— Пиши представление, я подпишу. И попроси его ко мне зайти, мне уже интересно, кого он еще...

— Мне тоже интересно, но я даже спрашивать не собираюсь. Опять же наврет, — Берия рассмеялся.

— Вот мне и интересно, о чем он врать будет, — усмехнулся Сталин.

— Ну тогда когда он вернется, приглашу. Только чуть позже: он сейчас сильно занят. Накрыл в Ташкенте довольно большую законспирированную сионистскую организацию, причем серьезную, с зарубежным финансированием, с несколькими подпольными хедерами, с парой десятков меламедов. Ведут антисоветскую пропаганду среди эвакуировавшихся в Ташкент евреев — и Петр Евгеньевич с командой туда поехал разбираться. Дело-то серьезное, нам только еврейского бунта не хватает.

— Судя по тому, как он раньше работал, бунта не будет.

— Это точно, никто даже и не узнает, куда эта организация исчезла. Но в Москве он окажется, думаю, где-то к концу ноября.

— Хорошо, это не к спеху, я же хотел расспросить его о том, что уже сделано. А как у нас сейчас дела?

— Из штаба Толбухина в полдень сообщили, что все идет по плану. У Рокоссовского тоже никаких неожиданностей. А вот у Фролова интересно получается: норвеги с британцами решили в войну влезть.

— Почему не доложили?

— Там пока вроде не о чем докладывать. Голованов сказал, что пришлось немного вне плана побомбить Киркенес, и если противник в бутылку не ползет, то можно будет все списать на случайный инцидент.

— А могут ползть?

— Британцы — могут. Норвежцы, скорее всего, нет: они лишь территорию англичанам предоставили, да и то исключительно подневольно. В нападении на Петсамо только британские самолеты участвовали, а из Киркинеса к нам перебежало несколько русских рыбаков, которые сказали, что норвежских солдат в городе нет, а рыбаки и рудокопы категорически против войны. И против британцев тоже. Так что Ильюшинские бомбардировщики просто аэродром разбомбили, город не трогали. Но торпедоносцы по

заливу прошлись, и в Мурманске ходят слухи — именно слухи, подтверждения нет — что там потопили британский линкор и с полдюжины кораблей поменьше...

— Если Англия вступит в войну с нами, это будет очень плохо...

— Да уж, хорошего тут мало. Однако у Слащева и на такой случай план припасен.

— План — это лучше чем ничего, но легче нам от него явно не будет. Шапошников в курсе?

— Да. В Генштабе как раз план Слащева и изучают сейчас. Забавно: план номер 26–17. Интересно даже, сколько всего там планов уже составлено? И замечу: пока все их планы шли по плану, что дает определенные надежды.

— Да, надежды. А что думаешь насчет присвоения Слащеву звания маршала?

— Давно пора, пусть старичок порадуетя.

— Старичок? Да он нас переживет! Если мы победим, конечно.

— Конечно победим — так правильно говорить. Ладно, пойду дальше работать, сейчас совещание Ставки, если я не путаю, так что мешать не буду. Если что, так я у себя...

Любой в Учкудуке расскажет старик как город-красавец в пустыне возник

— Я вот одного не понимаю, — заметила Светлана, когда все в очередной раз собрались за ужином, — какого хрена британцы-то воевать полезли? И что теперь янки делать будут?

— А что янки-то? — удивился Петруха.

— Наглы теперь вроде как союзники Германии, а у американцев серьезные терки с Японией, которые тоже союзники Гитлера. Амеры сильно помогают Гоминьдану в войне с Японией — и что теперь они делать будут, когда бритты за немцев выступили? Японцам помогать начнут?

— Величайшее заблуждение, — ответила Оля. — Англичане как были, так и остаются противниками Германии, они просто попутчики: тоже хотят откусить территории у СССР. Просто хотят сделать это раньше, чем ее откусят немцы. Они планируют потом и у Германии откусить, причем все, что те отъедят у нас — но потом, когда мы Германию серьезно ослабим.

— Ага, а нам теперь еще с англичанами воевать...

— Это, конечно, очень неприятно... но, как говорят лимонники, если судьба тебе подсовывает лимон, сделай из него лимонад. Британцы сильно переоценили свое влияние в мире, и за это скоро поплатятся. Правда, насколько я понимаю, Иосиф Виссарионович Англию всерьез принуждать к миру не собирается — но оно и правильно, нам этот вшивый остров нафиг не сдался. Но вот в британских колониях пошуровать... кстати, Реза Пехлеви уже осознал, что хуже вражды с британцами может быть только дружба с ними, и попросил Сталина помочь ему с освобождением оккупированных территорий.

— И?

— Ну, на западном фронте у нас дела идут прекрасно, Иосиф Виссарионович шаху помочь уже готов. Он уже попросил меня подготовить экономическое обоснование этого мероприятия. Там большой армии не нужно, и если Толбухину дать тысяч триста бойцов из тех, которые Румынию зачищают...

— Пусть сначала эту Румынию до конца зачистит.

— Да там уже совсем немного осталось...

Наступление, начавшееся ранним утром пятого ноября, пошло не по плану. То есть не совсем по плану: по плану Толбухину предписывалось завершить окружение Одессы к пятнадцатому ноября, но уже десятого румыны покинули город. А на следующий день армия Толбухина подошла к Днестровскому лиману и буквально с ходу форсировала его: румыны даже не попытались оказать здесь сопротивление, так как переправу с воздуха прикрывало несколько сотен советских самолетов. Федора Ивановича удивило лишь то, что в Аккермане весь румынский гарнизон остался на месте — правда, никто в городе воевать с советской армией не собирался: солдаты гарнизона спокойно сидели в казармах, заранее сложив все оружие в кучи перед дверьми. И исключительно для того, чтобы это оружие не разграбили, возле этих куч стояли по паре солдат с винтовками...

Однако такое поведение солдат гарнизона быстро прояснилось: через город отступали (а на самом деле в панике бежали) в том числе и оставшиеся в живых солдаты «первой линии наступления», на собственной шкуре почувствовавшие мощь «Солнцепеков». Их и

было-то всего штук тридцать на Николаевском плацдарме, но этого румынам хватило...

Два других полководца — Рокоссовский со стороны Припяти и Ватутин от Кривого Рога — пошли навстречу друг другу и уже к началу декабря их армии стояли в нескольких десятках километров от Проскурова — с севера и с юга соответственно. Эти два наступления были очень не простыми, ведь наступление шло по фронту в двадцать-тридцать километров и по флангам оставались очень заметные германские (и не только германские) армии, но для прикрытия этих флангов в прорывы вводились дополнительные — и более чем обеспеченные артиллерией — войска. Одних только минометов в сто двадцать миллиметров на южном фронте было поставлено больше трех тысяч штук, почти девять тысяч минометов по восемьдесят два миллиметра, а уж пятидесятимиллиметровых было по паре штук на каждый взвод — а мин для них было вообще «без счета». Ну и традиционная ствольная артиллерия в числе не отставала, так что через Кировоград ежедневно проходило по десятку эшелонов только с артиллерийскими боеприпасами.

Планировавший «на месте» эту часть наступления Алексей Иннокентьевич Антонов сам удивлялся тому, как удачно все получалось — но еще больше он удивлялся тому, насколько ритмично в войска поступали боеприпасы и оружие. Так что он, делая очередной доклад в Ставке, не смог не поделиться своими соображениями по этому поводу:

— Больше всего я опасаюсь того, что мы не успеем достаточно плотно замкнуть кольцо окружения до середины января. Сейчас все снабжение армий окружения производится автомобильным транспортом, а когда дороги растают, то, боюсь, вся система снабжения рассыплется.

— Вы думаете, что во второй половине января наступит весна? — не удержался Сталин.

— По нашим расчетам на то, чтобы кольцо сжать и уничтожить окруженного противника, потребуется не меньше трех месяцев, а дороги станут непролазными уже в марте, и хорошо если в конце марта.

— А нам товарищ Хрулёв говорит, что уже в феврале с транспортом в этом кольце все проблемы будут решены. В этом нам, безусловно, помогут германские и румынские пролетарии...

— Извините?

— Наши войска уже взяли довольно много пленных, и некоторые уже согласились поработать в нашем тылу, например, на строительстве дорог и домов. А высвободившиеся наши рабочие выстроят нужные дороги уже здесь. Но вы в любом случае правы, затягивать с окружением мы не будем...

— Девочки, вы не поверите! — поделилась своим восторгом Света, когда все собрались в «угловом доме» отметить наступление Нового года.

— Что не поверим? — лениво поинтересовалась Ира. — Что армии Ватутина и Рокоссовского встретились в Проскурове, завершив окружение полутора миллионов фашистов? Поверим, потому что уже по радио об этом сообщили.

— Я не об этом. Я о том, что военным комендантом Киева оказывается сейчас служит Паулюс. И будет ему вместо Сталинграда Киев.

— Надеюсь, что Киев мы в Сталинград не превратим, в смысле, в развалины Сталинграда.

— Скорее всего не превратим, — отозвался Валентин. — Судя по тому, как резво фашист рванул из Львова, в городские бои немцы ввязываться желанием не горят.

— И вообще они уже через швейцаров удочки закидывают на предмет мирного

договора, — добавил Петруха. — Но этот вариант у них точно не проскочит, потому что «добьем фашистского зверя в его собственной берлоге», и в верхах этот тезис не обсуждается.

— А долго будем добивать? — поинтересовалась Аня. — Ведь и у нас каждый день потери немаленькие, хочется поскорее с войной закончить.

— Хочется, но оставлять эту мразь в живых просто нельзя, — ответила Ольга. — Что радует, так это то, что Иосиф Виссарионович согласился практически со всеми моими условиями — а в них никакого мира кроме безоговорочной капитуляции не предусматривается.

— А с наглами он согласился поступить?

— Для тебя, моя дорогая, он на все готов. Канадцы, на наше счастье, к наглам примкнули, нам войну официально объявили...

— Тоже мне счастье...

— Уж какое есть. Товарищ Марсо то месторождение, которое было в двадцати метрах под землей, выгреб полностью и шестьсот тонн урана нам отправил. Так что снаружи счетчиком Гейгера современным там уран уже не найти, но сейчас он глубже зарываться даже не пытается — а нам в любом случае лишних тысяч пятьдесят тонн не помешают. У нас, конечно, и советского урана жопой жри, однако обездолить буржуев было бы не только общественно полезно, но и лично не вредно...

— С последним тезисом согласна, но ведь янки наверняка обидятся, если мы в Канаду попремся.

— Вот и я об том же. Товарищ Рузвельт, если вежливо выражаться, очень недоволен инициативой британцев в Европе, и еще больше он недоволен тем, что они творят в юго-восточной Азии, так что сейчас Андрей Андреевич объясняет Франклину Джеймсовичу, что СССР Канаду просто обязан наказать, иначе нас мировая общественность не поймет.

— И что ему отвечает товарищ Рузвельт?

— Что если СССР поможет США уконтрапупить японцев, то американцы в качестве благодарности лет пятнадцать не будут обращать внимание на то, что творится у них на северной границе.

— С чего бы янки так японцами озаботились? Ведь никакого Перл-Харбора не случилось, или я что-то пропустила?

— Нет, не пропустила. Сам-то Рузвельт вообще за все хорошее против всего плохого и воевать в принципе не хочет, однако самураи им очень сильно мешают Китай окучить — и если мы их уконтрапупим, то, по его мнению, Китай им вообще бесплатно достанется.

— Ага, как же!

— Искусство дипломатии в том и заключается, чтобы не говорить лишнего. А если лишнего не говорить, то можно добиться многого. Например, в США симпатии к Гитлеру довольно сильны, в особенности среди крупных промышленников — но поддерживать Британию они категорически не захотели. До смешного доходит: Германии янки много чего сейчас продают, а англичанам практически ничего, даже жратву не поставляют. Громыко вроде слышал, что янки срочно военный флот бросились увеличивать с целью перекрыть именно британскую торговлю в Атлантике.

— А вот это непонятно.

— Как раз понятно: они собираются британские колонии прибрать. По крайней мере с австралийцами у них уже серьезное взаимопонимание налаживается...

— Ладно, хрен с ними. А что нас ждет в Канаде? Я на предмет обеспечения всякой химией...

— Одиннадцать с половиной миллионов человеко-рыл, по анализу, проведенному в НКВД, три с половиной миллиона против нас не попрут, а то и поддержат.

— Почему?

— Квебек, там давно сепаратистские настроения бродят. Если мы... когда Иосиф Виссарионович пообещает им независимость... А если учесть, что нас интересует лишь Альберта и Онтарио... там народу много лишь в Онтарио, чуть меньше четырех миллионов, а все остальное вообще ни о чем.

— Дамы, кончайте с политикой, до боя курантов пять минут осталось!

— Ну что, предлагаю выпить за Новый год, чтобы он стал годом нашей победы!

— Вот умешь ты, Гуля, правильные слова найти. Так, кто там разливает?

Чуть раньше, в час для тридцать первого декабря, Александра Михайловна Коллонтай передала послу Норвегии в Стокгольме Йохану Воллбеку «поздравление норвежскому народу и королю Хокону Седьмому от Советского правительства». В поздравлении высказывалось сожаление о том, что Норвегия объявила войну СССР, «но мы убеждены, что это недоразумение не омрачит дружеских отношений Норвегии и СССР». И высказывалась благодарность «за щедрый дар Советскому Союзу», в качестве которого советское правительство рассматривало фюльке Финнмарк, становящегося с первого января сорок второго года частью Мурманской области СССР.

Господин Воллбек с усмешкой послание прочел, но решил в Осло его не пересылать: по его мнению полумиллионная британская армия, уже разместившаяся в Финнмарке, даст достойный ответ этой хамской писульке. Правда господин Воллбек, как и подавляющее большинство норвежцев, никогда в Финнмарке не был, а потому даже не представлял, как там могли обустроиться островитяне. Особенно зимой...

К войне за советское Заполярье британцы подготовились очень серьезно. В Финнмарк, кроме почти пятидесяти тысяч солдат Канады, официально вступившей в войну, они завезли почти тридцать тысяч австралийцев и новозеландцев. Так же туда были направлены поляки: чуть меньше сорока тысяч из числа тех, кто не превратился в мясо во Франции — их немцы после определенных переговоров выпустили из плена, но исключительно для отправки на Север. Ну и простых англичан там было четыреста с лишним тысяч, так что если считать по головам, армия была очень неслабой. Ну а если считать по реальной боеспособности...

У губернаторства Финнмарк с точки зрения военной географии был единственный недостаток: практически полное отсутствие сухопутных дорог. Поэтому местное население (не считая, конечно, саамов) проживали на берегу многочисленных фьордов, и все путешествия совершали по морю. Этого хватало, в особенности учитывая, что в фюльке Финнмарк этого постоянного населения было (считая, конечно, саамов) около двадцати тысяч человек. А в самом большом городе губернии постоянно жило почти две тысячи! Понятно, что для полумиллиона гостей места в городах и деревнях просто не нашлось, и британцам пришлось везти еще и разборные щитовые домики. С печками — ведь зимой в Заполярье довольно прохладно, но для печек и топливо требуется! Много топлива, так как прохлада там более чем лютая. А так как большую часть гостей пришлось размещать не там, где их снабжать удобно было, а там, где в принципе хоть как-то разместиться можно, во весь рост встала проблема и перевозки топлива для солдатских печей. Тоже решаемая: хотя по скальным осыпям автомобили передвигаться почти не могли, там неплохо ездили трактора с

прицепами. Вот только из-за морозов моторы тракторов никто выключать не рисковал, и они тоже топлива жрали весьма немало...

Жрали, пока Красная Армия не начала освобождение Финнмарка от оккупантов. А потом перестали: некуда стало все возить. Днем четвертого января почти две сотни самолетов поднялись с аэродромов возле Мурманска и Петсамо и совершенно спокойно высыпали шестьсот тонн бомб на британские лагеря. Не на все: те, которые разместились в городах и деревнях норвежцев, трогать не стали — но их-то было явное меньшинство. А вот с большинством случились разные неприятности...

Вообще-то даже днем (если по часам ориентироваться) зимой в Заполярье темно, как все знают где и каждому известно у кого, а британцы светомаскировку тщательно соблюдали. Но немцы в свое время разработали прекрасные инфракрасные локаторы, которые (за более чем умеренные деньги) оказались — в виде технических описаний и даже чертежей — в руках у Петрухи. А чуть позже «локализованные версии» этих симпатичных девайсов появились и на самолетах полярной авиации — так что хорошо обогреваемые домишки в этих локаторах выглядели праздничной иллюминацией. А после того, как в скопление «огоньков» упали полутонные термобарические бомбы, иллюминация прекратилась...

Пятого утром Оля рассказала о результатах очередного разговора со Сталиным и Молотовым, а вечером, уже ложась в кровать, Гуля спросила у мужа:

— А ты раньше, ну, до того как мы попали, знал, что Петруха ликвидатором работает?

— Нет, потому что не был он ликвидатором. Он в отделе антитеррора служил, причем аналитиком. Был специалистом по переговорам с террористами всякими. Хорошим специалистом, в основном по Африке и Ближнему Востоку специализировался, кстати, и языковая подготовка у него оттуда же.

— А... а пистолет у него этот? Он же говорил, что трофей.

— Оппоненты на переговорах иногда и не совсем вменяемые попадают. А чего тебя вдруг это заинтересовало?

— Да Оля упомянула, что Сталин особое внимание сейчас на борьбу с сионистами прочил обратить, а я вспомнила, как Петруха Молотова вдовцом лет десять назад оставил. Если бы сейчас ее деятельность вскрылась, было бы очень неприятно.

— Меня Петруха старается особо в детали не посвящать, но вроде с Жемчуговой кто-то из скорохватовцев поступил, хотя и по его плану. Но ты права: сейчас это было бы очень некстати, а тогда проканал за рядовую семейную драму. И вроде Сталин не в курсе ее тогдашней деятельности.

— И не надо его в такие мелочи посвящать, у него и так забот больше, чем нормальный человек выдержать может. Девочки из кремлевки и без того меня чуть ли не каждую неделю насчет восстановительных диет тиранят...

— Ну конечно, кто же, как не военный хирург лучше всех в диетах разбирается?

— И я об том же. Ты знаешь, мне кажется, что мы уже сделали все, что могли. В смысле продвижения технологий и прочего такого, и нынешние спецы нас уже практически во всем обходят. Может, нам пора уже на пенсию?

— Ты готова бросить работу?

— Да не в том смысле, просто руководители из нас так себе, сейчас нужно молодежь продвигать и на руководство ставить.

— Ира мне примерно то же самое говорила, надо будет вопрос перед Олей поставить.

Кстати, и сама она давно уже говорила, что у Струмилина каждый второй не хуже нее в экономике современной разбирается... Ладно, поговорю с ней завтра. А сейчас давай спать, наверняка завтра опять работы будет овердофига.

В понедельник утром стало известно, что четвертого рано утром японцы все же разбомбили Жемчужную гавань. Причем в этот раз им повезло больше: в гавани стояли и авианосцы (четыре из пяти, которые вообще у американцев имелись) — и их не стало. А еще японцы, порадовавшись тому, что авианосцев в Тихом океане у янки не осталось уже после первых бомбардировок, совершили не два, а четыре налета — и сожгли в Перл-Харборе все запасы топлива, как судового, так и авиационного. А новость шла так долго лишь потому, что и да Вашингтона она «добиралась» почти сутки: на Охау просто «кончилось электричество», и самолеты тоже кончились все, так что пока какой-то уцелевший катер не добрался до острова Мауи, где имелась мощная радиостанция, мероприятие оставалось «незамеченным».

— Ну что, — заметила по этому поводу за завтраком Света, — японцы победили. В смысле, обеспечили себе полгода спокойной жизни для захвата Индонезии с ее нефтью, а возможно и больше: это если непроверенная информация о том, что японцы взяли Мидуэй и Куре, подтвердится, то американцы помешать им в южных морях будут просто не в состоянии.

— А нам-то что? — огрызнулась Ольга. Сталин ей позвонил с очередными срочными вопросами в полтретьего ночи и она совершенно не выспалась.

— Нам будет проще с Рузвельтом договариваться.

— Это ты про Канаду?

— И про неё тоже, хотя вроде Андрей Андреевич про неё уже договорился. Однако на планете есть еще немало интересного...

— А о чем «мистер нет» договорился?

— Оккупировать Канаду нам, конечно, янки не дадут. Но соглашаются с тем, что проигравшая сторона контрибуцию выплатить должна, и если канадцы проиграют, в чем янки пока сомневаются, то СССР в качестве контрибуции получает право на экстерриториальные концессии на сорок девять лет. До десяти таких концессий, с площадью до десяти тысяч квадратных километров. С условием, что СССР под концессии не будет забирать территории, где находятся нынешние медные рудники — просто потому, что по факту они давно уже американские, и еще там какие-то мелкие ограничения, но согласована беспошлинная торговля добытого со Штатами. Янки явно планируют почти бесплатно всякие ценные ресурсы получать, а Андрей Андреевич их разочаровывать не стал пока.

— Ну что же, и так неплохо, — прокомментировала новость Аня.

— Да, а еще янки согласились с тем, что все, что мы отобьем у японцев, будет признано территорией СССР. Наверняка они считают, что мы в лучшем случае ограничимся Курилами.

— А мы не ограничимся? — решила уточнить Света.

— Ну, не знаю. Сретенскому судостроительному в Кокуе в план до лета поставлено изготовление восемнадцати морских самоходок на шестьсот тонн, и, судя по количеству оружия, которое мы для этих барж должны поставить и тому, что корпуса варить предлагается из броневой стали, на них явно не песок возить собираются. А что сейчас на судостроительном в Комсомольске строится, я даже не представляю — но планы там точно грандиозные, только броневое листа для судовых корпусов полсотни тысяч тонн нам в

поставки запланировано — а судостроительный мы лишь в малой части кормим. Надеюсь, мои предложения в Ставке всерьез рассматривают. Ладно, это дело будущего, причем не самого близкого. Но мне непонятно, зачем наши лидеры на Дальнем Востоке охраняют боливийские транспорты с монацитом. У нас что, своего не хватает?

— Оль, просто в Боливии монацит очень полезный, — ответила ей Аня. — Причем не для нас с Валерой, а как раз для Васи и Иры: в нем тория почти нет, зато процентов по двадцать лантана и неодима, еще церия процентов под сорок. И иттрий с иттербием в промышленных количествах есть, то есть в килограммах на тонну, а не в миллиграммах. То есть в нем меньше всего лютеция, тулия и иттербия, как раз около килограмма каждого на тонну — но это уже почти столько же, сколько в лучших рудных минералах. Опять же, в нем эрбия оведофига, чуть меньше трех килограмм на тонну — ну а для повышения стабильности и безопасности новых реакторов нам и нужно-то пару центнеров на одну заправку. А боливийцы, между прочим, по шесть тысяч тонн в месяц этого монацита шлют... жалко, что их запасов хватит еще года на три, хорошо если на пять.

— Теперь понятно... а что за новые реакторы, о которых ты говоришь?

— Да Валера хлопинцам передал все, что он по поводу ВВР знал, они и приступили к проектированию. В результате получается у них ВВР на пятьсот мегаватт электрической, причем работающий на МОКС-топливе.

— Хм... а откуда у них такое топливо?

— Ничего не хм, у них другого просто нет. Эти тяжеловодные реакторы довольно забавные: после каждой кампании в отработанном топливе треть процента несгоревшего двести тридцать пятого урана остается, но еще и полпроцента плутония образуется. Так что химия — наше все, плутоний выделяем, добавляем к нормальному урану — и получается исключительно мокс. Причем, если учесть, что в тяжеловодный урана грузится по девяносто тонн, а в ВВР этот — по сорок пять, то две сессии по двести суток на тяжеловодном обеспечивает одну трехсотсуточную сессию на ВВР. Это пока, но ребяташки уже рабочие центрифуги практически сделали — так что скоро и на нормальный уран перейдем.

— Это если мы все же Канаду победим со всеми вытекающими.

— Оль, Канада нам нужна исключительно чтобы буржуев заранее обездолить. Пока нам Краснокаменск дает урана больше, чем мы его тратим, а ведь есть еще и Казахстан, и Учкудук знаменитый. Я уже не говорю о том, что всего в полусотне километров от Питера лежит, причем неглубоко совсем, миллион тонн урана, из которых двести тысяч тонн в руде, не уступающей по качеству канадской из Эллиот-Лейка. Ну, не по качеству, а по количеству урана на тонну, но я знаю, как этот уран с приемлемыми затратами из нее вытащить, так что все равно у нас тут рядом руды впятеро больше, чем в Эллиот-Лейк и даже больше, чем в МакАртур-ривер! Нашей энергетике и этого хватит на сотни лет, но буржуев объесть все равно было бы полезно.

— Погоди, какой миллион тонн урана под Питером? Ведь десятикилограммовый урановый сердечник, причем из обедненного урана, все вокруг отравляет, а тут природный... ты ничего не путаешь?

— Когда народ безграмотен, важнейшим из искусств у нас является что?

— Кино...

— Плохо ты классику в школе учила. Важнейшим из искусств у нас является цирк, и только потом уже кино. Про снаряды из обедненного урана — это как раз цирк для народа... безграмотного, по крайней мере в части радиационной безопасности. Смотри сама: в

красном граните примерно тридцать грамм урана на тонну, в метровой плите... ладно, в облицовке набережной Москвы-реки или Невы его как раз двадцать-тридцать грамм на метр. А урановый снаряд взрывается, сгорает, превращается в пыль и рассеивается на ста примерно квадратных метрах. На самом деле в пыль, которая поблизости оседает, превращается процентов двадцать, остальное вообще на километры ветер разносит, но рассмотрим самый тяжелый случай. Получается вчетверо больше, чем в гранитной облицовке — но это сразу. А потом идет дождик, даже простой, не кислотный, и угольная кислота постепенно урановую пыль растворяет и уносит тяжелый металл вглубь земли. И за одно среднедождливое лето фон от урана становится уже меньше естественного, а после любой зимы со снегом не каждый химик-аналитик в такой земле уран отыщет. Просто потому что вешние воды эту пыль размоют, унесут хрен знает куда. Например, вглубь той же земли — а уран, закопанный на двадцать метров вглубь, современные приборы уже не ощущают! Только по выхлопу радона он заметен — да и тот ветром разносится. Так что реальный вред от снаряда с обедненным ураном наносится, если получаемую пыль человек сразу, пока она не осела, вдыхать начинает. Но сдается мне, что танкисту, который сидел в подбитом таким снарядом танке, это уже не грозит...

— Хорошо иметь в друзьях радиохимика, — усмехнулась Ольга. — Сразу успокаиваешься, нервничать по пустякам перестаешь... ладно, позавтракали, тогда пошли работать. То есть вы идите, я все же посплю часок-другой. Сталину я отчет подготовила, имею полное право...

У Сталина к Ольге был всего один вопрос, то есть утром в понедельник один: насколько целесообразно уже сейчас приступить к «восстановлению промышленности на Украине». Хотя особо «восстанавливать» в освобождаемых районах было нечего: немногочисленные предприятия, которые успели эвакуировать, сейчас уже работали на новых местах и никто их возвращать, тем более во время войны, не собирался — но до войны там было довольно много предприятий промышленности пищевой, а людей-то как-то кормить надо было...

Причем кормить Иосиф Виссарионович предполагал в том числе и многочисленных пленных, которых правительство собралось использовать на строительстве всякого разного — а так как в местах, где прошли разноплеменные фашисты, порушено было очень много, то и стройки намечались как раз на Украине. И вопрос стоял просто: дешевле будет еду возить или на месте выращивать и готовить?

Вопрос, казалось бы, не очень срочный — точнее, не настолько срочный, чтобы звонить в половине третьего ночи. Но это лишь казалось: собственно и пленные, и вообще пищепром Украины шел лишь доведком к вопросу основному и действительно срочному: обеспечению продуктами армий, воюющих в Румынии и в ближайшее время входящих уже в Болгарию. И по подсчетам того же Струмилина существующая логистика вполне эти войска обеспечивала, но лишь в краткосрочной перспективе...

Оля со Сталиным уже успела неоднократно очень плотно пообщаться, и она прекрасно знала, что Иосиф Виссарионович ждет ответ не только «исчерпывающий», но и обоснованный, причем предпочитает подобные обоснования лично выслушать — исключительно с той целью, чтобы о вещах не очень понятных немедленно получить дополнительные пояснения. Так что уже к двум часам дня она (вместе с Иррой, которая практически прекратила «развивать авиацию» и с огромным удовольствием «подрабатывающая таксистом для души») и Светланой — которая, узнав о решаемой проблеме, заявила, что у нее «тоже есть что сказать» — оказалась в Кремле.

— Иосиф Виссарионович, — начала Ольга, — сразу скажу, что в целом Станислав Густавович абсолютно прав. В том, что с нынешними транспортными возможностями мы сможем полностью обеспечить наступающую армию Толбухина примерно еще полтора месяца. Точнее, примерно до того славного дня, когда он подойдет к границам Болгарии. Позже увеличившееся плечо доставки наши возможности серьезно подсократит.

— Так, а какие предложения по поводу дальнейшего снабжения?

— Разрешите я, — в разговор влезла Светлана. — Я думаю, что как только наши войска подойдут к Болгарии, то товарищ Борис Третий немедленно перейдет на нашу сторону.

— Это кто? Я о таком вроде не слышал... кто-то из болгарских военачальников?

— Не совсем, это болгарский царь Борис. Он вообще-то царь неплохой, а что примкнул к Гитлеру, так у него и выбора-то особо не было. То есть был вариант с Гитлером повоевать, но очень недолго. А теперь, когда наша армия сможет его прикрыть... он и как человек очень пророссийски настроен, и идеи социализма ему тоже понятны и, я бы сказала, приятны. По крайней мере любые предложения немцев повоевать против СССР он очень ловко отклонил, серьезно рискуя поплатиться в том числе и жизнью. Я уже Слащеву об этом говорила, в институте вопросы сотрудничества с Борисом проработали... есть мнение, что если Толбухин очень быстро введет войска, достаточно войск, на территорию Болгарии вплоть до северной границы, то по крайней мере до лета продуктами нашу армию болгары как-то обеспечат.

— Как-то — это как?

— Хватит, чтобы с голода не помереть, — добавила Ольга, — но мы-то поставки не прекратим. А еще у нас есть товарищ Жуков, Гавриил Васильевич. В Румынии у фрицев авиации практически не осталось, в Болгарии тоже не будет, так что товарищ Жуков все недостающее легко привезет в Констанцу, Варну и даже, пожалуй, в Бургас. В основном, конечно, через Новороссийск и частично через Керчь и Севастополь, но морские перевозки практически утратят наши логистические возможности на южном фронте.

— Звучит красиво. А если болгарский этот Борис на нашу сторону переходить не захочет?

— Тогда Болгария перейдет на нашу сторону без него. И он, кстати, это прекрасно понимает.

— Остается вопрос о том, сколько дополнительных войск понадобится Толбухину...

— Об этом уже думают Слащев и Шапошников, мы Якова Александровича с собой привезли, с подготовленным планом...

— Я гляжу, у вас для всего есть подготовленные планы.

— Далеко не для всего, этот план у Слащева на скорую руку верстали сегодня утром. Но кое-какие планы, мне кажется, стоит обсудить уже сейчас. Не совсем сейчас, а, скажем, через неделю. С товарищами Молотовым, с Лаврентием Павловичем, еще хорошо бы привлечь товарища Ванникова...

— Это насчет того, — добавила Ира, — что делают в институте Хлопина. Доделывают.

— А почему через неделю?

— Нам кое-что еще подготовить надо, — ответила Ольга. — По персоналиям...

Медленно ракета улетает вдаль...

Ранним утром седьмого января началось наступление Красной Армии в Прибалтике. Ну как началось: несколько сотен бомбардировщиков пролетели над территорией Вымиратов и разбомбили все электростанции, заводы и фабрики, казармы и порты. А несколько десятков тысяч стволов артиллерии перемешали с грязью все оборонительные сооружения троебалтов на фронте. Почти на всем фронте, все же Нарву обстреливать не стали. Но ее и без обстрелов взяли уже до обеда, хотя последующая зачистка города продолжалась еще два дня.

Но главным направлением удара на Прибалтийском фронте было наступление на Августов-Сувалки, где РККА сосредоточила только танков чуть больше тысячи штук — так что наступление «получилось»: Августов был немцами оставлен без боя седьмого вечером, в Сувалки были взяты штурмом к обеду восьмого. Оказалось, что БРДМ с автоматической пушкой двадцать три миллиметра и Т-50 с сорокапятимиллиметровым «автоматом» очень неплохо проявляют себя в городских боях. Ну, это если «боеприпасов немеряно» — но оно так и было. Все же в Гродно получилось сделать очень приличные запасы, а возить снаряды даже на сотню километров, имея несколько тысяч грузовиков на пятидесятикилометровом участке фронта, вполне возможно.

Вечером восьмого Борис Михайлович обсуждал с Яковом Александровичем положение в Прибалтике и ближайшие перспективы наступления:

— Откровенно говоря, меня удивляет лишь то, с каким упорством сопротивляются немцы. Ведь они не могут не видеть, что наступающие части имеют подавляющее преимущество...

— Яков Александрович, германец, как вы и сами знаете, противник очень непростой и упорный. А еще многолетняя, как говорит Светлана Юрьевна, промывка мозгов. К тому же они всерьез-то по этим мозгам еще нигде не получали, подавляющее большинство уверено, что это лишь случайное и временное поражение...

— Так-то оно так, однако наши потери, по моему мнению, неоправданно велики.

— Вы там в Боровичах у себя вконец зазнались! Даже по самым пессимистичным докладам наши потери — причем, прошу отметить, в наступлении, и с меньшими, чем у противника, силами — почти впятеро меньше германских.

— Вот я и говорю: неоправданно велики. В Литве мы теряем в двенадцать раз меньше противника, в Эстонии разница в пятнадцать раз, про Латвию я вообще не говорю, а почему? Мы там снарядов не жалеем, а тут...

— Я весьма уважаю ваш опыт и знания, но все же, согласитесь, вы ориентируетесь на победу в битве.

— И что не так?

— А нужно все же думать о победе в войне. Мы действительно сейчас способны весь фронт с германцами с грязью перемешать за день, но тогда на второй, может быть на третий день нам просто будет не из чего стрелять. А ведь мы растягиваем свой фронт против именно германцев, причем на очень важном для них направлении — и они со дня на день подтянут резервы...

— С резервами вражескими пусть Голованов разбирается, у него есть чем.

— Мы возвращаемся к той же ситуации, почти к той же: Александр Евгеньевич может на этот фронт направить до пяти сотен ДБ-3, Ирина Владимировна еще чуть меньше тысячи

Арок, и даже обеспечить все это мощным истребительным прикрытием. Но средний остаточный моторесурс на машинах Ильюшина составляет менее тридцати часов, а на Арках — менее двадцати. При этом Шахурин обещает в месяц поставлять до пятисот моторов к Илам, большей частью с капитального ремонта, а с моторами на Арки вообще пока непонятно, так что приходится нам наступление оплачивать жизнями наших бойцов. Но я опять повторяю: потери один к пяти в наступлении — это невероятный успех. Тем более, что благодаря нашей военной медицине больше девяносто пяти процентов раненых восстанавливаются. Да, половина из них в армию, скорее всего, не вернется...

— Это я знаю, Гюльчатай Халматовна отдала приказ, что после ранения из госпиталей на фронт будут возвращаться лишь добровольцы... я с этим категорически не согласен, но пока Ставка ее поддерживает.

— Как раз те, кто воевать оказывается в состоянии, в большинстве своем желание вернуться высказывают, что заставляет меня еще сильнее гордиться нашими людьми. Но у Гюльчатай Халматовны свои резоны.

— Какие? Самые опытные бойцы заменяются на необученную молодежь?

— Вы, Яков Александрович, столько лет в Боровичах провели...

— В Боровичском районе, я в городе разве что наездами бывал.

— Но военно-медицинский институт в вашем же городке размещен? Я это к чему: с товарищем Суховой вы бок о бок много лет проработали, а так её и не узнали. Всех бойцов, кто после ранения относительно восстановился, по ее приказу отправляют, в общем-то, на домашнюю реабилитацию на полгода. С целью, чтобы у женатых семьи росли, неженатые эти семьи завели. А когда они снова на фронте понадобятся, их вернут. И пойдут они защищать в том числе и свои семьи, своих детей. Вы слышали, что если боец оставляет в тылу беременную жену, то ей — не ему, а ей — выплачивается разово полугодовой оклад и ежемесячно приличное пособие на ребенка, причем она еще освобождается от платы за жилье, а в деревнях ей бесплатно доставляется топливо для дома, еще куча благ добавляется? По сути, Гюльчатай Халматовна говорит каждому бойцу: даже если ты погибнешь за Родину, семья твоя будет обеспечена всем необходимым, а дети твои продолжат твой род и твое дело. Это очень важно, особенно во время войны... Ладно, как там ваши ребята в Эстонии?

— Где-то час назад вышли на берег озера Вирц на юге, а на севере до Таллина остается пройти километров восемьдесят. Эстонцы сопротивляются, конечно, но настоящие бои там идут только с вермахтом, а у немцев войск в Эстонии маловато для серьезного сопротивления... Что я смешного сказал? — поинтересовался Слащев, увидев широкую улыбку на лице Шапошникова.

— Сейчас, если я не путаю, правильно говорить «до Колывани». Ольга Дмитриевна...

— А, вы об этом. Нет, это не Ольга Дмитриевна, у нас Светлана Юрьевна так борется «за чистоту языка и патриотическое самосознание». А раз она всей печатью учебников и карт заведует, то мы и видим на картах то, что видим.

— Наверное, это не совсем правильно, но с ней я спорить точно не буду. Раз ей так хочется, то пусть будет Колывань. А когда окончательно победим, разберемся.

Двенадцатого, в понедельник, все попаданцы снова собрались вместе. Не ради очередного обсуждения срочных задач, а просто за завтраком. Но ведь молча поглощать пищу — это не в привычках советского человека, обязательно нужно обсудить мировые проблемы...

— Ну всё, сегодня Колывань возьмем, — начала «обсуждение» Света.

— Свет, ну ты уже достала всех со своей Колыванью, — отреагировал Петруха. — Ревель это, Ревель!

— Петь, нам не нужны топонимы, присвоенные оккупантами. Так что будем использовать исторические названия. Кстати, Колывань — в отличие от того, что думают большинство трибалтийских нацистов — вовсе не русское название, а историческое название, присвоенное городу древними эстами, в честь прародителя этих самых эстов Калева. Так что мы просто возвратимся к истокам...

— Ну, тебе виднее. Мне-то вообще плевать, хоть горшком называй.

— Не буду горшком называть. Кстати, ты подумал насчет Фитина? Если Сталин его по нашим предложениям с разведки снимет, то кого вместо него предложим?

— Фитина придется брать без вариантов, там Саша такие расклады нарисовал, что без Павла Михайловича ни хренашечки не получится. А на разведку пусть Сталин Кубаткина ставит, Петр Николаевич в этом не собаку, а целую свору съест успел.

— А что тебе мой драгоценный наплел? — с улыбкой глядя на мужа, поинтересовалась Оля.

— Ну, во-первых, в Узбекистане не только Учкудук, но для начала и его за глаза будет. Фитину, я имею в виду: там же строить и строить, копать и копать... а там, как известно, горячее солнце и горячий песок. А для глотка воды нужно еще и водопровод выстроить километров двести длиной.

— Ага, а там неподалеку еще и Зарафшан с золотом строить... хотя это вроде не к спеху.

— К спеху, — отозвался Саша, — золото лишним не бывает. А когда война закончится, нам столько всего еще у буржуев покупать придется!

— У нас на Заравшан денег нет.

— У нас скоро денег даже на зарплату нам, любимым, не будет, и что? Мы же не для себя...

— А я вообще о другом, — прервал спор супругов Петруха. — Я про месторождения в Африке и в Южной Америке, а насчет Канады я вообще умолчу. Павел Михайлович очень даже в курсе наших зарубежных компаний, да и специалистов у него побольше, чем мы подыскать в состоянии.

— Да черт с ними, с импортными месторождениями... пока, я имею в виду, — высказала свое мнение Аня. — У нас в Краснокаменске получается по пятьсот тонн урана в год выковыривать, а тратим мы на всех трех наших станциях уже четыреста пятьдесят. Чем следующие станции кормить будем?

— А какие следующие? — спросил Валя. — А то я что-то отстал от ваших высокотехнологичных задумок, все простыми пушками да пулеметами увлекаюсь.

— Одна тяжеловодная в Джебказгане, — сообщила ему Аня, — летом пускать будем, одна такая же возле Красноярска. А Хлопин собирается в следующем году минимум одну легководную пускать возле Воронежа. У него по плану там четыре реактора намечено до сорок пятого года поставить...

— Но ты про ВВЭР не бери в голову, — дополнил ответ жены Валера, — там будет мокс-топливо на отходах тяжеловодных.

— Ага, как же! По пятьдесят тонн урана в год каждый ВВЭР всяко сожрет, а когда мы перейдем на обогащенный уран...

— СССР перейдет, — тихо заметила Оля, — СССР, не мы. Надеюсь, мы свое уж откукарекали...

Четырнадцатого января в приемной возле кабинета Сталина в ожидании Иосифа Виссарионовича несколько человек просто чесали языки, обсуждая вещи, никоим образом с темой намеченного совещания не связанные.

— Лично мне, — заметил Глеб Максимилианович, — больше понравился боровицкий борщ.

— Глебушка, ну почему тебя все время тянет на всяку бяку? — весело ответил ему Станислав Густавович. — Терской борщ у них хотя бы на борщё похож...

— Да борщами этими только свиней откармливать, — резко возразил Борис Львович. — А вот суп гороховый...

— И как вам, Борис Львович, не ай-яй-яй такое говорить? По виду — приличный еврейский мальчик, а как суп с копченой свининой...

— Слава, ты у меня сейчас договоришься! На пакете написано «суп гороховый с копченостями», а домысливать, что там на заводе коптили, я не собираюсь!

— Да какая разница, — миролюбиво заметил Александр Николаевич. — Лично меня в восторг приводит сам факт, что они в такое тяжелое время наладили выпуск мороженных продуктов, с которыми кто угодно обед за пятнадцать минут сготовит, причем по цене не выше, чем в любой заводской столовой.

— А меня в восторг приводит, — ответил Поскребышеву Струмилин, — что в такое тяжелое время благодаря им в магазинах любых продуктов достаточно. И даже не сам этот факт, а то, что Ольга Дмитриевна считает своим крупным провалом невозможность поставлять в торговлю бананы с ананасами!

— Но ведь она сама перенаправила банановую флотилию в Тихий океан, или я ошибаюсь? — удивился Кржижановский. — К тому же сейчас рейсы через Атлантику...

— Это я помню, — рассмеялся Ванников. — Когда я в Перми работал, Петр Евгеньевич ко мне приезжал, уговаривал начать выпуск солнечных опреснителей морской воды. Говорил, что с ними в Персии можно бананы выращивать, тогда их можно будет в СССР посуху доставлять...

— Все уже собрались? — оглядел сидящих в приемной вошедший Иосиф Виссарионович. — Отлично, заходите в кабинет, а дамы, как всегда, появятся, как и обещали, через... — он поглядел на висящие на стене часы, — через семь минут. Как раз успеем перекурить и проветрить, а то они дым не очень любят...

Точно в оговоренное время в кабинет Сталина вошли Оля, Аня, Ира, Валера и Петруха с Сашей. Сталин жестом пригласил всех присесть и с интересом поглядел на Ольгу.

— Давайте, я начну, — встал из-за стола Валера. — Просто выступить по основному вопросу в Управлении меня выбрали. Как все собравшиеся, вероятно, знают, в институте Хлопина практически закончено изготовление бомбы.

— Ну, бомб вы много делаете... — задумчиво сказал Ванников. Валера внимательно посмотрел на Сталина, тот успокаивающе кивнул, и Валера продолжил:

— По предварительным расчетам мощность устройства ожидается в районе десяти-двенадцати килотонн, но пока мы считаем, что даже на испытания ее отправлять не следует.

— Десять килотонн — это сколько? — поинтересовался нарком вооружений.

— Эквивалент десяти тысячам тонн тротила.

— Сколько-сколько? Это одна бомба?

— Да, одна. Но мы считаем, что применять ее и даже испытывать пока рановато...

— Почему вы так считаете? — не удержался Сталин.

— По трем причинам. Первое: как только мы ее взорвем, причем неважно где, янки наизнанку вывернутся, но постараются разобраться, что же это такое. И разберутся, хотя, возможно, и не сразу. А потом постараются и сами такое же оружие получить. На это им потребуется несколько лет, минимум пять, а то и десять — но не стоит им давать повод приступать к исследованиям по крайней мере до тех пор, пока мы Канаду не подчистим. Второе: бомба у нас пока лишь одна. Мы, конечно, сейчас в состоянии изготовить еще пару десятков, но смысла в этом я не вижу.

— А вот это почему? — снова спросил Иосиф Виссарионович.

— Потому что для данной конструкции теоретическим пределом мощности является тридцать-тридцать пять килотонн, но после определенных доработок нынешняя бомба будет лишь взрывателем для изделия, основанного на иных принципах — и вот следующая бомба может иметь мощность и в мегатонну, и в десять... да хоть в сто мегатонн!

— А мегатонна... — начал Ванников.

— Мегатонна — это миллион тонн тротила.

— Ох и ни хрена себе! Тогда вопрос: сколько времени потребуется для изготовления такой... на иных принципах?

— А вот на это, Борис Львович, предстоит ответить именно вам. По моим прикидкам года два, но точно, естественно, я сказать не могу.

— И как это я отвечу? — пробурчал Ванников.

— Вам Ольга Дмитриевна чуть позже расскажет. А третья причина заключается в том, что пока для серийного производства бомб у нас очень много чего не хватает. И прежде всего урана.

— Так бомба урановая?

— Не совсем, но об этом позже. Я лишь обрисовал ситуацию, а вот как решать... как стоит приступить к решению многочисленных проблем, расскажет как раз Ольга Дмитриевна.

— Ну что же, послушаем Ольгу Дмитриевну, — произнес Сталин.

— Сразу хочу предупредить, — начала Оля, — в делах атомных я понимаю чуть меньше чем совсем ничего, поэтому на технические вопросы ответить не смогу. Да сейчас это и не важно, нам нужно решить вопросы сугубо экономические. Хотя бы потому, что атомная бомба — штука очень не дешевая.

— Помню-помню, вы говорили, что на первую уйдут миллиарды, но потом затраты можно будет резко сократить.

— Повторю: по технике я ничего сказать не могу. И перейду к экономике. Сейчас у нас, то есть у СССР, есть небольшой запас природного урана, примерно двадцать пять тысяч тонн.

— Почти двадцать семь, — уточнила Аня, — но это очень мало.

— Именно так. Нам известны на территории Советского Союза около пяти приличных месторождений, но пока разрабатывается лишь одно, на котором мы получаем в год около пятисот тонн.

— Это сколько же ваша бомба весит, если двадцать пять тысяч тонн хватит на пару десятков? — удивился Борис Львович, но Оля ему отвечать не стала и продолжила «экономическую часть»:

— Наиболее доступным является месторождение в Узбекистане под названием... условным названием Учкудук, Саша карту принес, чуть позже все на карте вам покажем. Из

него, если срочно начать строительство шахт, заводов и всего прочего, для добычи урана нужного, года через три мы сможем получать по тысяче тонн урана в год, а лет через пять — и по три тысячи. Но через пять лет и этого будет едва хватать на текущие потребности.

— Почему так? — заинтересовался Лаврентий Павлович.

— Потому что чтобы из урана сделать бомбу, нужно этот уран пропустить через ядерный реактор, в котором из урана получится плутоний. За год из тонны урана получится плутония почти пять килограмм — это примерно столько, сколько нужно для изготовления одной бомбы килотонн на двадцать.

— Но вы в реактор грузите по девяносто тонн за раз, я не ошибся? — решил уточнить Берия.

— Да. Однако плутоний бывает трех типов, и чтобы получить плутоний оружейный, уран в реакторе должен находиться не более трех месяцев, а лучше два — то есть для получения килограмма оружейного плутония урана потребуется не два центнера, а шесть. Затем его нужно очень долго очищать на специальном заводе — но у нас пока есть один такой завод, причем очень малой мощности, на котором мы в состоянии за год получить плутония примерно полсотни килограммов. Отсюда задача номер два, если первой считать урановые шахты Учкудука: выстроить заводы по очистке плутония. Это дорого, очень дорого, но это необходимо.

— У вас готовы сметы?

— Предварительные, нужно будет еще уточнять... по месту.

— И какова же будет предварительная оценка?

— Порядка двух миллиардов рублей, но снова повторю: оценка очень предварительная, окончательная смета может достичь и трех, и четырех миллиардов. И, считаю необходимым сразу сообщить, для постройки такого завода потребуется уже несколько сот килограммов плутония. По счастью, не обязательно оружейного, любой подойдет.

— Из плутония будет делаться оборудование? — решил уточнить Берия.

— Когда уран вытаскивается из реактора, он становится очень радиоактивным и способен человека быстро убить. Но от этой радиации прекрасно защищать специальное плутониевое стекло, сколь ни странно это прозвучит.

— Вы правы, дорого... столько нужно на один завод?

— Да, но одного будет достаточно, пока достаточно. Но это, к моему сожалению, лишь начало: для новой бомбы потребуются новые материалы и новые заводы. Много и разных, и вот чтобы всем этим хозяйством управлять, мы считаем целесообразным создать отдельный наркомат, который назовем Наркоматом среднего машиностроения. А возглавить его мы предложили бы товарищу Ванникову.

— Но товарищ Ванников сейчас...

— У него есть опытные заместители, а эта работа гораздо важнее. Она вообще важнее всего!

— Ну, ладно... Неплохой выбор, — Сталин слегка улыбнулся. — А вы считаете, что товарищ Ванников справится? Он же еще полчаса назад вообще не представлял, что такое эта ваша бомба. И почему именно среднего машиностроения?

— Представлять будут специалисты, а наркомат возглавлять должен грамотный управленец. Каковым товарищ Ванников, несомненно является. А среднего машиностроения — чтобы никто не догадался...

— Я думаю, что вы подготовили все документы в отношении нового наркомата. Мы

постараемся их в самое ближайшее время рассмотреть. Что же до шахты...

— Мы предлагаем руководителем этой работы назначить товарища Фитина. Работа ведь совершенно секретная, а он лучше всех умеет правильно залегендировать секретные дела. Правда, место там не очень удобное: пустыня, до ближайшей воды — то есть до Аму-Дарьи — почти двести километров...

— Боюсь, что даже товарищ Фитин вряд ли сможет, как вы сказали, залегендировать стройку в центре пустыни.

— Легко! — отозвался Саша. — Там неподалеку еще и месторождение золота есть, довольно приличное. Если всерьез за дело взяться, то через пару лет там будут добывать минимум треть советского золота, а возможно и половину.

— И вы молчали?

— Мы не молчали, я его вообще попутно нашел, — стушевался Саша. — А раз нашел, то и говорю вот...

— Ну ладно, мы все в самое ближайшее время обдумаем...

— Это еще не всё, — не дала договорить Сталину Оля, — а лишь самое начало. Второй вопрос будет касаться непосредственно Глеба Максимилиановича.

— Как я понял, этому заводу потребуется много энергии...

— Потребуется, но речь пойдет совсем не об этом. Для получения плутония нужны реакторы, но тратить получаемую при их работе энергию для обогрева атмосферы глупо. Проблема в том, что на атомных электростанциях практически невозможно маневрировать мощностью: реактор должен всегда работать на сто процентов. Пока три наши электростанции работают на предприятия, круглосуточно всю энергию потребляющие, но строятся новые — и, когда наступает, скажем, ночь, эту энергию нужно куда-то девать...

— Я понял, спасибо.

— Немного дополню: новые электростанции могут работать примерно одиннадцать месяцев в году, а месяц они будут простаивать при перегрузке топлива — а предприятия, получающие с них энергию, останавливать нельзя.

— И это понял... у меня есть предложения относительно решения этой проблемы...

— Отлично, детали, я думаю, вы отдельно с Анной Федоровной и Валерием Федоровичем обсудите в рабочем порядке.

— Ну теперь-то все? — решил закруглить обмен мнениями Сталин.

— Не совсем, — решила вставить свои пять копеек Ира. — Бомбу-то мы, считай, сделали, но эту бомбу нужно еще доставить туда, где ее потребуется взорвать. Так что кроме Средмаша нам потребуется и наркомат авиационной промышленности.

— Но такой наркомат уже есть...

— Есть, но мне бы хотелось все предприятия авиапрома Девятого управления в этот наркомат передать, и при этом хочется, чтобы в нем не просрали все, что уже сделано. Нужен новый, расширенный наркомат, и с грамотным наркомом. Шахурина не предлагать!

— А кого вы хотели бы видеть новым наркомом?

— Да хотя бы Хруничева, он, по крайней мере, понимает, как идут дела, и к тому же не имеет привычки врать начальству, обещая невозможное.

— Хорошо, мы учтем ваше мнение. Теперь все?

— Мы еще до половины не дошли, — слегка улыбнулась Ольга. — Для управления ядерными реакторами нужна специальная автоматика: там время процессов в микросекундах измеряется и люди очень не всегда способны справиться. Да и механические

системы слишком медленные, нужны электронные — а у нас в стране здесь и конь не валялся. Чтобы эту проблему решить, нужен наркомат именно электронной промышленности, который займется всеми необходимыми разработками. У нас есть несколько предприятий, пока небольших, которые могут стать производственным ядром этого наркомата — но потребности, уже нынешние потребности таковы, что подобных предприятий нужны будут десятки, если не сотни. Кстати, для бомбы тоже нужна подобная автоматика...

— Хорошо, мы обсудим этот вопрос в Политбюро.

— А чтобы у этого наркомата появилась то, что можно назвать элементной базой, потребуется еще один наркомат — наркомат радиопромышленности. Он займется производством радиодеталей в первую очередь, а так же массовой радиоэлектронной техникой. И изготовлением, и разработкой тоже — то есть в этом наркомате, как, впрочем, и в ранее упомянутых, нужны будут свои научно-исследовательские и проектные институты.

— Мне уже страшно даже думать о том, во что ваши предложения могут обойтись, — тихо произнес Струмилин.

— Тогда и не думайте о мелочах, думайте о том, как все это организовать на базе предприятий и институтов Девятого управления. Далее, элементная база у нас есть, радиоприборы есть — и на их базе необходимо заняться созданием систем работающей связи. Реально работающей, и обеспечивающей связь не только между людьми, но и между теми же устройствами автоматки, управляющими электростанциями, автоматикой железнодорожной и так далее. И, конечно, защищенную правительственную и военную связь. Для чего потребуется отдельный наркомат со всеми вышеупомянутыми атрибутами.

— А вам не кажется, что всем этим может заниматься наркомат, скажем, радиопромышленности? — довольно сердито поинтересовался Сталин.

— Не кажется, поскольку производство радиоламп и разработка помехозащищенных шифрованных каналов связи — это вообще разные отрасли науки. Первое — чистая физика, второе — чистая прикладная математика.

— Мы поняли вашу точку зрения...

— Вот и хорошо, но я продолжу. Бомбу можно в принципе доставить куда нужно и на самолете — но самолет легко сбить. А вот судно, точнее, скажем, подводную лодку, сбить труднее. Особенно трудно ее сбить, если на лодке будет не дизель стоять, а маленький реактор, и лодка сможет не всплывая полгода под водой провести, причем и плыть при этом на максимальной скорости...

— Вы думаете, что можно сделать реактор настолько небольшой, что он поместится в подлодку?

— Мы так не думаем, мы точно знаем даже не то, что такой реактор сделать можно, мы уже знаем как его сделать. Но это вопрос хотя и не очень отдаленного, но будущего, здесь же я подлодки упомянула лишь потому, что потребуется отдельный наркомат судостроения. И не военного судостроения, а вообще.

— Так, продолжайте... — в голосе Сталина раздражение полностью пропало и он слушал Ольгу уже с настоящим интересом.

— Но и лодка может утонуть. А вот что сейчас никто точно не собьет и не потопит, так это баллистическую ракету. Которые будут разрабатываться на предприятиях наркомата уже общего машиностроения. У нас уже есть ракета, способная донести тонну полезного груза на шестьсот километров, однако пускать ее с обычным зарядом очень дорого. А с бомбой, да

еще с подводной лодки... но для этого нужно еще очень много чего разработать, и для управления всеми такими работами точно нужен специальный наркомат.

— Что еще?

— Теперь у нас вроде все.

— Так, — Сталин заглянул в бумажку, на которой во время выступления Ольги он что-то записывал, — вы предлагаете создать сразу семь новых наркоматов. Вам не кажется, что подобная структура окажется неуправляемой?

— Спасибо что напомнили, про это я просто забыла сказать. Так вот, чтобы все эти наркоматы действительно работали на пользу Родине, необходимо создать и единый орган управления ими, причем ему же передать и управление наркоматом оборонной промышленности и, само собой, наркоматом обороны в качестве главного заказчика. Управляющую структуру предлагаю назвать военно-промышленной комиссией при президиуме Совнаркома, например... В состав комиссии автоматически включать всех наркомов, наркома НКГБ, как отвечающего за соблюдение на предприятиях предлагаемой девятки секретности, еще организацию Фитина, строительную... назовем ее, например, Госмонтажспецстрой для простоты. Вот теперь все. Вся документацию по предложениям в пяти экземплярах вы можете получить сразу же, её пока Александр Николаевич в приемной охраняет...

Незадолго до полуночи Лаврентий Павлович снова вошел в кабинет Сталина.

— Ты прочитал этот талмуд? — поинтересовался Иосиф Виссарионович. — Что скажешь? Слава сказал, что здесь Ольга Дмитриевна превзошла себя, настолько в нем все продумано и обосновано.

— Ну да, конечно. Только я тут поговорил с Валерием Федоровичем, и он сказал, что всю структуру ВПК предложила Светлана Юрьевна. Впрочем, это совсем неважно.

— А тебе ничего странным здесь не показалось?

— Ну, если то, что они предложили мне возглавить этот их Средмаш, за странность не считать... хотя да, то, что они на совещании вообще не упомянули о том, что в состав ВПК включить и Внешторг, точнее, подчинить Внешторг Комиссии...

— Я не о том. У меня некоторое удивление вызвало лишь то, что они для себя вообще никаких должностей не предложили. И готовы с радостью передать все свои предприятия, институты, да вообще всё в учреждаемые наркоматы, причем — обрати особое внимание — самое сложное, но и самое ценное они предлагают возглавить именно тебе. Почему? Ведь про эти атомные проекты ты-то знаешь, наверное, меньше меня. Да и все другие их предложения: половина предлагаемых ими наркомов никогда никакого отношения к описанным отраслям не имели.

— Меня их предложения совсем не удивили, потому что... Знаешь, я тебе завтра пришлю очень интересный документ, который они мне принесли года полтора назад. Называется «Личные характеристики», там примерно на тысячу человек такие характеристики имеются. Ими составленные. И на меня там характеристика есть, и на тебя — причем, насколько я смог убедиться, лестью в них и не пахнет. Ну уж про меня — так точно. Почитай, тебе, думаю, понравится...

Какого Бориса-царя?

Юха Мякеля с некоторым удивлением смотрел на собравшихся в его доме солдат, и удивляться было чему.

Дом Юхи стоял километрах в полтора от дороги, соединявшей два города, а потому гостей он встречал редко, однако нынешние гости... На дороге рано утром шел довольно сильный бой, а когда стрельба закончилась, гости и нагрянули. Не сразу, примерно через час — но много. Сначала в дом зашли несколько русских солдат, поглядели что там и как, а минут через десять солдат пришло уже много. Даже не пришло: незваные гости приехали на том, что Юха — человек, в жизни повидавший немало — счел «снежными мотоциклами». С хозяином они даже говорить не стали, а сразу в комнате, причем вокруг стола, поставили палатку из белой блестящей ткани, втащили четыре небольших, но довольно тяжелых коробки, от которых в палатку протянули провода. А затем в дом вошла русская военная женщина, за которой четверо солдат внесли еще одного — раненого, причем в живот, но, что удивило хозяина дома, финского. И унесли его в палатку, куда зашла эта женщина и еще двое.

Юха больше половины своих немалых лет прожил еще при царе, и русский язык кое-как знал, хотя и не все, что доносилось из палатки, он понимал. Но то, что он понял, его так и удивило: оказывается, женщина была врачом, причем врачом военным и в немалых чинах: мужчины в палатке обращались к ней «товарищ полковник». А еще они говорили ей, что не стоит сейчас возиться с этим солдатом потому что она уже двое суток не спит — но военная врачиха ответила, что если немедленно не сделать операцию, то финский солдат до завтра не доживет. А часа через полтора она вышла из палатки, села на лавку у печи — и заснула.

А когда она только начала эту свою операцию, в дом вошли еще несколько русских солдат, и один — поговору явно карел — спросил у Юхана, есть ли в доме еда. Юхан, конечно, сказал, что никакой еды нет — а солдатик этот просто кивнул молча и вышел...

Затем подошли еще несколько русских военных, один — как понял Юхан из их разговоров — тоже был врачом. И он спросил, где бы эта врачиха могла в доме поспать немного. Юхан показал на кровать снохи (которая, вместе со старшей внучкой тихо все это время сидела в погребе), и солдаты осторожно врачиху туда перенесли. Но врачиха все равно проснулась, и, увидев второго врача, сказала что-то не совсем понятное:

— Я сделала резекцию поврежденных кишок, этот юный идиот, если у него аллергии на опиаты нет, выживет. Но дня три-четыре ему придется поголодать, и в госпиталь его всяко до понедельника тащить нельзя. Есть идеи?

— Дом хороший, — ответил тот, — так что с недельку пусть раненые тут побудут, организуем такой временный госпиталь. Я уже вызвал фельдшера, который финский знает, поставим сюда пяток парней поработать. Дрова там потаскать, воду...

— Хозяин сказал, что у него продуктов нет.

— Я знаю, скоро подвезут.

— А в подсобке-то у хозяина семь банок молока стоит трехлитровых! — вдруг радостно прокричал какой-то зашедший туда солдат. Врач-мужчина вопросительно посмотрел на хозяина.

— Молоко — это не еда, а питье, — тщательно подбирая слова, ответил на невысказанный вопрос Юхан.

— И куда тебе, старик, столько молока? Может, продашь для раненых? Мария Александровна, вы не помните, почему мы молоко у местных покупаем?

— Вроде бы по рублю за литр, но ты лучше у старшины спроси. Ладно, я еще посплю часок, а если кто-то серьезный появится, буди сразу: ты еще не дорос до самостоятельных полостных операций.

А затем случилось то, что вызвало у Юхана столь сильное удивление: за окном снова протарахтело несколько «снежных мотоциклов», а затем в дом вошли новые солдаты. Финские, которые несли несколько больших сумок с продуктами. Принесли, и, спросив, куда их выгружать, заставили полки в подсобке пакетами с крупой, солью, сахаром и консервными банками. А разгрузившись, сели на лавку и стали чего-то ждать.

И дождались: в дом вошел еще один русский офицер, который, оглядев финнов, сообщил им, что «пока они будут долечиваться здесь, хозяину при этом должны помогать носить дрова, воду и все прочее» — а если кто хозяина обидит, то этот офицер приедет и лично обидчика расстреляет очень необычным способом, не посмотрев, что он раненый. Юхан русский понимал, как он сам считал, достаточно, ведь во время Великой войны он и сам успел два года в армии прослужить в тогда еще Гельсингфорсе, но представить, как русских офицер будет расстреливать нарушителей «на пипиську», он все же не смог. Впрочем, не особенно он и старался. А постарался узнать, что будет с его семьей, до сих пор скрывающейся в погребке.

— Ну, завтра-послезавтра к тебе саперы подойдут, обустроить все по уму чтобы раненым спокойно долечиваться, если кто их обидит, им скажи — ребята разберутся. А еще они тут телефон поставят, так что сможешь и в комендатуру позвонить, если помощь какая потребуется.

— А солдаты ваши?

— Извини, отец, охрану мы тебе выделить не можем...

— Я говорю о тех, кто будет этих парней охранять, — Юхан показал на финских солдат.

— Старик, нам такими глупостями заниматься некогда. Мы их в плен взяли, подлечили, они теперь сами могут себя обслужить. А как война закончится, по домам разойдутся... или ты боишься, что кого-то из твоих они обидеть могут? Не бойся, им уже объяснили, что у нас для таких одно наказание: расстрел. А они, я думаю, помирать не захотят — но пока из наших здесь только фельдшер останется, да и то дня на три. Хотя... мне сказали, что у тебя четыре коровы дойных, ты будешь молоко продавать? Тогда к тебе каждое утро будет старшина заезжать...

— Мне сказали, что молоко вы покупаете по одному рублю за литр. А рубль сейчас — это сколько?

— Ну как тебе объяснить... немало. А сколько — дня через два в городе наш магазин откроется, можешь съездить, сам посмотреть. Лошадь-то у тебя есть? До города километров двенадцать... а можешь с нашим фуражиром прокатиться, а назад на попутках: тут сейчас наши машины часто ездить будут...

Хокон Седьмой, сидя в кабинете шведского короля, любезно предоставленного Густавом для переговоров, пытался найти хоть какой-то аргумент для непринятия выставленного ему, по сути дела, ультиматума. Но в голову ничего умного не приходило — да, вероятно, и не могло придти, так как и условия были не самыми плохими, и реальных сил для того, чтобы ультиматум отвергнуть, не было. Совсем не было: британцы, которые еще недавно поддерживали норвежского короля и финансово, и военной силой, после первой же

«оплеухи» со стороны Советов просто вывели остатки своей армии из страны, да еще все оружие с собой забрали. Правда, кое-что все же оставили: почти две сотни тысяч трупов британских солдат. Ну, около двухсот тысяч, а сколько их было на самом деле — никто не знал и даже не пытался узнать: после сплошной бомбардировки британских военных городков в Финнмарке очень много этих солдат, оставшихся живыми, разбрелись по окрестным горам — где в большинстве и замерзли, так как зима была в этом году слишком уж холодной. А искать в ледяной тундре замерзшие тушки было некому, да и незачем...

Сидящий напротив короля русский генерал, выждав некоторое время, постарался подкрепить свою точку зрения:

— Карл Фредерикович, — обратился он к нему в русской манере, — вы же сами понимаете, что мы все равно получим то, что хотим. Разница лишь в том, получим мы это путем мирных переговоров или просто завоевав всю вашу страну. В последнем случае, конечно, погибнет много людей, как наших, так и ваших, и вина за их гибель будет полностью возложена на вас лично. Не нами, а норвежским народом. Ведь большинство норвежцев вообще плевать на Финнмарк и эти замерзшие острова.

— Мировое сообщество не согласится с вашими требованиями...

— Какое еще «мировое сообщество»? Британцы вас попросту обманули и кинули, Германии сейчас своих проблем хватает. Франция? А она еще существует, эта Франция? Что же до США, то они уже заранее согласились с тем, что разборки в Европе их не касаются. Потому что за океаном прекрасно знают: кроме Советского Союза им в войне с Японией не поможет никто. Всем плевать на какую-то Норвегию, настолько плевать, что этому «мировому сообществу» в принципе безразлично, будет такая страна существовать далее или нет. Посмотрите на Финляндию: мы ее завоевали, повесили их фельдмаршала и президента, по приговору суда повесили, причем нашего, советского суда. Еще пяток особо рьяных вояк — и кто в мире вообще по этому поводу возмутился? Румынского короля разбомбили в собственном дворце — хоть кто-то возразил? Я вам больше скажу: не позднее мая мы повесим всё нынешнее руководство Венгрии, и те же американцы скажут «молодцы, правильно сделали». И то же самое скажут, когда мы повесим Гитлера и всю его братию...

Король Хокон — то есть все же Кристиан Фредерик Карл Георг Вальдемар Аксель, поскольку встреча изначально была оговорена как «неофициальная» — и сам прекрасно все изложенное русским знал. Как знал и то, что сидящий перед ним в хорошем сером костюме человек — не только генерал-полковник русской специальной службы, но и, как сообщил ему Густав перед началом переговоров — доверенное лицо самого Сталина. А еще знал, что этот генерал лично договорился о присоединении к Советскому Союзу Восточного Туркестана, убедил иранского Резу-шаха выступить против англичан. И, вроде бы — хотя доказательств ни у кого не было — является одним из творцов «Боливирианского валютного Союза», в который уже кроме Аргентины, Чили и Боливии практически вступила Перу. А теперь эти недавние задворки цивилизованного мира производили автомобили и самолеты, трактора и корабли, весьма современное оружие и многое другое. И если этот парень обещает, что нечто подобное будет ждать и Норвегию...

— Вы обладаете полномочиями подписывать мирный договор?

— Между кем и кем? Я, Петр Климов, как простой советский гражданин, конечно могу подписать любой договор с норвежцем Карлом Глюксбургом — но это будет договор между частными лицами. Ни Сталин, ни Молотов не поедут в Осло, а вы, как я понимаю, не поедете в Москву или Ленинград. Но наш любезный хозяин, король Густав Пятый, я думаю,

не откажется выступить в роли миротворца и предоставить для подписания такого договора свою территорию. Не Стокгольм — это место не самое удобное в плане безопасности, а скажем, в Хапаранде есть прекрасный отель, куда, я убежден, товарищ Молотов не откажется приехать для заключения такого договора. Нейтральная территория, все приличия соблюдены. А мы еще попросим Густава быть наблюдателем при подписании договора...

— И когда... товарищ Молотов сможет прибыть в Швецию?

— Когда мы окончательно согласуем текст договора. Из Москвы в Кеми лететь часа два, еще час на то, чтобы доехать в Торнио и оттуда добраться до отеля. Так что если мы сегодня все согласуем, то завтра в полдень между нашими странами наступит мир. И я думаю, что с миром тянуть не стоит...

Шведский король, изрядно переживавший за исход переговоров, принял норвежца и русского через час, а выслушав предложение о посредничестве в мирном договоре, высказал свое мнение:

— Я думаю, что так как боевые действия в Норвегии уже вторую неделю не ведутся, ничего страшного не произойдет, если подписание мирного договора произойдет в понедельник. Я знаю этот отель, он действительно неплох для подобной церемонии, но по крайней мере пара дней потребуется, чтобы привести его в соответствующий статусу порядок. Я имею в виду хотя бы уборку помещения... и городка от лиц, которые могли бы помешать. Вы доверите шведскому правительству сделать это?

Лаврентий Павлович в это же время, сидя в кресле самолета, пытался разобраться в собственных впечатлениях. Виталий Григорьевич все же «пробил» испытания своего изделия, и оно, взорвавшись на глубине в полкилометра, потрясло всех, принимавших в испытаниях хоть какое-то участие. В буквальном смысле потрясло: вызванное взрывом землетрясение все почувствовали даже в пяти километрах от шахты. Но удивило Лаврентия Павловича не это: все же он заранее знал, что взрыв будет очень мощным. Однако, когда академик Хлопин после взрыва предложил срочно проанализировать результаты, полученные с многочисленных датчиков, Валерий Федорович флегматично заметил:

— Да чего там анализировать, получилось сорок килотонн плюс-минус. Но в реальном применении хорошо если тридцать получим: тут гранит не дал разлететься плутонию далеко и мы процентов тридцать мощности лишних получили...

Причем это было сказано таким тоном, что казалось, будто товарищ Смирнов подобные испытания уже далеко не в первый раз проводит. Тем более казалось, что инженеры Хлопина, данные с датчиков обработав, выдали предварительное заключение о том, что мощность взрыва составляет около как раз сорока тысяч тонн в тротиловом эквиваленте.

Правда сам Виталий Григорьевич еще раньше говорил Берии, что товарищ Смирнов по части атомных изделий фору даст любому из физиков Радиевого института. Просто потому, что — по мнению академика — он лучше всех представляет все процессы, происходящие как внутри атомных реакторов, так и в бомбе. Настолько лучше, что относительно новой бомбы, с легкой руки Валерия Федоровича названной «водородной» ни у кого в институте не было ни малейших сомнений в отношении как мощности, так и принципиальной верности конструкции...

Но все это было лишь «впечатлениями», а вот как доложить о результатах испытаний Иосифу Виссарионовичу... Именно об этом Берия и размышлял: ведь Сталин требовал исключительно факты, а всякие «размышления на тему» его вообще не волновали. Конечно, если сами эти «размышления» фактами не подтверждались.

Спустя сутки он с удовольствием смотрел на Сталина, перед которым сидели Петр Евгеньевич и Ирина Алексеевна. Последняя, как понял Берия, вообще в Москву прилетела в качестве «личного пилота» Климова, но — по своей старой привычке — решила заодно и свои какие-то вопросы решить. Не очень сейчас уже нужной привычке, ведь к авиапромышленности она теперь имела отношение далеко не самое непосредственное...

— Вот вы мне скажите, что это такое? — Сталин нависал над креслом, в котором сидел Петр Евгеньевич, размахивая тонкой пачкой бумажных листов.

— Вообще-то это всего лишь проект мирного договора с Норвегией, и, скажу честно, мне пришлось очень долго уговаривать Хокона, чтобы он его согласился подписать. Осталось немного: Вячеслав Михайлович быстренько слетает в Швецию, бумажку подпишет — и на нашем Севере наступит долгожданный мир.

— То есть вы считаете, что аннексия изрядной части Норвегии отвечает нашим интересам? А как на это отреагируют другие страны, вы подумали?

— Да срать нам на другие страны, — в своей обычной грубой манере ответила на вопрос Сталина Ирина Алексеевна. — Из других стран нас может волновать лишь реакция США, а они уже заранее согласились с тем, что война в Европе, и все ее последствия Америки не касаются. Германия хорошо если до следующей зимы продержится, с британцами у нас и так официально война идет.

— Но мы с ними сейчас не воюем.

— Вы не правы, — отреагировал Климов, — мы воюем, просто не очень интенсивно. Британцы нам обрезали всю торговлю через Атлантику, и то, что мы туда свой флот не направили — это всего лишь наше решение, причем временное. Ну а как с Германией разберемся, то и лимонникам подробно и наглядно объясним, что такое война с СССР.

— Вам нынешней войны мало?!

— Мы всего лишь задавим гадину в собственной берлоге, — довольно равнодушным тоном ответил Петр Евгеньевич. — А если мы этого не сделаем, что через несколько лет нам все равно придется с ними воевать, и я не думаю, что тогда для нас условия будут лучше. Так что нужно пользоваться нашим превосходством, временным превосходством, причем исключительно ради того, чтобы сделать это превосходство уже постоянным. Раз Хокон согласен отдать нам Шпицберген...

— А вы можете объяснить, зачем Советскому Союзу нужен этот Шпицберген, да и Финнмарк? Нам кажется, что одной Финляндии... откровенно говоря, я до сих пор не понимаю, почему я согласился на предложение Ольги Дмитриевны по Финляндии.

— Ну, если не считать того, что в Киркинесе мы через полгода максимум сможем производить для Советского Союза минимум полмиллиона тонн стали в год...

— Нам кажется, что в свете геологических открытий Александра Васильевича у нас и без того есть, куда направить силы для выработки стали.

— Ну и я о том же: если эти полмиллиона стали не считать. На Шпицбергене много угля...

— А вам не кажется, что даже из Кузбасса или из Воркуты уголь возить ближе и дешевле?

— Ближе. И дешевле, но в золе из угля со Шпицбергена того же германия на порядки больше, чем даже в золе из Тульских шахт. И галлия дофига.

— Так, а для чего этот германий нужен? Почему он важен настолько, что мы... что вы готовы рискнуть обострением отношений со множеством стран?

— Ну, как бы это объяснить попроще... — с этими словами Петруха достал из кармана портсигар. Дешевый, пластмассовый, какие в магазинах продавались по два с полтиной — правда, аляповато украшенный панелькой из анодированного алюминия. Лаврентий Павлович с интересом уставился на Климова: раньше он вроде не курил. Но товарищ Климов даже открывать портсигар не стал, а чем-то щелкнул — и в кабинете раздалась музыка.

— Вот это — такой маленький радиоприемник, Я могу и погромче сделать, но у него звук не очень хороший потому что динамик тоже крошечный. Так вот, этот приемник — экспериментальный пока — весит всего сто грамм, а вместо ламп в нем используются германиевые детальки. Собственно, самого германия в нем миллиграмм десять, но это неважно. Важно то, что с такими германиевыми детальками вся радиоаппаратура современного самолета будет весть полкило от силы, а система самонаведения боевой ракеты будет весить не десять килограмм, а всего грамм сто. Бомбовый телевизионный прицел мы сможем упаковать килограмма в полтора, причем вместе с блоком питания... дальше рассказывать?

— Пока хватит... а сколько такой приемник стоит?

— Конкретно этот — порядка сотни тысяч рублей. Потому что в цену нужно включить и лабораторное изготовление германиевых деталей, да и само получение германия из тульской золы. А если германия будет много — относительно много — то такой приемник в серийном производстве обойдется рублей в двадцать. А носимый комплект радиосвязи бойцов — рублей, может, в сто.

— А когда вы сможете подобный... носимый комплект нам показать?

— Это у Рожанского спрашивать надо... точнее, кто там в наркомате электронной промышленности главный?

— Так, а кто Вячеслава Михайловича повезет в Швецию? Вы? — Сталин повернулся к Ирине Алексеевне.

— Могу и я, мне, собственно, не жалко. Хотя не могу не отметить, что штатные пилоты Л-610 с этим справятся гораздо лучше меня.

— По вашему лицу я вижу, что у вас ко мне свои вопросы имеются, я прав?

— Да вопрос-то всего один: Ильюшин в Куйбышеве запустил серийное производство своего реактивного бомбардировщика, там теперь они по три штуки в сутки делаются. Я к чему: он на заводе обходится дешевле извращения под названием Ил-2, так что было бы неплохо и в Москве на новую машину перейти. Но это вообще вопрос в рабочем порядке решить можно, а вот то, что Сергей Владимирович звезду Героя труда за самолет свой не получил, мне кажется неправильным.

— Так этот новый его бомбардировщик еще и на фронте толком не проверен. Может быть, штурмовик и получше него окажется.

— А Звезду он как раз своим Ил-2 заслужил. За Ил-28 ему другую Звезду по-хорошему нужно будет дать, чуть позже просто.

— Насчет Ил-2 я мнение Ирины Алексеевны полностью поддерживаю, — наконец открыл рот и Берия. — Причем и в части снятия машины с производства, и в части Звезды конструктору. А по поводу Ил-28 особо оба предложения поддерживаю: товарищ Хлопин мне сказал, что свое изделие он проектировал именно под возможность использования этой машины как носителя.

— Насчет снятия штурмовика с производства мы с Хруничевым отдельно побеседуем, а насчет Звезды... почему вы представление не подготовили?

— Мне нельзя, я лицо заинтересованное.

— Но вы же не себе...

— Вот получит Ильюшин Звезду, зазнается, расслабится — а я тем временем самолет лучше, чем у него спроектирую. И все скажут, что я это сделала специально!

— Ну конечно... — Сталин рассмеялся. — Ладно, я сам его к званию Героя представлю. У вас все на сегодня?

Когда дверь за Климовым и Лукьяновой закрылась, Сталин повернулся к Берии:

— Что скажешь?

— Это что-то невероятное! И я теперь понял, почему они буквально заставили Громыко договариваться с американцами насчет концессий в Канаде. Ведь если верить тому, что про канадский уран говорит товарищ Суворов — а поводов сомневаться в его словах у нас нет ни малейших — то предотвращение попадания этого урана американцам на самом деле будет самой важной нашей задачей. Анна Федоровна считает, что янки догадаются про водородную бомбу года через два-три после того, как получат бомбу урановую. А без дешевого урана они и атомную долго не сделают.

— Думаешь, цена урана их остановит? Анна Федоровна говорила, что она может сколько угодно урана добыть даже из простого гранита, хотя это и будет стоить огромных денег.

— Чтобы придумать, как сделать атомную бомбу, нужно провести очень много различных исследований, а для этого нужен простой доступ к урану. Пока янки не знают зачем уран вообще нужен, никто не будет вкладывать миллиарды в его добычу.

— Тоже верно... Но я спрашивал о наших сегодняшних визитерах. Тебе не кажется, что они опять что-то такое задумали? Такое, о чем мы узнаем лет через пять-десять, да и то, если они захотят рассказать? Этот германий...

— Нет, не кажется. В Институте радиотехники у Рожанского с этими германиевыми деталями уже лет пять возятся, но точно не меньше трех. И про крошечные приемники мне уже с год как рассказывают, хотя живьем я такой сегодня первый раз увидел. Однако я думаю, что германий их мало интересует: я читал отчет радиотехнического института, там сказано, что хотя с кремнием работать несколько труднее, эти... как их... полупроводники из кремния получаются во многом лучше, разве что энергопотребление несколько выше, чем у германия. Но они упомянули галлий...

— И что?

— Рожанский уверен, что Анна Федоровна точно знает одну очень важную в свете вчерашних испытаний вещь: полупроводники на основе арсенида галлия будут устойчивы к радиационному воздействию.

— Вот это уже интересно.

— В особенности по части бухгалтерии: Дмитрий Апполинариевич только для лаборатории, которая будет заниматься арсенидом галлия, просит двадцать миллионов... для начала.

— Да уж... эта атомная промышленность в копейчку нам влетает. Но ты же сам видел результат? И как думаешь, стоит он понесенных затрат? Можешь не отвечать, и так все понятно. А я вообще-то хотел спросить, что ты думаешь об Ирине Алексеевне? Ведет она себя как-то...

— А, ты об этом? Я вообще убежден, что ее Девятое управление посылает в Москву только потому, что она все, что угодно, может если не обосновать, то пробить. Ты же сам не

смог ей отказать?

— Не захотел. Не захотел отказывать, и не потому, что она грубиянка, а потому, что самолеты ее... Кстати, а ты никогда не задумывался, почему она свои самолеты так странно называет? То Лу-7, Лу-9, а то Л-410 или Л-610. Или вовсе М-какой-то...

— Я даже спрашивал. Те, которые Лу — это которые она сама полностью делала. Те, которые Л — это машины, которые она делала с Мясищевым, но, говорит, самолет марки Мя звучит по-идиотски. А насчет номеров, то, говорит, как хочу, так и называю. Кстати, Ба-29 тоже в основном она спроектировала, мне наш итальянец говорил, когда просил Лукьянову к очередному ордену представить.

— А ты представил?

— Орден Ленина, а что, думаешь мало?

— За истребитель, пожалуй, в самый раз, а вот за то, что она Архангельского, Петлякова, Бартини и Мясищева, считай, в люди вывела...

— Ну так давай я ее к Звезде представлю?

— Обойдешься, я сам представлю. А Вячеслав пусть готовится к шведам лететь, сейчас это, оказывается, очень кстати будет. Может и Климова... того?

— Тебе виднее. Хотя я думаю, что за норвежцев это будет слишком. Но если рассмотреть всю совокупность его заслуг перед Родиной...

Борис Третий давно уже был отъявленным пацифистом. А еще он был человеком образованным, но умным — и прекрасно понимал, что в случае, если бы он объявил войну России, дни его были бы сочтены, ведь даже многие их высших офицеров армии образование получали именно в России, а уж простой люд был настроен настолько пророссийски, что быстрее устроил бы революцию, чем стал бы воевать.

Но Гитлер уже не просил, а требовал от Бориса отправки болгарской армии на фронт, вообще не принимая во внимание аргументы, которые еще недавно казались ему весомыми. Да и правительство тоже почему-то было настроено в войну вступить. И, что больше всего беспокоило Бориса, к этому же склонялся (и всячески склонял его самого) младший брат. Отношения с братом довольно давно уже стали весьма напряженными, а парни из тайной полиции сообщали даже, что Кирилл сейчас готовится сам сесть на трон и стать чем-то вроде «болгарского фюрера», причем проделать он это собирался при поддержке абвера. По хорошему, брата следовало бы поместить в какой-нибудь санаторий в горах... хорошо охраняемый санаторий!

Борис еще раз принялся обдумывать эту внезапно пришедшую ему в голову идею, постепенно «уточняя детали». Например, в Монтане не так давно был построен горный дом для отдыха, с большими виноградниками и очень крепкими винными подвалами... однако продумать все в деталях он не успел: в дверь его кабинета постучали и спустя несколько секунд вошел хорошо царю знакомый Кимон Георгиев:

— Ваше величество, спешу сообщить вам не самую приятную новость: Никола Михов был застрелен при попытке сопротивления офицерскому патрулю.

— Прискорбно... а что он делал такого, что пришлось вызывать офицерский патруль?

— Пытался направить приказ в пограничные полки пресекать вступление Красной Армии на территорию Болгарии.

— Это ведь в правительстве не обсуждалось?

— Филов говорит, что решение правительства на эту тему имелось.

— А мне почему не доложили? В конце концов кто здесь глава правительства?

— Конечно же не Богдан. Но, должен заметить, и не вы. Мне это не очень приятно говорить, но вы смещены...

— Кирил?

— Упаси Господь! Военный комитет провозгласил Болгарию Республикой, а премьер-министром — временно конечно, до проведения выборов — назначил меня. А ваш брат, как и все бывшие министры, арестован до суда. Однако спешу заверить, что кроме трона вы не теряете ничего. По крайней мере сейчас, а как будет потом... не будем забегать вперед. Генерал Толбухин прибудет в Софию завтра утром, я бы хотел пригласить вас на переговоры с ним: для России вы еще глава Болгарии и было бы странно, если вы не будете участвовать в переговорах.

— Это все, что вы хотите мне сказать?

— Почти всё. Правда, есть один непонятный момент: Кирил Станчев, который вел переговоры с генерал-лейтенантом Толбухиным, встречался там с еще одним русским генералом... с генерал-полковником, и тот сказал, что наш переворот, цитирую дословно, «позволит все же Борису умереть своей смертью». А на вопрос, не собиралась ли Красная Армия убить царя... вас, он ответил, что «в отличие от Гитлера Советский Союз наказывает лишь мерзавцев», и что ваша смерть была бы выгодна лишь Гитлеру и вашему брату. Генерал Станчев убежден, что у русских есть доказательства этим словам...

— Хорошо, я завтра буду на переговорах с Толбухиным. А этот другой русский генерал — он будет там?

— Не думаю. Тот, другой, был не армейским, а от НКГБ, и Кирил Николов Станчев думает, что он к Толбухину приехал специально чтобы сказать нам то, что он сказал, потому что он не сказал ничего, кроме этого и вообще в переговоры не вмешивался. Но — посмотрим. До завтра, Ваше величество...

Атака мертвецов

Станислав Густавович к разговору готовился очень тщательно. Настолько тщательно, что даже позвал себе в поддержку Ольгу Дмитриевну. И Оля согласилась, просто потому, что она давно знала что Струмилин — единственный человек в стране, способный послать Сталина в пешее эротическое путешествие и ей очень захотелось глянуть на такое «представление». Но оказалось, что Станислав Густавович — человек не только смелый, но и хитрый: большую часть тезисов Сталину озвучивала именно Оля. И не потому, что Струмилин ее об этом специально просил — хотя он и рассказал Ольге, что хочет узнать Сталин, а просто разговор так сложился...

Собственно, Иосиф Виссарионович и был инициатором разговора: в субботу двадцать пятого апреля он поинтересовался у Струмилина, что СССР может предложить освобождаемым от фашизма странам. А Струмилин, в свойственной ему манере, ответил так, что в переводе на простой язык можно было бы высказать словом «ничего». Даже точнее, «совсем ничего» — и Сталин попросил пояснений.

Но, увидев, что с объяснениями Струмилин пришел не один, сразу задал вопрос Ольге Дмитриевне:

— Хорошо, что и вы пришли. Ольга Дмитриевна, вы просчитали последствия вливания в Финляндию сразу такого большого объема денег? Товарищ Жданов опасается, что финны опустошат магазины Ленинградской области...

— Ну, во-первых, не опустошат, все же пока режим границы соблюдается и просто им попасть в ленинградские магазины не выйдет. А во-вторых, мы эту сумму, хотя и значительную, в состоянии просто напечатать, ведь по сути мы просто заменяем финские марки на рубли для — опять подчеркну — внутренней торговли на финской территории, причем убирая риск гиперинфляции в этой области. Марка-то теперь ничем не обеспечена, в городах цена на продукты — если в марках смотреть — совершенно запредельные, а в рублях уже цены ниже, чем в том же Ленинграде. Но сейчас объемы торговли в рублях резко ограничены из-за нехватки собственно рублей, в наших новых магазинах и покупателей почти нет — а людям, в особенности в городах, что-то ведь нужно есть. Да и по размеру вливаний считать — все же немного получается. Пятьдесят рублей на семью плюс по двадцать на ребенка — крохи. Сколько там этих финнов, три с половиной миллиона? Ну, три семьсот — и менее чем двести миллионов рублей ущерба бюджету страны не нанесут. Зато эти деньги позволят финнам продержаться до того славного момента, пока не заработает — на пользу СССР заработает — финская промышленность. В любом случае хуже не будет, а деньги мы через нашу советскую торговлю оттуда всяко месяца за три-четыре вытащим: Финляндия сейчас себя все равно прокормить не в состоянии, и без наших продуктовых магазинов им не обойтись.

— Ну, допустим... ладно. Слава... Станислав Густавович, а теперь прошу ваших пояснений в отношении освобождаемых стран. И начнем, пожалуй, с Болгарии. Сейчас товарищи Коларов и Димитров готовят планы перевода страны на социалистические рельсы, но ведь без нашей помощи, причем помощи существенной...

— В жопу всех этих коминтерновцев! — не произнесла, а буквально прокричала Ольга. — Эти дармоеды деньги только тратить умеют, а как их зарабатывать, они понятия не имеют. Болгарские генералы назначили премьером Кимона Георгиева — пусть он страной и

управляет, по крайней мере этот полковник понимает, откуда у государства берутся деньги и как этими деньгами эффективно распоряжаться. Да и опыт государственного управления у него немалый.

— Я, пожалуй, присоединюсь к мнению Ольги Дмитриевны, — немного подумав, вставил свое «веское слово» Струмилин. — Димитров с Коларовым отчего-то решили, что Советский Союз просто обязан им предоставить безвозмездную помощь на несколько миллиардов рублей, а Кимон Стоянович — которого, кстати, поддерживают болгарские коммунисты в Болгарии — по факту уже изыскал достаточно средств в бюджете не только для стабилизации экономики в стране, но и на развитие новых территорий. Я уже не говорю о том, что Георгиев сам предложил полностью профинансировать наши войска в Болгарии. Кстати, поговорите с Лаврентием Павловичем: у него есть очень интересная информация о том, как Димитров готовил в Болгарии переворот при поддержке британцев...

— Что? Это интересно...

— Кроме того, — продолжила Оля, — раз у Георгиева деньги есть, мы ему поможем, не бесплатно, конечно, но серьезно поможем с развитием промышленности. В частности, с металлургией: там рядом с Софией есть прекрасное месторождение железной руды с большим содержанием марганца, а попутно там и барий, и свинец в заметных количествах есть. Думаю, что где-то через год полмиллиона тонн стали Болгария произведет. Ну а под эту сталь и машиностроение Кимон Стоянович наладит с нашей очень даже возмездной помощью.

— Ладно, про Болгарию более-менее понятно, Слава, ты мне все это в письменном виде изложи: нужно кое-кому в Политбюро кое-что объяснить. А по Румынии, Венгрии... Чехословакию пока опускаем... и Польшу с... трибалтийскими республиками есть объяснения ваших предложений?

— У нас нет на это лишних денег. У нас и не лишних не хватает на всё.

— А пара миллиардов на помощь китайцам есть?

— Если будет нужно, то товарищу Мао мы и десять найдем, — не удержалась Ольга, — он нас сейчас от японцев прикрывает. И готовит почву для нашей победы уже в войне с Японией, перемалывая японскую армию. А чем больше мы ему поможем, тем меньше нам японцев достанется. Мы же ему только оружие и боеприпасы поставляем, по сути он вместо наших бойцов на смерть отправляет китайских, так что я считаю это выгодной инвестицией. Мао, конечно, тот еще придурок, но для нас полезный...

— Вы думаете... ладно, я попросил Станислава Густавовича другой вопрос прояснить.

— Что же до троебалтии, то тут без вариантов: в качестве отдельных стран они для нас не только бесполезны, но и объективно опасны. В качестве союзных республик — просто вредны, там население заражено национализмом и любой уровень независимости от руководства страны приведет к возрождению там нацизма. Так что — российские губернии, в смысле, области. А лучше — отдельные национальные районы в составе существующих областей. С правом выпуска школьных учебников на национальных языках, но строго за свой счет, ну и так далее.

— То есть присоединение к Ленинградской и Псковской?

— А так же Виленской и... мы же вроде договаривались Восточную Пруссию тоже забрать?

— Нам ваши предложения ясны. А что скажете про остальные страны? Мне лично ваше мнение интересно.

— Венгры, скажем, люди вполне адекватные. Если... когда Хорти с приспешниками повесим, они лет за пять в чувство придут. Особо помогать им не нужно, они народ трудолюбивый, сами справятся — и наши затраты тут ограничатся расходами на комендатуры, которые будут за порядком следить. Причем лишь первое время, пока они мирную жизнь не наладят, а потом пусть и за поддержание порядка нам платят.

— А приказ «венгров в плен не брать» вы издали потому что они адекватные?

— Ну, отморожков мы же уничтожили, а остальные — именно будучи адекватными — осознали, что будет с теми, кто к голосу разума не прислушается. Они — венгры — люди понятливые, они уже прислушались. Австрийцы — тоже, разве что у них социализм строить совсем бесполезно: мы им и за пару поколений даже не сможем объяснить, чем социализм отличается от национал-социализма. А чехов и словаков нужно разделить. Чехи в массе своей ментально рабы, вон они как на Гитлера героически работали. Словаки более вменяемые, так что если их отдельно взять, то страну можно в обозримые строки и к социализму склонить, и в экономике подвинуть в нашу пользу, причем взаимовыгодно. А Германию однозначно денацифицировать и сделать социалистической.

— Вы пропустили Румынию и Польшу...

— Северную Добруджу мы к Молдавии присоединяем? А все остальное... ни копейки им не давать, пусть живут как хотят. Еще и границу выстроить, чтобы никто ее пересечь не мог... да мне вообще на румын плевать. Лично мне, это особо отмечаю. Ну а поляки — этим поставить, скажем, Рокоссовского генерал-губернатором, пусть пшеков в чувство приводит совершенно недемократическими методами. Интеллигенция там полностью антисоветская, их не перевоспитать — так не расстреливать же нам их всех? Патроны тоже денег стоят, так что пусть Константин Константинович их вешает, по закону, конечно.

— Как то вы... жестко.

— Против СССР сколько поляков воевать пошли? Да почти все, кому оружие Гитлер или Чемберлен в руки сунул.

— Черчилль...

— Уинстон просто это оружие не отобрал, хотя разницы действительно для меня нет. Я всего лишь экономист, и исхожу исключительно из экономической целесообразности. Мы должны обеспечивать счастливую сытную жизнь в первую очередь для наших граждан — тогда и за границей народ поглядевет, как хорошо мы живем, возможно захочет жить так же.

— А если не захочет?

— Так и хрен с ними, мы что им, доктор что ли? Хотят сдохнуть — их право. Лишь бы к нам не лезли...

— Вот последний момент вы, мне кажется, не раскрыли.

— Через год, самое позднее через два всех тех, кто ползет, мы просто распылим на атомы. А имея в виду, что на первом месте у нас стоит благосостояние собственных граждан, распылим даже не переживая по этому поводу.

— Вы про новую бомбу? — поинтересовался, явно пожившись, Станислав Густавович.

— И про нее тоже. Хотя тем же полякам или румынам и старых у нас хватит — исключительно из тех соображений, что свою территорию заражать радиоактивными осадками не комильфо.

— Ясно... с вами ясно. Слава, а твои соображения по сегодняшнему вопросу?

— А что Слава-то? Ольга Дмитриевна все очень понятно объяснила, и я с ней согласен.

— Да ты всегда с ней согласен! Впрочем, с ней действительно спорить сложно. Ольга

Дмитриевна, спасибо за исчерпывающий доклад, а ты, Слава, все что я просил, сегодня же мне подготовь. Да, совсем забыл: Ольга Дмитриевна, вы обещали и восстановлением Украины заняться, так когда?

— Я обещала заняться восстановлением новых областей России. Планы у меня уже готовы, а предложения по персоналиям... я имею в виду, по поводу первых секретарей обкомов, я пришлю вам в пятницу. Нет, в понедельник: первого мая вы, скорее всего, будете очень заняты...

— Хорошо. Но теперь, в свете ваших прочих предложений, возник вопрос и по Молдавской республике. И мы хотели бы, чтобы вы и её своими заботами охватили...

— Ну, что у нас новенького? — спросила собравшихся за ужином товарищей Оля, вернувшись из Москвы.

— Тебе вообще или в частности? — ухмыльнулась Аня. — Если в частности, то ничего: мы же теперь никто и звать нас никак, разве что пока приглядываем за тем, как Большая Девятка управление перехватывает.

— А если вообще?

— Если совсем вообще, то старик Бауман наладил у себя производство новой ракеты КУРС. То есть ракета та же самая, но теперь выпускается с фугасной, термобарической и противопехотной осколочной боеголовкой, и делается их теперь по шесть сотен в сутки: Яков Петрович свою Сталинскую премию отрабатывает на сто сорок шесть процентов. Семьдесят два года — а пашет как заводной! Правда, на него теперь с полсотни колхозов пашет: порох для этих ракет у него строго конопляный.

— А мне вот интересно: если бы у нас не было налажено производство лавсановой нити, из чего бы провода для этих ракет мы делали? Шелковые?

— Если тебе очень интересно, то рассказываю: в СССР выпуск лавсановой нити в Мытищах наладил исключительно для изготовления как раз ниток для ПТУРов, и лишь потом сообразили, что из этих ниток можно и одежду делать. Точнее, подсчитали, что если одежду не делать и ограничиться лишь ПТУРами, то веревки эти золотыми окажутся — так что придумали бы лавсан и без нас.

— Ага, и ПТУРы без нас придумали бы, правда попозже...

— По ракетам у нас вообще все чудесно, — добавила Ира. — Бисноват доработал тепловой прицел для ракет воздух-воздух, их уже на «Дельфинах» испытали и в серию запустили. Они теперь даже днем, если не против солнца, с вероятностью больше пятидесяти процентов в выхлопную трубу мотора попадают. Правда это Ане дополнительный головняк создает...

— Это не мне, — пояснила Аня, — а только заводу, который на холодильники фреон гонит, а я к этому заводу уже никак не отношусь.

— А что с этим заводом?

— С заводом ничего, просто у Матуса Рувимовича детекторы охлаждаются фреоном, и на каждую ракету тратится его литра по полтора. Точнее, на каждый пуск, так что если самолет никого не сбил и с ракетами вернулся, их снова заливать приходится. Но это мелочь, просто на заводе очень долго мучились с производством баллончиков для перезарядки. Впрочем, проблему уже решили, а то, что флюорит аж с Дальнего Востока таскать приходилось, уже не критично: Георгиев с Сашинной подачи уже в Петриче добычу налаживает. А чего тебя-то это вдруг срочно заинтересовало?

— Да думаю где денежку дополнительную добыть: Сталин меня попросил и для

Молдавии план восстановления составить. Есть мнение, что товарищ Струмилин опять решил на меня работенку свою спихнуть.

— Нет, Оль, ты не права, — отверг ее инсинуации Саша. — Струмилин пускает тебя в роли грегари в гонке: ты его просто подтягиваешь к месту, откуда он уже может спуртовать.

— То есть в роли вьючного ослика, который тянет на себе его поклажу...

— Оль, ты просто велоспортом не интересовалась. Грегари — это человек, кто обеспечивает победу команде в целом, при этом как правило оставаясь в тени. В переводе с итальянского это, конечно, означает «слуга», но в переводе с велосипедного — это человек, который ведет капитана к победе. Буквально на себе тащит, и не вьюк, а самого капитана, ради общей победы. И для Струмилина ты — лучший грегари. Не потому что за него работу тянешь, а потому что он-то за всю экономику страны отвечает, а ты его прикрываешь на нашем участке, давая ему сосредоточиться на главных задачах. Согласись: в планировании работы Девятки без тех же многолетних посиделок на этой нашей кухне хрен разберешься, и ты, как грегари на подъеме, тащишь Струмилина на самом тяжелом участке трассы, оставляя ему силы для победы во всей гонке. И он в этой бешеной гонке побеждает, но без твоей, воистину неоценимой, помощи он бы не справился.

— Он бы справился...

— Но с худшим результатом и, скорее всего, гораздо позднее. А сейчас сама смотри: ты прикрыла военное производство, Струмилин все остальное тащит — и в СССР, несмотря на войну, экономика растет. Заботами Струмилина в основном растет. Точнее, по его планам растет — а планы он столь успешно составляет потому, что знает: за военную промышленность он может не беспокоиться потому что женушка моя любимая все правильно сделает. Ну а то, что женушка моя сама у Струмилина училась — ну так звезды сложились. И раз уж ты освоила то, что Станислав Густавович только через десять лет придумал, то грех ему не помочь.

— Да я не отказываюсь... просто ты верно заметил: я прикрывала производство в Девятке, а тут всё, да еще в двух республиках сразу.

— Оль, а ты не переживай, — с легкой улыбкой заметил Валентин. — Мы же еще когда по поводу этих территорий к окончательному решению пришли? В двадцать седьмом или в двадцать восьмом?

— Я к Сталину не пойду объяснять, почему тут на промышленность нужно болт забить!

— Ну я пойду, — рассмеялась Ира, — ты мне только диаметр этого болта заранее обрисуй.

— Детей сиротами оставить хочешь? — заржал Вася. — Удивляюсь я, как только Иосиф Виссарионович тебя терпит?

— Ну ты же терпишь, а он — человек даже более ответственный. Он вглубь меня смотрит и видит мои нереализуемые возможности!

— Совсем нереализуемые? — усмехнулась Гуля.

— Ну, комп-то мой окончательно сдох. А тут еще с Архангельским вышло опростоволоситься...

— А с ним что?

— Да с ним-то ничего. Просто я Александру Александровичу нарисовала сто тридцать четвертую машину. Она была с двумя движками по шесть тонн, а у Люльки были только по четыре готовые — ну я ему и сказала машину с тремя движками делать и на происки Люльки не поддаваться. А у Архипа Паша Соловьев уже спроворил двухвальный двухконтурный

движок на шесть с половиной тонн, причем Архип его уже на завод передал — а теперь Архангельскому весь проект переделывать. Ну не весь, но довольно прилично.

— Ну, не тебе об этом переживать, — на лице Ольги впервые за весь вечер появилась улыбка. — Ты же не виновата, что Павел Соловьев гением оказался. И опять же... я, конечно, авиаконструктор хоть куда, но если три движка помощнее, то может и самолет сразу побольше делать?

— Я лучше не буду говорить, куда тебе как авиаконструктору, — сделав обиженную физиономию, ответила Ира. — Одно дело если гондолы моторов переделать и другое, когда самолет заново лепить. Мы лучше подождем пока Паша не спроворит мотор тонн на десять тяги, и вот тогда... Просто не хочу снова перед серьезными людьми выглядеть как описавшийся пудель.

— Ну подожди. А пока займись-ка снова культуркой в массах, а то ты как-то это направление забросила и такая пурга поперла...

— Солжи полезли?

— Нет, — широко улыбнулся Петруха, — с Солжами и Шаламовыми мы уже поступили.

— Она не забросила, — вступилась за подругу Аня, — просто тщательнее этим занимается сейчас и получается медленно. Я для нее специальный отчет готовила, у меня только на писанину три недели ушло — зато у Иры точно не пурга вышла, завтра сами увидите. А какая пурга в массы пошла?

— Пошлятина поперла, — уточнила свой тезис Оля, — бойцы Ташкентского фронта грудями и прочими частями тел бросились доказывать наносимую ими стране пользу.

— Ташкентский фронт, говоришь? Гуля, сдается мне, что нам срочно потребуется кое-кого посадить на диету, скополамин-мескалиновую. У тебя как с диетическими продуктами, есть запасец или потребуется снова производство запускать?

— Ну, немножко есть, на кадрированную дивизию хватит. Тебе когда нужно? И сколько диетологов потребуется?

— Пока не знаю. Вот после праздника слетаю в Москву, поговорю с начальством — тогда запрос свой и конкретизирую...

Двадцать девятого состоялось сильно внеочередное (и расширенное) заседание Политбюро, на котором кроме собственно членов Политбюро были Лаврентий Павлович Берия в качестве одного из докладчиков по рассматриваемым вопросам, Кржижановский, Баранов, Хруничев, Мессинг, Илья Малышев — «главный геолог» Союза и Малыше Вячеслав — «танковый нарком». Вообще-то Иосиф Виссарионович хотел пригласить еще несколько человек, но остальных просто не успели собрать: мотались по делам где-то вдали от Москвы. Впрочем, по мнению, скажем, Глеба Максимилиановича, и собравшихся было более чем достаточно — а честно говоря, он считал присутствие Калинина вообще лишним. Насколько он знал, обычно Политбюро как-то обходилось без «крестьянского президента» — но мнение свое высказывать он посчитал излишним.

— Итак, товарищи, сегодня, в преддверии всенародного праздника, мы считаем необходимым закончить некоторые дела, которые в суматохе войны остались... незавершенными. Надеюсь, все успели ознакомиться с проектом постановления об учреждении Ордена Славы? Нам кажется, что Светлана Юрьевна, подготовившая этот проект, ни одной мелочи не опустила...

— Постановление Верховного Совета, я думаю, будет уместно опубликовать первого мая, — отозвался Калинин. — Сейчас работники Секретариата уже проводят опрос среди

членов...

— Я рад, что возражений ни у кого нет, а бойцам на фронте это будет, мне кажется, приятным подарком к празднику.

— Особенно девушкам особых батальонов Девятого управления, — усмехнувшись, шепотом на ухо прокомментировал это Ворошилов сидящему рядом Кагановичу. И, глядя не непонимающее лицо Лазаря Моисеевича, добавил: — Я утром подписал постановление о награждении всего личного состава Первой роты легких снайперов, в ней у каждой уже больше трех десятков врагов на счету.

— А остальные? Там же...

— Остальные пока без представлений, а тут Толбухин в Москву вчера за своим орденом приезжал, я ему про новый орден в разговоре рассказал — так он со стула не вставая мне представление и написал. А мне-то не жалко, девки на самом деле героические...

— Полагаю, что обсудить эту новость можно будет и по окончании заседания, — с легкой улыбкой заметил Сталин, а у нас остались срочные вопросы, касающиеся других наград. В частности, Президиум Верховного Совета до сих пор не подготовил указ о присвоении Гюльчатай Халматовне Суховой звания Героя Социалистического труда...

— Так она же уже Герой, — недовольным голосом ответил Калинин.

— Нам это известно, но мы отправили в Президиум представление ее к этому званию повторно.

— Хорошо, сделаем...

— Желательно сегодня, мы ждем. Но это дело, которое уже давно тянется, а к празднику наград заслужившим их людям должно быть больше. Вот товарищ Малышев Илья Ильич представил к такому же званию товарища Суворова Александра Васильевича, — при этих словах все, кроме Калинина, заулыбались, — и представил он его за открытие... самого богатого месторождения золота в Советском Союзе, так? Мы думаем, что часть найденного золота будет уместно потратить на изготовление заслуженной Звезды товарищу Суворову. Есть возражения? Нет? Отлично. Далее, другой товарищ Малышев, Вячеслав Александрович сообщает нам, что изобретенные товарищем Лукьяновым сварочные автоматы позволили увеличить производство танков в четыре раза. Мы думаем, что уже это изобретение необходимо достойно отметить. А учитывая, что Василий Викторович еще и разработал броневой сплав, втрое превосходящий по прочности ранее применяемую броню, мы думаем, что отметить эти достижения было бы правильно, присвоив товарищу Лукьянову звание Героя Социалистического труда. Вы хотите что-то сказать, товарищ Ванников?

— А за спецсплавы...

— Другие достижения товарища Лукьянова мы оценим позже, без спешки. А я хочу отметить и супругу Василия Викторовича, всем известную Ирину Алексеевну. Благодаря разработанным под её руководством самолетам Советский Союз имеет лучшую в мире пассажирскую авиацию, лучшие в мире истребители, лучшие в мире бомбардировщики. Да, мы знаем, что над ними работали и другие авиаконструкторы, но все они признают, что по сути они реализовывали идеи Ирины Алексеевны. И совершенно естественно, что товарищи Баранов и Хруничев представляет ее к званию Героя Социалистического труда. Мы все это представление поддерживаем. Лаврентий Павлович, вы хотите продолжить?

— Я лишь хочу поддержать представление товарища Кржижановского о присвоении этого же звания замечательному ученому Смирнову Валерию Федоровичу и его супруге, выдающемуся химику Смирновой Анне Федоровне за... — Берия замаялся.

— За разработку новых источников энергии, — пришел ему на выручку Кржижановский.

— Да, именно за новые источники. А за выдающиеся достижения в деле укрепления Советского Союза хочу представить к званию Героя Соцтруда Петра Евгеньевича Климова.

— Вы что-то хотите добавить? — спросил Сталин у дернувшегo было Мессинга.

— Я просто уточнить хотел... ведь мое представление было на Героя Советского Союза...

— А мы еще до вашего представления не дошли. Но раз уж вы решили несколько поспешить, я бы предложил немного изменить вашу формулировку, ну чтобы не выглядело, что оба звания он за одно и то же получает. Скажем, «за выдающиеся достижения в развитии идей социализма в мире», так ведь тоже верно будет?

— Ну... Да.

— Отлично. У нас, по сути, осталась только Климова Светлана Юрьевна, очевидно заслужившая звания Героя Социалистического труда за формирование учебных программ советских школ и огромную идеологическую работу среди молодежи, и Суворова Ольга Дмитриевна, безусловно заслужившая это звание за огромный вклад в развитие экономики СССР, так? Ну, вроде на сегодня всё.

— Я думаю, что не совсем, — улыбнулся Лаврентий Павлович. — Мы сегодня приняли решение о присвоении высоких званий Героя Социалистического труда девяти генерал-полковникам Особого девятого управления НКГБ. Но я бы хотел заметить, что все они трудились на благо нашей страны, причем трудились героически, под руководством товарища Сухова. Который, кроме этого руководства, обеспечил и материальную основу всех их достижений. Насколько мне известно, сейчас практически все стрелковое вооружение Красной армии производится на разработанных товарищем Суховым станках, а уж что касается...

— Спасибо, Лаврентий Павлович, вы очень вовремя указали на наше упущение. Мы, думаю, единодушно поддержим это представление... устное представление, поскольку тематика работ товарища Сухова относится к особо секретным... и сегодня же соответствующие указы... закрытые указы Президиума Верховного Совета будут подготовлены. Ну а чтобы не отрывать лауреатов от работы, я думаю, что завтра с утра мы с Лаврентием Павловичем посетим Барановичи и вручим им заслуженные награды.

— Ну и зачем был нужен этот цирк? — поинтересовался у Сталина Берия после того, как заседание закончилось и все его участники разошлись.

— А мне просто захотелось посмотреть на рожу козломордого, когда он узнает, что вручать Звезды будет не он. Шучу, просто руководители Девятого управления давно заслужили официальное признание, а Секретариат Президиума слишком уж обленился. Сейчас наш староста им пинки животворящие раздаст — и постановления о награждениях бойцов больше не будут там мариноваться по несколько месяцев.

— Вот что значит постоянное общение с Ириной Алексеевной! — усмехнулся Берия. — Впрочем, я тех же слов набрался от Смирнова... А ты действительно хочешь завтра в Боровичи ехать?

— Даже лететь: мне Баранов сказал, что их новый самолет, то есть 410М2, в принципе можно уронить только прямым попаданием их же новой зенитной ракеты. Вот и проверим заодно.

— Хорошо, я их предупрежу.

— Не надо, пусть это окажется сюрпризом. Ты же сам говорил, что все они всегда собираются у себя в Боровичах на Новый год и Первое мая, так что мы их всяко всех там застанем.

— А вдруг...

— А для вдруг у нас есть специальные люди. Они все уже в городе и никуда ехать в праздник не собираются. Так ты со мной? Люди-то из твоего ведомства...

Когда самолет опустился на Боровичском аэродроме, выяснилось, что «подлежащие награждению» товарищи как раз собираются в городском Дворце культуры на какое-то закрытое мероприятие. Настолько закрытое, что охранник на входе в здание даже дернулся на предмет «не пущать» — правда, вовремя одумался, но все равно попытался побежать и предупредить собравшихся о гостях. Но грозный рык Лаврентия Павловича «Стоять!» эту попытку пресек и в зал они вошли «внезапно». Однако то, что случилось дальше, Берия слегка удивило. То есть его удивило то, что сидящие в зале десять человек ни малейшего удивления не продемонстрировали, а Светлана Юрьевна, увидев незваных гостей, помахала приветственно рукой:

— О, Лаврентий Павлович, Иосиф Виссарионович, хорошо, что вы к нам заехали. Мы сейчас собираемся взглянуть на новую Ирину работу, присоединитесь? Надеюсь, будет интересно.

Сталин тоже несколько удивился подобному приему, но постарался не подать виду:

— Мы с удовольствием присоединимся, но сначала проведем торжественную часть. Тут Президиум Верховного Совета как-то неожиданно решил наградить отличившихся товарищей к празднику, и, нам кажется, смотреть работу Ирины Алексеевны всем будет приятнее после получения заслуженных наград...

Сама процедура награждения прошла несколько необычно: Сталин на память зачитывал строки из постановлений, Берия подавал ему награды для вручения, затем Иосиф Виссарионович жал руку новому Герою — и всё. Вроде бы буднично, но невероятная торжественность события просто переполняла зал, и все, включая руководителей страны, это чувствовали аж до дрожи. А когда церемония закончилась, Сталин «предложил переходить к праздничному концерту». Вроде как пошутил в попытке снизить зашкаливающее напряжение, но нечаянно угадал:

— Не совсем концерт будет, — сообщила Ира, успевшая повесить Звезду на свой костюм и потихоньку поглаживающая ее рукой, — но, надеюсь, будет весело. И очень хорошо, что вы приехали: я сняла новый фильм и мне... всем нам очень важно узнать ваше мнение о картине.

Фильм начался необычно: никаких титров, на экране сразу появился сельский пейзаж, затем камера переместилась на сидящего на лавке у деревенского домика старика. И сидящего рядом с ним Гайдара, которому старик что-то рассказывал. Что-то: сначала было лишь видно, что старик тихо говорит, а слова разобрать было невозможно. Но чуть позже стало слышно: «а подпоручик кричит: "ссыте на портянку и дышите лишь через нее!"» — и вступление на этом закончилось, а на экране появилась старая крепость и сидящие невдалеке от нее солдаты. В форме царской армии...

Сталин с напряжением смотрел на разворачивающиеся на экране события, иногда недовольно морщился, но ничего не говорил. Когда солдаты, сидя у тела убитого офицера, читали поминальную молитву, молчал, а когда унтер, обращаясь к убитому, горестно сообщил «ну все, вашбродь, прогнали мы супостата ссаными тряпками, век вас за это

помнить будем и детям завещаем», просто замер в кресле.

А когда на экране появились титры...

Сначала на фоне сидящих у стены бойцов возникла надпись «Они сражались за Родину», а изображение солдат сначала стало черно-белым, а потом стало потихоньку гаснуть. Затем надпись поползла вверх, и в правой части экрана пошли обыкновенные титры, а в левой шли кадры, снятые уже на нынешней войне. Горящие танки — наши горящие танки, падающие под вражескими пулями солдаты — наши погибающие солдаты. Санитары, вытаскивающие едва живого летчика из самолета, рыдающая женщина-военврач и санитары, выносящие из палатки полевого госпиталя носилки, покрытые плащ-палаткой...

А затем титры сместились влево, а на правой части показались другие кадры с войны — множество немецких сгоревших танков, пылающие вражеские самолеты, поле, усеянное березовыми крестами, на которые были надеты немецкие каски. А в конце — во весь экран — по Красной площади парадным маршем прошли советские бойцы.

Когда в зале зажегся свет, Сталин еще несколько минут молчал. Лаврентий Павлович, повернувшись к Ирине, высказал свое мнение:

— Сильный фильм, и, мне кажется, очень нужный, именно сейчас нужный. Но то, что солдаты выражаются нецензурно...

— Ни одного матерного слова в фильме не слышно, — тихо, но очень настойчиво ответила Ира. — Я специально две недели звук сводила...

— Лаврентий, оставь, — спокойным голосом произнес, наконец, Сталин. — Солдаты в окопе так и говорят, не барышни кисейные на балу небось. Ирина Алексеевна, вы когда сможете фильм для показа подготовить?

— У меня есть пока четыре прокатные копии, две для широкоэкранных кинотеатров и две для обычных. К девятому мая можно еще полсотни копий изготовить...

— Готовьте, сколько сможете, столько и готовьте. Мы должны фильм показать всей стране, и чем быстрее, тем лучше. А сможете завтра в Москве и Ленинграде показ устроить?

— В Москве — да, а в Ленинграде... постараюсь второго успеть.

— Хорошо. Звезду Героя вы уже получили, орденов у вас — боевой генерал любой позавидует. А вот Сталинскую премию первой степени... указ о присвоении я вам сейчас устно и зачитаю, и это будет моей личной благодарностью. Знаю, вы праздники все вместе здесь всегда проводите, а вот числа, скажем, третьего с удовольствием медаль лауреата я вам вручу. В Кремле, а заодно захватите и документы, которые Ольга Дмитриевна обещала подготовить, договорились?

Наш старый враг спустил свой флаг, он ошибаться тоже в праве...

Поздним утром второго мая в ресторане гостиницы «Москва» состоялся праздничный завтрак. Который стал продолжением праздничного ужина, посвященного празднику Первого мая, а этот завтрак нарком авиапрома товарищ Хруничев отдельно устроил для авиаконструкторов, получивших вчера правительственные награды. Орденами Ленина наградили Сухого, Архангельского, Поликарпова, Ильюшина и Петлякова, а Гуревич, Мясищев и Таиров получили по Трудовому Красному знамени. Бартини тоже орден Ленина получил, но на завтрак не пришел: вчера за ужином награду слишком сильно «отметил»...

Завтрак был именно «поздний» просто потому, что Михаил Васильевич в качестве «дополнительного подарка» авиаконструкторам устроил специальный утренний показ нового фильма в кинотеатре «Октябрь» — и за столами получилось собраться лишь к одиннадцати часам. За очень обильными столами, тут нарком особо расстарался, ведь рядовым конструкторам вообще редко доводилось особо полакомиться. Конечно, никто не голодал, но на столах у людей все же особого разнообразия не наблюдалось...

Собравшиеся за одним столом Главные конструктора поначалу обсуждали увиденный фильм — но нарком обратил внимание, что Павел Сухой с какой-то кривой рожей молча ковыряется вилкой в тарелке и в обсуждении принимать участие ни малейшего желания не проявляет.

— Паша, тебе что, фильм не понравился?

— Фильм-то понравился, вот только...

— Что «только»? Не стесняйся, тут все свои.

— Я сейчас, именно после просмотра фильма, почувствовал себя ничтожеством. А на орден свой смотрю как на конфетку, которую дали капризному ребенку, чтобы тот не плакал.

— Поясни, — лицо Хруничева стало абсолютно серьезным.

— Кино-то просто великолепно снято, и гордость за предков наших переполняет... замечательное кино, и нужное очень. Но сняла-то его Ирина Алексеевна...

— Завидуешь ей?

— Нет. Она сняла это кино, сама сняла. Музыка в фильме просто за душу берет — а мы, все мы тут что в это время сделали? Погодите... ну да, мы самолеты проектировали — но ведь по сути просто довели до ума её проекты. Не знаю, как другие — а я делал то, что она мне делать сказала. Схему аэродинамическую она мне готовую дала, все параметры машины, множество мелочей, о которых я и представления не имел, рассказала и показала. Причем видно же было: она машину и сама может довести, просто ей некогда...

— Ну да, — усмехнулся, но как-то не очень весело Сергей Владимирович, — она фильм снимала. Но насчет прочего ты, Паша, полностью прав. Я тоже бомбардировщик свой фактически доделывал по её схеме... да и штурмовик, можно считать, больше чем наполовину — её изделие.

— Сереж, я вот еще что скажу: про фильм ты в общем-то прав, — заметил Александр Александрович, — но кроме фильма она и свои самолеты делала. Сейчас у нас в Боровичах заканчиваются испытания её новой машины, и, скажу откровенно, всё, что мы за последние пару лет сделать успели, выглядит как поделки детишек в детском саду к празднику

Восьмого марта на радость мамам. Её новая машина — пассажирская, но... я смотрел параметры истребителя, который у Михаила Иосифовича получается, так у нее пассажирский самолет по летным параметрам не хуже, а кое в чем и превосходит. Рабочая высота — пятнадцать километров, скорость — девятьсот с лишним, а дальность — четыре с половиной тысячи! И заметь: у Гуревича над машиной работало инженеров около двухсот человек, а у нее всё КБ — это она и десяток девочек-чертежниц.

— Да ладно бы самолеты, — в разговор вступил Владимир Михайлович, — Я с Архипом говорил, и по его словам, двигатели реактивные... первый — так она ему просто готовый дала «на доработку», уже в металле. Да и все остальные: Архип говорил, что она сначала указывает требуемые параметры, а потом к ним — готовую схему и даже по материалам подробную роспись. А так — да, Роберт подтвердить может: она ему просто готовую машину для изготовления передала... почти готовую: там процентов восемьдесят оборудования вообще еще никто не делал, но она как будто заранее знала, что потребуется — и организовала производство всего нужного на специально выстроенных заводах.

— Ну, допустим, заводы строил товарищ Сухов, а насчет материалов — я думаю, что по ним главным все же её муж будет — задумчиво произнес Николай Николаевич. — Все эти сварочные автоматы — его конструкция, и я с ним довольно много общался на эту тему, а потому уверен: Ирина Алексеевна параметры материалов знает, прочностные в смысле, а как с ними работать — только Василий Викторович понимает.

— Товарищи конструкторы, — негромко, но очень увесисто произнес нарком, — отставить прибедняться! Товарищ Лукьянова, конечно, женщина гениальная, но она мне сама говорила неоднократно: придумать машину и студент сумеет, а вот довести ее до летного состояния — требуется и опыт, и знания, и каменная жопа — то есть характеристики, которым все вы обладаете. Ну, кроме Роберта Людвиговича, у которого жопа сегодня подкачала — но это можно считать случайностью.

— Слушаемся, товарищ нарком, — все еще с унылой рожей ответил Сухой, — мы все немедленно начнем радоваться жизни и гордиться собственной гениальностью.

— А куда вы денетесь? Это я к чему: через две недели в наркомате состоится совещание на тему дальнейшего развития авиации, и есть определенные разведанные, что каждому из вас Ирина Алексеевна отвесила минимум по одной новой машине. С готовой аэродинамикой, компоновкой и всем прочим — но, по ее мнению, на постановку этих компоновок на крыло каждому из вас придется потрудиться, высунув языки от напряжения, лет так по пять. Деталей наши агенты не принесли, их по результатам совещания каждому персонально сообщат — но готовиться уже всем пора. Кстати, — он резко снизил громкость речи и практически прошептал: — а нет ли у вас желания сменить наркома? Я бы с удовольствием к Ирине Алексеевне замом пошел, и если вы меня готовы поддержать...

Иосиф Виссарионович в воскресенье специально проснулся пораньше, ведь он пообещал в полдень вручить товарищу Лукьяновой лауреатскую медаль. И до ее приезда он успел просмотреть очередные материалы, подготовленные Поскребышевым, хмыкнул, прочитав что-то интересное...

А когда Ирина Алексеевна вошла в его кабинет, поинтересовался:

— Мне тут сообщают, что вы новый самолет успели спроектировать...

— Скорее самолетик: Лу-8 маленький, годится только начальство возить. А вообще-то я его для себя любимой изготовила — но раз получилось неплохо, думаю, что и для перевозки разных начальственных тушек несколько штук произвести будет полезно. Генералов по

делам возить, наркомов серьезных, главных конструкторов — много кому сейчас приходится далеко кататься, а время на это терять никому не хочется. Ну со скоростью в девятьсот километров мотнуться по делам в Сибирь срочно — почему бы и нет? Или в Берлин с Парижем — а ведь скоро и туда мотаться часто придется.

— Дорогой самолет получился?

— Ну как сказать... недешевый, но есть случаи, когда копеечная экономия дороже обходится.

— Не спорю... а все же сколько?

— Первые три все вместе обошлись примерно в двадцать миллионов, чуть больше. А в серии, думаю, цену получится скинуть миллионов до пяти. По моим прикидкам, штук полтора ста народ запросит...

— Мою тушку тоже в подсчет включили?

— Иосиф Виссарионович, я же русским по белому сказала: для перевозки разных тушек, а не для ответственных товарищей. Чем вам шестьсот десятая машина плоха? А в «восьмерке» даже в туалет сходить проблема, в ней высота салона метр-сорок...

— Существенный аргумент... но перейдем к торжественной части?

— Давайте. Только можно как-то попроще? Не люблю пышные нагужные речи, да и дел полно, время терять жалко.

— Вам — можно. Я от всей души благодарю вас за фильм «Они сражались за Родину» и в знак признательности от себя и от всего советского народа прошу вас принять эту скромную награду.

— Спасибо. А можно вопрос? Как вы, Иосиф Виссарионович, думаете: разбираюсь я в искусстве? Меня ваше сугубо личное мнение интересует.

— Откровенно говоря, вы своим вопросом меня удивили. Но... как на духу: поначалу мне фильм не очень понравился, но именно поначалу, из-за... сейчас как-то не принято... было не принято показывать царское время позитивно. Но вот форма подачи материала меня, скажем так, с первых минут заворожила — а чуть позже я понял, что вы хотите сказать своим фильмом. Да и сказали вы так, что... Я про Сталинскую премию даже не сразу вспомнил, в размышлениях о том, какой награды вы достойны. Да и сейчас не уверен, что премия эта будет достаточной наградой за ваше искусство...

— Иосиф Виссарионович, я не на комплименты нарваться пытаюсь. Вы мне прямо скажите: я в искусстве разбираюсь или нет?

— Ну, раз вы так вопрос ставите... Разбираетесь, причем, лично мне кажется — раз уж вас мое личное мнение интересует — лучше кого либо другого в Советском Союзе.

— Спасибо. Это я к чему: сейчас — по моему мнению — довольно много деятелей искусства, советских таких деятелей, получая от страны огромные блага страну эту презирают и даже изощренно гадят. Не брезгуя получать мелкие подачки и от откровенных врагов наших из-за рубежа. Есть мнение... у нас есть абсолютно достоверная информация о том, что некий деятель искусств и вполне себе народный артист СССР является казначеем антисоветской организации.

— Это интересно, вы готовы мне эту информацию предоставить?

— Вот, — Ирина достала из кармана своего пиджака несколько бумажек, — почитайте на досуге. Но я о другом: арестовать эту мразь и моих полномочий хватит, а уж тем более Петруха полное право имеет. Однако Светлана Юрьевна считает — и я ее в этом полностью поддерживаю — что вырвать этот корешок мало. Я к чему: у нас есть препарат, под

действием которого человек не может отказаться отвечать на любые вопросы и не может — в принципе, физиологически не может — говорить неправду. Однако примерно в трети случаев после применения препарата человек становится... в общем, идиотом. Сразу скажу: эту мразь я под наркотиком правды все равно выпотрошу, никуда он не денется. Но я хотела бы получить от вас официальную санкцию на применение препарата...

— Вы же и так уже все для себя решили, зачем вам моя санкция?

— Санкцию на применение препарата к тем, чья вражеская сущность будет вскрыта в результате подобных... допросов. Дополнительно скажу: все такие допросы будут сопровождаться аудио и видеофиксацией, то есть любой момент допроса будет доступен для просмотра как следователями, так и судом.

— Какой фиксацией?

— В радиоинституте научились записывать на магнитную пленку видеосигнал с телевизионных камер.

— Понятно... А вы уверены в этом вашем препарате?

— Вы тоже уверены: именно благодаря ему Петруха размотал покушение на Кирова за полтора суток.

— Теперь понятно, как он этого тогда добился... Вам нужен письменный приказ?

— Нет, достаточно устного разрешения.

Сталин быстро проглядел бумажки, затем снова повернулся в Ирине:

— И давно у вас эта информация?

— Петруха этот отчет подготовил год назад, я просто готовый взяла. Но мы дополнительно еще все проверяли, поэтому...

— Год назад? Интересно... с этим вопросом они ко мне уже пытались подойти... хорошо, я даю вам санкцию. Вам я санкцию даю, но при условии, что вы будете держать меня в курсе этого дела.

— А куда же мы денемся-то?

— Только один вопрос: а если этот... деятель искусств станет идиотом?

— Этот — не станет. Он вообще не станет — но вполне пристойно и очень естественно.

Мы это умеем.

— Хорошо. Когда вы собираетесь начать... операцию?

— Дело не самое простое, подготовиться все же надо. Где-то через неделю... мы вам сообщим заранее.

— Тогда один вопрос... к делу не относящийся. Вот вы товарища Климова все время называете Петрухой, товарища Сухову только по имени упоминаете, а товарища Сухова наоборот, только по фамилии... Я понимаю, вы старые товарищи, друзья, но не кажется ли вам, что это как-то... по-детски, что ли? Довольно многие на это внимание обращают, и, я точно знаю, уважения проявляют менее надлежащего.

— А... это у нас очень старая... сказка для внутреннего потребления. Сами ее придумали, сами в нее играем. Нам — нравится, а на то, что другие подумают...

— Расскажите? Судя по тому, что вы в нее, как говорите, играете столько лет, она, наверное, интересная?

— Рассказать? А вы знаете, я лучше ее покажу. Вот с делом этим закончим — и покажу, обещаю. И, думаю, вам она понравится!

Ранним утром четвертого мая в аэропорту Хельсинки приземлился очередной русский самолет. То есть самолетов — причем исключительно русских — в финском небе летало

немало, но этот отличался от всех прочих тем, что он был пассажирским. И — гражданским, с большой синей надписью «Аэрофлот» на снежно-белом боку. Так уж случилось, что господин Паасикиви утром как раз вышел из дому, чтобы купить в магазинчике на углу газету и садящийся самолет заметил — но особого значения увиденному не предал. И — напрасно.

Господин Кекконен утром сидел дома и пил кофе. Кофе был так себе, но чего-то получше давно уже купить было невозможно, так что он пил то, что было. И при этом морщился от слишком уж кислого вкуса напитка, думая, что ничего более неприятного сегодня с ним не случится — но он очень ошибался. Спустя всего пятнадцать минут в двери дома Кекконенов постучали и вошедший русский офицер сообщил:

— Господин Кекконен, вас ждут, — а чуть позже, глядя на нервно суетящегося хозяина, добавил: — Не волнуйтесь, вас приглашают на переговоры в Ратушу...

В кабинете, куда привел господина Кекконена русский офицер, уже сидели знакомый экс-министру другой бывший министр господин Паасикиви — что сразу его окончательно успокоило, и неизвестный господин в хорошем темно-сером костюме.

— Добрый день, господин Кекконен, — с широкой улыбкой на лице поприветствовал его незнакомец. По-шведски, но с заметным акцентом.

— Я не очень хорошо говорю на шведском, может быть мы сможем продолжить общение на немецком?

— К сожалению, немецкий не входит в список знакомых языков. Но вы можете выбирать из французского, испанского, английского... если у вас другие предпочтения, то возможны так же фарси, урду, турецкий... но, надеюсь, господин Паасикиви меня понимает и сможет при необходимости перевести вам то, что я говорю.

— Конечно, — усмехнулся Юхо Кусти, — хотя, должен заметить, и я иногда с трудом вас понимаю. У вас все же довольно сильный акцент.

— Это не страшно, я могу и повторить непонятное... впрочем, приступим к делу.

— Я готов, — произнес Урхо Калева, постаравшись вспомнить известные ему шведские слова, — но хотелось бы знать, с кем мы говорим.

— Извините, забыл представиться. Можете называть меня герр генерал, Петр Евгеньевич или просто по имени Петр: так будет проще, да и разговор наш можно считать не совсем официальным. Я представляю советское правительство.

— И чем мы интересны вашему правительству? — поинтересовался Юхо.

— Видите ли, Советский Союз Финляндию в войне победил, оккупировал — а теперь как оккупант, должен вас угнетать и грабить. Проблема в том, что для угнетения требуются немалые средства, а грабить... грабить у вас просто нечего. Так что мы тут с женой посоветовались... Наше правительство пришло к решению о присоединении Финляндии к Советскому Союзу в качестве новой республики. Однако для управления этой республикой у нас нет подходящих руководителей, да и особого желания тратить много денег для подъема уровня жизни финского населения у нас нет. Поэтому моя жена предложила установить для Финляндии ограниченный суверенитет: республика лишается права иметь армию и флот — я имею в виду военно-морские силы, гражданского флота это не касается, законодательство — уголовное — будет приведено в соответствие с законодательством СССР. То есть то, что является уголовным преступлением у нас, будет таковым считаться и в Финляндии, но это в основном и так совпадает: не убий, не укради... насчет возжелания жены ближнего своего — этот вопрос уголовный кодекс не регламентирует. Еще рубль будет внутренней валютой

республики, будут введены определенные ограничения на внешнюю торговлю. Причем не запрет, а именно ограничения, и ограничение некоторых — очень немногих — видов бизнеса, если интересно, я потом расскажу какие. А вот во всем прочем — живите как хотите.

— Вы забыли упомянуть, что в СССР запрещена частная собственность... — сообщил господин Паасикиви.

— Я сказал: ограниченный суверенитет. И перечислил эти ограничения. Но детали потом обсудим, сейчас мне от вас нужно кое-что другое. Республикой, даже с ограниченным суверенитетом, нужно управлять, а у нас, как я уже сказал, специалистов лишних нет. У вас же есть определенный опыт в этом деле, и, по мнению моей супруги, опыт положительный. Так что я, пользуясь правами оккупанта, хочу предложить вам, господин Паасикиви, пост президента Финляндии, а господину Кекконену — пост премьер-министра.

— В Финляндии эти должности занимаются путем выборов, — заметил Урхо.

— Я же сказал: пользуясь правами оккупанта. Я оккупант или нет? Выборы мы отложим до того счастливого момента, когда страна... республика сможет сама себя содержать. Где-то года так до сорок восьмого — просто раньше народ не сможет понять, чего он, собственно, от властей хочет. А пока я хотел бы вас на эти должности назначить — если вы, конечно, категорически возражать не станете. Сразу скажу: по мелочи мы вам всегда поможем, с продуктами например, или промышленность поразвивать, а все остальное — это будет уже вашей заботой.

— Чтобы руководить страной, правительству нужны определенные средства, и в первую очередь — деньги.

— Мы в курсе, и с деньгами поможем... на первое время. И не только с деньгами, тут мне жена списочек подготовила по первоочередным программам, которыми вам придется заняться. С медициной в Финляндии сейчас совсем паршиво, так что вам предстоит лет за пять подготовить минимум несколько тысяч врачей. Для начала — просто подобрать молодежь, которая получит современное медицинское образование в наших институтах, ну и свои институты расширить, обеспечив бесплатное обучение в них специалистов.

— Если вы поможете с финансированием...

— Сразу видно: капиталисты. Поможем, но в кредит. Потом расплатитесь, когда здоровые финны будут в республиканскую казну много денег приносить. Второй вопрос — это энергетика: у вас даже в городах с электричеством паршиво, а уж о деревнях и говорить не приходится. Тоже поможем материально, на условиях для казны даже более легких: фермеры за электричество с наших станций будут расплачиваться своей продукцией, а продуктов, как вы сами знаете, лишних не бывает. Не волнуйтесь, мы тоже выгоду считать умеем и знаем, что цены задирать нельзя, так что все по справедливости будет. Да и в любом случае вы же в своей республике тарифы определять и станете, так что и мы, и вы будем заинтересованы в социальной гармонии.

— Предложения звучат интересно, но в любом случае мы должны подумать, — закончил обсуждение господин Паасикиви.

— Конечно. Я вам на размышления даю целых десять минут. Вы знаете, в кабинете Сталина сейчас просто очередь сидит из финских коммунистов, желающих Финляндией порулить. И просто мечтающих поквитаться с теми, кто еще недавно их злобно угнетал...

— А вы что, против коммунистов? — искренне удивился Урхо.

— Я — нет, конечно. Но моя жена — она очень не любит некоторых отдельных

коммунистически настроенных граждан, не совсем понимающих, что такое социализм на самом деле. И почти не отличающих социализм от национал-социализма — а вот конкретно вы, насколько ей известно, разницу понимаете очень хорошо.

— Но давать на размышления десять минут в таком деле...

— Да, — усмехнулся Юхо, — десять минут — это слишком много. Мы согласны с вашими предложениями — насчет должностей. А когда мы сможем обсудить детали?

— Добро пожаловать на работу! А детали — вот сейчас пообедаем и обсудим.

— И насчет остальных министров правительства...

— Господин премьер, мне кажется, что уже две минуты подбор персонала — это ваша работа. И еще... мне жена сказала, что тут в Хельсинки кофе какой-то... отвратительный. Но я захватил с собой немножко эфиопского, так что сегодня мы будем обсуждать дела со вкусом.

— А можно вопрос? — не удержался новый президент Финляндии. — А кто ваша супруга? Вы ее постоянно упоминали...

— Вообще-то она — учительница истории в школе. А еще — генерал-полковник НКГБ и советник товарища Сталина по персоналу. То есть она определяет, годится ли человек на какую-то руководящую должность или нет. Вы — годитесь...

— Станислав Густавович, — объяснял в это же время «фельдмаршал» Струмилину, — Оля просто боится вывалить нашу идею Сталину, и я жену очень хорошо понимаю: Иосиф Виссарионович старается сделать страну индустриальной державой, а тут такое. Однако у нас по этому поводу мнение совершенно единодушное, а Света считает, что только вы сможете ее Сталину донести так, чтобы он проникся и никого при этом не расстрелял.

— Не думаю, что я лучший доноситель чужих идей...

— Я тоже, поэтому и приехал: время не ждет, пора за работу приниматься — а для этого нам — не нам в Девятом управлении, а всей стране — нужно, чтобы идея стала уже вашей. А так как вы отнюдь не дурак, я думаю, что уже через полчаса вы и сами решите, что Сталину лучше именно вашу идею подать.

— Не совсем понял...

— Так я и поясняю. Смотрите сами: Краматорский металлургический перед войной выпустил чуть больше двухсот тысяч тонн стали...

— Немало.

— И немного, но при этом завод отравил почву на двадцать пять километров вокруг. Две тысячи квадратных километров, двести тысяч гектаров. При паршивой урожайности в двадцать центнеров с гектара...

— Очень даже неплохая урожайность...

— Паршивая, на опытной станции на Полтавщине уже почти сорок собирают, но мы по минимуму возьмем. Четыреста тысяч тонн зерна дороже двухсот тысяч тонн стали? Но я вам больше скажу: на этой территории мало что урожай с каждым годом падать будут, так еще и само зерно будет все более ядовитым.

— А в других местах не будет?

— Возьмем Караганду. Там, даже если наизнанку вывернуться, урожай в двенадцать центнеров будет чудом, да еще хорошо если раз в три года. Где выгоднее ставить металлургические заводы?

— А руду возить в Караганду...

— Тоже недешево, однако если подсчитать, сколько денег страна сэкономит из-за того,

что люди не будут есть ядовитые продукты... А еще здесь, если посадить сады, можно собирать... можно будет собирать яблоки, ягоды, прочие витаминные продукты — которые сейчас там выращивать было бы преступлением против народа. И мы пока говорим лишь об одном заводе, а прикиньте, какой ущерб драгоценной природе сам город наносит. Да, можно из житницы сделать промышленный гигант — но люди-то что жрать будут? Ведь для того, чтобы компенсировать ущерб в сельском хозяйстве, где-нибудь в Оренбургских степях нужно будет распахать уже миллион, а то и два, гектаров пашни, озаботиться мелиорацией на всех этих площадях, да те же колхозы в голой степи выстроить... Я уже не говорю о том, что за деньги, нужные для восстановления краматорского завода, можно впятеро увеличить выпуск металла в Липецке и в Череповце построить завод по выпуску пяти миллионов тонн стали в год.

— В Череповце? Не слышал о таких планах... Ну что же, общая идея мне понятна. Осталось лишь рассмотреть все прочие факторы, подсчитать баланс расходов и доходов...

— Вот, держите, Оля все уже давно подсчитала.

— Давно?

— Конечно, еще году так в тридцатом. Просто пока работало то, что уже выстроено, особого смысла эти расчеты не имели, а теперь, когда все, по сути дела, нужно заново отстраивать...

— Спасибо, я обязательно посмотрю. И, обещаю, мнение по этому вопросу я Иосифу Виссарионовичу обязательно донесу. Свое мнение...

— Ну и слава богу!

— Слава, — усмехнулся Струмилин. — а на вскидку не помните, какая ожидается экономия при принятии этих планов?

— В этом году никакая. А со следующего — миллиардов восемнадцать в год, причем каждый год она будет еще на пару миллиардов увеличиваться. И даже не экономия, а дополнительные доходы бюджета и рост благосостояния народа. Последнее — это за счет жратвы в основном и... сами все прочтаете, мне-то Оля только в общих чертах рассказала. Она вообще не знает, что я к вам со всем этим приехал.

— И пусть не знает дальше. По крайней мере, пока я с Ио... со Сталиным не поговорю: зачем ей лишний раз волноваться?

— Берете волнения на себя?

— Зачем? Я вообще не вижу смысла волноваться если я прав. А если Ольга Дмитриевна все подсчитала, то в своей правоте я полностью уверен... а нужные слова я побдеру. Спасибо, Александр Васильевич...

А мы идем бесшумно, невидимой тропой...

В понедельник восемнадцатого мая было опубликовано постановление Государственного комитета обороны о введении погон как знаков отличия в РККА. Ну а кроме введения погон, в постановлении было указано, что теперь бойцам надлежит именоваться солдатами, а командирам — офицерами. По мнению Петрухи, тому, что такое постановление появилось раньше, чем «потом», очень существенную роль сыграла необыкновенно высокая популярность Ириного фильма: за две недели кинофабрика в Боровичах успела изготовить больше двухсот прокатных копий и фильм теперь показывался практически по всей стране при полных аншлагах.

Шапошников, после демонстрации обновленной формы в Генштабе, мимоходом заметил:

— Мне кажется, что в Девятом управлении еще в сороковом, когда делали форму для Зимней войны, уже думали о введении погон: с ними их форма смотрится так, как будто погоны на ней всегда были.

— Не исключено, — ответил на эту реплику Сталин, — откровенно говоря, эти ребята мне всегда казались... есть в них что-то имперское. Но не царское, а... словами выразить не смогу, пожалуй. И это упорное нежелание вступать в партию...

— Они просто очень жадные, — усмехнулся начштаба, — партвзносы платить не хотят. Мне Слащев как-то об этом говорил.

— А Ирина Алексеевна говорила, что беспартийные, в особенности инженеры и ученые, зная, что они тоже беспартийные, им доверяют больше и работают лучше.

— То-то у них в руководстве беспартийных, кроме них самих, почти и нет. Разве что Яков Бауман — однако, согласитесь, партийный титулярный советник звучит просто глупо, а он даже сейчас со своих работников требует, чтобы к нему обращались «товарищ титулярный советник». У стариков свои причуды — но если они не мешают работе, то пусть чудят.

— Хорошо, что вы мне напомнили: есть мнение, что Якову Петровичу за новые ракеты стоит присвоить высокое звание Героя труда. Ведь из-за него пришлось срочно пересматривать статус ордена Славы!

— Это почему?

— Потому что в статусе было «в бою лично уничтожил два танка», а ракетчики с его КУРСом просто сжигают танков столько, сколько видят. Теперь для них отдельно ввели новое положение: «за уничтожение противотанковой ракетной установкой десяти танков».

— Да где ж им столько танков-то найти?

— Теперь почти и негде, но ведь потому, что ракетчики почти все танки пожечь успели.

— Светлана Юрьевна прислала проект указа о признании в СССР Георгиевских крестов и орденов Святого Георгия, полученных в той войне на фронтах... Мое мнение — было бы правильно такой указ выпустить.

— То-то Буденному повод для радости будет. Мы подумаем... хотя, в свете этого фильма, народ, нам кажется, поддержит.

Разговор этот случился еще в пятницу пятнадцатого, а утром восемнадцатого произошло еще одно событие: в Польше началось восстание против немецких фашистов. Странное такое восстание, неожиданное — так что примчавшуюся в Москву Лукьянову Сталин даже

принять не захотел, не до того было, но когда Ирина сообщила через Поскребышева, что приехала как раз с новой информацией по восстанию, все же принял. Предупредив, что выделить ей может минут десять от силы.

— Да мне и пяти минут хватит, — ответила она Поскребышеву, уже буквально врываясь в кабинет. — Иосиф Виссарионович, меня Климов просил вам передать, что восстание это инициировали британцы, чтобы нашу армию в Варшаве встретило «законное польское правительство».

— Вот как? А Петр Евгеньевич в этом уверен?

— Абсолютно. Британцы испугались, что мы — после взятия Острова-Мазовецкого рванем на Варшаву и посадим там наше правительство.

— А мы разве рванем?

— Это британцы думают, что рванем. Сейчас войска Лизюкова зачищают Восточную Пруссию и главной задачей у них стоит взятие Данцига...

— Мы в курсе.

— А британцы думают, что после того, как Рыбалко вышел на Буг, нам очень просто с севера и с северо-востока совершить удар в сторону Варшавы — так как против Лизюкова немецкая оборона выстроена слишком сильная. По мнению британцев сильная. К тому же, Рокоссовский уже организовал первую дивизию Войска Польского и провозгласил, что первой его задачей будет взятие Варшавы — а до нее нашей армии километров двадцать осталось. Это я опять слова Петрухи передаю, сама за фронтами особо не следила.

— А сам Петр Евгеньевич...

— А Петруха умчался Реза-шаху разъяснять политику партии.

— Он же беспартийный, или уже нет?

— Образное выражение... В общем, там сейчас обстановка сложилась благоприятная, можно быстро весь юг Ирана от британцев зачистить, а заодно... в общем, много там возможностей открывается — а кроме него никто шаху это объяснить не сможет. Опять же, в Баку как раз закончили обучение иранские пилоты...

— А вот об этом поподробнее, я почему-то про это вообще не слышал.

— Ну, это я на базе Бакинского аэроклуба учредила полноценное летное училище. А Ленкоранском и Агдамском филиалах как раз персы и обучались: Петруха уговорил Реза-шаха направить курсантов, чтобы в Иране свой военно-воздушный флот появился.

— А этот флот против Советского Союза шах не захочет использовать? Попозже...

— Если Петруха смог объяснить шаху и тамошним имамам, что социализм не просто не противоречит Корану, но еще и поможет шиитам в святой борьбе против ереси суннитов, то уж насчет вечной дружбы с СССР персы все уже четко поняли. Вдобавок, если в тамошних ВВС все будут тщательно обучены и распропагандированы у нас...

— Я понял.

— А Света говорит, что на Юге у нас главная задача — не дать разным арабам лечь под американцев. И как раз Реза-шах нам в этом сильно поможет.

— Как?

— Это к Пете вопрос, он знает как. Я же только про самолеты...

— Тогда и я про самолеты спрошу. Товарищ Хруничев снова поднимает вопрос о назначении вас наркомом авиапрома. Он просит его назначить вашим заместителем.

— Иосиф Виссарионович, ну какой из меня нарком? Я разве что на должность министра культуры гожусь.

— Министра?

— А что мы, как не люди, обзываем своих министров наркочленами?

— Вы считаете, что мы должны равняться на буржуазные методы управления?

— Упаси господь! Но комиссар, даже народный — это чрезвычайщина. Признак острого нездоровья государственной системы, требующего чрезвычайных методов управления. А если страна развивается нормально, то и методы управления в ней тоже должны быть... мирными.

— У нас идет война.

— У нас воюет армия, а экономика — стабильная, замечу, экономика — эту армию обеспечивает. И все остальное в стране обеспечивает, причем нормальными экономическими методами. Про пленных я не говорю, это отдельный вопрос.

— Кстати, вы не в курсе, что там Ольга Дмитриевна насчет пленных придумала? А то кормить такую ораву...

— Так строить там дофига всякого разного надо. Насколько я знаю, румын она уже всех распределила, а немцев... тысяч сто сейчас едут леса сажать в северном Казахстане... лесополосы, там им работы лет на несколько хватит, так что еще столько же туда скоро отправятся. Опять же, Прикаспийскую железную дорогу, Северную магистраль строить надо — нам еще и не хватит пленных.

— Миллиона из Киевского котла не хватит?

— Там еще с полмиллиона из Восточной Пруссии уже по лагерям работенки ждут, а сколько всего их будет — один господь знает.

— Так вы верующая?

— Нет, и я знаю, что бога нет — поэтому и говорю так. Но если вам не нравится, могу и по сельскохозяйственному сказать: один хрен знает. Суть-то не изменится.

— Это верно. А вы могли бы мне представить ваши предложения по этому министерству культуры? Структуру, обязанности, права...

— Со Светой посоветоваться надо. К июлю вас устроит?

— Ну что с вами делать! Через месяц жду ваших предложений. А месяц у нас — это ровно четыре недели. А в Варшаве, говорите, британцы действуют...

— Валя сказал, что пусть британцы с немцами там без нас разбираются, нам своих солдат беречь надо. А у нас, по его словам, цели сейчас несколько иные...

В ночь с девятнадцатого на двадцатое мая началось наступление в Венгрии. Так как уже была освобождена приличная часть Словакии, наступление пошло сразу по трем фронтам: из Румынии, из Советского Союза и из Словакии. И началось оно довольно удачно: все же «специально обученные люди» у товарища Берии провели воспитательную работу среди венгерских товарищей и довольно многие венгры воевать не возжелали. Особенно — глядя на первые же результаты наступления: Ужгород был взят к вечеру первого дня наступления, Мукачево — до обеда второго, а к исходу третьего для все правобережье Тисы было занято Красной Армией. И не только: войска, наступающие с севера, заняли Мишкольц и подошли к Эгеру, а те, что шли с юга, из Румынии — почти по всей границе продвинулись километров на тридцать, а то и больше.

Ну а дальше против Хорти сработал высокий уровень инфраструктуры Венгрии, и в частности — широкая телефонизация. Народ с занятой Красной армией территории звонил в еще неосвобожденные города и деревни — и делился «впечатлениями». Раненые — звонили домой, чтобы успокоить родственников и рассказывали, как их лечили русские врачи,

пленные — делились своим удивлением по поводу того, что их просто разоружили, согнали во временные лагеря и заставляли работать на постройке приличных бараков в этих же лагерях и ремонте разрушенного в боях в окрестных поселках...

И очень быстро среди венгров распространилась история, случившаяся в поселке с названием Вашарош-Намень. Там, когда в него заходила Красная Армия, произошел бой. Несерьезный, несколько венгерских солдат принялись отстреливаться из пулемета, засев в местной ратуше. Ничего страшного, они даже никого толком подстрелить не смогли: к ратуше подъехал «бардак» и из КПВТ прошелся разок по зданию — на том сопротивление и закончилось. Но когда советский командир поинтересовался (через переводчика, в роли которого выступил местный учитель, русский язык хоть как-то понимавший), кто в поселке главный, ему показали на убитого в ратуше мужичка и сообщили, что все представители власти закончились. И тогда этот командир приказал: «Даю вам три дня, чтобы выбрать нового главу города», а на вопрос «кого выбирать» он долго крутил головой, очевидно пытаясь понять, о чем его спрашивают — а затем ответил: «Вы что тут, сплошные идиоты собрались? Откуда мы знаем, кого вы выбрать захотите? Мы здесь вообще никого не знаем»... А «избранному» уже к вечеру бывшему начальнику местного отделения полиции другой командир сунул в руки список с адресами ближайших уже сформированных комендатур, довольно толстую пачку советских денег «на зарплаты работникам» (правда, под роспись и с кратким изложением кар за их «нецелевое использование»), и на этом «оккупация» закончилась.

Понятно, что венгры сразу в эту историю не поверили, но телефоны все еще прекрасно работали — и очень многие, позвонив уже знакомым с «той» стороны, выяснили, что с обещанными властями (венгерскими) репрессиями у советских как-то не очень получается...

И в результате к первому июня Будапешт оказался практически в окружении. А на следующий день...

На вопли жены Петруха ответил просто:

— Солнышко, ну чего ты орешь-то? Во-первых, все уже закончилась, во-вторых меня-то этому учили. Хреново, но всяко лучше, чем любого другого человека в СССР. А в третьих, на всю мою команду в полста рыл там было меньше четырех десятков сонных увальней, так что волноваться даже смысла не было.

Валентину он изложил более подробную версию:

— Ночью тихо зашли, заныкались в подвале. Днем отдохнули, и вечером поднялись, взяли что хотели и тихонько, особого шума не поднимая, ушли на точку рандеву. А там ребята Рыбалко подъехали и нас забрали с грузом.

— Потери?

— Трое раненых, один тяжелый — но врачи говорят, что жить будет. Да и то уже на отходе: ребята расслабились, броней не прикрылись... А так: на Джона Уика ни разу похоже не было, там охрана даже не поняла, что их уже убивают. Кстати, там у одного парня винторез переклинило, посмотри на досуге что с ним. Это не в укор, а чтобы на будущее брака избегать...

Иосиф Виссарионович, когда Шапошников доложил о результатах Петрухиной выходки, изложил свое видение результата операции:

— Всем участникам — орден Красного Знамени, командиру — Героя.

— Так командовал-то лично Петр Евгеньевич Климов.

— Да? Но Героя-то он за такое всяко заслужил. За то, что сам полез — выговор ему по

партийной... черт, даже выговор ему — и то не влечь! Ладно, я ему лично порицание выскажу. Вызовите его ко мне на завтра!

Но порицание Петя не получил, поскольку изложил версию произошедшего уже в расширенном варианте:

— Иосиф Виссарионович, я эту команду готовил лично и хорошо знаю, на что они способны.

— Мы видим, на что...

— Но реального боевого опыта ни у кого из них не было, я имею в виду опыта подобных операций. Могли где-то что-то упустить, ошибку совершить — так что без меня их отправлять на такое дело было бы безответственно. Да и что бы они про меня подумали? Что струсил командир? Я не в том плане, что мне было бы обидно, но ведь с такими мыслями у них шансов допустить ошибку было бы гораздо больше...

— Мне ваши объяснения понятны, и, пожалуй, вы поступили правильно. Хотя я все равно не понимаю, как вы из окруженного Будапешта смогли выкрасть Хорти, трех генштабистов и этого, как его...

— Салаша, это вождь венгерских национал-социалистов. Но его просто попутно прихватили, ребятам я сказал что брать если совсем просто выйдет, а так все руководство партии мы собирались пристрелить. Там еще трое были, фашистов венгерских — вот с ними заморачиваться не стали...

— Рапорт мне об операции, желательно детальный и особо отметьте отличившихся.

— Там все отличившиеся.

— Отдельно укажите лично тех, кто брал Салаша, Хорти и генштабистов... лично для меня укажите, а наградим всех.

— Можно послезавтра? Честно говоря, устал как собака, хотел денек отдохнуть.

— Хорошо, послезавтра занесите рапорт... Поскребышеву оставьте, а про отличившихся мне как-нибудь потом лично расскажите.

— Есть!

— Петр Евгеньевич, а вы точно не белогвардейцы?

— Во времена белогвардейцев мне и шестнадцати не было.

— Да шучу я, шучу. Идите...

На очередном заседании ГКО обсуждение операции по захвату руководства Венгрии как-то «естественно» стало одной из центральных тем. Даже несмотря на то, что заседание это стало и первым заседанием ВПК, так что в плане обсуждений стояли очень даже непростые производственные вопросы. Однако сам факт того, что кто-то может зайти на территорию вражеского государства и незаметно выкрасть руководство страны, создавал определенную нервозность — тем более, что деталей операции никто (разве что, кроме Берии) не знал, а народная фантазия уже столько «подробностей» двинула в массы, что волосы на голове шевелиться начинали.

— Товарищи! — попытался снизить накал страстей Берия, — Товарищ Климов очень хорошо знает, что необходимо сделать для осуществления подобной операции. И еще лучше представляет, как такой операции воспрепятствовать. У нас все необходимые меры противодействия приняты, заверяю вас, что нечто подобное в Москве, да и вообще в СССР исключено. И лично я сожалею лишь о том, что провести подобную операцию в Германии мы не в состоянии...

— А в Венгрии провели, — заметил Ворошилов, — хотя я вообще не понимаю, как это

возможно. Но и понимать не хочу: чем меньше людей знает, как работает товарищ Климов, тем легче ему будет работать и дальше.

— И не только ему, — заметил Ванников, — я, например, вообще не понимаю, как в Девятом управлении вообще все делают. Да что я, ученые и инженеры, с которыми я работал в наркомате танкостроения, говорили, что они даже примерно не понимают, как в девятке ведут всякие исследования. Например, в Арзамасе они свои «бардаки» клепают из очень непростой стали. Сначала сталь это обрабатывается не сложнее гвоздевой, и они из нее быстро сваривают корпус, который из простой винтовки насквозь пробивается. Но это специально делается, чтобы было просто швы там зашлифовать, вырезы в нужных местах проделать. А потом они готовый уже корпус целиком подвергают термообработке, очень непростой, она больше четырех суток идет — и броня становится прочнее танковой, которая на Т-34 идет! Но все металлурги, которых я расспрашивал, в один голос говорят, что нет никакой научной теории, способной объяснить, как Василий Викторович дошел до мысли так изделие обрабатывать. А ведь он дошел еще до начала выплавки такой стали, термические цеха, занимающие больше половины площадей завода, он начал строить еще три года назад...

— Да у них там вся семейка такая, — хмыкнул Хруничев. — Когда Лукьянова пишет техзадания конструкторам на новые самолеты, она сразу же и этих заданиях описывает и сплавы, которые применять следует. Причем почти каждый раз вписывает в задания такие сплавы, какие промышленность еще не делала, причем не делала потому, что некоторые компоненты этих сплавов мы еще добывать не стали!

— Товарищи, — прервал обсуждение «посторонних тем» Сталин, — давайте просто порадуемся, что в СССР собрались десять выдающихся русских ученых. И с этой радостью продолжим...

— Русских? — сделал вид, что удивился, Каганович.

— Именно так, Лазарь. Дома ты можешь быть кем угодно, а здесь мы все русские. Я, ты, Борис Львович или Анастас Иванович — все мы на работе русские.

— А Светлана Юрьевна — она тоже выдающийся ученый? — Судя по всему, Лазарь Моисеевич все еще переживал по поводу «операции Климова» и за пустой болтовней пытался спрятать свой страх.

Сталин было открыл рот, чтобы резко ответить, но замер — внезапно сообразив, что все, сидящие сейчас в зале заседаний, собрались тут в значительной мере потому, что их на эту работу рекомендовала как раз Светлана Юрьевна. Поэтому он молча кивнул и озвучил первый вопрос, стоящий на повестке дня. А кивнул молча в том числе и потому, что в голове всплыла строка из характеристики — характеристики на товарища Сталина, подготовленная как раз Светланой Юрьевной: «иногда беспричинно вспыльчив, не осознавая, что его собеседники часто несут чушь не по глупости, а от волнения: боятся, что скажут чушь Сталину и Сталин вспылит». И весьма странную, но довольно точную характеристику Лазаря: «малообразован, не понимает важности и трудности идеологической работы — и в этой части падок на лезть, иногда продвигая по партийной линии лъстецов-мерзавцев. Но в практической работе проявляет себя великолепным организатором, умеет подбирать наиболее профессиональных исполнителей и всегда доводит работу до победного конца. Беспредельно предан идеям товарища Сталина, но, глубоко осознавая недостаток образования, иногда несет откровенную чушь просто не понимая обсуждаемых вопросов в момент этого обсуждения. Однако способен глубоко вникнуть в любую проблему и решить

ее по истечении некоторого, причем крайне небольшого, времени». Ну да, сейчас Лазарь явно чушь понес — но снова да, это не повод раздражаться: по истечении крайне небольшого времени он сделает все правильно...

Когда заседание закончилось, Сталин с легкой долей недовольства поинтересовался у Берии:

— А почему, кстати, ты на заседание не пригласил... эту десятку из девятки? Нам кажется, что на довольно многие вопросы...

— А они бы все равно не приехали бы, им неинтересно. Они все дела и заводы уже передали кому хотели и занимаются теперь всякой... Им, я думаю, вообще интересно какое-то далекое будущее: я тут приехал как-то к Анне Федоровне, по поводу атомного проекта для себя кое-что уяснить, как раз на обед попал — так они меня тоже обедать посадили...

— И ты решил, что обед для них важнее твоих вопросов!

— Да нет. Они за обедом как раз обсуждали то, что им интересно было: проблемы транспортной блокады Британии. То есть они всерьез решали, что мы должны еще сделать, чтобы в Британию не пропустить больше ни одного судна, и чтобы нам за это ничего не было!

— Это как? Нам до этой Британии еще...

— По их расчетам, как я понял, до того, как мы сможем все это проделать, чуть меньше двух лет. То есть, примерно за это время мы Германию разгромим, плацдармы в ныне оккупированной Франции займем... И за эти два года они всерьез собираются выстроить несколько самолетов дальней радиолокационной разведки, для Ильюшинских бомбардировщиков разработать какие-то крылатые противокорабельные ракеты... Да, еще Кузнецову выстроить новый флот, с помощью которого наши моряки отвоюют Оркнейские и, возможно, Шетландские острова для размещения там наших передовых баз и обеспечат их бесперебойное снабжение.

— Интересно у них фантазия работает!

— Очень. Причем обсуждали все это они как данность, Ольга Дмитриевна тут же прикидывала, что наша экономика потянет, а что нет. Именно так: не можно ли сделать то или это, а справится ли экономика с дополнительными нагрузками! Но меня даже не это смутило...

— Раз начал говорить, то рассказывай всё.

— Я и рассказываю, просто задумался, как бы пояснее выразиться. Помнишь, я тебе «Характеристики» приносил?

— Такое забудешь!

— Я думаю, у них на самом деле таких «характеристик» во много раз больше уже составлено. В обсуждении они свободно упоминали разных товарищей, о которых я и не слышал — и о которых, я потом специально уточнял — и во всем НКГБ никто не слышал. А они об этих людях говорили как об общих знакомых: никто не спрашивал «а кто это Лозино-Лозинский» или «а чем занимается Бальмонт». Я просто эти фамилии запомнил, особенно вторую...

— Да уж, фамилия редкая, но все же довольно известная.

— Им — так точно известная: когда кто-то этого Бальмонта упомянул, Ирина Алексеевна сказала «забудь, мальчику еще шестнадцати нет». Я проверил: у селекционера овец Владимира Бальмонта есть сын, как раз Борис. И ему осенью пятнадцать будет. И, хотя неизвестно, кем он вырастет, они его уже где-то в своих планах учитывают. При том, что он

с отцом вообще в Алма-Ате живет. Или полковник Неделин Митрофан, который сейчас в Иране артиллерией командует: товарищ Сухов почему-то его рассматривает как будущего командующего ракетными войсками...

— А этот, Лозинский... как его?

— Лозино-Лозинский. Ну про этого-то ясно, откуда они его знают: он в КБ Люльки работает, с прошлого года ведущим инженером. И одновременно у Гуревича самолеты конструирует, точнее, как раз двигатели Люльки к самолетам Михаила Иосифовича приспособливает. А вот обо всех прочих: ну не могут же они знать о каждом полковнике в РККА!

— И о каждом мальчишке в Казахстане, да... Но ведь знают!

— Я все же думаю, что не о каждом. Мне кажется, что они придумали какую-то методику по определению людского потенциала... Ведь Светлана Юрьевна в наркомпросе кто?

— Никто она в Наркомпросе. Консультант от НКГБ.

— Но наркомпрос выполняет все ее рекомендации. И, по сути, все школы страны делают то, что она говорит. Конечно, они еще много чего делают, но если представить, что из школ им поступает какая-то информация, они ее анализируют, просеивают...

— Мы так скоро договоримся до того, что их нам лично господь бог послал.

— И этого исключить нельзя. В смысле, я же пытался, но никакой информации о том, кто они и откуда, найти не удалось. Вообще ничего о них неизвестно до двадцать шестого года!

— Вы, мне кажется, не там искали. Поговорите с комбригом Потаповым, он в тридцать восьмом в отставку по возрасту вышел, но жив еще и довольно бодр. Он, конечно, в царское время по Европе работал, но и к руководству квартирмейстерской службы Кавказского военного округа отношение имел самое непосредственное.

— А квартирмейстеры-то тут при чем? И кавказский округ?

— А при том, что еще Ванновский нарезал именно этой службе задачи по внешней разведке и контрразведке. Точнее, он эти службы и назвал «квартирмейстерскими» для конспирации финансирования. А все эти парни — ну и женщины, конечно — они, конечно, не разведчики Ванновского, но, я практически убежден, дети таковых. Правильно воспитанные дети. Обрати внимание: из разведки на сторону белых в Гражданскую ни один офицер не перешел, потому что они работали за Державу, а не за власть. И к власти часто относились... Николай Михайлович Потапов, как и эти, из девятки, тоже наотрез отказался от вступления в партию — но служил Державе верно пока сил хватало. А Кавказский округ — может там что-то про узбечку нашу известно было? В Европе-то их всяко не жалуют.

— Ну да, похоже. И власть они, можно сказать, игнорируют, и характеристики на нас составляют исходя из того, можем ли мы нанести пользу Державе — это ты верно подметил. Но вот образование...

— Так родители их и обучили. Потрапились, конечно, очень не слабо — но тот же Климов — он же не родился с умением так торговать, чтобы для страны за пять лет многие миллиарды заработать? Кто-то его научил, и научил его кто-то очень уже в таких делах опытный. Ладно, я думаю, что людей с такой легендой искать — дело совершенно бесполезное. У них и фамилии, и имена скорее всего ненастоящие. Я тоже узнавал: нет у узбеков такого имени «Гюльчатаяй». И ни у кого из тюркских народов такого имени нет... Так что ничего мы о них не узнаем, пока они сами рассказать не захотят.

— А они не захотят.

— И правильно, между прочим, сделают. Лишние знания — лишние печали. А у нас что, своих печалей недостаточно? Да, ты отдельно проследи, чтобы козлобородый Звезду очередную Климову не зажал. А то, если он обидится...

— Он не обидится.

— Тогда мы за него обидимся гораздо серьезнее. И вот еще, чуть не забыл: мне Ирина Алексеевна очень интересную мысль подкинула. Я ее и так, и эдак крутил, ни к какому выводу так и не пришел. Давай её ты теперь подумаешь, может вместе все же что-то дельное нам в голову придет?

Самолет пасть открыл для загрузки своих пассажиров...

В конце июня в небольшом рабочем поселке Фрязино под Москвой заработала первая «Артель инвалидов войны» под названием «Самоцвет». А первой продукцией артели стал телевизор под названием «Рубин». Неплохой такой телевизор, с экраном в тридцать сантиметров по диагонали, и с селектором на двенадцать каналов. Черно-белый: других в мире еще не было, но и такой большинству советских граждан казался чудом. Причем чудом вполне доступным, по крайней мере по цене: чудо в торговой сети продавалось за триста двадцать рублей. Цена, конечно, не самая незначительная, тот же холодильник «Саратов» стоил всего триста — но возможность дома смотреть кино и узнавать разные новости задолго до того, когда о них покажут в киножурналах перед началом фильма в кинотеатре, того стоила. По крайней мере, по мнению Гули, стоила. Собственно, она сейчас и занималась вопросами реабилитации раненых на фронте советских людей.

Фрязино, как место для размещения первой артели, было выбрано не от балды: в поселке уже довольно давно работал заводик по выпуску радиоламп, который легко мог поделиться сверхплановой продукцией с инвалидами войны. То есть не очень легко, и даже, скорее, очень нелегко — ведь военные заводы были готовы забрать всё, что завод производил. Но Оля разработала «свои планы», больше десятка тысяч пленных выстроили новые цеха на этом заводе, а необходимое оборудование для цехов и из Америки привезли, и «сами сделали» — так что артель деталями получилось обеспечить. В смысле, радиолампами получилось обеспечить, а другие радиодетали туда поставлялись с других срочно выстроенных заводов. Выстроенных, понятное дело, не специально, чтобы артель не простаивала...

Но наличие завода радиоламп было не единственной причиной создание этой артели именно здесь. То есть причиной было даже не наличие завода как такового, а специфика производства радиоламп: этим занимались в основном молодые женщины и девушки. А очень многие артельщики были людьми несемейными (и не столько потому, что большинство бойцов Красной Армии еще жениться не успели и даже невест не завели, а потому что Гуля сюда специально таких подбирала). Конечно, шансов у инвалида завести семью было куда как меньше, чем у здорового мужика... но во Фрязино стараниями Гули велось активное жилищное строительство и инвалиды жилье получали в первую очередь — а вот девушки с радиолампового в основном ютились в общежитиях. Причем по четыре человека в комнатухе — это было еще «просторно», а восемь человек на комнату — неплохо. А инвалид мало что в отдельной квартире жил (хотя и маленькой, однокомнатной), так ему еще на свадьбу в подарок сразу «двушку» предоставляли. А при рождении первого ребенка — уже «трешку». По закону «Об инвалидах войны», который Верховный Совет принял в результате сильнейшего давления со стороны Струмилина и Шапошникова (которым Ольга Дмитриевна доступно объяснила, что советская экономика не только потребные для этого затраты выдержит, но и получит дополнительные ресурсы для развития). А Гуля Оле это объяснила не с экономической позиции, а с позиции необходимости не только физической, но и психологической реабилитации воинов-героев, отдавших здоровье на благо Родины.

Однако и о физической реабилитации она не забывала. Неподалеку, в рабочем поселке

Лосино-Петровский, заработала фабрика, выпускающая протезы. А в поселке ткачей она заработала потому, что протезы там делались углепластиковые в своей основе, и именно ткачи с большим опытом ткали из углеволокна основу для таких высокотехнологичных изделий. И рабочие там требовались именно опытные, ведь каждый протез делался под конкретного человека и основа для каждого ткалась со своими уникальными параметрами...

Понятно, что «строительный бум» и Лосино-Петровский не обошел стороной — но для строительства нужны и различные стройматериалы, так что в Мытищах «сам собой» появился большой кирпичный завод. Два завода, точнее, два новых завода — потому что в Мытищах и так кирпичное производство имелось более чем приличное: при реконструкции Москвы из мытищинского кирпича каждое третье здание было выстроено. Но старых мощностей не хватало, пришлось и новые заводы запустить, один — для производства кирпича из глины, а второй — для выпуска кирпича из песка. В смысле, силикатного — но «по новой технологии». Вообще-то технология была давно известной, просто автоклавы грелись не углем или мазутом, а электричеством, а для этого много дополнительного электричества понадобилось. Впрочем, лишнего электричества и так не бывает — но тут его потребовалось много в конкретном месте. Так что пришлось и новую электростанцию на двести мегаватт поблизости ставить, причем турбины и генераторы для нее были закуплены у шведов...

Сталин, когда Струмилин рассказал ему обо всем этом, поинтересовался:

— Ну ладно, на стройки они пленных пригнали, тут затраты невелики — хотя прокормить даже столько народу... сколько немцев у них тут строителями работали?

— На этих стройках порядка пятидесяти тысяч человек, да они и сейчас работают, строек-то много запланировано.

— Ну, это немного, я думал, больше: вон они сколько понастроили! Но вот оборудование, материалы — опять они какую-то валюту от нас скрыли?

— Не то, чтобы скрыли, а не передали нам выручку от лицензий, которые американцы нам платят. Но платят-то они в американские же банки, за лицензии Лукьяновой в основном, вот Ольга Дмитриевна эти платежи и использовала для финансирования этих закупок. Да и то: всё их строительство в Московской области — это крохи, хотя и очень важные с точки зрения политики, у них всякого другого по всей стране немало сейчас организуется.

— А что ты здесь имеешь в виду под политикой?

— А то, что сейчас каждый человек в стране видит: инвалид войны у нас особой заботой окружается. Да и не только инвалид, любой красноармеец, с фронта возвращаясь, почетом и уважением окружен, причем и в материальной форме тоже. А возвращается их уже немало: у многих с руками-ногами все в порядке, но последствия ранений или контузий воевать им больше не позволяют, а в тылу пользу наносить они очень хотят — и страна им в этом очень даже помогает и создает для этого максимально комфортные условия. Хотя бы такая мелочь: холодильник они могут приобрести без очереди, а это уют в доме добавляет очень немало.

— Это верно, но не кажется ли тебе, что маловато мы холодильников пока выпускаем?

— Кажется, потому и очередь на них. Но вот Ивану Алексеевичу товарищ Суворова уже программу выпуска новых, еще более качественных, холодильников представила, так что ЗиС уже осенью начнет их выпускать в приличных количествах. По плану Суворовой — еще сотню тысяч в год. Это пока столько.

— А грузовики? Мы Лихачеву планы сверстали очень напряженные, он эти-то планы не сорвет?

— Но ведь Ольга Дмитриевна...

— Я знаю, что ты не нее молиться готов, однако с грузовиками...

— Ольга Дмитриевна сейчас производство кабин для Лихачева наладила на новом заводе в Ликино-Дулево. Там, кстати, тоже половина рабочих — инвалиды войны, но это неважно. Важно то, что кабины грузовиков, причем очень хорошие, лучше, чем в Москве раньше делались, целиком теперь там изготавливаются. И не только для ЗиСа, но у Лихачева теперь это производство остановлено за ненадобностью. И вот в этих цехах холодильники делать и начнут. А из Ликина-Дулева туда не только кабины грузовиков, но и готовые панели корпусов холодильников повезут.

— А почему в этом Ликино-Дулево целиком холодильники не делать?

— Согнуть железяку и сварить её на автомате сварочном и инвалид может, покрасить или эмалью покрыть — тоже труд монотонный, но инвалиду посильный. А вот работа по изготовлению испарителей и холодильных панелей — где сварка по алюминию в аргоне — или монтаж медных радиаторов — тут и руки человеку умелые нужны, и опыт немалый. Я расчеты Суворовой смотрел: тут или в Ликино-Дулево на завод вдвое больше народу брать нужно, и их селить где-то и на ЗиСе полторы тысячи человек увольнять, или...

— Это-то понятно... непонятно другое: зачем Суворова инвалидов на отдельные заводы собирает? Посильных работ для них на других предприятиях нет?

— А это ты у Гюльчатай Халматовны спрашивай. Она, между прочим, мне по этому поводу говорила, что инвалид, конечно, и на другом производстве работать сможет — но на работах не самых ответственных и сложных, и будет чувствовать себя по сравнению с другими работниками ущербным. А так — все вокруг такие же, все одно дело делают, и делают его хорошо. И никто себя неполноценным не ощущает, а это, она говорит, очень важно. Потому что в такой обстановке рабочий с горя не запьет, у него и в семье все будет хорошо...

— Ладно, с медициной я спорить не возьмусь.

— Будем считать, что вывернулся: ты же хотел сказать, что спорить не будешь с доктором Суховой... слышал я, как ты других докторов гоняешь. Но с Суховой это правильно: судя по тому, как Бурденко на нее молится, в медицине она у нас в Союзе больше всех разбирается и за каждого у нее душа болит.

— Болит-то болит... И ведь она как раз о будущем этих людей заботится, а мы все эти мелочи как-то упустили. Нам должно быть стыдно: людям-то сейчас плохо, а мы решение их проблем на потом отложили...

— Не должно нам быть стыдно, все, что могли, мы и так делали. Просто мы не могли сделать то, что девятка сделала...

— Средств не хватает?

— Средства-то у нас есть, у нас мозгов не хватает.

— Ну ты...

— Ну я. Я факт излагаю: этот новый костыль с локтевым упором никто в мире придумать не мог, а товарищ Сухова придумала. Лет двести никто не догадывался, что так сделать можно — а она догадалась!

— Опять ее к ордену представить хочешь?

— Да хоть к Герою! Но не в этом дело: костыль такой можно или из титана сделать, как

они для госпиталей делают, или из супералюминия, как они для домашнего пользования изготавливают. Но параметры этих сплавов другие-то врачи не знают, потому что сплавы секретные — а она, понятное дело, очень даже знает: Ирина-то Алексеевна с ней в одном подъезде живет, и они даже завтракают и ужинают в одной комнате и про сплавы авиационные, небось, все ей уши прожужжала. Или эти углепластики: они ведь тоже для самолетов разработаны...

— И что?

— Ничего... я тут просто задумался о том, как Ирина Алексеевна вообще придумала это угольное волокно.

— Его еще Эдисон для своих лампочек придумал, нет?

— Другое волокно. Я как-то разговаривал с директором химзавода в Сталиногорске — это когда они налаживали производство материалов для вертолетных лопастей. И он рассказал, как Ирина Алексеевна к нему пришла и потребовала наладить выпуск этого углеволокна. Весь техпроцесс рассказала, ну, в общих чертах — а директор-то сам по образованию химик, и то половину сразу не понял. А еще его очень удивило, что Лукьянова сказала, что стекловолокно, на базе которого лопасти выпускать собирались, вдвое прочнее углеволокна получается, но впятеро тяжелее — и это потом подтвердилось, но спустя год с лишним! Год, который опытные специалисты придумывали, как вообще сделать то, про что Ирина Алексеевна рассказала как об очевидной вещи!

— Так у Лукьяновой талантов много... кстати, как ты относишься к ее идее назначить товарища Лукьянову министром культуры?

— Я не против, уж что-то, а культуру она в стране поднимет на высоту недостижимую. В особенности учитывая такую мелочь, как стоящие за ее плечами Светлана Юрьевна и Петр Евгеньевич...

— И вообще Девятое управление в полном составе. По крайней мере, зачистили они эту поляну качественно: ни одна экспертиза не заподозрила какого-то злого умысла. А ведь они специально приглашали лучших специалистов из США...

— Остается только радоваться, что они полностью на нашей стороне. И раз уж Ирина Алексеевна хочет...

— Она не хочет, она, как сама сказала, почти готова согласиться принять такую должность. А я вот думаю: пусть она остается авиаконструктором или...

— Она авиаконструктором и останется. Ей эта работа вообще не мешает фильмы снимать и музыку писать. Хотя... мне иногда кажется, что далеко не всё, что мы ей приписываем, является результатами её работы. Она женщина яркая, привлекает внимание — и у меня порой возникает мысль, что в девятке ее используют в качестве... ну, не знаю, ширмы что ли, и что она всего лишь изображает автора идей, которые там множество людей вырабатывают.

— Когда-то и я так думал... иногда. Но самолеты она действительно в одиночку проектировала... некоторые — про те, что она с другими конструкторами разрабатывала, она сама так и говорила. Фильмы — тоже сама придумывала и снимала. Музыка к ним... То есть женщина она на самом деле гениальная, опять же — Лаврентий проверял — по многим вещам с ней в девятке некоторые не согласны, и спорят они постоянно. Нет, она не ширма, но может быть в какой-то мере и является, как там говорят, «лицом фирмы». Но, сдается мне, лицо это нам показывают не для того, чтобы их идеи проталкивать, а чтобы отвлекать наше внимание от того, что они пока нам показывать не хотят.

— Да, кстати, о показе. Из проверенных источников стало известно, что в понедельник в Новосибирске начнутся испытания новой машины Архангельского — он сам ко мне хвастаться приходил. Пассажирской, на восемьдесят пассажиров. Реактивной: по словам Александра Александровича, машина сможет летать на три с половиной-четыре тысячи километров со скоростью восемьсот пятьдесят километров в час. Ну а называется машина, как всегда у них, загадочно: Ар-134. Ведь после Ар-2 другого номера машине и не дать ведь?

— Как любит говорить товарищ Лукьянова, у богатых свои причуды. Посмотрим, какие результаты покажут эти испытания... Ладно, ты мне многое прояснил. Как я понял, они считают, что мы уже практически победили и теперь занимаются подготовкой к счастливой послевоенной жизни. Я не думаю, что победа наша будет очень уж скорой, но в том, что нужно и о мирной жизни думать, они правы. Так что ты мне на досуге вот что посчитай...

Двадцать восьмого июня началось наступление Красной Армии на Австрию и — на противоположной стороне фронта — на Данциг. Как потом рассказала Света, оба наступления шли «совсем не так, как на самом деле», но это было легко объяснимо: подавляющее превосходство в воздухе плюс уникальные противотанковые средства вражескую оборону превращали почти что в символическую. Впрочем, и «символов» хватало: венгры и немцы сопротивлялись отчаянно. Венгры — потому что до Австрии требовалось еще пройти полтораста километров через еще не захваченную часть страны, и там воевало четыре фашистских венгерских дивизии. Ну а немцы — они там тоже сил не жалели, ведь в Венгрии пока еще оставались доступные им месторождения нефти. Последние на подконтрольной нацистам территории.

Впрочем, нефть там доступной была уже лишь теоретически, все скважины были разбомблены, как и нефтеперерабатывающие заводы — еще до начала наступления разбомблены. И единственным источником бензина для Германии осталась Испания — куда янки нефти возили ну очень много. Но все же из Испании в Германию — путь неблизкий, а американцы старались хотя бы формально в Европе нейтралитета придерживаться и на оккупированную территории Франции ничего не возили. Впрочем, бензин из американской нефти фашистам помогал не очень: им было практически нечего заправлять.

Неприятностей добавляло и откровенно враждебное отношение венгров на отвоеванной территории. Впрочем, до массовых диверсий дело не дошло: некоторая часть румынской армии «перешла на сторону Советов» и занялась «комендантской работой» как раз в Венгрии. А эти ребята либерастическим сантиментами не страдали и в случае диверсий и саботажа вели себя очень жестко: деревушки, возле которых что-то неприятное происходило, они просто сносили до основания, а если отлавливали диверсантов, то их расстреливали на месте. И пяток деревенок снесли, после чего любые диверсии прекратились.

Для Светланы оказалось огромным сюрпризом то, что на сторону СССР перешло очень много румынов, и удивлением она поделилась с мужем. Но Петруха ей всё объяснил:

— Не тому удивляешься. Удивительно, что Румыния вообще вошла в гитлеровскую коалицию. Мне Толбухин объяснил, когда я готовился к операции в Будапеште: в Румынии сразу четыре условно просоветских партии, и самая большая — социал-демократическая, которую поддерживает почти треть горожан. А еще Крестьянский фронт — за них больше половины крестьян. Я, конечно, не знаю, что Толбухин по поручению Сталина социал-демократам и крестьянам пообещал — но эти ребята, получив относительную свободу действий после уничтожения фашистской верхушки страны, пропагандой занялись всерьез.

А насчет венгров — у них какая-то историческая вражда, и, несмотря на то, что каждый десятый румынский коммунист — венгр по происхождению, приводить венгров к общему знаменателю у них давно уже стало народным хобби. А раз уж при этом и воевать особо не приходится...

— Честно говоря, я думала, что Толбухин болгар на такую работенку подрядит.

— Смысла нет: болгары сейчас героически с фашистом сражаются. Что бы там не говорили, а армию Борис Болгарский подготовил очень неплохо: новую технику братушки влет освоили. Опять же, историческая любовь к России...

— А как же болгарская дивизия СС?

— Солнышко мое, да в этой дивизии от силы тысяча человек, из которых больше половины — недоучившиеся в Германии болгарские студенты. Причем сами болгары к ним относятся... соответственно: Иван Маринов — это нынешний болгарский военный министр — напутствуя войска перед отправкой на фронт, сообщал им, хотя и «неофициально», что в плен болгарских эсэсовцев брать не стоит. А он, между прочим, на фронт уже чуть больше ста тысяч солдат отправил!

— Это да, Валя на днях ругался матом и нехорошими словами на тему того, что для болгар со складов выгребли все школьные карабины...

— А что, нам их солить что ли? В армию идут СКС, и школьников правильно актуальному оружию обучать.

— А мосинки, значит, солить будем?

— А все старое оружие у нас с огромным удовольствием забирает товарищ Тито.

— Ох и намучается с ним товарищ Сталин!

— Это вряд ли. Во-первых, ты Сталину все, что могла, про Тито объяснила. А во-вторых, товарищ Георгиев с Иосипом Брозом насчет Македонии договор уже подписал — и вот он все мучения на себя этим договором перевел. Бешеный хорват мечтает под себя всю Югославию подгрести...

— Ну да, Сталин, после того, как узнал, что товарищ Броз героически воевал против России и даже медаль за это получил, очень скептически относится к демонстрируемым хорватом знаками любви к русским людям, и хотелки его жестко ограничивает.

— Ну, когда женушка моя доказывает, что Македония всегда была частью Болгарии...

— И Фракия. Прямой выход с Эгейскому морю очень невредным будет.

— Кстати, я не из любопытства, а мне просто интересно: зачем Оля железку тянет в Александрополис шириной в пятнадцать двадцать четыре? Там же почти семьсот километров дороги под нашу колею перешивать придется!

— Подумаешь, делов-то: семьсот километров перешить! Я слушала, что Оля, когда в Софию летала, договорилась с болгарскими всю их железнодорожную сеть на пятнадцать двадцать четыре перешить. Эти ребята в школе арифметику учили, считать умеют: у них железнодорожной промышленности вообще нет, а на германскую в наблюдаемой перспективе рассчитывать не приходится. А учитывая, что наши вагоны и локомотивы заметно германских дешевле, а грузоподъемность выше...

— Но старой-то дорогой пользоваться можно, а тут такие затраты...

— Мы дорогу в Александрополис для себя ведь строим и про колею болгар спрашивать не собираемся — и они это знают. Но даже по самым первым прикидкам по этой дороге пойдет почти половина трафика всех болгарских дорог, к тому же именно эта дорога соединяет Бургас и Варну. А если прикинуть, что от дороги пойдет ветка на Солунь через

Ямбол и Пловдив, то получится куда как больше половины — а держать две системы железных дорог слишком накладно. А к тому же Оля прикинула, что затраты на смену колеи отобьются меньше чем за пару лет, в основном если внешняя торговля пойдет в СССР.

— А других вариантов торговли они не рассматривают?

— Насколько я слышала, нет. Ежу понятно, что СССР сожрет столько сельхозпродуктов, сколько Болгария сможет поставить — а насчет справедливых цен на продукцию они могли уточнить в Аргентине. Могли, но не стали: Оля им кредит предоставила, то есть предложила завод выстроить по производству сельских консервных заводиков и оплатой как раз овощными консервами, и цены оказались взаимно приятными.

— А кто завод этот строить будет? Валя?

— Насколько я слышала, его шведам заказали. А стекольный завод, чтобы консервные банки делать — это уже наш будет. И наш же содовый завод неподалеку от Варны будет. Я почему знаю: к нам Георгиев собирается отправить человек сто учиться на этих заводах работать, и мне Молотов дал задание учебники русского языка для них напечатать. Чушь, конечно...

— Почему чушь?

— Потому что Кимон уже прислал тех, кто по-русски не хуже наших разговаривать способен. Кстати, в посольстве у Болгарии советник по культуре оказался в чем-то даже сообразительнее Вячеслава Михайловича: он предложил, раз уж средства на учебник выделены, разработать учебник русского языка для болгарских школ. У тебя болгар знакомых нет...

— Есть несколько...

— ... которые по образованию лингвисты?

— Откуда?

— Ну ладно, я договорилась и лингвистов они сами подберут. Однако учить детишек русскому на уровне «Лондон из зе кэпитал оф Грейт Бритн»... я просто не знаю, есть у нас сейчас школа обучения иностранцев русскому или ее с нуля создавать придется?

— А... я помогу... немного: как учить иностранные языки, я вроде знаю. Но придется нам и Иру к этому делу подключать, пусть обучающие мультики готовит. А то чего она дурью мается?

— Она не мается, она какое-то новое кино снимает. А про мультики учебные — пиши программу, я с ребятами с мультипликационной студии договорюсь: они почти все у меня в школе учились...

Седьмого июля случилось сразу два события. Первое: Сталин выступил по радио и в своей речи заметил, что врага побеждает не рабочее-крестьянская армия, а вовсе даже Советская. В то время как рабочие и крестьяне из разных венгрий и германий с франциями нам вообще не братья по классу. Так что мы теперь на них плюем и заботимся только о своей стране и своем народе — и множество даже царских офицеров в этом деятельно и очень профессионально участвуют. Что свидетельствует о том, что народ наш весь сплотился — и потому чрезвычайные меры в управлении страной стали неактуальны. А, следовательно, не нужны и чрезвычайные органы управления, так что отныне было бы народные комиссариаты как-то по другому называть. Чтобы не было аллюзий на, скажем, рейхскомиссариаты...

Вторым событием стала капитуляция венгров в Будапеште. Они там, видимо, решили воевать до конца — а, точнее, до того счастливого момента, когда из Австрии или Германии

придет могучая помощь. Но с помощью не сложилось, последние венгерские дивизии были вынуждены отступить даже с последнего клочка венгерской территории. А Толбухин забросал Будапешт листовками с сообщением о том, что ему жизнь советского солдата дороже всех исторических зданий вражеской столицы, и если венгры в Будапеште не сдадутся, то он просто весь город перемелет в щебень. Валя, правда, сказал, что венгры бумажки прочитали, хмыкнули и сказали «посмотрим» однако долго им ждать «просмотра» не пришлось: Федор Иванович в полном соответствии с обещанием снес один квартал на окраине города. И венгров не сам факт сноса поразил, а то, насколько качественно он был проведен: в этом квартале все здания были превращены в щебенку, а в соседнем — буквально через улицу — разве что стекла из окон повывлетали, да и то не все...

Лаврентий Павлович, приехавший в Боровичи на совещание по новому оружию, высказал по этому поводу Петрухе «неудовольствие»:

— Федор Иванович сказал, что это была ваша идея сказать венграм, что город в щебень превратят, если они не сдадутся.

— Ну, было такое. Но ведь все правильно получилось?

— А куда нам теперь полмиллиона пленных венгров девать? Вы себе даже представить не можете, сколько с ними теперь хлопот! Ведь, в отличие от тех же немцев, они буквально пропитаны ненавистью к русским... ко всему советскому, их даже на работу в лагерях направлять невозможно!

— Хотите, чтобы я этим занялся?

Берия поглядел на Петруху очень внимательно, немного подумал:

— Не хочу. Мне кажется, что если этим вопросом займетесь вы, население Венгрии сократится еще на полмиллиона человек...

— Я выгляжу настолько кровожадным? Но вы ошибаетесь. Я, конечно, не самый умный в части трудоустройства пленных, но мы давно с Ольгой Дмитриевной подобные вопросы обсуждали, и, мне кажется, она придумала вполне приемлемое решение...

— Видел я её решение, но вопрос не о том. Вы постановление о фильтрации военных преступников читали? А по нему выходит, что только допросить больше ста тысяч человек придется!

— Лаврентий Павлович, Гуля же давно все для допросов приготовила. У нее одних лишь профессиональных диетологов больше пяти сотен обучено, да еще и в работе проверено.

— Каких диетологов? Причем тут диетологи?

— Извините, профессиональный жаргон. Врачи, которые умеют использовать... назовем это «наркотик правды». Я как раз хотел предложить составить опросник для них... ну, список вопросов, которые они будут допрашиваемым задавать.

— Петр Евгеньевич, вы меня не перестаете удивлять. Ваше мастерство иногда потрясает, но иногда вы такое несете... Ваши эти... диетологи, они что, все свободно венгерским владеют? А у нас, даже если выдернуть всех из наркоминдела, хорошо если сотня приличных переводчиков наберется. Сами понимать должны: венгров, русским языком владеющих, много — но для такой работы их привлекать...

— Согласен, это я не подумавши ляпнул. Однако, как говорится, возможны варианты.

— Ну-ка, ну-ка, я с удовольствием их выслушаю.

— Света сейчас занята подготовкой учебника русского языка для болгарских... специалистов. А я немного в курсе очень, скажем, эффективных методик подобного обучения. Если делом займутся специалисты — не такие, как я, а настоящие — то недели за

три человек начнет относительно неплохо по-русски понимать и даже говорить.

— Тогда естественный вопрос: а где взять столько настоящих специалистов?

— Специалисты потребуются чтобы курс обучения составить. А потом Ира снимет обучающие мультфильмы и просто игровые фильмы, и если их контингенту крутить месяц по шесть часов в день, то процентов восемьдесят из них будут готовы к допросам нашими... диетологами. Насколько я понимаю, нас интересуют даже не столько признания, а свидетельские показания о преступлениях других?

— Ну, в целом — да.

— А вот на кого материал нароется, тех уже ваши специалисты внимательно поспрашивают.

— И сколько времени на всю эту программу потребуется?

— Мультфильмы по технике исполнения примитивные, их уже на студии рисуют... недели через три первые — уровня «очень хочу есть, продайте мне бутылку водки» и «можно выйти пописать?» — будут готовы. Базовый запас слов и выражений, пленные этот курс недели за две в большинстве освоят. Следующий — «да, я могу класть кирпичи» и «а где я грузчиков здесь найду?» — уже будем делать через игровые фильмы, я с Ириной поговорю, и, думаю, к концу августа и с этим справимся. Так что в конце сентября контингент будет для допросов в основном подготовлен.

— Интересный подход... Но вы ведь это для болгар готовите, а тут венгры.

— Да хоть папуасы: курс делается для людей любой национальности, русским не владеющих. То есть все же для людей с относительно европейским христианским менталитетом, но венгры под критерии программы полностью попадают. А потом и немцев начнем подтягивать поближе к русской культуре...

— Остается надеяться, что с этой программой обучения вы не...

— Не обделаемся? Лаврентий Павлович, люди, которые меня языкам учили, дали мне фарси на разговорном уровне примерно за три недели. С нуля дали... и очень жаль, что их больше нет с нами. Но мне они подробно объясняли что и зачем они делают. Понятно, того, что я запомнил, не хватит чтобы за месяц-два подготовить разведчика-нелегала — но нам-то этого и не надо?

— Ну, раз уж вы настаиваете, этим пока и занимайтесь. А можно Ирину Алексеевну не очень сильно в эту работу вовлекать? Есть мнение, что на должности министра культуры...

— Так Сталин согласился? Говорил же я Ире, что не стоит языком как помелом мести. Впрочем, это же как раз по поводу культуры? Пусть несет высокую русскую культуру в европейские отсталые массы! Честно говоря, не очень удивлюсь, если через два месяца эти пленные будут Пушкина на память читать... «Евгения Онегина»... Целиком...

В конце августа, когда Советская армия подошла вплотную к Штеттину, Сталин в разговоре с Берией — при обсуждении очередного предложения товарища Сухова — заметил:

— Я понимаю, у тебя работа такая, но мне кажется... я теперь абсолютно уверен, что все, что делается в Девятом твоём управлении, делается на благо страны. Не ищи в их действиях каких-то скрытых смыслов, а просто проверяй, сможем ли мы это сделать.

— Ну и как тут не искать? Министр культуры выпускает фильм про австрийца, да еще называет фильм «Гений»!

— Фильм про Моцарта, а он на самом деле гением был. К тому же она этот фильм еще и на немецкий дублировала...

— На хойдойч и на винериш, это специально для австрияков. Зачем? У нее других забот нет?

— Есть, но в Австрии теперь большинство населения знает, что СССР с уважением относится к австрийской культуре.

— Ага, с уважением. Когда каждый седьмой австриец воюет в нами...

— А ты просто не знаешь, мне Шапошников вчера сказал: после того, как фильм этот Лукьянова в той части Австрии, которую мы уже отвоевали, показали, австрийцы в плен начали очень неплохо сдаваться. За три недели уже чуть больше ста тысяч их сдалось. Так что наш министр культуры знает, что надо делать.

— И из-за этого не нужно следить за тем, что они вообще делают?

— Лаврентий, это очень трудная война. И очень тяжелая. У нас большие потери в людях, меньше, чем у врагов, но очень большие. Возможно, что мы потеряем даже миллион человек... Но никто не обратил внимание на один удивительный в таких обстоятельствах факт. Ты знаешь, как называют в армии летчиц второго женского полка?

— Нет, а что?

— Сами себя они называют «Белые лебеди». А в войсках называют их архангелами Сталина. Эти ребята из Девятки сделали так, что каждого павшего бойца хоронят на родине, с почестями хоронят. Второй полк — это транспортный, только транспорт у них специфический: они погибших домой везут. Мы об этом даже подумать не смогли — а они не только подумали, но и сделали всё! Во втором женском почти двести машин, и больше шести сотен летчиц — потому что летают они практически круглосуточно. Не одни они павших перевозят, но сейчас, когда бои идут вдали от Родины, в основном они этим занимаются: перевозят погибших на Родину. И потом два других транспортных полка развозят их по домам. И каждый боец знает: если даже он погибнет, то все равно вернется на родину и могила его не будет безымянной. Родина помнит каждого своего героя — и ты представляешь, насколько повышается вера советских солдат в правоту нашего дела? Вера всех советских людей...

— Не знал...

— Они даже о мелочах позаботились: каждому павшему домину обеспечивают, каждого домой привозят, чтобы родные с ним проститься могли. Как думаешь, люди, которые даже это сделали — они что-то против СССР сделать вообще в состоянии?!

— Наверное, ты прав. То есть ты абсолютно прав. А еще я думаю, что если об этом станет широко известно в немецком тылу...

— Возможно это и было бы неплохим пропагандистским ходом... но ходом неправильным: нельзя превращать погибших наших бойцов в пропагандистский плакат. Достаточно и того, что наши солдаты это знают. Лаврентий, ведь они — твои люди, по крайней мере формально. Узнай, кто конкретно до этого додумался? Я просто поклониться этому человеку хочу.

— Они не расскажут. Даже под пыткой не расскажут и под этим их наркотиком правды не расскажут. И не потому, что это тайна великая, а потому что все, что делается в девятом управлении...

— Делается совершенно секретно.

— Нет, все делается всеми ими совместно. И они просто не знают сами, кому в голову какая-то мысль пришла первому. Им это просто неинтересно. Возникает какая-то задача, они вместе ее обдумывают, предлагают разные варианты решения, выбирают лучший — с их

точки зрения лучший. И его реализуют — совместно. Как-то в разговоре Валерий Федорович сказал, что один человек не может сделать почти ничего, а сплоченный коллектив может сделать всё. Я не знаю, что их так сплотило, но сейчас они действуют именно единым коллективом. И ты прав, они просто не в состоянии сделать что-то во вред Советскому Союзу, во вред советскому народу. А вот что они сделать вообще могут...

Главное — чтобы костюмчик сидел

Ближе к концу августа Ира переехала в Москву: её все же уговорили занять пост министра культуры, а работать министром, сидя в Боровичах, крайне неудобно. Так что она переехала — оставив мужа и детей на старом месте, и каждую субботу после обеда возвращалась «на выходные» домой к семье. На самолете, правда теперь ей — как и всем высшим руководителям — приходилось летать лишь в салоне самолета, а за штурвалом сидели летчики из особого правительственного отряда. Иру это очень не радовало — а Оля, пользуясь тем, что в Москве к Ире прислушивались, протолкнула идею «реконструкции» автодороги Москва-Ленинград. Протолкнула, всего лишь мимоходом сообщив Ире, что если дорогу правильно переделать и реконструировать, то она, Ира, сможет часа за три из Москвы в Боровичи ездить — ну а дальше Ирина Алексеевна «сама всё сделала». Ну, не совсем сама, но когда сам товарищ Чкалов стал товарищу Сталину жаловаться на плохое состояние дороги, мешающее вовремя подвозить припасы даже к Клинской авиашколе...

Скорее всего, Чкалов существенной роли в проекте не сыграл, но «курочка по зернышку клюет», так что и это «зернышко» оказалось кстати. Ведь если зерно попадает в хорошо подготовленную почву...

Почва стараниями Иры была подготовлена очень хорошо, и в начале сентября вышел указ Президиума Верховного Совета об учреждении нового (второго по счету из «новых») министерства дорожного строительства. Вопросов по министру ни у кого не было: им назначили дорожника известного, руководителя строительства «первого асфальтированного шоссе в стране» Георгия Саркисьянца. Претензий к нему из-за того, что «первое шоссе» Москва-Минск достроено не было, к нему не возникало: ту стройку прервала война. А вот новое строительство...

На самом деле «реконструкция» (а по факту — просто строительство новой) дороги позволила решить одну все же довольно серьезную проблему. Пленных с каждым днем становилось все больше, но большинство из них «ничего делать не умели». То есть все же многие умели делать много чего — но вот мест для приложения их умений было маловато, а строительство дороги — это место, где годится любой. Стройка работе «старой» дороги вообще не мешала. Просто потому, что «реконструируемая» дорога прокладывалась довольно далеко от предшественницы и от Москвы до Калинина с ней даже ни разу не пересекалась...

На строительство дороги направили чуть больше сотни тысяч пленных, причем «по желанию» их туда набирали. Однако все эти пленные дорогу строить не бросились: их сначала обучали русскому языку (проводя одновременно «селекцию» на предмет изъятия из «контингента» военных преступников), работе с инструментом (что было, по мнению Валентина, тоже очень важно — ведь этот «инструмент» его заводы делали и было бы жалко, если бы его «фашисты» поломали), технику безопасности объясняли — так что первые земляные работы начались лишь в середине октября. Неспешно так начались: в основном народ вырубал лес по трассе в Калининской области. На рубку леса были направлены в основном пленные финны — и им бензопилы весьма понравились...

Война тем временем шла своим чередом, а мир — своим. В самом конце октября советские войска взяли Штеттин и Вену, причем и там, и там бои за города были очень тяжелыми и кровопролитными. Хотя была и заметная разница: в Вене бои шли в основном

стрелковые, если советские войска подтягивали куда-то тяжелую технику, то вражеские либо отступали, либо (заметно реже) сдавались, чтобы город не разрушался. А в Штеттине из пушек и танков пришлось пострелять очень неслабо, да и — в отличие от той же Вены — и гражданское население активно в боях участие принимало. Но всё плохое когда-нибудь, да заканчивается — так что и городские бои закончились. В Вене и Штеттине закончились...

Почти двести километров по долине Дуная от Вены до Линца Советская армия под командованием Толбухина прошла вообще всего за две недели: все же Киплинг про пулемет Максима очень точно заметил. Правда в этом походе первую скрипку не пулеметы играли, а танки — но суть «певец британского империализма» уловил верно. К тому же, после того, как Вася на СТЗ запустил новый цех для термообработки готовых танковых корпусов, Т-34 стали для полевых орудий фашистов практически непробиваемыми. А так как у немцев появились и кумулятивные снаряды, танки советские мигом обзавелись динамической защитой, благо недостатка в гексогене в стране не было...

Линц фашисты даже к обороне толком подготовить не успели, и Федор Иванович, взявший город «с лету», получил звание маршала. Заслуженно получил, в Иосиф Виссарионович после того, как вручил Толбухину маршальские погоны и орден Ленина, в разговоре с Лаврентием Павловичем заметил:

— Я не перестаю удивляться не только фантазиям сотрудников Девятого управления, но и их даром предвидения. Мне танкисты полтора года жаловались на то, что по их требованию на танках какие-то цеплялки на корпуса навариваются. А когда у фашиста появились новые противотанковые снаряды, товарищ Сухов просто вытащил со своих тайных складов эти блоки динамической защиты, причем уже готовые блоки — и фашисты утратили смысл даже изготовления этих, довольно дорогих, снарядов. Вот как они всё так заранее предвидеть могли?

— Они просто подо все стараются соломку подстелить. Кумулятивный снаряд изобрел русский инженер Бересков еще в тысяча восемьсот шестьдесят четвертом, если я не путаю, просто раньше их массово не делали. Но военные о подобных снарядах давно знали, вот они и озаботились о соответствующей защите... впрок. Эта их динамическая защита довольно недорогая, но, согласись, просто на всякий случай навешивать на танк лишнюю тонну груза было бы неправильно. А когда возникла острая необходимость...

— Снова ты меня успокоил, а то я почти поверил, что кто-то из них пророком подрабатывает. Интересно, а что у них в этом Хранилище-13 еще припасено «на всякий случай»?

— Насчет хранилища не скажу, а насчет «припасено»... В НИИ ГВФ есть отдел... бы отдел, работавший над новыми реактивными двигателями...

— Помню, там еще Бондарюк главным конструктором вроде работал. А что с этим отделом?

— А ничего, Лукьянова этот отдел себе забрала и преобразовала в отдельное конструкторское бюро. С собственным опытным заводом. Так сейчас с новым экспериментальным двигателем Михаила Макаровича Туполев, Микоян-младший и Яковлев изобретают мощные противокорабельные ракеты.

— Туполев и Микоян?

— Лукьянова сказала, что Туполев, если лениться и выпендриваться не будет, что-то очень приличное сделать способен. А про Микояна сказала, что пусть попробует доказать, что он тоже авиаконструктор. Ну а Яковлев, говорят, первым вызвался такие ракеты делать.

Он уже одну сделал, ее даже в серию запустили... это экспериментальная серия, вроде как «для отработки технологии». Но уже готовая с двигателем турбореактивным, его в Новосибирске на новой авиамоторном заводе...

— Но ведь такой двигатель очень дорогой, очень!

— А там специально дешевый делают, его у Лукьяновой даже называют «малоресурсным». Максимум пять часов проработать может и ремонту не подлежит — но дешевый. Не в том дело: ракета Яковлева может корабль потопить километрах в пятидесяти от точки пуска, причем линкор не потопит, да и крейсер не каждый. А новая ракета, которая по техзаданию Лукьяновой разрабатывается сразу в трех бюро, будет, как Александр Сергеевич сказал, «убийцей авианосцев»: за двести пятьдесят километров она в борт этому авианосцу доставит две с половиной тонны взрывчатки. Причем сбить её враги не смогут, она будет лететь со скоростью в полторы тысячи километров в час...

— Это точно не для японцев они делают. С американцами воевать готовятся?

— Не готовятся, — на лице Берии появилась легкая улыбка, — а припасают. На всякий случай...

К ноябрю, как очень ехидно прокомментировал ситуацию Валя, «янки сообразили, что война идет не по плану». То есть сообразили-то они гораздо раньше, однако поначалу у них не было реальной возможности вмешаться в войну за океаном — но Рузвельт решил (как уже высказалась Оля) «воспользоваться преимуществами социалистического строя» и временно национализировал огромное число предприятий, срочно переведенных на производство вооружений и транспорта. И к ноябрю американцы решили, что сил на войну в Европе у них уже достаточно, после чего торжественно объявили войну Италии. Только Италии — видимо, разумно предположив, что воевать еще и с Германией будет слишком накладно. А Гитлер, сообразив, что две войны ему уж точно не потянуть, особо за союзника вступаться не стал.

К войне в Европе американцы подготовились довольно неплохо и уже в первых числах ноября они высадили десант на Корсике, которую итальянцы «отвоевали» у Франции. Второй «десант», еще более мощный, высадился в Марокко — но там, на французской территории, им воевать вообще не пришлось, так что они там высадились и отправились через Алжир и Тунис завоевывать Ливию. Муссолини напрягся: по прямой от аэропорта Туниса до Сицилии самолет летел меньше получаса, а он сам на Сицилии был менее популярен, чем некоторые «американцы»...

Вступление США в войну в Европе оказалось несколько неожиданным для всех, и, естественно, советское правительство было вынуждено заняться обдумыванием простого вопроса: а к чему это может привести. На срочно собранном заседании ГКО было высказано мнений чуть ли не больше, чем там народу собралось — так что после него Лаврентий Павлович решил для себя кое-что прояснить. И после заседания отправился в министерство культуры: ведь Ирина Алексеевна, заняв кресло министра, «не уволилась с предыдущего места работы» и до сих пор была одним из руководителей Девятого управления. Уже из машины Берия позвонил в министерство и уточнил, находится ли товарищ Лукьянова у себя: телефон в машине был, пожалуй, первой пущенной в производство продукцией нового наркомата (то есть уже министерства) систем связи. Очень удобной продукцией — так что, практически наверняка зная, что Ирина Алексеевна сидит у себя в министерстве, Лаврентий Павлович не отказал себе в удовольствии воспользоваться новинкой.

А зайдя к ней в кабинет, он буквально с порога поинтересовался:

— Ирина Алексеевна, мне было бы интересно ваше мнение по поводу того, что вы можете сказать по сложившейся ситуации...

— Мнение? Нет у меня мнения еще, я пока нахожусь в стадии полного охреневания! Но хорошо что вы зашли: я как раз хотела вас попросить выделить пару десятков опытных следователей. Мало того, что половина из ныне издающихся писателей — евреи, так они еще и вопиюще бездарны!

— Хм... возможно, ваше мнение несколько необъективно. Да и чем могут помочь следователи НКГБ в этом вопросе?

— Очень даже могут помочь. Потому что меня интересует не национальность авторов — хотя то, что нация, насчитывающая менее трех процентов от населения страны, занимает больше половины книжного рынка, мне все же не кажется нормальным. Меня очень интересует вопрос, почему эти откровенные шарлатаны получают гонорары, зачастую заметно превосходящие гонорары истинных мэтров. Почему, например, Беляев с полумиллионного тиража романа получает втрое меньше, чем некий Дриз за сборник детских стихов в тридцать две странички на идише, который даже из евреев хорошо если половина знает, и напечатанный тиражом в восемь тысяч. И отдельно мне было бы интересно узнать, куда уходят эти явно незаслуженные гонорары...

— Вы уверены в этом?

— Вот, — с этими словами Ира протянула Берии толстую тетрадь, — тут выписаны и подсчитаны все тиражи и суммы гонораров по примерно восьмистам авторам, и я выбрала получателей в сумме более восьмидесяти пяти процентов от общих выплат авторских за последние пять лет. С сортировкой по тиражам, по гонорарам, по выплатам за страницу книги, по числу запросов книги в библиотеках и по числу сданных торговлей в макулатуру книг, не купленных в магазинах. Занимательная, знаете ли, арифметика...

— Хм... это действительно интересно. Давайте сюда вашу тетрадку, я, пожалуй, знаю, кому поручить это дело. Но вообще-то я хотел другой вопрос задать: что вы думаете о вступлении США в войну с Италией и какие неприятности это может нам доставить в ближайшее время и в перспективе?

— А янки в войну в Европе вступили? Рановато что-то. Только я ничего об этом не думаю, так как только сейчас об этом узнала и времени подумать у меня просто не было. А давайте я вам завтра скажу, что я думаю? Часикам к десяти вас устроит? Просто через полчаса начнется совещание по кинематографии — в кино тоже что-то странное с гонорарами творится, так что до вечера у меня времени все равно подумать не будет...

— Вы заедете ко мне или встретимся в полдень у Сталина? Сами понимаете, не одного меня это интересует.

— В полдень в Кремле? Договорились. Только один вопрос: вам мое личное мнение нужно?

— Мнение Девятого управления.

— Поняла. Завтра в полдень мнение Девятого управления будет доведено до вас и Иосифа Виссарионовича. Ну и для тех, кто еще там будет...

Когда Берия говорил Сталину, что в Девятом управлении все делается совместно, то даже не предполагал, насколько он был прав. Вечером Ира позвонила в Боровичи, и за ужином было принято совместное решение о том, что мнение Девятки лучше всех сможет выразить Светлана:

— Светик, — отреагировал на Ирино сообщение Петруха, — ну ты же историк,

сможешь объяснить товарищам с учетом наших послезнаний, что же на самом деле происходит?

— Смогу конечно. Только обойдусь без послезнания, тут и без него все ясно.

— Вот и отлично, — тут же «подвел итог обсуждению» Валентин, — тогда завтра с утра летишь в Москву. Только постарайся обойтись без экскурсов в историю Троянских войн, договорились?

— Я даже Фермопилы упоминать не буду и французскую революцию. Разве что Карфаген, да и то в заключительном слове, — усмехнулась Света. — В смысле, *ceterum censeo Carthaginem delendam esse*.

— Все же любишь ты занудные лекции, а надо говорить коротко и ясно: *Carthago delenda est*, и этого достаточно, — улыбнулся Петруха. — Будь проще, и люди к тебе потянутся.

— И я тебя люблю. А сейчас пойду спать: утром нужно будет причесаться, на помадиться...

— Одеть новую генеральскую форму со всеми орденами, — добавила Гуля. — Я не шучу, там будут серьезные дядьки, для которых генеральские погоны — веский довод прислушаться к твоим словам. Форма тебе добавит плюс сто к харизме...

— Ага, в сапогах на свежую голову я буду неотразима!

— А в туфлях, которые Ира все же сумела вкорячить как атрибут формы женской, будешь еще неотразимее.

— Света права, — меланхолично заметила Аня, — белая форма вне строя с юбкой и белыми сапогами очень ей пойдут.

— У меня нет белых сапог, — с легкой грустью ответила ей Света.

— А размер у тебя тридцать девятый? — поинтересовалась Гуля. — Для девочек военно-медицинской школы парадную форму уже месяц как завезли, так что сапоги мы тебе через полчаса придумаем. Ну-ка встань, пройдишь... Оль, при ее росте каблука в пять сантиметров не лишку будет?

— А там что, выбор есть? Может, я тоже захочу белую форму с сапогами...

— Сапоги по уставу: каблук три сантиметра и пять. А на красных почему-то Ира каблук один оставила, причем четыре сантиметра...

— Дамы, — зашелся в хохоте Вася, — вы тут сапоги обсуждать будете или все же к войне перейдем?

— Сапоги важнее, — с улыбкой ответил ему Саша, — в сапогах ведь ходить придется, причем не уронив при этом достоинства. А война — она война и есть. И она — все же дело больше мужское, и то, что наши любимые от нее на сапоги отвлеклись — это радует: несмотря на все невзгоды они остались нормальными женщинами...

Строго формально, Клаус Граф никаким графом не был, просто ему фамилия такая досталась. А был он инженером, причем довольно неплохим. В мирное время занимался строительством, и строил он не просто дома, а довольно непростые здания: на его личном счету были четыре кирхи, два музейных здания, два театра (один из которых считался оперным) и несколько кинотеатров. Впрочем, жилые дома он тоже строил — но очень немного: выстроил собственный дом и дом тестя. А потом началась война — и герр Граф внезапно стал сапером. И пробыл сапером целых три года, пока его батальон не попал под мощнейший обстрел и бомбардировку в Мемельском районе. От батальона тогда осталась в живых хорошо если треть, а живых и здоровых вообще не было — но после трех месяцев в

русском госпитале большинство из них уверенно встали на ноги и переехали в далекую и страшную Сибирь. Правда, Сибирь оказалась совсем не такой, как о ней рассказывали: никаких дремучих лесов, никаких медведей, одна голая степь вокруг. И озеро с соленой водой на окраине города, в который их привезли. Впрочем, неподалеку от города — как говорили русские, неподалеку, а на самом деле почти в восьми километрах от него — протекала относительно пресная речка, так что городу пресной воды в общем хватало.

А не хватало городу домов — жилых и не очень, не хватало нормальных дорог (то, что русские здесь называли «улицами», в дождливую погоду превращалось в непролазную грязь, а все остальное время было канавами, заполненными мелкой — и не менее непролазной — пылью). И бывший саперный батальон — дополненный до штатной численности другими бывшими саперами и просто солдатами, в мирной жизни имевших подходящие профессии — как раз и должен был «устранить недостатки». А командовал этим «батальоном» русский парень, совсем еще молодой — но тоже «из госпиталя»: левой руки у него не было. Зато было «строительное образование»: до войны он успел отучиться два года в строительном институте...

Попал в далекую Сибирь герр Граф по своей, можно сказать, воле. То есть когда в госпиталь пришел какой-то очередной русский чекист и спросил, кто хочет позаниматься строительством взамен солдатами Гитлера разрушенного, нежелающих не нашлось. Просто потому, что этот чекист сказал «а кто не хочет — выходи на задний двор и становить к стенке». Но о свое «желании» никто из немцев особо не пожалел: кормили на стройке очень неплохо, одежду выдали удобную, жилье было вполне пристойным...

То есть привезли их весной буквально в чистое поле и поставили брезентовые палатки — но первым делом поставили всех на постройку казармы для самих строителей. Не совсем казармы, а все же обычных жилых многоквартирных домов — но первые два дома были заселены именно немцами. Тесновато их поселили, на каждого отвели около трех квадратных метров жилья — но оно и понятно: не туристами они отдыхать сюда приехали. К началу осени «батальон» доукомплектовали — и началась «основная работа». И Клауса довольно сильно удивило, что начали они не дома даже строить, и не цеха каких-то будущих заводов, о которых говорил командир, а «Дворец культуры».

— Приказом министра культуры определено, что в городах от десяти тысяч населения строится Дом культуры — это с кинозалом на триста-четырееста мест. А если населения уже больше двадцати тысяч — то уже Дворец. Тут и зал побольше, и библиотека городская. Даже две библиотеки, одна специальная детская. И кружки всякие — объяснял однорукий командир. — А здесь по плану будет уже тридцать тысяч человек в городе жить, так что без Дворца никак нельзя. Да, я слышал, тебя солдаты называют «герр инженер»...

— Да, я инженер-строитель.

— А ты можешь привязать проект к местности? Я-то вроде знаю как, но и напутать могу...

Клаус уже привык к тому, что русские довольно часто просят о помощи. Городок-то одноэтажный, по сути — большая деревня. По крайней мере, почти у каждого дома огород разбит — и солдаты нередко помогали старикам в несложных домашних делах. Весной — эти огороды вскопать, осенью — с уборкой справиться (за что русские им платили кто продуктами, кто деньгами — ну, кто чем мог). А здесь все же настоящая работа по специальности — так почему бы и не помочь парню? Чертежи были выполнены неплохо, русские буквы Клаус уже знал. А через три дня он задал командиру неожиданный вопрос:

— Вот тут — это зал для показа кинофильмов?

— И для кинофильмов тоже. А если на гастроли театр приедет, или когда уже свой театр в городе организуется, то и пьесы показывать будут. И даже оперы петь! — парень мечтательно закатил глаза: похоже, где-то он в театре уже побывал и опера на него произвела неизгладимое впечатление.

— Тогда это зал неправильно спроектирован. Я знаю, я уже строил театры — и в этом зале не будет звука.

— Как это звука не будет?

— Есть такая наука акустика. Про то как звуки распространяются в воздухе и гаснут если воздух неверно расположен. Здесь, в этом зале, акустика неправильная, звук распространяться не будет, а будет гаснуть, примерно вот тут гаснуть. И звук со сцены можно будет услышать примерно до третьего ряда. Или до четвертого, но и то очень плохо.

— А что же делать?

— Тут в зале потолок довольно низкий и плоский, а надо сделать его вот так — я слова не знаю... по-немецки будет купель.

— Купол? Но у меня проект, который в институте у Ирина Алексеевны делали. А ты уверен?

— Комплет сихер. Абсолют.

— Это плохо... но фундамент, если потолок другой ставить будем, изменится?

— Если потолок будем делать сверху этого же зала, то нет. И даже стены зала менять не надо.

— Тогда так решаем: фундамент строим, стены тоже — ну, до того места, где будет этот купол начинаться. А ты мне все про акустику напиши...

— Я на русском писать не умею почти совсем...

— Пиши на немецком, там разберутся.

Спустя неделю рано утром на временный аэродром возле города сел пассажирский самолет, Клауса в него посадили и отправили, как выяснилось уже вечером, в Москву. И там прямо с аэродрома привезли в какое-то большое «официальное» здание и привели в кабинет, где сидела довольно молодая белокурая женщина.

— Привет, — небрежно бросила она на неплохом хохдойче, рукой пригласив Клауса присаживаться, — Мне сказали, что по вашему мнению в типовом дворце зал будет абсолютно глухой.

— Можно его и так назвать, в нем звук будет распространяться очень плохо.

— Я поняла уже, — ответила ему хозяйка кабинета и крикнула куда-то в открытую дверь кабинета уже по-русски: — Где эти рукожопые зодчие? — А затем продолжила опять по-немецки и нормальным голосом: — Сейчас придут те, кто это убожество проектировал, и вы им расскажете, как все исправить. А еще я вас попрошу поглядеть на предмет акустики еще четыре проекта: обидно же будет обнаружить, что зал глухой уже после того, как его построят.

— Я могу посмотреть, но что мне будет?

— Денег, конечно, заплатим. Если вам мало денег, могу орден дать, Трудового Красного знамени. А захотите — и на орден Ленина представляю...

— Деньги и орден, конечно, радуют. Но я о другом спрашивал: чтобы спроектировать верную акустику, нужно знать какие будут использоваться материалы, какие ограничения по сметам. И каких специалистов можно будет привлечь: там довольно сложные расчеты...

— Ясно. Вам сколько лет, товарищ Граф?

— Сорок два.

— Практически ровесники. А сколько лет опыта в проектировании, скажем, театральных залов?

— Я выстроил четыре кирхи, а в них акустика даже сложнее, чем в любом театре. На каждую у меня ушло по году, а театры я гораздо быстрее строил.

— Отлично. По возрасту подходите, по опыту и знаниям — тоже. Ага, вот и рукожопы пожаловали... Значит так, назначаю вас, товарищ Граф, начальником отдела проектирования зданий культурно-массового назначения. Жить будете в городе Боровичи, это недалеко, полчаса лету отсюда. Квартиру получите, зарплата по штатному расписанию — и до февраля эти раздолбаи под вашим руководством должны будут перепроектировать все пять типовых проектов. Да, там еще ведь и библиотеки, так вот читальные залы при них было бы крайне желательно сделать как раз глухими. — Далее она перешла на перешла на русский, но Клаус сказанное понял:

— Вот товарищ бывший фашист — и тот сообразил, какую хрень вы сотворили. Теперь он будет вами руководить до тех пор, пока вы все не исправите. За науку в ножки ему кланяться и господу благодарить за то, что ни один ДК еще выстроить не успели и у вас появился шанс не обделаться на весь Союз. Апухтин, ты вроде немецкий знаешь? Назначаю тебя куратором товарища Клауса Графа, будешь отвечать, чтобы немецкий инженер ни в чем не нуждался по работе и в быту, ну и в русском его поднатаскаешь. Заодно и сам язык выучишь... все, идите.

Назад на аэродром Клауса везли уже в большом автомобиле вместе с тремя «рукожопами» — и там он узнал, что же означает это слово. А еще он узнал, что разговаривал он не с какой-то неизвестной женщиной, а с министром культуры. Коротая еще и известнейший авиаконструктор, и кинорежиссер лучший в СССР, и Главный архитектор Москвы, и еще много кто. Но главное — что она в дополнение ко всем своим «гражданским» званиям носит и звание генерал-полковника НКГБ, причем лишь по скромности только генерал-полковником называется. Потому что ее даже сам Сталин слушается...

Насчет Сталина Клаус не поверил, но в могуществе женщины-министра убедился довольно быстро: в работе ему помогали все, к кому он обращался. Так что седьмого ноября в Славгороде строительство нового Дворца культуры было закончено — да и не только в нем. Правда, ему немедленно подкинули еще несколько очень непростых проектов — но когда делаешь то, что умеешь, и делаешь это хорошо, то радость от содеянного часто перевешивает любые другие награды. Впрочем, орден «Знак почета» Клауса тоже порадовал изрядно...

Выходя с совещания, произошедшего сразу после парада на Красной площади, Василевский поинтересовался у Шапошникова:

— Борис Михайлович, а почему мы теперь планы готовим на основании рассказов этой дамочки? «Очевидно, что американцы начнут с Сицилии, воспользовавшись связями местной мафии с американской», «Понятно, что на Сицилию им понадобится не меньше месяца, и лишь затем они приступят к боевым действиям на Аппенинах — следовательно, на Сицилию они высадятся не ранее конца февраля». Почему очевидно, откуда им кому понятно?

— По двум причинам, и первая — потому что Девятому управлению это очевидно и понятно. Откуда они берут информацию — я не знаю, но не удивлюсь, что у них есть агент

даже в Белом доме. А вторая причина проста. Эта дамочка, между прочим — ректор Института международной политики и развития социализма. Института НКГБ, и она, мне кажется, лучше многих разбирается в каких-то нюансах этой самой международной политики. А еще — но это уже и не столь важно — она генерал-лейтенант НКГБ, и Звезда Героя соцтруда получила не в качестве дополнительного украшения к ее сверкающему костюму. Так что её прогноз можно считать наиболее вероятным, и в разработке планов нам следует опираться именно на него.

Праздновать Новый год Ира прилетела в Боровичи, и первым делом «провела воспитательную работу» среди подруг:

— Признавайтесь, кому в голову пришла дурацкая идея Светку в мундир одеть?

— Так ведь красиво, — ответила ей Гуля, — Свете мундир ты очень подходящий сделала.

— Я его не Свете делала, а женщинам-военным вообще и конкретно тебе в частности. Ну да, ей мундир в принципе тоже очень даже к лицу, но вам не мешало бы и головой слегка подумать. Одно дело, когда суровым маршалам-фронтовикам что-то втирает генерал-лейтенантишка, и к тому же баба несмышленная — и совсем другое, когда дремучим сапогам умищи вкладывает профессор истории и ректор института международных отношений. Хорошо еще, что у нас с ней фигуры одинаковые и я как раз костюмчик новый пошила, еще ни разу не надеванный — а то пришлось бы мне Светкин доклад читать, а я в нем половину слов даже не понимаю.

— И какие конкретно тебе слова в нем непонятны? — огрызнулась Светлана.

— Разные там, но это неважно. Важно то, что через час уже Новый год, мужчины наши за столом сейчас слюной захлебнутся — так что кончаем бабские разговоры и идем праздновать. Свет, ты же говорила, что в сорок третьем мы гарантированно победим? Так победный год требует соответствующей встречи. И поверь: этот костюмчик тебе идет даже больше мундира, так что носи на здоровье и радуй взгляды мужа и детей...

Так приезжай к нам на Восток, здесь испытаешь ты восторг...

В преддверие праздника Восьмого марта состоялось заседание Политбюро, посвященное грядущей дате. В частности, рассматривался вопрос и о массовом награждении женщин, очень много сделавших на благо страны. В длинном списке награждаемых были трактористки и доярки, свиноводки и хлопкоробки, врачи, станочницы, водительницы общественного транспорта и летчицы, воспитатели детских садов и школьные учителя. Список был огромный, и поэтому на заседании «личные дела» не рассматривались: все они были детально рассмотрены на соответствующих комиссиях, так что здесь главным образом принимали решения «по процедурным вопросам», то есть кто персонально будет всем этим женщинам ордена и медали вручать — но и на это потребовалось чуть больше шести часов. А когда заседание закончилось, Иосиф Виссарионович поинтересовался у Лаврентия Павловича:

— Вот мы наградили множество достойнейших женщин: врачей и учителей, колхозниц и рабочих заводов — очень много различных профессий освоили наши женщины. Но я обратил внимание: в списках награжденных не было ни одной работницы культуры. Ирина Алексеевна что, не хочет своих работниц награждать?

— Очень даже хочет. Но пока она не разберется со всеми проблемами, которые по части культуры удалось ей вскрыть, никаких наградений она не планирует. И я, откровенно говоря, с ней полностью согласен.

— Что, так плохо у нас с культурой?

— С культурой у нас хорошо. Но то, что к этому источнику припало слишком много... Ирина Алексеевна иронично именуется их «людьми со светлыми лицами», так вот это очень плохо.

— И как нам определять, кто из людей со светлым лицом, а кто нет?

— А она придумала, как она это назвала, «патриотический фильтр». И я весьма впечатлен тем, насколько эффективно он работает у неё. Правда, еще больше я удивлен тем, сколько довольно известных лиц через этот её фильтр не проходят.

— И что за фильтр?

— Правильный, и я рад тому, что через Светлану Юрьевну этот же фильтр теперь стали применять и в школьном образовании. А он простой: если мужчина, здоровый и не слишком старый, от армии увиливал любым способом — он работу не получает.

— Но ведь Девятка сама категорически против сплошной мобилизации! И весьма многие специалисты у нас в тылу просто незаменимы!

— Как там про социализм было сказано: учет и контроль. Если специалист, в тылу незаменимый, писал заявления с просьбами отправить его добровольцем... дважды хотя бы писал — годный товарищ. Когда ввели всеобщий воинский учет, то многие еще до войны прибежали со справками, что они в тылу нужны — эти товарищи негодные. Не вообще, а чтобы работать в образовании, науке и культуре. А по части именно культуры, так всем артистам делалось предложение съездить на фронт с агитбригадами. И кто нашел повод не поехать — таким, по мнению Ирины Алексеевны, в культуре делать нечего.

— Но ведь разные бывают обстоятельства...

— Если тебе делать будет нечего — заходи, я тебе положение об этом фильтре дам

почитать. Это совместное творчество Ирина Алексеевны и Светланы Юрьевны, и там страниц тридцать с этими разными обстоятельствами. Очень грамотно все составлено, сразу видно: профессионалы Госбезопасности.

— Если ты прочитал и согласен, то я тебе тогда просто поверю: времени действительно на все не хватает. А результаты-то работы этого фильтра как, видны?

— Заметны. В кинематографе и в театре довольно много артистов остались без работы, да и не только артистов.

— Это... наверное, это не очень хорошо. Если артистов будет мало...

— А вот театров уже летом станет гораздо больше, и киностудий тоже больше: она издала постановление, что в каждом городе с населением от пятидесяти тысяч человек должен быть организован драматический театр, при котором организуется театральный самодеятельный кружок. А в крупных городах — и театральные училища. И в каждом областном центре должна быть своя киностудия.

— А киностудия-то зачем?

— Так телевизоры-то у нас уже четыре завода делают, она говорит, что стране нужны специальные фильмы исключительно для показа по телевизору. И, говорит, хорошо было бы, если эти фильмы будут на местную тематику. А людей талантливых, говорит, у нас хватает, им нужно только возможность дать себя проявить.

— И как им дать эти возможности? У нас война, лишних возможностей...

— А ты с Ольгой Дмитриевной поспорь об этом — она-то говорит, что «возможность есть всегда, когда есть желание». Почти полтора миллиона пленных на стройках заняты — и что они строят? Жилье, конечно, новые цеха и заводы — но прежде всего они строят школы и дома культуры. А дом культуры — это обязательно разные кружки для детей, в том числе и творческие. А кружки эти всем нужным для творчества обеспечить... К тебе Готвальд жаловаться не прибегал еще?

— Нет, а на что?

— Значит, прибежит. А может и не прибежит: он мне уже жалобу накатал, о том, что части НКГБ вывозят из Чехии оборудование с заводов — так Светлана Юрьевна написала и ответ, сколько чехи вывезли из России в Гражданскую, так что после того, как оттуда мы все заводы вывезем, чехи нам еще должны останутся. Это еще не считая репараций за войну. Ну так вот, Ирина Алексеевна вывезла оттуда в Пронск завод, который фотоаппараты делал — и теперь на месте той фабрики, что фильмоскопы детские делала, запускается Пронский оптико-механический завод. Будет делать в том числе и кинокамеры для таких кружков, и кинопроекторы на шестнадцать миллиметров и на восемь. Маленькую я уже видел: называется «Пионер», ее спроектировали несколько пленных немцев, которые на заводах Цейса работали. А камера шестнадцатимиллиметровая — полностью отечественная разработка.

— Вот только кинокамер пионерских нам сейчас и не хватает!

— Ну, после того, как итальянцы потопили четверть американского флота в Средиземном море германскими радиоуправляемыми бомбами, спорить о необходимости бомб телеуправляемых вроде как не приходится. Харьковские объективы для них все же не очень годятся, а пронские специально для этого разработаны. Так что кинокамеры пионерские, по словам Ирины Алексеевны, просто будут полезными отходами этого производства.

— Лаврентий, вот хоть ты мне скажи: почему эта десятка из Девятки одна умеет из

любого говна конфетку на благо страны слепить, а другие — даже если их специально пинками подгонять — никак этому не научаться?

— Другие — уже слишком старые чтобы переучиваться, но то, что делать научились, делают хорошо. А эта десятка из девятки — они молодых учат. И учат не просто хорошо, а замечательно: у нас в армии больше двенадцати тысяч полевых хирургов — ученики Гюльчатай Халматовны, не непосредственно у нее учились, конечно... они говорят «вторая производная», ученики учеников. И в Большой Девятке почти сто тысяч инженеров прошли через школы Особого Боровичского района... независимо от того, где эти школы располагались.

— Ты тоже решил мне на мозги капать на тему назначить Климову наркомом просвещения, то есть уже министром?

— А ты тоже в их школе отучиться успел? Слушаю я тебя и...

— Да я с выпускниками этих школ чуть не каждый день встречаюсь, тут и не таким словам научишься.

— Сочтем отмазку кузявой, — Берия рассмеялся. — А на мозги тебе по этому поводу капать не буду: Светлана Юрьевна фактически и так наркомпросом руководит. Хотя... наверное, будет лучше, если это и юридически закрепить. Работать она, как и сейчас, будет плотно сотрудничая с Лукьяновой: все же образование — неотъемлемая часть общей культуры. А вдвоем они такого натворят! Я в хорошем смысле имею в виду.

— Кто бы сомневался, — и Сталин тоже рассмеялся. — Одни ее языковые курсы, на кинолентку Лукьяновой снятые, помогли мобилизовать сотни тысяч нерусскоязычных солдат! Я уже не говорю, насколько улучшилось обучение школьников в республиках... А ты Климову в таком случае их органов уволишь или пусть и дальше генерал-лейтенантом НКГБ остается?

— Пусть остается, ей будет проще проблемы решать. Только...

— Что?

— В девятке она единственная еще в генерал-лейтенантах ходит.

— Согласен, непорядок это. Пиши приказ, Политбюро его утвердит. Да, еще один вопрос, не очень важный, но мне давно интересно было: что это за Институт международной политики и вопросов социализма, в котором Климова ректором работает? Без нее институт работу продолжить сможет?

Берия сначала недоуменно взглянул на Сталина, затем ухмыльнулся:

— Официально он вообще-то называется «Институт международных отношений, зарубежной политики СССР и развития принципов социализма за рубежом при НКГБ СССР». Это при Дворце культуры в Боровичах такой вроде как клуб старшеклассников, в котором школьники все это изучают и придумывают, как бы они какие-то международные проблемы решали. Там еще Петр Климов называется «заведующий кафедрой Латинской Америки», а Гюльчатай Халматовна — завкафедрой стран Ближнего Востока. Вроде и детишкам развлечение, но окончивших десятилетку членов этого клуба в Боровичах уже всерьез учат работе дипломатами в Институте международных отношений. В Наркоминделе... в МИДе говорят, что оттуда им неплохие специалисты к ним приходят, грамотные. Детишки вроде как и развлекаются, но попутно и кадры готовятся из тех, кто за время учебы в школе хорошо себя зарекомендовал.

— Интересно это они придумали... Ладно, завтра на заседании Президиума поставлю вопрос о назначении Светланы Юрьевны министром просвещения. Характеристику

напишешь?

Восьмого марта Лаврентий Павлович заехал в Боровичи. Потому что, хотя это был и понедельник, Ирина Алексеевна праздник отмечала с товарищами — так что посетить этот странный коллектив труда не составило: в самолет можно много людей поместить. Там Берия огласил постановление о присвоении Свете звания «генерал-полковник» и вручил ей новенькие погоны. А следом — и постановление о назначении её министром просвещения:

— Иосиф Виссарионович совершенно уверен, что вы с этой работой справитесь. И уверен — как и я впрочем — что отказываться не станете. А товарищи вам всегда помогут. Но мы вас решили не торопить, так что на переезд в Москву вам дается целая неделя.

— Вот спасибо, блин! Ладно бы просто поцарствовать, так еще и в дворец царский переехать изволь, причем немедленно! А детей в новую школу перевести — это же тоже времени требует...

— Свет, ты теперь министр всех школ, тебе только свистнуть — и директора сами все сделают, — усмехнулась Ира. — Но такой ерундой и заниматься не стоит, будешь, как я, вахтовым способом работать. А за детьми и Петруха присмотрит...

— И я присмотрю, — добавила Гуля, — и Аня, и Оля. И вообще: сейчас в нашей детской команде всем заправляет Андрюха мой да Ленка Анина, от родителей они теперь только деньги на пропитание иногда забирают...

— Да уж, — улыбнулась Аня, — Лена неплохо готовить научилась. Правда у нее перекос в сторону пирогов сладких и тортов, как бы ребята лишней вес не набрали...

— Я слежу, — постаралась успокоить её Гуля, — это только родителям она торты с пирогами печет, а малышню обеспечивает правильным сбалансированным питанием. В смысле, следит, чтобы в школьной столовой они все положенное съедали и не капризничали.

— Вижу, что бытовые проблемы вы уже практически решили, — улыбнулся Лаврентий Павлович. — Валерий Федорович, Анна Федоровна, у меня к вам несколько неотложных вопросов... думаю, что их лучше не за праздничным столом стоит обсудить. И Валентина Николаевича попрошу к нам присоединиться: вопрос касается производства некоторых станков для изготовления компонентов новых электростанций. А вас, Василий Викторович, прошу срочно подготовить достаточно веское обоснование причин вывоза в СССР оборудования с заводов Шкода.

— А просто послать чехов в жопу? — проявила любопытство Ира.

— Рад бы, но Готвальд пожаловался Иосифу Виссарионовичу, так что товарищу Сталину нужно чеха туда послать аргументировано и без явного указания направления движения. Политика — дело непростое...

Политика — дело действительно непростое, но и других очень непростых дел было немало. Вообще-то Берия приехал, чтобы прояснить для себя, почему постройка Воронежской АЭС занимает так много времени и что требуется, чтобы это время сократить. Прояснил — и в Москву вернулся довольно грустный. Зато — очень спокойный: Валера и Аня объяснили ему, что реактор ВВЭР гораздо более дорогой, но ему урана нужно раза и четыре меньше — хотя и после тоже не очень дешевой обработки. Да и быстрее строить нельзя потому что «безопасность превыше всего», а руководство по радиационной безопасности, которую Аня написала больше десяти лет назад, Лаврентий Павлович чуть ли не наизусть выучил.

Попутно Берия задал вопрос, который его тоже... даже не волновал, а смущал изрядно:

почему в Девятом управлении практически прекратились работы по части оборонных проектов. И ответ Валентина заставил его сильно задуматься:

— В рамках наших компетенций мы сделали практически всё, что могли, а в части масштабирования уже готовых проектов нужны совершенно другие люди. Мы же ВПК для того и предлагали создать, чтобы профессионалы делали хорошо такую работу, которую мы лишь наметили на совершенно любительском уровне...

Задуматься ему пришлось по очень простой причине: да, работу должны делать профессионалы — но где найти столько правильно обученных и качественно мотивированных людей? Причем вторая часть требований к специалисту была, по мнению Девятого управления, даже более важной, чем первая. Светлана Юрьевна, которую Анна Федоровна тоже пригласила на обсуждение атомных проблем, сформулировала этот постулат очень просто и понятно:

— Обучить людей — это всего лишь потратить какое-то время. А вот сделать так, чтобы от их работы была и стране польза, и враг не смог бы их соблазнить сладкими посулами — это задача посложнее.

И как-то ведь эту задачу в Девятке решали — но вот как?

Атомные электростанции — это, конечно, хорошо, прогрессивно, модно и молодежно, однако Глеб Максимилианович отнюдь не забывал и об электростанциях более привычной конструкции. И как только появились «лишние рабочие руки» (применение которым очень интересно предложила Ольга Дмитриевна), в суровой Сибири началось строительство новых энергетических гигантов. Правда Ольга Дмитриевна расписала этих гигантов в своих планах несколько больше, чем страна могла обеспечить материальными ресурсами — по крайней мере пока, так что строительство началось лишь на Оби. В Новосибирске и в Камне-на-Оби. Причем Новосибирская ГЭС, строящаяся практически в самом городе, вызвала бурю негодования в правительстве, ведь по проекту водохранилище должно было затопить Комсомольский мост. Конечно, жалко было терять двухпутный мост через Обь — однако по планам Ольги Дмитриевны австрийские пленные должны были за год выстроить новый, уже ниже строящейся плотины. Но ведь Комсомольский-то был практически первой Всесоюзной Комсомольской стройкой!

Оле пришлось лично ехать к Сталину и обосновывать свой выбор места. Вообще-то строить ГЭС на Оби хотели еще в начале тридцатых и лучшие места для их постройки были давно уже выбраны — но стране срочно требовалось улучшить транспортную связность с Востоком, поэтому выстроили мост. Но ведь никто не запрещает и новый мост построить!

— Иосиф Виссарионович, я понимаю: всесоюзная комсомольская стройка. Там со всего Союза героически трудились аж две с половиной тысячи комсомольцев, а у меня мост будет строить почти десять тысяч австрийских рабочих. И комсомольцы те были полны одного лишь энтузиазма, а рабочие — реального опыта строительства. Старый мост, конечно, жалко — но мы же не под воду его опустим, а просто перенесем на новые опоры. А если ГЭС строить там, где предлагают партийные функционеры, то мощность ее получится на двадцать процентов меньше, что уже немало. Но главное — примерно четверть территории города окажутся под угрозой затопления в период половодья.

— А вы хотите эту четверть просто затопить на любой период!

— Мы — не хотим. Мы — пока есть возможность привлечь для работы лишнюю сотню тысяч пар рабочих рук — хотим полностью ликвидировать угрозу затопления на половине вот этой территории. Здесь, в низине, грунт срежем — чем, кстати, увеличим, причем

заметно, буферную емкость водохранилища. И насыплем этот грунт вот сюда, подняв уровень земли выше уровня будущего водохранилища, обеспечив городу дополнительные безопасные в плане затопления территории для дальнейшего роста. Неизбежного, между прочим, роста: по плану всего через десять лет численность населения в городе превысит семьсот пятьдесят тысяч человек. А если учесть, что обычно планы у нас перевыполняются...

— Я понимаю ваши резоны: лишних сто мегаватт электричества...

— Сто тридцать мегаватт, но это мелочь. Нужно будет — так и угольную станцию рядом поставим, или вообще атомную. Гораздо важнее, что огромная территория будет защищена от паводков — а, следовательно, может развиваться гораздо эффективнее. Сельское хозяйство, лесное. Да и промышленные предприятия здесь можно будет строить с меньшими затратами и с гораздо меньшими рисками. А, учитывая, сколько в Сибири полезных ископаемых, перерабатывающие предприятия будут совсем не лишними.

— Но ведь станция, построенная на двадцать километров выше, защитит все это от паводков не хуже...

— Хуже. Емкость водохранилища получится на четверть меньше. От серьезных паводков, впрочем, и это не очень-то защитит, но иметь дополнительных пару кубических километров в запасе будет крайне не лишним.

— Будем считать, что вы меня убедили: Глеб Максимилианович тоже настаивает на постройке станции именно здесь. Но вы уверены в том, что мост будет выстроен в срок?

— Я же специально подобрала на стройку одних австрийцев. Сказала, что домой они поедут после того как мост будет принят в эксплуатацию...

— Понятно. И у меня один вопрос остался: Кржижановский упомянул как-то, что вы предложили проект чуть ли ни на треть дешевле, чем по расчетам Гипроводхоза...

— Не совсем так... то есть совсем не так. Сама плотина ГЭС просто потому, что здесь створ наиболее удачный, обходится да, на четверть дешевле, чем по второму проекту. Вдобавок предполагается широкое использование укатанного зольного бетона, а это экономит еще процентов десять-двенадцать на материалах. Но если учесть затраты на перенос моста, подъем значительной части территории города, то реальные затраты на строительство уже становятся на пятнадцать процентов больше, чем у конкурента. Оборудование тоже подорожает на четверть почти: гидрогенераторы более мощные, плюс один вообще дополнительный — но все эти излишние затраты окупятся еще до завершения строительства ГЭС. А, скажем, затраты на переселение Бердска — они и без того неизбежны. Ну, прибавим процентов пять к стоимости на переселение малой части жителей самого Новосибирска — но все равно получаются копейки, тем более что дома новые будут строить немцы всякие с чехами и румынами...

— Теперь мне с этой ГЭС все окончательно ясно стало. Впрочем, вы же все равно по-своему бы сделали? Мне даже иногда интересно становится, почему вы так часто игнорируете решения Президиума...

— Мы не игнорируем, мы отмечаем непрофессиональные мнения.

— А вот по Каменской ГЭС...

— Это стройка нужна, но она не быстрая. Если строить быстро, то будет затоплено почти полмиллиона гектаров земли. По медленному проекту затопление можно будет сократить вдвое...

— Но все равно много.

— Да, однако в Кулундинской степи выйдет оросить уже больше двух миллионов гектаров. Насколько больше — это еще смотреть надо, но в любом случае с точки зрения сельского хозяйства плотина необходима. Конечно, когда эти шестьсот мегаватт поступят в сеть — это будет уже немного...

— Больше, чем ДнепроГЭС — это для вас немного?

— И больше, чем Новосибирская ГЭС. Но к этому времени, я надеюсь, уже начнет работу Красноярская ГЭС на шесть тысяч мегаватт мощности...

— У вас планы воистину грандиозные. А они вообще осуществимы?

— Безусловно. Но в любом случае, Каменская ГЭС заработает после Катунского каскада: на Катунь для начала планируется уже в следующем году начать строительство двух станций, на полторы тысячи мегаватт и на триста. Пока у нас есть внеплановые рабочие руки, глупо было бы их не использовать с максимальной эффективностью.

— Глупо, вы правы. Но почему тогда вы откладываете строительство станций на Катунь на следующий год?

— Потому что в этом году туда будет строиться железная дорога: нужно будет очень много стройматериалов на стройку завезти, а на грузовиках... впрочем, там и для грузовиков дорог пока нет. Поверьте, мы с Глебом Максимилиановичем постарались по времени ужаться максимально, но даже девять женщин...

— Это я помню, — усмехнулся Сталин. А что о ваших проектах думает Госплан? Спрашиваю исключительно, чтобы знать, с чем они прибегут жаловаться на ваше самоуправство.

— Кстати, о Госплане. Свету не спросясь министром вы назначили, так назначьте так же Струмилина Председателем Госплана. А то он ловко устроился на должности начальника отдела...

— А он не соглаша... а давайте, вы его на эту должность назначите? Если я правильно помню, сотрудники Девятого управления имеют право любого советского гражданина забирать к себе и ставить его на любую нужную стране должность. Должна же быть хоть какая-то польза от вашего права на самоуправство? — Сталин уже откровенно смеялся.

— Мысль интересная... я, пожалуй, так и поступлю. В конце-то концов, мы же в НКГБ все тираны и сатрапы? Вот немножко товарища и потираню, от него не убудет...

— Вам бы только потиранить... а товарища Сталина вы тоже готовы тиранить?

— Хорошо, что напомнили. Гуля подготовила программу вашей медикаментозной поддержки. И вы можете думать об этом что хотите, но здоровье товарища Сталина стране гораздо важнее личного мнения простого советского гражданина Джугашвили, так что когда на неделе к вам врачи с этой программой придут, крайне рекомендую их предписания исполнять.

— А если...

— А если врачам не подчинитесь, то товарищ Сухов вас заберет в Девятое управление и назначит на должность руководителя государства уже как сотрудника Управления. А у нас с дисциплиной шутки плохи! — Оля тоже рассмеялась. — Ну, по этим ГЭС вопрос мы, я думаю, прояснили, так я пойду. До свидания!

Седьмого июля случились сразу два события. Вот только СССР — страна большая поэтому ранним утром седьмого июля, когда с территории Кореи с боем на территорию СССР вышел партизанский отряд, а японские войска сгоряча вторглись за ним, в Европе была еще глубокая ночь, причем еще вторника. Но с наступлением среды и в Европе кое-что

случилось: большой группе генералов вермахта стало очень неуютно от осознания того неприятного факта, что советские войска этот вермахт просто «уничтожают дистанционно в промышленных масштабах» — и они устроили небольшой государственный переворот. Скромный, по их же прикидкам в ходе переворота погибло около четырех тысяч солдат вермахта и раза в три больше эсэсовцев — но генералы арестовали почти все гитлеровское правительство, включая самого австрийского художника, и тут же предложили «мирные переговоры». Переговоры эти шли весь день и большую часть ночи — но так как от Советского Союза «главным переговорщиком» выступил Петруха, завершились они подписанием акта о безоговорочной капитуляции. Как сам Петруха потом сказал, хорошо, что немцы оказались не в курсе того, что СССР уже объявил войну Японии...

Впрочем, этот тезис Света оспорила:

— Если бы они узнали, что мы уже и Японию стали приводить к общему знаменателю, они бы — от осознания могущества противника — еще к обеду бы сдались!

— Может быть, а может и нет. В любом случае нам еще эсэсовцев по всей территории зачищать как бы не месяц: эта-то мразь сдаваться явно не собирается. Но тут уже нам вермахт поможет: я честным воякам дал определенные гарантии, так что они постараются условия капитуляции выполнить. Пример у них перед глазами: в Австрии Иосиф Виссарионович, слава богу, к твоим советам прислушался.

— Да и мы, надеюсь, в стороне не останемся. Сейчас с солдатами у нас стало гораздо лучше, народ из Средней Азии и с Кавказа подтянулся. А эти ребята воюют с увлечением, ведь для них армия стала большой ступенькой в социальном статусе. У них вообще в культуре воинов очень уважают, а если воин с медалью хотя бы домой придет...

— Это точно, уж что-что, а воинскую доблесть проявить — это на Востоке святое. Резахану в помощь азербайджанских солдат послали, от которых на Западном фронте командиры отказывались потому что те языка не знают — и что? В Персии британцев больше нет, а персы вообще Кувейт как бы мимоходом заняли, теперь это тоже Иран...

— Ну дык ты же специально их на это дело подбивал. Кстати, ведь у персов с Кувейтом сухопутной границы нет...

— Теперь есть. Не совсем, конечно, сухопутная — там в устье Шатт-эль-Араба несколько островов теперь стали персидскими, но в целом... Меня, правда, несколько напрягает то, что Реза-хан возомнил себя наместником аллаха на земле и принялся рьяно защищать интересы шиитов по соседству...

— А чем нам это грозит?

— Нам — ничем. Официально мы там вообще не при делах. Но восточные провинции Саудовской Аравии — сплошь шииты, которых тамошние власти вообще мусульманами не считают...

— И?

— Там населения около трех миллионов, и почти половина из них как раз шииты. А почти все их нефтяные месторождения находятся как раз в шиитской зоне, правда о масштабах этих месторождений пока никто еще не знает. И я вот в тяжких раздумьях: то ли шаху помочь братьев по вере к себе присоединить...

— Нечего тут думать! — немедленно отреагировала Оля. — Персидский залив потому и называется Персидским, что омывать должен лишь персидские берега. С шахом мы поладим... ты поладишь. А всякие буржуины в тех краях нам и нафиг не нужны, так что пока им всем не до Персии, будем ковать пока горячо. Второй раз такого счастья ни шаху, ни нам

не обломится.

— Об этом и спорить не буду, но вытянет ли страна? Я шахом-то я договарюсь, но нам еще только в Европе британцев контрапупить неизвестно сколько придется. С французами опять же: не успели немцы капитуляцию подписать, а они уже свое освобождение праздновать бросились! Де Голль при поддержке американцев уже примеряет корону освободителя Франции...

— Насколько я в курсе, — философски заметила Оля, — ГКО французам слова не давал. И немцы, кстати, тоже. В приказе германского генштаба прямо указано: армия сдается только и исключительно советским войскам, а до тех пор, пока советские части не подойдут, чтобы принять капитуляцию на месте дислокации, солдаты не просто могут, но и обязаны французов, если те попытаются ввести своих солдат на оккупированную территорию, уничтожать. Правда, пока французы против немецких войск особо не выступают...

— А нахрена нам-то эта Франция? — поинтересовался Саша.

— Тактически — чтобы обеспечить блокаду Британии, — ответил ему Петруха. — А стратегически — чтобы был предмет для торга со Штатами. Сейчас вроде уже до аэродромов в Кале и Дюнкерке наши доехали, с одного вроде можно без проблем поднимать Илы с ракетами противокорабельными. Британцы вроде что-то уже заподозрили, через Швейцарию удочки закидывают насчет мирного договора.

— А нам еще с японцами воевать... экономика и без того на пределе. Вытянет ли Союз войну на два фронта? А потом ваши притязания на канадские концессии... как бы янки не сменили сторону в этой войне. Союз же не может уконтрапупить весь мир?

— Не может, — согласился с ней Валера. — Но пока заокеанцы этого не знают.

— Но ведь узнают когда-то!

— Нет, — и Валера плотоядно улыбнулся. А Аня подтвердила:

— Они даже не попытаются это узнать...

На свете ещё много зла и мне ещё долго стрелять...

Незначительный, казалось бы, успех японцев в самом начале войны с американцами — захват атолла Мидуэй — на ход войны в Тихом океане оказал очень большое воздействие. И не только на войну в Тихом океане, а вообще на войну Америки с Японией. Японская авиабаза в двух тысячах километров от Гонолулу вроде бы прямой угрозы тихоокеанской базе американского флота не создавала, но транспортам она увеличила путь в Китай больше чем на неделю — и американская помощь Гоминдану резко сократилась. А вот товарищ Мао от Советского Союза помощь получал во все возрастающих объемах. Как, впрочем, и товарищ Ким.

Товарищу Киму еще очень повезло с тем, что до Кореи американцам было теперь вообще никак не дотянуться, а всенародную поддержку его армии японцы обеспечили очень нехило. Ну а материально-техническое обеспечение из СССР шло вообще бесперебойно: японцам на севере своих владений как-то стало не до Кореи. Совсем не до Кореи: в сентябре менее чем за месяц японцев вышибли с Сахалина и Курил. Причем товарищ Сталин (правда, после очень долгих споров и обсуждений с Сашей Суворовым, Светланой и Ольгой) согласился с тем, что японский остров Хоккайдо на самом деле является частью Курильских островов под названием Йессо...

Вообще-то японцы успели выстроить на острове неплохой аэродром, с которого Пе-8 и Пе-12 легко доставали до самых отдаленных островов самой Японии. А раз уж немцы в Иене героически выпускали более чем неплохие объективы к телеуправляемым бомбам, а промышленностью у Японии стало плоховато. Плюс потеря Кореи и Манчжурии, да и товарищ Мао к концу года выбил японцев практически со всего континентального Китая и готовил десант на Тайвань...

Кстати, после того, как Народно-освободительная армия Китая выпинала британцев из Гонконга, Гоминьдану тоже стало очень грустно...

Откровенно говоря, Валентина очень удивил тот факт, что при освобождении Курил японские войска практически не сопротивлялись: они слегка повоевали на Сахалине и на Парамушире, да еще несколько попыток сопротивления продемонстрировали на Хоккайдо, а в основном спешили сдать. При том, что «в старом мире» янки практически любой остров брали после затяжных и ожесточенных боев. Свое удивление он изложил на традиционной новогодней вечеринке, но Света ему эту «странность» объяснила очень просто:

— У японцев самые мотивированные и выдрессированные войска как раз на юге были, а с севера они никакого сопротивления вообще не ждали, не говоря уже о наступлении с нашей стороны — и здесь армия у них состоит из солдат третьего сорта. Да и промывка мозгов у них вся была направлена на борьбу с американцами, так что наше наступление даже у генералов вызвала глубочайший когнитивный диссонанс. Да и то, что наши самолеты их заводы сносят одной бомбой, репутацию нужную создало, а самураю сдать противнику, равному богам по силе, не особенно и стыдно. Я, правда, не совсем понимаю, что Иосиф Виссарионович собирается делать с японцами на Хоккайдо...

— Он ничего с ними делать не собирается, — вмешалась в разговор Оля, — этот вопрос мы со Струмилиным уже обсудили, всё подсчитали и Сталин эту проблему на нас перебрал.

— Продолжай, — заинтересовался Валя.

— Уже продолжаем. Василевский утром сообщил, что японцы предлагают переговоры...

— А на хрена нам переговоры?

— А на хрена нам Япония? Хирохито уже понял, что война с державой, за пару лет разгромившая фашистскую Германию вместе со всеми ее сателлитами, Японии не под силу, и предпочитает капитулировать перед нами, а не перед американцами. Потому что, если капитуляцию правильно обставить, это будет... это можно будет внутри Японии представить как договор между равноправными державами, подписанным без потери лица...

— Капитуляция? С потерей Хоккайдо и без потери лица?

— А ты Светочке спасибо скажи: она раскопала, что в договоре от тысяча восемьсот семьдесят пятого года, по которому Япония навсегда отказывалась от прав на Сахалин, особо указано, что если Япония этот договор нарушит, то ее права на Эдзо аннулируются в тот момент, когда Россия об этом заявит. Вот Россия и заявила, так что всё честно получается.

— Что, прямо так и написано? — удивился Валя.

— Ну, почти так, — усмехнулась Света, — но при острой нужде текст и так можно интерпретировать. А у Хирохито нужда не просто острая, а аж печёт!

— Короче, — продолжила Оля, — мы предложим японцам забрать своих с Йессо, а за это не будет оккупировать остальные острова и геноцидить джапов уже там.

— Думаешь, они согласятся?

— А им деваться некуда. Товарищ Мао уже забрал Окинаву и вообще все острова Рюкю до этой самой Окинавы, товарищ Ким Цусиму прибрал. И при этом оба, особс человеколюбием не страдая, от японцев острова зачистили капитально — но лишь от японцев, тех же окинавцев Мао трогать запретил. Так что некоторое восстановление численности японского населения в Японии поможет Хирохито хоть как-то сохранить японскую человеконенавистническую цивилизацию.

— А нам-то это нахрен?

— Нам просто некогда с ними возиться, да и возможностей экономических что-то там сделать у нас нет. Нам бы с Германией разобраться, а на японцев, если они снова оборзуют, бомбу всегда уронить можно будет. Вот только они еще долго оборзевать не в состоянии будут...

— Самое смешное, что янки такой исход войны вполне устраивает: им больше не нужно воевать, да и по окончании войны японцам придется под них стелиться. Мы-то джапам помогать не будем, так что с точки зрения внутренней политики в США тоже все будет очень красиво. А Рузвельту сейчас очень нужна такая бескровная победа: в Италии, конечно, Эйзенхауэр одержал чистую победу — но экономически Америка все же изрядно просела, да и Эйк приобрел слишком большую, по мнению демократов, популярность...

— То есть мы отдаем Японию американцам? — недовольно пробурчал Саша.

— Саш, мы никому ничего не отдаем, — сердито ответила ему Оля, — мы не знаем как справиться даже с тем, что успели забрать. Мао и Киму помогать надо, в Германии ордунаг наводить — надо, британцев перевоспитывать... кого еще забыла?

— Канаду, — с ехидной улыбкой напомнил геолог.

— Точно, и Канаду. Хорошо еще, что Рузвельт пока вроде помирать не собирается.

— Британцев ты, Оль, вычеркивай, — вступил в разговор Петруха. — Там товарищ Голованов перевоспитанием занялся, так что морское сообщение туманного Альбиона с

внешним миром полностью прекращено. По предварительным прикидкам Госплана у них запасов едва хватит где-то до марта, так что они или сдадутся, или вымрут за лето с голоду. А разведка доносит, что вымирать они категорически не желают.

— А янки за них не вступятся?

— А зачем? Сейчас американцам раздолье, они весело и с песнями подгребают под себя все Содружество наций. В Европе Италию под себя прибрали, сейчас Грецию дочищают...

— А разве мы греческим коммунистам не поможем? — спросила Ира.

— Ир, там такие коммунисты — фашисты рядом с ними белыми и пушистыми покажутся. Уж насколько местные греки были недовольны тем, что мы Солон Болгарии передали — но когда партизаны коммунистические пошли город «освободить», то вся старая городская полиция, которые поголовно греками были, тут же записались в ополчение городское — лишь бы не хлебнуть полной ложкой этого «греческого коммунизма». А жители Килкиса — после того, как этих партизан болгары из города выбили — приняли петицию в адрес Георгиева с просьбой принять район в состав Болгарии. Кстати, Эйзенхауэр не против, с ним вроде Толбухин подписал предварительную границу между Грецией и Болгарией по речке Вардар, которая в Греции называется Аксиос.

— Так может они просто против коммунизма...

— Георгиев официально заявил, что в Болгарии будет социализм строиться. Правда, у него по поводу формы этого социализма с Димитровым возникли серьезные разногласия...

— Ничего, я уже провела среди Сталина воспитательную работу, — рассмеялась Оля, — и он сказал, что Димитрова и особенно Коларова он постарается осадить слегка. Нам нужны все же процветающие и дружелюбные соседи.

— Ага, а кто проведет воспитательную работу среди него по поводу Германии? Он мне уже ругательную записку прислал...

— Ир, а кто на новых немецких марках портрет Бисмарка поместил?

— Но ведь не просто портрет, а с самой важной цитатой! И почему это Сталину не понравилась, я не знаю. Да и Бисмарк только на пятидесятке изображен. На марке — Бах, на тройке — Бетховен, на пятерке — Пахельбель...

— А Карлу ты вообще забыла хоть где-то изобразить!

— Ну, на десятке я Гёте поместила, а на двадцатке Шиллера — так что для Карлы просто банкнот не осталось.

— А если серьезно, — поинтересовалась Гуля, — почему ты Карлу решила проигнорировать? Знаешь же в какой стране мы сейчас живем.

— А если серьезно, то сейчас подсовывать немцам еврея на самой дорогой банкноте — это лишний раз среди них пробуждать страшилки о жидобольшевиках. Вот пройдет лет десять, правительство нормальное у них организуется — и пусть уже оно думает, какие деньги выпускать. Раз уж Сталин на меня взвалил задачу приведения немцев в чувство, то пусть мои решения и терпит!

— Да уж, пусть терпит выходки знаменитой немецкой писательницы, — довольно заржал Вася, — ибо нефиг гнобить германскую творческую интеллигенцию!

— Режиссера, ты хотел сказать? — удивилась Аня.

— Режиссер Ирочка у нас сугубо австрийский, а вот писатель — германский. Она по памяти воспроизвела Тима Талера, и роман уже в продажу в Германии поступил. Ира специально немецких лнотипистов в Боровичи притащила, еще двух художников не из последних — и эта команда за три недели книжку подготовила к печати, а теперь по десять

тысяч экземпляров в сутки мы печатаем и в Германию отправляем. Кстати, Ир, а какое следующее эпохальное произведение ты готовишь братскому германскому народу?

— Я немецкую литературу практически не знаю, а Тим Талер был единственной доступной книжкой с подстрочником, я по ней немецкий учила. Ну, в числе всего прочего. Так что нефиг от меня ждать покорения литературных вершин, хватит им и одной книжки. Меня и без того этот Гротеволь достает со всякими идиотскими вопросами, хотя книжка вообще детская.

— А как связана книжка и немецкий премьер?

— А он решил, что я очень хорошо разбираюсь в германской действительности и в германском менталитете, и постоянно лезет с вопросами как ему подать народу ту или иную инициативу.

— Ну, Отто — мужик вменяемый, — заметила Оля, — и достаточно грамотный. Просто еще не привык к ответственности, которую на него возложили как на предсовмина. Но вот то, что он нашел время еще и детские книжки читать...

— Он ее не читал, — с грустной улыбкой ответила Ира, — он ее печатал. Мне же грамотный печатник понадобился с хорошим немецким, вот я к нему и сунулась — а он с перепугу, не иначе, сам за работу взялся: он же по профессии как раз печатник и есть!

— Ну, если ты к нему при всем параде, с орденами и медалями...

— Да еще в маршальскими звездами, — заржал Вася.

— Не с маршальскими, — сердито ответила Ира, — не доросла я еще до них. С простыми погонами обычного...

— Генерал-полковника НКГБ! — закончил фразу жены Вася. — Тут не то что немецкий премьер тебе книжку печатать, тут и Молотов бы тебе на скрипке фонограмму для кино сбацал бы!

— Тьфу на вас на всех, вам лишь бы поиздеваться над бедной женщиной. А Сталин еще велел мне в депутаты баллотироваться... ну куда мне столько должностей?

— В какие депутаты?

— Верховного Совета. Мы же выборы сорок первого года из-за войны отменили, Сталин решил в феврале новые провести. Война-то закончилась...

— От Москвы баллотироваться будешь, совсем Боровичи бросишь вместе с мужем и детьми? — тонким голоском проблеял Вася.

— Фигу! От Боровичского Особого района депутатить буду. И, кстати, Свет, тебе на днях разрядка от Молотова придет на предмет проведения в районе агитации за меня, всю такую красивую и, блин, трудолюбиво-работоспособную. Так ты постарайся особо не стараться, даст бог и прокатят меня...

— Вячеслав Михайлович часом не заболел? Какая нахрен агитация? В городе достаточно шепотом раз в очереди в булочной сказать, что ты в депутаты избираешься — и на участке не протолкнуться будет! Изберут тебя единогласно, так что насчет прокатят ты даже не мечтай. И с честью носи что положено куда положено. А сейчас заканчиваем дебаты не по теме: через пять минут Иосиф Виссарионович будет поздравлять народ по телевизору! Шмапанское уже достато?

Света в своем предположении крупно ошиблась: шестого февраля боровчане не избрали Ирину единогласно. Потому что один голос был «против» (и все были абсолютно уверены, что это был голос самой Иры), но на результат это, конечно же, никак не повлияло. Хотя и заранее было понятно, что не повлияет: на выборах почему-то всегда побеждали выдвинутые

кандидаты. Почти всегда: в Восточном Туркестане и в Финляндии избирательные законы несколько отличались от общесоюзных, и там за место в Совете приходилось бороться нескольким кандидатам. Еще периодически проваливались «кандидаты единого блока большевиков и беспартийных» в Узбекской республике: мнение никогда в Узбекистане не бывавшей Гюльчатой Суховой тамошний народ принимал наравне с гласом Аллаха, так что пару раз «ненужные» Девятому управлению товарищи выборы с треском проваливали. Но это было редким исключением — и Ире предстояло спустя неделю «подремать на заседаниях Съезда», как она сама охарактеризовала мероприятие. Однако были и факторы, способные эту дрёму развеять...

Шестого февраля после обеда в кабинете Сталина собралась «теплая компания»: кроме хозяина кабинета там сидели Молотов, Струмилин и Берия.

— У кого какие возражения, замечания? — поинтересовался Иосиф Виссарионович.

— Если бы меня спросили... — начал Станислав Густавович и на несколько секунд замолчал, собираясь с мыслями.

— Ну так я тебя и спрашиваю, в чем дело-то?

— Лично я думаю, что Ольга Дмитриевна более чем неплохо разбирается в плановом хозяйстве. Но есть одно незначительное препятствие...

— Никаких препятствий, Ольга Дмитриевна прекрасно занималась, прекрасно занимается и прекрасно заниматься будет как раз нашим плановым хозяйством. А еще, что бы ты, Слава, не говорил, она еще попутно и совершенно на добровольных началах занимается плановым хозяйством Болгарии, Словакии, Кореи и Китая. Как она сама говорит, без фанатизма занимается, однако товарищ Георгиев ее предложения ценит очень высоко...

— А товарищ Готвальд ее разорвать готов, — с улыбкой заметил Лаврентий Павлович. — Она вывезла из Чехии завод по выпуску мотоциклов. Целиком вывезла, включая столы и табуретки в конструкторском отделе и два фикуса из кабинета директора.

— Это она правильно сделала, но не о ней речь.

— Женщина она, конечно, видная, и талантов у нее много, — высказался Вячеслав Михайлович. Но вот справится ли она с такой работой? К тому же она беспартийная.

— А я не против, — заметил Лаврентий Павлович. — А насчет справится — не справится... ведь мы не ее персонально на должность назначаем, а всё Девятое управление в полном составе. Они всё, абсолютно всё делают вместе. А вместе они сделают что угодно, и, в чем, надеюсь, никто не сомневается, сделают хорошо.

— Вот и прекрасно, — подвел итог краткой дискуссии Иосиф Виссарионович. — Вячеслав, козлобородому ты скажешь?

— И не подумаю. Пусть это будет таким маленьким сюрпризом...

Четырнадцатого февраля состоялась первая сессия Верховного Совета нового состава, а еще в воскресенье Сталин пригласил Ирину «на обед»:

— Ирина Алексеевна, мы все знаем ваши заслуги перед советской культурой, ровно как и перед советской авиационной промышленностью. Больше того, вас знает практически вся страна...

— Спасибо за комплимент, но я...

— Я не закончил. И есть мнение, что если известного всей стране депутата Верховного Совета этот Совет единогласно изберет Председателем Президиума, то это будет правильно.

— Иосиф Виссарионович, я к вам со всей душой, вон даже обещанную сказку привезла на просмотр — а вы мне такое... За что? — голос у Иры был «жалостливый», но глаза

смеялись.

— Сказку? Сказки я люблю. И нас радует, что возражений на наше предложение от вас мы не услышали. Товарищ Берия искренне убежден, что вы с предлагаемой работой прекрасно справитесь, просто потому справитесь, что вы вот уже много лет всегда всё делаете совместно. И товарищ Молотов тоже думает, что эту традицию стоит сохранить. Вы, надеюсь, и сами понимаете, что до полного завершения войны эта должность является... как вы сами любите говорить, декоративной. Но декорация должна быть привлекательной. И не только внешне, — Сталин улыбнулся, увидев — впервые за все время — что Ира немного покраснела, — но в ГКО сложилось единодушное мнение, что сейчас нам будет очень трудно найти кого-либо, сравнимого с вами по привлекательности среди народа. Однако должен предупредить: с окончанием войны вам предстоит не только представлять Советскую власть, но и эту власть непосредственно осуществлять.

— А в чем это осуществление должно заключаться? Я буду подписывать указы, постановления и законы, которые разработают в комиссиях? Это я могу, по моим подсчетам получается где-то по пять подписей в день ставить. А если шустрого курьера подобрать, то делать это смогу даже не выходя из кабинета министра культуры.

— Боюсь, что совмещать должности у вас не получится. Но ведь наверняка в министерстве у вас есть толковые заместители?

— Нету у меня заместителей... но человека на министерство я, пожалуй, посоветовать могу. Например, секретаря МГК Екатерину Фурцеву: женщина в культуре разбирается более чем неплохо. За ней, конечно, какой-то присмотр нужен, но я присмотрю. И на первых порах подучу — хотя тут больше административные навыки нужны, а у нее они есть уже.

— Пишите приказ... по Девятому управлению, от сегодняшнего числа, о переводе этой Фурцевой в Минкульт вашим заместителем. А указ о вашем освобождении в связи с переходом на другую работу мы во вторник проведем — так бюрократии меньше будет, да и вопросов лишних никто задавать не станет.

— Сделаю. А Калинин в курсе?

— Пока нет, но ему это и не надо. А вы тем временем и о новой работе подумайте: сейчас британцы уже созрели до подписания капи... мирного договора, и от Советского Союза его подписывать будете уже вы. Я искренне надеюсь, что на церемонии вы все же не будете их посылать... куда-нибудь.

— Как вы хотя бы подумать о таком могли? — Ира с трудом сдерживала смех. — Я мирный договор подпишу, не сказав ни одного невежливого слова, больше того, жеста себе не позволю неуважительного, даже намек на жест.

Вечером, рассказывая о предложении Сталина Светлане, Ира — упомянув свое обещание Сталину — ехидно захихикала.

— Ты решила Сталина обмануть?

— Упаси господь! Но английский язык, да еще для коренного британца, дает столько возможностей! Я же в Хэрроу училась и прекрасно знаю разные тонкости произношения. Эти лорды после общения со мной предпочли бы, чтобы их прилюдно обоссали на площади дабы меньше опозориться: меня-то в этой школе специально учили как деталями произношения показать человеку, что ты глядишь на них как на говно. И, что самое забавное, они это поймут, а вот окружающие — нет, так что хрен придерешься.

— А они не затаят?

— А даже если? Сталин сказал, что подписание договора предполагается в Париже, так

что пусть свои затайства домой увозит. Жалко, что я французский так же глубоко не изучала. Впрочем, этот длинный генерал все равно не понял бы языковых изысков, ему нужно открытым текстом все говорить — а нельзя. Ладно, раз уж партия и правительство возложили на меня эту тяжелую ношу, давай впрягайся. И для начала разложи мне в деталях международные расклады и возможные перспективы их развития...

Двенадцатого марта в Елисейском дворце состоялась церемония подписания мирных договоров между СССР и Францией и между СССР и Англией. С французской стороны ми подписывал Де Голль — и «стороны разошлись довольные друг другом», хотя французская сторона и корчила страшные рожи: пресловутые Эльзас и Лотарингия по этому договору отходили «на вечные времена» Германии. Британцы понесли гораздо меньшие территориальные потери: им пришлось всего лишь передать во владения СССР две группы северных островов и отказаться от Ольстера в пользу Ирландии. Вероятно, в момент подписания договора скрип зубовный раздавался над всей Англией — но деваться британцам было просто некуда: ультиматум Сталина иных вариантов не предполагал. То есть предполагал — продолжение морской блокады...

Когда полгода назад СССР объявил пятидесятимильную зону вокруг островов «зоной боевых действий» и сообщил, что там будут топиться любые суда любого государства, Черчилль лишь злобно хмыкнул — но уже через месяц от самоуверенности его вообще ничего не осталось. Ведь в небе круглосуточно висели несколько «летающих радаров» и к любому судну, вошедшему в указанную зону, немедленно вылетала группа советских бомбардировщиков. Которые просто топили это судно, невзирая ни на что. Любое судно любой страны: сверху же не видно, какой на судне флаг — так что уже через неделю ни один капитан не рисковал приблизиться к Альбиону. И очень скоро на острове стало просто нечего жрать...

А еще ежедневно советские самолеты прилетали на бомбардировку промышленных предприятий. Причем Советы заранее по радио сообщали, какие именно предприятия будут сегодня уничтожены — и всегда обещание выполняли. Так что сэр Черчилль прибыл в Париж с очень тяжелым сердцем (и тремя ящиками старых русских драгоценностей: Советы согласились не делать из передачи «ранее похищенных российских ценностей» шоу на весь мир, позволив Британии хоть немного «сохранить лицо»). Но когда новая русская дама-президент произнесла свою речь, Черчилль внутренне чуть не закипел. В особенности, что шведский король Густав, который и организовал в основном эти мирные переговоры, понял, что она, собственно, сказала. Да, британский нобилитет до тонкостей отработал речевые намеки на презрение к собеседнику — но как эта русская тетка смогла столь виртуозно воспользоваться древним английским опытом? К счастью, кроме них двоих это никто больше не понял — так что британец постарался взять себя в руки и подпись на бумаге поставил.

Третьим «подписантом» был Леопольд Третий — но Бельгию-то русские просто «освободили», так что договор с ним был почти не унижительным. Просто Советы в качестве вознаграждения за это освобождение попросили право торговли с бельгийскими колониями — и Леопольд в знак благодарности милостиво им такое право предоставил — ну, внешне это именно так и выглядело. Но Черчилля бесило не откровенное унижение его лично и даже не унижение Британии: больше всего он возмущался тем, что янки во время мирных переговоров полностью встали на сторону русских. Ну да, они уже в Индии свое представительство организовали, а Австралия целиком под янки легла...

Де Голль — на правах «хозяина страны» — вышел проводить Ирину к автомобилю, на котором она должна была ехать к аэродрому. Правда, хозяином он был еще чисто номинальным: охрану дворца несли русские солдаты и — в гораздо больших количествах — солдаты немецкие. То есть во дворце были только русские солдаты, а на Елисейской улице стояли уже немецкие. И там же, на улице, стоял и странный автомобиль русской главы государства — так что генерал проводил ее до автомобиля и некоторое время стоял, глядя, как машина удаляется в сторону Фобур Сент-Оноре. Правда думал он сейчас о том, что уже завтра здесь немецких солдат уже не будет...

Когда раздалась очень громкая очередь, именно немецкий солдат, прыгнув, повалил генерала на землю и прикрыл его своим телом. Забавно, подумал Шарль, немецкий солдат героически — и абсолютно глупо — пытается спасти французского президента. Глупо потому, что француз, в боях побывавший, сразу по звуку понял, что стреляет автоматическая пушка. Мелкая, «Эрликон» двадцатимиллиметровый, но все же пушка.

А затем раздались выстрелы вроде как из пистолета, потом выстрелы прекратились и до слуха француза донесся громкий (и, похоже, совершенно неприличный) крик на немецком языке это удивительной дамы, который в приблизительном переводе означал «не трогать этих нехороших подранков, суйте их в мою машину». Солдат слез с Де Голля, помог генералу подняться — и он увидел, что эта русская дама очень спокойно шагает от машины к нему:

— Господин президент, вынуждена отметить, что данный неприятный инцидент произошел мало что на территории Франции, но и напротив президентского дворца. Я не могу вас винить в произошедшем, поскольку вы еще не успели должным образом организовать силы правопорядка, но, надеюсь, Франция оплатит ремонт моего автомобиля...

— Франция его вам и отремонтирует! Или, скорее, выстроит вам новый...

— Исключено, по крайней мере в ближайшие лет десять: Франция не располагает требуемыми технологиями. Но вы не волнуйтесь, это обойдется недорого: новое стекло взамен треснувшего стоит около шести тысяч американских долларов вместе с работой, вмятины на кузове выправить... чуть дороже вероятно, но тоже вполне бюджетно. Я вам счет где-то через недельку пришлю: машина-то моя личная, а в СССР автомобильная страховка ущерб от артобстрела не покрывает.

Только тут Де Голль обратил внимание, что госпожа Лукьянова держит в руке пистолет.

— Вы собирались стрелять по нападающим? — удивился он.

— Что значит «собирались»? Они стали стрелять в меня, я прострелила им шаловливые ручки... и ножки, чтобы далеко не убежали. Надеюсь, французская полиция не будет меня арестовывать за нарушение общественного порядка? Ведь это — чистая самозащита, — дама рассмеялась. — Ладно, мне пора, было приятно с вами познакомиться...

Уже дома, в Боровичах — куда Ира прилетела из Парижа — она высказала мужу все, что о нем думала:

— Ты был совершенно прав, когда заставил меня ездить по Парижу в твоём титановом бардаке. Честно говоря, не ожидала: очередь из эрликона практически в упор — и только борт немного помят.

— А ты плохо меня слушала: нужно было не с пистолетом на них лезть, а шархнуть из КПВТ, который на башне установлен.

— Ну, во-первых, меня стрелять из КПВТ никто не учил. А во-вторых, у нас бы тогда

было не три источника информации, а три куска фарша. Ладно, больше я по всяким Франциям ездить не буду, у меня и в СССР дел овердофига. Гуля сказала, что завтра утром у нас будет вся информация по заказчикам, Лаврентий Павлович ждет. И информацию, и меня тоже.

— Иосиф Виссарионович тоже. У него внезапно возникли очень интересные предложения для Де Голля.

— От которых невозможно отказаться? А кто эти предложения придумал? Петруха?

— Светка. Вот умеет она в исторической перспективе думать!

— Всё. То есть «ой, всё», пойду спать, завтра вставать рано. Только ты, пока меня здесь не будет, сделай еще десяток-другой таких же «бардаков». А то ждать, пока треснувшие окна в нем меняют, некузяво. Времени на это нет. У меня нет, да и у всех нас. Договорились?

Что остаётся нам в наследство от наших дедов и отцов

Восемнадцатого декабря состоялось «внеочередное совещание руководства», причем состоялось оно — по просьбе «малой девятки» — на даче Сталина в Кунцево. И «совещаться» туда приехали — кроме всего руководства Девятого управления — Струмилин, генерал-полковник Митрофан Неделин, Лаврентий Павлович — как руководитель МГБ, а так же три никому неизвестные ранее женщины. С собой сотрудники «девятки» притащили несколько больших коробок, а еще два деревянных ящика едва поместились в кузов грузовика, и Сталин, вышедший встретить гостей, с некоторым ехидством поинтересовался у суевающейся возле грузовика Гули:

— А не проще ли было бы ваши грузы нам посмотреть где-нибудь в более удобном месте? В институте каком-то, например — а то эти ящики только разгружать будут пару часов, не меньше.

— Ничего, Иосиф Виссарионович, тут груз объемный, но не очень тяжелый. И он именно здесь и нужен. А разгрузим мы его позже, это не к спеху.

— Ну тогда заходите, начнем...

— Прежде всего, — начала разговор Гуля после того, как все расселись за столом, — позвольте представить новых гостей. Это — она указала рукой на трех сидящих рядом с ней женщин — личные врачи Иосифа Виссарионовича, и с сегодняшнего дня они будут вести постоянное наблюдение за его здоровьем.

— Мне кажется, Гюльчатая Халматовна, что вы несколько... ошиблись. У меня уже есть врачи, и мне кажется, что с работой они вполне справляются.

— Это вам кажется. Я не хочу сказать, что ваши прежние врачи — она выделила голосом слово «прежние» — имеют низкую квалификацию, но они в любом случае всего лишь врачи общей практики, а новые доктора — профессиональные геронтологи, то есть специалисты по части проблем людей в возрасте. А с возрастом у людей, к сожалению, возникают проблемы, с которыми большинство докторов просто не знакомы, а потому решить их не могут.

— А не много ли вы на себя берете?

— Иосиф Виссарионович, когда человеку исполняется семьдесят лет — кстати, поздравляю с юбилеем — лучшее, что он может сделать по части личного здоровья — так это неукоснительно исполнять предписания специалистов. Причем, хочу особо заметить, лучших специалистов в мире. Это я не хвастаюсь и не хочу как-то возвысить этих милых женщин в ваших глазах — но в мире просто других специалистов такого уровня нет. Хотя бы потому, что никто еще настолько серьезно вопросами геронтологии не занимался...

— Вы что-то точно напутали: отмечать день рождения я буду несколько позже, к тому же отмечать шестьдесят девять...

— Иосиф Виссарионович, через три дня шестьдесят девять будет товарищу Сталину, — и Гуля указала рукой на висящий на стене портрет. — А Иосифу Виссарионовичу Джугашвили сегодня исполняется семьдесят... вы что, всерьез думали, что мы этого не знаем? Ну так вот: нам, девятому управлению, всему Советскому Союзу да и мировой общественности в целом крайне важно, чтобы здоровье товарища Сталина было прекрасным. Мы — в данном случае пока лишь Девятое управление — категорически не желаем, чтобы

через три-четыре года товарищ Сталин нас покинул. Поэтому товарищу Джугашвили придется подчиниться специалистам по его личному здоровью, хочет он этого или нет.

— На счет желаний Девятого управления я понимаю, и, скорее всего, вы правы и с Советским Союзом, — усмехнулся Сталин, — хотя, безусловно, и у нас многие мне здоровья бы не пожелали. А вот по поводу мировой общественности...

— Скажу проще, — в разговор вмешалась Ира. — Нормальные отношения с Китаем и с Кореей целиком определяются тем, что и Мао, и Ким очень уважают лично вас. Вас не станет — и СССР просто разосрется сначала с Мао, а затем, скорее всего, и с Кимом отношения серьезно испортятся. Опять же, наши дружеские связи с Боливарианским союзом тоже в значительной мере обусловлены отношением тамошнего населения лично к вам. И сейчас, когда Бразилия всерьез рассматривает вопрос о вхождении в состав этого Союза...

— Обложили тебя, — усмехнулся Станислав Густавович, — и ведь даже возразить не получается.

— Надеюсь, вопрос с медициной мы решили, — продолжила Гуля, — а в ящиках на улице специальная медицинская аппаратура, которую нужно будет здесь поставить.

— А теперь давайте перейдем к торжественной части, — поднялся Валентин, — и подарок к вашему дню рождения покажет Митрофан Иванович. А чтобы у него показ вышел... Петруха, ты где?

— Уже несу, — с этими словами Климов вместе с Власиком втащил в комнату большую коробку и вытащил из него телевизор. — Где тут антенный кабель спецсвязи? Ага... ну я включаю.

— Прямая трансляция с космодрома «Тюратам», — прокомментировал Митрофан Иванович появившуюся на экране картинку. Откровенно говоря, сделать это спокойным голосом ему удалось с трудом — но все же удалось.

— Вы научились по телевизору передавать изображение в цвете? — удивился Струмилин. Сталин тоже удивился, но не подал виду, а Берия — он первую пробную трансляцию успел еще вчера посмотреть.

— Это не мы научились, — ответил Неделин, — это артель «Изумруд» из Новгорода постаралась. Сейчас они готовятся к серийному выпуску цветных телевизоров, обещают в марте продажи населению начать. А вот то, что на экране — это работа Минобщемаша, конкретно — товарища Янгеля. Межконтинентальная ракета, способная донести изделия Средмаша до вероятного противника примерно за сорок пять минут. Но сейчас мы попытаемся произвести запуск искусственного спутника Земли. Спутника связи: если все получится, то через месяц у нас будет на орбите уже шесть таких спутников и мы сможем транслировать передачи московского телецентра по всей территории СССР. Теоретически, все же сначала потребуется и наземные станции выстроить.

— У нас уже есть шесть таких ракет? — поинтересовался Сталин, вглядываясь в изображение на экране телевизора.

— У нас есть уже десять таких ракет, но Михаил Кузьмич оценивает вероятность успеха процентов в семьдесят. Обещает, что через год, максимум полтора, надежность ракет вырастет до примерно девяносто пяти процентов и их можно будет принимать на вооружение, — ответил Неделин. — Однако Девятое управление считает, что запуск спутника откладывать не стоит: нужно продемонстрировать американцам, что мы их уже сейчас можем достать в любой точке планеты. Я думаю, Ирина Алексеевна лучше меня объяснить необходимость такой демонстрации...

Перед экраном телевизора собравшиеся провели больше часа: подготовка к пуску шла «по расписанию» и, по большому счету, пока ничего интересного видно не было. Поэтому разговор как-то незаметно вернулся к «проблемам здоровья». Причем теперь на вопросы Сталина отвечали «новые врачи»:

— Если не вдаваться в подробности, — первой ответила выглядящая самой молодой женщина, представленная как Ольга Чаплыгина, — для мужчин переломным является возраст в шестьдесят пять — семьдесят лет. В этом возрасте резко замедляются процессы регенерации, возрастает риск разрушения сосудистой системы, могут появиться серьезные проблемы с сердцем — но при определенной медикаментозной терапии все эти проблемы можно если не устранить, то существенно купировать. Проще говоря, если вы, Иосиф Виссарионович, будете регулярно принимать назначенные препараты, то мы вас дотянем минимум лет до девяноста, причем с большой степенью вероятности с полным сохранением ясности мышления. Гюльчатой Халматовна уверена, что болезнь Альцгеймера вам не грозит, а насчет болезни Паркинсона у нас есть уже обнадеживающие результаты по части лечения. Нет, у вас ее тоже не наблюдается, но береженого, как говорится, и бог бережет.

— В роли бога, — усмехнулся Сталин, — сейчас выступает Гюльчатой Халматовна...

— А вот ни хрена, — решила уточнить Ира. — Гуля у нас хирург, а со старческими болезнями у нас как раз институт геронтологии бороться готовится.

— А вам не кажется, что создавать институт для лечения, причем когда-нибудь в будущем, одного товарища Сталина...

— А вы бы, товарищ Джугашвили, — «сердитым» голосом прервала его Ира, — постеснялись бы свои неверные умозаключения среди молодежи озвучивать, — и она показала рукой на «молодых докторов». — Вы в стране не один старик, а все предписанные ими вам препараты уже массово в Союзе производятся и, по мнению специалистов из Медакадемии, по крайней мере миллиону советских стариков они уже обеспечили лет по пять дополнительной счастливой жизни.

— Ну вот, меня уже в старики записали, — повернулся Сталин к Струмилину.

— А что? Даже я не смогу назвать тебя молодым человеком, — усмехнулся тот.

— Ну, допустим, я погорячилась, — сказала Ира уже нормальным голосом. — Но в любом случае вы человек уже пожилой... смотрите: старт начинается! — И, повернувшись и Свете, тихо добавила: — не пятисотка, конечно, но тоже красиво.

Берия и Сталин молча переглянулись...

Двенадцатью часами позже Дуайт Дэвид Эйзенхауэр хмуро смотрел на Дугласа Макартура. Но от этого произносимые начальником Генштаба слова приятнее не становились. Впрочем, и сам президент США придумать хоть что-то, ситуацию хоть немного улучшающее, не мог пока, так что — по старой привычке всех политиков — постарался «возложить вину на предшественника»:

— Если бы Франклин не позволил русским создать эти концессии в Канаде...

— Да срать на эти концессии! Ну да, русские выгребают уран из пары месторождений побогаче, но и того, что осталось, нам могло бы лет на двести хватить. Проблема не в этом...

— А в чем тогда проблема?

— Проблема в том, что эта сумасшедшая тетка не блефует! Умники Даллеса подтвердили, что зарядов, подобных тому, что они показали Рузвельту на Маккензи-Кинг, у них действительно десятки, если не сотни. Аллен к тому же утверждает, что у них действительно есть и изделия раз в пять мощнее...

— А почему они Рузвельту не показали более мощный вариант?

— Разведка утверждает, что сами русские свои мощные бомбы называют «грязными», и после их применения на пораженной территории вообще никакая жизнь будет невозможна. Почти никакая: у них по этому поводу ходит поговорка, что выживут одни тараканы. А нам они показали бомбу «чистую», и я, честно говоря, даже смотреть не хочу на то, что может сделать грязная. Как ты знаешь, я лично побывал на Макензи-Кинг... наши яйцеголовые говорят, что мощность взрыва составляет от семи до десяти миллионов тонн в тротиловом эквиваленте, но русские «успокаивают»: всего лишь пять. Пять миллионов тонн! Которые доставил один-единственный самолет!

— Что нужно, чтобы и у нас была...

— Забудь. У них есть — действительно есть — бомба в пять раз более мощная, чем они взорвали в Канаде. И они предупредили, что ее хватило бы, чтобы весь этот остров просто вбить вглубь планеты на полмили! Правда эти чертовы физики говорят, что русские преувеличивают, там от силы футов на триста остров опустился бы... извини, это я нервничаю, вот дурацкие шутки и прут из меня. В общем так: полтора года работы лучших наших кадров дали очень простой результат: такую бомбу, какую взорвали русские, на современном уровне развития науки создать невозможно. Этот хилый еврейчик как-то рассчитал — а все остальные участники проекта с ним согласились — что урановую бомбу мощнее пятидесяти тысяч тонн сделать невозможно в принципе. Причем Уилсон, который руководил этой группой мозгоклюев, в частной беседе сказал мне, что Ферми результат раза в два-три преувеличил, потому что считал идеальный случай, которого на практике достичь невозможно.

— А русские сделали бомбу в сто раз мощнее идеальной...

— Уилсон считает, что русские сначала сделали именно урановую бомбу, но в процессе ее изготовления или при испытаниях получили какие-то новые результаты, которые в уме просчитать невозможно. Так что если мы тоже пройдем по этому пути и у нас будет своя урановая бомба...

— Ты не понял моего вопроса. Урановой бомбы у нас не будет, забудь.

— Но почему? У Теллера, который работал в группе Уилсона, есть идеи, как можно сделать бомбу раз в десять мощнее урановой...

— Я же сказал: забудь! Президент Лукьянова действительно не блефует: раз она сказала, что если мы попытаемся сделать свою бомбу, то на головы мозгоклюям рухнет бомба русская, то так оно и будет. Я тебя же позвал не за тем, чтобы обсуждать, можем мы бомбу сделать или не можем — мы не можем, и с этим нужно смириться. По крайней мере на ближайшие годы или даже на десятилетия... Лукьянова предложила нам подписать договор об открытом небе, по которому их самолеты со специальной аппаратурой смогут беспрепятственно и в любое нужное им время летать над нашей территорией...

— Ну, наглости у русской дамочки...

— С самолетов, по ее словам, они смогут распознать, ведем мы работы над, как она выразилась, мирным атомом или над бомбой. А без самолетов они будут просто вынуждены бомбить все, что будет связано с исследованиями по урану.

— Никаких русских самолетов! Кто поручится, что они на борту не притащат свою бомбу? У нас уже есть свои реактивные истребители, и мы их сделаем, если потребуется, тысячи, десятки тысяч — но ни один русский самолет с бомбой в США не залетит!

— Ты опоздал делать истребители. Русские прошлой ночью запустили искусственный

спутник Земли, и другие мозгоклюи уже подсчитали, что такая ракета может доставить пятитонную бомбу в любую точку США. А ракет у них уже тоже много: по радио русские объявили, что в течение месяца они собираются запустить уже шесть спутников...

— И что тогда нам делать?

— Я думаю, что договор можно подписать: пусть они летают. Ведь со спутника они могут действительно что-то неправильно определить, а ведь мы и в самом деле можем заняться разработкой урановых электростанций. Должны заняться: Лукьянова передала нам довольно много информации по этой части...

— А на электростанции наработать плутоний и...

— Я внимательно прочитал то, что она нам передала. В частности, там крайне не рекомендуется даже пытаться изготовить плутониевую бомбу. В документах указано, что плутоний весьма неустойчив, разные... как это называется, изотопы ведут себя очень по-разному, и с вероятностью в пятьдесят процентов бомба просто не взорвется, заразив очень ядовитым плутонием землю.

— Но другие пятьдесят процентов...

— А с вероятностью в пятьдесят процентов она взорвется в процессе изготовления — и русские абсолютно в этом уверены! Так что пока мы действительно займемся урановыми электростанциями, а когда наберемся знаний...

— Я понял. Но тогда не очень понятно, зачем ты меня пригласил.

— Уточнить кое-что, и все что хотел узнать, узнал. А ты... сейчас всю команду Уилсона переориентируй на разработку энергетических реакторов.

— Но ведь чертова баба тебе передала документацию по ним?

— Это не документация, а какие-то результаты научных исследований, с помощью которых реакторы можно сделать. Она открытым текстом мне сказала, что русские ученые заплатили за полученные ими технологии здоровьем и даже жизнью, и у США не хватит денег, чтобы компенсировать их утраты. Но если американские ученые захотят помочь своей стране...

— Надеюсь, ты не станешь мозгоклюям рассказывать про утраченное здоровье.

— Не стану. И теперь по ракетам...

— Самая мощная, которая у нас есть, может донести полтонны на пятьсот миль.

— По непроверенным источникам, у русских есть ракета, которая доставляет полторы тонны на две тысячи миль.

— И они с помощью нее запустили спутник?

— Нет, я говорю о ракете, которую они могут запустить с подводной лодки. С подводной лодки, а не с линкора! Мне эта идея понравилась... займись. Лично займись, найди тех, кто сможет сделать такую ракету... и лодку заодно. Кстати, по тем же слухам, эта лодка у русских тоже ходит с урановым реактором и может по полгода на поверхность не подниматься. Аллену я уже поручил уточнить по этой части все, что возможно — но, надеюсь, у нас в стране и своих инженеров достаточно? Если им платить столько, сколько стоит такая работа...

— Вообще-то у меня другая работа...

— С сегодняшнего дня — нет. Ты не оправдал доверия президента и подал в отставку, а начальником штаба пусть послужит Маршалл. А то, что тебе подыскали место в какой-то мелкой военной конторе, зарегистрированной в Талсе, Оклахома — так это вообще твое частное дело. Официально там на базе старой верфи занимаются системами спасения при

авариях на подводных лодках, с бюджетом подразделения около пары миллионов в год, а реальный бюджет, который будет проведен по закрытым статьям, ты мне назовешь через месяц. И подумай, кто у нас займется поиском и добычей урана. Цена большой роли не играет: чтобы приготовить из него хотя бы топливо для предлагаемого русскими реактора, потребуется потратить тысячи долларов на фунт, так что будет стоить этот фунт пару долларов, как у русских в Канаде, или полсотни — это вообще неважно. Важно, чтобы мы начали эту работу, и чтобы русские увидели, что мы бомбой не занимается. А как потом спрятать... Аллен говорит, что у русских где-то в Сибири в сплошном граните выдолблены многокилометровые шахты. И для начала нам нужно понять: обязательно ли долбить гранит или хватит готовой угольной или медной шахты.

— Выясним. А когда ты будешь подписывать этот договор с русскими?

— Лукьянова специально прилетит к нам через неделю... через неделю после того, как мы заявим о согласии на подписание. Я им сообщу об этом уже сегодня.

— И как она не боится прилетать к нам?

— Она на самом деле не боится. Потому что знает, что мы знаем, что она — всего лишь декоративная фигура.

— Президент России — декоративная фигура?

— В СССР правит Сталин, а она... она даже не ширма дядюшки Джо, за ней — да и за спиной самого Сталина — стоит еще кто-то. Кто-то, кто пятнадцать лет назад посеял панику среди занимающихся ураном физиков, кто по сути остановил все исследования в этом направлении. И кто в результате обеспечил Советскому Союзу шанс на власть во всем мире. И твоя задача — сделать так, чтобы они этот шанс утратили...

Традиционное празднование Нового года в Боровичах проходило не очень весело, и больше всего настроение всем портила угрюмая физиономия Ирины. Вася попытался ее развеселить, рассказывая всякие смешные истории — но успеха на этом поприще не сыскал. А после выступления Сталина, транслируемого по телевизору, Ира как-то окончательно сникла.

— Ир, что такого плохого у нас случилось, что ты даже на празднике сидишь с такой рожей, будто хоронить кого-то собралась: — поинтересовалась Гуля.

— У нас плохого ничего, у нас все хорошо.

— А чего тогда ты вся в печали?

— Я не в печали, я вообще-то в бешенстве. Просто дома беситься и на вас злость свою срывать не хочу.

— Так, — к разговору присоединилась Света, — а по какому поводу бесишься? Может мы поможем этому поводу уйти в мир иной? Петруха что-то давно дурака валяет, ему размяться было бы неплохо.

— А что Петруха сделать-то может? То есть может, конечно, но лучше-то не будет! Товарищ Мао... — тут Ирина замолчала.

— Так, и что этот правый эсэр отмочил на этот раз?

— Почему эсэр? — удивилась Ира. — Он же вроде как коммунист у нас.

— А потому что идеология маоизма к идеологии коммунизма отношения не имеет. Опора на крестьян — это и его основа, и основа идеологии как раз эсэров. Ну еще товарищ Мао ее сильно разбавил традиционным китайским конфуцианством и дремучим европейским национализмом. Смесь получилась довольно гремучая...

— А для простого советского труженика объяснить можешь? А то я что-то не совсем

поняла.

— Объясняю: для Мао все не китайцы — говно. А вот китайцы — они тоже говно, за исключением самого товарища Мао и партийной верхушки, но не всей, а лишь той части, кто товарища Мао готов обожествлять. А если учитывать, что Мао окончил лишь традиционную конфуцианскую школу, а про марксизм лишь кое-что слышал в пересказах не менее неграмотных соратников...

— Понятно теперь. Сталин ему выстроил тракторный завод, рассчитанный на выпуск трехсот тракторов в сутки, а там едва полторы сотни делать как-то успевают, да еще сотня из этих полутора сразу ремонта требует. А ты мне тогда расскажи, чем Ким отличается: у него такой же тракторный завод на сто двадцать процентов загружен, на Йессо теперь трактора их Кореи в колхозы идут и народ их очень даже хвалит.

— Товарищ Ким успел побыть советским офицером и товарища Сталина практически боготворит. Не, не в этом смысле — но советы, которые ему Оля по экономике дает, он воспринимает как руководящие указания от Сталина. А Оля плохого не посоветует...

— Оля скоро от всех этих зарубежцев с ума сойдет от перегрузки, — отозвалась Ольга. — Хорошо еще, что Сашка пальцем показал, где геологам в Корее всякое полезное искать, и они почти все нужное уже нашли. А так как Ким молча указания исполняет... Вот интересно, у японцев в Маньчжурии и в Корее промышленность была почти одинаково развита, причем в Маньчжурии даже побольше — но у Кима вся эта промышленность цветет и пахнет, а у Мао катится в сраное говно. И это мне не очень понятно: народ-то и там, и там трудолюбивый.

— У нас народ тоже трудолюбивый, — философски заметил Валера, — но пока страной правили верные ленинцы, все разваливалось ударными темпами — и лишь когда Сталин этих ленинцев терминировал, началось развитие. Ким ставит промышленное развитие выше идеологии, у него до сих пор ни один инженер из тех, кто на японцев работал, ни наказан никак и они все даже уровень жизни повысили. В стране практически жрать нечего, но инженер, скажем, с металлургического завода ездит на собственном автомобиле, у него дома и холодильник стоит, и радиолы шведская...

— А почему шведская? — тут уже удивился Вася. — Мы же лучше делаем!

— А потому что шведы наши радиолы суют в ящик из красного дерева и чуть ли не золотом их инкрустируют, а для корейца такая коробочка — символ красивой жизни. Но это Ким тоже учитывает, у него уже три завода по выпуску радиоприборов выстроены и на одном уже в январе начнут делать радиолы в корпусах из какого-то уже корейского супер-пупер дорогого дерева с ручной резьбой и маркетри из дерева, слоновой кости, серебра и перламутра на корейские традиционные темы. Он один такой девайс Сталину на день рождения уже прислал... ну, на официальный день рождения. Очень даже неплохо смотрится, хотя я бы домой такой и не взял.

— Да срать нам на Мао, — заметил Саша, и ты, Ира, на него... наплюй.

— Да я бы наплевала, но Иосиф Виссарионович наметил для китайцев очень нехилую программу помощи — а если результата от этих, прямо скажем, многомиллиардных вложения не будет, то кто окажется виноват? Глава Верховного Совета!

— А если учесть, но по факту главой совета назначены мы все тут собравшиеся... — задумчиво произнесла Света. — Петь, я тут думала-думала, вспоминала-вспоминала историю... У китайцев сейчас в руководстве — то есть на уровне, принимающем государственные решения — есть один относительно вменяемый товарищ. Который, во-

первых, понимает русский язык — потому что в Москве учился, хотя и недолго. Во-вторых, он сейчас заведующий секретариатом ЦК КПК. В третьих, хотя он по факту учился в Москве у Бухарина, в пучины троцкизма не углубился. И хотя он, я бы сказала, страдает излишней гибкостью позвоночника, он его гнет не в личных целях, а на благо страны. А так как янки сейчас считают Китай коммунистической страной и помогать китайцам не будут, то товарищ Дэн был бы для нас оптимальным вариантом.

— Так, Мао... кто еще? — поинтересовалась Гуля.

— Всего пятеро, я сейчас не всех помню, но вспомню. Главное, что там есть такая группа, которую у нас китайцы называли «восьмерка бессмертных» — только это не даосские святые, а вполне себе живые люди — и если Дэн станет главой партии, то эти ребята очень быстро в Китае наведут порядок и гоняться за воробьями не станут.

— Ты мне про воробьев как-нибудь расскажи, — усмехнулся Петя, — а то ты говоришь об этом так, как об известном всем и каждому и я чувствую себя идиотом.

— Чувствуй дальше, а сначала скажи: есть у тебя люди, которые могут в Пекине незаметно поработать?

— У Лаврова в Урумчи есть очень неплохая команда... Гуля, когда ты все нужное подготовишь, скажи — я туда слетаю быстренько.

— Можешь уже завтра лететь. Я знаю, что приготовить, но на работу недели две уйдет: сейчас Аня сильно занята.

— Я могу прерваться, — отозвалась та, — ведь эта работа-то срочная?

— Ань, не дергайся: сначала вы запускаете Воронежскую электростанцию, а потом уже расслабишься и нахимичишь то, что Пете нужно будет. Спешить всяко не выйдет, я еще кое-что проверить должна, чтобы определить дозировки, которые будут недоступны нынешним экспертам.

— Ну вот, опять на праздник мы обсуждаем, кого и как на тот свет отправить, — вздохнула Оля.

— Нет, — ответила ей Света, — мы обсуждаем, как спасти очередные миллионы людей. Мао во время своего большого скачка убил от двадцати до пятидесяти миллионов человек, а если этого скачка не будет...

— Оль, ты не с той стороны на проблему смотришь, — тихо сообщил жене Саша, — и скорее всего потому, что встала на позицию очень стороннего наблюдателя. Здесь, в СССР, мы ведь тоже немало сволочей терминировали — но спасли почти двадцать миллионов человек. Ты просто рассматривай Китай не как далекую зарубежную страну, а как добрых соседей.

— Я стараюсь...

— А еще, Оль, — дополнила Сашин «совет» Света, — нужно учитывать, что пока еще маоизм как идеология не сформировался, и если мы через экономику всунем в Китай идеологию правильную...

— Как бы еще Виссарионовичу правильную идеологию в голову внедрить, объяснить, что на первом месте у нас должно быть благосостояние нашего народа, а все Китаи — это если лишние средства как-то образуются.

— А вот это как раз моя работа, — широко улыбнулась Ира, — я ему эту мысль вдолблю. Буду ему на мозги капать, пока он не махнет рукой и скажет «делай что хочешь, только отстань». С Болгарией-то мы взаимовыгодный союз организовали, с немцами вроде неплохо получилось без выкидывания несчетных миллионов на поддержку их штанов за наш

счет — так что и про Китай он все же к нам прислушается. Спасибо, Оль, ты мне сильно помогла: я теперь точно поняла, как дальше Державой нашей править.

— И как? — изобразив на лице крайнюю степень любопытства, поинтересовался Вася.

— Очень просто: в любой непонятной ситуации спрашивать мнение народа. То есть ваше мнение — и вы мне все подробно объясните. Ведь вместе мы — сила, и хрен кто нам помешает сделать то, что мы хотим!

— А что мы хотим? — решил уточнить Валентин.

— Мирного неба над головой. И счастливой жизни в счастливой стране. Так ведь?

Новый год уже добрался до Берлина, а в небольшом домике неподалеку от Москвы два человека все еще «проводжали старый». Тоже не особо при этом веселясь. Хотя, откровенно говоря, собрались они здесь вовсе не ради праздника, и вообще приехали сюда минут пятнадцать назад из телестудии — а приехали вдвоем, поскольку несколько тем было необходимо обсудить как можно скорее. Например, проблему взаимоотношения с Венгрией, на которую вроде как американцы глаз положили — но когда рабочие вопросы закончились, на столе появилась бутылка «Киндзмараули», несколько тарелок с традиционными грузинскими закусками — и разговор перешел на темы, на первый взгляд от политика очень далекими:

— Лаврентий, а ведь они действительно считают меня стариком, — вроде как пожаловался приятелю Иосиф Виссарионович.

— Ну, молодым тебя точно никто не назовет, однако возраст тебе работать совершенно не мешает.

— Это ты верно сказал, но Гюльчатай Халматовна процитировала мне одну фразу из книжки, и она мне теперь покоя не дает.

— Какая цитата?

— Из Булгакова: «человек смертен, но это было бы еще полбеды. Плохо то, что он иногда внезапно смертен, вот в чем фокус!». И теперь я думаю, что будет, когда... Кто на страну встанет? Куда ее поведет?

— На меня не смотри, мне другая цитата тоже покоя не прибавляет. Из Светланы Юрьевны цитата, из ее характеристики на меня: «лучший кризисный менеджер двадцатого века, но управлять государством не в состоянии».

— Лучший кто?

— Она мне объяснила: это значит, что любую задачу, которую требуется решить кровью из носу и не считаясь с издержками, я могу решить лучше всех. Но тянуть лямку, заниматься рутинной — это не в моем характере, и я такую работу просто не потяну.

— Интересно, а кого они видят в руководстве страны после... ну, потом?

— Никого из девятки, это я точно знаю. Я... ты знаешь, насчет Булгакова — он, в общем-то, верно сказал. И я задумывался над этим вопросом...

— И что придумал? Это же будет именно кризис, а ты ведь у нас лучший кризисный... этот самый! Какого черта они все время англицизмы везде суют? Может, они английские шпионы? — Сталин даже рассмеялся, произнеся вслух эти слова.

— Климов свободно говорит на фарси и на испанском, неплохо на французском, а на английском — мне переводчики из НКВД говорили — скорее как высокообразованный индус. Точно не британский шпион. Суховы оба знают арабский, точнее сирийский диалект арабского, но не отлично. Сухова еще латынь, но все же скорее как врач, и вроде узбекский — но доподлинно известно, что она его уже в Боровичах зачем-то изучала, хотя, возможно,

это была и маскировка. Суворовы — английский на уровне «читать умеют, а говорить нет». Ирина Алексеевна на английском, по признанию переводчиков НКВД, говорит лучше британских принцесс, у нее великолепные французский и немецкий, хотя и там, и там акцент непонятный все же заметен. Лукьянов — непонятно, вроде может читать техническую литературу на английском, как и Смирновы. Нет, не тянут они на шпионов.

— И зачем ты мне это рассказал? В то, что они шпионы, я все равно не поверю, уж больно много они для страны сделали.

— Я просто пояснить, почему к ним и обратился, ничего толком не придумав. Так вот, Светлана Юрьевна предложила готовить, как она сказала, преемника — и назвала лучшим кандидатом секретаря Минского горкома.

— Так он же еще мальчишка!

— А Малышев, Устинов, Тевосян, Устинов, Косыгин — они что, древними старцами были? Кстати, Косыгина она предложила куда-нибудь подальше задвинуть... впрочем, я не о том сейчас. Она сказала, что нужно не выбирать из тех, кто уже посты министерские занял, а именно готовить — а это дело не быстрое.

— Внезапно смертен...

— Гюльчатой Халматовна сказала при этом, что если ты будешь слушаться врачей, которых она выбрала, то они лет десять минимум тебе гарантируют. Десять лет, как она сказала, именно активной жизни, и за это время этого Машерова ты натаскать сумеешь. А потом просто назначишь его генсеком и будешь смотреть, как он справляется, поправляя его, если он не туда рулить начнет. Они считают, что сейчас самое главное — это обеспечить преемственность власти. Чтобы ты эту преемственность обеспечил!

— А сами они...

— А им не до власти, — широко улыбнулся Берия, — у них семейные драмы. Они собрались на спутниках новых уже людей в космос запускать, так их старшие дети поголовно в космонавты записались. Лукьянова Каманина назначила руководителем центра подготовки космонавтов... почему-то они ставку сделали на КБ Королева, ему поручили космические корабли изобретать. И теперь все они заняты тем, что пытаются заставить Лукьянову выгнать своих детей из этого отряда, так что им вообще не до управления Союзом!

— Хм... интересно, во что это их развлечение может вылиться?

— Корабль у них на втором месте, на первом — спутники-разведчики. А люди в космосе нужны, чтобы оттуда за американцами следить, за их урановой программой: автоматика на это, по их словам, неспособна... пока не способна. Так что... Большая Девятка программу эту утвердила.

— Одно успокаивает: они точно не шпионы. Так, говоришь, Петр Машеров?

— Решать тебе. Но я, пожалуй, их предложение поддержу. Все же ты... если ты сам определишь, куда страна пойдет после тебя, и сам это увидишь — это будет правильно. А эта десятка из девятки — она и ему поможет, как помогла тебе... нам.

— Ты прав, так будет правильно. Хм... они ведь действительно обо всем заранее думают. Вообще обо всем. Даже о том, чтобы я смог умереть спокойно. На Луну, видишь ли, собрались... хотел бы я это увидеть.

— Увидишь. А что еще увидишь — этого мы уже не знаем. А уж сколько увидит этот Машеров...

— Он-то, может, и сам на Луну слетать сможет: они все делают не только качественно,

но и быстро. Но почему они все это делают, я так и не понял.

— Не почему, а зачем. Чтобы на пенсии сидеть на крылечке, пить чай из самовара и не волноваться за своих детей. И за всех детей СССР. И за взрослых. И вообще ни о чем не волноваться, потому что поводов для волнений больше не будет. Я случайно слышал, как кто-то из них говорил: нам осталось только нейтрализовать американцев — а с этим мы справимся. Потому что — это я их слова передаю — сталинский социализм непобедим. И этот социализм даст такой уровень развития науки и культуры, что мы пока и представить не можем. Может быть это странно, но я им верю... Я полностью убежден, что так оно и будет. Машерова ты в Москву вызовешь или Лукьянову попросить?

Больше книг на сайте - Knigoed.net